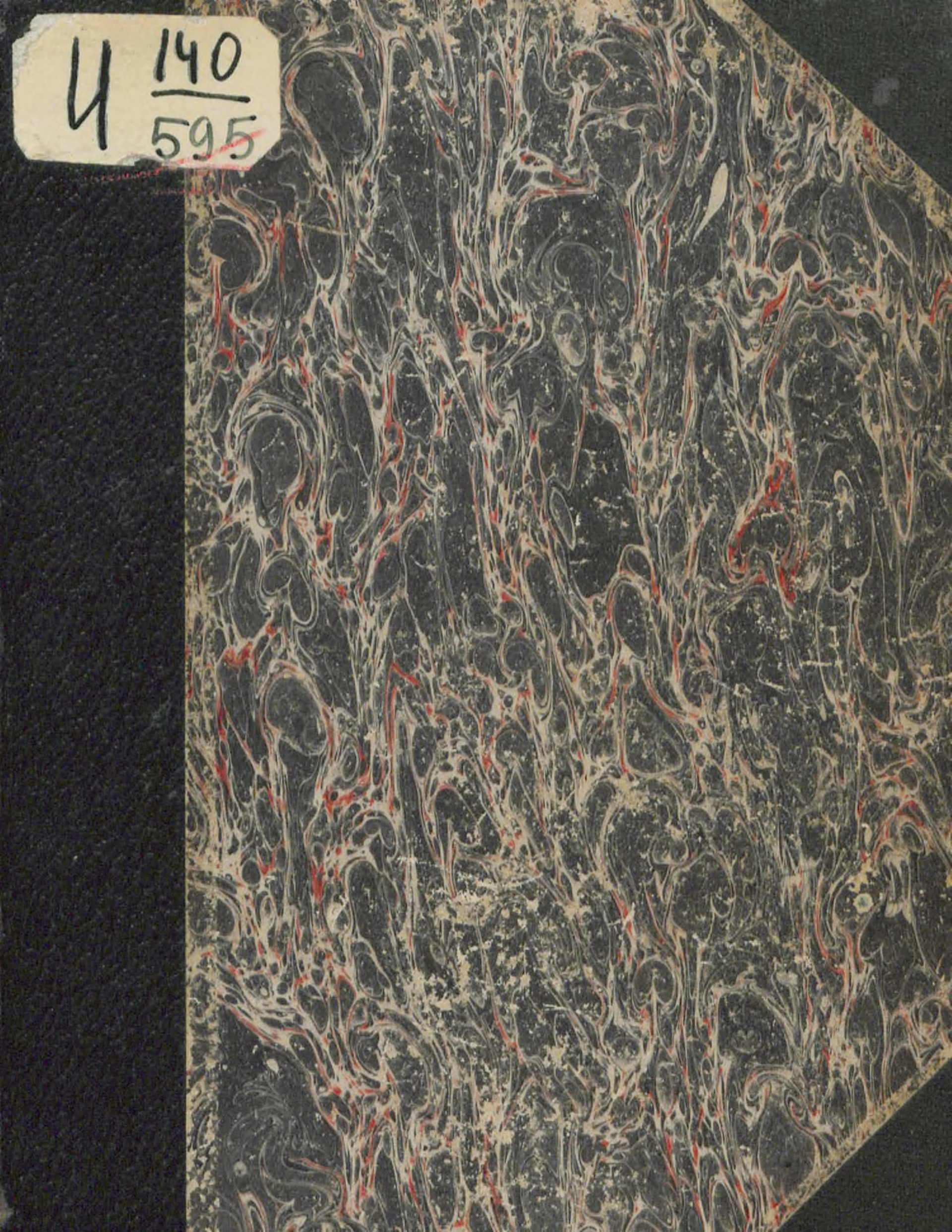
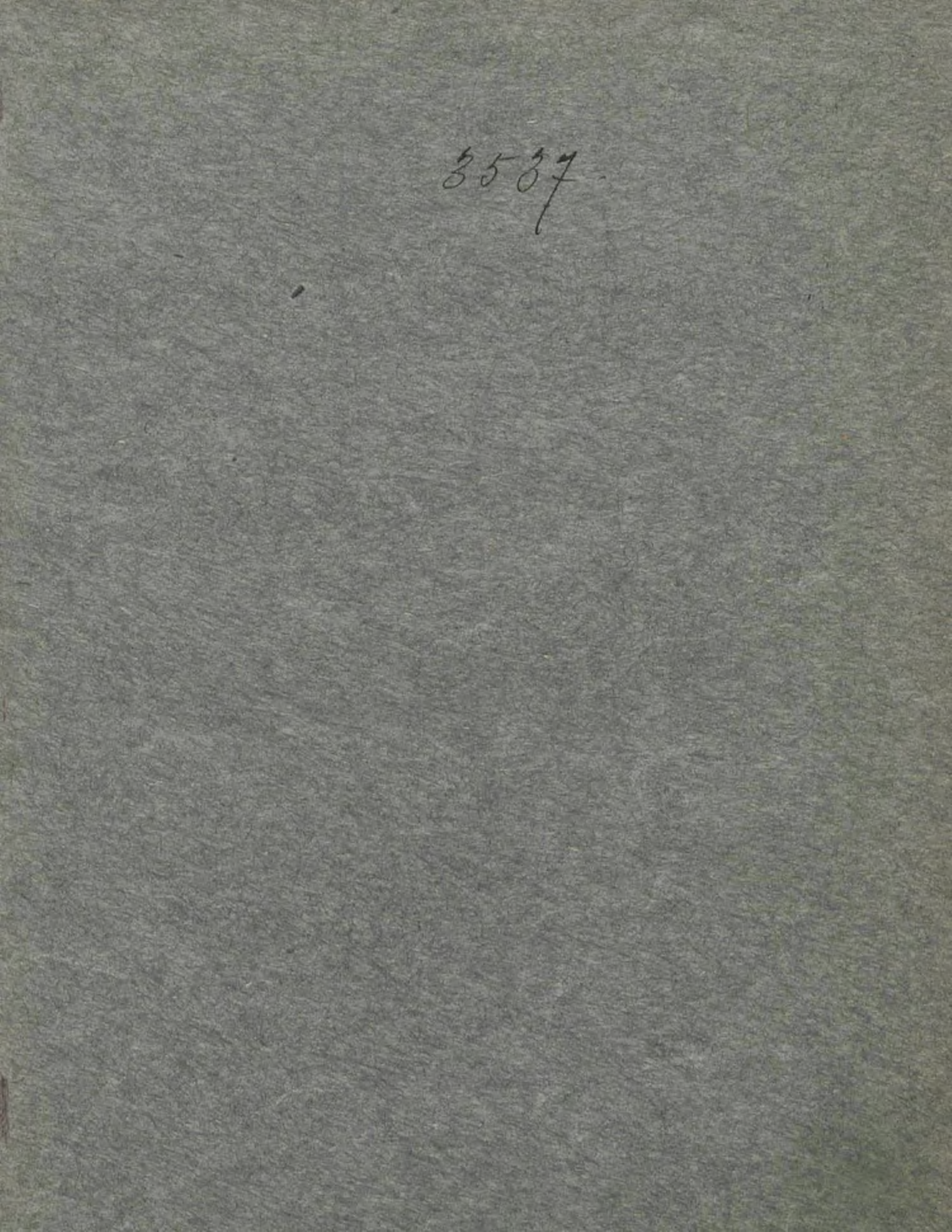
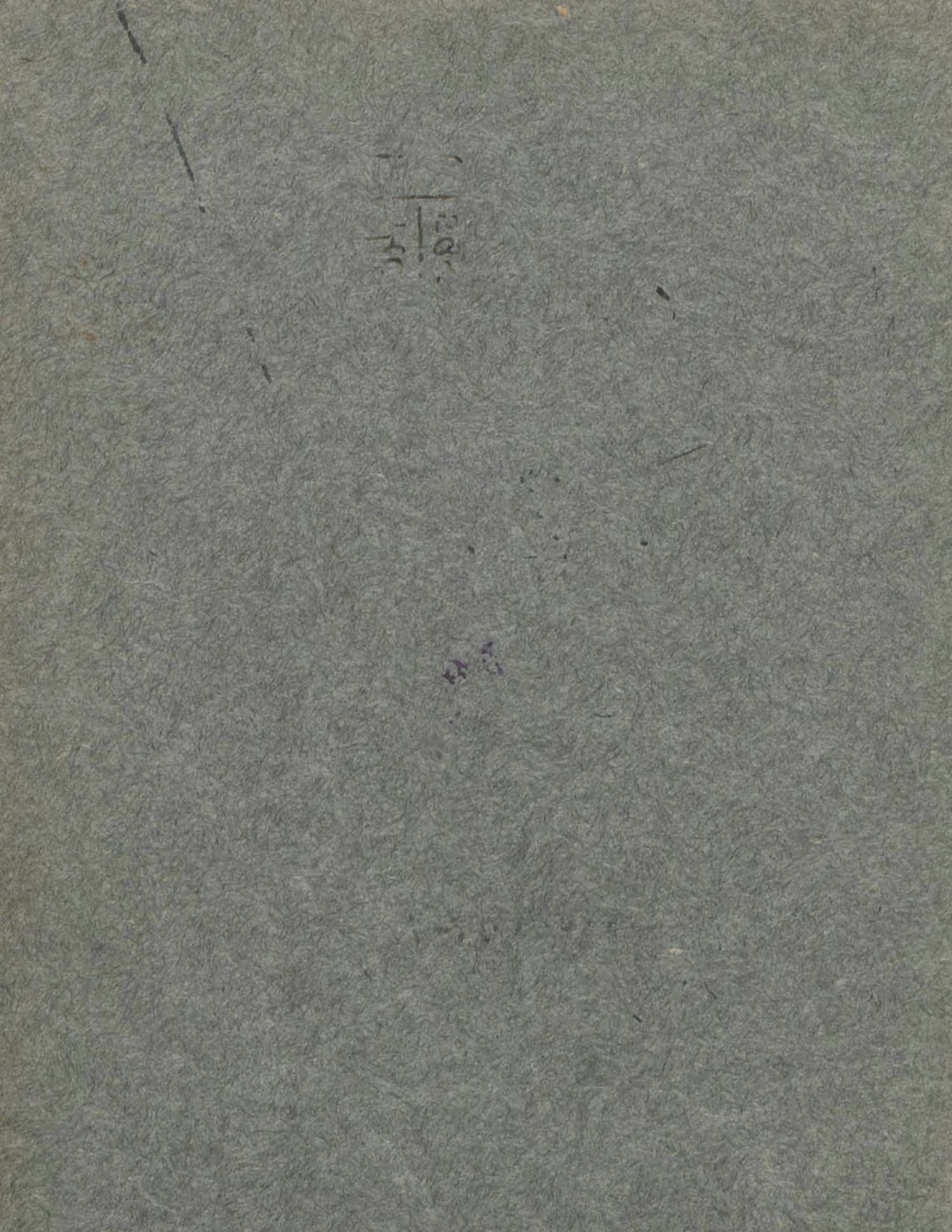

И 140/595


3537



Проф. Ш. Летурно.

НРАВСТВЕННОСТЬ

РАЗВИТІЕ ЕЯ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ И ДО НАШИХЪ ДНЕЙ

Полный переводъ со 2-го изданія, съ предисловіемъ автора и алфавитнымъ указателемъ, подъ редакціей д-ра медиц. **А. З.......го.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгоиздательство Н. С. Аскарханова.
6, Троицкая ул., 6.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Больш. Подъяческая, 39.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Уже одно заглавіе этой книги будетъ шокировать нѣкоторыхъ изъ читателей. Оно еще болѣе удивитъ всѣхъ тѣхъ, которые, будучи мало знакомы съ современнымъ философскимъ движеніемъ, довѣрчиво принимаютъ прежнія общія традиціонныя основныя положенія; въ большинствѣ ихъ головъ все еще живъ духъ прошедшихъ столѣтій. Въ этомъ нѣтъ ничего неестественнаго. Очень уже долго философія была совершенно отдѣлена отъ науки. Чисто теологическая или метафизическая, она не имѣла ничего общаго съ наблюденіями и изслѣдованіями. Нѣсколько отвлеченныхъ понятій, a priori, ловкихъ смѣшеній наивнаго анимизма первобытныхъ временъ,—вотъ все, что служило основаніемъ этой философіи. Эти намеки на идеи глубоко почитались и изъ нихъ дѣлалась масса отвлеченныхъ выводовъ, практически безполезныхъ. Для ума это являлось какъ бы упражненіемъ прыгающей въ колесѣ бѣлки, всякій прогрессъ исключался, такъ какъ приходилось за исходную точку брать мнимые принципы, считавшіеся неподлежащими изслѣдованію.

Но хороша или дурна, вѣрна или невѣрна философія извѣстной эпохи, она всегда отражаетъ умственное и общественное состояніе того времени, когда она народилась. Человѣчество, болѣе или менѣе цивилизованное, во времена, одновременно очень отдаленныя и очень близкія къ намъ, жило подъ суровымъ и деспотическимъ режимомъ. Люди сгруппировались въ различные касты, пользовавшіяся тѣмъ большими правами и меньшими обязанностями, чѣмъ выше они стояли на общественной лѣстницѣ. Все зданіе вѣнчалъ всемогущій монархъ, и если только онъ не былъ обожествленъ, то являлся на землѣ пред-

ставителемъ Бога или боговъ. На такой точкѣ общественнаго развитія, даже и тамъ, гдѣ власть не была сосредоточена исключительно въ рукахъ духовенства, управляющіе всегда стремятся къ всемогуществу и обладаютъ твердой вѣрой въ свое всевѣдѣніе. Сверху диктуютъ людямъ не только то, что они должны дѣлать, но еще и то, во что они должны вѣровать; всякое новшество является подозрительнымъ, всякая перемѣна воспрещенной, всякому прогрессу ставится препятствіе. Теологія замѣняетъ философію; она господствуетъ и, чтобы спорить съ нею, нужно обладать большою смѣлостью. Для свободной мысли нѣтъ вовсе мѣста на солнцѣ.

Но мало-по-малу (цѣной какихъ усилій!) наука нарождается, растетъ, пріобрѣтаетъ извѣстную силу, а затѣмъ связи, опутывавшія пытливость ума, падаютъ, но на мысли сохраняются слѣды отъ нихъ; мысль была такъ долго подавлена, развѣ возможно, чтобы она сразу воспрянула? Еще не рискуютъ смѣло отвергнуть всю теологію, а стараются сдѣлать ее раціональной. И вотъ отсѣкаютъ то одну вѣтвь, то другую. Въ такомъ изуродованномъ видѣ теологическое древо кажется менѣе абсурднымъ, но оно уже мертво; теологія исчезла; она стала метафизикой. Польза отъ этого получилась ничтожная. Какъ ея почтенная матушка, метафизика также не зависитъ отъ науки; она продолжаетъ предписывать умственный застой и къ нему пріучаетъ, провозглашая мнимыя истины внушенными, неоспоримыми и неизмѣнными.

Теологическое или метафизическое состояніе ума было присуще цѣлому ряду поколѣній, предшествовавшихъ намъ, и еще вчера подобное состояніе ума было нашимъ собственнымъ. Но психическія основныя убѣжденія (modalités psychiques) нервныхъ центровъ, въ широкихъ размѣрахъ, передаются по наслѣдству. Мы родимся какъ бы съ закрѣпленными мыслями; столь продолжительная дрессировка нашихъ предковъ оставила слѣды и на насъ; вотъ почему большинство умовъ такъ противится прогрессу, и въ особенности такъ склонно вѣрить, безъ провѣрки, во все то, что людской родъ, въ теченіе столѣтій, признавалъ безспорными истинами. Но между этими якобы истинами, внушенными или открытыми, есть такія, которыя

являются основой практической нравственности; и эту практическую нравственность наши предки объявили неизмѣнной, какъ было неизмѣнно ихъ общественное положеніе. Старый міръ развалился, онъ еще больше развалится. Теперь все является вопросомъ, но философская складка осталась и до сихъ поръ; намъ проповѣдуютъ, что въ душѣ каждаго человѣка, къ какой бы странѣ и расѣ онъ не принадлежалъ, живутъ врожденныя нравственныя идеи, которыми онъ руководствуется всю свою жизнь. Между тѣмъ наблюденія показываютъ, что ни одна положительно идея не является внушенной отъ рожденія, а что есть наслѣдственныя наклонности, происхожденіе которыхъ возможно отыскать.

Пока естественныя науки находились на положеніи наукъ несовершеннолѣтнихъ, подобныя положенія могли пользоваться большимъ довѣріемъ, тѣмъ болѣе, что эти положенія были провозглашены слишкомъ высокими и не подлежащими изслѣдованію. Но послѣ того цѣлая армія ученыхъ принялась за работу и, невольно, разсѣяла всю метафизику старинной этики. Благодаря терпѣливымъ и многочисленнымъ наблюденіямъ, намъ стала теперь понятной психологія животнаго, ребенка, дикаря, сумасшедшаго, преступника. Послѣ такого разслѣдованія ученіе о существованіи врожденныхъ нравственныхъ идей должно было исчезнуть.

Корень происхожденія и появленія нравственныхъ и безнравственныхъ наклонностей былъ изслѣдованъ до самаго источника. Съ другой стороны изъ этнографіи и исторіи намъ извѣстно, что человѣческія общества развиваются постепенно и что этика мѣняется, по необходимости сообразуясь съ потребностями общества.

Наконецъ, и это самое главное, наша точка зрѣнія на міръ совершенно измѣнилась. Умственное развитіе уже не прежнее. Мы теперь знаемъ и удивляемся, какъ мы не могли раньше замѣтить, что въ мірѣ все непрерывно измѣняется, что все развивается въ хорошую или дурную сторону, что доктрина неподвижности есть только мечта метафизиковъ. Наши предки ненавидѣли перемѣны, мы же ихъ жаждемъ.

Кромѣ того нашъ умъ, освободившись отъ старинныхъ оковъ,

привыкаетъ къ свободѣ. Мы вполнѣ довольны, если поднимаются вопросы, считавшіеся до сихъ поръ запретными, при одномъ только условіи, чтобы рѣшались они научнымъ методомъ. Всѣми нравственными, психологическими и т. п. основными началами, находившимися ранѣе въ исключительномъ вѣдѣніи метафизики, наука теперь завладѣваетъ, прилагаетъ къ нимъ свой методъ и оживляетъ ихъ.

Такъ новая этика уже на пути къ сформированію. Самая тонкая критика переоцѣнила всѣ прошлые нравственные догматы, она потребовала отъ нихъ доказательствъ и отвергла всѣ тѣ, въ основѣ которыхъ не было правильно понимаемой общественной пользы.

Вотъ именно этимъ новымъ духомъ проникнуты всѣ послѣдующія страницы этого труда.

У меня одна только цѣль—это изложить исторію развитія нравственности, начиная съ самаго возникновенія общества и до нашихъ дней. Я старался показать, какъ появилась на свѣтъ нравственность, какъ и подъ чьимъ вліяніемъ она развилась, каковы были ея стремленія въ прошлыя времена и каковы будутъ въ будущія. Но я остерегался формулировать что нибудь похожее на заповѣди. Это дѣло вдохновенныхъ пророковъ. Тѣмъ не менѣе, изъ моего изложенія вытекаютъ нѣкоторые главные нравственные выводы. Можетъ быть, они принесутъ извѣстную пользу моралистамъ, педагогамъ и законодателямъ. По крайней мѣрѣ, это—мечта, которой я люблю себя убаюкивать.

Ш. Летурно.

Отъ редактора перевода.

Въ своемъ трудѣ Летурно дѣлаетъ, въ выноскахъ, многочисленныя указанія на источники, которыми онъ пользовался. Я нашелъ, что для русскаго читателя, не знакомаго съ французскимъ языкомъ, всѣ эти указанія были бы совершенно безполезны, такъ какъ большинство указываемыхъ Летурно сочиненій на русскій языкъ не переведено. Вотъ почему всѣ эти ссылки въ выноскахъ мною исключены.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ЖИВАЯ ДОИСТОРІЯ.

Исторія цивилизацій.—Ея объемъ.—Необходимость примѣненія къ ней эволюціонной теоріи.—Выводъ изъ доисторіи.—Ея фазы.—Историческій періодъ находится въ связи съ неолитическимъ.—Историческія свайныя постройки.—Большая аналогія между ремеслами и нравами доисторическихъ людей и современныхъ дикарей.—Анатомическое сходство между доисторическими расами и современными дикими расами.—Современная доисторія.—Она проливаетъ свѣтъ на исчезнувшую доисторію и на соціальное развитіе человѣческаго рода.—Эволюціонная психологія

I.

Мнѣ поручено изложить *исторію цивилизаціи*, т. е. исторію соціальнаго, нравственнаго и умственнаго развитія человѣческаго рода. Это поле—громадное. Принимаясь за его разработку, я нахожусь въ положеніи, аналогичномъ съ положеніемъ первыхъ доисторическихъ землевладѣльцевъ, когда въ ихъ неразвитыхъ умахъ родилась мысль вспахивать землю или, вѣрнѣе, продѣлывать въ ней ямки и сыпать туда зерна, что и теперь еще дѣлаютъ многіе современные дикари, употребляя для этого оленьи рога или заостренные на концахъ колья. Для добросовѣстнаго выполненія принятой на себя обширной задачи необходимо обладать громадной эрудиціей, владѣть всѣми человѣческими знаніями, такъ какъ при многочисленности и разнообразіи цивилизацій ихъ можно разсматривать со всевозможныхъ точекъ зрѣнія. Вотъ почему я вынужденъ буду дѣлить и подраздѣлять свой предметъ, подвигаться впе-

редъ путемъ спеціальныхъ постепенныхъ изслѣдованій, разсматривая каждый годъ лишь одинъ изъ видовъ общественной дѣятельности.

По исторіи цивилизаціи появилось множество трудовъ, изъ нихъ нѣкоторые пользуются извѣстностью. Я употребляю слово «исторія» въ единственномъ числѣ, такъ какъ авторы этихъ сочиненій почти всегда ограничивались въ своихъ трудахъ лишь историческими источниками. Но это все равно, что срывать цвѣты, не обращая вниманія на стебель и корни. Великіе мыслители, прилагавшіе подобный несовершенный методъ, тѣмъ не менѣе достигли блестящихъ результатовъ. Трудъ Бокля, напримѣръ, будетъ всегда читаться съ интересомъ и восхищеніемъ. Но за послѣдніе тридцать лѣтъ народилось великое ученіе—теорія эволюціи, которой суждено обновить всѣ отрасли человѣческаго знанія. Благодаря ей явился также новый методъ, который заботится о корняхъ и первоисточникахъ и, тщательно выслѣдивъ ихъ, отмѣчаетъ на разстояніи временъ и пространствъ ходъ развитія явленій и живыхъ существъ. Ни одна наука не пользовалась въ столь широкихъ размѣрахъ, какъ антропологія, этой плодовитой теоріей. На этотъ путь, по примѣру моихъ ученыхъ предшественниковъ и коллегъ, придется и мнѣ вступить. Источники, первыя фазы цивилизаціи всюду и среди всѣхъ расъ еще очень мало извѣстны, а между тѣмъ какъ ярко они освѣщаютъ высшія фазы цивилизаціи, которыя, неизбѣжно, должны были изъ нихъ возникнуть. Чтобы дать объ этомъ понятіе, мнѣ достаточно будетъ набросать въ крупныхъ чертахъ картину первобытныхъ, минувшихъ цивилизацій и сблизить ихъ съ первобытными цивилизаціями существующими, современными,—однимъ словомъ, свести на очную ставку мертвой доисторію съ доисторіей живой.

II.

Общіе итоги терпѣливаго и добросовѣстнаго изученія, предметомъ котораго была доисторія за послѣдніе тридцать лѣтъ въ Европѣ, могутъ быть резюмированы довольно кратко.

Если даже оставить въ сторонѣ вопросъ о третичномъ человѣкѣ и имѣть въ виду лишь теперь неоспариваемые и неоспоримые факты, то несомнѣнно, что человѣкъ существовалъ въ Европѣ уже въ четвертичный періодъ, и въ общемъ мы знаемъ, чѣмъ онъ былъ и каковъ былъ образъ его жизни.

Это дѣйствительно былъ человѣкъ, но онъ былъ еще на самой низшей ступени дикаго состоянія. Въ качествѣ оружія и орудій труда онъ употреблялъ камни, сперва просто грубые осколки, потомъ обтесанные, чаще кремни. Почти всегда кочевникъ, а потому охота была главнымъ источникомъ его пропитанія; лѣса были тогда очень богаты дичью. По берегамъ онъ охотно питался молюсками, такъ какъ рыболовъ онъ былъ плохой; и тогда онъ останавливался, на болѣе или менѣе продолжительное время, въ разныхъ мѣстахъ побережья, гдѣ мы еще до сихъ поръ находимъ значительные кучи брошенныхъ имъ раковинъ, такъ называемыхъ «кухонныхъ остатковъ».

Метательный лукъ долго не былъ извѣстенъ доисторическому человѣку, пользовавшемуся для охоты, а въ случаѣ надобности и для боя рогатинами, дубинами и болѣе или менѣе грубо придѣланными къ рукояткѣ заостренными кремнями. Довольно продолжительное время форма этихъ обдѣланныхъ кремней отличалась малымъ разнообразіемъ, такъ какъ первобытный человѣкъ (называемый Мортійе chellèen) умѣлъ, повидимому, приготовлять одинъ каменный инструментъ и при томъ въ самомъ грубомъ видѣ. Но европеецъ четвертичнаго періода зналъ уже употребленіе огня; это было даже одно изъ величайшихъ открытій, сдѣланныхъ до тѣхъ поръ человѣчествомъ; сдѣлано оно было въ весьма отдаленную эпоху, предшественниками людей третичнаго періода. Впрочемъ, изъ огня, этого источника массы послѣдующихъ улучшеній, тогда извлекали мало пользы, даже не думали еще о выдѣлкѣ гончарныхъ предметовъ.

Постояннаго жилища не было. Жили, гдѣ попало: въ гротахъ, въ защищенныхъ скалами мѣстахъ, изрѣдка въ пещерахъ, слишкомъ часто занятыхъ страшными первыми обитателями, могучими хищными животными, съ которыми первобытный человѣкъ неохотно вступалъ въ борьбу. Тѣ изъ мо-

ихъ читателей, которые имѣли случай видѣть черепа пещернаго медвѣдя или, еще лучше, полный его скелетъ, который былъ выставленъ на парижской выставкѣ 1867 года, поймутъ безъ труда, какъ остороженъ долженъ былъ быть человѣкъ первыхъ временъ четвертичнаго періода. Другія животныя, еще болѣе опасныя: *Elephas antiquus*, *Rhinoceros Merkii*, *Rhinoceros tichorhinus*, *Elephas primigen'us*, дѣлали участь людей, жившихъ въ началѣ четвертичнаго періода (chelléens) и въ періодъ обтесаннаго съ одной стороны кремня (moustériens), не особенно завидной. Въ сущности первобытный человѣкъ четвертичной эпохи одинаково часто являлся въ роли дичи, какъ и въ роли охотника.

Но какъ близокъ не былъ этотъ дикарь къ животному, онъ все-таки являлся продуктомъ долго и медленно прогрессирующей эволюціи, и, будучи самъ въ своемъ родѣ факторомъ прогресса, готовилъ отдаленнымъ поколѣніямъ лучшія судьбы

Постепенно онъ измѣнилъ способъ обтесыванія своихъ кремней, сталъ изготовлять рѣзцы, пилы, скребки, служившіе ему для очистки костей, выдѣлки кожъ, тамъ, гдѣ климатъ принуждалъ его носить одежду. Къ тому же до ледяного періода онъ обыкновенно ходилъ голымъ, такъ какъ на относящемся даже къ концу четвертичнаго періода рисункѣ, найденномъ въ Лонжери, сохранилось изображеніе совершенно голаго охотника на быковъ.

Но въ этотъ періодъ своего развитія умъ четвертичнаго человѣка уже значительно расширился. Обтесываніе каменныхъ инструментовъ стало болѣе искуснымъ. Выдѣлывались отточенные на обѣ стороны рѣзцы, зазубренные рѣзцы и т. п. Въ особенности проглядывало стремленіе замѣнить, во многихъ случаяхъ, камень костью или рогами животныхъ, т. е. матеріалами, которые поддавались болѣе разнообразной и тонкой обработкѣ. Уже зазубренные гарпуны, найденные на островѣ Магдалины, являются искуснымъ оружіемъ, а бороздки, проведенныя на ихъ лезвіяхъ, повидимому, ясно указываютъ на то, что ихъ владѣльцы умѣли наполнять ихъ ядомъ.

Съ этого времени четвертичный человѣкъ былъ менѣе безо-

руженъ въ борьбѣ за существованіе и получилъ нѣкоторую передышку, явился досугъ для того, чтобы поработать немного головой; онъ имъ воспользовался и сдѣлалъ большой шагъ въ умственной области: первобытный человѣкъ сталъ художникомъ и создалъ графическія и пластическія искусства. Я могу здѣсь лишь мимоходомъ упомянуть о любопытныхъ предметахъ первобытнаго искусства, несомнѣнно крайне наивнаго, но уже свидѣтельствовавшаго о твердости руки, вѣрности глаза и точности наблюденія. Эти предметы пользуются теперь большой славой и извѣстны почти всѣмъ.

Благодаря тѣмъ же досугамъ и художественному вкусу, возникла потребность въ украшеніи. Въ маленькихъ выдолбленныхъ чашечкахъ толкли цвѣтныя минеральныя вещества; скребли желѣзную руду кровавикъ, дающую хорошую красную краску, которой пользовались для румянъ. Кромѣ того, носили просверленныя раковины и зубы животныхъ въ видѣ подвѣсковъ, ожерелій, поясовъ.

Мортійе, въ своемъ сочиненіи «Доисторія», говоритъ, что человѣкъ четвертичнаго періода отличался ребяческой непредусмотрительностью, такъ какъ онъ вырѣзывалъ орнаментные рисунки на приготовляемой утвари до окончательной отдѣлки, вслѣдствіе чего портилъ художественную работу.

Чувство привязанности у этого неискуснаго художника несомнѣнно было слабо развито; такъ какъ онъ не зналъ никакихъ погребальныхъ обрядовъ, то своихъ покойниковъ, по примѣру остальныхъ животныхъ, бросалъ. Съ другой стороны, можно смѣло утверждать, что у него и воображеніе было такъ же слабо развито, какъ и чувство привязанности. Дѣйствительно, въ числѣ сохранившихся образчиковъ искусства, найденныхъ на островѣ Магдалины, нѣтъ ни одного, носящаго религіозный характеръ, что, впрочемъ, вполнѣ подходитъ къ обычаю животныхъ бросать трупы.

Подобное существованіе, подобная низкая степень умственнаго развитія не могли вызвать къ жизни сложнаго соціальнаго строя, а потому можно смѣло сказать, что ископаемый обитатель Европы жилъ кочующими ордами, очень немногочисленными, вродѣ современныхъ антропоидныхъ обезьянъ.

До этой эпохи можно было прослѣдить, шагъ за шагомъ, жизнь обитателя Европы и установить, что эволюція его, хотя и очень скромная, тѣмъ не менѣе была прогрессивной. Современному цивилизованному человѣку, наслѣднику весьма многочисленныхъ поколѣній, съ трудомъ отстаивавшихъ свое право на существованіе, несмотря на гибельныя условія естественной среды, безпрестанную борьбу съ соперниками животными и людьми, эти успѣхи должны казаться очень скромными. Тѣмъ не менѣе, они служили необходимой точкой отправленія всѣхъ послѣдующихъ завоеваній, подобно тому, какъ зародышъ является начальнымъ моментомъ въ развитіи индивида. До сихъ поръ эти завоеванія отличались,—что особенно важно,—постепенностью и непрерывностью.

Но эта непрерывность нарушается между человѣкомъ четвертичнаго періода и его преемникомъ, человѣкомъ неолитическимъ, человѣкомъ періода полированнаго камня, человѣкомъ robenhousien, какъ называетъ его Мортійе. Вслѣдствіе геологическихъ и климатическихъ измѣненій, повлекшихъ за собою переселеніе животныхъ и соотвѣтственные перевороты въ фаунѣ, четвертичный человѣкъ, повидимому, исчезъ въ извѣстную эпоху въ нѣкоторыхъ полосахъ Европы и былъ замѣщенъ, спустя, несомнѣнно, довольно продолжительный промежутокъ времени, преемникомъ высшаго и при томъ весьма отличнаго типа. Новый дѣятель, вступая тогда на міровую арену, утратилъ художественное чувство, открывшее его предшественнику частицу идеала, но зато онъ знакомъ съ гончарнымъ производствомъ, земледѣліемъ и обладаетъ домашними животными. Онъ умѣетъ строить искусственные или полуискусственные гроты, то вырытые въ известковыхъ слояхъ, то въ мегалитическихъ. Его погребаютъ въ нихъ послѣ его смерти, но въ тѣхъ же гротахъ онъ часто живетъ при жизни. Во всякомъ случаѣ, онъ уже начинаетъ сильно задумываться о загробной жизни, къ которой четвертичный человѣкъ относился съ полнымъ пренебреженіемъ. Воображеніе тревожитъ его; у него есть амулеты и фетиши. Вмѣстѣ съ неолитическимъ человѣкомъ выступаетъ на сцену мифологія, такъ сильно занимавшая человѣчество, вызвавшая такую массу заблужденій, такъ терзавшая

его, а иногда приносившая ему и утѣшенія, начиная отъ этихъ столь отдаленныхъ временъ и до нашихъ дней.

Между орудіями труда и вооруженія неолитическаго человѣка каменный топоръ играетъ большую роль. Топору этому человѣкъ умѣетъ придать весьма правильную форму и сдѣлать его совершенно гладкимъ, тѣмъ не менѣе онъ часто прибѣгаетъ къ луку и артистически оттачиваетъ изящныя остроконечія треугольныхъ, иногда сквозныхъ стрѣлъ. Съ этого времени ходъ прогресса ускоряется, такъ что къ концу неолитическаго періода, т. е. на зарѣ историческихъ временъ, обитатель Европы не живетъ больше въ гротахъ и естественныхъ пещерахъ. Иногда онъ устраиваетъ искусственныя пещеры; чаще строитъ себѣ на берегу озеръ жилища на сваяхъ. Человѣкъ свайнаго періода является нашимъ непосредственнымъ предшественникомъ. Онъ уже приручилъ нашихъ главнѣйшихъ домашнихъ животныхъ; производитъ наиболѣе важные хлѣбные злаки; умѣетъ даже приготовлять грубый хлѣбъ и, можетъ быть, бродящіе напитки. Кромѣ того, онъ умѣетъ ткать матеріи, рыть каналы и т. п. Для полнаго сходства съ нашими первыми историческими предками, ему не достаетъ въ началѣ только металловъ, но вскорѣ онъ открываетъ ихъ и знакомится съ ихъ употребленіемъ. Вполнѣ естественно, что этотъ человѣческій типъ, лучше одаренный отъ природы, чѣмъ предшествующій, размножается, образуетъ болѣе плотное населеніе, болѣе скученное, почему лучше дифференцированное,—съ вождями во главѣ и, вѣроятно, съ зачатками общественнаго строя. Мы уже сказали, что человѣкъ неолитическаго періода появился, повидимому, непосредственно за человѣкомъ четвертичнаго періода. Тѣмъ не менѣе въ этомъ нельзя видѣть послѣдствія переворота à la Кювье. Новое племя, дѣйствительно, появилось въ Европѣ; но оно пришло сюда отчасти съ Востока и навѣрное съ Юга, потому что есть сходство между ментонскимъ человѣкомъ и канарійскими гуанчами, а этихъ послѣднихъ съ берберами. Но человѣкъ предшествующаго періода не былъ истребленъ. Онъ только отступилъ передъ суровымъ климатомъ, чтобы снова появиться послѣ ледяного періода. Доисторическіе остатки костей указываютъ намъ на то, что первобытный длинноголовый жилъ

совмѣстно съ побѣдителемъ короткоголовымъ. Иногда, какъ въ Гренеле, встрѣчаются посредствующіе типы, свидѣтельствующіе о помѣси. Кромѣ того, на это смѣшеніе указываютъ ремесла, такъ какъ всюду обтесанный камень продолжаетъ существовать наряду съ полированнымъ, который, повидимому, является чаще предметомъ роскоши и употребляется только людьми богатыми или вліятельными.

III.

Что у цивилизованныхъ народовъ предками были именно эти менѣе грубые дикари неолитическаго періода, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія. Въ концѣ такъ называемаго неолитическаго періода до-историческая археологія переходитъ въ историческую; бронза присоединяется тогда къ полированному камню подобно тому, какъ послѣдній присоединился къ обтесанному камню; затѣмъ галло-римлянинъ безспорно связываетъ достовѣрную исторію съ послѣдними временами до-исторіи. Наконецъ, филіяція, обнаруживающаяся благодаря индустріи, подтверждается, время отъ времени, атавистическими возвращеніями, свидѣтельствующими о родствѣ расъ. Мы видимъ, что, временами, вдругъ появляется новый типъ, давно уже исчезнувшій; такъ, нѣкоторые изъ нашихъ современниковъ родятся съ черепомъ, носящимъ всѣ отличительные признаки черепа Неандерталя, т. е. черепа четвертичнаго человѣка. К. Фохтъ нашелъ ихъ у одного знакомаго ему доктора медицины. Наконецъ, въ одномъ очень интересномъ сочиненіи Бордье указываетъ, что онъ нашелъ среди нашихъ преступниковъ много такихъ, которые, по формѣ своего черепа, принадлежатъ къ періоду полированнаго камня и воспроизводятъ всѣ отличительные признаки подобнаго черепа.

Множество разсказовъ и свидѣтельствъ, подтверждающихъ палеолитическія и неолитическія данныя разсѣяно также въ греческой и латинской литературахъ. По правдѣ сказать, преданіе о древнемъ каменномъ вѣкѣ было очень распространено въ греко-римскомъ мірѣ. Я приведу нѣкоторые изъ этихъ документовъ.

Лукрецій оставилъ намъ изображеніе первобытныхъ людей, вполнѣ согласное съ фактами, установленными доисторической археологіей:

«Nul mortel.... *)
Ne connaissait le fer; nul de ses bras robustes
Ne traçait de sillons de ne plantait d'arbustes.

. . . .

Ne sachant même pas faire à leurs membres nus
Un grossier vêtement des dépouilles des bêtes,
Aux *cavités des monts* se cherchant des retraites,
Tapis sous les forêts, de broussailles converts,
Ils évitaient la pluie et l'injure des airs.

. . . .

La faim était leur guide et la force leur loi.

. . . .

Leurs pieds étaient légers et leurs mains vigoureuses
Et les pierres, de loin, les lourds bâtons de près
Abattaient sous leurs coups les monstres des forêts.»

De natura rerum (Tr. A. Lefèvre).

Геркулесъ со своей шкурой вмѣсто одежды и деревянной палицей служитъ, повидимому, мифическимъ олицетвореніемъ этихъ древнихъ преданій; сюда же слѣдуетъ присоединить и циклоповъ-троглодитовъ, о которыхъ разсказываетъ Гомеръ.

По Плинію, аѳиняняне Эвріалъ и Гипербій изобрѣли дома: «*Antea specus erant pro domibus*». (Liv. VII, § 57).

Діодоръ также намъ рисуетъ первый людей, какъ жалкихъ дикарей, голыхъ, безъ пристанища, безъ огня, зимою скрываю-

*) Никто изъ смертныхъ не зналъ желѣза; никто своими здоровенными руками не проводилъ бороздъ на землѣ и не сажалъ кустовъ растеній. Не умѣя даже изготовить своими руками себѣ грубой одежды изъ звѣриныхъ шкуръ, ютясь въ горныхъ пещерахъ, прячась въ лѣсахъ подъ кустами шиповника, они спасались отъ дождя и непогоды. Ими руководилъ голодъ, а сила была ихъ закономъ. Ихъ ноги не знали усталости, а руки были сильны. Камнями издали, а тяжелыми палками вблизи они убивали лѣсныхъ чудовищъ.

щихся въ пещерахъ. (Кн. I, 8). Онъ разсказываетъ намъ объ ихтіофагахъ, жившихъ совсѣмъ голыми въ пещерахъ на берегу Персидскаго залива, питавшихся рыбой, раковинами, тюленями и другими морскими животными, которыхъ они тутъ же на берегу распластывали острыми камнями. (Кн. III, 14, 15). Тѣ же изъ ихтіофаговъ, которые не находили гротовъ, строили себѣ убѣжища изъ подпертыхъ и переплетенныхъ морскими травами реберъ китовъ. Другіе рыли логовища въ громадныхъ кучахъ водорослей, скрѣпленныхъ пескомъ, т. е. устраивали себѣ искусственные гроты. (Кн. III, 18). Они не питали никакого чувства къ покойникамъ и просто бросали ихъ въ море. (Тамъ же).

Есть еще, продолжаетъ онъ, настоящіе троглодиты, которые сражаются камнями или стрѣлами и душатъ своихъ сородичей стариковъ и калѣкъ, если тѣ сами не спѣшатъ покончить съ собою. (Тамъ же).

Затѣмъ слѣдуютъ ливійцы, которые выходятъ на бой съ тремя стрѣлами и нѣсколькими камнями въ кожаномъ мѣшкѣ; они относятся безчеловѣчно къ иностранцамъ. (Тамъ же, XLVIII); кельты, придерживающіеся дикихъ обычаевъ, между прочимъ, обычая убивать иностранцевъ. Этотъ обычай приносить иностранцевъ въ жертву былъ, впрочемъ, всеобщимъ, такъ какъ аргонавты нашли его также въ Колхидѣ. (Тамъ же, XLVI).

Платонъ говоритъ, въ свою очередь, объ эпохѣ, слѣдовавшей за потопомъ, когда люди уже болѣе не знали употребленія металловъ и жили семьями, группировавшимися вокругъ старѣйшаго въ родѣ, «подобно цыплятамъ вокругъ своей матери».

Укажемъ еще на религіозные обряды, къ которыхъ являются какъ бы застывшіе древніе обычаи. Въ жертвоприношеніи, предшествовавшемъ битвѣ Горацієвъ, жертву закалывали каменнымъ ножемъ. (Титъ Ливій, кн. I, 24).

Передъ тѣмъ, какъ превращать покойниковъ въ муміи, египтяне, по словамъ Геродота (кн. II, 86), вынимали изъ нихъ кишки при помощи надрѣза, дѣлаемаго ножемъ изъ такъ называемаго «эфіопскаго камня».

Кромѣ того, мы находимъ все у того же Геродота описаніе озерной деревни на сваяхъ или тѣхъ самыхъ «палафитахъ», открытіе которыхъ въ Швейцаріи составило цѣлое археологиче-

ское событіе. Я приведу это мѣсто, такъ какъ оно очень мало извѣстно. Рѣчь идетъ о фракійскихъ пеонійцахъ. «Посреди воды на длинныя сваи положены доски; входъ со стороны земли образуетъ единственный узкій мостъ. Уже давно граждане на общій счетъ вбили сваи, поддерживающія настилку и затѣмъ, для дальнѣйшаго поддержанія ихъ, установили слѣдующій законъ; каждый мужчина обязанъ, при вступленіи въ бракъ, вбить три сваи, принеся лѣсъ для нихъ съ Орбельской горы, но каждый мужчина у нихъ беретъ нѣсколько женщинъ въ жены. Живутъ они слѣдующимъ образомъ: каждый изъ нихъ имѣетъ на своихъ сваяхъ хижину, въ которой онъ и живетъ, причемъ въ полу хижины сдѣланъ люкъ, открывающійся въ озеро. Дѣти всегда привязаны за одну ногу тростниковой веревкой изъ боязни, чтобы они не упали въ озеро. Они кормятъ своихъ лошадей, и другой скотъ рыбой, которой такъ много, что стоитъ только открыть люкъ и спустить на веревкѣ въ озеро корзину, чтобы черезъ очень короткій промежутокъ времени вытащить ее полной». (Исторія, кн. V, 16).

Подобныхъ примѣровъ можно было привести массу. Мнѣ достаточно того, что я установилъ тотъ фактъ, что, наперекоръ преданію о золотомъ вѣкѣ, древніе считали себя потомками доисторическихъ дикарей, послѣдніе представители которыхъ еще жили около нихъ.

Итакъ, вполнѣ доказано, съ одной стороны, что человѣчество четвертичнаго періода, а можетъ быть и третичнаго, жило въ Европѣ задолго до начала исторіи и, съ другой стороны, что изъ этого первобытнаго и медленно прогрессирующаго человѣчества произошли какъ народы классической древности, такъ и варвары, которые ихъ окружали.

Несмотря на недостаточность археологическихъ раскопокъ, произведенныхъ внѣ предѣловъ Европы, во многихъ мѣстностяхъ уже открыты остатки древняго каменнаго періода. Такъ, древніе египтяне употребляли кремневыя стрѣлы, иногда со скошеннымъ остріемъ, сходныя съ открытыми въ марнскихъ пещерахъ. Въ этихъ послѣднихъ былъ найденъ грубый идолъ, очень похожій на найденныхъ при раскопкахъ въ Мисенѣ и Тирентѣ.

Въ Египтѣ нашли также отдѣланные кремни и полированные топоры. Изъ глубины Сахары намъ были доставлены камни, обтесанные, безъ сомнѣнія, первобытными берберами. Въ развалинахъ древнихъ греческихъ городовъ были найдены топоры изъ полированнаго камня, стрѣлы изъ обсидіана и т. п. Такія же орудія труда и предметы вооруженія находили понемногу на всемъ земномъ шарѣ. Малайскій архипелагъ доставилъ каменные топоры и наконечники стрѣлъ, происхожденіе которыхъ мѣстные жители, какъ это долго считали въ Европѣ, объясняютъ дѣйствіемъ молніи. Въ Японіи немного повсюду попадаются тесанные камни, особенно кремневыя пилы, которыя, по мнѣнію народа, сдѣланы обоготворенными предками, такъ называемыми *Ками*. Въ Камбоджѣ были найдены плотничьи инструменты изъ полированнаго камня и т. п.

Такъ какъ наше первое положеніе является достаточно обоснованнымъ, то мы можемъ теперь перейти ко второму.

IV.

Это второе положеніе заключается въ томъ, что между индустріей и образомъ жизни доисторическихъ и современныхъ дикарей существуетъ большая аналогія.

Эти совпаденія, часто поразительныя, установлены въ Англіи Леббокомъ, а во Франціи Гами. На нихъ указывали, какъ замѣчаетъ самъ Гами, еще Жюсье, въ мемуарѣ напечатанномъ въ 1723 г. въ изданіяхъ парижской академіи наукъ, и многія другія лица. Сходства дѣйствительно многочисленны и любопытны, и число ихъ стало все болѣе и болѣе возрастать по мѣрѣ успѣховъ доисторической археологіи. Мы перечислимъ здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ.

Наконечникъ стрѣлы изъ обсидіана, насаженный на древко и найденный въ новой Каледоніи, является почти точнымъ воспроизведеніемъ кремневаго наконечника, добытаго въ наносахъ Нижней Соммы (Hamy Paléont, 190, 1-re édition). Современные дикари употребляютъ еще наконечники стрѣлъ, отысканные въ Сенъ-Прэ. Аббевильскій топоръ до сихъ поръ еще находится въ употребленіи въ Австраліи.

Ступки магдалинскихъ раскопокъ, вѣроятно служившія для толченія минеральныхъ окрашенныхъ веществъ, румянъ, встрѣчаются въ настоящее время у осажей (де-Мортійе).

Начальническій жезлъ, находящійся между везерскими реликвіями, почти тождественъ съ жезломъ предводителя одного изъ племенъ краснокожихъ съ береговъ вѣки Мэкензи.

Фиджійцы и эскимосы высѣкаютъ огонь ударами кремня по шарику изъ желѣзнаго колчедана подобно тому, какъ это дѣлали доисторическіе люди Шале. Гиперборейцы, особенно эскимосы, до сихъ поръ еще приготовляютъ инструменты изъ кости и гравируютъ на ней рисунки, сходные съ оставленными магдалинскими племенами.

Минкопіи андаманскихъ острововъ изготовляютъ гончарныя издѣлія, очень похожія на находимыя въ европейскихъ могилахъ періода полированнаго камня.

Я видѣлъ во Флоренціи привезенную О. Беккари изъ Новой Гвинеи коллекцію оружія и утвари изъ полированнаго камня, въ которой были топоры не похожіе, но совершенно тождественные съ топорами, найденными въ морбиганскихъ дольменахъ.

«Кухонные остатки», эти груды доисторическихъ раковинъ въ Даніи, относящихся къ періоду тесаннаго камня и не заключающія въ себѣ костей домашнихъ животныхъ, кромѣ собаки, встрѣчаются также въ Австраліи, на Огненной Землѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ.

Эскимосы, не выдѣлывающіе гончарной посуды, кипятятъ, иногда, воду, бросая въ нее раскаленные камни. Сѣверо-американскіе шосони дѣлаютъ то же самое, пользуясь для этого котловидными корзинами (Domenech), а обитатели Гебридскихъ острововъ въ XVI вѣкѣ употребляли съ этой цѣлью кожаные мѣхи—«кипятильныя кожи» (Буханамъ, *Rerum scoticarum Historia*, 1528). Происхожденіе этого обычая относится къ тому времени, когда еще не было извѣстно гончарное производство.

Тасманійцы, австралійцы и теперь еще находятся или находились недавно въ періодѣ ломаннаго камня, а очень много американскихъ племенъ не переступили еще вѣка тесаннаго камня. Ново-каледонійцы, полинезійцы достигли періода поли-

рованнаго камня. Но послѣдніе еще не знали гончарнаго производства, между тѣмъ какъ папуасы, гуараны-гончары (серамисты) и, подобно нашимъ предкамъ періода полированнаго камня, поручаютъ своимъ женамъ формовать глину безъ помощи горшечнаго кружала. Медленно прогрессируютъ отставшія расы; такимъ образомъ, несмотря на то, что для мелазійцевъ море служитъ главнѣйшимъ источникомъ при добываніи пищи, многіе изъ этихъ племенъ еще не изобрѣли удочекъ, до которыхъ и въ Европѣ, повидимому, додумались только въ концѣ періода полированнаго камня.

Существующее между мертвою и живою доисторіями сходство въ нравахъ проявляется даже и въ мелкихъ обычаяхъ. Такъ, привычка разсѣкать продолговатыя кости животныхъ, для извлеченія мозга, была распространена среди пещерныхъ обитателей Европы. Она наблюдается также у многихъ жителей Скандинавскаго полуострова даже въ историческія времена и сохранилась у многихъ современныхъ дикарей. О первомъ фактѣ свидѣтельствуетъ слѣдующее мѣсто изъ «*Эдды*» Стюрлезона: «Олькъ-Торъ мчался въ колесницѣ, запряженной козлами; съ нимъ сидѣлъ рядомъ тотъ изъ Азовъ, котораго звали Локе. Къ вечеру они пріѣхали къ одному крестьянину, оказавшему имъ гостепріимство. Торъ убилъ своихъ козловъ и приказалъ выпотрошить ихъ и бросить въ котелъ. Когда животныя сварились, Торъ, положивъ ихъ шкуры возлѣ огня, велѣлъ гостямъ бросать на нихъ кости. *Тьяльфе держалъ въ рукѣ берцовую кость одного изъ козловъ; онъ расколoлъ ее ножемъ, чтобы извлечь изъ нея мозгъ.* Торъ провелъ ночь въ этомъ мѣстечкѣ; на другой день онъ всталъ рано утромъ, одѣлся, взялъ молотъ Мьельнеръ и занесъ его высоко надъ козлиными шкурами; животныя ожили, но одинъ изъ козловъ прихрамывалъ на заднюю ногу».

Точно также и дольмены, въ которыхъ слѣдуетъ видѣть искусственные гроты, предназначавшіеся для того, чтобы служить усыпальницами, характеризуютъ цѣлый періодъ полированнаго камня; но бенгальскіе казіасы устраиваютъ ихъ и теперь, полковникъ Юль описываетъ ихъ такъ: они состоятъ изъ широкой плиты, покоющейся на двухъ низкихъ столбахъ.

Хозы имѣютъ аналогичные погребальные обряды; они объяснили полковнику Юлю, что этими постройками они хотятъ только сохранить для потомства имена покойниковъ.

Мнѣ приходится быть краткимъ, а потому я не стану болѣе удлинять, что было бы очень легко, списка аналогій между обычаями нашихъ доисторическихъ предковъ и первобытныхъ народовъ, доживших до нашихъ дней.

Но прежде, чѣмъ дѣлать изъ этихъ сходствъ невольно напрашивающіеся выводы, я напомню о нѣкоторыхъ анатомическихъ соотвѣтствіяхъ, окончательно сближающихъ исчезнувшихъ дикарей съ современными дикарями. Конечно, между ними нѣтъ анатомической тождественности, да ея и не можетъ быть уже потому, что даже въ доисторическую эпоху между человѣческими племенами существовали различія; но что поразительно и заслуживаетъ особаго вниманія—это частое повтореніе у прежнихъ и нынѣшнихъ дикарей низшихъ анатомическихъ типичныхъ признаковъ. Я перечислю нѣкоторые изъ нихъ, не входя въ подробности, которыя были бы здѣсь неумѣстны. Чаще всего встрѣчаются слѣдующія признаки низшаго развитія: искривленіе берцовой кости на подобіе сабли, неизмѣнность локтевого отверстія, прогнатизмъ, незначительный объемъ черепа, толстота его стѣнокъ, существованіе надбровныхъ дугъ, несложность мозговыхъ отпечатковъ внутри черепа, зубы мудрости съ пятью корнями, подобно зубу, найденному въ нолетской челюсти и т. п. Черепныя отличія не могутъ служить безусловными признаками, такъ какъ есть дикари коротко-головые и дикари длинноголовые. Тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что длинноголовость характеризуетъ одновременно нашихъ предковъ четвертичнаго періода и большую часть современныхъ сильно отставшихъ народностей.

V.

Всѣ эти аналогіи, которыя иногда доходятъ до тождественности, очень существенны. Изъ нихъ вытекаетъ одинъ безспорный выводъ, уже принятый многими антропологами и соціологами; онъ заключается въ слѣдующемъ: современныя низшія

расы воспроизводятъ, въ общихъ чертахъ, первобытное человѣчество; доисторія еще живетъ на нашихъ глазахъ; древность минувшая воскресаетъ въ современной древности. Нѣкоторые лучше одаренные человѣческіе типы развились и въ борьбѣ за существованіе ушли значительно впередъ. Эти счастливыя расы достигли большого благополучія; онѣ размножились, создали сложныя цивилизаціи и вырыли какъ бы пропасть между собою и расами, оставшимися неподвижными или по крайней мѣрѣ развивающимися съ тысячелѣтней медленностью первыхъ вѣковъ. Медленно цивилизовавшійся человѣкъ сталъ презирать отставшія расы, а очень часто уничтожать ихъ; но тѣмъ не менѣе онѣ являются живыми изображеніями его предковъ.

Допустивъ подобную общую точку зрѣнія, мы открываемъ громадное поле для антропологическихъ изслѣдованій; при этомъ условіи развитіе человѣческаго рода можно будетъ прослѣдить шагъ за шагомъ, подобно развитію зародыша. Послѣ этого невозможно видѣть въ человѣкѣ какое-то чудесное существо, созданное божественнымъ капризомъ; кромѣ того замѣчательно сокращается разстояніе между высшими млекопитающимися и первымъ изъ нихъ.

Исторія, даже при помощи легендъ, открываетъ намъ всего только одинъ моментъ въ эволюціи человѣческаго рода. При помощи же этнографіи можно подняться до самыхъ ея источниковъ, всѣ промежуточныя звенья могутъ быть возстановлены и конецъ связанъ съ началомъ. Паровая машина приводится, такимъ образомъ, въ связь съ расколотыми кремнями, пароходъ—съ первобытной ладьей, дворецъ—съ пещерой, флективные (т. е. гдѣ одно слово имѣетъ разное значеніе) языки—съ односложными, дифференціальное исчисленіе—съ первобытной нумераціей австралійца, тщетно пытающагося пересчитать свои пальцы, великія арійскія религіи—съ анимизмомъ африканскаго негра, щедро награждающаго внѣшній міръ сознательной жизнью, сходной съ его собственной. Рафаель становится тогда отдаленнымъ потомкомъ первобытныхъ рисовальщиковъ департамента Лозеръ (во Франціи).

Сближеніе между прошедшимъ и настоящимъ создало, для изученія соціальной эволюціи и различныхъ фазъ въ развитіи

цивилизаціи, наиболѣе плодотворный методъ. Мертвая и живая доисторіи взаимно освѣщаютъ другъ друга.

Особенно первая можетъ быть, въ значительной степени, дополнена второю. Приведу нѣсколько фактовъ въ видѣ примѣра. При магдаленскихъ раскопкахъ нашли обломки искусно выдѣланныхъ оленьихъ роговъ. Какое было ихъ назначеніе? Археологи, изучающіе доисторію, въ недоумѣніи задавали вопросъ, не слѣдуетъ ли видѣть въ нихъ жезлы предводителей? Но всѣ ихъ сомнѣнія исчезли, когда обнаружилось, что предводители краснокожихъ племенъ крайняго сѣвера Америки держатъ и теперь въ рукахъ скипетры, подобные найденнымъ первобытнымъ.

Другой примѣръ: мегалитическіе памятники, называемые *долменами*, очевидно, представляютъ, обыкновенно, ни что иное, какъ простые намогильные памятники,—ихъ внутренняя обстановка не оставляетъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія; но почему же въ нихъ такъ рѣдко попадаются остатки костей? Бенгальскіе казіи, которые, какъ мы выше сказали, продолжаютъ еще до сихъ поръ сооружать подобные долмены, отвѣчаютъ, на заданный вопросъ учеными, что они сперва сжигаютъ своихъ покойниковъ, не всегда собираютъ обуглившіеся ихъ останки и затѣмъ сооружаютъ имъ мегалитическія гробницы. Какое могло быть назначеніе стоячихъ камней, бретонскихъ *менгиръ*? Эта загадка разрѣшается бенгальскими мундами, которые продолжаютъ до сихъ поръ ставить подобные камни и даже располагаютъ ихъ рядами: они служатъ также памятниками въ честь покойниковъ, но только вспоминательными, и т. д.

Но если методическая этнографія можетъ оказать помощь доисторіи, то она является еще болѣе драгоцѣннымъ помощникомъ при изученіи соціальной эволюціи человѣка. Опираясь на нее, мы проникаемъ гораздо дальше тѣхъ немногихъ тысячелѣтій, слѣды которыхъ сохранились въ писанной исторіи, преданіяхъ и памятникахъ. Весь длинный рядъ исчезнувшихъ поколѣній какъ бы встаетъ передъ нами изъ гроба. И для того, чтобы вызвать ихъ, нѣтъ даже надобности въ усиленной работѣ воображенія: мы ихъ видимъ и можемъ сколько угодно разсматривать. Для возстановленія прошлаго теперь нужно

только заняться описаніемъ. Мы можемъ теперь, до извѣстной степени, составить эмбріологію всѣхъ нашихъ общественныхъ учрежденій. Передъ нашими глазами развертывается самое отдаленное прошлое нашихъ обществъ. Можно, напримѣръ, *de visu* изучать образованіе обществъ: это прежде всего первобытная и анархическая орда первыхъ временъ четвертичнаго періода въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она существуетъ теперь на Огненной Землѣ. Затѣмъ эти орды соединяются въ кланы и племена; послѣднія выдѣляютъ изъ себя сословія, касты, затѣмъ подчиняются предводителямъ и, наконецъ, образуютъ деспотическія монархіи и т. д.

Въ то же время семья, основанная сначала на принципѣ главенства въ семьѣ матери, а затѣмъ на патріархальномъ началѣ, выходитъ изъ первобытнаго смѣшенія половъ. Будучи въ началѣ вьючной скотиной, запасной пищей, орудіемъ наслажденія, женщина становится почти личностью по мѣрѣ того, какъ возникаетъ бракъ, пройдя черезъ полигамію, поліандрію и другіе разнообразные виды супружескаго сожительства.

Столь же отчетливо выдѣляются различныя фазы эволюціи собственности. Возрастаніе населеніе и соперничество мелкихъ племенныхъ группъ вызываетъ сначала общее разселеніе на мѣстахъ, принадлежащихъ, въ видѣ общиннаго владѣнія, всѣмъ членамъ одного племени; затѣмъ эти земли дробятся и образуютъ собственность клановъ, семей и, наконецъ, переходятъ въ собственность отдѣльныхъ лицъ. Здѣсь, какъ будто живые, встаютъ передъ нами причины и послѣдствія этихъ метаморфозъ; можно даже подвергнуть оцѣнкѣ ихъ нравственность.

Такимъ образомъ, всѣ стороны эволюціи обществъ могутъ быть, поочередно, затронуты и возстановлены; для этого необходимо просто соединять въ ряды человѣческія группы различныхъ расъ, которыя теперь разсѣяны по поверхности всего земного шара,—совершенно такъ же, какъ располагаютъ фотографіи одного и того же лица, снятыя въ разное время, для того, чтобы составить себѣ понятіе о всѣхъ происшедшихъ въ немъ перемѣнахъ.

Этотъ простой и плодотворный методъ, пользующійся сравненіями и сопоставленіями, позволяетъ, каковъ бы ни былъ

разсматриваемый вопросъ, связать историческія эпохи съ доисторическими ихъ источниками, которые такъ долго считались навѣки покрытыми мракомъ неизвѣстности.

Развѣ подобный методъ не лучше историческаго? Здѣсь уже нѣтъ мѣста фантастическимъ разсказамъ, слишкомъ часто ограничивающимся только дѣяніями и соперничествами государей и воиновъ. Это также и не единоличныя хроники, обращающія вниманіе чаще всего на различныя мелочи и только совершенно безсознательно занимающіяся тѣмъ, что составляетъ, собственно говоря, цивилизацію, т. е. учрежденіями, нравственностью, нравами, искусствами и т. п. Напротивъ, здѣсь мы можемъ собственными глазами видѣть всю жизнь первобытныхъ народовъ, такъ какъ передъ нами обнажаются всѣ условія, всѣ пружины ихи соціальной жизни. Даже болѣе того, прогрессивные этапные пункты, на прохожденіе которыхъ они употребили многія тысячи лѣтъ, мы можемъ разсматривать одновременно. Можемъ составить генеалогію настоящаго, изучить его источники, отмѣтить, какимъ образомъ прошедшее создало его и наложило на него свой отпечатокъ, какъ оно, въ значительной степени, увѣковѣчилось въ настоящемъ. Дѣйствительно, сколько первобытныхъ пережитыхъ формъ сохраняется еще даже въ самыхъ передовыхъ цивилизаціяхъ!

Но если это прошлое, столь упорное, проникаетъ во всю организацію современныхъ обществъ, то, очевидно, только потому, что отпечатокъ его сохранился въ глубинѣ нашей психики. И съ этой стороны живая доисторія также открываетъ намъ блестящія перспективы; она позволяетъ намъ заняться не просто психологіей описательной, а психологіей эволюціонной. Подъ ея руководствомъ мы можемъ изслѣдовать генезисъ нашихъ наклонностей, инстинктовъ, которые часто подчиняютъ насъ себѣ и не могли быть привиты намъ индивидуальнымъ воспитаніемъ.

Что слѣдуетъ понимать подъ словомъ нравственность? Присуща ли она только одному человѣчеству? Въ какой моментъ соціальнаго и умственнаго развитія начинаютъ показываться первые ростки ея? Какъ она слагается? Какимъ путемъ склады-

вается она въ наслѣдственныя наклонности? Прогрессивна ли она и каковы фазы ея развитія?

Всѣ эти вопросы и еще другіе намъ придется задать, постараться разрѣшить ихъ не путемъ безпочвенныхъ разсужденій и пустыхъ умозрѣній, но на основаніи наблюденій, сдѣланныхъ надъ фактами. Эти факты будутъ многочисленны, часто любопытны и въ особенности разнообразны, такъ какъ мы будемъ ихъ черпать изъ всѣхъ источниковъ; мы будемъ обращаться не только къ этнографіи, но еще всякій разъ, какъ это окажется возможнымъ, къ литературнымъ, историческимъ, поэтическимъ и легендарнымъ памятникамъ, къ физіологіи, демографіи, къ искусству приручать животныхъ и т. п. Дѣйствительно, съ чѣмъ только не связана нравственность? И здѣсь также мы нерѣдко попытаемся дойти до источниковъ. Мы, напримѣръ, увидимъ, какимъ образомъ и почему сложились въ человѣческомъ сознаніи чувства, почти совсѣмъ чуждыя животнымъ: чувство стыдливости, гуманности, потребность въ правосудіи и т. п. Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ, общая этнографія окажетъ намъ громадную помощь. Многіе факты, приводимые изолированно въ историческихъ разсказахъ, представляющіеся намъ странными, чудовищными, смѣшными, объясняются, разъ ихъ можно отнести къ разряду нравственныхъ пережитковъ, завѣщанныхъ намъ протекшими вѣками. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Агамемнонъ приноситъ въ жертву богамъ свою дочь Ифигенію, чтобы добиться попутнаго вѣтра, «счастливаго вѣтра для отъѣзжающихъ», какъ говоритъ Лукрецій. Этотъ поступокъ кажется намъ безразсуднымъ и жестокимъ. Онъ дѣйствительно и есть таковъ, но мы будемъ уже менѣе удивлены, когда припомнимъ, что, съ одной стороны, во всѣхъ обществахъ дикарей жизнь дочерей не имѣетъ ровно никакой цѣны, съ другой стороны, первобытные боги всегда кровожадны, какъ и ихъ поклонники, и, что, наконецъ, человѣкъ, не вполнѣ еще освободившійся отъ своихъ животныхъ наклонностей или просто варваръ еще, разсуждаетъ чаще всего по ребячески и не знаетъ жалости. Англійскій путешественникъ Гуттонъ дѣлаетъ намъ поведеніе Агамемнона вполнѣ понятнымъ, когда разсказываетъ, какъ въ Ашантіи придумали сажать на колъ молодыхъ дѣву-

шекъ дѣвственницъ «для избавленія отъ застоя въ торговлѣ». Затѣмъ намъ извѣстно, что индійскіе Раджпуты, принадлежащіе даже къ арійской расѣ и довольно цивилизованные, приносятъ добровольно своихъ дочерей въ жертву «для умилостивленія злыхъ духовъ». Китайскія легенды намъ разсказываютъ также что передъ отливкой колокола недурно бросить молодую дѣвушку въ расплавленный металлъ: это придаетъ болѣе пріятный звукъ колоколу, да и отливка идетъ успѣшнѣе. Намъ также не безъизвѣстно, что первобытные славяне находили цѣлесообразнымъ, при постройкѣ большого зданія, замуровывать дѣвушку или женщину въ стѣнѣ около одного изъ косяковъ у входной двери. Всѣ эти факты находятся въ связи и всѣ они указываютъ на одну и ту же степень умственнаго развитія. Точно также, когда хроникеры XVII вѣка разсказываютъ намъ объ изысканномъ, но тѣмъ не менѣе унизительномъ въ нашихъ глазахъ холопствѣ, господствовавшемъ между придворными Людовика XVII, мы затрудняемся понять, какъ могли люди, нерѣдко энергичные и храбрые до дерзости, обладать столь гибкимъ спиннымъ хребтомъ. Но наше изумленіе проходитъ, какъ только, благодаря этнографичаской соціологіи, намъ удается присутствовать при зарожденіи и эволюціи монархическаго деспотизма. Дворъ африканскаго царька Мтеза, который намъ описалъ Спекъ, даетъ намъ наглядное изображеніе прототипа дворовъ нашихъ историческихъ монарховъ. Здѣсь уже не ограничиваются угодливостью и рабскими позами, а совершенно распростираются передъ монархомъ и приближаются къ его трону не иначе, какъ, буквально, ползкомъ на животѣ и издавая при этомъ радостные крики, похожіе на лай. Такъ требуется по церемоніалу, а онъ отличается большой строгостью, и всякое нарушеніе его наказывается смертью. Своимъ положеніемъ подданный заявляетъ, что онъ не болѣе, какъ царскій песъ.

Людовикъ XIV, читаемъ мы, не всегда вставалъ съ судна для пріема представляющихся ему лицъ. Намъ это кажется гнуснымъ и, въ то же время, сумасброднымъ, но не даромъ въ теченіе тысячелѣтій монархъ считался богомъ, а отъ Бога все божественно. Послушаемъ, что разсказываетъ намъ фран-

цузскій путешественникъ Рокфейль о Макуинѣ, Нутка-Колумбійскомъ царькѣ, котораго онъ посѣтилъ въ 1818 г. «Онъ затѣмъ удовлетворилъ другую потребность, не вставая съ мѣста, на которомъ сидѣлъ, не соблюдая никакихъ приличій, требуемыхъ благопристойностью. Онъ, въ этомъ случаѣ, воспользовался составленнымъ изъ четыреугольныхъ деревянныхъ дощечекъ сосудомъ, поданнымъ ему ребенкомъ и который онъ поставилъ позади себя. Все это было продѣлано съ серьезнымъ видомъ, доказывавшимъ, что онъ нисколько не думалъ нарушать благопристойность или требованія вѣжливости, обязательныя по отношенію къ иностранцу, которому хотятъ оказать почетъ».

Не помогаетъ ли намъ Макуина, Нутка-Колумбіецъ, уяснить себѣ надменную безцеремонность короля-солнца [1])? Велика, конечно, разница между обоими монархами, но тѣмъ не менѣе они отмѣчаютъ собой только противоположные концы одной длинной цѣпи, одного длиннаго ряда вѣковъ, въ теченіе которыхъ рабскій инстинктъ организовался въ человѣческомъ мозгу и перешелъ, по народному выраженію, въ плоть и кровь массы. Мы привели эти факты въ видѣ примѣра; можно было бы найти сколько угодно подобныхъ же, которымъ, понятно, не мѣсто въ этой вступительной главѣ.

Я закончу общимъ замѣчаніемъ. Съ какой бы стороны ни разсматривать исторію цивилизацій, идея эволюціи постоянно выдвигается изъ нея, и всѣ антропологическія науки—доисторія, сравнительная анатомія человѣческихъ расъ, эмрбіологія—говорятъ то же самое. Прогрессъ, конечно, медленный, но постоянный является закономъ для человѣческаго рода. Само собою разумѣется, изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы каждая этническая группа, разсматриваемая отдѣльно, неизбѣжно и постоянно прогрессировала. Частично эволюція можетъ быть и нерѣдко бываетъ регрессивной. Обломками расъ и народовъ, побѣжденныхъ въ борьбѣ за существованіе, усѣяно поле исторіи и даже доисторіи; но человѣчество, взятое въ совокупности,

---

[1]) Я лично зналъ жену одного офицера, которая не стѣснялась отправлять естественную потребность въ присутствіи своего деньщика.

Переводчикъ.

имѣетъ девизомъ: «впередъ!» Остановиться, значитъ придти въ упадокъ.

Первоначальные источники нашей умственной эволюціи скрыты весьма глубоко, такъ какъ корни человѣческаго рода теряются во мракѣ геологическихъ вѣковъ; но уже человѣкъ четвертичнаго періода является работникомъ прогресса и по своему опровергаетъ нашихъ современныхъ салонныхъ пессимистовъ. Послушаемъ, что говорятъ по этому поводу китайскіе мыслители: «Когда родится ребенокъ, то онъ уже человѣкъ, а между тѣмъ въ немъ видятъ только ребенка. Когда онъ растетъ, то развиваются не только его руки и ноги, но и его мысли. То же самое происходитъ и съ человѣчествомъ. Ни одинъ человѣкъ никогда не увидитъ его въ цѣломъ, а между тѣмъ оно существуетъ. Оно—существо съ множествомъ членовъ. Всѣ идеи заключены въ немъ и внѣ его ихъ нѣтъ; но оно обнаруживаетъ ихъ постепенно, по мѣрѣ своего роста». (*E. Simon*, *La Cité chinoise*, p. 229).

Мысль вѣрна и выражена въ остроумномъ сравненіи. Французскій поэтъ Ламартинъ выразилъ ее въ другомъ не менѣе остроумномъ сравненіи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ НРАВСТВЕННЫХЪ НАКЛОННОСТЕЙ.

I. *Способность нервной клѣточки аккумуллировать* — Свѣтовая и нервная фосфоресценція.—Память нервныхъ клѣточекъ.—Двигательныя зарегистрированныя ассоціаціи.—Дидро и свобода воли.

II. *Инстинкты у животныхъ.*—Отправленія и инстинкты.—Органическое предназначеніе.—Пріобрѣтенные инстинкты.—Исчезнувшіе инстинкты.—Пріобрѣтенные инстинкты у собаки.—Дрессировка собакъ.—Нравственная борьба у собаки.—Ищейки антропофаги.—Ослабленіе кровожадныхъ инстинктовъ.—Общіе выводы.

I. СПОСОБНОСТЬ НЕРВНОЙ КЛѢТОЧКИ АККУМУЛИРОВАТЬ.

Въ настоящее время невозможно и не слѣдуетъ приступать къ изложенію исторіи нравственной эволюціи, не напомнивъ

сначала главнѣйшихъ свойствъ нервной клѣточки, что ясно свидѣтельствуетъ о переворотѣ, переживаемомъ современной психологіей. Какихъ нибудь тридцать лѣтъ тому назадъ профессоръ философіи могъ, съ высоты оффиціальной каѳедры, опредѣлять волю слѣдующимъ образомъ: «Воля, это—я, выходящее изъ сферы своей дѣятельности, чтобы подѣйствовать снаружи какъ вниманіе». Профессоръ думалъ, что онъ понимаетъ свои слова, а слушатели были увѣрены тоже, что они ихъ понимаютъ. Но подобный методъ преподаванія и порожденныя имъ многочисленныя сочиненія готовы теперь перейти уже въ разрядъ окаменѣлостей. Благодаря успѣхамъ естествознанія, психологія все болѣе и болѣе превращается въ отрасль біологіи. Дѣйствительно, у человѣка и у животнаго вся сознательная сторона, а именно: впечатлѣнія, ощущенія, желанія, страсти, разумъ, все это находится въ зависимости отъ нервныхъ мозговыхъ клѣточекъ и является результатомъ ихъ дѣятельности. Слѣдовательно, логически немыслимо разсматривать нравственность не въ связи съ біологіей и особенно съ основными свойствами нервныхъ клѣточекъ.

А самымъ первоначальнымъ свойствомъ нервной клѣточки является ея способность къ аккумуляціи, т. е. способность *сохранять слѣды* происходящихъ внутри ея функціональныхъ актовъ. Здѣсь необходимо привести сравненія для тѣхъ, кто мало знакомъ съ біологическими данными.

Извѣстно, что нѣкоторыя вещества поглощаютъ свѣтъ и обладаютъ свойствомъ испускать лучи послѣ того, какъ будутъ выставлены на солнце. Иногда встрѣчается даже нѣчто вродѣ невидимой, скрытой фосфоресценціи, указанной Ніенсъ-де-Сенъ-Викторомъ: «Подвергаютъ,—говоритъ онъ,—дѣйствію прямыхъ солнечныхъ лучей гравюру, которая, передъ тѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, находилась въ темнотѣ. Затѣмъ, прикладываютъ гравюру къ чувствительной фотографической бумагѣ, и, оставивъ въ темнотѣ, черезъ двадцать четыре часа получаютъ воспроизведеніе въ темномъ тонѣ бѣлыхъ мѣстъ гравюры. Если оставить гравюру на долгое время подъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей, то она насыщается свѣтомъ и такимъ образомъ получается наибольшій эффектъ».

Это означаетъ, что солнечный свѣтъ, представляющій, какъ теперь извѣстно, не что иное, какъ извѣстный родъ движенія, сообщилъ молекуламъ освѣщенныхъ имъ тѣлъ нѣкоторое устойчивое колебаніе, могущее превратиться въ фосфоресценцію или фотографическое дѣйствіе.

На подобномъ же коренномъ органическомъ явленіи основана работа нервной клѣточки. Химически очень неустойчивая, въ томъ смыслѣ, что подъ вліяніемъ воспринятыхъ ею возбужденій она реагируетъ крайне быстро, нервная клѣточка обладаетъ, тѣмъ не менѣе, большой функціональной стойкостью. Она имѣетъ память, иногда сознательную, а иногда безсознательную, т. е. стремленіе сохранить въ своемъ молекулярномъ строѣ слѣды происходившихъ въ ней физіологическихъ вибрацій и комбинировать ихъ извѣстнымъ образомъ. Какъ тѣла, способныя къ фосфоресценціи, *помнятъ* свѣтъ, такъ и нервная клѣточка сохраняетъ воспоминаніе о своихъ интимныхъ актахъ, но только способами, безконечно болѣе устойчивыми и болѣе разнообразными.

Всякій актъ, въ которомъ принимала участіе нервная клѣточка, оставляетъ въ ней нѣчто вродѣ функціональнаго отводка, который впослѣдствіи облегчитъ повтореніе акта, а иногда и вызоветъ его. Дѣйствительно, это повтореніе станетъ совершаться все съ большей и большей легкостью и, наконецъ, будетъ происходить самопроизвольно, автоматически. Нервная клѣточка тогда пріобрѣла, стало быть, наклонность, привычку, инстинктъ, потребность. Въ этотъ моментъ въ такомъ сложномъ организмѣ, какъ человѣческій и у высшихъ животныхъ, происходитъ цѣлый рядъ зависящихъ отъ нервныхъ клѣточекъ рефлективныхъ дѣйствій, развертывающихся и автоматически смѣняющихъ другъ друга, чтобы повиноваться управляющимъ ими нервнымъ элементамъ.

Все это происходитъ то сознательно, то безсознательно. Дѣйствительно, сознаніе ни въ какомъ смыслѣ не является необходимымъ для этой нервной работы. Оно является какъ бы сверхкомплектнымъ ея дополненіемъ, существующимъ только у самыхъ высшихъ животныхъ и притомъ исключительно для извѣстныхъ высшихъ психическихъ функцій. Впрочемъ, со-

знаніе довольно легко исчезаетъ, — мы всѣ отлично знаемъ, какія сложныя дѣйствія мы можемъ совершать, даже и не подозрѣвая о томъ, когда находимся въ состояніи разсѣянности.

Но подобное безсознательное состояніе есть нормальное состояніе многихъ низшихъ безпозвоночныхъ. У нихъ многочисленныя двигательныя ассоціаціи, часто очень сложныя, запечатлѣны въ нервныхъ узлахъ и происходятъ съ механической точностью, тѣмъ болѣе совершенной, что эти ассоціаціи не нарушаются никакимъ сознательнымъ возбужденіемъ.

Если, говоритъ Романесъ (*Les Échinodermes et les méduses*) отрѣзать у основанія одинъ изъ лучей морской звѣзды, то послѣдній продолжаетъ двигаться въ опредѣленномъ направленіи; онъ умѣетъ подвигаться впередъ, назадъ, подниматься, опускаться, ложится снова на животъ, если его перевернули. На болѣе высшихъ ступеняхъ лѣстницы безпозвоночныхъ, сегменты большей части насѣкомыхъ продолжаютъ и послѣ отсѣченія производить очень сложныя оборонительныя движенія; иногда даже случается видѣть, какъ сегменты одного и того же животнаго вступаютъ въ борьбу между собою. Тождественныя въ сущности явленія наблюдаются также и у высшихъ позвоночныхъ животныхъ, не исключая и человѣка, особенно въ процессахъ растительной жизни, управляющихъ питаніемъ организма. Вся иннервація большого симпатическаго нерва безсознательна какъ у самаго выдающагося философа, такъ равно и у послѣдняго изъ фиджійцевъ. Актъ выдѣленія слюны, напримѣръ, образуетъ первое звено въ ряду безсознательныхъ, но весьма сложныхъ явленій, необходимыхъ для пищеваренія и регулируемыхъ гангліонозными клѣточками нервныхъ узловъ. То же самое происходитъ и въ кровообращеніи. Отъ начала утробной жизни до смерти человѣческое сердце бьется, не ожидая приказаній; точно также и дыханіе почти совершенно не зависитъ отъ капризовъ нашей воли.

И это потому, что основныя органическія отправленія весьма давняго происхожденія и вслѣдствіе требованій жизни постоянно

подвергались физіологической разработкѣ въ цѣломъ рядѣ нашихъ позвоночныхъ и безпозвоночныхъ предковъ.

Нервные слѣды, управляющіе ими, врѣзаны съ замѣчательной отчетливостью въ клѣточки нервныхъ узловъ и въ нѣкоторыя клѣточныя зерна мозга, особенно же продолговатаго мозга. Эти безсознательные слѣды не могутъ быть нарушены безъ важныхъ послѣдствій для индивида, и лишь глубокое разстройство способно изгладить ихъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что дѣятельность питательныхъ органовъ у человѣка *существенно* не отличается по своей нервной организаціи отъ нѣкоторыхъ безсознательныхъ актовъ, называемыхъ инстинктами у насѣкомыхъ и служащихъ обычной темой пустословія для любителей цѣлесообразности.

Но я не буду останавливаться долѣе на выясненіи означеннаго вопроса, чтобы не уклониться въ сторону отъ предмета настоящаго труда. Для того, чтобы сдѣлать понятнымъ все послѣдующее изложеніе, достаточно и того, что я указалъ на основное свойство нервной клѣточки—на ея *аккумулятивную способность*. Каждую нервную клѣточку слѣдуетъ разсматривать, какъ крайне чувствительный регистрирующій аппаратъ: каждое сознаніе, имѣвшее мѣсто хотя бы одинъ только разъ, но достаточно интенсивное, оставляетъ по себѣ въ мозгу или умѣ функціональное предрасположеніе, стремящееся воспроизвести его впослѣдствіи. Никакой умственный актъ не изглаживается совершенно; каждый изъ нихъ оставляетъ въ мозгу слѣдъ, облегчающій воспроизведеніе этого акта впослѣдствіи. Каждое чувственное впечатлѣніе, каждое проявленіе молекулярной дѣятельности, переходящей изъ одной области мозга въ другую, каждая мозговая реакція, протекающая черезъ двигательные нервы, оставляютъ по себѣ измѣненіе въ дѣйствовавшихъ элементахъ, нѣчто вродѣ воспоминанія, и воспроизведеніе становится тѣмъ легче, чѣмъ чаще оно повторяется. Даже болѣе того,—и это подтверждено неоспоримыми наблюденіями,—когда извѣстные нервные слѣды достаточно фиксированы, врѣзаны, организованы въ нервныхъ центрахъ, они становятся наслѣдственными. Спеціально относительно нравственности можно сказать, что каждый субъектъ развращаетъ или морализуетъ свое

потомство, подобно тому, какъ онъ самъ былъ морализованъ или развращенъ своими предками.

Но передача этихъ наклонностей происходитъ такимъ же путемъ, какъ и передача большинства двигательныхъ ассоціацій, которыя помогутъ намъ лучше уяснить, что такое нравственность.

Мы знаемъ, что у новорожденнаго сѣрое корковое вещество мозга, еще плохо организованное, не связано даже волокнами съ нижними мозговыми гангліями и съ спиннымъ мозгомъ. Новорожденный ребенокъ, по всей вѣроятности, не способенъ испытывать сознательныя ощущенія и впечатлѣнія, а между тѣмъ онъ очень хорошо совершаетъ массу рефлективныхъ, послѣдовательныхъ, координированныхъ дѣйствій, приспособленныхъ къ извѣстной цѣли; онъ еще не видитъ, а уже умѣетъ сосать грудь. Но зачѣмъ обращаться къ новорожденному въ поискахъ за примѣрами безсознательныхъ координацій движеній? Даже у взрослаго человѣка спинной мозгъ является хранилищемъ двигательныхъ ассоціацій, совершенно независимыхъ отъ сознательной воли. Самое простое изъ нашихъ движеній приводитъ въ дѣйствіе цѣлыя группы мышцъ, сокращеніе которыхъ комбинируется совершенно самопроизвольно, вслѣдствіе привычекъ, зарегистрованныхъ въ нервныхъ клѣточкахъ нашего спинного мозга. Мы были бы поставлены въ весьма затруднительное положеніе, если бы намъ пришлось сознательно руководить каждымъ изъ этихъ сокращеній, если бы, для исполненія своей функціи, каждый нашъ мускулъ ожидалъ бы особаго приказанія воли.

Эта воля, подобно главнокомандующему арміей, ограничивается посылкой приказа, предоставляя своимъ подчиненнымъ, для исполненія его, сговориться между собою. Но если вслѣдствіе измѣненій, происшедшихъ въ нервныхъ клѣточкахъ, эти двигательныя ассоціаціи нарушаются, какъ это бываетъ при разстройствѣ двигательной системы, при хореѣ, при судорогѣ писателей и т. п., то тогда обнаруживается безсиліе воли; ея приказанія не исполняются, подобно тому, какъ приказанія монарха, противъ котораго возмутился народъ: это значитъ, что старые нервные слѣды изгладились.

Но междуклѣточныя двигательныя ассоціаціи являются самыми обыкновенными, простыми, схематичными. Хотя ассоціаціи ощущеній и чувствъ занимаютъ относительно болѣе высокое мѣсто и чаще сопровождаются сознаніемъ, тѣмъ не менѣе онѣ нисколько не загадочнѣе, и всѣ могутъ комбинироваться между собой. Психическое сознаніе въ этомъ отношеніи мало отличается отъ безсознательности.

Если гладить по спинѣ лягушку, у которой вырѣзаны полушарія мозга, то она правильно, механически и безсознательно издаетъ кваканіе, но только одинъ разъ и никогда не болѣе. На первый взглядъ это автоматическое дѣйствіе сильно отличается отъ мозговой дѣятельности человѣка, но въ дѣйствительности они тождественны. Въ нервныхъ центрахъ человѣка такъ же, какъ и въ спинномъ мозгу обезглавленной лягушки, существуютъ накопленные слѣды, связанные между собою такимъ образомъ, что возникновеніе одного изъ нихъ неизбѣжно вызываетъ пробужденіе другихъ. Въ обоихъ случаяхъ все это происходитъ неизбѣжно. Обезглавленная лягушка несомнѣнно не обладаетъ сознаніемъ. Но и человѣкъ, во время извѣстныхъ сомнамбулическихъ состояній, совершаетъ рядъ весьма сложныхъ актовъ не съ большимъ сознаніемъ. Для того, чтобы дѣйствовать подобно автомату, достаточно быть сильно занятымъ или разсѣяннымъ Тогда можно ходить, заниматься ручной работой, даже читать, разбирать ноты пьесы, сыграть ее на инструментѣ и т. д., также мало думая обо всемъ этомъ, какъ если бы не было вовсе мозговыхъ полушарій. Каждый изъ насъ, конечно, былъ свидѣтелемъ или дѣйствующимъ лицомъ въ подобнаго рода сценахъ. Я нашелъ у Дидро довольно живое описаніе одной изъ такихъ сценъ: «Это былъ геометръ. Проснувшись утромъ и открывъ глаза, онъ тотчасъ возвращается къ разрѣшенію задачи, начатой имъ наканунѣ. Онъ беретъ халатъ; одѣвается, самъ не зная, что онъ дѣлаетъ. Садится за столъ беретъ линейку и циркуль, проводитъ линіи, пишетъ уравненія, комбинируетъ, дѣлаетъ вычисленія, не вѣдая самъ, что творитъ. Часы бьютъ, онъ смотритъ на нихъ, затѣмъ спѣшно пишетъ нѣсколько писемъ, которыя должны быть отправлены съ сегодняшнею почтою. Написавъ письма, онъ одѣвается, выходитъ

изъ дому и идетъ обѣдать въ улицу Рояль, холмъ Св. Рока. Улица завалена камнями, онъ лавируетъ между ними. Вдругъ останавливается;—онъ вспомнилъ, что его письма остались на столѣ незапечатанными и неотправленными. Онъ возвращается домой, зажигаетъ свѣчку, запечатываетъ письма и самъ относитъ ихъ на почту. Оттуда онъ отправляется въ улицу Рояль, входитъ въ домъ, гдѣ намѣревается отобѣдать и встрѣчается тамъ съ кружкомъ философовъ — своихъ пріятелей. Говорятъ о свободѣ, и онъ утверждаетъ горячо, что человѣкъ свободенъ. Я не мѣшаю ему говорить, но вечеромъ, отведя его въ уголокъ, я спрашиваю у него отчета въ его дѣйствіяхъ. Онъ, оказывается, ровно ничего не помнитъ изъ того, что дѣлалъ, и я вижу, что онъ представлялъ совершенную машину, пассивно выполнявшую различныя дѣйствія согласно приводившимъ ее въ движеніе мотивамъ; онъ не только не былъ свободенъ, но даже не совершилъ ни одного акта сознательно, по своей волѣ. Онъ думалъ и чувствовалъ, но дѣйствовалъ нисколько не свободнѣе, чѣмъ безжизненное тѣло или деревянный автоматъ, который выполнилъ бы то же самое, что и онъ».

Сдѣлаемъ краткое резюме всего того, что слѣдуетъ намъ запомнить изъ всего вышеизложеннаго:

Нервныя клѣточки являются, преимущественно, аппаратами аккумуляціи. Каждый, проходящій черезъ ихъ субстанцію, токъ молекулярной дѣятельности оставляетъ въ нихъ послѣ себя слѣдъ, имѣющій болѣе или менѣе возможности на возрожденіе. Благодаря тому, что акты повторяются достаточное число разъ, эти слѣды *организуются*, фиксируются, даже наслѣдственно передаются, и каждому изъ нихъ соотвѣтствуетъ стремленіе или наклонность, которая при случаѣ обнаружится и будетъ способствовать образованію того, что принято называть *характеромъ*.

Эти основныя положенія необходимо хорошенько запомнить, если желаютъ уяснить себѣ генезисъ и развитіе нравственности. Но прежде чѣмъ идти дальше, намъ необходимо изучить у животныхъ нѣкоторыя изъ этихъ умственныхъ врожденностей, изслѣдовать ихъ происхожденіе и уяснить себѣ, какимъ образомъ возможно ихъ измѣнить, какимъ образомъ возможно ихъ вновь создать.

II.—ИНСТИНКТЫ У ЖИВОТНЫХЪ.

Мы уже видѣли, что у животныхъ, даже у высшихъ и у перваго изъ нихъ—человѣка, существуетъ извѣстное число двигательныхъ координацій, такъ глубоко врѣзанныхъ въ нервные центры, что онѣ являются въ одно и то же время безсознательными и необходимыми для поддержанія жизни; это—не инстинкты уже, а функціи отправленія. Когда же цѣлый рядъ такихъ, аккумулированныхъ въ нервныхъ центрахъ, актовъ относится къ образу жизни животнаго и предписываетъ ему, сознаетъ ли онъ или нѣтъ, извѣстное поведеніе, то возникаютъ такъ называемые инстинкты. Но въ сущности біологическая основа функцій и инстинктовъ одна и та же. Дѣйствія нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, приготовляющихъ пищу, непригодную для нихъ самихъ и предназначенную для куколокъ, которыхъ они не увидятъ точно такъ же, какъ и сами не знали своихъ родителей, совершенно сходны съ многочисленными органическими актами, результатомъ которыхъ у высшаго животнаго являются пищевареніе, кровообращеніе, дыханіе.

На нервные центры высшихъ животныхъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на засѣянныя поля.

Внутри нервныхъ клѣточекъ каждаго человѣка, напримѣръ, существуетъ цѣлая предварительно сложившаяся умственная формація, цѣлая организація, спеціальный молекулярный ритмъ; все это—результатъ безчисленныхъ опытовъ нашихъ предковъ, цѣлое унаслѣдованное воспитаніе, которое, приходя въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ, диктуетъ индивиду то или другое поведеніе.

Это органическое предрасположеніе существуетъ у всѣхъ животныхъ съ сложнымъ строеніемъ,—у человѣка такъ же, какъ и у насѣкомаго. Оно особенно поразительно у насѣкомыхъ, подверженныхъ превращеніямъ, такъ какъ они постепенно, въ зависимости отъ своихъ превращеній, измѣняютъ и образъ жизни, въ строгомъ соотвѣтствіи всякій разъ съ новой принимаемой ими формой. Такимъ образомъ, Свамердамъ и Реамюръ

оба одинаково утверждаютъ, что молодая пчела, какъ только освободятся ея крылья изъ кукольнаго кокона, способна собирать медъ и строить восковыя ячейки. Для этого она не нуждается ни въ какомъ предварительномъ воспитанiи.

Любопытно, что инстинктъ насѣкомыхъ, не будучи вполнѣ слѣпымъ, можетъ быть легко введенъ въ заблужденiе, такъ какъ интеллектъ играетъ здѣсь крайне незначительную роль. Такимъ образомъ, плотоядныя мухи охотно кладутъ яйца въ растенiе *Chenopodium fœtidum*, запахъ котораго очень напоминаетъ тухлое мясо, что ихъ и вводитъ въ заблужденiе.

Это весьма типичный примѣръ нервнаго автоматизма: муха просто воспринимаетъ извѣстный запахъ, издавна зарегистрованный въ нервныхъ центрахъ даннаго вида, и немедленно, механически, непреодолимо развертывается цѣлый рядъ актовъ или нервныхъ разряженiй.

Подъ влiянiемъ однороднаго импульса насѣдка сидитъ на яйцахъ, не вникая особенно въ то, что она дѣлаетъ. Она высиживаетъ какiя угодно яйца, даже камешки и т. п. Въ сущности она высиживаетъ ради самаго процесса высиживанiя и подчиняется въ данномъ случаѣ непреодолимой потребности.

Довольно извѣстныя наблюденiя Спальдинга пролили достаточный свѣтъ на этотъ автоматизмъ нѣкоторыхъ врожденныхъ стремленiй у птицъ. Такъ, ласточки, помѣщенныя въ клѣтку немедленно по вылупленiи изъ яйца, когда у нихъ не успѣли еще достаточно развиться крылья, принимались летать, какъ только ихъ выпускали на свободу.

Цыплята, на голову которыхъ, какъ только они родились, надѣвались, въ теченiе одного и до трехъ дней, колпачки, чтобы не пробовали касаться недоступныхъ имъ по разстоянiю предметовъ и послѣ того, какъ колпачки были сняты, подобно тому, какъ это дѣлаютъ дѣти, протягивая руки къ лунѣ, можно сказать, что они сразу отчетливо попадали въ намѣченную ими цѣль и никогда не ошибались въ этомъ отношенiи больше, чѣмъ на толщину волоса, даже въ томъ случаѣ, если намѣченные пункты были не толще и не виднѣе, чѣмъ самая маленькая точка надъ «i».

Точно такъ же цыплята, изолированные съ момента ихъ вылупленія изъ яйца, начинаютъ послѣ двухъ и самое большее шести дней, скребсти землю, но при одномъ условіи, чтобы они подъ лапками ощущали песокъ. Они скребутъ, напримѣръ, коверъ только тогда, когда на него былъ насыпанъ песокъ: необходимо начальное впечатлѣніе для того, чтобы могъ развернуться весь рядъ соотвѣтствующихъ ему дѣйствій.

Инстинкты переселенія у нѣкоторыхъ животныхъ относятся къ тому же порядку. Въ извѣстный моментъ, перелетная птица рвется изъ клѣтки, въ которой она заключена, а лосось выскакиваетъ изъ бассейна, въ которомъ онъ находился. Пробилъ часъ отправленія въ путь: нужно уходить.

Инстинктивный страхъ, внушаемый многимъ домашнимъ животнымъ дикими звѣрями, которыхъ они никогда не видали, но съ которыми нерѣдко приходилось сталкиваться ихъ предкамъ, наглядно показываетъ, съ какимъ постоянствомъ и точностью передаются наслѣдственно нѣкоторые умственные слѣды. Приведу нѣсколько типичныхъ примѣровъ.

При видѣ медвѣдя на цѣпи, большая часть нашихъ лошадей испытываетъ буквально какой-то безумный страхъ, а у птицъ наблюдаются еще болѣе поразительные факты. «Молодой индюкъ, котораго я взялъ къ себѣ, когда онъ еще пищалъ въ своей цѣльной скорлупѣ, на десятое утро своей жизни клевалъ съ моей руки кормъ; вдругъ молодой коршунъ, запертый въ клѣткѣ, издалъ рѣзкій крикъ: «Шипъ! Шипъ! Шипъ»! Бѣдный индюкъ бросился, какъ стрѣла, въ противоположный конецъ комнаты и оставался тамъ, неподвижный и безмолвный отъ страха, до тѣхъ поръ, пока коршунъ снова не прокричалъ, послѣ чего онъ выскочилъ черезъ открытую дверь въ самый конецъ коридора, гдѣ, скорчившись и дрожа, забился въ уголъ. Нѣсколько разъ въ теченіе дня онъ слышалъ тѣ же тревожные звуки, и каждый разъ онъ обнаруживалъ одинаковый страхъ».

Факты подобнаго рода такъ же многочисленны, какъ и неопровержимы. Такъ, напримѣръ, котята, взятые отъ матери тотчасъ послѣ рожденія, фыркаютъ и щетинятъ шерсть при видѣ мыши, хотя никогда не видали мышей.

Существованіе этихъ врожденныхъ наклонностей можетъ

быть объяснено лишь однимъ способомъ, а именно—медленной работой воспитанія предковъ, создавшей внутри нѣкоторыхъ нервныхъ клѣточекъ то, что Модслей называетъ «психическими остатками», т. е. особый молекулярный строй, необходимо вызывающій особое отношеніе къ извѣстнымъ явленіямъ міра.

Но если такое объясненіе правильно, то инстинкты животныхъ должны измѣняться въ зависимости отъ накопленія опыта у предковъ, что въ дѣйствительности и происходитъ. «Несомнѣнно,—говоритъ Леруа,—молодыя лисицы, выходя въ первый разъ изъ норы, когда не можетъ быть еще и рѣчи о личномъ опытѣ, отличаются большей мнительностью и осторожностью въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ за ними много охотятся, чѣмъ старыя лисицы въ мѣстахъ, гдѣ имъ не ставятъ западней».

То же Дарвинъ сообщаетъ, что на пустынныхъ островахъ Галапагосъ животныя не выказывали никакой боязни передъ человѣкомъ, птицы охотно садились на ружья и т. п.

Воспитаніе, которому человѣкъ подвергаетъ нѣкоторыхъ животныхъ въ достаточномъ числѣ поколѣній, должно производить и дѣйствительно производитъ совершенно тождественныя явленія: «Если подложить подъ одну и ту же насѣдку,—говоритъ д-ръ Рэ,—яйца домашнихъ и яйца дикихъ утокъ, то утята, вышедшіе изъ послѣднихъ, съ перваго же дня своего рожденія. когда къ нимъ подходятъ, стараются скрыться въ водѣ, хотя бы передъ ними была простая лужа; наоборотъ, дѣтеныши, вылупившіеся изъ яицъ домашнихъ утокъ, обнаруживаютъ при этомъ самую незначительную боязнь или даже не проявляютъ никакого страху».

Даже болѣе того, наши домашнія утки почти совсѣмъ утратили инстинктъ летанія. Цейлонскія утки подверглись еще большимъ измѣненіямъ съ точки зрѣнія инстинкта: онѣ утратили даже инстинктивное къ водной стихіи и входятъ въ воду только тогда, когда ихъ заставляютъ силой.

И это только потому, что наслѣдственная память, называемая инстинктомъ, слабѣетъ и въ концѣ концовъ исчезаетъ, если не поддерживается упражненіями. Это вполнѣ естественно, такъ какъ память возникла, благодаря продолжительному повторенію однихъ и тѣхъ же актовъ. Но, для изученія происхожденія

нравственности эти факты имѣютъ особенную важность. А потому я приведу еще нѣсколько примѣровъ: чѣмъ основаніе прочнѣе, тѣмъ лучше.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи, гдѣ, въ теченіе сотенъ поколѣній, телята отдѣлялись отъ матокъ немедленно послѣ рожденія, у коровъ наблюдается значительное ослабленіе материнскаго инстинкта, который, между тѣмъ, является самымъ могучимъ инстинктомъ у высшихъ позвоночныхъ и у человѣка. Точно такъ же въ Китаѣ и Полинезіи, гдѣ собаку держали исключительно ради мяса и, откармливая ее съ этой цѣлью растительными продуктами, низвели на степень убойнаго скота, она совершенно утратила первоначальный плотоядный инстинктъ, присущій ея виду.

То же самое, если приручить кроликовъ, то, спустя нѣсколько поколѣній, они перестаютъ рыть норы.

Иногда бываетъ достаточно лишь небольшого числа поколѣній, чтобы вызвать подобныя измѣненія. Такъ, напримѣръ, курица, три раза подрядъ высидѣвшая утятъ, потомъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ толкала въ воду настоящихъ цыплятъ, которыхъ ей, наконецъ, позволили высидѣть: до такой степени всѣ ея прирожденные инстинкты были нарушены.

Искусственное воспитаніе, вмѣшательство человѣка способны поколебать самые устойчивые инстинкты животныхъ и даже можетъ вызвать совершенно новыя наклонности, что подтверждается многочисленными наблюденіями. Одна прирученная пантера, съ которой всегда хорошо обращались и которой никогда не давали ѣсть живыхъ животныхъ, вѣжливо прятала свои страшныя когти, подавая лапу; она дѣлала изъ нея, какъ кошка, бархатную лапку.

Лай нашихъ домашнихъ собакъ, повидимому, составляетъ извѣстный родъ рѣчи, пріобрѣтенной, благодаря продолжительному и тѣсному сожительству съ человѣкомъ и дружескимъ съ нимъ сношеніямъ. Дѣйствительно, дикія собаки не лаятъ; плохо прирученныя собаки у краснокожихъ Америки тоже не знаютъ, что такое лай, но могутъ пріобрѣсти его, какъ это случилось съ одной изъ нихъ, родившейся въ Лондонѣ.

Чувствительность рта у нашихъ лошадей есть тоже резуль-

татъ прирученія. А. Найтъ жаловался на невозможность привить ее норвежскимъ лошадямъ, хотя и очень послушнымъ, но привыкшимъ повиноваться голосу управляющаго ими лица.

Епископъ Геберъ зналъ въ Индіи одного господина, М. Троаль, котораго всегда сопровождала по улицамъ, какъ собака, пятнистая гіена.

Наши взрослыя собаки спокойно живутъ на птичьихъ дворахъ, даже не помышляя о какихъ нибудь продѣлкахъ; а собаки дикарей Огненной Земли, Патагоніи, Австраліи и пр. всегда нападаютъ на домашнихъ птицъ, барановъ, свиней и т. п.

Онѣ находятся еще въ полудикомъ состояніи и весьма далеки отъ кротости, присущей нашей культурной собакѣ, которая сдѣлалась не только другомъ, но и поклонникомъ человѣка, часто оправдывающимъ изреченіе древняго автора, цитируемаго Дарвиномъ: «Собака единственное существо въ мірѣ, любящее насъ больше самого себя».

Но здѣсь есть еще одна сторона, которая особенно важна для нашего изслѣдованія; человѣкъ не только можетъ воспитывать въ собакѣ новыя чувства и чуждыя ей привычки, но ему, кромѣ того, удалось создать въ ней настоящіе искусственные инстинкты, совершенно спеціальныя наклонности, полезныя только для хозяина и тѣмъ не менѣе передаваемыя наслѣдственно, какъ и природные инстинкты.

Это зависитъ отъ того, что между тѣми и другими нѣтъ существенной разницы. Всѣ они являются результатомъ привычки, слѣдствіемъ продолжительнаго воздѣйствія внѣшней среды для однихъ и результатомъ воспитанія, даннаго человѣкомъ, для другихъ.

На собакѣ особенно легко изучать эти, несомнѣнно, искусственно пріобрѣтенные инстинкты.

Дѣйствительно, собака—самый давній товарищъ человѣка. Исключая Новой Каледоніи и нѣкоторыхъ другихъ мелкихъ архипелаговъ Меланезіи, «другъ человѣка» встрѣчается повсюду, гдѣ появляется только человѣкъ. Первое изъ домашнихъ животныхъ, собака была въ то же время и единственнымъ животнымъ, существованіе котораго, до извѣстной степени, слилось съ жизнью человѣка. Но это сожительство, длившееся

болѣе тысячелѣтія, произвело глубокое измѣненіе въ нравственной природѣ собаки; результатомъ этого явилось исчезновеніе однихъ инстинктовъ, образованіе другихъ и даже возникновеніе совершенно новыхъ, спеціальныхъ наклонностей, ставшихъ врожденными и присущими нѣкоторымъ собачьимъ породамъ.

Я приведу нѣкоторыя изъ этихъ особенностей. Въ Америкѣ потомки собакъ, издавна пріученныхъ къ опасной охотѣ на пекари, инстинктивно знаютъ, какихъ пріемовъ имъ слѣдуетъ держаться при этомъ; тогда какъ другія породы пожираются.

Молодыя гончія, принимая въ первый разъ участіе на охотѣ, безъ толка дѣлаютъ стойку передъ баранами, бѣлыми камнями, гнѣздомъ и т. п.: въ ихъ нервныхъ центрахъ существуетъ организованная, *врожденная* наклонность, побуждающая ихъ дѣлать стойку; но эта наклонность, чисто инстинктивная, слѣпа, безъ спеціальнаго направленія. Въ данномъ случаѣ, очевидно, существуетъ полная аналогія съ нравственными наклонностями, существующими въ скрытомъ состояніи въ мозгу каждаго цивилизованнаго человѣка, и внушившими метафизикамъ ихъ теорію врожденныхъ идей. Мы еще вернемся къ этой аналогіи. Теперь же продолжимъ изученіе стойки у собаки и тѣхъ средствъ, къ которымъ прибѣгаютъ для дрессировки гончихъ.

Послушаемъ одного спеціалиста: «Стойка, особенно у породистыхъ животныхъ, является механическимъ дѣйствіемъ, инстинктивной силой, приковывающей къ мѣсту собаку, охваченную чутьемъ находящейся вблизи дичи. Однако этотъ фактъ стойки и особенно безмолвность ея крайне любопытенъ. Это— полное перерожденіе нормальныхъ привычекъ собаки, которая, не будучи дрессированной, бросается всегда съ громкимъ лаемъ на попадающуюся ей дичь. Стоитъ остановиться одну минуту на пріемахъ дрессировки, приводящей у собакъ къ такимъ необыкновеннымъ результатамъ. Не будемъ при этомъ забывать, что человѣкъ, какъ и собака, есть млекопитающееся и, что въ главныхъ основахъ его мозговыя клѣточки функціо-

нирують тождественно съ клѣточками другихъ видовъ млекопитающихся.

Пріемы дрессировки собаки очень просты. Они заключаются въ своевременныхъ наказаніяхъ и наградахъ и въ созданіи такимъ путемъ въ памяти животнаго автоматической ассоціаціи между дѣйствіями, которыя хотятъ поощрить, и извѣстными пріятными впечатлѣніями, или наоборотъ.

По словамъ всѣхъ дрессировщиковъ, необходимо прежде всегда создать въ собакѣ привычку къ безусловному, насколько возможно, послушанію; потомъ необходимо установить механическую цѣпь нервныхъ разряженій, такъ тѣсно ассоціированныхъ, чтобы одного слова, одного условнаго жеста было достаточно для вызова цѣлаго ряда идей и движеній. Дрессировщики и охотники имѣютъ очень небольшой лексиконъ завѣтныхъ словъ; напримѣръ, для лягавой: «Тубо, кушъ, аппортъ» и т. д. Это—формулы священныя, всемогущія по отношенію къ животному.

Для собакъ, отъ природы не дисциплинированныхъ, чтобы добиться болѣе или менѣе успѣшныхъ результатовъ, необходима продолжительная и строгая дрессировка. Нужно обращаться то къ карательной, то къ поощрительной системѣ воспитанія, къ побоямъ и ошейнику, или къ ласкамъ и лакомымъ кускамъ.

Но послѣ достаточнаго числа хорошо выдрессированныхъ поколѣній, все измѣняется; искусственная наклонность организуется и становится прирожденной и наслѣдственной. Тогда молодая, сильно породистая собака, добровольно дѣлаетъ стойку, она можетъ ее дѣлать, будучи шестимѣсячнымъ щенкомъ. Видъ куропатки приводитъ въ волненіе все ея существо: «Она замираетъ на мѣстѣ, широко раскрывъ глаза и устремивъ ихъ передъ собой, ея уши настороженьı впередъ, лобъ наморщивается, она кажется изумленной, отъ волненія у ней грудь колышется. Ея первоначальные инстинкты настолько измѣнились, что въ тотъ моментъ, когда куропатка подымается, она не только не бросается вслѣдъ за ней, но часто дѣлаетъ движеніе назадъ. Попадаются лягавыя собаки, которымъ такъ твердо привито чувство долга, что они дѣлаютъ безконечную

стойку, оставаясь глухими къ свисткамъ, къ зову, даже къ ружейнымъ выстрѣламъ: приходится идти за ними».

Совершенно аналогичное нравственное перерожденіе произошло съ овчарками. Оно явилось результатомъ продолжительнаго примѣненія подобныхъ же пріемовъ. Мѣняются только завѣтныя формулы.

Наклонности, однажды привитыя дрессировкой овчаркѣ, становятся наслѣдственными, даже несмотря на породу животнаго, такъ что всѣ собаки могутъ быть превращены въ овчарокъ. Тогда уже нѣтъ болѣе необходимости, чтобы пріучить собаку хватать барановъ за уши, привязывать кусочекъ хлѣба къ уху барана. Точно также, безъ всякой предварительной дрессировки, овчарки начинаютъ бѣгать не въ стадѣ, а вокругъ него, нисколько не безпокоя животныхъ, которыхъ онѣ охраняютъ.

Я остановился на пріемахъ и результатахъ дрессировки лягавой собаки. Для вполнѣ научнаго, чуждаго всякаго предразсудка, изученія развитія человѣческой нравственности, эти факты имѣютъ самое высокое значеніе. Они освѣщаютъ весь вопросъ.

Какъ извѣстно, у собаки существуетъ много другихъ искусственныхъ и тѣмъ не менѣе наслѣдственныхъ наклонностей. Я укажу еще на нѣкоторыя изъ нихъ Старыя теоріи, вѣрны ли онѣ или нѣтъ, въ виду ихъ всеобщаго одобренія, могутъ существовать безъ доказательствъ.

Совершенно обратно приходится поступать въ отношеніи теорій революціонныхъ, какъ наши. «Молодой террьеръ, говоритъ А. Найтъ, предки котораго были употребляемы на истребленіе хорьковъ, пришелъ въ страшную ярость, увидя въ первый разъ хорька. Другой же породы собака совершенно равнодушно смотрѣла на него, но за то преслѣдовала бекаса съ увлеченіемъ, непонятнымъ, въ свою очередь, террьеру». *Tot canes, tot sensus.*

Точно такъ же собаки, выдрессированныя для охоты на лисицу, предаются ей съ пыломъ, повидимому, удивляющимъ собакъ, чуждыхъ этому спорту.

Франклинъ передаетъ любопытную исторію двухъ собакъ,

ньюфаундлендской и дворняшки, упавшихъ въ море какъ разъ въ моментъ яростной ихъ борьбы ня Донагадской дамбѣ.

Приключеніе плохо окончилось бы для неважно плавающей дворняшки, если бы ея противникъ, въ которомъ прикосновеніе воды вызвало инстинктъ спасанія, не вытащилъ на берегъ своего погибающаго соперника.

Но этотъ странный случай заслуживаетъ небольшого психологическаго анализа. Въ очень простой, а потому и ясной формѣ, онъ рисуетъ намъ одинъ изъ тѣхъ нравственныхъ конфликтовъ, которые такъ часто происходятъ и въ человѣческомъ сердцѣ. На первомъ планѣ психической сцены появляется прежде всего воинственный инстинктъ ньюфаундленда. Этотъ инстинктъ свойствененъ ему наравнѣ почти со всѣми особями собачьей породы и обусловливается всей предыдущей жизнью его предковъ до и послѣ прирученія. Къ этому первоначальному инстинкту можно, пожалуй, прибавить нѣкоторую наслѣдственную антипатію къ породѣ дворняшекъ. Подчиняясь этимъ нравственнымъ стимуламъ, ньюфаундлендъ бросается на своего противника; но во время разгара битвы, когда укоренившимся инстинктамъ предоставлена полная свобода, происходитъ случай, въ нравственномъ отношеніи незначительный, а между тѣмъ измѣняющій весь ходъ событій. Ощущеніе холодной воды пробуждаетъ искусственную наклонность, тоже укоренившуюся въ мозгѣ животнаго. Это является точкой отправленія другого ряда рефлективныхъ дѣйствій. Тогда развертывается цѣлая цѣпь нервныхъ разряженій, дремавшихъ въ озлобленномъ животномъ. Появляется инстинктъ спасанія, руководитъ поступками животнаго и ньюфаундлендъ до самаго берега поддерживаетъ своего врага котораго онъ только что пытался задушить.

Примѣръ этотъ типиченъ, весьма поучителенъ, и, если мы обратимся къ личнымъ воспоминаніямъ, то навѣрное найдемъ въ нихъ слѣды многихъ подобныхъ же нравственныхъ переворотовъ.

Но ничто не можетъ быть проще и яснѣе происхожденія искусственныхъ инстинктовъ у собаки и, отложивъ въ сторону всякіе предразсудки, приходится признать, что происхожденіе этихъ наклонностей ярко освѣщаетъ происхожденіе человѣче-

ской нравственности. Послушаемъ весьма точнаго и проницательнаго наблюдателя, Ж. Леруа: «Боль отъ ударовъ плети, воспроизведенная памятью, задерживаетъ въ лягавой собакѣ желаніе погнаться за бѣгущимъ зайцемъ... Эта мысль становится до такой степени господствующей, что, наконецъ, видъ зайца заставляетъ ее поджать хвостъ и быстро вернуться къ хозяину». Несомнѣнно, что подобные нравственные конфликты также свойственны человѣку, какъ и собакѣ. Но не станемъ забѣгать впередъ.

Мы уже видѣли, что два главнѣйшіе пріема дрессировки заключаются въ томъ, чтобы своевременно наказывать или поощрять. Но существуютъ другія практическія средства, способныя облегчить дрессировку, обострить однѣ способности, развить другія и, наконецъ, создать совершенно новыя искусственныя наклонности.

Если приходится имѣть дѣло съ животнымъ свирѣпымъ, то самой полезной предосторожностью является прежде всего удовлетворить вполнѣ его аппетитъ: *Malesuada fames*.

Какъ бы не были жестоки и неумны хищныя птицы, тѣмъ не менѣе ихъ дикую природу смягчаютъ, не давая имъ никогда чувствовать голода. Такимъ образомъ, удается, напримѣръ, устроить, что ястребъ мирно живетъ съ голубями. Если вѣрить профес. Мантегаццѣ, то даже глупый кайманъ смягчается вслѣдствіе сытости. Такимъ образомъ, въ громадной и очень богатой рыбой Гваделупской лагунѣ, кайманы, всегда имѣющіе избытокъ въ пищѣ, превратились въ безобидныхъ чудовищъ. сонливыхъ и неспособныхъ къ какому нибудь дурному поступку противъ человѣка.

Наоборотъ, когда хотятъ усилить дикіе инстинкты животныхъ съ цѣлью утилизировать ихъ, то задача значительно упрощается. Единственно трудно достижимой вещью является тогда добиться послушанія.

Извѣстно, какимъ образомъ старинные ловчіе пріучали соколовъ къ охотѣ при помощи соотвѣтственныхъ приманокъ и хорошаго обращенія. Здѣсь также попадались породистыя животныя. Такъ, нѣкоторыя изъ нихъ доходили даже до того, что возвращали пойманную ими на лету дичь.

На Антильскихъ островахъ ищейки, выдрессированныя европейскими поселенцами для охоты на бѣглыхъ рабовъ изъ негровъ или индѣйцевъ, снова пріобрѣли всю природную жестокость первобытныхъ собакъ. Съ этою цѣлью употреблялись пріемы, очевидно заимствованные у соколиныхъ дрессировщиковъ. Такъ, въ Сенъ-Домингѣ начинали дрессировку съ заключенія ихъ въ рѣшетчатую конуру, похожую на клѣтку. Съ самаго ранняго возраста старались кормить ихъ главнымъ образомъ кровью другихъ животныхъ. «Когда онѣ начинали подростать, имъ иногда показывали поверхъ клѣтки фигуру негра, сплетеннаго изъ бамбука и начиненнаго внутри кровью и внутренностями животныхъ. Собаки приходили въ раздраженіе отъ рѣшетокъ, удерживающихъ ихъ въ неволѣ, а между тѣмъ, чѣмъ болѣе возрастало ихъ нетерпѣніе, тѣмъ ближе подвигали къ рѣшеткамъ ихъ тюрьмы изображеніе негра. Между тѣмъ количество даваемой имъ пищи съ каждымъ днемъ уменьшалось. Наконецъ, имъ бросали чучело негра и въ то время, какъ онѣ съ крайней жадностью пожирали его, стараясь вытащить изъ него кишки, хозяева поощряли ихъ ласками. Такимъ образомъ ихъ ненависть при видѣ негровъ развивается пропорціонально съ ихъ привязанностью къ бѣлымъ. Послѣ того, какъ ихъ дрессировка признавалась достаточной, ихъ посылали на охоту.

«Для несчастнаго негра не было надежды на спасеніе. На землѣ его преслѣдовали ищейки и разрывали на части; если же онъ искалъ убѣжища на деревѣ, то его выдавалъ лай кровожадныхъ ищеекъ и онъ попадалъ тогда въ руки еще болѣе жестокихъ хозяевъ. Но это еще не все. Эти собаки, довольно небрежно охраняемыя близъ французскаго мыса, не разъ срывались съ привязи, нападали на встрѣченныхъ ими на большой дорогѣ чернокожихъ дѣтей и съѣдали ихъ въ одинъ мигъ. Нерѣдко онѣ также бросались въ сосѣдніе лѣса, захватывали врасплохъ безобидное семейство чернокожихъ крестьянъ, отрывали новорожденнаго отъ груди матери или даже пожирали мужчину, женщину и дѣтей. Затѣмъ эти ищейки возвращались въ свои конуры съ запекшейся на мордахъ кровью бѣдныхъ негровъ». Европейскіе колонисты, о которыхъ только что шла

рѣчь, были французы; но это испанцамъ принадлежитъ заслуга дрессировки своръ ищеекъ, охотившихся на людей, и примѣръ имъ былъ поданъ въ Сенъ-Доминго самимъ Христофоромъ Колумбомъ!

Какъ бы не были ужасны эти факты, они тѣмъ не менѣе любопытны, такъ какъ указываютъ на легкость, съ какой можно пробудить дикаго звѣря не только въ собакѣ, но и въ человѣкѣ.

Эти кровожадные инстинкты, столь легко вызываемые, могутъ быть также ослаблены, а для этого однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ служитъ созданіе узъ симпатіи, обусловленныхъ привычкой и продолжительнымъ хорошимъ обращеніемъ. Смягчаютъ и даже усмиряютъ кровожадныя наклонности нѣкоторыхъ животныхъ, заставляя ихъ жить вмѣстѣ съ ихъ обычными жертвами или наслѣдственными врагами; еще скорѣе достигаютъ цѣли, поручая ихъ воспитаніе послѣднимъ.

Хорьки, выхоженные до извѣстной степени курицей, не только не нападали на свою пріемную мать, но подведенные къ другой курицѣ, съ которой ихъ не связывалъ долгъ благодарности, долго колебались, прежде чѣмъ напасть на нее, парализованные столкновеніемъ между ихъ кровожаднымъ инстинктомъ и пріобрѣтенной привычкой. Среди животныхъ, такъ же, какъ и среди людей, нерѣдко ненависть ослабѣваетъ вслѣдствіе лучшаго взаимнаго знакомства.

Въ южно-американскихъ пампасахъ, говоритъ Мантегацца, для полученія наиболѣе преданныхъ стаду овчарокъ, пастухи заставляютъ овецъ кормить своимъ молокомъ щенятъ овчарокъ. Но, ради большей предосторожности, подвергаютъ щенятъ кастраціи, чтобы никакая мятежная страсть не могла отвлечь ихъ отъ исполненія обязанности.

Эти искусственныя, столь разнообразныя наклонности, которыя человѣкъ умѣетъ выработать у собакъ, могутъ образоваться также сами собой, благодаря только обстоятельствамъ, и тогда изъ нихъ можетъ возникнуть наслѣдственно передаваемый инстинктъ, совершенно сходный съ наклонностями, происхожденіе которыхъ неизвѣстно и которыя обыкновенно называютъ природными инстинктами.

Такъ, напримѣръ, наблюдали примѣры наслѣдственной передачи въ собачьей семьѣ отвращенія къ мясникамъ, совершенно сходнаго съ инстинктивной боязнью, примѣры которой мы привели выше. По этому поводу слѣдуетъ отмѣтить то обстоятельство, что, по крайней мѣрѣ у собаки, чувства симпатіи и антипатіи, вытекающія изъ воспоминаній о какомъ нибудь личномъ случаѣ, легко могутъ имѣть объектомъ цѣлую группу людей, исполняющихъ одну и ту же профессію или носящихъ одинаковую одежду. Животное не обособляетъ, не вдается въ частности: оно любитъ или ненавидитъ всю категорію извѣстныхъ лицъ. Мы говорили о собакѣ, ненавидѣвшей мясниковъ. Франклинъ намъ разсказываетъ исторію маленькой собачки, которая, будучи спасена городовымъ отъ ньюфаундленда, боготворила всѣхъ лондонскихъ городовыхъ безъ исключенія.

Но вѣдь это чисто человѣческое отношеніе.

Изъ столь же личныхъ мотивовъ, многіе наши современники любятъ или ненавидятъ тотъ или другой народъ, тотъ или другой классъ или общественную категорію. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ городовъ южной Италіи, одинъ субъектъ закололъ кинжаломъ несчастнаго солдата, чтобы отомстить за оскорбленіе, нанесенное ему другимъ солдатомъ. Когда мы будемъ говорить ниже о нравственности австралійцевъ, то мы остановимся на фактахъ такого же рода, весьма любопытныхъ съ точки зрѣнія эволюціи нравственности.

Пока же ограничимся бѣглымъ констатированіемъ, что тождественныя чувства, столь же безразсудныя, какъ и могучія, могутъ возникать у собаки, у австралійца и у такъ называемаго цивилизованнаго европейца вслѣдствіе весьма простой причины, а именно основного подобія сознательныхъ нервныхъ центровъ и способности корковыхъ клѣточекъ мозговыхъ полушарій воспринимать и сохранять аналогичные слѣды.

Я пробовалъ показать, какъ, при помощи соотвѣтственнаго воспитанія, можно притупить или развить инстинкты у животныхъ, какимъ путемъ можно привить этимъ животнымъ новые инстинкты, становящіеся наслѣдственными, и какъ эти наклонности, называемыя искусственными, но отличающіяся отъ такъ называемыхъ прирожденныхъ только болѣе позднимъ происхо-

жденіемъ, вступаютъ въ борьбу съ послѣдними. Прежде, чѣмъ оставить этотъ предметъ, я хочу еще разъ вернуться къ нему и привести нѣсколько фактовъ, вполнѣ наглядныхъ, гдѣ ясно видна борьба, происходящая въ сознаніи животнаго между тѣмъ, что можно назвать прирожденной, и пріобрѣтенной нравственностью.

Въ Индіи иногда случается, что прирученные слоны убѣгаютъ на волю и возвращаются къ дикому состоянію; тѣмъ не менѣе они сохраняютъ слѣдъ отъ воспитанія, полученнаго отъ человѣка, а именно инстинктъ послушанія: «Не разъ, говоритъ Франклинъ, случалось видѣть, какъ индѣецъ смѣло подходилъ къ дикому чудовищу и приказывалъ ему принять себя на шею. Услышавъ приказаніе этого человѣка, животное въ ту же минуту признавало господство своего прежняго хозяина».

Въ Лондонѣ одинъ слонъ, по кличкѣ Шуни, пользовавшійся нѣкогда громкой славой на подмосткахъ Кобургскаго театра, вдругъ, послѣ долгаго періода покорности, сталъ подвергаться бѣшеннымъ припадкамъ гнѣва. Было рѣшено застрѣлить его изъ ружья. И вотъ, во время совершенія самой казни, среди выстрѣловъ, онъ все еще повиновался голосу поводыря; «Онъ палъ благородно, говоритъ Франклинъ, подобно разстрѣлянному генералу».

Исторія собаки Романеса, имъ самимъ разсказанная на одномъ изъ засѣданій «Общества для распространенія знаній», еще болѣе поучительна, Она касается домашней кражи, совершенной животнымъ:

«Это собака украла только одинъ разъ въ своей жизни: однажды, когда она была очень голодна, она схватила котлету со стола и унесла ее подъ диванъ. Я былъ свидѣтелемъ этого факта, но сдѣлалъ видъ, что ничего не видалъ, и виновная оставалась нѣсколько минутъ подъ диваномъ, у нея шла внутренняя борьба между желаніемъ утолить голодъ и чувствомъ долга; въ концѣ концовъ послѣднее восторжествовало, и собака принесла къ моимъ ногамъ украденную котлету.

«Сдѣлавъ это, она тотчасъ же вернулась опять подъ диванъ, откуда никакой зовъ не могъ заставить ее выйти. Напрасно гладилъ я ее по головѣ, эта ласка побудила ее только отвернуть

морду съ истинно комичнымъ видомъ раскаянія. Что придаетъ особенную цѣну этому факту, это то, что собака никогда не подвергалась побоямъ, такъ что ея поступкомъ не могъ руководить страхъ передъ тѣлеснымъ наказаніемъ. А потому невольно приходится признать въ этихъ дѣйствіяхъ образцы настолько высокаго развитія сознательной способности, насколько можетъ дать его логика чувствъ безъ содѣйствія логики знаковъ, т. е. степень, если не совсѣмъ, то почти одинаковую съ встрѣчаемой у низшихъ дикарей, маленькихъ дѣтей, многихъ идіотовъ и лишенныхъ воспитанія глухонѣмыхъ».

Этотъ фактъ имѣетъ цѣнность, какъ опытъ *in animâ vili* [1]). Дѣло вотъ въ чемъ: породистое, хорошо воспитанное животное въ общемъ имѣетъ принципы, цѣлый нравственный багажъ, являющійся какъ слѣдствіе его сожительства съ человѣкомъ; но за этими духовными пріобрѣтеніями, сравнительно недавняго происхожденія, лежитъ весь древній запасъ наслѣдственныхъ наклонностей вида. Рождается соблазнъ; животное поддается ему: это говоритъ древняя нравственность. Но немедленно пробуждается новая нравственность, которая протестуетъ, останавливаетъ виновную, и тогда у животнаго возникаетъ чувство стыда, сожалѣнія, нравственнаго страданія, которому трудно дать другое наименованіе, какъ *угрызеніе совѣсти*.

Прежде чѣмъ итти далѣе, я въ нѣсколькихъ словахъ резюмирую вышеизложенныя общія данныя. Ихъ можно выразить въ двухъ краткихъ формулахъ:

1) Нервная клѣточка есть регистрирующій аппаратъ, и накопленные имъ слѣды могутъ передаваться по наслѣдству, чѣмъ и вызывается образованіе врожденныхъ стремленій, естественныхъ наклонностей, инстинктовъ.

2) Вмѣшательство человѣка (дрессировка) можетъ вызвать безпорядокъ въ наилучше укоренившихся инстинктахъ животнаго и даже породить у него новые инстинкты.

---

[1]) Надъ низшей душой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ОБРАЗОВАНІЕ НРАВСТВЕННЫХЪ НАКЛОННОСТЕЙ.

(*Продолженіе.*)

I.—*Нравственность у животныхъ.*—О царствѣ человѣка.—Нравственность возникаетъ на почвѣ соціальнаго строя.—Психологія животнаго и психологія человѣка.—Материнская любовь у животныхъ и у человѣка.—Сыновняя любовь у одного слона.—Альтруизмъ у животныхъ.—Великія достоинства и маленькіе недостатки.—О деспотизмѣ у обезьянъ.—Чувства симпатіи у обезьянъ.—Высокое развитіе нравственности у муравьевъ и пчелъ.—Разнообразіе нравственности у муравьевъ.—Преступныя пчелы.

II.—*Какъ образовывается человѣческая нравственность?*—Наслѣдственныя безнравственныя наклонности у человѣка.—Отсутствіе угрызеній совѣсти у нѣкоторыхъ преступниковъ.—Генезисъ совѣсти.—Неписанные законы.—Относительность нравственности.

I.—НРАВСТВЕННОСТЬ У ЖИВОТНЫХЪ.

Уже одно заглавіе этой главы будетъ шокировать нѣкоторыхъ изъ моихъ читателей. Дѣйствительно, уже издавна учатъ насъ, что человѣкъ есть особенное существо во вселенной, вродѣ разорившагося бога, сохранившаго остатки своего былого богатства, между прочими привилегію быть нравственнымъ и способнымъ къ дальнѣйшему нравственному совершенствованію. На предполагаемомъ существованіи этой привилегіи еще недавно пытались обосновать странную теорію о *царствѣ человѣческомъ*. Останавливаться въ настоящее время на опроверженіи этой мечты бредящаго метафизика было бы, конечно, безполезной тратой времени. Тѣсное физическое, нравственное и умственное родство человѣка съ животнымъ не нуждается болѣе въ доказательствахъ. Къ тому же мы увидимъ, очерчивая этнографію нравственности, какимъ сильнымъ характеромъ животности отличается нравственность низшихъ расъ.

Что человѣкъ, взятый въ совокупности, въ настоящее время является первымъ, менѣе несовершеннымъ и самымъ способнымъ къ прогрессу изъ животныхъ, это—несомнѣнно, но тѣмъ не менѣе онъ—не болѣе, какъ цивилизованная обезьяна, выскочка, который не можетъ отрекаться отъ своей генеалогіи: послѣдняя наложила свой слѣдъ не только на его тѣло, на каждый изъ его органовъ, на каждую изъ его анатомическихъ составныхъ частей, но даже и на то, что называютъ душой, и на его интеллектуальную сторону. Даже у цивилизованнаго человѣка существуютъ нѣкоторыя изъ качествъ и недостатковъ, психическое происхожденіе которыхъ доходитъ, по всей вѣроятности, до его предковъ изъ міра животныхъ; такъ, напримѣръ, чувство материнской любви, кровожадные инстинкты, такъ легко пробуждаемые въ немъ. Въ животномъ мірѣ такъ же какъ и въ человѣчествѣ, всякая соціальная жизнь требуетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отъ соучастниковъ ея извѣстной степени взаимности. Вотъ почему среди животныхъ нерѣдки примѣры какъ преданности по отношенію къ близкимъ или членамъ группы, такъ и черты семейнаго или соціальнаго альтруизма.

Какъ только два существа, одаренныя, хотя бы въ самой начальной степени, чувствительностью и способностью мыслить, начинаютъ жить совмѣстно, ассоціируются съ какой бы то ни было цѣлью, нравственность, по крайней мѣрѣ, нѣкоторая ея степень, должна возникнуть. Необходимо, чтобы каждый изъ нихъ болѣе или менѣе подчинялъ свои желанія желаніямъ своихъ сотоварищей. Группы, въ которыхъ будутъ щадить другъ друга, наиболѣе помогать другъ другу, будутъ имѣть болѣе шансовъ одержать побѣду надъ соперниками въ борьбѣ за существованіе.

Множество животныхъ, достигшихъ уже высокой степени развитія, группируется въ семьи, орды даже въ многочисленныя и сложныя общества. Къ послѣдней категоріи принадлежатъ пчелы и муравьи, дающіе, какъ мы сейчасъ увидимъ, не одинъ нравственный примѣръ первому изъ млекопитающихся, созданному по «образу и подобію Божьему», такъ какъ у животныхъ степень совершенства соціальныхъ стремленій да-

леко не строго соотвѣтствуетъ іерархическому рангу, занимаемому даннымъ видомъ въ зоологической классификаціи. Насколько, напримѣръ, обезьяна въ этомъ отношеніи ниже муравья!

Довольно извѣстно, что любовь родителей къ дѣтенышамъ можетъ доходить у многихъ видовъ до героизма. Въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, между человѣкомъ и высшими позвоночными даже не аналогія, а полная тождественность. Въ видѣ примѣра я приведу нѣсколько фактовъ: «Встрѣчаются, говоритъ Леруа, птицы, которыя, когда ихъ дѣтенышамъ грозитъ опасность погибнуть отъ холода и дождя, прикрываютъ ихъ своими крыльями, при чемъ забываютъ о своемъ питаніи и часто умираютъ на нихъ».

Только собирая факты подобнаго рода, можно составить и уже составили цѣлые томы. Я выберу изъ нихъ нѣсколько примѣровъ. Вся эта животная психологія крайне драгоцѣнна для насъ. У человѣка, по крайней мѣрѣ, у человѣка развитого, сознательная жизнь отличается безконечной сложностью. Ее можно сравнить съ пышнымъ деревомъ, подъ роскошной листвой котораго глазъ съ трудомъ разбираетъ главный стволъ и крупныя вѣтви, поддерживающіе все остальное. Наоборотъ, у животнаго побудительныя причины, оставаясь по существу тѣми же самыми, обыкновенно отличаются крайней простотой. Съ одной стороны—мы имѣемъ передъ собой сложное зданіе, а съ другой—планъ, поясняющій его.

Лѣтъ десять тому назадъ газеты съ восторгомъ разсказывали о геройскомъ поступкѣ молодой матери, которая, упавъ въ рѣку вслѣдствіе несчастнаго случая съ экипажемъ, употребила послѣднее усиліе и передъ тѣмъ, какъ утонуть, выбросила ребенка на берегъ.

Поступокъ благороденъ, но онъ обыченъ у самокъ обезьянъ.

Въ Бразиліи Спиксъ видѣлъ самку *Stentor Niger*, которая, будучи ранена изъ ружья, собрала свои послѣднія силы, чтобы бросить своего дѣтеныша на сосѣднія вѣтви; затѣмъ, исполнивъ эту материнскую обязанность, она упала и умерла.

Въ 1828 году американскій капитанъ Галь видѣлъ подобное же на берегахъ Суматры:

«Первый выстрѣлъ, говоритъ разсказчикъ, раздробилъ большой палецъ на ногѣ матери, которая издала страшный крикъ. Затѣмъ, приподнявъ въ ту же минуту своего дѣтеныша на столько высоко, на сколько позволяли это ея длинныя руки, она бросила его на верхнія вѣтки, которыя казались слишкомъ слабыми, чтобы поддержать ее самое... Съ этой минуты бѣдная мать, повидимому, забыла о собственномъ существованіи и думала только о судьбѣ дѣтеныша. Бросая по временамъ взглядъ на верхушку дерева, она жестомъ руки убѣждала свое дѣтище скорѣе спасаться. Она даже какъ будто указывала ему путь, по которому онъ долженъ былъ слѣдовать, чтобы, съ вѣтки на вѣтку, добраться до темныхъ и недоступныхъ частей лѣса... Второй выстрѣлъ положилъ животное на землю».

Однородные факты наблюдались у млекопитающихся, стоящихъ не столь высоко на зоологической лѣстницѣ. Ливингстонъ, въ сообщеніи о своемъ путешествіи по рѣкѣ Замбези, разсказываетъ о трогательной смерти самки слона, погибшей, прикрывая дѣтеныша своимъ массивнымъ тѣломъ и лаская его хоботомъ въ то время, какъ кафры, сопровождавшіе путешественника, окружали животное и осыпали его своими дротиками, обращаясь къ нему съ любезностями: великій господинъ, вы сейчасъ умрете; такъ повелѣли *моримосы*.

Одинъ арктическій путешественникъ, Гейзъ, разсказываетъ также о драматической кончинѣ бѣлой медвѣдицы, загнанной сворой эскимосскихъ собакъ и тремя бѣлыми охотниками, вооруженными карабинами. Животное, озабоченное исключительно охраной сопровождавшаго его медвѣженка, почти пренебрегало собственной защитой: «Еще одинъ разъ, говоритъ Гейзъ, удалось ей прикрыть своимъ тѣломъ маленькое храброе существо, совершенно изнемогавшее и истекавшее кровью». Затѣмъ медвѣдица была ранена пятью выстрѣлами.—«Хотя и очень истощенная потерей крови, она еще все-таки могла бороться: напрягши свои послѣднія силы, она еще разъ заставила своихъ враговъ поспѣшно отступить, и прикрыла своимъ тѣломъ дѣтеныша, ради котораго она жертвовала жизнью... Наполовину задушенный карсукомъ (эскимосская собака) и сопровождавшей его сворой, медвѣженокъ издохъ у ногъ матери; видя его рас-

простертымъ и неподвижнымъ, она забыла все, свои раны, угрожавшую ей опасность, яросную свору, терзавшую ее безъ устали, и принялась лизать его съ страстной нѣжностью. Она не хотѣла вѣрить, что онъ умеръ, и пыталась приподнять дорогое дѣтище; осыпала его ласками, чтобы поощрить къ продолженію борьбы; затѣмъ она, вдругъ, повидимому, понявъ, что онъ болѣе не нуждается въ ея покровительствѣ, повернулась къ своимъ палачамъ съ удвоенной яростью. Она впервые тогда попыталась спастись... Одна пуля попала ей въ спинной хребетъ и медвѣдица въ свою очередь упала на орошенный кровью снѣгъ».

Тутъ я невольно вспоминаю извѣстное стихотвореніе Альфреда де Виньи на *Смерть волка*:

Hélas! ai-je pensé, malgré ce grand nom d'hommes,
Que j'ai honte de nous, débiles que nous sommes!
Comment on doit quitter la vie et tous ses maux,
C'est vous qui le savez, sublimes animaux!

. . . .

— Ah! je t'ai bien compris, sauvage voyageur,
Et ton dernier regard m'est allé jusqu'au cœur!
Il disait: «Si tu peux, fais que ton âme arrive,
A force de rester studieuse et pensive,
Jusqu'à ce haut degré de stoïque fierté
Où naissant dans les bois, j'ai tout d'abord monté.
Gémir, pleurer, prier est également lâche.
Fais énergiquement ta longue et lourde tâche
Dans la voie où le sort a voulu t'appeler,
Puis après, comme moi, souffre et meurs sans parler!»

У многихъ видовъ животныхъ такія чудеса героизма обычны между самками. Впрочемъ иногда самецъ соперничаетъ съ своей половиной. Одюбонъ разсказываетъ, что въ случаѣ опасности, угрожающей гнѣзду, канадскій гусь самецъ заставляетъ самку бѣжать и одинъ встрѣчаетъ врага.

Чувство семейной привязанности очень сильно развито у многихъ видовъ животныхъ, но у нихъ такъ же, какъ и у людей, сила семейной привязанности ограничиваетъ альтруистическія

чувства. Этотъ нравственный антагонизмъ вполнѣ естественъ.

«Куропатка, которая, говоритъ Леруа, очень заботливо и энергично относится къ охранѣ интересовъ своихъ дѣтенышей, преслѣдуетъ и безжалостно умерщвляетъ чужихъ, когда они мѣшаютъ ея поискамъ». Другія птицы, наоборотъ, обладаютъ всеобъемлющимъ сердцемъ. «Самка фазана, по словамъ того же Леруа, менѣе заботится о своихъ дѣтяхъ, бросаетъ даже заблудившихся или отставшихъ, но достаточно слѣдовать за ней, чтобы пріобрѣсти право на ея заботливость, и она становится общей матерью всѣхъ нуждающихся въ ней».

До сихъ поръ я, главнымъ образомъ, говорилъ о любви родителей и въ особенности самки къ своему потомству. Она дѣйствительно служитъ у большинства животныхъ главной нравственной пружиной. Но всѣ прирожденныя чувства, входящія въ составъ того, что называютъ человѣческой душой, находится и у животнаго. Такимъ образомъ, встрѣчаясь гораздо рѣже, чѣмъ материнская любовь, сыновняя привязанность существуетъ однако у нѣкоторыхъ животныхъ. Въ докладѣ о своемъ путешествіи по Африкѣ, въ 1836—1837 г.г., В. Гаррисъ приводитъ случай, когда молодой слонъ, проведя цѣлую ночь надъ трупомъ матери, вышелъ на другой день навстрѣчу охотнику и обнялъ его своимъ маленькимъ хоботомъ, какъ бы прося его о помощи.

Обыкновенно, въ животныхъ стадахъ больныя и раненыя изгоняются, бросаются, подобно тому, какъ это бываетъ также и въ первобытныхъ человѣческихъ обществахъ: нигдѣ не хорошо быть слабымъ. Иногда даже матери прибѣгаютъ къ дѣтоубійству. Такъ, наши домашніе кролики иногда пожираютъ своихъ дѣтенышей, а самки уистити расплющиваютъ своихъ дѣтенышей о деревья или съѣдаютъ у нихъ голову.

Въ стадахъ антропоидныхъ обезьянъ, подчиняющихся обыкновенно старому самцу, послѣдній сохраняетъ свою власть лишь до тѣхъ поръ, пока онъ способенъ ее проявлять. Въ одинъ прекрасный день молодыя возмущаются и убиваютъ своего господина.

Тѣмъ не менѣе альтруизмъ и чувство соціальнаго долга встрѣчаются не особенно рѣдко у животныхъ.

Когда кролики пасутся вмѣстѣ за предѣлами своихъ норокъ, то старики въ случаѣ надобности предупреждаютъ объ опасности, ударяя о землю задними лапами: «Если нѣкоторые болѣе молодые и неосторожные кролики не слушаются этихъ первыхъ предостереженій, то старики остаются на мѣстѣ, продолжая стучать и подвергая самихъ себя опасности ради общественной безопасности».

Однажды, во время охоты въ Индіи, два слона упали въ яму, изъ которой одному изъ нихъ удалось выбраться. Послѣ этого онъ, вмѣсто того, чтобы бѣжать, протянулъ своему менѣе ловкому товарищу спасительный хоботъ. Фактъ произошелъ на глазахъ многочисленныхъ свидѣтелей.

Въ Абиссиніи Брэмъ былъ очевидцемъ слѣдующаго факта: стадо бабуиновъ, подвергшееся нападенію собакъ, обратилось въ бѣгство, при чемъ старыя животныя прикрывали отступленіе, но одинъ изъ молодыхъ бабуиновъ, которому было около шести мѣсяцевъ, не могъ поспѣть за стадомъ и, вскарабкавшись на скалу, отчаянными криками просилъ о помощи. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ самцовъ, тронутый его жалобами, спустился съ холма, на который онъ уже поднялся, медленно пошелъ къ покинутому, ободрилъ его и торжественно увелъ съ собой, держа собакъ на почтительномъ разстояніи.

Прекрасный наблюдатель нравовъ птицъ, Одюбонъ, разсказываетъ о томъ, какъ гнѣздо рыжихъ американскихъ дроздовъ подверглось нападенію змѣи; самецъ защищалъ его изо всѣхъ силъ, другой самецъ, той же породы, въ отвѣтъ на отчаянный крикъ своего товарища, поспѣшно спустился на помощь двумъ несчастнымъ... Третій дроздъ боролся съ змѣей (Audubon, *Scènes de la nature dans les Etats-Unis. t.* Ier, p. 303).

Примѣры старыхъ или больныхъ животныхъ, о которыхъ заботятся друзья или родные, не составляютъ рѣдкости. На берегахъ соленаго Утакскаго озера одинъ пеликанъ, старый и слѣпой, получалъ, по словамъ капитана Стансбюри, пищу отъ своихъ товарищей. Индійскіе вороны, говоритъ Блитъ, кормили двухъ или трехъ своихъ ослѣпшихъ товарищей. Дарвинъ, который приводитъ эти факты, наблюдалъ такія же черты у домашняго пѣтуха. Я самъ видѣлъ чижей, кормившихъ въ

теченіе нѣсколькихъ лѣтъ старую безсильную чижиху, ихъ дальнюю прародительницу.

По правдѣ сказать, всѣ подобнаго рода факты,—а ихъ легко можно было бы привести цѣлую массу,—не могутъ считаться нравственными въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ они измѣнчивы и, вытекая изъ индивидуальныхъ чувствъ, которымъ нерѣдко предшествуютъ или которые сопровождаютъ акты чисто эгоистическаго характера: «Та же самая обезьяна, которая способна умереть ради спасенія своего потомства, оказывается не въ силахъ лишить себя какого нибудь лакомаго куска. Такъ, напримѣръ, вы увидите, какъ она ищетъ рукой и вытаскиваетъ изъ глотки своего дѣтеныша миндалину или какое нибудь другое лакомство, которое она затѣмъ съ возмутительнымъ эгоизмомъ съѣдаетъ сама.» Человѣкъ, *l'homo sapiens*, тоже не всегда находится въ героическомъ настроеніи, а когда замолкаютъ высокіе стимулы,—заговариваютъ мелкіе.

У обезьянъ наблюдаются и многія другія нравственныя черты чисто человѣческаго характера. Въ нашихъ звѣринцахъ, у различныхъ породъ обезьянъ, запертыхъ въ одной и той же клѣткѣ, можно наблюдать, какъ у нихъ развиваются довольно низменныя чувства, весьма распространенныя среди людей: высокомѣріе, злоупотребленіе властью у сильныхъ и рабская угодливость у слабыхъ. Нѣкоторая соціальная іерархія, исключительно основанная на правѣ сильнаго, устанавливается и въ этомъ маленькомъ обществѣ: «Плебсъ у низшихъ четверорукихъ, маки и уистити, образуетъ угнетенный классъ, члены котораго вступаютъ во взаимное между собой соглашеніе, съ цѣлью всѣми силами противодѣйствовать господству и захватамъ привилегированныхъ классовъ... Униженный, смиренный и покорный видъ этихъ илотовъ не всегда спасаетъ ихъ отъ побоевъ, обидъ и дурного обращенія».

Но, какъ мы увидимъ ниже, все это, точка въ точку, соотвѣтствуетъ низшимъ человѣческимъ обществамъ.

Слѣдующая картина другого рода еще болѣе носитъ человѣческій характеръ. Я ее заимствую все у того же превосходнаго наблюдателя: «Я присутствовалъ, однажды, и слѣдилъ съ большимъ любопытствомъ за родами макаки. Какъ только дѣтенышъ

родился, въ комнату были введены другія самки той же породы обезьянъ. Произошла трогательная сцена. Самки поочередно брали на руки новорожденнаго, цѣловали его и передавали другъ другу, осыпая его ласками, потомъ тихо подошли къ матери, какъ бы желая ее поздравить съ благополучнымъ разрѣшеніемъ отъ бремени. Я бы желалъ, чтобы тутъ были женщины, такъ какъ ничто не могло быть нравственнѣе и поучительнѣе этого почтенія, оказаннаго животными материнству, дѣтству, святости семейныхъ чувствъ».

Я выше замѣтилъ, что для опредѣленія степени нравственнаго развитія у животныхъ приходилось часто отклоняться отъ зоологической іерархіи. Самыя развитыя животныя, какъ напримѣръ пчелы и муравьи, которыхъ по справедливости можно назвать *приматами* всѣхъ безпозвоночныхъ,—въ нравственномъ отношеніи значительно стоятъ выше млекопитающихся и даже низшихъ человѣческихъ расъ. У этихъ любопытныхъ видовъ насѣкомыхъ, которымъ удалось создать большія общества при отсутствіи семьи, чувство долга, забота объ общественномъ благѣ и самоотреченіе развились до героизма и, повидимому, у всѣхъ гражданъ республики. «Пчелы работницы защищаютъ съ удивительнымъ усердіемъ и безкорыстіемъ дѣтенышей общей матки... Онѣ открываютъ коконъ новорожденнаго и ухаживаютъ за нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ въ состояніи летать или выполнять предназначенныхъ ему функцій».

Леббокъ также обратилъ вниманіе на нѣжныя заботы, которыми старые муравьи окружаютъ молодыхъ, когда тѣ выходятъ изъ куколокъ. Муравья, которому Латрейль отрѣзалъ усики, буквально стали лечить его товарищи, изливая на его раны капли прозрачной жидкости, которую они выдѣляли съ этою цѣлью изъ своихъ ртовъ. Леббокъ видѣлъ, какъ одинъ изувѣченный муравей былъ предметомъ заботливаго ухода въ теченіе пяти мѣсяцевъ.

По мнѣнію Гюбера, нравственное развитіе мѣняется, смотря по муравейнику. Онъ приводитъ въ примѣръ одну общину, замѣчательную по царившей въ ней соціальной гармоніи: «Насѣкомыя, составлявшія ее, непрерывно подносили другъ другу пищу, ласкали усиками и переносили другъ друга съ мѣста на

мѣсто». Когда является необходимость защищать республику, пчелы и муравьи проявляютъ величайшій героизмъ. «Извѣстно, что можно разрѣзать муравья пополамъ и тѣмъ не менѣе обѣ половины его тѣла будутъ продолжать защищать свой очагъ. Голова и туловище еще двигаются и переносятъ личинки въ ихъ убѣжище».

Какъ сильно не была бы развита у этихъ насѣкомыхъ соціальная нравственность, тѣмъ не менѣе между ними существуетъ индивидуальныя различія. Такъ, напримѣръ, когда муравейникъ бываетъ завоеванъ и разграбленъ непріятельской арміей, нѣкоторые муравьи бросаются на побѣдителей, чтобы спасти еще нѣсколько личинокъ, рискуя при этомъ своей жизнью, въ то время, какъ главная масса отступаетъ. Муравьи такъ же, какъ люди, повидимому, очень дорожатъ общественнымъ мнѣніемъ. «Одинъ и тотъ же муравей, говоритъ Форель, который, будучи окруженъ товарищами, способенъ десять разъ пожертвовать своей жизнью, можетъ проявить крайнюю робость при малѣйшей опасности, даже передъ самымъ слабымъ муравьемъ, если онъ одинъ и находится по крайней мѣрѣ въ двадцати метрахъ отъ своего гнѣзда». Подобнаго рода индивидуальныя отклоненія въ нравственной сферѣ наблюдаются также и у пчелъ. Въ этомъ случаѣ несомнѣнно есть что-то весьма сходное съ тѣмъ, что происходитъ въ умѣ человѣка.

Вообще домашняя пчела одинаково какъ умѣренна, такъ и трудолюбива; никогда работницы не трогаютъ зимнихъ запасовъ, закрытыхъ ячеекъ; даже болѣе того, изъ ячеекъ, открытыхъ для ежедневнаго употребленія, каждая пчела пользуется лишь такимъ количествомъ пищи, какое необходимо для удовлетворенія ея насущныхъ потребностей. Но попадаются и безнравственныя пчелы, воровки, которыя забираются тайкомъ въ ульи, чтобы полакомиться. Наконецъ, внѣ своего улья, когда онѣ, напримѣръ, нападаютъ на наши кондитерскія, то большинство изъ нихъ предается грубому невоздержанію. Можно даже развратить пчелу, давая ей смѣсь меда съ водкой. Она тогда очень быстро предается пьянству и становится лѣнтяйкой и воровкой. Но совершенно такъ же алкоголизмъ развращаетъ и человѣка.

Если бы цѣль моя была написать полную исторію нравствен-

ности животныхъ, то я долженъ былъ бы собрать больше фактовъ такого рода, что было бы чрезвычайно легко. Но я намѣренъ заняться человѣкомъ и эволюціей его нравственности. Типичныхъ примѣровъ, только что мною приведенныхъ, вполнѣ достаточно для того, чтобы установить, что возвышенныя чувства, стремленіе приносить себя въ жертву семьѣ, своимъ ближнимъ, своимъ согражданамъ, не составляютъ привилегіи человѣка. А между тѣмъ никогда не утверждали, что эти нравственные стимулы, столь возвышенные, были вложены въ нервные центры животныхъ силой сверхъестественной, божественной. У животныхъ и у человѣка нравственность, несомнѣнно, имѣетъ одинаковое происхожденіе. Она возникаетъ изъ требованій самой соціальной жизни послѣ того, какъ мозговыя полушарія или нервные узлы достигли достаточной степени совершенства. Повторимъ теперь тѣ общія данныя, которыя мы изложили выше.

Нервная клѣточка есть аккумулирующій аппаратъ; она сохраняетъ слѣды совершившихся въ ней актовъ, будь это акты двигательныхъ возбужденій, ощущенія, впечатлѣнія или образованія понятій. Изъ этой способности къ накопленію вытекаетъ, что достаточное повтореніе нервныхъ внутри-клѣточныхъ актовъ вызываетъ образованіе самопроизвольныхъ, инстинктивныхъ стремленій, которыя могутъ стать наслѣдственными.

Такимъ путемъ образовались инстинкты у животныхъ и даже цѣлый рядъ автоматическихъ актовъ у человѣка, необходимыхъ для поддержанія функцій питанія. Связь этихъ актовъ, зарегистрированныхъ въ памяти нервныхъ центровъ, бываетъ часто безсознательной, такъ какъ повтореніе достаточное число разъ сознательныхъ вначалѣ дѣйствій всегда стремится превратить ихъ въ болѣе или менѣе безсознательныя.

Благодаря совершенно подобному механизму, возникли нѣкоторыя спеціальныя способности, привитыя человѣкомъ домашнимъ животнымъ. При чемъ эти пріобрѣтенныя способности передаются по наслѣдству, какъ и естественныя стремленія, называемыя инстинктивными.

Происхожденіе первыхъ освѣщаетъ, слѣдовательно, происхожденіе вторыхъ.

При помощи индуктивнаго метода, можно отнести къ при-

родному воспитанію, вызываемому требованіями борьбы за существованіе, акты преданности, героическаго самоотреченія, даже соціальной нравственности, неоспоримые и легко наблюдаемые у многихъ животныхъ.

Но человѣкъ, несомнѣнно, есть только первое изъ земныхъ животныхъ. Конечно, его нравственное развитіе было полнѣе и совершеннѣе; тѣмъ не менѣе оно должно было по необходимости совершиться аналогичнымъ же путемъ.

Попробуемъ провѣрить это предположеніе, разсмотрѣвъ, какимъ образомъ складываются и насаждаются нравственныя понятія въ человѣческомъ мозгу.

II.—Какъ образовывается человѣческая нравственность.

Прежде всего обратимъ вниманіе на то, что у нѣкоторыхъ людей существуютъ наклонности, часто наслѣдственныя, столь противоположныя относительному порядку цивилизованныхъ обществъ, что онѣ считаются патологическими. Но подобные бѣшеные и порочные инстинкты могли, однако, образоваться только въ средѣ первобытныхъ обществъ, въ тѣ отдаленныя эпохи, когда нравственность была еще въ зачаточномъ состояніи, когда наклонность, заклейменная въ наше время, какъ преступленіе, могла не только свободно процвѣтать, но даже, иногда, дѣлать личность, одаренную подобною наклонностью, грозной и достойной уваженія.

Наши исправительные пріюты, наши тюрьмы, наши сумасшедшіе дома заключаютъ въ своихъ стѣнахъ изрядное число этихъ отпрысковъ предыдущихъ вѣковъ, у которыхъ порочная наслѣдственность неоспорима.

Врожденныя и непреоборимыя наклонности къ воровству, убійству, изнасилованію, поджогу и пьянству далеко не составляютъ рѣдкости въ нашихъ такъ называемыхъ культурныхъ обществахъ и ихъ наслѣдственная передача внѣ всякаго сомнѣнія.

Въ Метрэ, говоритъ намъ Люкасъ, въ 1843 году было тридцать четыре ребенка, родители которыхъ находились въ тюрьмѣ.

Изъ двадцати четырехъ потомковъ по прямой линіи одной

порочной женщины, четвертая часть была осуждена, а остальныя три четверти состояли изъ пьяницъ, сумасшедшихъ, идіотовъ и нищихъ.

Въ настоящее время всѣмъ извѣстно, что общества дикарей, варваровъ и даже цивилизованныхъ народовъ всѣхъ племенъ и цвѣтовъ вначалѣ практиковали людоѣдство. И въ наши дни обнаруживается еще то тамъ, то здѣсь существованіе наклонностей къ антропофагіи, иногда наслѣдственныхъ.

Подобно всѣмъ инстинктамъ, глубоко врѣзаннымъ въ нервные центры, эти порочные инстинкты, которые не могутъ быть терпимы законодательствоиъ нашихъ современныхъ обществъ, не сопровождаются никакими угрызеніями совѣсти. Закоренѣлые преступники не имѣютъ нравственнаго чувства, говоритъ Брюсъ Томпсонъ, врачъ главной тюрьмы въ Шотландіи. Изъ пятисотъ извѣстныхъ ему убійцъ лишь только трое испытывали кое какое угрызеніе совѣсти.

Послушаемъ другого наблюдателя:

«По крайней мѣрѣ девять десятыхъ привычныхъ злодѣевъ не обнаруживаютъ, обыкновенно, ни желанія, ни намѣренія отказаться отъ своего образа жизни. Они любятъ пороки, которымъ отдались...—Боже мой! какъ пріятно воровать! если бы у меня были милліоны, я все-таки хотѣлъ бы быть воромъ,—слышалъ я отъ одного молодого мошенника».

Если бы дѣло шло о наклонностяхъ, поощряемыхъ, полезныхъ обществу, то это удовлетвореніе, эта внутренняя радость послѣ совершеннаго поступка были бы названы «санкціей нравственнаго начала, свидѣтельствомъ совѣсти». Все сводится къ однимъ словамъ, и оцѣнки мѣняются въ зависимости отъ временъ и мѣстъ! Въ дѣйствительности же психическій механизмъ—одинъ и тотъ же въ обоихъ случаяхъ. Собственно совѣсть, это глубокое чувство, внушающее и награждающее за поступки похвальные, полезные, героическіе, а также за преданность, самоотреченіе,—является также лишь результатомъ продолжительнаго воспитанія предковъ, результатомъ извѣстнаго наслѣдственнаго нравственнаго склада.

Мало-по-малу, подъ вліяніемъ различныхъ соціальныхъ потребностей и соотвѣтственно данному уровню умственнаго раз-

витія и предусмотрительности, человѣческія общества, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, предписывали или запрещали нѣкоторыя дѣйствія. Какъ увидимъ мы ниже, число подобныхъ запрещенныхъ поступковъ было въ началѣ крайне ограниченное, но наказаніе за нихъ отличалось строгостью, часто жестокостью, вслѣдствіе чего въ средѣ первобытныхъ обществъ сложилось хотя и несомнѣнно ограниченное, но могучее нравственное воспитаніе, даже настоящій подборъ.

Въ началѣ повинуются повелѣніямъ предводителей, жрецовъ, однимъ словомъ, людей властныхъ, не вслѣдствіе того, чтобы ихъ приказанія одобрялись, а потому что не повиноваться было опасно, такъ какъ нарушителямъ угрожала не только человѣческая месть, но и божеская.

Но, съ теченіемъ времени, это насильственное принужденіе не могло не оставить слѣдовъ въ сознаніи человѣка, не создать нравственныхъ, наслѣдственно передаваемыхъ наклонностей, которымъ большинство людей подчинялось добровольно, автоматически и съ удовольствіемъ такъ же, какъ оно не могло противодѣйствовать имъ безъ сожалѣнія или угрызенія совѣсти.

Тогда выступило на сцену новое, могучее вліяніе и помогло выработкѣ этическихъ началъ: то было общественное мнѣніе. Мы уже видѣли, что муравьи чувствительны къ одобренію своихъ сотоварищей; человѣкъ, существо соціальное, подобно имъ, также крайне чутко относится къ порицанію или похвалѣ. Поэтому, когда разные стимулы, опредѣляющіе поступки человѣка, приходили въ столкновеніе, то инстинкты, признанные нравственными, часто побѣждали даже и тогда, когда не приходилось человѣку ожидать ни награды, ни наказанія: совѣсть уже сложилась.

Въ то время было то, что Платонъ называетъ «неписанными законами». Кровосмѣсительство,—говоритъ Платонъ,—осуждалось *неписаннымъ* закономъ; относительно религіозныхъ вопросовъ Эмолпиды произносили свои приговоры по неписаннымъ законамъ, *которыхъ никто не обнародовалъ и никто не могъ ни отмѣнить, ни оспаривать.*

Эта мысль о законахъ инстинктивныхъ, неписанныхъ, но стоящихъ выше изданныхъ законовъ, была, очевидно, сильно

распространена въ Греціи, такъ какъ она встрѣчается еще въ *Антигонѣ* Софокла.

Когда Креонъ дѣлаетъ Антигонѣ упрекъ за то, что она, вопреки законамъ, предала погребенію своего брата Полиника, Антигона смѣло отвѣчаетъ: «Я не думала, что декреты смертнаго, какъ ты, имѣютъ достаточно силы, чтобы быть выше неписанныхъ законовъ, неподлежащаго измѣненію созданія самихъ боговъ. Они явились не сегодня и не вчера; они существовали вѣчно и никто не знаетъ ихъ происхожденія. Должна ли я была, забывъ ихъ изъ страха передъ угрозами одного человѣка, рисковать подвергнуться мести боговъ»?

Наконецъ, самъ Аристотель, который относился съ такимъ большимъ уваженіемъ къ писанному закону, что называлъ его «безстрастнымъ разумомъ», прибавляетъ, однако, немного ниже: «Законы, обусловленные нравами и привычками, имѣютъ еще большій авторитетъ, чѣмъ писанные законы».

Но эти законы, писанные или нѣтъ, могутъ сложиться только подъ вліяніемъ образа жизни, общественнаго строя и потребностей, вызываемыхъ этимъ строемъ.

А потому Дарвинъ сто разъ правъ, когда говоритъ: «Если бы законы размноженія для людей были тѣ же, что и для пчелъ, то наши самки работницы считали бы своимъ священнымъ долгомъ убивать своихъ братьевъ, а матери старались бы уничтожать своихъ плодовитыхъ дочерей... Пчела пріобрѣла подобные инстинкты, благодаря тому только, что они выгодны для общины».

Разъ установленные и *организованные* въ нервныхъ центрахъ, нравственные инстинкты передаются наслѣдственно, подобно животнымъ и функціональнымъ инстинктамъ, но, естественно, не съ такою же точностью. Сравнительно съ послѣдними, нравственные инстинкты представляютъ продуктъ болѣе позднихъ процессовъ, а потому ихъ передача происходитъ неправильно и съ перерывами. Однако, устойчивость въ наслѣдственной передачѣ нравственныхъ инстинктовъ гораздо значительнѣе, чѣмъ при передачѣ умственныхъ способностей, отличающихся наибольшею подвижностью вслѣдствіе того, что онѣ

явились послѣдними; относительно ихъ наслѣдственная передача признается только въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ.

Писанные законы, образованіе, книги, правила и воспитаніе служатъ къ большему еще укрѣпленію наклонностей, называемыхъ нравственными, а также для оживленія ихъ въ томъ случаѣ, когда нервные слѣды стремятся исчезнуть.

Что нравы, а слѣдовательно, и правила, регулирующія нравы, нравственность, являются результатомъ даннаго соціальнаго строя и извѣстной степени цивилизаціи, есть истина, которую вполнѣ подтверждаютъ исторія и этнографія. Значительная часть этого труда будетъ посвящена тому, чтобы фактами подкрѣпить это основное положеніе; но предварительно я сдѣлаю нѣсколько общихъ замѣчаній.

Чувство стыдливости является наиболѣе искусственно сложившимся чувствомъ. Оно невѣдомо всему царству животныхъ и всѣмъ первобытнымъ человѣческимъ обществамъ. Полинезійцы никогда и во снѣ его не видали и даже сами японцы мало задумываются надъ этимъ чувствомъ. Тѣмъ не менѣе, это чувство, хотя, очевидно, пріобрѣтенное, имѣетъ у многихъ европейскихъ женщинъ силу и самопроизвольность инстинкта. Когда Еврипидъ говоритъ намъ, что, «даже умирая, зарѣзанная Поликсена очень заботилась о томъ, чтобы упасть прилично и не показать того, что принято скрывать отъ взоровъ мужчинъ», то онъ ничего не преувеличиваетъ, а между тѣмъ молодая японская дѣвушка, столь же интеллигентная, какъ и Поликсена, но принадлежащая къ другой расѣ, купается голая, безъ всякаго стѣсненія, среди мужчинъ, которые, въ свою очередь, нисколько этимъ не смущаются [1]).

Дѣйствительно, въ человѣческихъ обществахъ, благодаря воспитанію и надлежащей тренировкѣ, могутъ, при условіи, если этому подвергся достаточный рядъ поколѣній, возникать, почти неизбѣжно, тѣ или другія добродѣтели, тѣ или другіе пороки, тѣ или другія наклонности. Въ героическій періодъ

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ уѣздахъ вологодской губерніи я лично видѣлъ въ 1892 г., какъ мужчины и женщины или дѣвушки мылись, тоже безъ всякаго смущенія, вмѣстѣ въ банѣ.

Переводчикъ.

развитія общества, когда среди мелкихъ этническихъ группъ идетъ постоянно вооруженная борьба, выше всего цѣнятся, болѣе всего требуются и вознаграждаются это—воинственныя наклонности, и онѣ никогда не перестаютъ процвѣтать, что вполнѣ удостовѣрено исторіей Спарты, Рима, а также исторіей всѣхъ дикихъ или варварскихъ народовъ. Храбро идти на смерть за отечество становится тогда обыденнымъ поступкомъ, самой заурядной добродѣтелью. Этотъ нравственный отпечатокъ такъ прочно врѣзался въ теченіе продолжительныхъ доисторическихъ или историческихъ періодовъ, что даже въ настоящее время въ нашихъ промышленныхъ и меркантильныхъ обществахъ, гдѣ пріобрѣтеніе денегъ *per fas et nefas* (всѣми правдами и неправдами) сдѣлалось высшей цѣлью, древній воинственный инстинктъ пробуждается еще во время войны, а въ мирное время онъ толкаетъ на глупыя дуэли, эти «суды Божьи», которымъ покорно подчиняются сами атеисты.

Все тотъ же самый старый инстинктъ воскресаетъ и у современныхъ угнетенныхъ націй и оживляетъ у нервно разслабленныхъ потомковъ нравственную свѣжесть предковъ. Будетъ ли это всегда такъ? Очевидно, нѣтъ. Для сохраненія пріобрѣтенныхъ качествъ необходимо продолженіе соотвѣтственнаго воспитанія, соотвѣтственной тренировки. Конечно, въ нашихъ современныхъ обществахъ масса людей принуждена подвергать себя тысячѣ стѣсненій, дѣлать безпрестанныя усилія, даже нерѣдко идти, въ нѣкоторыхъ профессіяхъ, на встрѣчу опасности и смерти. Что подобная тренировка, вызываемая борьбой за существованіе, несомнѣнно должна развить волю и выносливость, но эти драгоцѣнныя качества она развиваетъ въ эгоистическомъ направленіи и вызывая въ сознаніи лицъ, подвергаемыхъ такимъ тяжелымъ испытаніямъ, вполнѣ законный протестъ. Если не произойдетъ полнаго соціальнаго переворота, то можно предсказать, что общества, цивилизованныя по европейскому образцу, погибнутъ самой безславной смертью,—они умрутъ изъ-за страсти къ деньгамъ. Но я еще вернусь къ этому вопросу.

Повторяя знаменитое положеніе Кетле, Маудсли вполнѣ вѣрно сказалъ: «Несомнѣнно, однако, что душевнобольные и

преступники суть такіе же фабрикаты, какъ паровыя машины и прессы для ситцевъ». Это безспорно такъ, но при томъ только условіи, чтобы принято было въ разсчетъ упорное вліяніе наслѣдственности, которая или препятствуетъ или благопріятствуетъ воздѣйствію соціальной среды, въ концѣ концовъ дѣйствительно всемогущей. Отъ ея воздѣйствія зависитъ, въ сущности, мораль и пріобрѣтенная или наслѣдственная нравственность.

«Люди, какъ справедливо говоритъ Гольбахъ, обыкновенно не испытываютъ ни стыда, ни угрызеній совѣсти, ни раскаянія при совершеніи поступковъ, освященныхъ примѣромъ другихъ, терпимыхъ или дозволяемыхъ закономъ, практикуемыхъ большинствомъ». Такъ, у дикарей элементарная нравственность, какова бы она ни была, обязательна только по отношенію къ соплеменникамъ. Съ иностранцемъ дозволено всякое насиліе. Латинское слово *hostis* означаетъ одновременно и врага, и иностранца.

Зато соціальныя добродѣтели обыкновенно бываютъ болѣе распространены и сильны въ мелкихъ этническихъ группахъ, образующихъ какъ бы большія семьи, вооруженныя на борьбу съ сосѣдними группами. Въ нашихъ же громадныхъ современныхъ обществахъ, въ которыхъ, въ обычное время, не приходится бояться за свою жизнь или свой кошелекъ, индивидуализмъ все болѣе и болѣе вырождается въ эгоизмъ, жестоко дающій себя знать во время политическихъ и соціальныхъ кризисовъ, когда даже честные люди, въ частной жизни хорошіе отцы и мужья, оправдываютъ, а иногда и совершаютъ самые жестокіе поступки съ чистой совѣстью.

Воспитаніе, весь складъ жизни создаютъ нравственность. Эта истина подтверждается массой фактовъ: въ Испаніи, въ Валисѣ, въ гористой Шотландіи дѣтоубійство почти неизвѣстно, потому что въ этихъ краяхъ общественное мнѣніе очень снисходительно относится къ женской слабости.

Весьма продолжительная нравственная культировка, подкрѣпляемая системой строгихъ наказаній, въ концѣ концовъ потушила у большинства людей наклонность къ убійству, столь распространенную и могучую, какъ мы увидимъ, въ первобыт-

ныхъ обществахъ; но гдѣ—такой благовоспитанный человѣкъ, который посмѣлъ бы отказаться отъ дуэли?

Конечно, въ современныхъ обществахъ страсть къ наживѣ очень сильна. Все побуждаетъ къ ней. Это—главная нравственная или безнравственная пружина. Тѣмъ не менѣе, отвращеніе къ воровству проповѣдывалось такъ долго и столькимъ поколѣніямъ, кража наказывалась такъ строго закономъ, что теперь встрѣчаются бѣдняки, которые, безъ всякаго принужденія, возвращаютъ найденные ими очень цѣнные предметы людямъ, гораздо болѣе состоятельнымъ, чѣмъ они сами, причемъ иногда даже отказываются отъ предлагаемой награды; имъ довольно одного внутренняго сознанія безкорыстно совершеннаго ими поступка. И это—довольно обыденное явленіе; героизмъ, естественно, презираетъ награды; онъ почерпаетъ ихъ въ самомъ себѣ.

Существенно человѣкъ не отличается отъ высшихъ животныхъ; ихъ анатомическое строеніе и физіологическая жизнь тождественны, но нервные центры сознательной жизни могутъ достигать у человѣка болѣе высокой степени развитія. У него такъ же, какъ у животнаго, нервная клѣточка организована для того, чтобы получать впечатлѣнія и сохранять болѣе или менѣе продолжительное время слѣды отъ нихъ, результатомъ этого является способность къ дрессировкѣ, къ образованію наслѣдственныхъ наклонностей, которыя, разъ хорошо укоренившись, управляютъ поведеніемъ индивида среди жизненныхъ столкновеній и приключеній. Мнѣ предстоитъ теперь изложить, какимъ образомъ человѣчество, повинуясь этимъ неизбѣжнымъ законамъ, регулировало свою нравственность, начиная отъ первобытныхъ временъ и до нашихъ дней.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ФАЗЫ НРАВСТВЕННОЙ ЭВОЛЮЦІИ. ЖИВОТНАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ.

Фазы нравственной эволюціи.—Животныя фазы этики.—Дикарская фаза.—Варварская фаза.—Меркантильная фаза.

I. *Животная нравственность.—Homo homini lupus.*

II. *Людоѣдство.*—Людоѣдство и нравственность.—Человѣкъ въ роли дичи.—Эволюція каннибализма.—Людоѣдство въ Австраліи, въ Вити, въ Новой Каледоніи, на Огненной Землѣ, у краснокожихъ.—Людоѣдство въ Полинезіи.—Эволюція людоѣдства въ полинезійскомъ архипелагѣ.—Какъ и почему людоѣдство ослабло тамъ.—*Ти-хи-ху.*—Душа пребываетъ въ лѣвомъ глазу.—Женщина и наслѣдственное вліяніе способствовали уничтоженію полинезійскаго каннибализма.—Нравственность можетъ возникнуть изъ отрицающаго ее элемента.

ФАЗЫ НРАВСТВЕННОЙ ЭВОЛЮЦІИ.

Я укажу въ крупныхъ чертахъ фазы нравственной эволюціи и обозначу каждую изъ нихъ эпитетомъ, рѣзче всего выражающимъ ея общій характеръ.

Въ предыдущей главѣ я говорилъ о нравственности у животныхъ. Для перехода отъ этой нравственности къ нравственности первобытныхъ человѣческихъ группъ, не требуется дѣлать большого усилія. Въ данномъ случаѣ невольно вспоминается поговорка: *Natura non facit saltus.* (Природа не дѣлаетъ скачковъ).

Первобытная нравственность человѣческаго рода была, приблизительно, такова же, какъ нравственность чимпанзе. Она даже отличалась несравненно болѣе животнымъ характеромъ, такъ какъ ни чимпанзе, ни гориллы не пожираютъ другъ друга, тогда какъ людоѣдство есть первородный грѣхъ всѣхъ человѣческихъ расъ. Оно исчезаетъ очень медленно, послѣ цѣлаго ряда послѣдовательныхъ смягченій и можетъ считаться характернымъ признакомъ первой фазы этики—*животной фазы.*

Во время второй фазы, связанной естественно съ первой цѣлымъ рядомъ мало замѣтныхъ переходовъ, каннибализмъ не составляетъ уже основного тона цивилизаціи. Тѣмъ не менѣе, онъ еще нерѣдко сохраняется, но въ такомъ случаѣ проявляется при болѣе или менѣе исключительныхъ условіяхъ и ограничивается нѣкоторыми особенными обстоятельствами: онъ является тогда лишь пережиткомъ прежняго міровоззрѣнія и обнаруживается у человѣка въ припадкѣ ярости, мести, или въ области религіозной или юридической; но антропофагія перестаетъ уже быть простымъ, повседневнымъ явленіемъ. Эту вторую стадію характеризуетъ учрежденіе рабства, нѣсколько смягчающаго чисто животную жестокость предыдущей стадіи. Вмѣсто того, чтобы немедленно распластать побѣжденнаго, его превращаютъ въ домашнее животное. Впрочемъ, жизнь человѣческая все еще очень мало цѣнится, кромѣ того, обычай признаетъ за предводителемъ, хозяиномъ, мужчиной, отцомъ почти неограниченное право собственности на подданнаго, раба, жену, дѣтей. Я назову эту вторую стадію этики—*нравственностью дикарской.*

Въ третьей фазѣ развивается уже нравственное чувство; нравы, сдѣлавшіеся болѣе человѣчными, кодифицируются въ законы, передаваемые по преданію или писанные. Предшествующая дикость тогда нѣсколько обуздывается.

Кража, прелюбодѣяніе, убійство разсматриваются, какъ общественныя преступленія и строго наказываются. Тѣмъ не менѣе, общество покоится еще на рабствѣ; нравственность его—не прежняя дикарская, а уже—*варварская*; но это варварство медленно ослабѣваетъ вплоть до слѣдующей фазы.

Въ теченіе этой послѣдней стадіи, въ которой мы еще находимся, общество воображаетъ себя цивилизованнымъ. Варварство предыдущей эпохи, дѣйствительно, смягчилось, но оно далеко еще, однако, не исчезло; оно ослабѣло и приняло различныя замаскированныя формы. Его болѣе или менѣе стыдятся, но оно, тѣмъ не менѣе, продолжаетъ еще существовать въ глубинѣ большинства сердецъ. Отсюда возникаютъ вопіющія противорѣчія между провозглашаемой, восхваляемой, проповѣдуемой нравственностью и той реальной, которая дѣйствительно руководитъ поведеніемъ въ жизни

Рабство и крѣпостничество были уничтожены, но саларіатъ, это замаскированное крѣпостничество, ихъ замѣняетъ. Нравственность и законъ строго осуждаютъ убійство, а общественное мнѣніе прославляетъ убійство во время войны и возбуждаетъ на него. Показная нравственность проповѣдуетъ моногамію, предписываемую закономъ, но, въ то же время, открыто распространяется проституція, ни кого не удивляя, кромѣ немногихъ съ особенно чуткой совѣстью, а прелюбодѣяніе стало самымъ ничтожнымъ грѣшкомъ. На словахъ часто слышится похвала безкорыстію, а между тѣмъ съ какимъ подобострастіемъ преклоняются передъ богатствомъ, съ какимъ восхищеніемъ относятся къ нему? Въ сущности, что̀ пользуется особеннымъ почетомъ, что составляетъ предметъ наибольшаго желанія, зависти и цѣли, это — собственность, деньги. Нравственность этого времени—*меркантильна*.

Эти четыре степени этики слѣдуютъ одна за другой и естественно вытекаютъ одна изъ другой; расы и этническія группы, наилучше одаренныя, прошли черезъ каждую изъ нихъ. Другія же останавливались въ своемъ развитіи на одной изъ этихъ фазъ, о чемъ свидѣтельствуетъ исторія и этнографія, къ которымъ мы и обратимся для выясненія даннаго вопроса.

Что такое дѣленіе нравственной эволюціи на фазы соотвѣтствуетъ, въ общихъ чертахъ, дѣйствительности, это я берусь доказать, исключительно опираясь на наблюденіе. Можетъ быть мнѣ поставятъ въ упрекъ то, что я для характеристики пользуюсь нравственными явленіями низшаго порядка. Но дѣло въ томъ, что во всѣ времена и повсюду нравственное благородство было славнымъ достояніемъ болѣе или менѣе ничтожнаго меньшинства. Какъ бы низко ни стояли какая нибудь раса или какой нибудь народъ, изъ среды ихъ всегда могутъ выйти и дѣйствительно выходятъ нѣсколько исключительныхъ индивидуальностей, въ нравственномъ отношеніи сильно возвышающихся надъ толпой, изъ которой они вышли. Подобнаго рода аномаліи бываютъ и у животныхъ; какъ же было имъ не появиться въ человѣчествѣ, даже и первобытномъ? Въ томъ и другомъ случаѣ дѣло идетъ о предвозвѣстникахъ, слишкомъ скоро подчинившихся медленной и скрытной работѣ эволюціи, дви-

гающей массу къ лучшему будущему. Эти стремленія, въ одно и то же время благородныя и новаторскія, должны быть отмѣчены; это—протесты будущаго противъ настоящаго, но ихъ нельзя считать господствующими, служащими для отличія одной отъ другой различныхъ стадій этики. Для этой цѣли абсолютно необходимо выбирать факты яркіе и обыденные, дающіе общій тонъ нравамъ. Людоѣдство, напримѣръ, представляетъ одну изъ такихъ типическихъ чертъ. Въ своей первоначальной формѣ оно указываетъ на такую нравственную фазу, когда люди испытываютъ по отношенію къ своимъ ближнимъ чувства хищнаго звѣря, когда человѣкъ для человѣка является настоящей дичью.

Одинаково и на другомъ концѣ этической лѣстницы, по которой человѣчество до сихъ поръ поднимается, исключительная страсть къ деньгамъ абсолютно несовмѣстима съ какимъ бы то ни было возвышеннымъ нравственнымъ стремленіемъ. Унизительная сама по себѣ, страсть эта придаетъ нравамъ, вообще, характеръ низости. Народъ и раса, для которыхъ она служитъ главнымъ двигателемъ, регулирующимъ обычный ходъ жизни, несомнѣнно находятся на пути къ разложенію. Они погибнутъ, если только событія или усилія меньшинства не измѣнятъ курса нравовъ.

А теперь я могу приступить къ изученію первобытной нравственности или вѣрнѣе—наклонностей и привычекъ первобытныхъ расъ, такъ какъ тогда почти еще не существовало формулированной нравственности. Въ этомъ моментѣ своего развитія человѣкъ еще очень мало освободился отъ своей животной природы: то, что онъ позволяетъ себѣ, бываетъ часто ужасно, а то, что онъ запрещаетъ, иногда совершенно безсмысленно; но господствующей чертой его морали является глубокое презрѣніе къ жизни человѣческой, что обнаруживается въ каннибализмѣ и убійствахъ всевозможнаго рода.

Первая стадія этики.

I.—Животная нравственность.

Прежде, чѣмъ идти дальше, я попрошу моихъ читателей, если возможно, освободиться отъ всякаго предразсудка относи-

тельно прирожденнаго благородства человѣческаго рода. Еще разъ повторяю, что человѣкъ не есть Un dieu tombé, qui se souvient des cieux [1]); это—млекопитающееся, усовершенствованное неодинаково, смотря по времени, странѣ и расѣ.

По части нравственности нѣтъ ничего врожденнаго у человѣка, кромѣ наклонностей, медленно пріобрѣтенныхъ при помощи воспитанія и извѣстнаго образа жизни. Между тѣмъ, при самомъ возникновеніи человѣческихъ обществъ, никакого воспитанія, т. е. воспитанія *человѣческаго* не дается, а потому человѣкъ неизбѣжно чувствуетъ, думаетъ и дѣйствуетъ, какъ подобныя ему млекопитающіяся. Мы уже приводили примѣры благородныхъ и даже героическихъ поступковъ, совершаемыхъ животными, но всѣ эти поступки являются исключеніями: обычный образъ жизни животныхъ отличается животностью. То же самое мы видимъ и у человѣка.

«Человѣкъ для человѣка волкъ», *homo homini lupus*, сказалъ одинъ философъ мизантропъ. Съ нѣкоторыми ограниченіями, формула эта, дѣйствительно, примѣнима къ первобытнымъ людямъ. За исключеніемъ кратковременнаго сожительства самца и самки, между волками не существуетъ никакой общественной солидарности: они могутъ соединяться иногда для совмѣстной охоты, но подъ вліяніемъ голода пожираютъ, безъ малѣйшаго колебанія, раненаго товарища. Для нихъ самое главное дѣло въ жизни, это—удовлетвореніе голода и половыхъ потребностей.

Первобытные люди, взятые въ массѣ, также не имѣютъ другихъ стимуловъ. Каждый изъ нихъ очень мало заботится о своихъ товарищахъ и нерѣдко поѣдаетъ безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти свою жену и своихъ дѣтей. У этихъ существъ, не тронутыхъ еще культурой, умственное развитіе стоитъ не выше того, чтобы совершать только дѣйствія рефлективно сознательныя. Безъ колебанія, не обращая вниманія на интересы другихъ, они слѣпо подчиняются своимъ эгоистическимъ и грубымъ желаніямъ.

Таковъ первобытный человѣкъ въ его натуральномъ видѣ,

---

[1]) Упавшій съ неба богъ, который вспоминаетъ о небесахъ.

въ какомъ онъ вышелъ изъ великой лабораторіи природы. Мы прослѣдимъ за всѣми его послѣдующими превращеніями; мы увидимъ, что изъ него сдѣлала соціальная культура, болѣе или менѣе разумно понимаемая. Пока же намъ предстоитъ изучить первобытнаго человѣка въ самомъ началѣ цивилизаціи, и мы принуждены сказать, что это «подобіе Божіе» чрезвычайно отличается отъ того условнаго человѣка, описаннаго нашими метафизиками. Нѣкоторыя крупныя черты животной нравственности характеризуютъ его въ то время; мы разсмотримъ ихъ послѣдовательно.

II.—Людоѣдство.

Въ одной изъ любопытныхъ главъ своего сочиненія «*Опыты*» Монтэнь, этотъ воплощенный здравый смыслъ, пишетъ слѣдующее: «Я думаю, что больше варварства есть человѣка живымъ, чѣмъ есть его мертваго; предавать мученіямъ и геенѣ тѣло, полное чувства, разрывая его на части, жарить его на медленномъ огнѣ, травить его собаками и свиньями (а это мы не только читали, но видѣли и сохранили хорошо въ памяти, и дѣло происходило не между старинными врагами, а между сосѣдями согражданами, и, что хуже всего,—подъ предлогомъ благочестія и набожности), все это гораздо хуже, чѣмъ зажарить и съѣсть мертваго человѣка. «Съ точки зрѣнія чисто утилитарной, Монтэнь, повидимому, правъ. Очевидно, настоящее злодѣяніе заключается въ самомъ фактѣ убійства человѣка, и если это убійство совершается, какъ это бываетъ во время гражданскихъ и религіозныхъ войнъ, съ одобренія извращеннаго нравственнаго чувства, то преступленіе является еще болѣе плачевнымъ. Тѣмъ не менѣе, каннибализмъ, въ нравственномъ отношеніи, представляетъ обстоятельство, отягчающее преступность убійства. Здѣсь презрѣніе къ ближнему доходитъ до послѣднихъ предѣловъ; человѣкъ сравнивается вполнѣ съ дичью или домашнимъ животнымъ.

Вся этнографія, впрочемъ, свидѣтельствуетъ о существованіи подобной ассимиляціи. Только однѣ человѣческія расы, оставшіяся на послѣдней степени дикости, практикуютъ каннибализмъ

въ его первоначальной, чисто животной формѣ. По мѣрѣ того какъ у человѣка развивается нравственное чувство и расширяется умственный кругозоръ, онъ, все болѣе и болѣе, стыдится каннибализма. Онъ ограничиваетъ его примѣненіе, маскируетъ его и даже низводитъ его до простого символизма. Въ такомъ замаскированномъ состояніи антропофагія, какъ остатокъ былого міросозерцанія, продолжаетъ существовать еще очень долго, вплоть до самыхъ послѣднихъ фазъ нравственности.

Только въ своемъ первоначальномъ видѣ, когда она практикуется открыто, запросто, она представляетъ характерную черту животной нравственности. Эта эволюція каннибализма очень любопытна. Я напомню вкратцѣ ея этапные пункты.

Въ самомъ началѣ человѣкъ для человѣка является такимъ же животнымъ, какъ и всякое другое. Поѣдаютъ не только врага, т. е. соперника, живущаго за тѣмъ или другимъ ручьемъ, за той или другой горой, но даже часто, въ случаѣ надобности, женщинъ, дѣтей, стариковъ изъ своей собственной орды. Потомъ каннибализмъ ограничивается, за исключеніемъ голодовокъ, поѣданіемъ врага. Далѣе слѣдуетъ одно ограниченіе за другимъ; такъ какъ, съ одной стороны, совѣсть становится болѣе щепетильной, а, съ другой стороны, съ прогрессомъ цивилизаціи нужда въ средствахъ для пропитанія становится менѣе сильной. Обыкновенно тутъ еще вмѣшивается и религія; она регулируетъ, освящаетъ антропофагію. Мало-по-малу, она, наконецъ, ограничиваетъ ее рѣдкими исключительными случаями и даже низводитъ до степени религіознаго обряда, дѣлаетъ ее простымъ символомъ. Въ этой послѣдней формѣ каннибализмъ можетъ сохраняться даже въ самыхъ передовыхъ цивилизаціяхъ. Въ 1871 г. на антропологическомъ конгрессѣ въ Болоньѣ К. Фогтъ привелъ въ негодованіе нѣкоторыхъ изъ своихъ слушателей тѣмъ, что нашелъ и указалъ въ католической обѣднѣ послѣдній слѣдъ символической антропофагіи предковъ; а между тѣмъ Фогтъ былъ правъ.

Религіозная антропофагія не представляетъ, впрочемъ, единственной смягченной и производной формы первобытной антропофагіи. Съ нею конкурируетъ еще юридическій каннибализмъ, который также можетъ существовать при довольно развитомъ

состоянiи цивилизацiи. Намъ придется говорить о юридической антропофагiи у Батаковъ съ острова Суматры, которые еще совсѣмъ недавно приговаривали къ съѣденiю прелюбодѣевъ, ночныхъ воровъ и т. п.

Но теперь намъ необходимо заняться, преимущественно, низшими формами каннибализма. Самую низшую изъ всѣхъ формъ представляетъ животный каннибализмъ, единственнымъ стимуломъ для котораго служитъ просто желанiе, потребность поѣсть мяса. Каннибализмъ изъ желанiя полакомиться—довольно близокъ къ нему, а каннибализмъ изъ мести или военной ярости служитъ часто его лицемѣрнымъ прикрытiемъ.

Установивъ эти предварительныя положенiя, мы можемъ теперь перейти къ изложенiю фактовъ.

Въ Австралiи, говоритъ Ольдфильдъ, имѣютъ особое пристрастiе къ человѣческому мясу. Женское мясо особенно цѣнится, поэтому женщины рѣдко достигаютъ старости. Въ глазахъ мужчинъ онѣ—вьючный скотъ, домашнiя животныя, которыхъ можно не только бить, калѣчить или по произволу убивать, но также и съѣдать безъ смущенiя. Во время голода или недостатка съѣстныхъ припасовъ, говоритъ отецъ Сальвадо, ихъ убиваютъ безъ колебанiя.

Ольдфильдъ идетъ еще дальше: ихъ отправляютъ къ праотцамъ, говоритъ онъ, безъ малѣйшаго стѣсненiя, прежде чѣмъ онѣ успѣютъ состарится и похудѣть, изъ страха потерять столько хорошей пищи... Короче сказать, имъ придается такое ничтожное значенiе и до и послѣ ихъ смерти, что позволительно спросить, не ставитъ ли человѣкъ свою собаку, пока она жива, совершенно на одну доску съ женой, и о которой изъ нихъ, о женѣ или о своей собакѣ, онъ вспоминаетъ чаще и съ большей нѣжностью, послѣ того какъ съѣлъ ихъ обѣихъ».

Кунингамъ также сообщаетъ, что нашелъ, какъ съѣдобный запасъ, въ мѣшочкѣ у одного изъ сопровождавшихъ его австралiйцевъ женскую грудь. Тотъ же путешественникъ сдѣлалъ общее наблюденiе, вполнѣ подтверждающее, что звѣрскiй обычай каннибализма является показателемъ самаго низкаго умственнаго развитiя. По его мнѣнiю, антропофагiя существуетъ особенно въ Австралiи, среди анархическихъ, неорганизован-

ныхъ племенъ, гдѣ царитъ безконтрольно индивидуальная сила, т. е. у племенъ, наименѣе интеллигентныхъ.

Если австралійская женщина часто пожирается вслѣдствіе самого сравнительнаго ея слабосилія, то, подавно, та же участь постигаетъ ребенка, который еще слабѣе.

Пожираніе дѣтей, говоритъ еще Ольдфильдъ, представляетъ, во время голода, обычное явленіе въ Австраліи. Въ этомъ случаѣ, прибавляетъ онъ, «мать не должна выражать слишкомъ громко свою печаль подъ страхомъ быть поколоченной. Ей разрѣшается испускать только глухіе стоны. Но какъ бы ни было велико горе матери, оно утихаетъ, когда и ей даютъ ея законную долю, голову ребенка, которую она принимается ѣсть, продолжая все-таки рыдать». На первый взглядъ этотъ разсказъ Ольдфильда можетъ показаться неправдоподобнымъ. Онъ становится менѣе удивительнымъ, если познакомиться съ психологіей Австралійца, представляющаго очень любопытный типъ, съ точки зрѣнія происхожденія и образованія нравственнаго чувства. Австраліецъ способенъ, какъ мы увидимъ ниже, долго сохранять въ своемъ мозгу впечатлѣнія, не подвергая ихъ, подобно нашимъ домашнимъ животнымъ, критической оцѣнкѣ, и которымъ онъ подчиняется такъ же автоматически.

Во всякомъ случаѣ, Австраліецъ, несомнѣнно, ѣстъ очень охотно своихъ дѣтей. Стюртъ подтверждаетъ въ этомъ отношеніи слова Ольдфильда. Онъ, дѣйствительно, разсказываетъ, какъ одинъ Австраліецъ разбилъ о камень голову своего больного ребенка, затѣмъ съѣлъ его, приказавъ сперва зажарить.

Подобные же нравы, еще болѣе ужасающіе по своему звѣрству, господствовали или все еще продолжаютъ господствовать на островахъ меланезійскаго архипелага. Въ Вити убійство и каннибализмъ были не только самыми обыкновенными поступками, но даже считались вполнѣ почетными. Здѣсь тотъ пользовался большимъ уваженіемъ, кто чаще обагрялъ свои руки въ крови и наѣдался человѣческаго мяса. Предводитель племени Раки-Раки, великій Ра-Ундръ-Ундръ, гордился тѣмъ, что съѣлъ девятьсотъ человѣкъ совершенно одинъ, не позволивъ никому принять участія.

Одинъ Витіецъ, по имени Лоти, впослѣдствіи, кажется, став-

шій ревностнымъ христіаниномъ, велѣлъ зажарить свою жену на огнѣ, который приказалъ приготовить и зажечь ей самой; затѣмъ онъ раздѣлилъ ее на части и съѣлъ; все это онъ продѣлалъ безъ ненависти или гнѣва, исключительно только ради того, чтобы пріобрѣсти извѣстность и выдвинуться изъ толпы. Любовь къ славѣ, такъ обычно и такъ напыщенно восхваляемая въ Европѣ панегиристами героевъ, очень развита, по словамъ Причарда, у Витійцевъ; но тамъ славой пользуются выдающіеся убійцы и каннибалы. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, какъ въ Вити, уклоненіе отъ того, что мы называемъ «нравственнымъ чувствомъ», или вѣрнѣе такое полное отсутствіе всякихъ нравственныхъ идей, врожденныхъ и необходимыхъ, по мнѣнію нашихъ метафизиковъ, не является столь поразительнымъ.

При этомъ необходимо еще замѣтить, что въ данномъ случаѣ мы говоримъ вовсе не о какой нибудь особенно глупой и лѣнивой расѣ. Витійцы не уступали въ умственномъ отношеніи Полинезійцамъ, съ которыми они къ тому же часто скрещивались. А между тѣмъ среди нихъ человѣкъ, не убившій и не съѣвшій ни одного врага, возбуждалъ къ себѣ крайнее презрѣніе. Имъ угрожало даже унизительное наказаніе; ихъ осуждали и заставляли ударять по грязи позорной палицей, которой они не сумѣли воспользоваться. Но это еще не все. За человѣческимъ правосудіемъ наступало божеское. По мнѣнію Витійцевъ, въ будущей жизни ревнивые боги, большіе любители крови, ожидали тѣни смертныхъ и строго спрашивали ихъ, сколько они убили и съѣли людей во время своего земного странствованія.

Итакъ, въ Вити каннибализмъ, какъ и въ Новой Зеландіи, гдѣ мы будемъ его сейчасъ изучать и гдѣ Меланезійцы, повидимому, предшествовали Полинезійцамъ, онъ отличался чисто животнымъ характеромъ. Побѣдители тутъ же, на самомъ полѣ битвы, подобно дикимъ звѣрямъ, разрывали на части и пожирали раненыхъ или плѣнныхъ враговъ.

Тѣхъ же изъ побѣжденныхъ, которые не были съѣдены немедленно, сохраняли просто на просто про запасъ для будущихъ пировъ. Для этого откармливали, а затѣтъ убивали и съѣдали по мѣрѣ надобности. Въ Вити человѣческое мясо очень высоко цѣнилось. Нѣкоторые гастрономы нарочно давали ему проту-

хать. На мѣстномъ языкѣ оно носило названіе мяса «длинной свиньи», и существовало правило, по которому блюдо изъ человѣческаго мяса должно было обязательно фигурировать на всѣхъ торжественныхъ пирахъ. Это мясо считалось идеальнымъ продуктомъ, такъ что, желая похвалить какое нибудь блюдо, говорили: «оно нѣжно, какъ мясо мертваго человѣка».

Аналогичные же нравы существуютъ и въ Новой Каледоніи, хотя немного менѣе утонченные, такъ какъ раса менѣе интеллигентна. Желаніе поѣсть человѣческаго мяса составляло самый обычный поводъ для возникновенія войнъ между племенами. «Уже давно, говорили иногда предводители, мы не ѣли мяса, пойдемъ за нимъ». Иногда, говоритъ Рока, передъ выступленіемъ въ походъ, пѣли нѣчто вродѣ людоѣдской пѣсни, слѣдующій діалогъ между предводителями и воинами: «Нападемъ мы на враговъ?—Да.—Сильны ли они?—Нѣтъ.—Храбры ли они?—Нѣтъ.—Убьемъ мы ихъ?—Да.—Съѣдимъ мы ихъ?—Да». Бой прекращался, какъ только было убито нѣсколько человѣкъ. Раздѣленіе труповъ на части сопровождалось радостной и торжественной церемоніей. Передъ этимъ устраивалась пляска, во время которой одинъ изъ участниковъ держалъ въ одной рукѣ пику, а въ другой особый инструментъ, служащій для разрѣзыванія труповъ. Предводители брали себѣ, послѣ побѣды, львиную долю и даже оставляли себѣ еще нѣкоторые куски, предназначенные будто бы для подарковъ сомнительнымъ союзникамъ.

Въ Новой Каледоніи царилъ не одинъ только военный каннибализмъ. Тамъ существовалъ также и каннибализмъ домашній. Одинъ предусмотрительный предводитель, напримѣръ, умерщлялъ время отъ времени одного изъ своихъ подданныхъ и солилъ его, чтобы имѣть ежедневно мясное блюдо. Другой предводитель, пріобрѣвшій легендарную извѣстность, великій Буаратъ, часто вмѣстѣ со своимъ семействомъ лакомился мясомъ одного изъ своихъ подданныхъ низшаго класса. Ново-каледонское общественное мнѣніе нисколько не осуждало такого царственнаго образа дѣйствій; Буаратъ даже оставилъ по себѣ громкую славу: «Великій предводитель, Буаратъ! Славный властелинъ, Буаратъ!» говорили о немъ съ восторгомъ еще не съѣденные подданные. Даже сама родительская любовь умолкала

передъ такой славой. Одинъ отецъ, ново-каледоніецъ, спокойно разсказывалъ, что его ребенокъ былъ съѣденъ государемъ, который, говорилъ онъ, былъ великимъ предводителемъ.

Итакъ, на островахъ Фиджи и въ Новой Каледоніи, иностранецъ, человѣкъ изъ другого племени, считался звѣремъ, за которымъ можно было охотиться, а женщины, дѣти и низшіе классы часто замѣняли убойный скотъ. На Огненной Землѣ женщина такъ же, какъ и въ Австраліи и во многихъ другихъ мѣстахъ, представляетъ собою запасную провизію. Фицрой видѣлъ, какъ принесли въ жертву одну старуху во время голода. Ее задушили, держа ей голову въ дыму отъ огня, разведеннаго изъ зеленаго лѣса. Отвѣтъ, полученный по этому поводу англійскимъ путешественникомъ, въ высшей степени типиченъ; онъ ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія полную невинность и отсутствіе всякихъ колебаній при совершеніи въ первобытныхъ странахъ подобныхъ, ужасныхъ для насъ, дѣйствій. «Почему, спросилъ Фицрой, не приносите вы лучше въ жертву вашихъ собакъ?— Собака ловитъ *яно*, т. е. котика», спокойно отвѣчали туземцы.

Эти нравы не составляютъ особенности того или другого племени, той или другой страны; они встрѣчаются, при томъ почти тождественные, повсюду, гдѣ человѣкъ еще недостаточно освободился отъ своей животной природы, а также повсюду, гдѣ онъ располагалъ недостаточными и скудными средствами пропитанія. Вездѣ, въ Меланезіи, въ Африкѣ, въ Америкѣ, встрѣчаются племена, отличающіяся меньшею гуманностью, чѣмъ волки.

Я приведу вкратцѣ еще нѣсколько изъ такихъ поучительныхъ примѣровъ, прежде чѣмъ стану говорить болѣе подробно о полинезійскомъ каннибализмѣ, представляющемъ особенный интересъ для изученія эволюціи нравственности.

«Гварайены (въ Южной Америкѣ, вѣроятно, Гварайосы), говорятъ редакторы *Назидательныхъ писемъ*, преслѣдуютъ людей, пользуясь почти тѣми же самыми пріемами, какіе употребляются при охотѣ на звѣрей: они стараются захватить ихъ, если можно живьемъ, затѣмъ уводятъ съ собой и наконецъ душатъ ихъ по очереди, одного за другимъ, какъ только испытываютъ голодъ». Ихъ не только просто сохраняли, какъ за-

пасную пищу, но и хорошо кормили, откармливали, даже приводили къ нимъ женщинъ; затѣмъ, въ извѣстный моментъ ихъ душили съ большой торжественностью, при чемъ тщательно наблюдали, чтобы ихъ кровью были вымазаны всѣ дѣти мужского пола, такъ какъ такимъ путемъ они, по ихъ мнѣнію, пріобрѣтали храбрость. Жертвы, столь же кровожадныя, какъ и ихъ жертвоприносители, умирали на подобіе краснокожихъ, затягивая пѣснь смерти, въ которой издѣвались надъ своими палачами, напоминая имъ, сколько ихъ друзей и даже родныхъ они сами раньше съѣли.

По силѣ животной кровожадности, нѣкоторыя племена краснокожихъ крайняго сѣвера и въ настоящее время нисколько не уступаютъ Гварайосамъ, о которыхъ говорятъ древніе миссіонеры. Послушаемъ одного бретонскаго миссіонера, Фаро, епископа Мэкензіи, который провелъ многіе годы среди племенъ, сохранившихъ древніе обычаи: «У этихъ дикарей (Дюэльдели-Отинэ, поѣдающіе людей) страсть къ людоѣдству достигаетъ такихъ крайнихъ предѣловъ, что мать не можетъ быть увѣрена въ своемъ ребенкѣ, а дѣти—въ своемъ отцѣ. Родственники пожираютъ своихъ родственниковъ, друзья—своихъ друзей. Малѣйшій голодъ пробуждаетъ въ нихъ эту ужасную страсть, и тогда сильный поѣдаетъ слабаго». Другіе краснокожіе, Кри, сосѣди съ описанными, практикуютъ только военное людоѣдство, но совершенно по скотски. На самомъ полѣ битвы, побѣдитель снимаетъ съ побѣжденнаго скальпъ, разрѣзываетъ ему грудь и вырываетъ изъ нея сердце, которое и ѣстъ еще совсѣмъ трепещущее. Эти жестокіе нравы представляютъ намъ человѣка въ самую минуту проявленія имъ своей животной природы. Они одни могли бы уже съ достаточнымъ основаніемъ опровергнуть древнюю теорію о нравственныхъ идеяхъ, прирожденныхъ и неизбѣжныхъ. Я не буду здѣсь настаивать на этомъ; еще много другихъ фактовъ въ дальнѣйшемъ изложеніи прибавится къ указаннымъ и всѣ вмѣстѣ они представятъ крайне внушительную аргументацію.

Но съ точки зрѣнія, которая насъ особенно интересуетъ въ данномъ случаѣ, болѣе подробное изученіе полинезійскаго каннибализма будетъ весьма поучительно. Разсѣянные на гро-

мадномъ пространствѣ, на островахъ, мало или почти вовсе не сообщающихся между собою, полинезійцы образовали отдѣльныя племенныя группы, развивавшіяся изолированно, иногда при различныхъ условіяхъ и съ неодинаковой быстротой. Они, слѣдовательно, являются чрезвычайно любопытнымъ примѣромъ одной и той же расы, находящейся на различныхъ стадіяхъ своего умственнаго развитія. Передъ нами открывается поле для чрезвычайно важныхъ наблюденій, гдѣ мы можемъ прослѣдить, такъ сказать, шагъ за шагомъ разныя послѣдовательныя формы каннибализма, видѣть, какъ животный инстинктъ сначала удовлетворяется безъ всякаго стѣсненія, а затѣмъ, постепенно ограничиваясь, все болѣе и болѣе прекращается, въ концѣ-концовъ, въ лишь символическій пережитокъ.

Въ то время, когда капитанъ Кукъ высадился въ первый разъ въ Новой Зеландіи, гуманитарныя и сентиментальныя теоріи, бывшія въ такой модѣ въ XVIII столѣтіи, болѣе или менѣе господствовали въ умахъ цивилизованныхъ людей. Человѣкъ, какъ думали тогда, былъ первоначально одаренъ природой всѣми добродѣтелями. Одна только цивилизація развратила его. Вотъ почему съ такимъ трудомъ вѣрили вначалѣ въ существованіе каннибализма среди дикарей. Въ глазахъ нѣкоторыхъ даже писателей это было вещью невозможной.

Поэтому, не безъ удивленія англичане изъ экипажа Кука, увидали въ корзинахъ для припасовъ ново-зеландцевъ куски человѣческаго мяса, перемѣшаннаго съ собачьимъ. Во время второго путешествія Кука одинъ смѣлый опытъ разрѣшилъ этотъ вопросъ. Остатки человѣческаго тѣла, найденные на берегу, были принесены на корабль и предложены, послѣ того какъ ихъ сварили, ново-зеланцамъ, которые съѣли ихъ съ крайней жадностью. Послѣ этого всякое сомнѣніе изчезло, и многимъ европейскимъ экипажамъ, въ особенности экипажу капитана Маріона, пришлось впослѣдствіи убѣдиться личнымъ опытомъ въ полной реальности антропофагіи ново-зеландцевъ, не смотря на то, что ихъ раса занимала уже довольно почетное мѣсто въ человѣческой іерархіи.

Теперь многочисленные данные даютъ намъ возможность съ полнымъ знаніемъ дѣла говорить о ново-зеландскомъ канни-

бализмѣ. Онъ былъ отвратителенъ и отличался абсолютно животнымъ характеромъ. Въ Новой Зеландіи каннибальскіе пиры представляли большія празднества. Никто не испытывалъ при этомъ ни малѣйшаго угрызенія совѣсти и въ то время, какъ обитатели Таити обучали своихъ дѣтей танцамъ и пѣнію, ново-зеландцы учили своихъ, какъ слѣдуетъ прилично вести себя на людоѣдскихъ банкетахъ.

Обыкновенно поѣдали, по крайней мѣрѣ при торжественной обстановкѣ, только побѣжденныхъ враговъ, но чаще всего ихъ разрывали на части на самомъ полѣ битвы, не давая даже себѣ труда умертвить ихъ или подождать, пока они умрутъ. Прежде всего распарывали животъ жертвы, потомъ разрѣзывали ее на части и распредѣляли куски, которые участники угощенія имѣли право уносить съ собой. Какъ и въ Новой Каледоніи, желаніе поѣсть человѣческаго мяса было часто причиной войны. Пиры эти, если съѣдались простые люди, устраивались безъ всякихъ установленныхъ церемоній; но дѣло происходило иначе, когда съѣдали предводителей.

При всякой стычкѣ, главной цѣлью воюющихъ было убить предводителя непріятеля, и, когда онъ падалъ, даже среди своихъ, то достаточно было противникамъ закричать: «Дайте намъ человѣка!», чтобы, на основаніи ихъ международнаго права, тѣло было немедленно имъ выдано. То же ихъ международное право шло еще гораздо дальше: оно предписывало также выдавать жену и дѣтей убитаго, которыя должны были раздѣлить участь главы семейства. Всѣхъ ихъ, обыкновенно, убивали и съѣдали. Что же касается до предводителя, то голова его, искусно препарированная, служила военнымъ трофеемъ, и очень часто, послѣ прекращенія военныхъ дѣйствій, возвращалась обратно. Туловище же предводителя также съѣдалось, но только торжественно и только одними *арики*, т. е. благородными, при чемъ вся церемонія происходила подъ руководствомъ жрецовъ. Ново-зеландцы, отличавшіеся большимъ умственнымъ развитіемъ, чѣмъ австралійцы, прикрывали свой каннибализмъ нѣкоторыми мифологическими соображеніями. Жрецы торжественно съѣдали нѣсколько маленькихъ кусочковъ изъ трупа предводителя, преподносили

частички его богамъ и, въ то же время, спрашивали у нихъ объ окончательномъ исходѣ войны.

Предводитель побѣдившей стороны съѣдалъ сначала лѣвый глазъ своего соперника. Это составляло одну изъ прерогативъ его сана и при томъ весьма значительную, такъ какъ лѣвый глазъ предводителя, по вѣрованіямъ полинезійцевъ, послѣ его смерти долженъ превратиться въ звѣзду. Слѣдовательно, съѣдая глазъ врага, предводитель увеличивалъ будущій блескъ своей звѣзды, а въ этой жизни удваивалъ свои силы.

Но военный каннибализмъ, хотя и былъ весьма распространенъ въ Новой Зеландіи, не представлялъ, однако, господствующей тамъ формы людоѣдства. Ѣли также рабовъ, обыкновенно молодыхъ людей обоего пола, откармливаемыхъ съ этою цѣлью, какъ въ Вити. Такіе случаи домашняго каннибализма происходили чаще всего по поводу какого нибудь празднества, когда хотѣли оказать вниманіе близкимъ, роднымъ. Иногда выбирали для этого молоденькую дѣвушку, любимую рабыню, ту, которую называли обыкновенно какимъ нибудь ласкательнымъ именемъ. Этимъ хотѣли выразить гостю свое особенное вниманіе (*Pérak*, etc., par Beau de Saint-Pol Lias, p. 226). Иногда также хозяинъ съѣдалъ своего раба, чтобы наказать его за воровство или какой нибудь другой проступокъ.

Въ совѣсти ново-зеландцевъ подобныя дѣла не вызывали ни чувства отвращенія, ни угрызенія; они имъ казались самыми обыденными. «Почему же, говорили они Марздену, не ѣсть людей? Крупная рыба поѣдаетъ маленькую, принадлежащую иногда къ одному съ нею виду. Въ свою очередь маленькія рыбы ѣдятъ разныхъ микроскопическихъ животныхъ. Птицы пожираютъ другъ-друга. Люди ѣдятъ собакъ, а собаки—людей.—Что же дурного въ томъ, что мы ѣдимъ враговъ, убитыхъ на полѣ битвы и которые поступили бы съ нами такъ же, если бы только могли?—Мы не ѣдимъ нашихъ родныхъ».

Не маловажную роль играло при этомъ и желаніе полакомиться: «Человѣческое мясо, говорилъ Эарлю одинъ очень кроткій и вѣжливый предводитель, нѣжно, какъ бумага».

Итакъ, первобытная антропофагія, чисто животная, господствовала въ Новой Зеландіи, и, что является отягчающимъ

обстоятельствомъ, къ которому я еще вернусь, ее практиковали лица обоего пола.

На Маркизскихъ островахъ въ это время находились уже въ переходномъ періодѣ. Нукагійцы были еще порядочными каннибалами во времена Портера и Крузенштерна; но они уже стали сомнѣваться, нравственно ли предаваться антропофагіи. Одинъ старый предводитель Нукагивійцевъ, Гаттаніу, съ гордостью говорилъ Портеру, что никто изъ его семьи, и это съ очень отдаленнаго времени, какъ только онъ себя помнитъ, никогда не ѣлъ ни человѣческаго мяса, ни мяса свиньи, украденной или издохшей отъ болѣзни; но другіе, говорилъ онъ, менѣе щепетильные, иногда съѣдали побѣжденнаго врага. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, одинъ французскій путешественникъ натолкнулся еще на случаи каннибализма на Маркизскихъ островахъ, но онъ практиковался тамъ довольно рѣдко, только въ военное время или по случаю какой нибудь религіозной церемоніи. Только старики, *Какіу*, все еще страстно любили человѣческое мясо. Жители Маркизскихъ островов уже не признавались добровольно въ существованіи среди нихъ людоѣдства. Каждое племя отрицало существованіе его у себя и обвиняло въ немъ сосѣднее.

Когда практиковали каннибализмъ, то приносимаго въ жертву человѣка убивали совершенно такъ же, какъ и другое животное; его душили палкою, надавливаемой на шею и образующей рычагъ: такимъ образомъ хотѣли сберечь кровь. Глаза, какъ и въ Новой Зеландіи, предназначались предводителямъ; сердце съѣдалось въ сыромъ видѣ. Все остальное, завернутое въ листья растенія *ти*, жарилось по мѣстному способу въ полинезійской печи, наполненной раскаленными камнями. Въ мирное время каннибализмъ составлялъ аристократическую привилегію: только одни жрецы, предводители и старики принимали участіе въ такого рода пирахъ. Предводители имѣли, кромѣ того, право пожирать въ нѣкоторыхъ случаяхъ любого изъ своихъ подданныхъ и даже любого изъ членовъ благороднаго сословія, что подтверждаетъ слѣдующій фактъ, наблюденный въ 1847 г. однимъ французскимъ морскимъ офицеромъ Шеве, который, будучи въ одно и то же время морякомъ и

поэтомъ, разсказываетъ въ стихотворной формѣ это приключеніе, за достовѣрность котораго онъ ручается,

Цитирую:

ТИ - ХИ - ХУ

(Личное воспоминаніе).

Это былъ здоровенный парень, съ лицомъ надменнымъ и гордымъ;
Его блестящіе глаза сверкали, какъ яркое пламя;
Всѣ восхваляли его подвиги, его воинственную отвагу;
Сосѣднія племена говорили о немъ съ трепетомъ.
Добавимъ, что онъ былъ родовитый вельможа,
Двоюродный братъ и любимецъ своего царя,
Стараго негодяя, калѣки, страшнаго людоѣда,
Прокаженнаго, пьяницы и запятнаннаго убійствомъ.
Онъ былъ моимъ *тайо*: я привыкъ
Брать его съ собой въ своихъ скитаніяхъ по лѣсамъ,
И, когда путь становился слишкомъ долгимъ или труднымъ,
На его спину или шею я влѣзалъ по желанію.
Когда въ полдень морской берегъ накалялся,
Я шелъ въ его избу поваляться безъ стѣсненія;
Онъ уступалъ мнѣ свою постель, свое одѣяло и свою жену,
А самъ уходилъ спать подъ тѣнь кустовъ.
Мнѣ пришлось уѣхать на сосѣдній островъ,
Для спасенія застигнутаго бурей корабля;
Возвратившись черезъ недѣлю въ бухту,
Я сталъ искать своего тайо: царь его съѣлъ.
Великій жрецъ сказалъ царю: «Если старость
И грызущія тебя болѣзни заставляютъ склонить твое благородное чело,
То съѣшь воина; его, сила гибкость
И храбрая душа перейдутъ въ твое тѣло».
И чтобы воспользоваться его молодостью и силой,
Чтобы освѣжить свою кровь сгущенной лимфой,
Царь его съѣлъ на большомъ блюдѣ изъ коры,
Приправленнаго въ мѣру и фаршированнаго потатами.

Принявъ во вниманіе, съ одной стороны, застарѣлую привычку къ антропофагіи, а съ другой стороны, неограниченную власть царьковъ у дикихъ племенъ, мы не найдемъ ничего необычайнаго въ этомъ фактѣ. Къ тому же онъ вполнѣ согласуется съ распространеннымъ во всей Полинезіи мнѣніемъ, что, поѣдая всего человѣка или часть его, ассимилируютъ его качества, его маны.

Но съѣсть человѣка, къ тому же благороднаго происхожденія, въ мирное время, чтобы помолодѣть,—такую прихоть могъ позволить себѣ только царь. Для низшихъ классовъ населенія людоѣдство уже не существовало въ мирное время. Въ военное время, это другое дѣло,—тогда простой народъ, *Кикино*, подражалъ правящимъ классамъ. Распредѣленіе кусковъ производилось методически: тѣло разрѣзывалось острымъ тростникомъ; заднія части, считавшіяся лучшими кусками предназначались жрецамъ, а ноги, руки и бока принадлежали предводителямъ.

Тѣ же самые нравы существовали и на большинствѣ острововъ полинезійскихъ архипелаговъ. Во времена Кука, Гавайцы, усвоившіе впослѣдствіи, съ такой гибельной для себя поспѣшностью, европейскіе нравы, были завзятыми еще каннибалами. Одинъ старикъ, спрошенный по этому поводу Кукомъ, расхохотался прямо въ глаза ему,—такъ вопросъ показался безсмысленнымъ, и утверждалъ, что человѣческо мясо—одно изъ самыхъ вкусныхъ блюдъ. Между тѣмъ Сандвичевы острова изобиловали всевозможной мясной и растительной пищей, и островитяне не могли оправдаться крайнею нуждою, подобно жителямъ маленькихъ острововъ, какъ напримѣръ острова Боу, гдѣ очень любили лакомиться женскимъ мясомъ, и сперва ѣли враговъ, затѣмъ соплеменниковъ, павшихъ въ битвѣ, потомъ всѣхъ, умиравшихъ отъ внезапной смерти, и, наконецъ, воровъ и убійцъ.

Въ полинезійской метрополіи, Таити, тогда уже произошелъ групный нравственный прогрессъ: но каннибализмъ былъ еще въ памяти у жителей острова во времена Кука. Легенды и преданія часто упоминали о немъ; вмѣсто того, чтобы настало время голодовки,—говорили: «время ѣсть хоть людей». Въ исключительныхъ случаяхъ, въ припадкѣ бѣшенства, иногда и здѣсь доходили еще до того, что жарили и съѣдали кусокъ мяса по-

бѣжденнаго врага, но антропофагія уже исчезла изъ нравовъ; она была осуждена нравственностью и приняла форму религіознаго символа.

Во время человѣческихъ жертвоприношеній, еще очень частыхъ, лѣвый глазъ принадлежалъ всегда, по праву, предводителю. Это было царской прерогативой. До восшествія на престолъ, царь Помаре назывался *Аймата*, что значитъ «пожиратель глазъ». Вотъ почему жрецъ никогда не забывалъ поднести прежде всего предводителю лѣвый глазъ бродягъ, задушенныхъ въ угоду богамъ или ради полученія отъ нихъ какой нибудь милости; но это превратилось уже въ пустую церемонію, такъ какъ предводитель всегда отказывался, и глазъ вмѣстѣ съ другими частями тѣла приносился богамъ; иногда, вмѣсто простого отказа, предводитель, присутствовавшій при жертвоприношеніи, касался глаза маленькимъ кусочкомъ плода хлѣбнаго дерева, который затѣмъ съѣдалъ. По мысли это очень схоже съ тѣмъ, что католики называютъ «transsubstantiation» (превращеніе хлѣба и вина въ тѣло и кровь Іисуса Христа). Фактически же обитатели Таити не были уже антропофагами, но ихъ божества оставались еще ими и, послѣ человѣческаго жертвоприношенія, у нихъ можно было всего просить.

Умственная эволюція, пережитая полинезійцами относительно антропофагіи, является однимъ изъ самыхъ поучительныхъ явленій. На ней стоитъ остановиться. Въ самомъ началѣ придерживаются первобытнаго, животнаго каннибализма, безъ всякихъ колебаній; пожираютъ другъ друга совершенно такъ же, какъ, по словамъ новозеландцевъ, это продѣлываютъ рыбы. Затѣмъ антропофагія сокращается и, за исключеніемъ военнаго времени, становится прерогативой предводителей. Наконецъ, она только увѣковѣчивается, въ символической формѣ, при религіозныхъ жертвоприношеніяхъ.

Прогрессъ несомнѣненъ и его можно прослѣдить шагъ за шагомъ; кромѣ того, здѣсь возможно уловить, что не всегда удается при подобнаго рода изслѣдованіяхъ, причины, приведшія къ улучшенію нравовъ, и понять психическій механизмъ. Прежде всего мы констатируемъ, что каннибализмъ особенно устойчивъ тамъ, гдѣ потребности существованія постоянно на-

талкиваютъ на него, именно на маленькихъ островахъ, гдѣ ощущается недостатокъ въ пищевыхъ продуктахъ: въ Ново-Зеландіи, гдѣ нѣтъ крупныхъ млекопитающихся, кромѣ собаки, и гдѣ растительное царство бѣдно плодами съ крахмалистыми веществами. Тутъ антропофагія возникаетъ почти въ силу необходимости, какъ это бываетъ и у насъ послѣ нѣкоторыхъ кораблекрушеній; вотъ почему оба пола охотно ей предаются и никто не думаетъ отказаться отъ нея.

На другихъ большихъ архипелагахъ, гдѣ взаимное поѣданіе не представляетъ абсолютной необходимости, употребленіе человѣческаго мяса строго воспрещено женщинамъ, а часто и простому народу въ мирное время.

Въ первыхъ главахъ этого сочиненія я указалъ, какъ, при помощи надлежащей дрессировки, примѣненной къ достаточному числу поколѣній, удается привить нѣкоторымъ животнымъ искусственныя отвращенія, передающіяся по наслѣдству и превращающіяся въ настоящіе инстинкты. Этотъ фактъ, столь же безспорный, какъ и всеобщій, основанъ на существенныхъ свойствахъ первныхъ клѣточекъ, а потому онъ долженъ наблюдаться одинаково какъ у человѣка, такъ и у животнаго.

Вотъ почему на всѣхъ полинезійскихъ архипелагахъ, гдѣ употребленіе человѣческаго мяса строго воспрещалось женщинамъ, онѣ неизбѣжно, въ концѣ концовъ, не могли о немъ думать безъ чувства инстинктивнаго отвращенія. Это дѣйствительно такъ и случилось. «Женщины, повѣствуетъ одинъ путешественникъ, говоря о Маркизскихъ островахъ, тамъ не допускаются на эти пиры, которые, впрочемъ, внушаютъ имъ глубокій ужасъ, и онѣ съ отвращеніемъ избѣгаютъ въ теченіе нѣсколькихъ дней мужчинъ, на которыхъ падаетъ подозрѣніе въ томъ, что они принимали участіе на подобныхъ пирахъ».

Въ данномъ случаѣ не слѣдуетъ объяснять это большей нравственной чуткостью женщинъ, ихъ чувствительностью, гуманностью и т. п. Это все только плоды продолжительной культуры. Первобытная женщина ихъ такъ же лишена, какъ и ея мужчина. Кромѣ того, это явленіе было провѣрено опытомъ. Нукагивинки питали отвращеніе къ человѣческому мясу, а Новозеландки, принадлежащія къ тому же племени и той же цивили-

заціи, были большія до него лакомки. Тутъ возможно только одно объясненіе. Въ Новой Зеландіи женщины охотно ѣли мясо, потому что это никогда имъ не запрещалось.

На другихъ архипелагахъ благородные и жрецы по обоюдному соглашенію запретили женщинамъ людоѣдство, при чемъ сдѣлали они это не ради какой нибудь морализующей цѣли, а просто изъ жадности. На человѣческое мясо было наложено «табу» для женщинъ совершенно по той же самой причинѣ, по какой существовало оно прежде для свиного мяса.

Вслѣдствіе этого въ женскомъ мозгу получился слѣдъ, существенно аналогичный съ тѣмъ, который препятствуетъ гончей собакѣ пожирать куропатку. Основныя побужденія въ принципѣ однородны. Для животнаго стимуломъ служила боязнь плетки дрессировщика, а для полинезійки—боязнь гораздо болѣе сильная, такъ какъ въ Полинезіи нарушеніе *табу* неизбѣжно влекло за собой смертную казнь.

Послѣ такого воспитанія, проведеннаго съ настойчивостью, у Полинезійки явилось сильное отвращеніе къ человѣческому мясу. Но мужчины въ широкой степени наслѣдуютъ нравственныя или безнравственныя наклонности своихъ матерей; а потому Полинезійки должны были, вслѣдствіе одной только наслѣдственной передачи, значительно измѣнить свое мужское потомство и морализовать его во взглядѣ на каннибализмъ. Я не говорю о воспитаніи, такъ какъ въ дикой странѣ ребенокъ не подвергается никакому послѣдовательному и разумному воспитанію.

Слѣдовательно, будетъ полное основаніе приписать женскому вліянію какъ нравственныя колебанія, которыя Нукагійцы начинали испытывать къ антропофагіи, такъ и сильное отвращеніе, которое внушалъ уже этотъ звѣрскій обычай большинству жителей Таити, современникамъ Кука. Знаменитый путешественникъ, дѣйствительно, сообщаетъ, что два Таитянина, по имени Тупія и Эдиди, которыхъ онъ увезъ съ собой въ Англію, выражали чувства отвращенія при видѣ того, какъ ихъ сородичи изъ Новой Зеландіи съ жадностью ѣли человѣческое мясо, и часто дѣлали имъ за это горячіе упреки.

Полинезійскіе аристократы и жрецы, такимъ образомъ, ока-

зались, въ данномъ случаѣ, хорошими, хотя и безсознательными морализаторами. Нисколько не задаваясь этой цѣлью, они подготовили въ отдаленномъ будущемъ нарожденіе поколѣнія, питавшаго къ каннибализму врожденное отвращеніе.

Этотъ фактъ необходимо отмѣтить. Мнѣ придется еще не разъ въ этомъ трудѣ указывать на явленія такого же рода. Дѣло въ томъ, что не одна нравственная деликатность была вызвана, создана самой грубостью: добро часто получалось отъ зла.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ЖИВОТНАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ *(Продолженіе)*.

I. *О Презрѣніи къ человѣческой жизни.* -Шопенгауэръ и австралійцы.—Презрѣніе къ человѣческой жизни въ Австраліи, въ Полинезіи.

II. *Война.*—Война и охота.—Первобытная война.—Пытки, которымъ подвергали краснокожихъ плѣнниковъ.—Война у Гварайновъ.—Война у африканскихъ негровъ.—Война въ Полинезіи.—Единоборство и убѣжища въ Полинезіи.—Рыцарство Австралійцевъ.—Жестокость Новогвинейцевъ.—Цивилизованная война.

III. *Умерщвленіе и оставленіе на произволъ судьбы стариковъ, больныхъ и т. п.*—Уходъ за больными въ Новой Каледоніи.—Убіеніе родственниковъ въ Вити.—Каннибализмъ изъ-за нѣжныхъ чувствъ у Батаковъ.—Оставленіе на произволъ судьбы старцевъ въ странѣ Кафровъ и у Эскимосовъ.—Аналогичныя черты въ древности.

IV. *Дѣтоубійство.*—Вытравленіе плода.—Дѣтоубійство у животныхъ.—Дѣтоубійство въ Меланезіи, у Эскимосовъ, Бушменовъ и въ Полинезіи.—О вытравленіи плода у первобытныхъ расъ.—Невинное вытравленіе плода въ глазахъ большинства европейскихъ женщинъ.

I.—О ПРЕЗРѢНІИ КЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

Въ одной изъ юмористико-пессимистическихъ бутадъ, самый сухой и узкій изъ моралистовъ, Шопенгауэръ, разсказываетъ, что, подыскивая наиболѣе типичный актъ для выраженія самой

высшей степени жестокости и эгоизма, онъ сначала думалъ выбрать слѣдующее: убить человѣка единственно съ тою цѣлью, чтобы добыть жиръ для смазки сапоговъ. Но, говоритъ онъ, по зрѣломъ обсужденіи, я увидѣлъ, что этого недостаточно.

Если вѣрить словамъ одного путешественника по Австраліи, Вуда, то Шопенгауеръ былъ почти правъ: австралійцы употребляютъ будто бы человѣческій жиръ для своихъ втираній, а по словамъ Анга, чтобы наживлять свои удочки, они будто бы пользуются жиромъ дѣтей, нарочно убиваемыхъ для этого.

Несомнѣнно, что у первобытныхъ людей презрѣніе къ человѣческой жизни безгранично. Съ точки зрѣнія чувствъ альтруизма, солидарности, низшія человѣческія расы стоятъ несравненно ниже животныхъ, которыхъ можно назвать культурными, какъ напримѣръ—пчелъ и муравьевъ.

Внутри орды или племени безпрекословно царитъ право сильнаго. Никакая общественная защита не охраняетъ слабыхъ: убійство всегда считается частнымъ дѣломъ. Каждый защищается самъ, какъ можетъ, и мститъ по собственному усмотрѣнію.

У Австралійцевъ насиліе даже въ нѣкоторомъ родѣ легализовано: жизнь, личность, собственность слабыхъ женщинъ, юношей, на основаніи всѣхъ вообще узаконеній и традиціонныхъ обычаевъ, отданы въ полное распоряженіе сильныхъ или взрослыхъ людей. Слѣдуетъ замѣтить, что въ Австраліи рѣдко достигаютъ глубокой старости.

Но эти нравы не являются спеціальными того или другого народа, той или другой расы. Они встрѣчаются во всѣхъ обществахъ, еще близкихъ къ животному состоянію. Впослѣдствіи изъ нихъ возникнетъ устный или писанный законъ о возмездіи— «око за око, зубъ за зубъ», и онъ будетъ нѣсколько сдерживать грубость сильныхъ; но, чтобы идея о возмездіи за причиненный вредъ сдѣлалась соціальнымъ правиломъ, нужно прежде всего, чтобы извѣстное понятіе и чувство взаимности пустили ростки въ человѣческомъ мозгу, а это не можетъ быть дѣломъ одного дня.

Австралійцы, по словамъ Кунингама, не болѣе цѣнятъ человѣческую жизнь, чѣмъ жизнь бабочки; но то же самое происходитъ у всѣхъ первобытныхъ расъ. Всегда наиболѣе слабый отданъ на произволъ наиболѣе сильному, и особенно іерархиче-

скому главѣ, когда таковой имѣется. Въ Таити, говоритъ Кукъ, одинъ предводитель, убившій человѣка изъ простого класса (пустяшный проступокъ), пришелъ въ страшный гнѣвъ, когда ему сказали, что за такой незначительный и вмѣстѣ съ тѣмъ законный поступокъ онъ былъ бы въ Англіи повѣшенъ. То же самое, миссіонеръ Марсденъ сильно удивилъ Новозеландцевъ, когда сообщилъ имъ, что англійскій король, хотя и несравненно болѣе могущественный, чѣмъ ново-зеландскіе царьки, не имѣетъ права приказать убить человѣка (*Voyage de l'*Astrolabe. Pièces justificatives, p. 190).

Эта врожденная кровожадность человѣка, которую можно назвать животной, особенно обнаруживается во время войнъ, въ манерѣ обращаться со стариками и больными, въ ничтожномъ значеніи, придаваемомъ жизни ребенка, родившагося или которому предстоитъ родиться и, наконецъ, въ грубомъ обхожденіи съ женщинами. Я бѣгло разсмотрю эти различные виды проявленія животности.

II.—Войны.—Обращеніе съ плѣнными.

Въ началѣ возникновенія человѣческихъ обществъ войны ведутся безпрерывно между мелкими этническими группами, вѣчно находящимися въ борьбѣ за существованіе; несомнѣнно, война служитъ для первобытнаго человѣка великой школой кровожадности. Говоря о каннибализмѣ, мы видѣли, что война часто похожа на охоту, гдѣ человѣкъ играетъ роль дичи. Но, помимо желанія «съѣсть чужія націи», какъ энергически выражались Ирокезы, очевидно, вспоминая каннибализмъ своихъ предковъ, ихъ еще окрыляетъ надежда уничтожить соперниковъ. Въ этихъ непрекращающихся столкновеніяхъ, кровожадные инстинкты животнаго находятся постоянно въ напряженномъ состояніи, и свободно развиваются безъ всякаго стыда. Убиваютъ врага не только для того, чтобы его съѣсть, но даже изъ-за одного только желанія получить наслажденіе отъ убійства, при чемъ не ограничиваются избіеніемъ вооруженнаго непріятеля, но, если возможно, умерщвляютъ также женщинъ и дѣтей: первобытныя войны—войны всеобщаго истребленія.

Убить достаточное число враговъ, чтобы съ достоинствомъ предстать на томъ свѣтѣ предъ судилищемъ боговъ, являлось одной изъ главныхъ заботъ Витійцевъ; это составляло ихъ багажъ добрыхъ дѣлъ и они часто сокрушались о его легковѣсности, такъ какъ они совершили недостаточно убійствъ для угожденія богамъ.

Подобный же идеалъ живетъ въ умѣ Новокаледонійцевъ. Помимо желанія съѣсть кусокъ человѣческаго мяса, они страстно любятъ собственно самую войну, и ихъ главное недовольство французской властью и миссіонерами заключалось именно въ томъ, что имъ было запрещено воевать: «Мы перестали быть мужчинами,—мы уже больше не сражаемся», говорятъ они. При этомъ въ самомъ способѣ веденія войны они обнаруживаютъ не болѣе рыцарскаго великодушія, чѣмъ охотникъ въ отношеніи звѣря, котораго онъ преслѣдуетъ. Безграничное коварство составляетъ ихъ стратегію. Чтобы убить врага, всѣ средства хороши; но допустить себя убить есть болѣе, чѣмъ глупость, это—позоръ. Въ ихъ глазахъ, напримѣръ, совершенно позволительно пригласить сосѣдей на пиръ, затѣмъ внезапно напасть на нихъ и умертвить, воспользовавшись ихъ довѣрчивостью.

Такія нравственныя, или, вѣрнѣе, безнравственныя, черты не составляютъ, впрочемъ, отнюдь особенности Новокаледонійцевъ. Онѣ встрѣчаются немного повсюду и зависятъ отъ степени умственнаго развитія.

Такъ, американскіе краснокожіе никогда открыто не нападаютъ на врага. Они охотятся на человѣка совершенно также, какъ на бизона или дикую козу. На войну они всегда отправляются ночью. Они думаютъ, говоритъ одинъ хроникеръ, Лапотери, что, если они выступятъ въ походъ днемъ, то непріятель, какъ бы далеко онъ не находился отъ нихъ, непремѣнно увидитъ ихъ. Это «зрѣніе на разстояніи»—способность, которой гордятся нѣкоторые изъ нашихъ современниковъ. Любопытный фактъ передаетъ намъ тотъ же старинный путешественникъ. По его словамъ, канадскія краснокожія женщины и дѣвушки отдавались мужчинамъ передъ началомъ враждебныхъ дѣйствій, чтобы придать имъ храбрости, а можетъ быть для того, чтобы

имѣть отъ нихъ дѣтей на случай несчастья. По мнѣнію другихъ путешественниковъ той же эпохи, Эскарбо, Шамилэна, воинственная жестокость краснокожихъ поощрялась религіей. Отважнымъ воинамъ, тѣмъ, которые убили или сожгли большое число враговъ, предназначались чудесныя охоты въ будущей жизни, необъятныя преріи того свѣта, гдѣ разгуливаютъ стада буйволовъ и дикихъ козъ, мясо которыхъ имѣетъ превосходный вкусъ и которыхъ можно будетъ убивать, не проливая ихъ крови.—На подобіе хищныхъ звѣрей, пробираясь ползкомъ въ кустарникахъ, они приближаются къ лагерю непріятеля; затѣмъ въ извѣстный моментъ поджигаютъ шалаши и убиваютъ всѣхъ обитателей, не разбирая ни пола, ни возраста. Слава у краснокожихъ заключается въ томъ, чтобы убить, скальпировать или взять въ плѣнъ возможно больше враговъ, но при этомъ, съ своей стороны, не потерять людей. Если побѣда стоила слишкомъ дорого, то ее не считаютъ побѣдой; она можетъ даже повлечь за собой низложеніе предводителя. Эти нравы общи всей этой расѣ: такъ напримѣръ, Ново-архангельскіе туземцы нападаютъ также всегда коварно и неожиданно. Но краснокожіе не ограничиваются простымъ избіеніемъ своихъ враговъ на полѣ битвы; они находятъ особое наслажденіе заставлять умирать своихъ плѣнниковъ на медленномъ огнѣ, предварительно привязавъ къ столбу. Это событіе составляетъ тогда настоящій праздникъ для всего племени. Всѣ, мужчины, женщины и дѣти, изощряются въ томъ, чтобы причинить побольше страданій жертвѣ,—придумать какую нибудь новую пытку. Плѣннику наносятъ удары ножемъ, вырываютъ у него ногти, прижигаютъ его горящими угольями и т. п. Весьма употребительный способъ пытки заключается въ предварительномъ скальпированіи плѣннаго, послѣ этого бросаютъ раскаленный пепелъ на обнаженный отъ волосъ черепъ. Другое развлеченіе въ такомъ же родѣ, которое тоже очень цѣнится, заключается въ слѣдующемъ: плѣннаго отвязываютъ и даже даютъ ему возможность скрыться гдѣ нибудь недалеко, а затѣмъ устраиваютъ на него облаву, какъ на дикаго звѣря. Это называется *заставить бѣгать* человѣка и показываетъ, что между войной и охотой на животныхъ не дѣлаютъ большого различія. Впрочемъ, даже среди насъ мысль

о такомъ сходствѣ нисколько не исчезла. Намъ приходится частенько читать у нашихъ писателей, особенно у тѣхъ, которые отличаются риторикой, что «охота есть портретъ войны», и, замѣчаемое среди нашей буржуазіи, упорное существованіе страсти къ охотѣ есть несомнѣнно пережитокъ первобытныхъ временъ.

Во время пытки, краснокожій плѣнникъ, самъ бывавшій не разъ актеромъ въ подобныхъ трагедіяхъ, затягиваетъ свою военную пѣснь, издѣвается надъ своими палачами, оскорбляетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они, потерявъ, наконецъ, терпѣніе, наносятъ ему смертельный ударъ.

Южно-американцы въ обращеніи со своими военно-плѣнными не уступали по жестокости племенамъ Сѣверной Америки. Нѣкоторыя индѣйскія племена Бразиліи и Парагвая жили на подобіе ягуаровъ, съ которыми, впрочемъ, они очень любили сравнивать себя. Монахъ Тевэ, духовникъ Маріи Медичи, посѣтившій обѣ Америки около средины XVI столѣтія и оставившій намъ очень любопытныя сочиненія, сообщаетъ, что война составляла единственное занятіе туземцевъ Бразиліи. Они даже не знали перемирій:

«Когда они хотятъ напасть на какую нибудь деревню, они прячутся и крадутся ночью въ лѣсу, какъ лисицы, оставаясь нѣкоторое время неподвижными, пока не представится удобнаго случая броситься на жителей».

«Подойдя къ деревнѣ, они пускаютъ въ ходъ извѣстныя уловки, чтобы заставить выйти изъ своихъ жилищъ непріятеля вмѣстѣ съ женами, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ. Тогда они наносятъ удары стрѣлами, палицами и деревянными мечами, такъ что въ общемъ видъ этой битвы представляетъ любопытное зрѣлище. Они хватаютъ другъ друга зубами и кусаютъ, гдѣ ни попало, показывая иногда, для большаго устрашенія непріятеля, кости побѣжденныхъ и съѣденныхъ ими людей; однимъ словомъ, употребляютъ всѣ средства, чтобы разозлить непріятеля... Мы храбры, говорятъ они, мы съѣли вашихъ родныхъ, мы также и васъ съѣдимъ и при этомъ еще много другихъ циничныхъ угрозъ».

Въ другомъ мѣстѣ Тевэ говоритъ, что онъ слышалъ, какъ

индѣйскій предводитель съ гордостью сравнивалъ себя съ ягуаромъ и хвастался тѣмъ, что убилъ и болѣе или менѣе участвовалъ въ съѣденіи 5.000 плѣнныхъ. Онъ говорилъ, по словамъ нашего хроникера:

«Я ихъ столько съѣлъ; я столько перерѣзалъ ихъ женъ и дѣтей, предварительно натѣшившись ими, что могу за свои геройскіе подвиги принять титулъ величайшаго *морбита*, который когда либо существовалъ въ нашемъ племени. Я спасъ много народовъ отъ пасти нашихъ непріятелей. Я могущественъ, я силенъ и т. д.».

Но подобныя рѣчи, въ нѣсколько лишь смягченномъ видѣ, приходится слышать и въ наше время.

Нисколько не больше военнаго великодушія проявляютъ и самые низшіе африканскіе чернокожіе, которые еще предаются каннибализму или не вполнѣ еще вышли изъ періода каннибализма. «Въ Габонѣ, говоритъ Дюшайю, напасть врасплохъ на мужчину, женщину или ребенка и убить ихъ во время сна, устроить засаду въ лѣсу противъ одинокаго путника, пронзить его стрѣлой изъ лука, раньше чѣмъ успѣетъ остеречься, подкараулить женщину, идущую за водой, и убить ее... вотъ подвиги, которые я слышалъ наиболѣе восхваляемыми и свидѣтелемъ которыхъ мнѣ чаще всего приходилось быть въ этой части Африки... Я никогда не могъ заставить этихъ африканцевъ понять, что я считаю честнымъ боемъ... Они насмѣхаются надъ смѣлостью бѣлаго человѣка, открыто выходящаго на врага».

Кафры, болѣе цивилизованные и практикующіе каннибализмъ только въ очень рѣдкихъ случаяхъ, безъ всякаго стѣсненія рѣзали раненыхъ и женщинъ, даже когда послѣднія просили о пощадѣ и, открывая грудь, кричали: «я женщина, я женщина»... Когда они нападаютъ на крааль бушмэновъ, то они умышленно убиваютъ женщинъ, чтобы помѣшать имъ, говорятъ они, производить на свѣтъ «воровъ скота», а — дѣтей, чтобы они не сдѣлались такими же мошенниками, какъ ихъ отцы.

Мы можемъ переходить изъ страны въ страну, но нравы повсюду будутъ тѣ же. Вездѣ, подъ всѣми широтами, человѣкъ

является дикимъ звѣремъ, пока онъ не подвергся продолжительной нравственной культурѣ.

Въ послѣдней главѣ мы видѣли, что въ большихъ полинезійскихъ архипелагахъ побѣжденные обыкновенно пожирались побѣдителями; но и тамъ не ограничивались убіеніемъ мужчинъ; побѣдитель имѣлъ право и стремился истребить побѣжденное племя, безъ различія возраста и пола, и это иногда удавалось. Новозеландцы, еще болѣе жестокіе, поощряли иногда своихъ дѣтей къ безчеловѣчнымъ поступкамъ надъ плѣнными. Нукагивійцы всегда приканчивали раненыхъ палочными ударами и считали за особую честь, если могли окрасить свои стрѣлы кровью умершаго воина: благодаря такой славной ваннѣ, оружіе пріобрѣтало большую цѣнность.

Иногда молодыя женщины Маркизскихъ острововъ успѣвали спастись отъ избіенія, возбуждая чувственность побѣдителей. Сначала онѣ хватали ихъ за руки и умоляли пощадить ихъ во имя ихъ собственныхъ женъ, дочерей и сестеръ, обѣщая быть ихъ служанками и т. п. «Если же это все, говоритъ одинъ разсказчикъ, не трогало палачей, то видѣли часто, какъ женщины рвали свои одежды и показывались голыми передъ этими чудовищами (такой именно пріемъ удался и Фринѣ передъ ареопагомъ). И что же, рѣдко даже одной удавалось спастись». Къ тому же сама религія препятствовала давать пощаду; необходимо было угодить тѣнямъ отцовъ и, главное, не раздражать ихъ. Одни убивали, не желая ничего слушать, а другіе, тронутые слегка мольбами, хватали несчастныхъ за руки, приказывали имъ закрыть глаза и убивали своими палицами или пронзали своими стрѣлами. Въ нихъ говорило чувство долга; нужно было повиноваться ему и голосу предковъ.

Однако, несмотря на дикіе первобытные обычаи, требовавшіе истребленія побѣжденныхъ, нѣчто похожее на рыцарство стало уже проникать въ воинственные нравы полинезійцевъ.

Въ Новой Зеландіи предводители иногда разрѣшали споры поединкомъ. На полѣ битвы довольно часто нѣсколько воиновъ выходили изъ рядовъ и вызывали на бой наиболѣе храбрыхъ изъ своихъ противниковъ,—совершенно подобно героямъ Гомера.

Здѣсь мы видимъ еще разъ, какъ отъ большаго зла роди-

лось меньшее зло, и мысль о поединкахъ, безъ сомнѣнія, была внушена боязнью полнаго истребленія.

На Сандвичевыхъ островахъ подобное же опасеніе внушило гуманныя мѣры; тамъ существовали убѣжища, гдѣ не только женщины и дѣти, но даже и побѣжденные воины могли найти себѣ защиту. Развѣвающіеся флаги на четырехъ углахъ священной ограды указывали ее издали бѣглецамъ, и тамъ они были въ полной безопасности. Въ этомъ отношеніи общественная нравственность развилась и сформировалась.

Привычка къ морскимъ битвамъ, когда приходится сражаться лицемъ къ лицу съ врагомъ, безъ всякихъ военныхъ хитростей, на платформахъ двойныхъ пирогъ, показываетъ также, что полинезійцы стали смотрѣть на войну не какъ на охоту.

Вслѣдствіе странной аномаліи, которую могла бы объяснить одна лишь отдаленная исторія расы, если бы она была извѣстна, въ войнахъ австралійцевъ, занимающихъ однако послѣднюю ступень въ іерархіи человѣческихъ типовъ, наблюдаются рыцарскіе пріемы, что, вмѣстѣ съ другими характерными нравственными чертами, подтверждаетъ мнѣніе, что Индія была колыбелью этихъ низшихъ меланезійцевъ.

Въ Тасманіи и Австраліи война, если она была вызвана юридическимъ споромъ, состояла изъ ряда поединковъ. Оба непріятельскихъ войска, вооруженныя, выстраивались другъ противъ друга, при чемъ каждое изъ нихъ прикрывало дѣтей и женщинъ. Затѣмъ, противники, выйдя изъ рядовъ по одиночкѣ, вызывали на бой, исполняли военный танецъ и, наконецъ, бросали другъ въ друга короткія пики (javelots), послѣ чего уходили или ихъ уносили, очищая мѣсто новой парѣ борцовъ. Когда серія истощалась, то начиналась серія новыхъ единоборствъ, на этотъ разъ на дубинахъ, при чемъ каждый борецъ долженъ былъ нанести и получить только одинъ ударъ, но не отражая его. Наиболѣе потерпѣвшая сторона объявляла себя побѣжденной. И даже болѣе того, бывали случаи, когда австралійцы, во время столкновеній съ европейцами, снабжали ихъ австралійскимъ оружіемъ, прежде чѣмъ ихъ атаковать.

Конечно, эти, болѣе чѣмъ вѣжливые, пріемы не были общимъ

правиломъ, особенно по отношенію къ бѣлымъ; но съ точки зрѣнія исторіи нравственности, они тѣмъ не менѣе очень любопытны. Я еще возвращусь къ нимъ, когда буду говорить о существованіи и происхожденіи нравственныхъ чувствъ у первобытнаго человѣка.

Такая деликатность, повидимому, была свойственна въ Меланезіи тасманійцамъ и австралійцамъ. Мы видѣли, что она была неизвѣстна въ Новой Каледоніи, а тѣмъ болѣе въ Новой Гвинеѣ.

Дѣйствительно, одинъ итальянскій путешественникъ д' Альберти разсказываетъ, какимъ образомъ была разрушена посѣщенная имъ новогвинейская деревня: когда мужчины находились на охотѣ, совершенно неожиданно появилось враждебное племя, которое тутъ же на мѣстѣ перебило больныхъ и стариковъ, остававшихся въ хижинахъ, затѣмъ увело дѣтей и женщинъ, убивъ тѣхъ изъ нихъ, которыя пробовали сопротивляться.

Одинъ изъ туземцевъ, сопровождавшій д' Альберти, наивно хвастался своими анатомическими познаніями, которыя онъ пріобрѣлъ изъ опыта, путемъ цѣлаго ряда убійствъ во время войны, когда онъ отрубалъ головы многимъ своимъ соотечественникамъ; онъ совершалъ это, пользуясь многими, удачно разсчитанными, стратегическими пріемами, не гнушаясь и такими счастливыми случайностями, какъ, напримѣръ, встрѣча съ женщинами, по неосторожности заснувшими въ лѣсу.

Но, какъ бы то не было, все это по большой части,—убійства, совершенныя въ военное время. Къ нимъ современная наша нравственность не имѣетъ права особенно строго относиться. И въ настоящее время еще свободно совершается масса аналогичныхъ злодѣяній во время войнъ между якобы цивилизованными народами. Бомбардировать, напримѣръ, городъ, въ которомъ осталось лишь мирное населеніе, женщины, дѣти, старцы и больные — совершенно то же самое, что обезглавить женщину, найденную спящею въ лѣсу. Что же касается войнъ между цивилизованными и варварами, или дикарями, или чаще между цивилизованными лицами изъ бѣлой расы съ представителями другихъ расъ, то гуманности въ нихъ не больше, чѣмъ въ отношеніяхъ охотника къ дичи. Стоитъ лишь вспомнить самые современные факты; никто, вѣроятно, еще не забылъ тотъ

небрежный тонъ, съ какимъ одинъ изъ нашихъ блестящихъ писателей, авторъ «*Свадьба Лоти*», разсказалъ о рѣзнѣ аннамитовъ, произведенной французскими моряками. Но къ этому вопросу намъ еще придется вернуться, такъ какъ, съ доисторическихъ временъ и до нашихъ дней, война не переставала быть однимъ изъ главныхъ занятій человѣческаго рода.

III.—Оставленіе на произволъ судьбы.—Умерщвленіе стариковъ.

Въ первобытныхъ странахъ каждый человѣкъ постоянно готовъ убить своего непріятеля и рискуетъ быть имъ убитымъ. Подобное существованіе на положеніи хищнаго звѣря не можетъ, конечно, способствовать развитію гуманныхъ чувствъ; вотъ почему даже въ мелкихъ этническихъ группахъ нравы жестоки и къ лишнимъ ртамъ относятся безъ всякой жалости. Почти повсюду, на этой ступени нравственнаго развитія, участь старцевъ, больныхъ и вообще немощныхъ весьма плачевна. Смягчающими обстоятельствами являются: частый недостатокъ средствъ существованія, трудности и опасности борьбы за существованіе.

Въ Новой Каледоніи всякій, кто въ теченіе трехъ дней не ѣлъ, по меньшей мѣрѣ, относится и оставляется въ уединенномъ мѣстѣ, а часто его убиваютъ родные. Такъ же поступаютъ и со стариками. Иногда не довольствуются тѣмъ, чтобы дать имъ умереть оставленными всѣми, а сокращаютъ для нихъ ожиданіе смерти, зарывая ихъ въ землю, не всегда позаботившись даже предварительно убить. Издавна воспитанные на такой нравственности, такъ какъ раньше они и сами поступали такъ же, паціенты спокойно покоряются своей участи. Нѣкоторые изъ нихъ обращаются съ просьбой оказать имъ любезность и убить ихъ; тогда они спокойно идутъ къ своей могилѣ, куда ихъ и зарываютъ, убивши предварительно ударомъ кастета.

Подобные же нравы господствовали въ Вити, но тамъ они освящались и санкціонировались религіей. По мнѣнію витійцевъ, твердо вѣровавшихъ въ загробную жизнь, умершіе появляются въ замогильномъ Вити именно въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они покинули земной Вити. Очевидно, какое громадное

значеніе при такомъ условіи было не слишкомъ-то долго заживаться на землѣ, не дожидаться старческаго убожества. Дѣти считали своею священною обязанностью не допускать своихъ старыхъ родителей доживать до слишкомъ глубокой старости. Эту обязанность они строго выполняли, въ случаѣ надобности предваряя родителей, что пора умирать, и назначая, сообща съ ними, время для удаленія въ загробный міръ. Въ назначенный день приглашали родныхъ и друзей на похоронное пиршество. Затѣмъ, старика торжественно вели къ могилѣ, на краю которой сыновья, послѣ трогательнаго прощанія, заботливо душили его собственными руками. Одинъ англійскій миссіонеръ, Гентъ, присутствовалъ однажды при подобномъ погребеніи. Это была старуха, которая весело шла къ мѣсту казни: «Подойдя къ могилѣ, мать сѣла; тогда всѣ, дѣти, внуки, родные и друзья, нѣжно съ нею простились; сыновья обмотали веревкой *тапа* ей шею и, натянувъ оба конца, задушили ее, послѣ чего ее похоронили съ обычными церемоніями».

На суровые упреки миссіонера, пытавшагося сначала уговорить ихъ отказаться отъ своего намѣренія, сыновья отвѣчали ему, «что она была ихъ матерью, они ея дѣтьми, а потому они были *обязаны* умертвить ее».

Съ точки зрѣнія генезиса нравственныхъ чувствъ, нѣтъ ничего болѣе поучительнаго, какъ факты подобнаго рода. Мнѣ еще придется ссылаться на этотъ послѣдній фактъ впослѣдствіи, когда я приступлю къ изслѣдованію, какимъ образомъ въ человѣческомъ сознаніи образовалось чувство *долга*, и къ анализу другого, связаннаго съ нимъ, нравственнаго состоянія,—*угрызенія совѣсти*. Пока же я буду продолжать свое странствованіе среди жестокихъ нравовъ первобытнаго человѣчества.

Батасы, живущіе на островѣ Суматрѣ и болѣе цивилизованные, чѣмъ фиджійцы, такъ какъ у нихъ было уже правильно организованное правительство, законы, азбука и литература, заходили еще дальше. Они не только убивали своихъ старыхъ родителей, но и съѣдали ихъ, выбирая, какъ люди предусмотрительные, для этого время года, когда лимоны были въ изобиліи и соль дешева. Торжество устраивалось по особому церемоніалу. Въ извѣстный моментъ, старикъ, съ которымъ разста-

вались или отъ котораго хотѣли отдѣлаться, влѣзалъ на дерево, вокругъ котораго располагались всѣ присутствующіе. Затѣмъ ритмически ударяли по стволу, распѣвая нѣчто вродѣ похороннаго гимна, общій смыслъ котораго заключался въ слѣдующемъ: «Плодъ созрѣлъ; наступила пора для сбора». Послѣ этого жертва слѣзала съ дерева, ее убивали и съѣдали.

Однородные факты наблюдались среди первобытныхъ расъ немного во всѣхъ странахъ и во всѣ времена. Такъ, напримѣръ, въ Африкѣ, бушмены выставляютъ своихъ стариковъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ они рискуютъ быть съѣденными хищными звѣрями. Подобный обычай они оправдываютъ тѣмъ, что эти лица не только не пригодны ни къ чему, но что они потребляютъ съѣстные продукты, которые могутъ быть необходимы людямъ полезнымъ. Ихъ сосѣди, намаквы, бросали на произволъ судьбы и вѣрную гибель своихъ старыхъ родителей, не только не испытывая никакого сожалѣнія и угрызенія совѣсти, но даже подсмѣиваясь надъ замѣчаніями, дѣлаемыми по этому поводу европейцами. Кафры Мачапи обыкновенно не убиваютъ своихъ стариковъ, а обрекаютъ ихъ на голодную смерть, а трупы ихъ оставляютъ на съѣденіе дикимъ звѣрямъ. Кафры Бечуаны поступаютъ уже нѣсколько человѣчнѣе; они относятъ своихъ раненыхъ на нѣкоторое разстояніе отъ ихъ городовъ и деревень и оставляютъ тамъ, заботясь ежедневно о томъ только, чтобы возобновить для нихъ скудный запасъ пищи и разводить каждый вечеръ около нихъ костеръ для отпугиванія хищныхъ звѣрей. Обо всемъ остальномъ должно было заботиться Провидѣніе.

Въ Америкѣ, начиная отъ Гудсонова залива и до Лаплаты, повсюду былъ распространенъ обычай убивать стариковъ. Нутка-Колумбійцы оставляли ихъ умирать отъ голода даже и тогда, когда они имѣли въ изобиліи съѣстные припасы.

Южно-американскіе инотомасы душатъ своихъ больныхъ; эскимосы хоронятъ своихъ старыхъ родителей, предварительно задушивъ ихъ, или, по меньшей мѣрѣ, простившись съ ними, покидаютъ ихъ въ ледяной хижинѣ (*иглу*).

Камчадалы отдѣлывались отъ своихъ родителей, убивая ихъ, а затѣмъ оставляли ихъ на съѣденіе собакамъ. Этимъ послѣднимъ обычаемъ выражалась особенная внимательность, такъ

какъ, по ихъ мнѣнію, быть съѣденнымъ въ этомъ мірѣ собаками служило самымъ вѣрнымъ средствомъ, чтобы въ будущемъ мірѣ ѣздить на превосходныхъ собакахъ. Другіе азіатскіе эскимосы думаютъ, какъ и витійцы, что весьма желательно предстать на томъ свѣтѣ въ бодромъ видѣ, а потому старые коряки и чукчи иногда сами заставляютъ своихъ дѣтей убивать ихъ, чтобы избѣжать дряхлости.

Якуты также покидаютъ своихъ старыхъ родителей и тяжко-больныхъ въ хижинахъ, которыя они имъ строятъ на берегу рѣки. Они оставляютъ имъ немного пищи и, обыкновенно, потомъ уже болѣе о нихъ не заботятся.

Этой ужасной стороной своихъ нравовъ современный первобытный человѣкъ воспроизводитъ, точка въ точку, первобытнаго человѣка давно былыхъ временъ. Дѣйствительно, древніе писатели отмѣтили много фактовъ, вполнѣ сходныхъ съ только что перечисленными мною. Приведу нѣкоторые изъ нихъ, такъ какъ соотвѣтствіе, существующее между мертвой и живой доисторіей, представляетъ для насъ особый интересъ.

По словамъ Платона, у одного изъ сардскихъ племенъ существовалъ обычай убивать стариковъ палочными ударами. Въ Бактріи, говоритъ Страбонъ, держали собакъ, такъ называемыхъ «погребальщиковъ», обязанность которыхъ заключалась въ томъ, чтобы пожирать стариковъ и больныхъ. Тотъ же авторъ увѣряетъ, что «самой завидной смертью у массажетовъ считалось, по достиженіи старости, быть мелко изрубленнымъ вмѣстѣ съ другимъ мясомъ и съѣденнымъ своими. Наоборотѣ, на умиравшаго отъ болѣзни смотрѣли, какъ на нечестиваго, годнаго на пищу хищнымъ звѣрямъ. Въ другомъ мѣстѣ Страбонъ утверждаетъ еще, что дербисы Сѣверной Азіи съѣдали каждаго человѣка, достигшаго семидесяти-лѣтняго возраста.

Довольно долгое время всѣ подобнаго рода многочисленные факты, указываемые древними писателями, считались неправдоподобными и легендарными; но въ настоящее время этнографія косвеннымъ образомъ подтверждаетъ ихъ достовѣрность, собравъ множество подобныхъ же фактовъ новѣйшаго происхожденія. Впрочемъ, привычная первобытному человѣку жестокость не исключаетъ присутствія иногда и кое у кого гуман-

ныхъ чувствъ. У племенъ, какъ и у отдѣльныхъ лицъ, нравственныя противорѣчія встрѣчаются не рѣдко. Такъ, например, ново-зеландцы, при всей своей кровожадности и страсти къ каннибальству, относятся съ большимъ уваженіемъ къ престарѣлымъ людямъ, по крайней мѣрѣ мужского пола. Они всегда уступали имъ почетное мѣсто на торжественныхъ пирахъ; молодые люди слушали ихъ съ почтеніемъ; предводители племенъ, случалось, поддерживали существованіе людей изъ простонародья исключительно за ихъ престарѣлый возрастъ. У нѣкоторыхъ краснокожихъ племенъ, по словамъ аббата Доменека, господствовали подобные же нравы. Въ своихъ вигвамахъ Селиши, напримѣръ, относятся къ старикамъ и больнымъ съ большимъ вниманіемъ.

Подобные факты являются исключеніями и потому именно они представляютъ особенный интересъ. Они указываютъ намъ, что эволюція человѣческой нравственности, обнаруживая въ общемъ однообразный ходъ развитія, испытываетъ нѣкоторыя уклоненія. Эти исключенія указываютъ еще на то, что человѣческая совѣсть допускаетъ самые поразительные нравственные контрасты. Но развѣ можетъ быть иначе, разъ нравственныя или безнравственныя наклонности являются результатомъ самыхъ роковыхъ случайностей соціальной жизни и измѣняющихся потребностей существованія?

Слѣдуетъ также замѣтить, что пробѣловъ между различными фазами умственной эволюціи нѣтъ и не можетъ быть: все цѣпляется одно за другое, входитъ въ общую связь, поддерживаетъ одно другое. Прошедшее всегда накладываетъ свою печать на настоящее; намъ представится еще много случаевъ подтвердить это положеніе; но будущее также находится въ видѣ зародыша въ томъ же прошедшемъ: оно пробивается, то здѣсь, то тамъ, въ видѣ новыхъ стремленій, отказывающихся повиноваться стариннымъ инстинктамъ и хищнымъ внушеніямъ предковъ. Я еще не разъ остановлюсь на подобныхъ нравственныхъ столкновеніяхъ и попытаюсь ихъ анализировать. Теперь же я намѣренъ описать жестокость первобытнаго человѣка и его поразительное презрѣніе къ человѣческой жизни. Выше я описалъ ужасныя черты первобытныхъ нравовъ: людоѣдство,

страсть къ рѣзнѣ ради самой рѣзни. Я коснусь еще, но въ краткихъ чертахъ, того, какъ мало первобытный человѣкъ заботиться о жизни дѣтей, уже родившихся или же имѣющихъ появиться на свѣтъ, и какой ужасной участи онъ слишкомъ часто подвергаетъ женщину.

IV.—Дѣтоубійство.

Примѣры истребленія родителями своихъ дѣтей наблюдаются у млекопитающихся животныхъ, но несравненно рѣже, чѣмъ въ человѣческомъ родѣ. Вообще любовь къ потомству представляетъ могущественный инстинктъ у млекопитающихся, въ особенности у самокъ, пока дѣтенышъ не можетъ обходиться безъ посторонней помощи. Но почему же такое могучее чувство такъ часто отсутствуетъ у человѣка? Причину этого явленія слѣдуетъ искать въ самомъ превосходствѣ интеллигенціи человѣка.

У человѣка, какъ у животнаго, существуетъ еще другой болѣе первобытный инстинктъ — инстинктъ самосохраненія, и при самомъ даже слабомъ умственномъ развитіи, человѣкъ,—будь это фиджіецъ или бушменъ,—проявляетъ уже нѣкоторую степень предусмотрительности, онъ заботится о будущемъ, что неизвѣстно большинству животныхъ.

Для несчастнаго существа, живущаго со дня на день и окруженнаго со всѣхъ сторонъ опасностями и западнями, воспитаніе своихъ дѣтей является своего рода геройскимъ поступкомъ; нужда угнетаетъ его, и, когда бремя кажется ему уже слишкомъ тяжелымъ, онъ облегчаетъ его. Разъ возникла подобная привычка, инстинктивная любовь къ потомству уже менѣе громко заявляетъ о себѣ и, наконецъ, подъ вліяніемъ различныхъ соображеній, ее заставляютъ совсѣмъ умолкнуть. Тѣмъ не менѣе мы увидимъ, что даже и тогда между древнимъ инстинктомъ, восходящимъ къ періоду, предшествовавшему появленію человѣка, т. е. къ животнымъ потомкамъ человѣка, и новыми эгоистическими обычаями происходитъ очень часто нравственная борьба.

Понятно, что дѣтоубійство встрѣчается чаще всего и въ наиболѣе чистомъ видѣ среди самыхъ низшихъ, наименѣе

умственно развитыхъ и наиболѣе безпомощныхъ человѣческихъ расъ.

Въ Тасманіи дѣтей часто убивали во время самаго ихъ рожденія. Впослѣдствіи отъ нихъ иногда отдѣлывались во время войны или даже отецъ убивалъ ребенка въ припадкѣ гнѣва на свою жену или на своихъ женъ.

Дѣло въ томъ, что первобытный человѣкъ или, въ болѣе широкомъ смыслѣ, человѣкъ, стоящій на низшей ступени развитія, обыкновенно, не умѣетъ владѣть собой; онъ представляетъ собой такого субъекта, котораго врача психіатры называютъ *импульсивнымъ*. Его духовная жизнь очень проста, его желанія и припадки гнѣва нисколько не сдерживаются, не ослабляются тормазящимъ вліяніемъ другихъ побужденій; у него, обыкновенно, дѣйствіе непосредственно слѣдуетъ за желаніемъ. Такъ, напримѣръ, на Огненной Землѣ Байронъ видѣлъ, какъ одинъ дикарь размозжилъ объ утесъ голову своему ребенку за то, что тотъ опрокинулъ корзину съ морскими яйцами. Но въ Тасманіи и Меланезіи дѣтоубійство практиковалось чаще всего, какъ простая мѣра предосторожности. Южныя австраліанки, говоритъ Эйеръ, часто убивали своихъ трехъ или четырехъ первыхъ дѣтей; онѣ избавлялись такимъ способомъ отъ скучной и тяжелой обязанности носить ихъ на спинѣ, сопровождая своихъ вѣчно кочующихъ мужей. Здѣсь, какъ и въ Новой Гвинеѣ, какъ и повсюду, дѣвочекъ предпочтительно приносили въ жертву, потому что ихъ считали не имѣющими никакой цѣны. Было также принято за правило — хоронить живыхъ дѣтей вмѣстѣ съ ихъ матерью, если она умерла. Но этотъ обычай, такъ же какъ и обычай убивать близнецовъ или, по крайней мѣрѣ, одного изъ нихъ, отнюдь не представляетъ особенности только Меланезіи. Парри встрѣтилъ его у эскимосовъ, и онъ существуетъ во многихъ мѣстахъ. Когда условія жизни слишкомъ тяжелы,—осиротѣвшій ребенокъ не находитъ пріемной матери.

По словамъ Гумбольдта, южно-африканскіе индѣйцы ссылаются, въ оправданіе своего обычая убивать, по крайней мѣрѣ, одного ребенка въ случаѣ рожденія двоенъ, на стыдъ походить на самыхъ презрѣнныхъ животныхъ, которыя ро-

ждаютъ одновременно по нѣсколько дѣтенышей. (*Hist. gén. des voyages, t. XXXVIII. p. 379*).

По тѣмъ же самымъ причинамъ многія первобытныя племена освобождаются безъ малѣйшаго колебанія отъ дѣтей съ физическими недостатками. Бушмены, напримѣръ, душили ихъ, закапывали живыми въ землю или просто бросали, а во время голодовокъ также поступали и съ хорошо сложенными дѣтьми.

Камчадалы также умерщвляли своихъ слабыхъ или неправильно сложенныхъ дѣтей (Kotzebue, *Hist. nat. des voyages*, t. XVII, p. 392). Знаменитый дѣтскій подборъ въ Спартѣ представлялъ, конечно, также одну изъ формъ переживанія: *Salus populi, suprema lex*.

Въ Тасманіи заглушенный материнскій инстинктъ удовлетворялся другимъ способомъ. Женщины, убивъ или бросивъ своихъ дѣтей, принимались воспитывать щенятъ, холили, ласкали и окружали ихъ большой заботливостью.

Эти жестокіе обычаи не составляли вовсе особенности Меланезіи. Во многихъ странахъ они являлись результатомъ неумолимыхъ требованій первобытной жизни. На нѣкоторыхъ изъ маленькихъ острововъ, гдѣ средства для пропитанія возможно было добывать въ очень ограниченныхъ размѣрахъ, дѣтоубійство было почти юридически регламентировано. Такъ, въ Тикопіи, на Радакскихъ островахъ, считалось нравственнымъ убивать третьяго или четвертаго ребенка.

Во всѣхъ полинезійскихъ архипелагахъ дѣтоубійство было также очень распространеннымъ обычаемъ и привело даже къ возникновенію особой профессіи «патентованныхъ дѣтоубійцъ», которые бѣгали по деревнямъ, предлагая свои услуги только что родившимъ женщинамъ, такъ какъ въ Полинезіи обыкновенно ребенка необходимо было умертвить тотчасъ же, въ самый моментъ появленія его на свѣтъ. Иначе, если его пощадили, хотя бы въ теченіе одного только часа, то за него вступалось общественное мнѣніе, но не законъ; оно признавало за нимъ право на жизнь, являясь въ такихъ случаяхъ, очевидно, выразителемъ пробудившагося материнскаго инстинкта. Тѣмъ не менѣе въ Полинезіи дѣтоубійство превратилось въ общій обычай. Въ Таити, говоритъ Эллисъ, нѣтъ женщины, которая не

умертвила бы, по крайней мѣрѣ, одного изъ своихъ дѣтей, задушивъ или зарывъ его живымъ въ землю. На Сандвичевыхъ островахъ рожденія, такимъ образомъ, подлежали извѣстной нормировкѣ. Количество уничтожаемыхъ дѣтей опредѣлялось здѣсь въ двѣ трети всѣхъ рожденій. Ни одна семья не воспитывала болѣе двухъ или трехъ дѣтей (Эллисъ).

На Маркизскихъ и Общественныхъ островахъ знаменитое братство Ароевъ, одновременно преслѣдовавшее эротическія, мистическія и аристократическія (цѣли о немъ я буду говорить дальше) вмѣняло въ обязанность каждому изъ своихъ членовъ дѣтоубійство. Всякая женщина, которая не исполняла этой обязанности, получала позорное названіе «производительницы дѣтей» и изгонялась изъ общества. Единственное исключеніе допускалось лишь въ пользу мужского первенца предводителей. Но даже и среди Ароевъ материнскій инстинктъ протестовалъ. Согласно принятому обычаю, новорожденнаго необходимо было умертвить въ самый моментъ рожденія, ранѣе чѣмъ мать могла увидѣть его. Если же ребенокъ дышалъ, хотя бы въ теченіе получаса, то онъ былъ спасенъ. Въ сознаніи полинезійцевъ, очевидно, происходила борьба между могучимъ материнскимъ инстинктомъ и разсудочнымъ желаніемъ избавиться отъ неудобнаго бремени. Дѣйствительно, всѣ наблюдатели согласно утверждаютъ, что пощаженныя дѣти пользовались хорошимъ уходомъ и нѣжнымъ обращеніемъ не только со стороны матерей, но и мужчинъ, такъ какъ нельзя назвать ихъ отцами.

Мы встрѣтимся еще съ дѣтоубійствомъ и на болѣе высокихъ стадіяхъ нравственной эволюціи, но оно не будетъ уже тамъ проявляться такъ открыто, какъ въ первобытныхъ обществахъ, когда задерживающая мораль еле-еле существуетъ и когда въ особенности было безгранично «право главы семейства», къ которому еще нерѣдко взываютъ и теперь. Въ теченіе этой первобытной стадіи общественнаго развитія, ребенокъ является полной собственностью родителей; они могутъ располагать и злоупотреблять имъ. Общество еще не доросло до пониманія, что покровительство, оказываемое дѣтямъ, является одной изъ самыхъ главныхъ его обязанностей.

Если животная этика и не думаетъ осуждать дѣтоубійства,

то отсюда само собой слѣдуетъ, что она относится еще болѣе снисходительно, если это только возможно, къ предупредительнымъ мѣрамъ къ уничтоженію плода до его рожденія. Подобное уничтоженіе практикуется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ среди всѣхъ первобытныхъ племенъ, у краснокожихъ съ береговъ Гудзонова залива такъ же, какъ и у индѣйцевъ Оринокскаго бассейна; въ Тасманіи, Австраліи, Новой-Каледоніи, въ Вити такъ же, какъ и въ Полинезіи. По словамъ Притчарда, оно практиковалось систематически въ Вити, Самоа, Тонгѣ.

Пріемы, употребляемые съ этой цѣлью, различны, смотря по расамъ и степени ихъ умственнаго развитія, но я не собираюсь описывать ихъ здѣсь. Тасманійцы и австралійцы, такъ еще мало развитые, предупреждали уже однако такимъ образомъ всякій избытокъ населенія. Средства, къ которымъ они прибѣгали, были такъ же просты и грубы, какъ и они сами; они заключались въ томъ, что услужливая старуха наносила нѣсколько ударовъ по животу беременной женщины.

Причины, побуждающія человѣка уничтожать дѣтей до рожденія, очевидно, тѣ же, что и вызывающія дѣтоубійство. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что вытравленіе плода было осуждено общественнымъ мнѣніемъ, нравственностью и закономъ гораздо позже дѣтоубійства. Насколько мнѣ извѣстно, священное уложеніе древнихъ персовъ, *Зендъ-Авеста*, заключаетъ въ себѣ первыя и самыя древнія юридическія предписанія на этотъ счетъ. Да и въ настоящее время многія европейскія женщины, даже изъ наиболѣе культурныхъ, въ этомъ отношеніи нисколько не превосходятъ Тасманіекъ. Нѣтъ ни одного доктора, которому не приходилось бы, и довольно часто, изумляться наивности, съ какой обращаются къ нему паціентки, требуя вмѣшательства, запрещаемаго нравственностью и законодательствомъ.

Изъ нѣсколькихъ разговоровъ, которые когда-то мнѣ пришлось вести съ просительницами подобнаго рода, я пришелъ къ тому заключенію, что отсутствіе нравственнаго чувства у многихъ женщинъ по вопросу, насъ занимающему, зависитъ отъ взгляда ихъ на ребенка, какъ на неимѣющаго еще личности до своего рожденія. Его еще не видали, не цѣловали, не ласкали; онъ, слѣдовательно, принадлежитъ еще міру неодушевленныхъ

предметовъ; имъ можно располагать, какъ своими ногтями и волосами. Совершенно то же самое происходило, какъ мы только что видѣли, въ Полинезіи, гдѣ матери жертвовали безъ всякаго колебанія своими дѣтьми, но лишь въ самый моментъ рожденія, когда онѣ ихъ еще не знали. Достаточно однако было имъ увидать ихъ и подержать ихъ на рукахъ, чтобы въ нихъ тотчасъ же пробуждался и начиналъ протестовать ихъ материнскій инстинктъ.

Я полагаю, что если женская нравственность такъ часто отстаетъ въ этомъ отношеніи, если чувство уваженія къ ребенку до его рожденія еще не организовалось въ мозгѣ многихъ женщинъ, даже развитыхъ, то причину этого явленія слѣдуетъ, въ значительной степени, приписать излишней скромности духовенства, которое во Франціи, въ теченіе уже столькихъ вѣковъ, воспитываетъ дѣвушекъ и исключаетъ изъ своихъ программъ предметы, представляющіе между тѣмъ громадную важность для женщинъ. Въ виду такого систематическаго пробѣла въ преподаваніи относительно извѣстныхъ вопросовъ практической нравственности, трудно, чтобы нравственность въ этомъ отношеніи утончалась и прогрессировала.

---

*

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ЖИВОТНАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ. (*Продолженіе*).

I. *Положеніе женщинъ.*—Участь самки у животныхъ.—Участь женщины въ Тасманіи и Австраліи.—Жестокость австралійскихъ женщинъ во взаимныхъ отношеніяхъ другъ съ другомъ.—Участь женщины въ Новой-Гвинеѣ и Новой-Каледоніи.—Нечистота женщины.—Участь женщины въ Полинезіи, Огненной землѣ, въ Парагваѣ, у краснокожихъ и нутка-колумбійцевъ.—Участь женщины у африканскихъ негровъ.

II. *Половая нравственность.*—О половой потребности у животныхъ.—Половые нравы въ Меланезіи.—Половая распущенность у полинезійцевъ.—Ареи.—Полинезійская вѣжливость. Отсутствіе стыдливости въ Полинезіи.—Половая нравственность у готтентотовъ и краснокожихъ. — Половыя извращенія въ Америкѣ.

III. *Стыдливость и любовь.*—Одежда по причинѣ стыдливости и одежда для защиты организма.—Поисхожденіе стыдливости.—Любовь, какъ страсть, невѣдома первобытному человѣку.

I.—О положеніи женщинъ.

Какъ ни мало еще изучены нравы животныхъ, тѣмъ не менѣе, въ мірѣ позвоночныхъ по крайней мѣрѣ, самка не всегда, повидимому, подвергается дурному обращенію со стороны самца. У нѣкоторыхъ изъ видовъ птицъ самецъ очень нѣжно ухаживаетъ за самкой. *Amblyornis inornata* въ Новой Гвинеѣ строитъ даже, для своихъ любовныхъ наслажденій, особое зданіе, передъ которымъ обыкновенно разстилается лугъ, покрытый цвѣтами или ярко окрашенными предметами. Среди почти всѣхъ видовъ птицъ самецъ кормитъ самку во время высиживанія яицъ, охраняетъ ее, а, въ случаѣ надобности, замѣняетъ и раздѣляетъ съ ней заботы о дѣтенышахъ.

Въ этомъ отношеніи первобытный человѣкъ стоитъ гораздо ниже животнаго. Для него женщина есть просто слабое существо, которымъ онъ пользуется и злоупотребляетъ безъ всякихъ стѣсненій.

Всѣ путешественники и миссіонеры вполнѣ согласно рисуютъ ужасное положеніе женщины въ Тасманіи и Меланезіи. Мы уже видѣли, что дѣло часто кончалось просто тѣмъ, что ее съѣдали, но сперва ей приходилось пройти еще мучительную карьеру.

Охота и война составляли въ этихъ странахъ почти единственное занятіе мужчинъ: все остальное лежало на обязанности женщины. Она должна была слѣдовать за мужчиной по лѣсамъ и носить на себѣ дѣтей и весь домашній скарбъ, какъ то: запасные острые камни и раковины, клей—*ксантореа*, чтобы прикрѣплять ихъ къ рукояткамъ, сухожилья кенгуру, служившія въ качествѣ веревокъ, кожи кенгуру, сало для натираній, мѣлъ, охру, перья для украшенія, кусочки коры, изъ которыхъ собирались сосуды; большую полосу такой же коры, подъ которой можно было укрыться ночью или на случай дождя. Всѣ эти предметы, за исключеніемъ большой полосы изъ коры, женщины носятъ на шеѣ, въ мѣшкѣ изъ шкуры кенгуру; въ другомъ же мѣшкѣ, на спинѣ, находится ребенокъ, а иногда верхомъ на плечахъ у матери помѣщается еще и другой. Правая рука австралійки опирается на длинную заостренную палку, а въ лѣвой она несетъ горящую головешку и заботится, чтобы она не потухла. Нагруженная такимъ образомъ женщина, слѣдуя за своимъ повелителемъ, скитается въ лѣсахъ по цѣлымъ днямъ.

Если охота была удачна, то вечеромъ женщинѣ приходилось лишь приготовить ужинъ; затѣмъ, она должна стоять позади мужчины и ожидать, пока онъ насыщается съ собачьей прожорливостью. Когда повелитель находится въ хорошемъ расположеніи духа, то онъ обыкновенно кидаетъ черезъ свое плечо женѣ или женамъ болѣе или менѣе обглоданныя кости и объѣдки своей трапезы. Въ ожиданіи этой подачки женщина сидитъ скорчившись и скрашиваетъ ожиданіе пѣніемъ.

Но очень часто австралійкѣ приходится не только готовить ужинъ, но и добывать его. Для этого ей случается лазить на деревья, чтобы поймать маленькое животное opossum (sarigue) или отыскивать въ землѣ разные питательные коренья; на берегу рѣки она отправляется въ воду и ныряетъ, съ цѣлью отыскать раковинъ, водорослей и съѣдобныхъ моллюсковъ. Она же должна также итти за водой или въ лѣсъ за дровами,

и не смѣетъ думать о покоѣ, пока не будетъ удовлетворенъ чудовищный аппетитъ мужчины.

Молодые австралійцы наивно говорили Ейру, что они берутъ себѣ жену для того, чтобы та доставляла имъ «дрова, воду, припасы и носила вещи».

Въ награду за всѣ эти услуги вьючнаго животнаго и поставщицы, австралійскія женщины подвергаются самому грубому обхожденію. Почти всѣ онѣ покрыты страшными рубцами, или слѣдами полученныхъ ими побоевъ и ранъ. По самому незначительному поводу или даже и безъ всякаго повода мужчина колетъ дротикомъ, не разбирая куда бы то ни попало, свою жену или наноситъ ей по головѣ сильные удары своею «уадди». Но не одинъ только мужъ, или вѣрнѣе владѣлецъ, пользуется привилегіей увѣчитъ или убить свою жену; въ ордѣ каждый мужчина имѣетъ право бить каждую женщину подъ тѣмъ лишь условіемъ, что мужъ потерпѣвшей можетъ выместить свое неудовольствіе на женѣ виновнаго: подобная отплата считается достаточной для австралійскаго правосудія.

Но это еще не все: австралійкѣ приходится опасаться не однихъ только мужчинъ. Женщины всегда бываютъ склонны поусердствовать во вредъ своимъ же подругамъ по несчастію. Когда мужъ хочетъ наказать жену, то ему достаточно для этого предоставить ее на произволъ женщинъ своего племени. Эти послѣднія съ радостью опрокидываютъ ее на землю, садятся на нее и наносятъ острыми камнями раны по разнымъ частямъ тѣла. Въ дѣйствительности австралійка не многимъ лучше своего повелителя и, во всякой странѣ, привычка къ гнету дѣлаетъ человѣка низкимъ трусомъ. Избить женщину, навлекшую на себя недовольство своего владѣльца, значитъ стать на сторону сильнаго, ублажить тирана, который можетъ и надъ вами сдѣлать насиліе. Этотъ видъ жестокой угодливости не составляетъ спеціальности одной только Австраліи.

Въ большей или меньшей степени подобные же, болѣе чѣмъ животные, нравы господствуютъ во всѣхъ меланезійскихъ архипелагахъ. Въ Вити мужья забавлялись иногда тѣмъ, что привязывали своихъ женъ къ деревьямъ и сѣкли ихъ розгами; они могли увѣчить, убивать и даже, если хотѣли, съѣдать ихъ.

Въ Вити такъ же, какъ въ Австраліи и Тасманіи, женщины ѣли отдѣльно и послѣ мужчинъ. Сверхъ того, жены предводителей должны были еще собственноручно душить себя по смерти мужа: если же они колебались, то сыновья нѣжно умоляли ихъ покончить съ собой, такъ какъ дѣти женъ, обрекшихъ себя на самоубійство, имѣли преимущество въ наслѣдованіи послѣ отца передъ сыновьями отъ другихъ женъ. Въ случаѣ же упорнаго отказа, на обязанности дѣтей лежало задушить собственноручно мать, лишенную душевнаго величія (Меренгаутъ, loc. cit., t. II, p. 236). Повсюду въ Меланезіи таскать тяжести и вообще работать считалось для мужчины дѣломъ позорнымъ. Мужчины обыкновенно шли впереди своихъ нагруженныхъ и перегруженныхъ женъ, неся лишь свои дубины да копья. Въ Новой-Каледоніи, гдѣ мужчины имѣли такое же отвращеніе къ труду, они, кромѣ того, были еще заражены предразсудками по поводу женской нечистоты. Ежемѣсячно женщины должны были проводить нѣсколько дней въ отдѣльномъ шалашѣ и все, до чего онѣ тогда прикасались, считалось оскверненнымъ. Чтобы очиститься требовались омовенія и обряды, повторявшіеся также и послѣ родовъ. Очень хорошо извѣстно, какъ подобные предразсудки были распространены въ цѣломъ мірѣ, да распространены еще и теперь. Въ подтвержденіе этого не трудно было бы привести множество примѣровъ. Послушаемъ только Плинія, который, въ резюме перечисляетъ бѣдствія отъ менструальной крови: «она окисляетъ жидкости; отъ ея прикосновенія зерна дѣлаются безплодными, садовыя прививки погибаютъ и растеніе засыхаетъ до самыхъ корней, плоды падаютъ съ деревьевъ; она уничтожаетъ блескъ зеркалъ, притупляетъ остроту желѣза; портитъ отполированную поверхность слоновой кости: пчелы погибаютъ отъ нея въ своихъ ячейкахъ; даже сплавъ мѣди (airain) и желѣзо немедленно покрываются ржавчиной; собаки, полизавъ ее, становятся бѣшеными и производятъ ядовитые и неизлѣчимые укусы; мало того, вязкая горная смола, плавающая въ извѣстное время года на поверхности Мертваго моря въ Палестинѣ и ко всему пристающая, отдѣляется легко ниткой, пропитанной въ этой крови. Даже муравей, это микроскопическое животное! чуетъ ее и бросаетъ оскверненныя ею зерна (Плиній,

т. VII, стр. 15). Любопытно, что эти, впрочемъ, весьма распространенные, предразсудки наблюдаются и у такихъ первобытныхъ расъ, какъ расы Меланезіи.

Они встрѣчаются также и въ Полинезіи, гдѣ участь женщины, хотя съ нѣкоторыми послабленіями, была совершенно одинаковая. На Маркизскихъ островахъ женщинамъ не дозволялось входить въ пироги и ѣздить въ нихъ, такъ какъ думали, что онѣ своимъ присутствіемъ прогоняютъ рыбу.

Между тѣмъ, женщины въ Новой-Зеландіи, въ видѣ рѣдкаго исключенія, пользовались честью ѣсть вмѣстѣ съ мужчинами, тогда какъ въ Таити, напримѣръ, онѣ не должны были даже варить себѣ пищу на томъ огнѣ, на которомъ приготовлялась ѣда для мужчинъ. Подобно меланезійцамъ, впрочемъ, полинезійцы также считали безчестьемъ нести ношу. Всѣ тяжелыя работы, слѣдовательно, выпадали на долю ихъ женщинъ. Даже жены предводителей, царицы, обработывали землю и сажали пататы. Такая утилизація женскаго труда служила, въ глазахъ туземцевъ, главнѣйшей причиной полигаміи.

Въ Новой-Зеландіи, странѣ по преимуществу людоѣдской, съ женщинами обращались еще съ большей жестокостью. Такъ, когда отецъ или братъ выдавали замужъ дочь или сестру за своего компатріота, они говорили ему: «Если вы останетесь недовольны ее, то продайте, убейте или съѣшьте ее. Вы—ея полный властелинъ». Въ другихъ полинезійскихъ архипелагахъ, гдѣ жизнь была легче, нравы немного смягчились. Женщина все еще считалась низшимъ существомъ, чѣмъ-то вродѣ домашняго животнаго, но она уже менѣе подвергалась насилію и грубому обхожденію. Тѣмъ не менѣе, судьба ея была все еще очень тяжела. Ей часто приходилось, подобно австралійкѣ, проводить цѣлые дни въ водѣ, съ голыми ногами, на кораллахъ, чтобы наловить разныхъ раковинъ, рыбъ, которыхъ съ жадностью затѣмъ пожирали ея мужъ и сыновья, а ей оставлялись или бросались лишь самые плохіе куски. Нѣкоторые пищевые продукты было запрещено женщинамъ ѣсть, конечно лучшіе изъ нихъ: свинину, курицу, кокосовые орѣхи. Для женщинъ голова мужа или отца была святыней и составляла табу; имъ воспрещалось даже дотрогиваться до всего, что прикасалось къ этимъ

священнымъ головамъ, переступать черезъ нихъ во время сна мужчинъ и т. п.

Нравы, впрочемъ, значительно измѣняются, смотря по архипелагу. Такъ, въ Нукагивѣ землю обработывали мужчины. Въ Тонгѣ, на островахъ Гамбье, положеніе женщины было сравнительно сносное. Здѣсь они занимались, главнымъ образомъ, выдѣлкою тканей изъ лыка тутоваго дерева, плетеніемъ цыновокъ и приготовленіемъ пюре изъ плодовъ хлѣбнаго дерева. Вся же остальная жизнь ихъ проходила въ пѣніи, купаніи, плетеніи вѣнковъ.

На всемъ земномъ шарѣ и у всѣхъ первобытныхъ людей, положеніе женщины почти повсюду одинаково: безъ всякихъ преувеличеній можно сказать, что женщина была первымъ домашнимъ животнымъ человѣка.

На Огненной Землѣ фиджійка входитъ въ воду во всякое время года, чтобы собирать раковины. Она же обязана заботиться о лодкахъ, и, въ случаѣ надобности, она вплавь отправляется, чтобы выгрузить ихъ; часто она же играетъ роль гребца. На сушѣ она строитъ шалащъ, добываетъ необходимое топливо даже во время кормленія ребенка грудью.

Далѣе къ сѣверу, мы встрѣчаемъ южно-американскаго индѣйца, который или безпечно валяется въ своемъ гамакѣ, или охотится, не признавая никакой ноши, кромѣ лука и стрѣлъ; между тѣмъ какъ жена его слѣдуетъ за нимъ, неся дѣтей и припасы, а во время приваловъ должна итти за водой и топливомъ, приготовлять пищу.

По словамъ древнихъ миссіонеровъ, у парагвайскихъ индѣйцевъ существовалъ еще въ XVII столѣтіи обычай убивать женщинъ, когда онѣ становились старухами. «Среди этихъ народовъ, говоритъ одинъ изъ редакторовъ «Назидательныхъ писемъ» царитъ обычай, крайне насъ изумившій; заключается онъ въ томъ, что тамъ убиваютъ женщинъ, переступившихъ тридцатилѣтній возрастъ. Однажды они привели съ собой женщину, которой было всего двадцать четыре года; одинъ изъ индѣйцевъ сказалъ мнѣ, что она уже очень стара и что ей недолго остается жить, такъ какъ черезъ нѣсколько лѣтъ ее убьютъ».

Убивать женщинъ послѣ того, какъ онѣ сдѣлались неспо-

собными къ работѣ, является самой высшей степенью дикаго состоянія; только австралійцы и фиджійцы идутъ еще далѣе, поѣдая своихъ женщинъ; но возложить на женщину всѣ тяжелыя работы, оставивъ себѣ только охоту и войну, это—всеобщее правило, почти безъ исключенія, для первобытной стадіи нравственной эволюціи.

Краснокожіе мужчины занимаются лишь выдѣлкою своего оружія; всякую другую работу, они считаютъ безчестьемъ; самое большее,—что они помогаютъ женамъ строить лодки изъ коры. Команчи курятъ, ѣдятъ, охотятся, дерутся, спятъ, и больше ничего не дѣлаютъ. У краснокожихъ племенъ, среди которыхъ существовало уже земледѣліе въ зачаточномъ состояніи, полевыя работы всецѣло лежали на обязанности женщинъ: онѣ пахали, сѣяли маисъ и собирали дикій рисъ; кромѣ того, онѣ обдѣлывали шкуры и мѣха, сушили мясо и корни для зимнихъ запасовъ и т. п. У нутка-колумбійцевъ женщины собирали раковины, переносили рыбу въ шалаши, приготовляли сардинки, шили одежду, ходили на рыбную ловлю, гребли веслами, причемъ мужчины и не помышляли даже оказать имъ, въ томъ или другомъ случаѣ, помощь.

Подобные нравы существуютъ въ Африкѣ, одинаково какъ у пастушескихъ готтентотскихъ племенъ, такъ и у негровъ, болѣе или менѣе земледѣльцевъ. Повсюду только охота и война составляютъ для мужчины благородныя занятія; все остальное касается женщинъ; такое раздѣленіе труда влечетъ за собой почти полное отсутствіе совмѣстной жизни. Однако, у кафровъ, на половину освободившихся отъ первобытной дикости, мужчины брали на себя уходъ за скотомъ, коровой, этой, по ихъ словамъ, «жемчужиной, покрытой шерстью». Земледѣліе, какъ занятіе болѣе поздняго происхожденія, было оставлено на долю женщинамъ, и царица кафрскаго племени, Бечуана, пахала землю наравнѣ съ другими женщинами, распѣвая какъ онѣ и вмѣстѣ съ ними пѣсни. Повсюду происходитъ тоже самое. На другомъ концѣ Африки, у Ньямъ-Ньямъ, мужчины охотятся въ то время, когда женщины обрабатываютъ землю; то же происходитъ и въ Габонѣ и т. п. Въ одномъ изъ племенъ, живущихъ въ послѣдней области, по словамъ дю-Шалью, рѣшили, подчиняясь

смутному чувству справедливости, что женщины обязаны работать сперва для того, чтобъ добывать средства для прокормленія своего повелителя, а затѣмъ, когда удовлетвореніе потребностей послѣдняго обезпечено приличнымъ образомъ, онѣ могли располагать остатками собраннаго зерна по собственному усмотрѣнію.

Но эти африканскіе негры, уже земледѣльцы и часто владѣютъ домашними животными, на половину вышли изъ состоянія чисто-животнаго; они соприкасаются съ фазой, которую я назвалъ дикарской и изученіемъ которой я скоро займусь.

На этомъ я и закончу свое краткое изслѣдованіе положенія женщины въ первобытныхъ обществахъ. Изъ него вытекаетъ одинъ выводъ, имѣющій особенно важное значеніе съ точки зрѣнія происхожденія нравственности и ея эволюціи, именно: что нравственность первобытнаго человѣка въ начальный моментъ ея развитія стояла много ниже нравственности животныхъ. Ни въ одномъ видѣ не только млекопитающихъ, но и позвоночныхъ вообще, самка не подвергается такимъ истязаніямъ, какъ напримѣръ въ Австраліи. Очевидно, изъ этого древняго запаса первобытной свирѣпой жестокости произошла и сложилась та, постепенно смягчающаяся, подчиненность, въ которой находилась женщина въ теченіе послѣдующихъ фазъ соціальной эволюціи. Мнѣ еще не разъ придется говорить объ этой подчиненности и о претерпѣваемыхъ ею метаморфозахъ. Дѣйствительно, положеніе женщины, какъ на это часто указывали, можетъ служить вѣрнымъ мѣриломъ нравственнаго развитія обществъ.

Теперь я перейду къ разсмотрѣнію вопроса, соприкасающагося съ изложеннымъ выше,—о полѳвой нравственности въ первобытныхъ обществахъ.

II.—О половой нравственности.

У человѣка, равно какъ и у животнаго, половая функція принадлежитъ къ первоначальнымъ функціямъ. Она существуетъ, болѣе или менѣе сознательно или безсознательно съ самаго момента возникновенія организованныхъ существъ. Въ

самомъ началѣ, какъ извѣстно, первичные организмы размножались безсознательно, простымъ дѣленіемъ, а затѣмъ почкованіемъ. Наконецъ, благодаря непрерывному прогрессу физіологической спеціализаціи, образовались двуполыя существа и выработались спеціальные органы для воспроизводительной дѣятельности, имѣющей столь важное значеніе въ жизни организмовъ. Эта дѣятельность проявляется у большинства животныхъ въ видѣ періодическихъ взрывовъ, называемыхъ течкой.

У высшихъ позвоночныхъ и у человѣка половой инстинктъ и воспроизводительная потребность, слѣдовательно, запечатлѣны (насколько возможно прочно), въ нервныхъ центрахъ. Уступая половому влеченію, индивидумъ подчиняется наслѣдственнымъ стремленіямъ, накопившимся, начиная еще съ того безконечно отдаленнаго времени, когда возникли, вслѣдствіе самозарожденія, первобытныя монеры [1]). Эта тиранническая потребность сложилась на подобіе потребности питанія, и, какъ по отношенію къ одной, такъ и по отношенію къ другой, совершенно излишне разыскивать какія-то особенныя намѣренія природы, и обвинять эту послѣднюю въ хитрости, «въ плутовствѣ», какъ говорилъ Монтэнъ, имѣющемъ въ виду увѣковѣчить непрерывность видовъ.

У животныхъ время течки проходитъ быстро; тѣмъ бѣшенѣе вслѣдствіе этого протекаетъ она: часто она является совершенно неудержимымъ неистовствомъ. Такъ Спалланцани отрѣзывалъ бедро у лягушки и у жабы-самца, и однако, даже этимъ не могъ прекратить совокупленія.

У человѣка, особенно у человѣка нѣсколько уже цивилизованнаго и умѣющаго болѣе или менѣе искусно ограждать себя отъ воздѣйствій внѣшней среды, течка перестаетъ быть періодической; она подчиняется лишь измѣненіямъ временъ года, но все же это функція, одна изъ самыхъ тиранническихъ. Намъ предстоитъ теперь изслѣдовать, какъ относились и регулировали эту деспотическую потребность въ первобытныхъ обществахъ.

Пчелы и муравьи вполнѣ подчинили актъ воспроизведенія

---

[1]) Живыя существа, ближе всего представляющія переходную стадію отъ растенія къ животному. *Переводчикъ.*

интересамъ общественной пользы, нисколько не заботясь объ индивидахъ. Но ничего подобнаго не приходилось наблюдать ни въ стадахъ млекопитающихъ, ни у дикарей. Здѣсь господствуетъ не общественное благо, а личный капризъ; прежде всего установимъ тотъ фактъ, что первобытный человѣкъ, подобно животному, подобно обезьянѣ, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, ни о стыдѣ, ни о наготѣ, ни объ удовлетвореніи половыхъ потребностей.

Уже по самой своей животности эти первобытные нравы представляютъ интересъ. Въ средѣ австралійской орды, какъ впрочемъ и въ большинствѣ обществъ дикарей, женщина или свободная дѣвушка, т. е., не имѣющая владѣльца, располагаетъ своей особой по собственному усмотрѣнію, никого этимъ не возмущая. Въ Австраліи молодые мальчики, едва сложившіеся, и дѣвочки, начиная съ десяти лѣтъ, сожительствуютъ совершенно свободно. Существуютъ даже особыя празднества, во время которыхъ то, что мы назвали бы развратомъ молодежи, проявляется съ полной свободой. Дѣло въ томъ, что самымъ половымъ сближеніямъ здѣсь до такой степени не придается никакого дурного значенія, что не рѣдко родители совокупляются съ дѣтьми, а дѣвушки съ наступленіемъ ночи обязаны идти ночевать съ гостями, принятыми племенемъ. Подобное же крайне раннее распутство, съ нашей точки зрѣнія, наблюдается въ Новой-Каледоніи, на Андаманскихъ островахъ и, конечно, во всей Меланезіи.

Ну, а когда женщина уже принадлежитъ мужчинѣ? Тогда отъ нея требуется извѣстная сдержанность, но отнюдь не во имя нравственныхъ побужденій, а исключительно въ силу правъ ея владѣльца. Повидимому даже, на что я обращу вниманіе впослѣдствіи, человѣкъ, именно благодаря тому, что располагалъ женщиной, какъ предметомъ, съ правомъ употреблять ее и злоупотреблять ею, пріобрѣлъ любовь къ личной собственности. Забота о такъ называемой чистотѣ нравовъ имѣетъ такое ничтожное значеніе въ томъ, что отъ женщины, принадлежащей въ буквальномъ смыслѣ этого слова своему мужу, требуется сдержанность и требуется со всею жестокостью животнаго, что мужъ-австраліецъ часто уступаетъ на время свою

жену друзьямъ или даже отдаетъ ее въ наемъ, на какихъ ему вздумается условіяхъ; она его собственность, а потому онъ можетъ располагать сю по собственному своему усмотрѣнію. Въ Тасманіи проституція женщинъ съ европейцами даже очень одобрялась, и для женщины имѣть ребенка отъ бѣлаго считалось особой честью. Само собой разумѣется, что, строго карая женщину, виновную въ неразрѣшенной связи, владѣлецъ оставлялъ лично за собой полное право на безграничную свободу.

Способъ, благодаря которому меланезійская женщина считалась и считается еще до сихъ поръ вещью, домашнимъ животнымъ, зависящимъ отъ произвола хозяина, также весьма поучителенъ. Завладѣніе женщиной въ Меланезіи совершается всегда при помощи похищенія, носящаго въ высшей степени животный характеръ; и нужно имѣть мозгъ, неизлечимо зараженный нашими современными европейскими идеями, чтобы называть такое похищеніе бракомъ.

Австралійцы придерживаются экзогаміи, т. е. они добываютъ себѣ за предѣлами своей племенной орды одну или нѣсколькихъ рабынь для различныхъ работъ. Мужчины каждой мелкой племенной группы поэтому постоянно заняты похищеніемъ женщинъ у сосѣднихъ группъ. Отправившись на поиски за женщиной, мужчина устраивается получше въ своей засадѣ и, какъ животное, бросается на первую попавшуюся одинокую женщину, накидывается на нее, оглушаетъ ее, въ случаѣ нужды, ударомъ *дуака*, тащитъ за волосы въ лѣсныя чащи гдѣ и насилуетъ ее, если только у него есть желаніе; затѣмъ, онъ ждетъ, чтобы женщина пришла въ себя, и тогда заставляетъ ее слѣдовать за собою къ своимъ. Съ этого времени женщина принадлежитъ ему, но затѣмъ онъ обыкновенно вступаетъ въ сдѣлку съ обворованнымъ племенемъ, согласно церемоніала, установленнаго обычаемъ. Эти похищенія проходятъ безнаказанно, такъ какъ они взаимно практикуются.

Впрочемъ, во всей Меланезіи сближеніе между полами происходитъ днемъ въ лѣсахъ и чащахъ. Въ Новой-Каледоніи женщины проводятъ ночь въ особыхъ шалашахъ, куда мужчины не проникаютъ. Самый способъ полового совокупленія между

меланезійцами обращаетъ на себя вниманіе: онъ окончательно придаетъ всему акту чисто животный характеръ. Въ Меланезіи всюду совокупляются способомъ, который мнѣ трудно было бы описать, еслибы, благодаря богословамъ, у насъ не имѣлось бы латинской фразы: *more canino*, которую они употребляють въ своихъ трудахъ и которая довольно точно и, сравнительно прилично, передаетъ способъ совокупленія.

Эти любопытные нравы сложились, очевидно, помимо всякого умышленнаго подражанія животнымъ; но въ сущности это—животные нравы, сохранившіеся отъ того еще времени, когда предки наши бродили въ лѣсахъ, совершенно подобно другимъ животнымъ.

Если изъ Меланезіи мы перейдемъ въ Полинезію, то найдемъ половые нравы, не представляющіе уже такого точнаго сколка съ жизни животныхъ, хотя они все еще отличаются чрезвычайной свободой. Это не разнузданность, а почти полное отсутствіе всякаго ограничивающаго права. Путешественники прошлаго вѣка пробовали опоэтизировать эти грубые обычаи, а вслѣдъ за ними и Дидро, въ своемъ *Прибавленіи къ путешествію Бугенвилля*, нашелъ въ этихъ обычаяхъ, или сдѣлалъ видъ, что находитъ, извѣстную соціально-экономическую тенденцію, имѣющую въ виду увеличеніе народонаселенія; но Полинезійцы были не болѣе развиты, чѣмъ наши дѣти, и они вовсе не руководились какими-либо разсужденіями и разсчетами, предоставляя полную свободу своейчувственности.

«Добродѣтель въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ, говоритъ одинъ американскій путешественникъ, Портеръ, имъ была неизвѣстна. Они не находили ничего постыднаго въ дѣйствіяхъ, которыя всегда казались имъ не только естественными, но даже безобидными удовольствіями». Это подтверждаютъ всѣ путешественники единогласно. Бесѣда между мужчинами, женщинами и дѣтьми, говоритъ Меренгаутъ, обыкновенно вращалась около самыхъ грубоцинических предметовъ и велась въ самой неприличной формѣ. Еще недавно французскій путешественникъ Варины писалъ: «Главное затрудненіе для миссіонеровъ этихъ островововъ составляло внушить женщинамъ понятіе о цѣломудріи: имъ было невѣдомо какъ это слово, такъ и самая ея сущность.

Супружеская измѣна, кровосмѣшеніе и блудъ составляли въ ихъ средѣ обыкновенныя явленія, допускаемыя общественнымъ мнѣніемъ и освящаемыя религіей».

Дѣйствительно, на Общественныхъ островахъ и во многихъ другихъ архипелагахъ существовало даже знаменитое религіозное братство—ассоціація *Ареоевъ*, ставившая себѣ цѣлью разнузданное удовлетвореніе половыхъ потребностей. Это братство заслуживаетъ подробнаго описанія, такъ какъ оно служитъ показателемъ полнаго отсутствія какой бы то ни было половой нравственности у полинезійцевъ, и, ознакомившись съ его организаціей, насъ не удивитъ даже самый поразительный фактъ.

Это — религіозное сообщество; оно находилось подъ покровительствомъ бога Оро. Всѣ члены этого полинезійскаго франкмасонства, безъ различія пола, считались высшими существами; Особое божественное покровительство ихъ охраняло, а послѣ смерти ихъ тѣни отправлялись въ особый рай. Общество признавало полную равноправность своихъ членовъ; конечно, большинство ихъ принадлежало къ аристократіи, но и люди изъ народа могли быть также приняты въ него. Для знатныхъ лицъ только сокращались формальности. Этотъ фактъ крайне любопытенъ среди племенъ, у которыхъ благородные, смотрѣли на себя, какъ на сотворенныхъ изъ несравненно болѣе высокаго матеріала, чѣмъ простые смертные. Условія пріема въ братство были очень строги. Прежде всего нужно было припадкомъ религіознаго экстаза обнаружить въ себѣ присутствіе божественнаго духа; послѣ этого становились послушниками. Спустя мѣсяцы, а иногда и годы, послушникъ подвергался второму испытанію, причемъ онъ давалъ великій обѣтъ умерщвлять всѣхъ дѣтей, которыя отъ него родятся съ этого дня. Такимъ образомъ, онъ вступалъ въ седьмой и послѣдній разрядъ Ареоевъ; его посвящали въ священные обряды, пѣсни, пляски и особыя мимическія движенія. Прохожденіе всѣхъ ступеней этой лѣстницы совершалось крайне медленно, цѣной новыхъ испытаній и соотвѣтственно обнаруженныхъ способностей въ ораторскомъ искусствѣ, въ пѣніи или въ поэзіи. Наконецъ особой татуировкой отмѣчалось достиженіе каждой новой степени посвященія.

Общество ставило себѣ цѣлью возбужденіе и необузданное

удовлетвореніе эротическихъ страстей. Всѣ женщины, члены общества, принадлежали сообща всѣмъ мужчинамъ, причемъ пары соединялись не болѣе какъ на два, на три дня. Жизнь Аероевъ представляла вѣчный праздникъ. Это были безконечные пиры, пѣсни и состязанія. Они совершали даже совмѣстныя путешествія. съ одного острова на другой, и повсюду ихъ встрѣчали съ почетомъ. Женщины исполняли въ присутствіи членовъ общества танецъ, къ которому питаютъ большую слабость въ Полинезіи, именно *Тимородію*, чрезвычайно сладострастный и сопровождаемый соотвѣтственнымъ пѣніемъ. Пробужденныя при этомъ половыя вожделѣнія удовлетворялись немедлено, и публично; но дѣти не допускались, и дѣтоубійство вмѣнялось въ строгую обязанность. Чтобы сохранить своего новорожденнаго ребенка, женщина у Аероевъ должна была найти ему въ средѣ членовъ общества воспріемнаго отца; но тогда она вмѣстѣ съ нимъ изгонялась изъ братства.

Принадлежать къ братству Аероевъ считалось великой честью. Одинъ таитянинъ, привезенный Кукомъ въ Англію, объявилъ, что считаетъ себя равнымъ англійскому королю, такъ какъ онъ носитъ титулъ Аероя.

Это странное общество, имѣвшее, очевидно, въ виду осуществить идеальную жизнь, какъ ее понимали полинезійцы, было возможно лишь въ странѣ, гдѣ всякое понятіе о цѣломудріи было неизвѣстно, а такую именно страну и представляла собой Полинезія. Я приведу нѣсколько краснорѣчивыхъ фактовъ.

Съ самаго ранняго возраста матери обучали сами своихъ маленькихъ дочерей сладострастному танцу *Тимородіи*. Нагота обоихъ половъ не оскорбляла ничьихъ чувствъ. Раздѣвались по самому незначительному поводу, не придавая этому факту никакого значенія. Въ Таити женщины обнажались отъ пояса до ногъ даже въ знакъ простой вѣжливости, какъ бы вмѣсто нашего поклона; онѣ занимались на берегу моря своимъ туалетомъ, гдѣ было очень мелко, выбирали при томъ такія мѣста, гдѣ проходило много иностранцевъ; онѣ это продѣлывали даже и послѣ того, какъ было введено христіанство на островѣ.

Почти съ дѣтскаго возраста дѣвушки вели себя съ необузданной распущенностью. Онѣ постоянно отдавались или прода-

вались съ согласія своихъ родителей, извлекавшихъ изъ нихъ, безъ всякаго стыда, пользу. И все это продѣлывалось совершенно открыто, публично, такъ какъ никто не считалъ нужнымъ скрывать что-либо. Впрочемъ, даже въ домахъ тайна была бы немыслима, такъ какъ жилища представляли одну лишь крышу, поддерживаемую столбами, къ которымъ привѣшивали нѣсколько цыновокъ; такъ обитатели одной и той же хижины всѣ спали рядомъ, прикрываясь одной общей цыновкой, и обыкновенно голые.

Тѣмъ не менѣе, замужнія женщины, т. е. принадлежащія мужчинѣ, не должны были, въ теоріи, измѣнять ему безъ особаго на то разрѣшенія; но мужъ могъ уступить или отдать въ наемъ своихъ женъ по собственному произволу и жена обязана была повиноваться. Съ другой стороны близкій другъ, *тайо*, всегда имѣлъ супружескія права на женъ своего друга и часто жены были общія между всѣми братьями или даже всѣми родными.

Жены предводителей были уже сильно стѣснены въ этомъ отношеніи своими повелителями, но большинство, говоритъ Кукъ, «не имѣло никакого понятія о благопристойности; онѣ удовлетворяли публично всѣ свои желанія и страсти, нисколько не стѣсняясь, такъ же, какъ мы удовлетворяемъ голодъ, принимая пищу въ обществѣ родныхъ и друзей». Предложить жену или дочь посѣтителю, которому хотѣли засвидѣтельствовать свои добрыя чувства, составляло лишь актъ простой вѣжливости и по обычаю такимъ предложеніемъ слѣдовало воспользоваться немедленно тутъ же на мѣстѣ, въ присутствіи всѣхъ. Иногда ради такого случая призывался даже музыкантъ, который наигрывалъ въ видѣ аккомпанимента пѣсню на полинезійской флейтѣ, надувая ее одной ноздрей. Въ сообщеніи Бугэнвилля можно найти яркое описаніе сцены подобнаго рода.

Эти нравы, столь странные съ точки зрѣнія европейской морали, были подробно описаны весьма многими мореплавателями: Валлисомъ, Кукомъ, Бугэнвиллемъ, Лаперузомъ, Ванкуверомъ, Портой, Маршаномъ, Коцебу, Меренгаутомъ, Дюмонъ-Дюрвиллемъ и др. Сомнѣваться въ ихъ достовѣрности нѣтъ никакой возможности.

При каждомъ прибытіи европейскаго корабля однѣ и тѣ же

сцены повторялись неизмѣнно. Пироги, нагруженныя женщинами, подплывали къ кораблю и пассажирки предлагали себя за гвоздики, красное перо, рубашку, зеркало или какую нибудь бездѣлицу. Мужчины отцы или братья, нерѣдко и мужья, давали имъ при отъѣздѣ надлежащія наставленія насчетъ цѣны, какую онѣ должны были требовать. Тѣ же изъ нихъ, которымъ не хватало мѣста въ лодкахъ, пускались вплавь и совершенно нагія взбирались не только на палубу, но даже въ рангоутъ. Во время прогулокъ или визитовъ офицеровъ, высадившихся на берегъ, женщины на перебой одна передъ другой предлагали сами себя или же это дѣлали за нихъ лица, имѣвшія на то право. «Они совершенно не понимали неловкость, говоритъ Бугэнвилль, какую мы испытывали вслѣдствіе этого».

Можно было бы привести цѣлую массу подобныхъ любопытныхъ случаевъ и пикантныхъ анекдотовъ. Я ограничусь сказаннымъ. Краткаго описанія, сдѣланнаго мною, совершенно достаточно, чтобы показать, что полинезійцамъ, т. е. цѣлому человѣческому племени, было чуждо чувство стыдливости. Между тѣмъ они вовсе не представляли собою такого тупого народа, какъ, напримѣръ, низшіе меланизійцы Австраліи и Тасманіи. Напротивъ, полинезійское племя, хотя и находилось на ребяческой ступени развитія, но было интеллигентно. Нѣкоторые изъ его представителей, напримѣръ, гавайцы, съ замѣчательной легкостью подчиняются требованіямъ европейской цивилизаціи, отъ которой они, впрочемъ, гибнутъ. Тѣмъ не менѣе, по данному вопросу полинезійцы сохранили полное отсутствіе всякихъ стѣсненій, какъ животныя и самые первобытные народы.

Аналогичные же нравы были наблюдаемы у многихъ низшихъ племенъ: готтентоты обращаются съ женщинами, какъ съ животными, и уступаютъ ихъ безъ малѣйшаго колебанія иностранцамъ за щепотку табаку. Они, по ихъ словамъ, болѣе заботятся о своихъ овцахъ, чѣмъ о своихъ женахъ. Одна изъ самыхъ молодыхъ хорошенькихъ дѣвушекъ племени намаквовъ предложила себя англійскому путешественнику Александеру за бумажный платокъ. У американскаго краснокожаго племени нандовесси одна женщина, какъ разсказываетъ Карверъ, пользовалась большимъ уваженіемъ за то, что принимала у себя и

имѣла половыя сношенія съ сорока главными воинами своего племени. И это вовсе не какая либо личная прихоть, а обычай, хотя вышедшій отчасти изъ употребленія, но весьма древній.

Что самая полная свобода половыхъ отношеній не считалась преступной у народностей, которыя по многимъ нравственнымъ чертамъ стоятъ еще такъ близко къ міру животныхъ, въ этомъ собственно нѣтъ ничего удивительнаго. Еще болѣе поразителенъ тотъ фактъ, что у низшихъ расъ встрѣчаются разныя извращенія полового чувства, которыя мы привыкли считать за утонченный развратъ. Эти пороки, вызывающіе отвращеніе у нормально развитого европейца, оказываются весьма распространенными въ первобытныхъ странахъ. Ново-каледонійцы предавались имъ весьма сильно, полинезійцы—также, даже вмѣстѣ съ женщинами, и въ ихъ пантеонѣ имѣлось особое божество, покровительствовавшее этимъ порокамъ. Въ Америкѣ, начиная отъ страны эскимосовъ и до береговъ Лаплаты, всѣ дикія племена предавались или и до сихъ поръ еще предаются имъ. Свидѣтельства, имѣющіяся на этотъ счетъ, весьма обильны и не допускаютъ никакого сомнѣнія. Повидимому, однородные факты, встрѣчающіеся въ европейскихъ обществахъ, представляютъ не извращенія, свойственныя цивилизованнымъ людямъ, а скорѣе атавизмъ, т. е. возвратъ къ инстинктамъ дикарей.

III.—О стыдливости и любви.

Столь широкая распущенность относительно половой нравственности неизбѣжно приводитъ къ полной почти безпечности по отношенію къ одеждѣ. Дѣйствительно, всѣ первобытные народы или вовсе не носятъ никакой одежды, или ограничиваются самой необходимой. Я говорю здѣсь объ одеждѣ, которую носятъ изъ стыдливости, такъ какъ нерѣдко, конечно, пользуются тѣмъ или дуругимъ прикрытіемъ, для защиты отъ непогоды или колючихъ кустарниковъ.

Во всей Меланезіи мужчины и женщины ходили голыми; это составляло общее правило. Тасманійцы и меланезійцы набрасывали себѣ на плечи шкуру кэнгуру, но исключительно въ видахъ защиты отъ холода и кустарниковъ. Женщины даже

не подозрѣвали о самомъ существованіи стыдливости, и надо быть зараженнымъ маніей величія человѣка, какъ царя природы, чтобы видѣть стыдливое побужденіе въ томъ, что тасманійка, садясь, прикрывается одной или обѣими ногами.

Часто европейскіе путешественники, особенно миссіонеры, охотно приписывающіе низшимъ расамъ, цѣликомъ или отчасти, собственныя понятія о цѣломудріи, видѣли признаки стыдливости въ той грубой одеждѣ, употреблявшейся только для защиты. Веревки и куски коры ново-каледонійцевъ и островитянъ Маликоло, раковины, употребляемыя послѣдними, очевидно, не обнаруживаютъ въ себѣ никакихъ нравственныхъ побужденій; ихъ назначеніе, какъ панцырь, защищать наиболѣе нѣжные органы.

Въ Новой-Каледоніи (островъ Сосенъ) миссіонеры встрѣтили сильный протестъ, когда захотѣли заставить дѣвушекъ носить пояса замужнихъ женщинъ; эти послѣднія энергично вступились за свои исключительныя права.

Полинезійки, всегда весьма легко одѣтыя, раздѣвались безъ всякаго дурного умысла, по самому ничтожному поводу и обязательно всякій разъ, какъ входили въ воду. На Сандвичевыхъ Островахъ дамы, уже немного цивилизованныя на европейскій ладъ, подплывали совершенно нагія къ кораблямъ; на головахъ своихъ онѣ держали шелковыя платья, ботинки и зонтики, въ которые затѣмъ и облекались на палубѣ, чтобы казаться красивѣе.

Совершенное отсутствіе стѣсненій, съ какимъ полинезійцы обоихъ половъ относились къ тому, что мы по преимуществу называемъ «нравами», часто служило поводомъ къ разнымъ забавнымъ инцидентамъ съ европейцами. Во время переѣзда на одной изъ шлюпокъ Кука, одна высокопоставленная таитянка пожелала убѣдиться собственными глазами, такое ли строеніе имѣетъ тѣло у англичанъ, какъ и у мужчинъ ея родного племени, и это изъ одного простого любопытства. Въ другой разъ миссіонеръ принужденъ былъ поспѣшно ретироваться на привезшій его корабль, такъ какъ островитянки, не зная, чему приписать его половое воздержаніе, предположили, что онъ страдаетъ какимъ нибудь физическимъ недостаткомъ и всѣми

силами старались убѣдиться въ этомъ. Съ нѣкоторыми варіаціями, подобные же нравы наблюдаются и во многихъ другихъ мѣстахъ, кромѣ Тихаго Океана. Вообще, первобытнымъ людямъ совершенно чужда забота о благопристойности. Такимъ образомъ, самые дикіе изъ американскихъ индѣйцевъ, фиджійцы и калифорнійцы, удовлетворяли всѣ свои потребности тутъ же на мѣстѣ, гдѣ они находились, нисколько не заботясь о своихъ сосѣдяхъ.

Въ 1498 г., на островѣ Троицы, Христофоръ Колумбъ нашелъ женщинъ совершенно нагими, тогда какъ мужчины носили узенькую перевязь, называвшуюся *гваюко*. Въ то же время на берегахъ Паріи дѣвушки въ отличіе отъ замужнихъ женщинъ ходили совершенно голыми. Такое же отсутствіе одежды наблюдалось у Шаймовъ, а Дюшалью нашелъ то же и въ Габонѣ у Ашировъ. Вообще, извѣстно, какъ несложно женское одѣяніе у всѣхъ африканскихъ негровъ. Одежда мужчинъ впрочемъ, часто бываетъ и того еще проще. Иногда ея и вовсе нѣтъ, какъ у Динковъ, которые хвастались, во время путешествія Швейнфурта, своей абсолютной наготой и презрительно называли путешественника «турчанкой» за его костюмъ.

На этомъ я и закончу подобное перечисленіе фактовъ, которое можно было бы значительно увеличить. Дѣлая это, я совершенно не имѣлъ въ виду группировать разные курьезные, шокирующіе нашу европейскую нравственность факты. Я хотѣлъ только возможно ярче освѣтить съ этой стороны первобытные нравы, которые, очевидно, были нравами нашихъ отдаленныхъ предковъ.

Между тѣмъ изъ этихъ фактовъ вытекаютъ нѣкоторые общіе выводы, чрезвычайно важные для изученія происхожденія нравственности.

Весь животный міръ не знаетъ стыдливости, а между тѣмъ любовь, разсматриваемая, какъ исключительное чувство, повидимому, не чуждо всѣмъ животнымъ. Нѣжность, съ какою самецъ у нѣкоторыхъ птичьихъ породъ ухаживаетъ за самкой и любитъ ее, можетъ пристыдить не только дикарей, но даже и многихъ представителей такъ называемаго цивилизованнаго человѣчества. Для самки иллинойскаго попугайчика (*Psittacus*

pertinax) вдовство и смерть—синонимы; но, даже въ случаяхъ постоянной моногаміи, животныя не знаютъ стыдливости. Почему же и какимъ образомъ это чувство играетъ такую громадную роль въ нравственности высшихъ расъ? Монтэнь задаетъ себѣ тотъ же вопросъ, говоря: «Въ чемъ провинился передъ людьми половой актъ, столь естественный, необходимый и справедливый, чтобы о немъ нельзя было говорить безъ стыда, чтобы его исключать изъ числа серьезныхъ и приличныхъ предметовъ разговора? Мы смѣло говоримъ *убить*, *украсть*, *измѣнить*, а это слово произносимъ сквозь зубы».

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ тѣхъ вопросовъ эволюціонной психологіи, которые разъяснить въ состояніи только одна сравнительная этнографія.

Въ самомъ началѣ первобытный человѣкъ не дѣлаетъ никакого нравственнаго различія между своими потребностями, между голодомъ и любовью, онъ совершенно не видитъ никакой разницы между ними, и стыдливость ему такъ же чужда, какъ и животнымъ. Но у этихъ послѣднихъ, даже въ случаяхъ исключительнаго выбора, не возникаетъ чувства стыдливости. Дѣло въ томъ, что это чувство вытекаетъ изъ двухъ комбинированныхъ фактовъ: выбора и соціальной среды. Вовсе не какая нибудь нѣжность, а грубый эгоизмъ первобытнаго человѣка, и при томъ совершенно безсознательно, послужилъ причиной возникновенія чувства стыдливости и половой нравственности. Первыя сѣмена этихъ возвышенныхъ чувствъ были посѣяны въ тотъ день, когда мужчины, освободившись нѣсколько отъ первоначальнаго всеобщаго полового смѣшенія, стали смотрѣть на женщинъ, какъ на личную собственность. Этой собственностью владѣлецъ захотѣлъ пользоваться одинъ, онъ сталъ защищать ее отъ покушеній другихъ мужчинъ, особенно строго онъ наказывалъ свою жену или своихъ женъ, за измѣну, не подвергая себя никакому стѣсненію. Мало-по-малу благодаря этимъ запретамъ и жестокимъ наказаніямъ, въ мозгу женщинъ стало складываться извѣстное чувство супружескаго долга, половой сдержанности и возникла нѣкоторая забота о прикрытіи въ большей или меньшей степени своей наготы; все это, въ концѣ концовъ, стало передаваться по наслѣдству.

Въ этомъ отношеніи Полинезія представляетъ также драгоцѣнное поле для наблюденій. На островахъ, гдѣ, какъ напримѣръ въ Таити, половая свобода была почти безгранична, такъ какъ замужнихъ женщинъ весьма легко отдавали въ наемъ сами же ихъ повелители, тамъ всякое чувство стыдливости было неизвѣстно. Наоборотъ, въ Новой-Зеландіи, гдѣ владѣльцы женщинъ болѣе ревниво относились къ своимъ правамъ, почти всегда наказывали смертью за своевольную измѣну и съ трудомъ давали разрѣшеніе на ее, тамъ женщины вели себя сравнительно благопристойно. Даже во время купанья и ночью во время сна, онѣ не снимали своихъ передниковъ *phormium tenax*, опоясывавшихъ ихъ поясницу.

Прежде чѣмъ отдаться европейцамъ, онѣ, обыкновенно, требовали согласія своихъ родныхъ или мужа, но даже послѣ полученія такого согласія за приличное вознагражденіе приходилось еще условливаться съ ними.

Нѣкоторыя изъ нихъ привязывались къ своимъ любовникамъ-европейцамъ и оставались имъ вѣрны. Мужчины-туземцы не находили ничего безнравственнаго въ томъ, что отдавали своихъ женъ во временное пользованіе или въ наемъ; въ этомъ они видѣли лишь право владѣльца на свою собственность, но уже нѣкоторое чувство ревности удерживало ихъ иногда отъ подобныхъ сдѣлокъ. «Чтобы убѣдиться, до какой степени велика ихъ чувствительность къ супружеской вѣрности, читаемъ мы въ сообщеніи Дюмонъ-Дюрвилля, г. Гемаръ дѣлалъ всевозможныя предложенія Тавити (предводителю), желая добиться благосклонности его жены; но, несмотря ни на что, тотъ оставался глухъ ко всѣмъ соблазнамъ, даже къ предложенію получить одноствольное ружье, упорно отвѣчая: *табу* (священно, или запрещено). И только, когда докторъ предложилъ ему въ шутку двухствольное ружье, предводитель-дикарь не могъ болѣе устоять передъ столь заманчивымъ предложеніемъ и толкнулъ жену въ объятія иностранца, протягивая въ то же время руку за ружьемъ». Въ противоположность ново-зеландкамъ, таитянки бывали иногда ревнивыми, но просто изъ тщеславія и онѣ никогда не отличались вѣрностью. Такимъ образомъ, можно сказать, что онѣ дошли до пониманія любви, какъ ее, по словамъ

Шамфора, понимали многіе весьма интеллигентные французы прошлаго вѣка.

Что касается любви, какъ страсти, этого деспотическаго чувства, оставляющаго «тщеславію и чувственному раздраженію» только подчиненную роль, то она является плодомъ высшей культуры. По единогласному свидѣтельству путешественниковъ, такая любовь не встрѣчается среди низшихъ расъ. Вьючное животное, орудіе наслажденія, а иногда запасная пища,—вотъ три главныхъ назначенія, выпадающія на долю женщины въ первобытныхъ странахъ. Тѣмъ не менѣе между этими животными инстинктами и любовью нѣжной, благородной, которую испытываютъ нѣкоторыя утонченныя натуры, стоящія на сравнительно высокихъ ступеняхъ культурнаго развитія, существуетъ цѣлая цѣпь посредствующихъ звеньевъ; послѣдняя. несомнѣнно, произошла изъ первыхъ; но вѣдь и въ наши дни эта любовь, страсть составляетъ привилегію, а нерѣдко и муку очень небольшого числа избранныхъ, которые, конечно, никогда не были бы способны испытывать ее, если бы наши первобытные предки не стали въ одинъ прекрасный день считать женщину, какъ частную собственность.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ЖИВОТНАЯ СТАДІЯ НРАВСТВЕННОСТИ. (*Продолженіе*).

I. *Понятіе о собственности съ точки зрѣнія нравственности.*—О воровствѣ съ точки зрѣнія современной морали.—Происхожденіе чувства любви къ собственности.—Женщина была самымъ первымъ предметомъ собственности.—Прелюбодѣяніе наказуется, какъ воровство.—Вліяніе частной собственности на нравственность.—Право собственности у эскимосовъ.—Право частной собственности въ Меланезіи и Полинезіи.—Воровство въ первобытныхъ странахъ.—О *табу* въ Новой-Каледоніи.—Наказаніе за воровство въ Полинезіи и Америкѣ.—О Патріотизмѣ въ Полинезіи.

II. *Нравственныя чувства у первобытныхъ людей.*—Альтруизмъ въ первобытной странѣ.—Любовь къ потомству.—Отсутствіе воспитанія въ первобытной странѣ.—Рѣдкость сыновней любви.—Гуманитарныя чувства у австралійскихъ женщинъ.—Полинезійское братство.—Чувство благодарности у американскихъ индѣйцевъ и эскимосовъ.—Первобытная нравственность.

III. *Нравственное сознаніе.—Долгъ. Угрызеніе совѣсти.*—О чувствѣ долга у первобытныхъ.—О чувствѣ долга въ Австраліи.—О Полинезійскомъ *табу*.—Первобытная нравственность является дрессировкой.—Генезисъ угрызенія совѣсти.—Угрызеніе совѣсти у австралійца и угрызеніе совѣсти по Шекспиру и Байрону.

I.—ПОНЯТІЕ О СОБСТВЕННОСТИ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ НРАВСТВЕННОСТИ.

Въ предшествующей главѣ я пытался показать, какимъ образомъ организовалось въ человѣческомъ мозгу чувство стыдливости, настолько прочно теперь заложенное въ сознаніи большинства цивилизованныхъ людей, что, какъ замѣтилъ еще Монтэнь, ни одинъ благовоспитанный человѣкъ не станетъ безъ нѣкотораго стѣсненія говорить о томъ, что касается воспроизводительной функціи, между тѣмъ какъ каждый будетъ разсказывать объ убійствѣ съ мельчайшими подробностями и безъ малѣйшаго смущенія.

Теперь я займусь другимъ пріобрѣтеннымъ чувствомъ, играющимъ также большую роль въ нашемъ нравственномъ

сознаніи, я хочу говорить объ уваженіи къ собственности и отвращеніи къ воровству. Вслѣдствіе того, что въ нашихъ современныхъ обществахъ господствуетъ любовь къ деньгамъ, наша общественная мораль относится чрезвычайно строго къ кражѣ или, по крайней мѣрѣ, къ тѣмъ ея формамъ, которыя считаются наказуемыми по закону. Множество поступковъ, въ дѣйствительности болѣе достойныя порицанія, чѣмъ воровство, шокируютъ насъ, напротивъ, не такъ сильно. Напримѣръ, измѣна въ нѣкоторыхъ случаяхъ, явныя политическія отступничества встрѣчаютъ со стороны общественнаго мнѣнія довольно снисходительное отношеніе, между тѣмъ какъ человѣкъ, изобличенный въ похищеніи хотя бы самой легкой монеты, считается обезчещеннымъ навсегда. Съ другой стороны, мы встрѣчаемъ людей очень бѣдныхъ и мало развитыхъ, считающихъ, однако, долгомъ чести возвратить найденные ими предметы владѣльцамъ, предметы очень цѣнные, и которые они могли бы оставить у себя безнаказанно.

Чтобы пріобрѣтенный инстинктъ достигъ такой высокой степени и развитія, нужно, чтобы онъ имѣлъ очень отдаленное происхожденіе. И, дѣйствительно, понятіе о твоемъ и моемъ встрѣчается въ обществахъ, находящихся еще въ дѣтской фазѣ своего развитія.

Конечно, коммунистическій режимъ проявляется въ полной силѣ почти во всѣхъ первобытныхъ обществахъ, но даже наиболѣе приверженныя изъ нихъ къ коммунизму всегда однако требовали со стороны ордъ и сосѣднихъ племенъ соблюденія, по крайней мѣрѣ, неприкосновенности территоріи рыболовства и охоты, совершенно необходимой для ихъ существованія. Подобныя территоріи были болѣе или менѣе опредѣленно разграничены даже у глуповатыхъ Тасманійцевъ. Слѣдовательно, понятіе и любовь собственности, по крайней мѣрѣ коллективной, должны были очень рано возникнуть въ человѣческомъ мозгу; онѣ поддерживались необходимостью бороться съ соперниками и энергически защищать отъ вторженія, опаснаго для маленькаго отечества, которое признавалось своимъ и границы котораго были всегда очень смутно опредѣлены. У американскихъ индѣйцевъ это обстоятельство, говоритъ Молльенъ, служило самымъ

обычнымъ поводомъ къ войнамъ; то же самое происходитъ и во всѣхъ первобытныхъ обществахъ.

Но любовь къ собственности и негодованіе противъ вора были порождены еще и другой причиной, существовавшей даже раньше возникновенія какой-либо общественной организаціи. Самый первоначальный видъ собственности составляла, несомнѣнно женщина, похищенная или купленная однимъ или многими мужчинами. Пока дѣвушка не имѣла еще своего хозяина, она пользовалась полной свободой: первобытный человѣкъ вѣдь не взыскателенъ по части нравовъ. Но все въ этомъ отношеніи совершенно измѣнялось, какъ только она, побѣжденная или проданная, была превращена въ домашнее животное, въ вещь, на которую были пріобрѣтены всѣ права. Причемъ подобная сдѣлка часто совершалась родителями на чисто коммерческой подкладкѣ,—дочь обмѣнивали на дичь, рыбу или за извѣстную работу. Съ этого момента неразрѣшенная измѣна женщины наказывалась съ большей или меньшей строгостью, а на ея соучастника смотрѣли, какъ на виновнаго въ очень предосудительномъ поступкѣ. Въ основѣ отношеній лежала мысль о пользѣ, хотя и въ самой элементарной и эгоистической формѣ. «Тотъ, кто отнимаетъ у меня жену, совершаетъ дурной поступокъ, говорилъ одинъ бушмэнъ, я же поступаю хорошо, когда похищаю жену у другого». Это просто и откровенно; но имѣемъ ли мы право смѣяться надъ этимъ опредѣленіемъ? Оно отличается менѣе по существу, чѣмъ по формѣ отъ современной практической морали по данному вопросу.

Дѣйствительно, во всѣхъ первобытныхъ странахъ прелюбодѣяніе наказуется и нерѣдко весьма строго, но просто, какъ кража. Уже говоритъ, Бонвикъ, неразрѣшенная измѣна воспрещалась тасманійкамъ и строго наказывалась, но не какъ преступленіе противъ нравственности, а какъ покушеніе на право собственности. Тѣ же самые нравы встрѣчаемъ мы и въ Австраліи. Въ Новой-Каледоніи прелюбодѣяніе считалось уже, въ нѣкоторомъ родѣ, за преступленіе противъ общественнаго порядка, что весьма рѣдко наблюдается въ первобытныхъ странахъ; всякій уличенный въ этомъ преступленіи приводился передъ лицо совѣта старѣйшинъ, въ которомъ предсѣдательствовалъ предводи-

тель, потомъ, обыкновенно, приговаривался къ смертной казни. Гвараны и многія американскія племена также допускали, что прелюбодѣяніе жены должно караться смертной казнью; у большинства дикарей это было общимъ правиломъ, но только обыкновенно обязанность быть одновременно судьей, потерпѣвшей стороной и исполнителемъ казни выпадала на долю мужа. Таковъ былъ обычай, напримѣръ, въ Новой-Зеландіи, какъ мною уже было выше замѣчено. Въ дневникѣ Марздена мы читаемъ: «Шонги сообщилъ мнѣ, что два дня тому назадъ предводитель Тинана убилъ свою жену за прелюбодѣяніе. Она была застигнута на мѣстѣ преступленія и созналась въ своей винѣ: тогда мужъ нанесъ ей смертельный ударъ палкой по головѣ. Шонги находилъ это наказаніе справедливымъ. Братъ жены пришелъ и взялъ тѣло, которое было затѣмъ перенесено въ усыпальницу его друзей. Это была очень высокопоставленная женщина». Общественное мнѣніе одобрило расправу мужа; потому братъ ограничился въ своемъ мщеніи одной лишь формой, взявъ у мужа сестры нѣсколько пататовъ.

Въ другихъ архипелагахъ, гдѣ половая нравственность отличалась большей разнузданностью, грѣшница по большей части отдѣлывалась тѣлеснымъ наказаніемъ.

Въ первобытныхъ странахъ право мужчины на жену и дѣтей безгранично. Несомнѣнно, что привычка владѣть этими зависимыми существами, пользоваться и злоупотреблять ими обусловила развитіе инстинктивнаго чувства собственности въ нашихъ первобытныхъ предкахъ. Разъ сложившись, этотъ инстинктъ затѣмъ сталъ проявляться, и часто съ такою же силою, по отношенію къ другимъ движимымъ предметамъ: оружію, орудіямъ, домашнимъ животнымъ и землѣ, въ особенности послѣ того, какъ была учреждена родовая или частная поземельная собственность.

Повидимому, въ самомъ началѣ повсюду господствовала общность имущества, подобно тому какъ и женщина первоначально составляла по принципу, общее достояніе. Лишь путемъ очень медленной и продолжительной соціальной эволюціи возникла частная собственность.

Этотъ институтъ частной собственности измѣнилъ всю прав-

ственную оріентировку; такъ какъ образъ жизни создаетъ нравы. Въ самыя отдаленныя отъ насъ времена, какъ внутри мелкихъ общественныхъ группъ, въ ордахъ или племенахъ, все принадлежало всѣмъ, сложились извѣстныя привычки и инстинкты солидарности, ограниченные впослѣдствіи режимомъ частной собственности. Дѣйствительно, въ странѣ, гдѣ господствуетъ принципъ коммунизма, дурнымъ считается не взятіе чужого, а нежеланіе дать или позволить взять свое.

Коммунистическій режимъ сохранился еще до сихъ поръ у гренландскихъ эскимосовъ и онъ подчиняется нравственнымъ правиламъ, для насъ весьма любопытнымъ; съ ними насъ, недавно, познакомилъ одинъ превосходный наблюдатель. Я приведу нѣкоторыя изъ этихъ правилъ: «если вы взяли у собственника оружіе или какую-нибудь снасть и потеряли его или испортили, то вы не обязаны удовлетворять владѣльца какимъ-либо вознагражденіемъ, такъ какъ каждый ссужаетъ другого только излишкомъ того, что имѣетъ.—Какимъ бы образомъ ни былъ изловленъ китъ или иное какое-нибудь крупное животное, напримѣръ моржъ или медвѣдь, эти животныя считаются общей собственностью, такъ какъ, за рѣдкими исключеніями, отдѣльный человѣкъ не въ состояніи овладѣть такой добычей.—Всѣ предметы, находящіеся безъ употребленія, считаются никому не принадлежащими, и всякій человѣкъ, имѣющій больше трехъ кайаковъ, обязанъ ссудить имъ кого-нибудь изъ родственниковъ или товарищей.—Всякое дерево, найденное на берегу, принадлежитъ тому, кто нашелъ его, но при томъ лишь условіи, если нашедшій обладаетъ достаточной силой, чтобы вытащить его за черту морского прилива.—Каждый тюлень, пойманный на зимней станціи, разрѣзывается на мелкія части такъ, чтобы на каждую приходилось мясо и жиръ, которыя затѣмъ и распредѣляются между сотоварищами, чтобы никто не нуждался ни въ необходимыхъ средствахъ пропитанія, ни въ жирѣ для своей лампы».

Россъ находитъ, что эскимосы смотрѣли весьма странно, съ нашей точки зрѣнія, на воровство: по ихъ мнѣнію, кража не составляла дурного поступка, разъ владѣлецъ не замѣчалъ

исчезновенія похищеннаго предмета, т. е. тогда, когда у него было украдено то, что было излишнимъ.

Но съ другой стороны, никто изъ членовъ общины не имѣетъ права бездѣльничать и ѣсть мясо тюленя, если не принималъ участія въ охотѣ. Чтобы имѣть право ничего не давать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ничего не получать, необходимо было выйти изъ общины, и удалиться съ ея территоріи. Только при такомъ условіи человѣкъ могъ позволить себѣ на собственный страхъ и рискъ такую роскошь, какъ частная собственность.

Право частной собственности, на которое мы привыкли смотрѣть, какъ на отличительную черту высшихъ расъ и обществъ, встрѣчается также, хотя въ видѣ страннаго исключенія, у полинезійцевъ и даже въ Меланезіи. Но возникновеніе собственности въ этихъ странахъ относится, повидимому, къ сравнительно недавнему времени. Дѣйствительно, тасманійцы все время оставались при режимѣ первобытнаго коммунизма, а въ Полинезіи сохранился еще цѣлый рядъ обычаевъ, которые могли сложиться исключительно на почвѣ общности имуществъ.

Въ Новой-Зеландіи мелкія группы владѣли сообща большими рыболовными сѣтями и лучшими матеріями. Другія же маленькія общины продолжали придерживаться абсолютнаго коммунизма даже относительно женъ.

На Гавайскихъ островахъ обитатели были очень расточительны и щедры по отношенію къ своимъ друзьямъ и усердно спѣшили исполнить малѣйшее ихъ желаніе, такъ что обыкновенно находились въ большой бѣдности. На островѣ Кингсмиль, близъ Самоа, всякаго, имѣвшаго удачу передъ другими въ рыбной ловлѣ, окружали по возвращеніи его на берегъ и брали изъ его лодки рыбу по своему усмотрѣнію, подъ условіемъ отплатить такъ же. На Маркизскихъ островахъ туземецъ, отправляющійся въ путь, никогда не обременялъ себя излишними припасами; онъ имѣлъ право всегда входить въ любое жилище, гдѣ черпалъ рукою изъ чана наполненнаго *попоемъ* (пюрэ, приготовленное изъ плода хлѣбнаго дерева), и насытившись, могъ немедленно удалиться, не поблагодаривъ даже хозяевъ, такъ какъ считалось, что онъ воспользовался только принадлежащимъ ему правомъ.

Итакъ, повидимому, человѣчество первоначально придерживалось общности имущества, что во всякомъ случаѣ представляется весьма естественнымъ, когда еще не имѣютъ ни стадъ, ни земледѣлія и когда отдѣльная личность еще плохо вооружена для борьбы за существованіе и постоянно нуждается въ чужой помощи. Съ точки зрѣнія происхожденія нравственности, не было бы большой смѣлостью сказать, что эта коммунистическая стадія, длившаяся весьма долго, сыграла свою роль въ образованіи нѣкоторыхъ альтруистическихъ инстинктовъ, устоявшихъ впослѣдствіи даже подъ вліяніемъ эгоистическаго вліянія личной собственности.

Одновременно съ учрежденіемъ послѣдней появляется новое преступленіе—воровство, и въ видѣ противовѣса начинаетъ складываться новая добродѣтель—честность. Способы для выработки этого новаго нравственнаго чувства были очень просты.

Строгія наказанія, а очень часто смертная казнь, были установлены обычаемъ для вора. Съ этого времени въ весьма несложной психикѣ первобытнаго человѣка происходила постоянно борьба между желаніемъ присвоить и боязнью наказанія. Такъ напримѣръ, австралійцы наказывали смертью за охоту въ чужомъ лѣсу, и, несмотря на это, влеченіе къ воровству было у нихъ поголовное. Замѣтимъ здѣсь кстати, что непрерывная борьба племенъ между собою затрудняла выработку въ человѣческомъ сознаніи наклонности воздерживаться отъ воровства, такъ какъ право собственности пользовалось уваженіемъ лишь въ предѣлахъ мелкой соціальной группы, къ которой принадлежало данное лицо. Обкрадывать членовъ сосѣдняго племени не только не считалось дурнымъ, но даже очень похвальнымъ. Вслѣдствіе этого въ сознаніи первобытнаго человѣка постоянно возникаетъ нравственный конфликтъ, который и отражается въ самыхъ противорѣчивыхъ сужденіяхъ. Такимъ образомъ, витійцы, говоритъ адмиралъ Уильксъ, хотя и признавали частную собственность, но не могли въ то же время не относиться съ большимъ уваженіемъ ко всякому ловкому вору. Кромѣ того, какъ только организовалось племя, т. е. какъ только у него появлялись предводители съ деспотическою властью, они присвоивали себѣ особое право надъ всѣми предметами. Въ Новой-

Зеландіи было въ общемъ ходу выраженіе, что «предводитель не можетъ воровать». Это просто на просто означало, что онъ имѣлъ право все присвоивать себѣ. Въ Таити и на западныхъ полинезійскихъ островахъ, когда предводитель спрашивалъ: «кому принадлежитъ эта свинья, это дерево»? Владѣлецъ никогда не отвѣчалъ: «мнѣ», а—«это принадлежитъ намъ обоимъ», или вѣрнѣе «тебѣ и мнѣ». Вотъ почему всякій хозяинъ, опасавшійся посѣщенія предводителя, поспѣшно припрятывалъ разные движимые предметы, которые могли бы соблазнить высокаго посѣтителя.

Подобные же обычаи господствовали и въ Вити, гдѣ предводители часто присвоивали себѣ плоды трудовъ своихъ подданныхъ.

Въ Новой-Каледоніи, гдѣ одной свѣтской морали оказалось недостаточно, чтобы заставить уважать частную собственность, на помощь ей пришла религія. Всякій предметъ, на который клали пучекъ травы, завязанный узломъ извѣстнымъ образомъ, считался *табу*, и съ этого момента онъ былъ подъ покровительствомъ боговъ, и никто не смѣлъ уже къ нему прикасаться. Де Роша разсказываетъ, что, во время одной изъ его экскурсій, бывшій съ нимъ проводникъ ново-каледоніецъ снялъ свое единственное одѣяніе, рубашку, и оставилъ ее въ нѣсколькихъ шагахъ отъ тропинки, положивъ на ее стебель, завязанный узломъ извѣстнымъ образомъ. «Что ты дѣлаешь? спросилъ я его. А если ее украдутъ?—Неужели на твоей родинѣ украли бы рубашку, на которой было положено *табу*?» отвѣчалъ онъ.

Вскорѣ я буду болѣе обстоятельно говорить о религіозномъ институтѣ *табу*, этой высшей формы полинезійской морали. Въ настоящее время я долженъ заняться вопросомъ о гражданской наказуемости за воровство. Въ первобытныхъ странахъ наказанія бываютъ вообще очень жестоки, такъ какъ человѣческая жизнь тамъ цѣнится крайне дешево. Убійство почти никогда не преслѣдуется обществомъ; это—частное дѣло за которое, по своему усмотрѣнію, берутся родные и друзья покойнаго и мстятъ убійцѣ; но воровство считается самымъ крупнымъ преступленіемъ, и оно почти всюду наказывается смертью. Воровство, прелюбодѣяніе безъ дозволенія разсматриваемое, какъ воровство,

и неуваженіе, оказываемое начальству, считаются на островахъ Вити величайшими преступленіями; то же самое—и повсюду въ Полинезіи, гдѣ воръ нерѣдко предоставлялся на произволъ потерпѣвшихъ лицъ, причемъ общественное мнѣніе не признавало за нимъ даже права самозащиты. Провинившагося часто убивали или жестоко калѣчили, а иногда привязывали къ ветхой лодкѣ и бросали въ море, гдѣ акулы совершали надъ нимъ быструю расправу. Въ Тонгѣ, когда кто нибудь былъ заподозрѣнъ въ воровствѣ, то прибѣгали къ испытанію вродѣ суда Божія: обвиняемаго заставляли купаться въ извѣстныхъ мѣстахъ, особенно часто посѣщаемыхъ акулами. Если онъ выходилъ изъ этого испытанія цѣлъ и невредимъ, то его невинность считалась доказанной. Въ Новой-Зеландіи воръ подвергался обезглавленію, послѣ чего его голову обыкновенно прикрѣпляли, для устрашенія другихъ къ деревянному кресту, сдѣланному совершенно на подобіе христіанскаго, что очень интриговало многихъ изъ первыхъ европейскихъ мореплавателей.

Въ вопросѣ о воровствѣ такъ же, какъ и во всѣхъ другихъ вопросахъ, первобытная нравственность является повсюду очень аналогичной. Кафры, подобно полинезійцамъ, очень заботливо охраняютъ собственность, и у нихъ воровство часто наказывается смертью. Южно-американскіе гварайосы также наказывали смертью за воровство и прелюбодѣяніе. За послѣднее у команчей, какъ и у многихъ краснокожихъ, мужъ часто ограничивался отрѣзываніемъ носа у преступной жены; этотъ обычай сохранился и по настоящее время съ тѣмъ однако измѣненіемъ къ худшему, что оскорбленный мужъ нерѣдко совершаетъ эту операцію собственными зубами, доставляя себѣ такимъ образомъ удовольствіе съѣсть носъ своей провинившейся супруги. Санъ-Домингскіе индѣйцы наказывали вора съ утонченной жестокостью, сажая его на колъ. Гуроны, отнявъ у вора все, похищенное имъ, отбирали у него, какъ бы въ силу права возмездія, рѣшительно все принадлежавшее ему имущество, оставляя какъ его, такъ и жену его и дѣтей совершенно голыми (Шамплэнъ, Лескарбо). Кстати напомнимъ здѣсь, что хотя охотничьи территоріи у краснокожихъ составляли нераздѣльную общественную собственность, но всякій индѣецъ владѣлъ

на правахъ личной собственности движимостью, продуктомъ охоты, также участкомъ земли, распаханнымъ имъ самимъ или его женой, и всѣмъ тѣмъ, что было добыто имъ путемъ обмѣна.

Эти первобытные обычаи, эти болѣе или менѣе суровыя предписанія уважать чужую собственность подъ угрозой смертной казни, запечатлѣли, въ человѣческой совѣсти, наконецъ, болѣе или менѣе глубоко, слѣдующую извѣстную заповѣдь: «Не укради». Впрочемъ, эта заповѣдь имѣла различную силу и значеніе въ различныхъ странахъ и у разныхъ племенъ. На Маркизскихъ островахъ воровство рѣдко наказывалось, и гораздо строже осуждалась неловкость въ воровствѣ, чѣмъ самое воровство, но нѣкоторыя племена краснокожихъ ставятъ среди своихъ деревушекъ столбъ, называемый «древомъ честности», къ которому подвѣшиваются всѣ найденныя вещи, а новозеландецъ вовсе не зналъ, что такое воровство. Но, вполнѣ естественно, что подобнаго рода нравственность была обыкновенно обязательна только въ сношеніяхъ между членами данной племенной группы. По отношенію же къ иностранцу все считалось дозволеннымъ, такъ какъ онъ находился внѣ закона. Даже эскимосы, отличавшіеся вообще большимъ добродушіемъ и честностью между собою, благодаря тому, что ихъ обычаи съ большою точностью опредѣляли права и обязанности каждаго, не считали себя нравственно обязанными относиться такимъ же образомъ къ иностранцу и обкрадывали его безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти. По отношенію къ послѣднему охотно примѣняли даже квиритарное право собственности. Такъ, напримѣръ, нутка-колумбійцы хотѣли заставить Кука заплатить за ту воду и топливо, которыми его экипажъ запасся при отплытіи; нѣкоторыя австралійскія племена предъявляютъ свои права собственности на воду въ рѣкахъ.

Первобытная нравственность одобряетъ и считаетъ справедливымъ всякое вымогательство и всякое насиліе не только по отношенію къ представителямъ другой расы, но даже и по отношенію къ членамъ сосѣдняго племени. Патріотизмъ, если онъ тогда и существуетъ, отличается еще крайней узостью; это просто любовь къ собственности, простирающаяся на все, чѣмъ владѣетъ маленькая группа, къ которой принадлежитъ

данный субъектъ. Повсюду въ первобытныхъ странахъ европейцы безъ труда находятъ туземцевъ, съ радостью присоединяющихся къ нимъ для уничтоженія или порабощенія своихъ сосѣдей, живущихъ за предѣлами такой-то рѣчки или такой-то горы. Пользуясь этимъ, въ одно и то же время жестокимъ и находящимся еще въ зародышевомъ состояніи патріотизмомъ, англійскіе миссіонеры обезлюдили острова Общества, побуждая одну половину населенія острова уничтожать другую.

Въ Полинезіи эта ненависть къ сосѣду была всеобщей. «Я могъ бы, говоритъ Кукъ, уничтожить всю расу, если бы только слушался даваемыхъ мнѣ совѣтовъ: обитатели деревень или отдѣльныхъ хижинъ просили меня, каждый въ свою очередь, уничтожить ихъ сосѣдей». Портеръ говоритъ то же самое относительно нукагивійцевъ.

Повидимому, женщины въ Полинезіи, подобно многимъ европейскимъ представительницамъ этого пола, были болѣе свободны отъ мѣстнаго патріотизма, чѣмъ мужчины. Послѣ смерти Кука, когда англичане приняли репрессивныя мѣры и стали жечь деревни и хижины туземцевъ, значительное число гавайскихъ женщинъ преспокойно оставалось на англійскомъ кораблѣ. Сидя на палубѣ, онѣ даже восхищались зрѣлищемъ и восклицали: «*Майтай*», т. е. «чудесно», совершенно подобно тому, какъ Неронъ при видѣ пылающаго Рима.

II.—О нравственныхъ чувствахъ у первобытныхъ народовъ.

До сихъ поръ я исключительно занимался нравственными недостатками первобытнаго человѣка, его несовершенствомъ. Портретъ его, нарисованный мною, есть въ то же время портретъ нашихъ предковъ, онъ далеко не льститъ имъ. Человѣкъ, не подпавшій еще вліянію культуры, по многимъ своимъ отвратительнымъ нравственнымъ чертамъ стоитъ не только на одномъ уровнѣ, но гораздо ниже большинства высшихъ животныхъ. Слѣдуетъ-ли отсюда однако, что эти столь жестокія и грубыя существа не обладаютъ и хорошими сторонами? Нисколько. Даже въ только что еще начинающихъ складываться обществахъ извѣстная доля альтруизма является необходимостью.

Она является тѣмъ нравственнымъ цементомъ, безъ котораго погибла бы мелкая общественная группа. Одинъ уже фактъ совмѣстной жизни предполагаетъ извѣстную симпатію. Наконецъ, потребность во взаимной помощи, любовь къ дѣтямъ, половыя сношенія, какъ бы грубы они ни были, общность имущества и даже общность женъ, съ которой человѣческія общества, повидимому, начали свое существованіе, развиваютъ и поддерживаютъ нѣкоторыя изъ чувствъ, называемыя нами гуманными и братскими.

Наконецъ, въ виду того, что различныя фазы нравственной эволюціи зарождаются послѣдовательно, возникая какъ бы одна изъ другой, необходимо, чтобы корень наиболѣе возвышенныхъ нравственныхъ чувствъ проникалъ въ самые глубокіе слои животной дикости, что дѣйствительно и наблюдается.

На первомъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи стоитъ любовь къ потомству—самое простое чувство, необходимое для сохраненія вида какъ у человѣка, такъ и у животнаго; она не можетъ отсутствовать. Иногда дѣтей съѣдаютъ, нерѣдко ихъ умерщвляютъ безъ малѣйшаго колебанія; но это не мѣшаетъ питать чувство любви къ тѣмъ изъ нихъ, которыя были пощажены. Въ Магеллановомъ проливѣ Валлисъ наблюдалъ, какъ тупоумные фиджійцы играли со своими дѣтьми въ лодкахъ изъ коры, заставляли ихъ прыгать, поднимали и держали ихъ надъ водой, чтобы позабавиться ихъ страхомъ.

На другой оконечности Америки, эскимосы дѣлаютъ куклы для своихъ малолѣтнихъ дочерей и маленькіе луки для малолѣтнихъ сыновей. Супружеская чета эскимосовъ съ плачемъ становилась на колѣни на томъ мѣстѣ, гдѣ прошлымъ лѣтомъ умеръ ихъ пріемный сынъ. Одинъ эскимосъ умолялъ, чтобы его умершаго ребенка похоронили въ снѣгу. «Его мать, скончавшаяся раньше, говорилъ онъ, закричитъ изъ своей могилы, если камни и глыбы повредятъ тѣло маленькаго покойника». Я уже указывалъ на то, что полинезійцы, въ глазахъ которыхъ дѣтоубійство не являлось даже легкимъ грѣхомъ, окружали нѣжными ласками дѣтей, которыхъ они разсудили оставить въ живыхъ.

Но если первобытные люди часто любятъ свое потомство,

то послѣднее довольно рѣдко отплачиваетъ имъ тѣмъ же. И здѣсь мы снова имѣемъ дѣло съ тѣмъ великимъ закономъ, который управляетъ генезисомъ всѣхъ нравственныхъ наклонностей. Чтобы сложиться и вырости въ человѣческомъ сознанiи, эти наклонности должны быть въ немъ посѣяны и культивированы. Между тѣмъ почти на всей землѣ первобытные дикари предоставляютъ свое потомство случайностямъ судьбы, ничего не предпринимая для его воспитанiя и вовсе не заботясь о его направленiи. Кромѣ того, лишь только ребенокъ начинаетъ обходиться безъ посторонней помощи,—а вѣдь жизнь дикаря не сложна,—имъ вовсе перестаютъ заниматься. Такимъ образомъ, въ первобытныхъ странахъ не существуетъ ничего похожаго на тѣ узы привязанности и уваженiя, которыя у культурныхъ расъ такъ крѣпко связываютъ дѣтей съ родителями. Далѣе, презрѣнiе и дурное обращенiе, почти постоянно испытываемое женщиною, дѣлаетъ немыслимымъ существованiе чувства сыновняго уваженiя къ матери. Часто возбуждается какъ разъ обратное чувство. На Таити, говоритъ Эллисъ, отецъ самъ побуждалъ дѣтей презирать и грубо обращаться съ ихъ матерью. Поэтому неудивительно, если молодые австралiйцы часто очень дурно обращались со своими родителями, а особенно съ ихъ матерью. У витiйцевъ даже бить свою мать считалось дѣломъ самымъ обыкновеннымъ и вовсе не предосудительнымъ. Выше я сказалъ, какимъ образомъ обыкновенно заканчивали свою жизнь престарѣлые меланезiйцы; я не стану здѣсь снова возвращаться къ этому предмету и предпочитаю лучше указать на болѣе симпатичныя черты первобытнаго человѣка. Несмотря на все указанное, его никакъ нельзя упрекнуть въ томъ, чтобы чувство альтруизма было ему чуждо.

Лангъ, признавая, что австралiйцами, обыкновенно, руководитъ самый грубый эгоизмъ, тѣмъ не менѣе разсказываетъ, что «австралiйскiя женщины постоянно спасали европейцевъ, особенно, если въ ихъ числѣ находилась бѣлая женщина, предупреждая о затѣваемой рѣзнѣ ихъ, а между тѣмъ, дѣлая это, австралiйки рисковали весьма многимъ. Одинъ разъ, говоритъ онъ, насколько мнѣ извѣстно, одна изъ нихъ за подобный поступокъ была казнена». Въ другой разъ, по словамъ того же

путешественника, во время схватки съ австралійцами, туземки вышли на защиту трехъ мужчинъ, побѣжденныхъ вслѣдствіе перевѣса численности со стороны непріятеля; несмотря на удары, сыпавшіеся на нихъ, онѣ не уступали до тѣхъ поръ, пока не смягчили жестокости побѣдителей.

Обществамъ полинезійцевъ не было такъ чуждо чувство солидарности. Портеръ съ похвалою отзывается о благодушіи, съ какимъ туземцы относились другъ къ другу; его поразили ихъ чисто братскія отношенія. По наблюденіямъ Кука, таитяне охотно оказывали взаимныя услуги, ссужали другъ друга платьемъ и дѣлились припасами даже въ томъ случаѣ, если располагали всего лишь однимъ плодомъ хлѣбнаго дерева. Блай хвалитъ веселый нравъ и общительность тѣхъ же таитянъ. На островѣ Пасхи островитяне во время голодовки предложили Куку изъ своихъ тощихъ запасовъ нѣсколько пататовъ.

Чувство благодарности, иногда очень утонченной, также не чуждо первобытному человѣку. Испанцы, высадившись на островъ Кубу, отняли, между прочимъ, у одного касика жену; послѣдній пришелъ къ Бертелеми и, рыдая, умолялъ его возвратить ему подругу жизни. Сверхъ всякаго ожиданія, просьба его была уважена, и онъ былъ такъ этимъ тронутъ, что, спустя нѣкоторое время, пришелъ съ четырьмя или пятью стами своихъ подданныхъ и помогъ испанцамъ расчистить участокъ земли.

У эскимосовъ одна женщина, которую лечилъ докторъ экспедиціи Росса, подарила ему въ знакъ благодарности самую цѣнную вещь, какую только имѣла,—именно огниво. Ея земляки снабжали постоянно экипажъ корабля свѣжей рыбой, отказываясь брать что-либо взамѣнъ ея. Они оказывали англичанамъ весьма радушное гостепріимство и благодарили ихъ за то что они пользовались имъ.

Итакъ первобытный человѣкъ не лишенъ всецѣло чувствъ, называемыхъ нами нравственными; но у него они являются рѣдко и случайно. Никакой ясно формулированный нравственный кодексъ не дѣлаетъ ихъ обязательными. Каждый подчиняется своему минутному импульсу, дѣйствуя на собственный страхъ и рискъ. Въ сознаніи не сложился еще хорошо организованный задерживающій механизмъ и человѣкъ отличается

почти ребяческимъ характеромъ. Въ Полинезіи даже воинственные мужчины, внушавшіе окружающимъ наибольшій страхъ, плакали и хныкали изъ-за всякаго пустяка. Одинъ изъ нихъ разревѣлся изъ-за того, это англійскій матросъ насыпалъ муки на его плащъ.

Многочисленные факты, приведенные мною какъ въ этой главѣ, такъ и въ предыдущихъ, въ достаточной степени освѣщаютъ нравственность первобытнаго человѣка. Это — нравственность чисто-животная. Въ ней господствуетъ право сильнѣйшаго въ самой грубой формѣ. Нѣкоторыя, уже сложившіяся или еще только складывающіяся, нравственныя наклонности обусловливаются исключительно привычками, безсознательно усвоенными. Дѣйствія и поступки человѣка не регулируются разумомъ: вообще, всякій сдерживающій контроль вполнѣ отсутствуетъ. На австралійскихъ нарѣчіяхъ нѣтъ словъ для выраженія понятій «справедливость, проступокъ, преступленіе». Для понятія же о состраданіи, человѣколюбіи и т. п. у тонганцевъ существуетъ всего лишь слово *афа*, означающее скорѣе дружбу; оно употребляется также въ видѣ привѣтствія.

Все это не подлежитъ сомнѣнію, а между тѣмъ нѣкоторая идея или, скорѣе, нѣкоторое чувство соціальной справедливости обрисовывается уже въ сознаніи первобытнаго человѣка. Это чувство зародилось изъ самаго факта насилія. Въ человѣкѣ, какъ и въ животномъ, существуетъ врожденное стремленіе отвѣчать ударомъ на ударъ: въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ рефлективный механизмъ, сложившійся въ силу первобытнаго инстинкта самосохраненія. И эта потребность отвѣчать на насиліе насиліемъ же породила нѣчто вродѣ нравственнаго правила, такъ называемый законъ возмездія. Конечно, первобытная соціальная группа не выступаетъ самолично ни для охраны, ни для отмщенія отдѣльныхъ личностей, но она признаетъ за индивидуумами право поступать такимъ образомъ. Въ Новой-Зеландіи, напримѣръ, миръ между воюющими сторонами заключался нерѣдко на томъ лишь условіи, чтобы зачинщику былъ причиненъ такой же ущербъ, какой понесъ его противникъ, именно, чтобы онъ отплатилъ жизнью за жизнь, раной за рану, имуществомъ за имущество.

Кромѣ того, другое чувство, возникшее изъ другой боязни, сложилось и укоренилось въ сознанiи первобытнаго человѣка. Такъ какъ за сильнѣйшимъ признавались всѣ права, то на первыхъ же порахъ начала складываться привычка повиноваться во всемъ и всегда господину. Мы видѣли, что новокаледонецъ находилъ совершенно естественнымъ тотъ фактъ, что предводитель съѣдалъ его ребенка: онъ почти гордился этимъ. Въ Австралiи слабые находились въ полномъ распоряженiи болѣе сильныхъ, и малѣйшая попытка жертвы уклониться отъ насилiя часто каралась смертью. Въ Полинезiи предводители нисколько не заботились о правосудiи и наказывали крайне сурово за всякое оскорбленiе, нанесенное имъ лично или ихъ фаворитамъ.

Въ концѣ концовъ, если пожелать формулировать нравственныя предписанiя, которымъ подчиняется рефлективно первобытный человѣкъ, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которыя являются общими всѣмъ мало развитымъ расамъ, то нельзя будетъ набрать даже и десяти заповѣдей.

Въ сущности есть только три заповѣди:

Первая заповѣдь: безусловно повиноваться своему господину.

Вторая заповѣдь: уважать болѣе или менѣе чужую собственность, считая въ числѣ таковой и женщину, изъ опасенiя возмездiя.

Третья заповѣдь, уже менѣе строгая и являющаяся скорѣе правиломъ благоразумiя, гласитъ: убивать лишь сознательно и когда есть надежда, что это не обойдется слишкомъ дорого.

Однако, несмотря на всю грубость, эта этика имѣетъ важное значенiе; она явится исходной точкой болѣе утонченной нравственности, такъ какъ обязываетъ человѣка, до извѣстной степени, сдерживаться и сообразовать свои поступки съ тѣми непрiятными послѣдствiями, какiя они могутъ имѣть для него. Благодаря этому, въ человѣческомъ сознанiи возникаетъ чувство долга, конечно грубое, но уже сильное. Кромѣ того, карательныя мѣры, практикуемыя дикарями и санкцiонирующiя это чувство, производятъ настоящiй подборъ, истребляя натуры, не подчиняющiяся дисциплинѣ.

III.—О нравственномъ сознании, чувствѣ долга и угрызении совѣсти.

У первобытнаго человѣка и даже у большинства цивилизованныхъ людей врожденное чувство долга обыкновенно бываетъ довольно смутно. Несомнѣнно существуютъ однако, нѣкоторыя нравственныя ясныя понятія объ истинѣ, которыя являются въ одно и то же время, наслѣдственными и вполнѣ опредѣленными. Напримѣръ, отвращеніе къ употребленію человѣческаго мяса, а также ужасъ, внушаемый убійствомъ. Въ достаточно культивированномъ мозгѣ уже одна мысль объ этихъ поступкахъ вызываетъ отталкивающіе образы. По отношенію же къ массѣ другихъ нравственныхъ предписаній совершенно частнаго и даже измѣнчиваго характера, смотря по мнѣніямъ и потребностямъ, господствующимъ въ обществахъ, трудно допустить наслѣдственную передачу той или другой опредѣленной наклонности; напримѣръ, никто навѣрно не является на свѣтъ Божій съ наслѣдственнымъ понятіемъ необходимости ѣсть по пятницамъ постную пищу. Но въ культурномъ обществѣ всѣ отъ рожденія получаютъ общее ясное понятіе о долгѣ, т. е. родятся съ наклонностью поступать такимъ или инымъ образомъ, смотря по тому, поощряются или воспрещаются эти поступки обществомъ, въ составъ котораго данное лицо входитъ.

Это чувство, составляющее настоящую основу нравственности, складывается очень рано въ сознаніи первобытнаго человѣка; господствующіе нравы сообщаютъ ему то или другое спеціальное направленіе, въ некультурныхъ же обществахъ эта направляющая роль нравовъ проявляется часто съ особенной силой. Я приведу нѣсколько примѣровъ.

Въ этомъ отношеніи особенно любопытна мораль австралійца. Дѣйствительно, душевный складъ австралійца отличается большой простотой; нравственные стимулы у него очень не сложны; они не находятся въ постоянномъ взаимномъ противорѣчіи, какъ это мы видимъ въ сознаніи цивилизованнаго человѣка, представляющемъ вѣчное поле битвы.

Съ незапамятныхъ временъ, австралійская мораль считала

мясо австралійскаго казуара, мясо эму, священной пищей, воспрещаемой молодымъ людямъ. Если молодому австралійцу, разсказываетъ Стертъ, который охотится въ одиночку, вдали отъ лагеря, и случается уступить грѣховному желанію, съѣвъ кусокъ священной птицы, то такое нарушеніе правилъ вызываетъ въ немъ часто живое угрызеніе совѣсти.

Терзаемый душевными муками, онъ возвращается въ лагерь въ состояніи смущенія, съ которымъ онъ не въ силахъ совладать. Уже одно его поведеніе выдало бы его преступленіе, если бы онъ, уступая голосу совѣсти, непрерывно твердящему ему: «ты съѣлъ эму», не рѣшился обыкновенно добровольно сознаться въ своей винѣ и подчиниться наказанію, которое влечетъ за собой подобный проступокъ.

Еще болѣе ужасную борьбу вызываетъ въ душѣ австралійца обязанность мстить за умершихъ родственниковъ. По мнѣнію австралійца, естественной смерти не бываетъ; всякая смерть является результатомъ злыхъ козней врага, обыкновенно принадлежащаго сосѣдней ордѣ; поэтому родственникамъ вмѣняется въ строгую обязанность мстить за покойника смертью не предполагаемаго убійцы, а безразлично одного изъ членовъ племени и, а въ случаѣ надобности даже нѣсколькихъ, такъ какъ избіеніе должно быть пропорціонально общественному положенію покойнаго. Это тѣмъ болѣе обязательно, что тѣнь умершаго, по ихъ мнѣнію, переселяется въ тѣло убійцы (она входитъ черезъ ротъ), и съ этого момента является для послѣдняго покровителемъ и ангеломъ хранителемъ.

Докторъ Ландеръ разсказываетъ по этому поводу фактъ, бросающій яркій свѣтъ на происхожденіе такъ называемаго «нравственнаго чувства». Рѣчь идетъ объ одномъ австралійцѣ, который, увидя, что его жена умерла отъ болѣзни, заявилъ, что онъ теперь долженъ убить женщину, принадлежающую къ сосѣднему племени. Однако это было ему запрещено подъ угрозой тюремнаго заключенія въ случаѣ непослушанія. Въ теченіе нѣкотораго времени онъ подчинялся требованію, но съ этого времени вся его жизнь превратилась въ мучительную нравственную борьбу. Всѣ видѣли, какъ онъ хирѣлъ и опускался; наконецъ, онъ не выдержалъ и, уступая властному голосу нрав-

ственнаго чувства, исчезъ. Спустя же нѣкоторое время онъ возвратился уже совершенно здоровымъ и со спокойной совѣстью: «Маны» умершей нашли успокоеніе.

Нѣкоторыя восточныя и южныя австралійскія племена прибѣгали къ хитрости при совершеніи этого страшнаго долга родовой *мести* послѣ всякой смерти; они ограничивались воздаваніемъ почестей умершему, устраивая мнимое единоборство, которое сопровождалось легкимъ пролитіемъ крови. Какъ увидимъ ниже, аналогичная же казуистика привела въ первобытной Италіи къ боямъ гладіаторовъ. Отмѣчаемъ этотъ фактъ здѣсь между прочимъ. Въ связи со многими другими, онъ показываетъ намъ, какъ мало бѣлая раса имѣетъ основаніе гордиться умственнымъ состояніемъ своихъ предковъ.

Однихъ этихъ странныхъ предписаній австралійской морали уже достаточно, чтобы доказать, что первобытная этика складывается совершенно независимо отъ «благородства цѣли». Всякій актъ, признаваемый полезнымъ, хотя бы во имя самаго нелѣпаго разсужденія, можетъ стать обязательнымъ, и съ этого момента оно находится уже въ зависимости лишь отъ инстинкта долга, ранѣе организовавшагося въ нервныхъ центрахъ. Напомнимъ по этому поводу отцеубійства у витійцевъ, совершаемыя съ такой спокойной совѣстью, что іезуитъ Молина далъ бы имъ отпущеніе грѣховъ.

Въ Полинезіи нравственное чувство облекалось въ странную форму, *табу*, существовавшую также и въ нѣкоторыхъ меланезійскихъ архипелагахъ. *Табу* являлось извѣстнаго рода запрещеніемъ, которое жрецы, обыкновенно съ согласія вождей, имѣли право налагать на всякую вещь. Запретъ молодымъ австралійцамъ употреблять въ пищу мясо *эму* является уже въ нѣкоторомъ родѣ примитивнымъ *табу*, налагаемымъ только общественнымъ мнѣніемъ, такъ какъ австралійцы не имѣютъ еще жреческой касты.

Полинезійское *табу* находилось подъ покровительствомъ мѣстныхъ боговъ *эату* (eatouas) и предписывалось ими; оно часто преслѣдовало чисто утилитарную цѣль.

Табу налагалось на куръ и свиней, когда въ нихъ ощущался недостатокъ, на бананы и дикіе иньямы, если предви-

дѣлся неурожай на плоды хлѣбнаго дерева; табу распространялось на рыболовство при свѣтѣ факеловъ, въ нѣкоторыхъ бухтахъ, когда количество рыбы въ нихъ уменьшалось. Но не мало было и чисто фантастическихъ *табу*. Такъ, напримѣръ, свиное мясо составляло табу для женщинъ; роженица въ первый разъ представляла собой тоже табу и постороннія женщины должны были класть ей пищу въ ротъ. На маленькомъ островѣ Рапа всѣ мужчины составляли табу для женщинъ и въ теченіе цѣлаго года женщины должны были класть имъ въ ротъ куски пищи.

Всякое нарушеніе табу считалось за страшное преступленіе. Наконецъ, для *табу* существовалъ особый религіозный обрядъ, сопровождавшійся человѣческими жертвоприношеніями. Жертву, обыкновенно изъ среды низшаго класса, выбирали жрецы по своему личному произволу.

О *табу* не разсуждали: оно имѣло божественное происхожденіе. Послѣ того, какъ *эату* изрекали свою божественную волю устами своихъ служителей, оставалось только безпрекословно повиноваться. При одной лишь мысли о нарушеніи *табу*, полинезійцевъ охватывалъ священный трепетъ: *эату*, говорили они, наказываютъ смертью за всякое преступленіе противъ табу, а при отсутствіи кары, ниспосылаемой съ небесъ, жрецы принимали на себя выполненіе божественнаго приговора. Иногда въ дѣло вмѣшивались и простые смертные. 4-го іюня 1819 г., разсказываетъ Кингъ, одинъ мальчикъ, взятый въ плѣнъ, былъ убитъ своимъ господиномъ за кражу нѣсколькихъ сладкихъ пататовъ изъ дома, на который было наложено табу. Затѣмъ его изрубили на части и зажарили, чтобы съѣсть. Кража нѣсколькихъ табуированныхъ пататовъ считалась, по мнѣнію ново-зеландцевъ, ужаснымъ преступленіемъ, убійство и ѣда ребенка были вполнѣ дѣлами похвальными и даже пріятными для боговъ.

Эти факты весьма краснорѣчивы; они совершенно разрушаютъ древнюю теорію о божественной и врожденной морали. Они вынуждаютъ признать, что развитіе первобытной нравственности совершалось путемъ простой дрессировки. Дѣйствительно, пріемы, употребляемые при дрессировкѣ животныхъ, и способы

выработки первобытной нравственности совершенно тождественны по существу. Тѣ и другіе возможны лишь въ виду основного свойства нервной клѣточки,—способности запечатлѣвать и сохранять запечатлѣнное. Если такой или иной обычай,—разуменъ онъ или нѣтъ, это неважно,—будетъ примѣняться въ теченіе долгаго времени,если страхъ передъ строгимъ наказаніемъ вначалѣ и общественнымъ позоромъ впослѣдствіи поработитъ сознаніе, если соблюденіе извѣстныхъ правилъ будетъ вознаграждаться уваженіемъ и похвалою, то, какъ результатъ, въ человѣческомъ мозгу получится извѣстная комбинація нервныхъ клѣточекъ, передаваемая по наслѣдству. Но подобное мозговое предрасположеніе, сложившись разъ, соотвѣтствуетъ опредѣленнымъ состояніямъ сознанія и проявляется въ видѣ врожденныхъ наклонностей. Однимъ словомъ, возникаетъ такъ называемое нравственное чувство, психическая складка чувствовать и дѣйствовать извѣстнымъ образомъ. Всякій актъ, соотвѣтствующій этой нравственной основѣ, этой пріобрѣтенной интуиціи, совершается съ удовольствіемъ; всякій же актъ, противорѣчащій ей, нарушаетъ аккумулированныя впечатлѣнія и возникаетъ отвращеніе отъ него; внутренняя сила удерживаетъ нарушителя и, если онъ не подчиняется ей, она караетъ его за это непріятнымъ чувствомъ нравственной тяготы, чувствомъ, которое мы называемъ раскаяніемъ или угрызеніемъ совѣсти.

Стоитъ только вполнѣ отрѣшиться отъ всякихъ метафизическихъ предразсудковъ, чтобы понять, что генезисъ угрызенія совѣсти, этого гложущаго чувства, которое давало и продолжаетъ давать такую массу матеріала для произведеній творческаго воображенія, совершенно простъ. Въ зачаточной формѣ это чувство встрѣчается уже у животныхъ. Собака Романеса, о которой я выше говорилъ, укравъ котлетку, не только не рѣшается съѣсть ее, но даже, раскаявшись въ своемъ поступкѣ, несетъ и кладетъ ее у ногъ своего господина; она, конечно, стала жертвой угрызенія своей совѣсти. Ея душевное состояніе просто и элементарно, но и состояніе того молодого австралійца, который не устоялъ передъ искушеніемъ поѣсть эму, и вслѣдствіе этого испытываетъ душевныя мученія, нельзя признать болѣе сложнымъ. Какъ угрызеніе совѣсти у собаки, такъ и угрызеніе

совѣсти у австралійца, совершившихъ проступки, не требуютъ для своего объясненія никакой абстрактной идеи добра, заложенной въ душѣ божественнымъ создателемъ.

Въ обоихъ случаяхъ происходитъ столкновеніе самыхъ простыхъ нравственныхъ стимуловъ, а самые стимулы эти мы вновь находимъ въ сознаніи даже наиболѣе развитыхъ существъ. Но только чѣмъ нравственный міръ богаче, чѣмъ больше находимъ мы въ немъ идей и чувствъ, тѣмъ сложнѣе становится нравственный конфликтъ, сопровождающій угрызеніе совѣсти. Собака Романеса, австраліецъ, съѣвшій эму, полинезіецъ, похитившій пататы, на которыя было наложено табу, испытываютъ просто инстинктивное сожалѣніе и кромѣ того страхъ. У культурнаго же человѣка возникаетъ мучительное угрызеніе совѣсти, овладѣвающее всѣми его умственными силами. Въ душѣ разыгрывается трагическая борьба, послужившая уже не разъ темою для великихъ поэтовъ; у Макбета, напримѣръ, угрызенія совѣсти потрясаютъ весь его душевный міръ:

«Макбетъ. Я слышалъ—
Раздался страшный вопль: не спите больше!
Макбетъ зарѣзалъ сонъ, невинный сонъ,
Зарѣзалъ искупителя заботъ,
Бальзамъ цѣлебный для больной души,
Великаго союзника природы,
Хозяина на жизненномъ пиру»!
«Макбетъ. Откуда этотъ стукъ? О, что со мною,
Что каждый шумъ меня пугаетъ? Га!
Какія руки! О, онѣ готовы
Мнѣ вырвать зрѣніе! А эту кровь
Не смоетъ съ рукъ весь океанъ Нептуна.
Нѣтъ! Нѣтъ! скорѣй отъ этихъ рукъ,
Въ моряхъ безчисленныхъ заплещутъ волны,
Какъ кровь багровыя»! [1])

---

[1]) Дѣйствіе второе. Сцена вторая.
(Макбетъ, изд. „Библіотека великихъ писателей". Шекспиръ, Брокгаузъ и Ефронъ).

Манфредъ Байрона еще краснорѣчивѣе и еще глубже анализируетъ:

«Манфредъ. Старикъ, ничто не можетъ облегчить страданья
Души, познавшей тяготу грѣха.
Напрасны святость и молитвы прелесть,
И покаянье, постъ и всѣ обряды.
Тоска и то, что горше всѣхъ страданій—
Отчаянья безвыходнаго муки,
Упреки совѣсти, безъ страха ада,
Которые легко могли бы сами
И небо превратить въ кромѣшный адъ—
Нѣтъ муки въ будущемъ, чтобы сравниться
Съ тѣмъ осужденіемъ, что произноситъ
Онъ надъ самимъ собой». [1])

Несомнѣнно, конечно, что между угрызеніемъ совѣсти высокоразвитаго существа и угрызеніемъ меланезійца, нарушающаго законъ эму, существуетъ громадное различіе, но во всякомъ случаѣ не болѣе значительное, чѣмъ различіе между желудемъ и величавымъ вѣтвистымъ дубомъ. Въ нравственномъ мірѣ, какъ и въ физическомъ, всѣ первые шаги, начало извѣстныхъ явленій просты. До сихъ поръ, къ большому вреду науки, рѣшеніе интересныхъ вопросовъ психическаго генезиса было предоставлено метафизикамъ, которые и рѣшали ихъ совершенно ребяческимъ образомъ. А между тѣмъ только одна экспериментальная физіологія, опирающаяся на наблюденіяхъ надъ животными и дѣтьми, на сравнительную этнографію и т. д., можетъ въ дѣйствительности разрѣшить эти скорѣе затемненныя, чѣмъ дѣйствительно темныя задачи: пора ей предъявить на это свои права.

---

[1]) Дѣйствіе третье, сцена первая, переводъ Кн. Д. Цертелева. (Манфредъ, изданіе Брокгаузъ и Ефронъ, „Библіотека великихъ писателей". Байронъ). *Примѣчаніе переводчика*: авторъ ошибочно указываетъ въ выноскѣ актъ II, а нужно актъ III.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ВТОРАЯ СТАДІЯ ЭТИКИ.—ДИКАРСКАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ.

I. *Нравственныя фазы и ихъ границы.*—Отдѣльныя фазы нравственной эволюціи не имѣютъ рѣзко очерченныхъ границъ.—Нравственное развитіе бываетъ неодинаково у отдѣльныхъ индивидовъ.—Нравственныя фазы незамѣтно переходятъ одна въ другую.—Рабство, какъ характерная черта извѣстнаго уровня нравственнаго развитія.

II. *Мораль рабства.*—Этика рабства.—Вліяніе рабства на нравственность.—Боссюэтъ и рабство.—Положеніе раба въ дикой странѣ.—Рабъ и женщина.—Рабъ въ началѣ—запасная убойная скотина, а затѣмъ домашнее животное.—Рабство въ Африкѣ.—Различные виды рабства.—Рабъ въ качествѣ монетной единицы.—Рабство деморализуетъ.—Рабъ въ древней Европѣ.—Вліяніе рабства на господъ.

I.—Нравственныя фазы и ихъ границы.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ я перечислилъ основныя фазы нравственной эволюціи, стараясь охарактеризовать каждую изъ нихъ. Не безполезно замѣтить, что рѣчь идетъ о соціологическомъ расчлененіи, совершенно не поддающемуся опредѣленію съ математической точностью. Конечно, различныя человѣческія расы, различныя этническія группы развивались почти по одной и той же схемѣ, такъ какъ общечеловѣческія свойства необходимо обусловливаютъ чрезвычайное сходство въ потребностяхъ и способностяхъ; но это не исключаетъ цѣлаго ряда второстепенныхъ различій. Наконецъ, физическія условія, среди которыхъ каждой человѣческой группѣ приходилось поддерживать свое существованіе, отличаются большимъ разнообразіемъ, между тѣмъ къ нимъ неизбѣжно надо было приспособляться.

Кромѣ того, процессъ умственнаго развитія всегда совершался и будетъ совершаться постепенно; нравы измѣняются

крайне медленно, такъ какъ они являются лишь отраженіемъ образа жизни, и потому, только охватывая однимъ взглядомъ обширные періоды времени, мы можемъ констатировать между ними рѣзкія различія. Между животнымъ состояніемъ, дикостью, варварствомъ, промышленной или меркантильной цивилизаціей не существуетъ глубокихъ рвовъ. Каждая среда связана съ предыдущей, она зарождается въ ней и носитъ въ себѣ, въ свою очередь, зародыши послѣдующей. Нѣтъ народа, который на извѣстной ступени своего развитія не сохранялъ бы слѣдовъ полу-животной и полу-дикарской нравственности. Эмблемой такихъ переходныхъ періодовъ въ умственномъ развитіи человѣчества могли бы служить чудовища греческой миѳологіи, сирены и центавры. Болѣе того, спустя много времени послѣ того, какъ въ нравахъ народныхъ совершилась глубокая эволюція, у многихъ отдѣльныхъ индивидуумовъ можно найти безъ малѣйшаго затрудненія характерную черту или характерныя черты предыдущихъ стадій развитія. Кто рѣшится, напримѣръ, утверждать, что среди нашихъ такъ называемыхъ цивилизованныхъ обществъ и даже въ наиболѣе культурномъ его классѣ не встрѣчается еще значительное число лицъ, принадлежащихъ по нѣкоторымъ своимъ наклонностямъ и инстинктамъ къ пережитымъ уже фазамъ развитія, къ періоду варварства, дикарства, даже животной стадіи? Средняя, такъ сказать, нравственность въ извѣстномъ обществѣ представляетъ собою равнодѣйствующую между относительно высокой нравственностью, достигаемой лишь отдѣльными выдающимися личностями, и тѣмъ гораздо болѣе низкимъ ея уровнемъ, который не переходитъ большинство. Наконецъ, даже избранники не могутъ считать себя вполнѣ свободными отъ общаго наслѣдія; въ глубинѣ самой утонченной души еще дремлютъ чувства и стремленія давно минувшихъ вѣковъ и слишкомъ часто они оживаютъ вновь. Старые инстинкты, которые, казалось, давно уже умерли, воскресаютъ тогда и, подобно римскому рабу, слѣдовавшему за колесницей тріумфатора, кричатъ человѣку: «Вспомни, что ты животное»! Одинъ современный поэтъ выразилъ эту мысль въ такихъ прекрасныхъ стихахъ:

Mon âme a trop dormi dans la nuit maternelle.
Pour monter vers le jour, qu'il m'a fallu d'efforts!
Je voudrais être pur: la honte originelle,
Le vieux sang de la bête est resté dans mon corps [1]).

Въ виду всего этого читатели не должны удивляться, если я, трактуя о нравственности, называемой мною дикарской, буду при случаѣ упоминать также о народностяхъ, на которыхъ я ссылался уже раньше при изслѣдованіи животной стадіи. Дѣло въ томъ, что хотя эти народы по всей совокупности своихъ нравовъ принадлежатъ къ первобытной фазѣ развитія, однако въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ чертахъ ихъ нравственности обнаруживается уже переходъ къ слѣдующей стадіи развитія.

Такъ людоѣдство, являющееся самой характерной чертой животной фазы развитія, исчезаетъ не сразу. Случаи его примѣненія становятся все рѣже и рѣже, оно медленно ослабѣваетъ, но-все таки продолжаетъ существовать въ качествѣ переживанія даже въ сравнительно передовыхъ цивилизаціяхъ. При этомъ каннибализмъ облекается въ религіозную или юридическую форму, но чаще въ первую, чѣмъ въ послѣднюю. Суматрскіе баттаки, народъ культурный, земледѣльческій, имѣющій законы, правительство, литературу у даже писменность въ зачатомъ состояніи, практиковали однако всего лишь немного лѣтъ тому назадъ юридическое людоѣдство. Быть съѣденнымъ на законномъ основаніи народомъ составляло здѣсь обычное наказаніе за ночное воровство, прелюбодѣяніе, предательское нападеніе на городъ, деревню и даже частное лицо. Приговореннаго привязывали къ тремъ столбамъ, при чемъ руки и ноги его распростирали на подобіе Андреевскаго креста. По данному сигналу всѣ присутствующіе набрасывались на предаваемаго казни и растерзывали его на куски топорами ножами, а иногда даже ногтями и зубами. Оторванные такимъ образомъ куски

---

[1]) Моя душа очень долго дремала во тьмѣ материнской утробы. И сколько потребовалось усилій, чтобы пробудиться въ лучезарномъ свѣтѣ дня! Я хотѣлъ бы быть чистымъ, но въ моей крови сохранилось прирожденное безчестье,—застарѣлая кровь животнаго. H. Cazalis. *L'illusion*, стр. 11.

немедленно съѣдались въ сыромъ и окровавленномъ видѣ, при чемъ ихъ предварительно погружали только въ жидкость, содержавшую въ себѣ лимонный сокъ и соль, какъ главныя составныя части. Добровольные исполнители казни съ такой яростью исполняли свою обязанность, что нерѣдко наносили раны другъ другу. При чемъ, если приговоренный былъ прелюбодѣй, то, по обычаю, оскорбленному мужу предоставлялся выборъ перваго куска. Точно также и древніе мексиканцы, еще болѣе цивилизованные, предавались съ какимъ-то дикимъ благочестіемъ священному каннибализму, несмотря на то, что во всѣхъ другихъ отношеніяхъ они совсѣмъ вышли изъ животной стадіи нравственнаго развитія.

Съ другой стороны бываетъ, что племена, принадлежащія къ расѣ, стоящей на очень низкой ступени развитія, какъ напримѣръ эскимосы, имѣютъ довольно мягкіе нравы, предаются людоѣдству лишь во времена голодовокъ, но, несмотря на это, по грубости своихъ привычекъ, по половой нравственности, по своей крайне первобытной культурѣ, они должны быть отнесены къ первой стадіи умственной эволюціи. Точно также обитатели нѣкоторыхъ полинезійскихъ архипелаговъ, а также нутка-колумбійцы и другіе американскіе туземцы и т. п. находились еще въ полномъ разгарѣ каннибализма, несмотря на то, что у нихъ уже появился институтъ рабства, характеризующій вторую стадію нравственности, дикарскую нравственность.

Всѣ эти народы съ смѣшанною нравственностью могутъ одновременно фигурировать въ двухъ первыхъ стадіяхъ этики, но тѣмъ не менѣе каждый изъ нихъ приближается въ частности къ одной изъ этихъ стадій. Такъ, ново-зеландцы, краснокожіе и эскимосы должны быть отнесены, на основаніи всей совокупности ихъ нравовъ, къ стадіи животной нравственности, между тѣмъ какъ древніе мексиканцы, несмотря на присущій имъ религіозный каннибализмъ, должны фигурировать въ третьей стадіи, т. е. въ стадіи варварской нравственности.

Съ другой стороны, если ограничиться тѣмъ, что принять рабство за характерный критеріумъ нравственной фазы, такъ называемой *дикарской*, то подъ эту фазу придется подвести почти весь историческій періодъ цивилизаціи. Но ни въ какомъ

случаѣ однако негры Центральной Африки не могутъ быть поставлены на одинъ нравственный уровень съ римлянами и средне-вѣковыми европейцами.

Дѣло въ томъ, что рабство, какъ и все вообще въ мірѣ подлежитъ закону эволюціи. Въ моментъ своего возникновенія оно составляло великій шагъ впередъ сравнительно съ каннибализмомъ, который оно замѣнило. Дѣйствительно, каннибализмъ, приравнивая вполнѣ человѣка къ дичи, на которую охотятся въ лѣсу, существуетъ, какъ общее явленіе, одновременно со всяческими злоупотребленіями силы, со всѣми излишествами чувственности, съ гибелью слабыхъ и т. п.

Рабство при своемъ возникновеніи, быть можетъ, не свидѣтельствуетъ о большомъ развитіи гуманности, но оно указываетъ на прогрессъ въ развитіи ума, оно явилось результатомъ той же предусмотрительности, которая заставляетъ людей накоплять запасы пищевыхъ продуктовъ, воспитывать домашнихъ животныхъ и т. п. Конечно для первобытнаго человѣка составляетъ очень большое удовольствіе съѣсть побѣжденнаго врага, но оказывается, что гораздо полезнѣе даровать ему жизнь. Въ самомъ началѣ, повидимому, взятаго въ плѣнъ врага щадили не надолго, исключительно въ видахъ сохраненія его для предстоявшихъ пиршествъ, но впослѣдствіи, когда приходилось совершать тяжелыя работы, въ особенности, когда возникло земледѣліе, плѣннаго малу-по-малу превратили въ настоящее домашнее животное, пожирать которое пропала привычка. Плѣнниковъ перестали съѣдать, но, понятно, сохранили всѣ безъ исключенія права на нихъ или, вѣрнѣе, противъ нихъ, въ особенности же право продавать, жестоко обращаться, мучить и въ случаѣ надобности карать смертью. Что же касается женщины-рабыни, то она, конечно, должна была безпрекословно подчиняться всѣмъ безъ всякаго ограниченія или исключенія капризамъ своего господина.

Какъ бы первоначально ни были жестоки отношенія между господиномъ и рабомъ, тѣмъ не менѣе это были уже человѣческія отношенія, и, какъ таковыя, они медленно улучшались. Невозможно было не пріучиться, наконецъ, относиться по человѣчески къ людямъ, съ которыми бокъ о бокъ живешь, кото-

рые вамъ полезны, и не дорожить женщинами, на которыхъ имѣешь безусловно всѣ права.

Такимъ образомъ, когда рабство было дѣйствительно установлено и пощаженный плѣнный получилъ значеніе не только убойной скотины, оставляемой про запасъ, то нравы и соціальная организація неизбѣжно должны были подвергнуться вслѣдствіе этого глубокому измѣненію. Прежде всего, какъ мы увидимъ ниже, стали проводить различіе между рожденнымъ и вновь захваченнымъ рабомъ. Первый занялъ, въ концѣ концовъ, хотя и скромное, но все же признанное за нимъ мѣсто въ семьѣ или племени; онъ сталъ пользоваться нѣкоторымъ покровительствомъ, вначалѣ благодаря установившимся нравамъ, а затѣмъ и со стороны законодательства.

Но въ этотъ же періодъ соціальнаго развитія произошелъ прогрессъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, что нерѣдко бываетъ связано одно съ другимъ. Строеніе общества стало болѣе сложнымъ: выдѣлились аристократы, жрецы, пролетаріи и рабы. Для урегулированія отношеній между этими различными общественными группами пришлось кодифицировать нравы, а такъ какъ одновременно совершилась и умственная эволюція, то возникло и настоящее законодательство, правда, малоподвижное, нерѣдко традиціонное, а иногда и писанное. Этотъ именно въ высшей степени важный фактъ возникновенія организованнаго правосудія, основаннаго на болѣе или менѣе точномъ законодательствѣ, и служитъ характернымъ признакомъ, отличающимъ *варварскую* нравственность, изученіемъ которой я займусь позднѣе, отъ *дикарской*, которою мнѣ предстоитъ заняться теперь. Я называю *дикарской* нравственностью нравственность народовъ, только что вышедшихъ изъ первобытнаго, совершенно животнаго каннибализма, но сохранившихъ при этомъ въ значительной степени первобытную животность. Обыкновенно, эти народы занимаются въ нѣкоторой степени хлѣбопашествомъ или, по крайней мѣрѣ, скотоводствомъ. Въ то же время у нихъ существуетъ извѣстная промышленность, а ихъ соціальный строй представляетъ первоначальный абрисъ великихъ монархій послѣдующей эпохи.

II.—Мораль рабства.

Этика рабства вытекаетъ непосредственно изъ самаго факта его возникновенія. Когда плѣнника вмѣсто того, чтобы растерзать и съѣсть на мѣстѣ битвы, щадятъ, то само собою разумѣется, что на него имѣютъ всѣ права. Краснокожіе, не поѣдавшіе своихъ плѣнныхъ, сохраняли ихъ обыкновенно единственно ради того, чтобы насладиться потомъ, какъ это мы уже видѣли, продолжительною и сладостною местью. Все племя побѣдителей, мужчины, женщины и дѣти, испытывало особое наслажденіе, предавая жертву свою смерти на медленномъ огнѣ: они обрѣзывали у человѣка одинъ суставъ за другимъ, прижигали его въ разныхъ мѣстахъ раскаленнымъ желѣзомъ, искалывали острыми ножами и т. п. Для людей съ нравами хищныхъ животныхъ все это доставляло еще весьма сильныя наслажденія, отказаться отъ которыхъ можно было только подъ сильнымъ вліяніемъ лучше понятаго своего собственнаго интереса.

Иногда такой причиной являлась боязнь вымиранія племени, потребность пополнить ряды мужчинъ, порѣдѣвшіе вслѣдствіе войны. Въ первобытныхъ странахъ усыновленіе практиковалось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, какъ цѣлымъ племенемъ—индивидовъ, принадлежащихъ къ другому племени, такъ и частными лицами. Такимъ образомъ, послѣ слишкомъ дорого стоившей побѣды, краснокожіе предлагали въ мужья вдовамъ погибшихъ бойцовъ военно-плѣнныхъ, и въ случаѣ ихъ согласія вчерашній врагъ входилъ въ составъ племени. Онъ тѣмъ охотнѣе соглашался на это, что въ глазахъ своихъ соплеменниковъ считался уже отверженнымъ, какъ бы отлученнымъ, такъ какъ мораль краснокожихъ не допускала, чтобы воинъ далъ взять себя въ плѣнъ. Иногда усыновляли дѣтей, похищенныхъ у врага, но не безъ нѣкоторой предосторожности. Чичимеки, напримѣръ, заставляли дѣтей, усыновляемыхъ такимъ образомъ, пить кровь ихъ убитыхъ родителей, съѣдать немного ихъ мозга. Это, по ихъ мнѣнію, было самое вѣрное средство погасить у усыновляемаго всякое чувство привязанности къ своимъ близкимъ.

Въ очень отдаленную эпоху, когда еще не существовало никакой сложной промышленности и земледѣлія, первобытная жестокость уже парализовалась страстью къ наживѣ. Плѣнныхъ стали щадить съ того момента, какъ представилась нѣкоторая возможность обмѣнивать или продавать ихъ. Такимъ именно образомъ поступали моксосы и южно-американскіе канизійцы. По тѣмъ же побужденіямъ абипоны перестали уничтожать своихъ дѣтей женскаго пола. Въ сознаніи дикарей такъ же, какъ и въ сознаніи цивилизованныхъ, дурные инстинкты могутъ бороться и взаимно другъ друга парализовать.

Какъ бы не были мало возвышены причины, побуждавшія первобытнаго человѣка щадить жизнь побѣжденнаго врага, фактъ этотъ тѣмъ не менѣе имѣлъ громадное нравственное значеніе. Такимъ образомъ, люди пріучились владѣть собой, думать о будущемъ и безсознательно подготовили великій соціальный переворотъ, который, можно сказать, начался въ тотъ самый день, когда вмѣсто того, чтобы всѣмъ скопомъ поѣдать плѣнныхъ, явилась мысль обратить ихъ въ вьючныя животныя и взвалить на нихъ всѣ самыя тяжелыя работы. Дѣйствительно съ этого же момента первобытныя маленькія общества пріобрѣтаютъ довольно сложную общественную организацію.

Вмѣсто анархіи всеобщаго равенства, господствующей, напримѣръ, до сихъ поръ на Огненной Землѣ и даже въ Патагоніи, сложилась іерархія классовъ, возвышавшихся одинъ надъ другимъ, вслѣдствіе чего и мораль стала измѣняться въ зависимости отъ общественнаго положенія индивида.

Рабъ, первоначально, само собою разумѣется, зналъ только одни обязанности. Повсюду на землѣ побѣдитель вначалѣ имѣетъ неограниченныя права надъ побѣжденнымъ. Въ теченіе продолжительнаго времени даже европейская теологія утверждала, что побѣдитель, имѣя неоспоримое право смерти надъ поверженнымъ имъ врагомъ, тѣмъ самымъ, *a fortiori*, располагалъ и всѣми другими правами по отношенію къ нему. Послушаемъ, что говоритъ Бюссюэтъ: «Рабство, говоритъ онъ, возникло въ силу законовъ правильной войны; побѣдитель, пользуясь всѣми правами надъ побѣжденнымъ, включительно до права на его жизнь, сохраняетъ эту послѣднюю ему; отсюда, какъ извѣстно,

произошло и самое слово *servi*, которое впослѣдствіи стало ненавистнымъ, а первоначально имѣло смыслъ благодѣянія и милосердія». Современникъ Бюссюэта, ученый Гроціусъ, утверждаетъ съ своей стороны, что военно-плѣнный, пытающійся бѣжать, достоинъ большого порицанія даже и въ томъ случаѣ, если онъ не обязывался подъ честнымъ словомъ не дѣлать этого.

Право плѣненія, несомнѣнно, было однимъ изъ главнымъ основаній для рабства, но оно не составляло его единственной основы, какъ это мы вскорѣ увидимъ. Возникновеніе института частной собственности внутри мелкихъ племенныхъ группъ дикарей и связанное съ нимъ неравенство средствъ существованія являются также факторами первостепенной важности въ дѣлѣ возникновенія рабства.

У кафровъ слово *бѣднякъ* составляетъ синонимъ раба; среди нихъ существуетъ цѣлый классъ людей порабощенныхъ, находящихся въ полной зависимости отъ богачей и не имѣющихъ никакого права на участіе въ раздѣлѣ земель, ежегодно производимомъ главой племени. Этотъ классъ составляетъ собственность, которой сообща владѣетъ правящій классъ. Послѣ охоты этихъ *со·еи* (бѣдныхъ) иногда посылаютъ за десятки верстъ собирать убитую дичь. Во время же охоты они наравнѣ съ гончими и подобно этимъ послѣднимъ должны искать дичь. Если предвидится надобность въ ихъ услугахъ еще на слѣдующій день, то ихъ загоняютъ какъ скотину въ мѣсто, огороженное колючимъ заборомъ. «Бечуаны, говоритъ Моффа, изумлялись моей глупости по поводу симпатіи, которую я обнаруживалъ къ этимъ, какъ они выражаются, псамъ».

Все это объясняется просто тѣмъ, что у дикарей всѣхъ странъ не народились еще ни теологи, ни законовѣды и они не думаютъ маскировать какими либо разсужденіями свой грубый эгоизмъ. Они пользуются рабомъ, какъ вещью, и не думаютъ о причиняемомъ злѣ.

Въ странахъ, гдѣ рабство находится еще въ зачаточномъ состояніи, эти нравы проявляются съ полной наивностью. Такимъ образомъ, нутка-колумбійцы обращаются со своими рабами совершенно такъ же, какъ съ домашними животными.

Они поѣдаютъ ихъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ и даже вполнѣ удовлетворительно кормятъ ихъ, пока тѣ годны для работы, но бросаютъ ихъ безъ малѣйшаго колебанія на произволъ судьбы, какъ только тѣ состарятся или заболѣютъ. Впрочемъ, у Плутарха читаемъ, что Катонъ старшій точно также обращался со своими рабами. Но нутка-колумбійцы извлекаютъ еще другого рода пользу изъ своихъ рабовъ. Они ограждаютъ ими себя отъ закона возмездія.—По ихъ обычаямъ, смертоубійство можно искупить, по взаимному соглашенію, цѣною уступки потерпѣвшей сторонѣ трехъ или четырехъ рабовъ, которыхъ умерщвляютъ въ качествѣ искупительныхъ жертвъ, очевидно, для умилостивленія тѣни умершаго, а можетъ быть и для сопутствованія ему въ загробной жизни. Дѣйствительно, помимо всякой идеи вознагражденія, рабы повсюду дѣлили съ женщинами одну и ту же честь: ихъ приносили въ жертву въ такомъ или иномъ количествѣ на могилѣ ихъ господъ. Впрочемъ, въ обществахъ дикарей существуетъ громадное сходство почти во всѣхъ отношеніяхъ между положеніемъ раба и положеніемъ женщины. И тотъ, и другая въ полномъ смыслѣ слова находятся во власти мужчины, который держитъ ихъ *in manu* (въ рукѣ), какъ говорили въ первобытномъ Римѣ. Присутствіе раба, однако, обыкновенно содѣйствовало смягченію судьбы женщины, не рабыни. Прежде всего онъ раздѣлялъ ея труды; затѣмъ, это существо, лишенное всякаго покровительства и отданное на полный произволъ являлось какъ бы чѣмъ-то вродѣ громоотвода для жестокости господина. Кромѣ того, при религіозныхъ погребальныхъ обрядахъ, требовавшихъ жертвъ, рабу нерѣдко отдавалось предпочтеніе передъ свободной женщиной.

Не слѣдуетъ, однако, приписывать рабу-дикарю чувствъ, присущихъ намъ цивилизованнымъ. Въ странахъ, гдѣ рабство гармонируетъ съ общимъ характеромъ нравовъ, индивиды, на долю которыхъ выпадаетъ такая тяжкая судьба, относятся къ ней, какъ къ несчастію, и никогда не видятъ въ этомъ несправедливости. Бѣдные кафры, *сонеи*, о которыхъ я упоминалъ, «не считали поведеніе ихъ тирановъ, по словамъ Моффа, даже предосудительнымъ: они полагали, что ихъ судьба и со-

стояла въ томъ, чтобы переносить подобное обращеніе и что это такая же несчастная случайность, какъ если бы левъ растерзалъ человѣка». Мысль о томъ, что общество могло быть иначе устроено, не приходитъ въ голову ни господамъ, ни рабамъ и, если бы имъ случилось помѣняться ихъ ролями, то рабы проявили бы точно такую же жестокость, какъ и ихъ господа. Но маленькая экскурсія въ страну, гдѣ царитъ еще рабство, поможетъ намъ лучше всякихъ разсужденій уяснить себѣ душевный складъ, благодаря которому возможно всякое рабство.—

Разнообразныя формы, пережитыя рабствомъ, встрѣчаются и въ настоящее время на поверхности нашей планеты. Въ началѣ ряды рабовъ пополняются путемъ войнъ, предпринимаемыхъ съ цѣлью добыть плѣнниковъ для предстоящихъ пировъ. Швейнфуртъ разсказываетъ о монбутту Верхняго Нила, уже пастушескомъ и земледѣльческомъ племени, населяющемъ даже весьма плодоносную страну и тѣмъ не менѣе постоянно ведущемъ войны съ цѣлью раздобыть плѣнныхъ, которыхъ они затѣмъ гоняютъ передъ собой въ видѣ стадъ, предназначенныхъ для дикихъ пиршествъ.

При дальнѣйшемъ развитіи культуры, раба обратили въ домашнее животное, способное доставить извѣстную сумму работы, и такимъ образомъ онъ пріобрѣтаетъ нѣкоторую промышленную цѣнность, служащую охраной для его жизни. Господинъ неизмѣнно продолжаетъ располагать всѣми правами надъ рабами, онъ отъ нихъ нисколько не отрекается, но ради собственной выгоды сдерживаетъ свою жестокость. Теперь такая роскошь, какъ блюдо человѣческаго мяса, означаетъ не только могущество и богатство, но просто расточительность, такъ какъ для этого требуется громадное изобиліе человѣческаго скота. Вотъ почему заурядные нутка-колумбійцы держали рабовъ исключительно въ видѣ рабочей силы. Тѣмъ не менѣе, говоритъ Меаресъ, одинъ изъ ихъ вождей, Макуйна, о которомъ я уже упоминалъ въ первой главѣ, ежемѣсячно обрекалъ на смерть одного изъ своихъ рабовъ, чтобы угостить имъ, какъ особымъ придворнымъ кушаньемъ, на торжественномъ банкетѣ, который онъ устраивалъ въ честь предводителей низшаго

ранга. Жертва выбиралась довольно любопытнымъ образомъ. Прежде всего хозяинъ вмѣстѣ со своими приглашенными пѣли воинственную пѣсню и плясали вокругъ костра, пламя котораго поддерживалось масломъ. Затѣмъ хозяинъ съ завязанными глазами, какъ бы играя въ жмурки, гонялся въ шалашѣ за нѣкоторыми изъ своихъ рабовъ и того изъ нихъ, который былъ имъ пойманъ, немедленно душили, разрѣзали на части и еще дымящіеся куски его подавались приглашеннымъ. Подобные факты даютъ намъ ясное понятіе о томъ, какъ зародилось и какъ развилось рабство. Но этотъ періодъ, по всей вѣроятности, былъ непродолжителенъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ—вслѣдствіе той полезной цѣнности, какую сталъ представлять собою рабъ, и во-вторыхъ—благодаря гуманизирующему вліянію совмѣстной жизни.

Въ Африкѣ главнымъ образомъ еще до сихъ поръ существуетъ первоначальная дикарская форма рабства во всей своей неприкосновенности; поэтому тамъ и слѣдуетъ ее изучать. Всѣ чернокожія племена Африки рабовладѣльцы, за исключеніемъ готтентотовъ. Впрочемъ, и у кафровъ существуетъ пока лишь рабская каста, которую содержатъ, хотя и очень плохо, богачи. На всемъ остальномъ протяженіи чернаго континента, въ особенности же въ Средней Африкѣ, можно сказать, что рабство составляетъ основу всей соціальной жизни. По словамъ Мунго-Парка, у мандинговъ три четверти населенія состоитъ изъ рабовъ. Въ Кано, говоритъ Клаппертонъ, на одного свободнаго человѣка приходилось около тридцати рабовъ. Въ Буссѣ по словамъ Ричарда и Ландера, рабы составляли четыре пятыхъ всего населенія. Такая подавляющая масса рабовъ объясняется двумя причинами: прежде всего, естественнымъ размноженіемъ плѣнниковъ, первоначально пощаженыхъ, а затѣмъ—завоеваніемъ новыхъ территорій, населеніе которыхъ порабощалось. Кромѣ того, внутри самихъ племенъ или маленькихъ государствъ, преступленія являются обильнымъ разсадникомъ рабства. Колдуновъ, прелюбодѣевъ и воровъ наказываютъ тѣмъ, что продаютъ ихъ въ рабство. Несостоятельные должники тоже становятся въ тѣсномъ смыслѣ слова достояніемъ своихъ кредиторовъ и продаются ими въ

рабство. Наконецъ, существуетъ еще всецѣло первобытное право отца семейства; къ дѣтямъ нерѣдко относятся, какъ къ простому товару, и поступаютъ съ ними соотвѣтствующимъ образомъ. Рабъ, какова бы ни была причина его порабощенія, получаетъ мѣновую цѣнность и становится предметомъ обширной торговли; онъ играетъ даже роль монетной единицы: цѣна всякаго предмета выражается или можетъ быть выражена извѣстнымъ числомъ рабовъ.

Но разнообразіе происхожденія рабства привело къ тому, что образовались различныя категоріи рабовъ. Прежде всего, мы встрѣчаемся съ рабомъ отъ рожденія. Онъ въ нѣкоторомъ родѣ членъ семьи и его положеніе сравнительно—сносно; во всякомъ случаѣ, по словамъ Бэртона, оно менѣе тяжело, чѣмъ положеніе рабовъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ на Малабарскомъ берегу. Такой рабъ-слуга можетъ быть проданъ, но, по мѣстнымъ правамъ, владѣлецъ не долженъ продавать раба за предѣлы своего племени. Въ Габонѣ, по словамъ Дю-Шалью, общественное мнѣніе оказываетъ еще болѣе дѣйствительное покровительство домашнему рабу. Въ случаѣ дурного обращенія со стороны своего хозяина онъ имѣетъ право бѣжать въ другую деревню и отдаться въ руки другому рабовладѣльцу; причемъ первый не имѣетъ даже права по этому поводу возбудить публичное обсужденіе, такъ называемое *палабру*; на которомъ у негровъ обсуждаются обыкновенно всякіе спорные вопросы. То же общественное мнѣніе обязываетъ новаго хозяина, избраннаго бѣглецомъ, оказать покровительство рабу. У мандинговъ хозяинъ не имѣетъ права ни лишить жизни домашняго раба, ни продать его за предѣлы родной страны, если только не существуетъ къ тому крайне серьезныхъ поводовъ; во всякомъ случаѣ онъ долженъ предварительно подвергнуть общественному обсужденію, *палабру*, поведеніе своего раба.

Но другая категорія рабовъ, въ составъ которой входятъ военно-плѣнные, а также лица, проданныя въ рабство за преступленія или денежную несостоятельность, стоитъ совершенно внѣ закона и вполнѣ зависитъ отъ произвола своихъ владѣльцевъ. Слѣдующій фактъ, отмѣченный Бэртономъ во время путешествія его по Восточной Африкѣ, можетъ служить мѣриломъ

жестокости хозяевъ по отношенію къ вновь пріобрѣтаемымъ рабамъ и абсолютной свободы, предоставляемой имъ на этотъ счетъ нравами. «Нашъ Кирангози (проводникъ), говоритъ Бэртонъ, сопровождавшій насъ съ самаго начала путешествія, отсталъ отъ насъ, такъ какъ молодая дѣвушка, одно изъ его послѣднихъ пріобрѣтеній, не могла продолжать пути вслѣдствіе раны на ногѣ; убѣдившись, что никакія средства не помогаютъ, онъ, не задумываясь, отрубилъ голову у бѣднаго ребенка, чтобы никто другой не могъ имъ воспользоваться». Подобные факты, столь ужасные въ нашихъ глазахъ, въ черной Африкѣ считаются обыденными и не стоющими вниманія: они повторяются, и не рѣдко въ большихъ размѣрахъ, послѣ *razzias*, такъ называемыхъ тамъ воинственныхъ набѣговъ. Всякій плѣнный, отставшій въ пути, безпощадно зарѣзывается.

Жизнь человѣка, вновь обращеннаго въ рабство, не имѣетъ никакой цѣны и существуютъ страны, особенно не подпавшія вліянію магометанства, въ которыхъ даже домашній рабъ пользуется не лучшимъ отношеніемъ. Такъ, въ Ашантіи, гдѣ уже съ давнихъ поръ привыкли проливать человѣческую кровь, какъ воду, убить раба представляется дѣломъ совершенно ничтожнымъ. Если убитый рабъ принадлежитъ убійцѣ, то онъ ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ отвѣтственности, все равно, какъ если бы онъ зарѣзалъ своего цыпленка. Въ противномъ случаѣ онъ обязанъ только возмѣстить собственнику цѣнность домашняго животнаго, котораго онъ его лишилъ.

Я говорилъ уже, что въ Африкѣ рабы это—тѣ же деньги, вслѣдствіе чего обладаніе многочисленными рабами представляетъ здѣсь предметъ такихъ же вожделѣній, какъ большое состояніе въ Европѣ. Всѣми возможными средствами стараются добыть, какъ можно побольше, этихъ живыхъ денегъ. Вотъ почему по всей Африкѣ не прекращаются непрерывные набѣги съ цѣлью захвата плѣнныхъ. Нападаютъ на сосѣдей, похищаютъ ихъ скотъ, сжигаютъ ихъ жилища, затѣмъ овладѣваютъ ими самими и продаютъ ихъ въ рабство первому встрѣчному работорговцу. Душой и вдохновителемъ этихъ набѣговъ обыкновенно бываетъ какой нибудь негритянскій царекъ; но онъ располагаетъ еще и другими средствами добывать человѣческій

товаръ, а именно: онъ можетъ предъявлять противъ своихъ подданныхъ усиленныя обвиненія въ колдовствѣ и увеличивать число обвинительныхъ приговоровъ. По мѣрѣ силъ и частныя лица стараются подражать своему царьку. По соглашенію съ женами, мужья охотно устраиваютъ ловушки любовникамъ послѣднихъ и ловятъ ихъ на мѣстѣ преступленія, или по предварительному уговору съ родителями жены, обязавшись удѣлить и имъ долю изъ выручки, вымѣниваютъ своего ребенка на ружье, порохъ, табакъ, мѣдь, желѣзо и т. п.

Подобный порядокъ вещей, присущій рабству всѣхъ первобытныхъ временъ и который встрѣчается у татаръ, оказываетъ на общій уровень нравственности самое пагубное вліяніе. Въ Восточной Африкѣ, говоритъ Бэртонъ, негръ всѣми силами старается избавиться отъ работы. Всѣ его честолюбивыя стремленія направлены къ тому, чтобы добыть какими бы то ни было средствами рабовъ, которыхъ онъ заставляетъ обрабатывать землю, сѣять и собирать жатву; кромѣ того, рабы эти представляютъ для него извѣстную мѣновую цѣнность. Онъ мечтаетъ о буржуазной жизни. Мнѣ еще не разъ придется возвращаться къ рабству и указывать при этомъ, что оно всегда въ равной степени деморализуетъ, какъ раба, такъ и господина. Конечно, рабство все таки слѣдуетъ предпочесть первобытной рѣзнѣ; все нужно считать лучшимъ безпощаднаго уничтоженія побѣжденныхъ, но рабство дѣйствуетъ, быть можетъ, болѣе разлагающимъ образомъ, такъ какъ его вліяніе и воздѣйствіе на характеръ является непрерывнымъ.

При свободѣ у анархическихъ ордъ первобытныхъ вѣковъ человѣку безпрестанно приходилось опасаться за свою жизнь; вотъ почему каждый по неволѣ занималъ оборонительное положеніе; свирѣпая энергія являлась необходимымъ условіемъ въ борьбѣ за существованіе, которое проходило не безъ горделиваго сознанія. Когда племена начинаютъ организовываться, когда появляются деспотическіе предводители, тогда приходится привыкать терпѣливо переносить множество оскорбленій, множество насилій, но все это носитъ еще случайный характеръ; часто, какъ напримѣръ, нынѣ у кафровъ, а въ прежнія времена въ Полинезіи, предводитель племени, верхній слой населе-

нія, наконецъ, подчиненные живутъ всѣ почти на правахъ полнаго равенства, за исключеніемъ лишь времени, когда царькомъ овладѣваютъ припадки каприза. Даже самый послѣдній изъ кафровъ могъ сѣсть у костра рядомъ съ своимъ царемъ и даже курить изъ царской трубки; полинезійскій *туту* нерѣдко спалъ на одной цыновкѣ съ предводителемъ, а иногда даже имѣлъ съ нимъ одну и ту же женщину. Онъ былъ подданнымъ, но не домашнимъ животнымъ, которое, находясь постоянно на глазахъ владѣльца, обязано съ утра до вечера исполнять всѣ его приказы и прихоти.

Постоянное и безпредѣльное подчиненіе уничтожаетъ, въ концѣ концовъ, всякіе нравственные стимулы и доводитъ человѣка до чисто собачьей покорности. Рабы въ Африкѣ считаютъ себя, какъ бы, свободными отъ всякой нравственной отвѣтственности, благодаря одному уже тому факту, что они рабы. «Если вы застанете раба, говоритъ Бэртонъ, съ поличнымъ на мѣстѣ совершенія какой нибудь гадости, онъ вамъ краснорѣчиво отвѣтитъ: «Развѣ я не рабъ»! Дѣйствительно, нельзя налагать на человѣка обязанностей, разъ вы его лишаете всѣхъ правъ. Но въ Центральной Африкѣ рабы составляютъ три четверти или даже четыре пятыхъ всего населенія; кромѣ того, то же рабство тяготѣетъ также и надъ свободной женщиной, которую обыкновенно покупаютъ у родителей: «Я ее вѣдь купилъ, разсказывалъ одинъ кафрскій предводитель, говоря о женѣ; а потому она и должна работать». Это цѣлая обширная полоса, которую по справедливости можно назвать *невольнической* и этотъ эпитетъ вполнѣ примѣнимъ какъ къ господамъ, такъ и къ рабамъ, которые взаимно другъ друга деморализуютъ, одни привыкаютъ все позволять себѣ, а другіе все переносить.

Нравы, которые мы можемъ еще до сихъ поръ de visu изучать въ центральной Африкѣ, на извѣстной стадіи общественной эволюціи повсюду имѣютъ почти одинаковый характеръ. Въ этомъ убѣждаютъ насъ и разсказы римскихъ историковъ относительно народностей, хотя и не первобытныхъ, но однако съ весьма давняго времени населившихъ уже Европу. Въ Германіи, гдѣ рабы были, какъ нынѣ еще во многихъ наи-

болѣе цивилизованныхъ полосахъ чернокожей Африки, только какъ бы колонистами, имѣвшими собственное жилище и платившими оброкъ владѣльцу, послѣднiй тѣмъ не менѣе пользовался правомъ безнаказанно убивать ихъ. Германская Wehrgeld, (вира) такъ точно и такъ своеобразно оцѣнившая удары, увѣчья и убiйства, имѣла въ виду лишь людей свободныхъ; остальные стояли внѣ закона. «Ихъ часто убивали, говоритъ Тацитъ, не по зрѣломъ обсужденiи во имя дисциплины, а просто въ припадкѣ бѣшенства, какъ убиваютъ врага, и это не вело ни какимъ дурнымъ послѣдствiямъ».

Точно также и галльскiе друиды не испытывали ни малѣйшаго чувства угрызенiя совѣсти, когда сожигали рабовъ, произвольно намѣчаемыхъ, въ большихъ ивовыхъ корзинахъ, въ перемежку съ животными и преступниками, все это съ единственною цѣлью угодить своимъ богамъ.

Ту же дикость встрѣчаемъ мы и въ Грецiи временъ Гомера, хотя уже въ болѣе благоразумномъ и культурномъ видѣ. Осторожный Улиссъ, уничтоживъ всѣхъ жениховъ Пенелопы, приказываетъ своему сыну Телемаку задушить и двѣнадцать рабынь, находившихся въ связи съ убитыми; сынъ покорно исполняетъ его волю и даже усиливаетъ наказанiе: онъ подвергаетъ всѣхъ ихъ повѣшенью. Гомеръ совершенно просто разсказываетъ объ этомъ фактѣ, нисколько не думая порицать его: «Подобно тому, какъ дрозды съ распростертыми крыльями и голуби говоритъ онъ, попадаютъ въ сѣтку среди кустарниковъ ограды, въ которую они вошли, и находятъ тамъ смертельное ложе, такъ и у этихъ женщинъ шея была затянута шнуркомъ, чтобы онѣ умерли позорной смертью; ноги же ихъ недолго двигались».

Съ этимъ роковымъ вопросомъ рабства намъ придется постоянно сталкиваться при дальнѣйшемъ изученiи. Съ самыхъ первобытныхъ временъ и до позднѣйшихъ, оно постоянно представляло страшную общественную язву, при чемъ постепенное смягченiе его очень тѣсно связано съ медленнымъ поступательнымъ ходомъ цивилизацiи. Мы увидимъ также что худшее изъ рабствъ было то, которое цивилизованныя нацiи, обезумѣвшiя отъ жажды наживы, наложили на расы, стоящiя значительно ниже ихъ по культурѣ

Чтобы не выходить изъ рамокъ настоящей главы, я ограничусь пока нѣсколькими словами относительно вопроса о нравственномъ вліяніи рабства на самихъ рабовладѣльцевъ въ дикихъ обществахъ. Нравственное совершенствованіе состоитъ въ пріобрѣтеніи цѣлаго ряда благородныхъ наклонностей, которыя инстинктивно, помимо почти всякихъ разсужденій, удерживаютъ человѣка отъ дѣйствій, вредныхъ другимъ людямъ и унизительныхъ для самой личности. Возможность же вполнѣ свободно проявлять произволъ и удовлетворять всѣ свои капризы надъ вполнѣ беззащитными существами, съ полной увѣренностью въ безнаказанности, производитъ совершенно обратное дѣйствіе. Тогда-то именно развивается самый разнузданный развратъ и безграничная грубость.

Является привычка угнетать слабыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и пріучаются гнуть рабски спину передъ сильными міра сего. Дѣйствительно, какъ я уже замѣтилъ, рабство можно считать вполнѣ установившимся лишь въ обществахъ уже организованныхъ на іерархическомъ началѣ, въ обществахъ, гдѣ можно быть господиномъ лишь на условіи быть вмѣстѣ съ тѣмъ и рабомъ по отношенію къ другимъ, гдѣ съ самаго уже дѣтства цѣлыя касты и привилегированные классы пріучаются къ тираніи слабыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и къ униженію передъ сильными. Такимъ образомъ, повсюду въ центральной Африкѣ второстепенные вожди относятся къ своему главному предводителю совершенно съ такою же собачьею угодливостью, какой они требуютъ отъ собственныхъ рабовъ. Однимъ словомъ, въ рабствѣ сильныхъ всецѣло отражается рабство подавленныхъ. У тѣхъ и у другихъ одинаковымъ образомъ складывается и развивается наклонность къ священному послушанію, т. е. къ слѣпому повиновенію своему господину.

Теоретики научной морали оказали своимъ рельефнымъ подчеркиваніемъ наслѣдственной передачи вкоренившихся нравственныхъ или безнравственныхъ наклонностей не малую услугу человѣчеству. Благодаря имъ, мы теперь узнаемъ, что предаваться унизительнымъ наклонностямъ равносильно развращенію за одно съ собою и своего потомства. Это страшный выводъ утилитарной морали, имѣющій всѣ данныя, чтобы навести на

серьезныя размышленія умнаго и хотя сколько-нибудь чуткаго человѣка!

До подобныхъ размышленій еще не доходятъ въ дикихъ странахъ, гдѣ жестокости совершаются просто, безъ всякой мысли о будущемъ. Тамъ, напротивъ, слѣпое повиновеніе вождю и господину является великимъ этическимъ началомъ; но подобное рабское отношеніе къ господамъ и предводителямъ повліяло на дальнѣйшее развитіе нравственности, и поэтому оно заслуживаетъ спеціальнаго изученія, которое и составитъ предметъ слѣдующей главы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ДИКАРСКАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ. (*Продолженіе*).

Происхожденіе рабскихъ инстинктовъ.—Право сильнѣйшаго у животнаго и человѣка.—Сервилизмъ и соціальные инстинкты.—Сервилизмъ и іерархія—Мимизмъ церемоніала у дикарей.—Собачій церемоніалъ.—Обоготвореніе предводителя въ Африкѣ.—Постепенное облагораживаніе въ нравственномъ отношеніи рабскаго инстинкта.—Монархическая преданность.—Привилегіи вождей въ Полинезіи, Америкѣ, Африкѣ и Амбоинѣ.—Погребальные обряды, соблюдаемые при кончинѣ вождей въ Америкѣ, Полинезіи и Африкѣ.—Оргіи во время погребальныхъ обрядовъ у кафровъ.—Психологія рабскихъ инстинктовъ.

Происхожденіе рабскихъ инстинктовъ.

Въ первобытныхъ человѣческихъ ордахъ, такъ же какъ и у чимпанзе, не существуетъ организованной іерархіи. Сильный повелѣваетъ; слабый подчиняется до тѣхъ поръ, пока онъ не можетъ поступать иначе. Достигнувъ возмужалости, молодые чимпанзе нерѣдко убиваютъ стараго самца, капризы котораго они вынуждены были исполнять довольно долгое время. Аналогичныя явленія происходятъ такъ же и въ мелкихъ первобытныхъ человѣческихъ ордахъ. Въ нихъ нѣтъ еще правильно организованнаго рабства, но за то къ нему подготовляются,

*

преклоняясь передъ силой, и постепенно привыкаютъ, какъ это мы видимъ у австралiйскихъ племенъ, у которыхъ сильные и престарѣлые мужчины уже пользуются громадными привилегiями. Здѣсь умѣстно будетъ сдѣлать одно психологическое замѣчанiе. Моралисты, повидимому, не безъ основанiя утверждали, что всякое нравственное чувство, благодаря цѣлому ряду нечувствительныхъ уклоненiй, можетъ привести къ совершенно противоположному недостатку. Въ этой мысли есть доля истины. Дѣйствительно, у человѣка и у животнаго соцiальные инстинкты, повидимому, предрасполагаютъ къ рабству. Животныя, живущiя въ одиночку или парами, неукротимѣе остальныхъ. Баранъ позволяетъ стричь себя, но никому не приходило еще въ голову утилизировать съ промышленной цѣлью львиныя гривы.

Лишь въ человѣческихъ обществахъ рабство начинаетъ принимать характеръ нравственнаго долга. Мирные эскимосы, живущiе въ состоянiи общественной анархiи, не могли освоиться съ мыслью, что въ экипажѣ Парри были начальники и офицеры. Краснокожiе выбирали себѣ предводителя лишь на время войны и къ тому же выборъ этотъ обусловливался исключительно его личной физической или нравственной силой.

Въ Полинезiи мы уже встрѣчаемся съ рабской нравственностью, такъ какъ тамъ уже существуетъ цѣлая общественная iерархiя, вожди и благородные отъ рожденiя, считающiе, что у нихъ въ жилахъ течетъ иная кровь, чѣмъ у простыхъ смертныхъ; но эта новая мораль не была еще однако прочно установлена въ Новой-Зеландiи, гдѣ власть предводителя признавалась только въ военное время; въ мирное же время самая существенная привилегiя была только возможность жить паразитами, пользоваться чужими запасами пищи.—На архипелагахъ съ болѣе высокой культурой, каковы Тонга, Сандивичевы острова, Таити, и т. п., существовало наоборотъ нѣчто въ родѣ феодальной организацiи, при чемъ высшiй классъ пользовался всѣми правами безъ исключенiя надъ низшимъ. Оскорбленiе царька и даже простое злословiе на его счетъ считалось однимъ изъ строго караемыхъ преступленiй. Разъ инстинктъ повиновенiя прочно внѣдрился въ психикѣ дикихъ племенъ или народовъ, то онъ, не встрѣчая обыкновенно противовѣса себѣ въ какомъ либо

номъ устойчивомъ нравственномъ чувствѣ, начинаетъ всевластно господствовать надъ человѣкомъ и внушаетъ ему дѣйствія, отличающіяся самымъ отвратительнымъ сервилизмомъ. Мы безъ труда убѣдимся въ этомъ, сдѣлавъ троякаго рода справку: относительно церемоніаловъ, соблюдаемыхъ дикарями въ присутствіи высокопоставленныхъ лицъ и царьковъ, правъ, которыми правители пользуются при жизни и, наконецъ, относительно того, что повидимому, происходитъ послѣ ихъ смерти.

a. Совмѣстная жизнь человѣка съ собакой, обычная въ тотъ періодъ, когда онъ еще находился въ дикомъ состояніи и, безграничная, лишенная достоинства покорность этого привязчиваго животнаго, способствовали развращенію тогда еще дикаго человѣка. Мимика и различныя движенія, которыми сопровождается обыкновенно церемоніалъ въ маленькихъ дикарскихъ монархіяхъ, нерѣдко представляютъ простую копію съ ухватокъ собаки, ползающей у ногъ своего грубаго и всемогущаго господина и ласкающейся къ нему. Впрочемъ, умышленное подражаніе собакѣ часто подтверждается самими церемоніальными обрядами. У кафровъ, за исключеніемъ, впрочемъ, нѣсколькихъ мелкихъ государствъ, болѣе развитыхъ въ политическомъ отношеніи, царитъ еще нѣкоторая свобода; такъ Моффа пришлось слышать, какъ въ Питчо, или мѣстномъ парламентѣ, одинъ изъ вождей укорялъ монарха за его тучность и лѣность. Тѣмъ не менѣе всѣ кафры рабски подчиняются своему монарху и при встрѣчѣ обращаются къ нему, въ видѣ привѣта, съ слѣдующими словами: «Ты мой господинъ, а я твой песъ». Это приравниваніе себя къ собакѣ, часто встрѣчающееся у дикарей, вовсе не составляетъ одной лишь простой обрядности. Въ присутствіи господина или высшаго лица, низшіе нерѣдко подражаютъ, насколько имъ то позволяетъ ихъ человѣческая организація, движеніямъ и всей фигурѣ, принимаемой страшно испуганной собакой. Въ древнія времена въ центральной Америкѣ подданные обязаны были въ присутствіи кацика Шибша лежать простертыми, прижавъ лицо къ землѣ. На островахъ Самоа можно было проходить мимо помѣщенія, занимаемаго вождемъ, лишь согнувшись и опустивъ голову. На фиджійскомъ архипелагѣ всѣ, принадлежавшіе къ низшему классу, должны были прини-

мать передъ своими начальниками отвратительныя положенія: они нагибались, повергались, падали лицомъ на землю. «Они называли вождя Богомъ *(Калу)*, говоритъ Моренгаутъ, а также корнемъ войны *(Бонана Валу)*». На Тонгѣ почтеніе къ монарху выражалось такимъ образомъ: сначала прикасались къ стопамъ повелителя ладонью и задней стороной руки, а затѣмъ подставляли голову подъ его высокочтимыя ноги.

Но это въ Африкѣ нужно изучать сервилизмъ въ полномъ его развитіи. Здѣсь мы находимъ въ широкихъ размѣрахъ и во всевозможныхъ градаціяхъ то состояніе умственной приниженности, черезъ которое прошли, во времени и пространствѣ, всѣ человѣческія расы, достигшія политической стадіи первобытной монархіи. Въ Африкѣ церемоніалъ, скопированный съ собачьихъ нравовъ, достигаетъ крайнихъ предѣловъ вычурности, особенно въ средней полосѣ материка, гдѣ тѣлодвиженія, жесты и мимика предпочитаются словеснымъ формуламъ. Отъ береговъ Гвинеи до Замбези съ такой же легкостью простираются на землѣ, какъ мы въ Европѣ раскланиваемся. Впрочемъ, нашъ поклонъ представляетъ въ дѣйствительности лишь схематическое сокращеніе практиковавшагося нѣкогда паденія ницъ. Въ глазахъ низшихъ классовъ, всѣ цари и царьки этой обширной страны—божества, передъ которыми нѣтъ такого униженія, которое могло бы считаться большимъ. Въ подтвержденіе мыслей, которыми я закончилъ свою послѣднюю главу, замѣчу, это эта полоса черной Африки представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и обѣтованную страну рабства; мы констатируемъ здѣсь тѣсную связь, существующую между рабствомъ въ узкомъ смыслѣ и моральнымъ сервилизмомъ.

А теперь пусть факты говорятъ сами за себя. Пріемы рабскаго поклоненія не отличаются особымъ разнообразіемъ; они состоятъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что человѣкъ распростирается на землѣ, предварительно сбросивъ съ себя одежды, и затѣмъ посыпаетъ себя пылью. Азанаги, жившіе въ окрестностяхъ Аргинскаго острова, обращались съ просьбами къ своему властелину, раздѣваясь до-нага во дворѣ царскаго жилья и касаясь челомъ земли, съ плечами и головой, покрытыми пескомъ.

Приближенные бенинскаго царька держались въ его присутствіи слѣдующимъ образомъ: они садились на землю, прикрывали руками голову и не смѣли поднять глазъ.

Во дворцѣ Иссини требовалось сперва раздѣться, затѣмъ лечь животомъ на землю, ползти, набрать въ ротъ песокъ; наконецъ, черезъ нѣкоторое время разрѣшалось встать, выплюнуть песокъ и произнести рѣчь.

Въ Лоанго, говоритъ Баттель, сильные міра сего катаются по полу у ногъ властелина. Взглянуть на него считается страшнымъ преступленіемъ, даже дѣтей, въ томъ числѣ одного изъ сыновей царя, казнили за то, что они нечаянно позволили себѣ такую вольность. Въ подобной смѣлости видѣли нѣчто святотатственное и до такой степени, что убивали даже собаку, неосторожно приласкавшуюся къ царьку въ то время, когда онъ изволилъ пить.

Клаппертонъ разсказываетъ, какъ онъ встрѣтилъ однажды на аудіенціи у царька Катунга двадцать вождей высшихъ степеней, которые явились также на торжественный пріемъ. Обнаживъ тѣло до пояса, лежа животомъ на землѣ, они старались другъ передъ другомъ покрыть, какъ можно болѣе толстымъ слоемъ пыли, свое тѣло и съ возможно большимъ вѣрноподданническимъ рвеніемъ цѣловать землю... Здѣсь же на женщину возложена была единственная въ своемъ родѣ должность: всѣ обязанности ея состояли въ томъ, что она слѣдовала за царькомъ во время его визитовъ къ путешественнику, и собирала плевки властелина въ маленькую бутылочку. Лишь послѣ того, какъ царедворецъ проползъ такимъ образомъ къ царьку и его лицо и грудь оказывались достаточно покрытыми грязной, красноватой пылью, лишь тогда онъ получалъ разрѣшеніе сѣсть рядомъ съ властелиномъ и принимать участіе въ разговорѣ.

Въ Бонду почтеніе къ монарху настолько велико, что человѣкъ, позволившій себѣ убить льва, подвергается нѣкоторому подобію наказанія, такъ какъ каждый левъ — въ своемъ родѣ монархъ, и человѣкъ, убивая его, оскорбляетъ въ лицѣ его королевское величіе, если самъ только простой подданный.

У монбутусовъ зажечь трубку у костра, горящаго передъ

царькомъ, считается преступленіемъ, равнымъ государственной измѣнѣ, и такое преступленіе немедленно наказывается смертью.

Лица привилегированнаго класса, проявляющія столь гнусную приниженность по отношенію къ своему царю, въ свою очередь, требуютъ, чтобы ниже стоящіе обнаруживали по отношенію къ нимъ то же самое гнусное раболѣпство. У балондасовъ простые смертные падаютъ на улицѣ на колѣни и натираютъ руки и грудь пылью при встрѣчѣ съ лицомъ, стоящимъ выше по положенію.

Въ Кіамѣ, на Нигерѣ, чтобы поклониться начальнику, распростираются на землѣ во весь ростъ, но въ этой мѣстности не посыпаютъ себя прахомъ.

Въ болѣе значительныхъ негритянскихъ монархіяхъ сервилизмъ принимаетъ чисто эпическіе размѣры. Всякое упоминаніе о смерти въ присутствіи дагомейскаго царя, по словамъ Босмана, считалось страшнымъ преступленіемъ. Запрещено подходить къ трону этого государя ближе, чѣмъ на 20 шаговъ. Съ нимъ можно было говорить лишь черезъ посредство старухи, дакро, которая передавала ему слова говорившаго, стоя на четверинкахъ; въ присутствіи этой женщины всѣ простые смертные, въ свою очередь, должны были принимать положеніе четвероногихъ, такъ какъ дакро облагораживалась уже вслѣдствіе одного того, что на нее были наложены такія славныя обязанности.

Въ восточной Африкѣ, при дворѣ царя Уганды *Мтеза*, прославленнаго разсказами капитана Спика, мы встрѣчаемъ почти ту же самую форму собачьяго церемоніала которая наблюдалась путешественниками въ центральной и западной Африкѣ. Здѣсь также повергаются передъ царемъ на землю, распростираются плашмя, покрываютъ себѣ лицо грязью, дѣлаютъ рѣзкія движенія, напоминающія трепетанія рыбы, брошенной на землю.

Несомнѣнно, что страхъ былъ первоначальнымъ факторомъ, породившимъ все это унизительное холопство въ первобытныхъ монархіяхъ, но, благодаря самымъ существеннымъ біологическимъ свойствамъ человѣческаго мозга, это чувство страха подвергалось подъ конецъ видоизмѣненіямъ; къ нему примѣшались другіе нравственные элементы. Дѣйствительно, вмѣстѣ съ воспи-

таніемъ униженіе все болѣе и болѣе облегчается, оно начинаетъ даже доставлять нѣкоторое удовольствіе и приводить къ чисто религіозному почтенію, къ собачьей приниженности передъ господиномъ. Въ нашихъ историческихъ монархіяхъ преданность королю, совершенно независимо отъ его личныхъ качествъ, часто вдохновляла людей на истинно геройскіе поступки, сохраняющіе и до сихъ поръ неувядаемую славу. Такое возвышенное проявленіе сервилизма, нельзя сказать, чтобы было вполнѣ незнакомо африканскимъ монархіямъ. Разсказываютъ, что Расинъ умеръ отъ горя, утративъ нѣсколько расположеніе Людовика XIV. Ашантійскій царедворецъ пошелъ, однако, далѣе этого: лишившись царскихъ милостей, онъ убилъ себя: «Надо быть послѣднимъ негодяемъ, сказалъ онъ, чтобы продолжать жить послѣ такого несчастія».

Канарскіе гуанчи это—любопытное племя, которое въ XVI-мъ вѣкѣ вполнѣ сохранило промышленность каменнаго періода Европы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ нравы этого періода; судя по тому, что мы знаемъ о жизни этого племени, можно сказать, что наши прямые доисторическіе предки обнаруживали въ такой же степени монархическое рвеніе, какъ и ашантійскіе негры. При восшествіи на престолъ новаго царька, разсказываетъ намъ одинъ старинный путешественникъ, нѣсколько гуанчей домогались милости быть принесенными въ жертву, во славу и честь новаго повелителя.

Дѣло было обставлено очень торжественно. Государь устроилъ большой праздникъ, во время котораго на вершину горы подымались лица, обреченныя на жертву, и оттуда бросались въ пропасть на острыя скалы.

б. Весь унизительный церемоніалъ и все то рабское усердіе, примѣры котораго были мною выше приведены, указываютъ, что при дикарскомъ режимѣ жизни на вождей смотрѣли, какъ на существъ, одновременно и страшныхъ и имѣющихъ несомнѣнное превосходство надъ всѣми остальными людьми. Ихъ привилегіи въ подвластномъ имъ обществѣ должны быть по этому безграничны, что мы дѣйствительно и находимъ.

Въ большинствѣ полинезійскихъ архипелаговъ вождь пользовался безграничнымъ правомъ собственности на всѣ предметы

во всей его полнотѣ; низшіе владѣли имуществомъ лишь по его доброй волѣ и все, что ему нравилось, неоспоримо принадлежало ему. Не только имущество, но и жизнь простыхъ смертныхъ была въ рукахъ и зависѣла отъ произвола господствующихъ классовъ. Послѣдніе пользовались своими прерогативами столь же наивно, какъ и грубо.

Они твердо вѣрили въ свою высшую природу. Какъ мы уже видѣли, для этихъ благородныхъ людей предназначалась даже особая болѣе изысканная пища; они могли убивать своихъ подчиненныхъ по собственному усмотрѣнію, подъ вліяніемъ простого каприза. На Тонгѣ Куку довелось присутствовать на одномъ изъ подобныхъ убійствъ, при чемъ убійца былъ только второстепеннымъ вождемъ: «Онъ нанесъ, говоритъ Кукъ, такой сильный ударъ по лицу одного изъ островитянъ, что кровь хлынула у послѣдняго изо рта и ноздрей. Несчастный, получившій ударъ, упалъ безъ чувствъ, съ нимъ сдѣлались затѣмъ судороги и его унесли. Безсердечный начальникъ, когда ему доложили, что онъ убилъ человѣка, только засмѣялся и не выразилъ ни малѣйшаго сожалѣнія по поводу совершеннаго имъ убійства».

Подобные же нравы господствовали и въ меланезійскихъ архипелахъ, наиболѣе культурныхъ; повидимому, какъ только человѣку удается выйти изъ состоянія полной дикости, — его первой заботой является организація соціальнаго рабства. Какъ мы уже видѣли выше, въ Новой-Каледоніи вожди пользовались самыми неограниченными правами по отношенію къ своимъ подданнымъ, включительно до права поѣдать ихъ. Въ Вити, гдѣ вожди пользовались такою же неограниченной властью, женщины, которыхъ они удостаивали своимъ любовнымъ вниманіемъ, не имѣли права выходить замужъ даже послѣ того, какъ эти высокіе покровители бросили ихъ. На островахъ Самбу благоговѣніе къ предводителямъ было такъ велико, что наступить на ихъ священную тѣнь считалось смертнымъ преступленіемъ.

Совершенно подобное же раболѣпство встрѣчаемъ мы у дикихъ ордъ всѣхъ расъ, какъ только онѣ начинаютъ организовываться въ мелкія группы или племена.

Великій предводитель племени Натчэ считался братомъ солнца

и на этомъ основанiи имѣлъ право жизни и смерти надъ своими подданными. Его предполагаемый наслѣдникъ уже однимъ фактомъ рожденiя своего прiобрѣталъ право собственности на всѣхъ грудныхъ дѣтей. Туземцы Антильскихъ острововъ признавали также за своими вождями неограниченныя права; они вѣрили, что вожди ихъ управляютъ стихiями и говорятъ отъ имени боговъ.

Во всей дикой Малезiи царилъ рабскiй режимъ. На Ломбокѣ и Целебесѣ власть предводителей не знала границъ; на Целебесѣ никто не смѣлъ даже стоять въ ихъ присутствiи.

Но, какъ я уже замѣтилъ, изучать рабство слѣдуетъ главнымъ образомъ въ центральной Африкѣ. Здѣсь почти повсюду установилось, какъ само собою разумѣющееся мнѣнiе, что цари и царьки одарены божественнымъ могуществомъ, что они господствуютъ вообще надъ стихiями, подобно предводителямъ Натчэ, и что въ частности имъ принадлежитъ власть надъ дождемъ. Въ Лоанго, говоритъ Баттель, туземцы, испытывая нужду въ дождѣ, обращаются къ своему властелину, и послѣднему достаточно выстрѣлить изъ лука въ небо, чтобы предупрежденныя такимъ путемъ о требованiи тучи исполнили свою обязанность. Въ другомъ мѣстѣ предводитель оказывается обладателемъ волшебнаго свистка, посредствомъ котораго можно вызвать какъ хорошую, такъ и дурную погоду. Бэкеръ разсказывалъ намъ о забавномъ столкновенiи, происшедшимъ среди оббосовъ, между народомъ и короной: народъ требовалъ дождя; корона — соглашалась вызвать дождь, но требовала взамѣнъ этого отъ народа болѣе приличнаго бюджета: «Не дадите козловъ, не получите дождя»! Если въ странѣ происходило наводненiе, то монархъ объявлялъ, что, если ему не дадутъ нѣсколько сотъ корзинъ ржи, то грозы будутъ происходить вѣчныя времена.

Повсюду въ этихъ маленькихъ негритянскихъ монархiяхъ, комичное часто переплетается съ трагическимъ; племена эти, находясь еще на ребяческой стадiи развитiя, отличаются легкомыслiемъ, легковѣрiемъ и одновременно безчеловѣчностью дѣтскаго возраста. Въ Кiамѣ, долинѣ Нигера, царекъ, отправившiйся отдать визитъ Клапертону, ѣхалъ въ сопровожденiи цѣ-

лаго кортежа; подъ нимъ былъ прекрасный конь, его окружала вооруженная толпа пѣхотинцевъ и кавалеристовъ; кромѣ того, непосредственно около его лошади бѣжали шесть красивыхъ молодыхъ дѣвушекъ; каждая изъ нихъ держала въ правой рукѣ по три дротика; онѣ были совершенно голыя и имѣли лишь узкую полотняную повязку на головѣ и нитку бусъ вокругъ стана.

Въ Буссѣ царекъ, узнавъ, что въ Европѣ полигамія запрещена, разсудительно замѣтилъ, что «мѣра эта хороша по отношенію къ простымъ смертнымъ, но по отношенію къ повелителю она дурна».

У іолофовъ, въ царствѣ Барсалли, занавѣска, защищающая отъ москитовъ, составляетъ царскую привилегію. Простымъ смертнымъ воспрещено пользоваться ею подъ страхомъ отдачи въ рабство. Несмотря на все это, въ маленькихъ государствахъ у царьковъ существуетъ постоянно въ негритянской Африкѣ парламентаризмъ, существуютъ такъ называемые *палабры*, на которыхъ дозволено спорить въ присутствіи царя; но, говоритъ Лэнгъ, все это только одна формальность, и, произнося рѣчь, ораторъ внимательно слѣдитъ за игрой физіономіи у властелина, въ которой и черпаетъ свое вдохновеніе. У кафровъ, когда парламентскіе дебаты принимаютъ оборотъ, непріятный для вождя, послѣдній сразу останавливаетъ потокъ краснорѣчія оратора, бросая свою палицу передъ нимъ.

У племени ньямъ-ньямъ, говоритъ Швейнфуртъ, власть предводителей неограничена. Время отъ времени они, исключительно ради проявленія своего безпрекословнаго авторитета, бросаются на какого либо изъ своихъ подданныхъ и сносятъ ему голову; такова ихъ прихоть.

Въ Ашантіи властитель стоитъ выше законовъ; его сыновья могутъ безнаказанно совершать всевозможныя злодѣянія; для этихъ дѣтей царской крови не существуютъ преступленія. Наоборотъ, умереть на царской службѣ для простого смертнаго— первая его обязанность, а всякое проявленіе малодушія во время битвы карается смертной казнью.

Но въ нѣкоторыхъ мелкихъ африканскихъ монархіяхъ, еще болѣе примитивныхъ, чѣмъ монархія ашантіевъ, царское все-

могущество носитъ, по истинѣ, какой-то бѣшеный характеръ. Миссіонеръ Моффа сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о дѣяніяхъ и подвигахъ кафрскаго царька *Мосселекатси*. Вся исторія этого самодержца состоитъ изъ одного длиннаго ряда преступленій. Вполнѣ чуждый всякому чувству гуманности, онъ обрекалъ на смертную казнь воиновъ, потерпѣвшихъ пораженіе въ битвѣ. Одна изъ его женъ позволила себѣ сдѣлать ему робкое замѣчаніе о все болѣе и болѣе возрастающемъ числѣ его наложницъ, онъ приказалъ вытащить ее на площадь и тамъ обезглавить. Подданные принадлежали ему и тѣломъ, и всѣмъ своимъ имуществомъ. Его слово было закономъ. Одинъ его жестъ повергалъ въ трепетъ самыхъ грозныхъ вождей. Вокругъ него постоянно толпились царедворцы: одѣтые въ вычурныхъ костюмахъ, они то танцовали въ честь его, то поклонялись ему въ религіозномъ безмолвіи, то прославляли его величіе въ высокопарныхъ выраженіяхъ: «Царь царей, великій слонъ, одно твое дыханіе сожигаетъ твоихъ враговъ, превращая ихъ въ высохшую траву, заставляетъ идти дождь, разрывая тучи молніями и т. д.».

Подобная неограниченная власть Мосселекатси не является какимъ либо исключеніемъ въ Африкѣ. То же пониманіе монархическаго принципа и то же осуществленіе его, съ небольшими различіями въ подробностяхъ, встрѣчается повсюду среди негритянскаго племени. На значительномъ разстояніи отъ страны кафровъ, въ области большихъ озеръ верхняго Нила, Спику довелось встрѣтить второй экземпляръ двора Мосселекатси. Сдѣланное имъ подробное описаніе обезсмертило навѣки царя Мтеза и его страну Уганду. Приведу нѣсколько фактовъ, они дадутъ читателю понятіе объ этихъ любопытныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ назидательныхъ нравахъ.

Службу внутри дворца Мтезы несутъ молодыя совершенно голыя женщины, а также молодые пажи, которые однако тщательно задрапированы въ антилопьи шкуры, и имъ строго воспрещено показывать ноги; при чемъ самое пустяшное нарушеніе этикета наказывается смертью. На торжественныхъ аудіенціяхъ царь принимаетъ выраженія вѣрноподданическихъ чувствъ и подарки, а также постановляетъ рѣшенія, всегда безапелляціон-

ныя. Подданные считаютъ своимъ долгомъ подносить повелителю въ даръ не только коровъ, но и дочерей, если онѣ молоды и красивы. Такъ какъ царскій гаремъ переполненъ наложницами, то властитель щедрой рукой раздаетъ ихъ своимъ любимцамъ, которые не имѣютъ права отказаться, несмотря на то, что ихъ ставитъ иногда въ крайне затруднительное положеніе царскій даръ, напримѣръ, въ цѣлую сотню женщинъ. Впрочемъ, прибѣгаютъ еще къ другому способу для того, чтобы избавиться отъ излишняго женскаго элемента, а именно къ ежедневнымъ казнямъ. Ежедневно одна или двѣ женщины, утратившія расположеніе повелителя, ведутся на площадь и тамъ казнятся палачемъ. Одна изъ нихъ была приговорена къ казни въ присутствіи англійскаго путешественника за то, что осмѣлилась предложить царьку только-что сорванный ею плодъ: «Первый разъ въ моей жизни, говорилъ взбѣшенный повелитель, женщина рѣшается предложить мнѣ что либо».

Жизнь мужчинъ цѣнилась здѣсь не болѣе жизни женщинъ. Солдаты, уличенные въ трусости, такъ же, какъ и въ Ашантіи, подвергались казни тутъ же на мѣстѣ, немедленно по произнесеніи приговора. Толпа царскихъ приближенныхъ набрасывалась на приговореннаго и всякій старался отличиться своимъ рвеніемъ. Храбрецы, напротивъ, вознаграждались подарками, которые обязательно слѣдовало принимать съ сильнымъ выраженіемъ благодарности. Одинъ офицеръ, недовольный доставшейся на его долю частью и позволившій себѣ выразить претензію, былъ немедленно, по приказанію повелителя, разрубленъ на куски.

Для Мтеза жизнь его подданныхъ не стоила ровно ничего. Получивъ отъ Бекера въ подарокъ ружье, онъ передалъ его своему пажу и приказалъ ему «пойти тотчасъ и для пробы ружья убить человѣка на другомъ дворѣ». Пажъ выслушалъ приказаніе и весело отправился исполнять его; повидимому, это маленькое происшествіе никого не заинтересовало; ни у кого изъ присутствующихъ не хватило ни смѣлости, ни любопытства спросить, надъ кѣмъ же было испробовано ружье. Повелитель этого пожелалъ, слѣдовательно, это было хорошо, такъ какъ здѣсь не существовало какого либо иного закона, кромѣ

его воли. Онъ могъ, напримѣръ, пожаловать кому либо изъ своихъ подданныхъ орденъ, вѣнокъ изъ виноградныхъ листьевъ, предоставляющій носителю его право похищать всѣхъ малолѣтнихъ дѣтей.

Полное презрѣніе со стороны повелителей-дикарей къ своимъ подданнымъ и къ тому, что позднѣе будетъ называться ихъ правами, составляетъ всеобщій фактъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться спеціальной чертой лишь африканскихъ царьковъ. Одному повелителю въ Амбоинѣ путешественникъ подарилъ бутылку водки; это привело его въ такой восторгъ, что онъ, желая выразить свою глубокую признательность путешественнику и развлечь его, приказалъ своимъ подданнымъ устроить между собой состязаніе и душить другъ друга. Иностранецъ однако вступился за злополучныхъ борцовъ, тогда амбоинскій царекъ отвѣчалъ: «Это—мои подданные, это только дохлыя собаки. Я съ радостью пожертвовалъ бы тысячу ихъ, чтобы только выразить вамъ все мое уваженіе».

Сама по себѣ лесть даже по отношенію къ наиболѣе выдающимся людямъ изъ цивилизованныхъ націй, крайне вредна; но когда она обращается къ умамъ, находящимся еще на ребяческой стадіи развитія, и принимаетъ форму крайняго обожанія, то человѣкъ обыкновенно даже не пытается противиться лести, относится къ ней вполнѣ серьезно и весьма легко доходитъ до непоколебимой увѣренности, что онъ дѣйствительно божественнаго происхожденія. Съ другой стороны, самое безуміе деспота оказываетъ вліяніе на подданныхъ, которые такъ же мало интеллигентны, какъ и ихъ властелинъ. Полная невозмутимость, съ какой онъ ихъ угнетаетъ, ставя ни во что ихъ привязанность и даже самую ихъ жизнь,—все это внушаетъ инертному мозгу идею сверхъестественнаго существа, непогрѣшимаго и обладающаго чудодѣйственной силой во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Съ этого момента начинается опоэтизированіе сервилизма; онъ принимаетъ религіозный оттѣнокъ: смертные не только не позволяютъ себѣ оспаривать прихоти вѣнчаннаго бога, но проникаются къ нему восторженнымъ поклоненіемъ. На этой ступени психической эволюціи рабскаго чувства безсмысленная экзальтація облагораживаетъ его; люди доходятъ

до самопожертвованія въ честь какого нибудь ничтожнаго презрѣннаго существа, но преображеннаго въ недосягаемое совершенство, благодаря обаянію автократическаго принципа.

Лишь принимая во вниманіе такое душевное, почти патологическое состояніе, мы можемъ не особенно удивляться при видѣ тѣхъ актовъ безумія, которые въ дикихъ странахъ часто совершаются во время смерти высокопоставленныхъ особъ или царьковъ.

в. Въ періодѣ умственнаго развитія, изучаемаго нами въ настоящее время люди обыкновенно вѣрятъ и очень твердо собственно не въ безсмертіе души, какъ его понимаютъ наши метафизики, а, подъ той или другой формой, въ дальнѣйшее, болѣе или менѣе продолжительное существованіе послѣ смерти. Думаютъ, что тѣнь умершаго продолжаетъ гдѣ нибудь въ заоблачномъ пространствѣ вести жизнь, весьма сходную съ той, которую человѣкъ только-что велъ на землѣ. Подобное загробное существованіе представляется въ особенности несомнѣннымъ по отношенію къ важнымъ лицамъ, тогда какъ во многихъ странахъ въ немъ отказываютъ людямъ низшаго происхожденія, плебсу. Поэтому то и устраивается все такъ, чтобы каждый властитель, мелкій или крупный, вступалъ въ будущую жизнь съ достаточнымъ запасомъ пищи, съ оружіемъ, рабами, женами и служителями, однимъ словомъ, съ полнымъ дворцовымъ штатомъ, соотвѣтствующимъ его положенію на землѣ. Вотъ это то и является причиной возникновенія всевозможныхъ приношеній и въ особенности погребальныхъ жертвъ, кровью которыхъ въ странѣ дикарей и даже варваровъ обагряется обыкновенно земля по смерти государей.

Уже у караибовъ одна изъ женъ умершаго вождя погребалась вмѣстѣ съ нимъ, причемъ предпочтительно та, которая имѣла отъ умершаго нѣсколькихъ дѣтей: этимъ хотѣли выразить тонкое вниманіе къ почившему.

На Сандвичевыхъ островахъ, когда умеръ гавайскій Наполеонъ, Тамегама, принесшій родной странѣ при помощи убійствъ, печальный даръ европейской цивилизаціи, наступила настоящая оргія въ видѣ не только принесенія обязательныхъ человѣческихъ жертвоприношеній, но совершенія цѣлаго ряда само-

убійствъ и добровольныхъ изувѣченій. Втеченіе многихъ лѣтъ годовщина его смерти справлялись народомъ уже не жертвоприношеніями, а тѣмъ, что каждый изъ истинныхъ вѣрноподданныхъ вырывалъ одинъ изъ своихъ переднихъ зубовъ.

Мы уже видѣли, что черная Африка есть избранная страна рабства; поэтому вполнѣ естественно, что культъ погребальныхъ жертвоприношеній послѣ смерти вождей достигаетъ здѣсь своего наибольшаго развитія. Я не говорю уже о болѣе мелкихъ безразсудствахъ, напримѣръ объ обычаѣ таманни, устраивать отверстія въ стѣнахъ гробницы, къ которымъ они періодически подносятъ пальмовое масло и пищу для тѣни умершаго вождя, о честолюбіи бамбарасовъ изъ Каарты, побуждающемъ ихъ, очень дорого платить за старыхъ женъ умершаго повелителя, какъ бы онѣ ни были безобразны, когда владѣлецъ ихъ избавляется отъ нихъ, продавая съ аукціона: быть премникомъ царька въ какомъ бы то ни было смыслѣ, какая честь! Представители высшихъ классовъ на Золотомъ Берегу, когда умиралъ ихъ вождъ, убивали или невольника, которому вмѣнялось въ обязанность сопровождать повелителя послѣ смерти, или жену, которая могла бы готовить для него кушанья.

Когда умиралъ царь въ Бенинѣ, рыли большую и глубокую яму, имѣвшую видъ опрокинутой воронки и черезъ верхнее отверстіе бросали туда массу рабовъ и слугъ, обрекая ихъ на голодную смерть.

Въ Ашантіи, гдѣ постоянно господствуетъ какое-то безуміе убійствъ, въ этомъ отношеніи идутъ еще гораздо дальше. Во-первыхъ, родственники государя въ моментъ его смерти выбѣгаютъ изъ царскаго жилища и безразлично убиваютъ всѣхъ встрѣчающихся имъ на дорогѣ. Затѣмъ слѣдуютъ гекатомбы рабовъ, подвергаемыхъ задушенію сотнями и тысячами, не считая тѣхъ, которыхъ впослѣдствіи періодически отправляютъ въ неземную Ашантію, когда желаютъ что-либо сообщить умершему монарху.

Впрочемъ, это все еще только жертвоприношенія рабовъ, людей низшаго сословія, т. е., низменнаго плебса, который въ дикой странѣ ставится ни во что высокопоставленными лицами. Болѣе своеобразной слѣдуетъ признать неудержимую манію къ

самоубійству, внушаемую рабскимъ рвеніемъ. Англійскій путешественникъ, М. Fynn, былъ свидѣтелемъ такого рода эпидеміи у зулусовъ. Онъ сдѣлалъ объ этомъ подробный докладъ который потерялъ бы много, если бы мы вздумали передать его въ сокращеніи.

Замѣтимъ между прочимъ, что дѣло шло объ оказаніи погребальныхъ почестей не царьку, а только его матери. Собралось около шестидесяти тысячъ человѣкъ, которые втеченіе одного дня и одной ночи, оглашали воздухъ громкими жалобами. Послушаемъ, что говоритъ разсказчикъ: «Послѣ полудня, они столпились вокругъ царя Тшака и пропѣли воинственную пѣснь; то былъ нѣкоторый перерывъ. По окончаніи пѣсни, Тшака приказалъ казнить тутъ же на мѣстѣ нѣсколько человѣка; возгласы и шумъ въ толпѣ значительно усилились. Съ этой минуты всякія приказанія сдѣлались излишними; желая какъ бы доказать повелителю свое крайнее огорченіе, толпа начала между собою всеобщее избіеніе; множество лицъ получили смертельные удары и нанесли таковые же другимъ, такъ какъ всякій старался воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы отмстить за свои личныя дѣйствительныя или вымышленныя обиды. Всѣхъ, кому не удавалось извлечь изъ глазъ слезы или которыхъ заставали у рѣки, утоляющими жажду, убивали возбужденные до безумія соплеменники. Къ вечеру, по моему подсчету въ этой слѣпой рѣзнѣ погибло около семи тысячъ человѣкъ. Ближайшій ручей къ которому устремилось множество людей, чтобы освѣжить свои запекшіяся уста, оказался неприступнымъ, вслѣдствіе массы труповъ, нагроможденныхъ по обѣимъ ея берегамъ; на самой сценѣ дѣйствія,—краалѣ—кровь текла ручьемъ. На второй день по смерти Мнанди (имя покойной), ея тѣло было положено въ широкую яму не далеко отъ того мѣста, гдѣ она скончалась, и десять красивѣйшихъ дѣвушекъ краала были заживо похоронены вмѣстѣ съ нею. Двѣнадцать тысячъ вооруженныхъ воиновъ присутствовали при этой ужасной церемоніи и должны были охранять усыпальницу втеченіе цѣлаго года...

«Какъ ни были чудовищны эти похороны, народъ все-таки остался не вполнѣ ими доволенъ, и, съ общаго согласія пред-

водители предложили приступить къ новымъ жертвоприношеніямъ. Они рѣшили казнить всѣхъ, кто не присутствовалъ на похоронахъ Мнанди, и этотъ отвратительный замыселъ былъ приведенъ въ исполненіе нѣсколькими полками солдатъ, посланными съ этой цѣлью по всей странѣ... Послѣднее и самое изумительное рѣшеніе состояло въ томъ, чтобы втеченіе года всякое рожденіе ребенка или даже только беременность влекли за собой смертную казнь какъ родителей, такъ и ребенка. Это было лишь распространеніе на всѣхъ мѣры, принятой Тшакой въ собственномъ домѣ; вотъ почему онъ далъ на нее свое согласіе и невиннаая кровь лилась втеченіе цѣлаго года». По истеченіи назначеннаго срока Тшака рѣшилъ, что еще одна искупительная жертва должна предшествовать обряду, знаменующему конецъ траура. Однако, это жертвоприношеніе, по настоянію М. Fynn, было отмѣнено; ему удалось убѣдить деспота въ необходимости щадить жизнь своихъ подданныхъ. Одной изъ причинъ, которая побудила Тшака уступить, было то, что ему казалось забавнымъ видѣть, какъ бѣлый является въ роли защитника людей, которые по его мнѣнію были всего лишь *псами*.

Этотъ разсказъ достаточно ярко и полно рисуетъ существующіе ужасы, поэтому я воздержусь отъ дальнѣйшихъ цитатъ въ этомъ же родѣ и ограничусь лишь напоминаніемъ, что первобытные представители современныхъ высшихъ расъ были нѣкогда столь же кровожадны, какъ нынѣшніе африканскіе негры. Повсюду, во времена классической древности, у персовъ, скиѳовъ, грековъ, римлянъ и германцевъ, человѣческія жертвоприношенія играли важную роль въ княжескихъ и королевскихъ погребальныхъ обрядахъ.

Въ этомъ отношеніи какъ и во многихъ другихъ, взглядъ назадъ на путь, пройденный человѣчествомъ, можетъ внушить намъ лишь чувства скромности.

Рядъ фактовъ, только что изложенныхъ мною, лучше всякихъ разсужденій подтверждаетъ мысли, которыми я закончилъ предшествующую главу. Мы прослѣдили, шагъ за шагомъ плачевное развитіе низменныхъ чувствъ, порождающихъ одно другое. Злоупотребленіе силой уничтожаетъ характеръ въ рабѣ, но

вмѣстѣ съ тѣмъ оно развращаетъ и господина. Какъ я уже сказалъ, рабство однихъ производитъ сервилизмъ другихъ. Въ концѣ концовъ оказывается, что весь общественный строй покоится лишь на страхѣ и насиліи. О справедливости здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Какъ можетъ существовать она тамъ, гдѣ произволъ сильныхъ міра сего является высшимъ закономъ подъ давленіемъ котораго исчезаютъ даже зачатки нравственности, возникшіе въ первобытныя времена изъ единственной потребности въ самосохраненіи?

Нравиться господину, служить, поклоняться и безгранично повиноваться ему—вотъ великое, почти единственное, правило нравственности. Оно возводитъ пассивное повиновеніе въ долгъ и освобождаетъ личность отъ оцѣнки и обсужденія поступковъ; благодаря ему въ человѣческомъ сознаніи залегаетъ глубокая, трудно изгладимая черта; складывается наклонность къ подчиненію, къ уступчивости во что бы то ни стало, къ поклоненію передъ силой, вырабатывается однимъ словомъ, цѣлая рабская мораль, которая еще укрѣпляется и религіей. Дѣйствительно, повсюду и всегда на боговъ смотрѣли какъ на незримыхъ деспотовъ, какъ на олицетвореніе земныхъ боговъ, а эти унизительныя позы, которыя приходится принимать передъ земными властелинами, принимаются людьми и при поклоненіи ихъ небеснымъ владыкамъ. Паденія ницъ, цѣлованія земли—все это встрѣчается до сихъ поръ въ нашихъ современныхъ религіозныхъ обрядахъ, которымъ подчиняются машинально, совершенно не понимая ихъ смысла, а между тѣмъ все это представляетъ лишь простое переживаніе прежней рабской мимики.

Я слишкомъ часто говорилъ о происхожденіи нравственныхъ и безнравственныхъ чувствъ, чтобы считать необходимымъ останавливаться здѣсь на печальныхъ послѣдствіяхъ вышеописаннаго рабскаго воспитанія, которому весь родъ человѣческій подчинялся и отчасти еще до сихъ поръ подчиняется.

Послѣдствія отъ подобнаго воспитанія еще слишкомъ сильно даютъ себя чувствовать даже у наиболѣе цивилизованныхъ народовъ. Рабскіе инстинкты дремлютъ въ насъ въ болѣе или менѣе скрытомъ видѣ и слишкомъ часто парализуютъ нашу дѣятельность. По энергическому выраженію итальянскаго кри-

миналиста Романьози, они «отрубають руки у нашего внутренняго человѣка» и дѣлають насъ способными на разныя низости. Человѣчество во всей своей совокупности подверглось продолжительной унизительной дрессировкѣ. Уничтожить слѣды ея невозможно въ одинъ день. Перемѣнить форму правленія, измѣнить текстъ политическихъ конституцій вещи довольно легкія, но изгладить въ сознаніи людей слѣды тысячелѣтняго прошлаго, вызвать подъемъ характеровъ, которые мы получили по наслѣдію отъ предковъ приниженными и рабьими, составляетъ задачу трудную и требующую продолжительнаго времени; тѣмъ не менѣе, чтобы добиться права быть свободными, нужно ее разрѣшить.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ДИКАРСКАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ (*продолженіе*).

I. *Справедливость у дикарей.*—Жестокость дикарей —Свобода нравовъ у дикарей.—Происхожденіе идеи справедливости по М. П. Лафаргу.—Чувство справедливости происходитъ изъ потребности самозащиты.—Законъ возмездія.—Отдаленное происхожденіе закона возмездія.—Законъ возмездія въ Австраліи.—Законъ возмездія и собственность.—Законъ возмездія въ Полинезіи.—Смягченіе закона возмездія и замѣна его „проторями и убытками".—Законъ возмездія въ Африкѣ.—Наказуемость за кражу у мандинговъ.—Наслѣдственный судья у мандинговъ.—Отправленіе правосудія становится царской привилегіей.—Правосудіе короля Мтеза. Строгость царскаго правосудія.—Жестокое наказаніе за кражу и прелюбодѣяніе.—Наказанія за кражу у монголовъ.—Случаи любопытной отвѣтственности у монголовъ.—Правосудіе у атчиносовъ, у аборигеновъ Индіи.—Правосудіе въ варварской Европѣ.—Германская Wehrgeld (вира).—Развитіе идеи справедливости.

II.—*Десять заповѣдей дикарей.*—Четыре заповѣди изъ десяти заповѣдей дикарей.—Нравственное благородство аборигеновъ Индіи.—Патріотизмъ дикарей.

I.—О СПРАВЕДЛИВОСТИ У ДИКАРЕЙ.

Я уже неоднократно указывалъ, что существенное различіе между дикарской моралью и моралью животной составляетъ

исчезновеніе или значительное смягченіе каннибализма. Во всемъ остальномъ обѣ стадіи весьма сходны. У дикихъ народовъ презрѣніе къ человѣческой жизни, грубость половой нравственности, дѣтоубійства и вообще всяческія злоупотребленія силой встрѣчаются еще очень часто. Война ведется попрежнему съ чрезвычайной жестокостью, и самая беззастѣнчивая хитрость продолжаетъ быть основой стратегіи. Положеніе женщинъ все еще остается ужаснымъ. По какому нибудь поводу или безъ всякаго даже повода ихъ бьютъ и убиваютъ. За прелюбодѣяніе женщинъ всегда наказываютъ крайне строго, а между тѣмъ ихъ можно уступить на время или отдать въ наемъ. Ребенокъ все еще составляетъ полную собственность отца: *право отца семейства* безгранично. Одно кафрское племя имѣло обыкновеніе употреблять дѣтей въ видѣ приманки въ западняхъ, устраиваемыхъ для поимки львовъ.

Въ подтвержденіе этихъ общихъ замѣчаній я могъ бы привести массу фактовъ, взятыхъ изъ жизни почти всѣхъ странъ, населенныхъ дикарями; но думаю, что они были бы излишни въ виду перечисленныхъ мною раньше, когда я говорилъ о животной стадіи нравственности.

Отказавшись болѣе или менѣе отъ каннибализма, дикарь все еще не совлекаетъ съ себя ветхаго человѣка и попрежнему очень походитъ на хищное животное. Такимъ образомъ, у ашантіевъ знаменитые воины получаютъ различныя прозвища, смотря по тому способу, какимъ они умерщвляютъ своихъ плѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, называется «отрѣзывателемъ рукъ», другой «отрѣзывателемъ ногъ», третій «проламывателемъ головы посредствомъ камня». Съ другой стороны, господствуетъ еще полная свобода нравовъ. Еще не такъ давно всякій иностранный корабль, прибывавшій въ Таматаву, получалъ право вступать въ торговыя сношенія лишь послѣ того, какъ онъ соглашался принять на палубу столько женщинъ, сколько насчитывалось въ экипажѣ мужчинъ. На Мадагаскарѣ, по словамъ Эллиса, во время празднествъ въ честь дочери Радамы улицы столицы являлись мѣстомъ всеобщаго разврата (*one great brothel*).

Необходимыя идеи метафизиковъ, такъ называемыя вро-

жденныя понятія истины, добра и справедливости блещутъ своимъ отсутствіемъ въ человѣческихъ обществахъ, находящихся на дикарской стадіи развитія.

На языкѣ тонгаійцевъ, какъ и на языкахъ всѣхъ вообще мало развитыхъ народовъ, не было даже словъ для выраженія понятій: «добродѣтель, справедливость, гуманность, порокъ, несправедливость, жестокость, цѣломудріе».

Несмотря однако на всю существующую грубость нравовъ, уже начинаетъ складываться извѣстная идея справедливости; идея эта на первыхъ порахъ отличается крайней безформенностью и грубостью; тѣмъ не менѣе она все-таки уже существуетъ и съ теченіемъ времени прогрессируетъ, мало-по-малу очищаясь вмѣстѣ съ ростомъ общества.

М. П. Лафаргъ, въ своей ученой диссертаціи, пытался недавно доказать, что идея справедливости возникла изъ необходимости производить раздѣлъ земли по прямой линіи, изъ потребности разбивать землю на равныя доли во время періодическихъ передѣловъ. Въ этой теоріи есть доля истины. Древніе египтяне также, повидимому, допускали ее: въ своей системѣ іероглифовъ они символизировали справедливость въ видѣ принятой у нихъ единицы измѣренія, локтя. Но эти болѣе или менѣе правильные передѣлы, вся эта первобытная геометрія, дѣйствительно оставившая многочисленные слѣды въ языкахъ, напримѣръ слово «прямолинейность», слово «прямо», имѣющее смыслъ и въ ариѳметикѣ и въ морали, греческое слово νόμος, которое, очевидно, происходитъ отъ слова νέμω, дѣлить,—все это могло быть изобрѣтено лишь человѣческими обществами, вышедшими уже изъ состоянія первобытной дикости. Такъ напримѣръ, не могло быть ни геометріи, ни передѣла земель тамъ, гдѣ неизвѣстно еще земледѣліе, а между тѣмъ очень многіе изъ первобытныхъ дикарей дѣлаютъ уже различіе между тѣмъ, что дозволено и что недозволено. Развѣ можно было бы думать о справедливомъ раздѣлѣ, если бы не имѣлось уже нѣкотораго понятія о справедливости? Не вѣсы заставили человѣка соблюдать извѣстную равномѣрность при обмѣнѣ, а напротивъ, существовавшее раньше понятіе о такой равномѣрности привело людей къ тому, что они устроили первые вѣсы.

Тѣмъ не менѣе, остроумныя наблюденія Лафарга вѣрны; но они относятся главнымъ образомъ къ тому, что можно назвать экономической стороной справедливости, къ справедливости въ дѣлѣ обмѣна и распредѣленія матеріальныхъ благъ въ первоначальный періодъ развитія, когда общество придерживалось еще въ большей или меньшей степени коммунизма. Между тѣмъ то, что мы называемъ «справедливостью», относится главнымъ образомъ къ покушеніямъ противъ личности.

Самая форма, которую принимаютъ во всѣхъ первобытныхъ странахъ наказанія за преступленіе, съ достаточной опредѣленностью, какъ мнѣ кажется, указываетъ на главный стимулъ, вызвавшій въ человѣческомъ сознаніи чувство справедливости. Такимъ первичнымъ стимуломъ была просто потребность въ самооборонѣ,— простая рефлективная реакція, заставляющая животное такъ же, какъ и человѣка, на ударъ отвѣчать ударомъ.

Въ обществѣ дикарей это безсознательное стремленіе, которому всякій подчиняется совершенно естественно, подъ конецъ породило мысль уравновѣсить испытываемыя несправедливости; такимъ образомъ возникаетъ первый и самый общій изъ уголовныхъ законовъ—законъ возмездія. Онъ, повидимому, дѣйствительно является результатомъ психической эволюціи, общей всему человѣчеству. Мы встрѣчаемъ его во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, повсюду, гдѣ начинаетъ складываться общество. Законъ этотъ не представлялъ собою нѣчто строго кодифицированное. На подобной ступени соціальной эволюціи кодекса еще вовсе нѣтъ,—существуютъ лишь обычаи и нравы. Обыкновенно, предводители и благородныя лица нисколько не заботятся о томъ, чтобы такъ или иначе парализовать и исправлять несправедливые поступки частныхъ лицъ. Предоставляется самому лицу выпутываться изъ дѣла, какъ оно знаетъ; тѣмъ не менѣе, уже появляются дѣйствія, которыя общественное мнѣніе одобряетъ или не одобряетъ. Уже одно то, что осуществленіе закона возмездія, этой первоначальной формы уголовнаго правосудія, на дѣлѣ предоставляется, какъ мы видѣли, лицу, съ достаточной убѣдительностью свидѣтельствуетъ о томъ, что законъ этотъ является лишь нравственной формулой права обороны; такой выводъ подтверждается также и самой грубостью

всѣхъ первобытныхъ наказаній. Ударъ за ударъ, «око за око, зубъ за зубъ», какъ говорили евреи. Дальше этой ясной, но дикой формулы обыкновенно не идутъ, не обнаруживаютъ еще ни малѣйшей попытки взвѣшивать мотивы преступнаго дѣйствія и принимать во вниманіе смягчающія или увеличивающія вину обстоятельства. Вообще психологическіе мотивы преступленія менѣе всего принимаются въ разсчетъ.

Происхожденіе закона возмездія относится, впрочемъ, къ гораздо болѣе отдаленной эпохѣ, чѣмъ дикарская стадія развитія; его встрѣчаютъ у расъ, наиболѣе близкихъ къ животнымъ, напримѣръ у австралійцевъ, у которыхъ онъ нисколько еще не утратилъ своей первобытной грубости; здѣсь законъ этотъ является дѣйствительно формулой инстинкта, рефлективнымъ оборонительнымъ движеніемъ. Такимъ образомъ, австраліецъ выкупаетъ преступленіе, разрѣшая обиженному лицу нанести ему удары копьемъ въ извѣстную часть тѣла, въ руки, бедра или икры, смотря по характеру причиненнаго имъ ущерба. Какъ я уже замѣтилъ, австралійцы не вѣрятъ въ естественную смерть. По ихъ мнѣнію, смерть является вообще, какъ результатъ козней *мулгарадока* или колдуна враждебнаго племени, и всегда происходитъ отъ невидимаго удара. А такъ какъ великій законъ правосудія состоялъ въ томъ, чтобы платить ударомъ за ударъ, то австралійцы считали вполнѣ справедливымъ отмстить за каждаго изъ своихъ умершихъ, умерщвляя одного или двухъ членовъ племени, къ которому принадлежалъ предполагаемый виновникъ, и не заботясь особенно о томъ, чтобы отъ мести пострадало именно самъ предполагаемый виновникъ; смерть считалась за коллективное преступленіе.

Эта странная форма права мести представляетъ, повидимому, особенность, свойственную австралійцамъ, но самый законъ возмездія признается почти всѣми первобытными обществами, у эскимосовъ и родственныхъ имъ камчадаловъ, равно какъ у краснокожихъ и полинезійцевъ. У краснокожихъ общественное мнѣніе считало месть даже обязательнымъ актомъ для обиженнаго. Впрочемъ, повсюду на долю потерпѣвшей стороны, напримѣръ родственниковъ убитаго, выпадало обязательство осуществить законъ возмездія. Предводители племенъ менѣе

всего заботились о возстановленіи нарушенныхъ правъ частныхъ лицъ: воевать и командовать надъ воинами составляло почти единственную ихъ общественную функцію.

Изъ вполнѣ естественной привычки отвѣчать ударомъ на ударъ общественное мнѣніе мелкихъ дикарскихъ обществъ выработало право, а иногда и обязанность, которое вскорѣ затѣмъ стало примѣняться и ко всякаго рода понесеннымъ убыткамъ вообще. Съ этого момента законъ возмездія сталъ одинаково примѣняться безразлично, идетъ ли дѣло о покушеніи противъ личности или противъ собственности, не измѣняя формы: месть, какъ *возмездіе*, обрушивалась также на лицо, и смерть сдѣлалась карой, столь же часто налагаемой за кражу, какъ и за убійство.

Это смѣшеніе лицъ и предметовъ, совпадая обыкновенно съ возникновеніемъ весьма опредѣленно уже обозначившагося института движимой собственности и созданіемъ мѣновыхъ цѣнностей въ видѣ домашнихъ животныхъ, рабовъ, запасовъ пищи и т. д., придало первоначальному закону возмездія особую форму, такъ сказать, коммерческую. Различіе между предметами, составляющими собственность, и людьми исчезаетъ, и поэтому во многихъ дикарскихъ обществахъ кража, въ томъ числѣ и прелюбодѣяніе, начинаетъ уже разсматриваться, какъ величайшее изъ преступленій, подлежащее наказанію и отмщенію, гораздо болѣе строгому и неизбѣжному, чѣмъ убійство.

Такая практика въ теченіе достаточно продолжительнаго времени породила, въ концѣ концовъ, въ сознаніи дикаря то особенное чувство, которое приходится назвать правосудіемъ, такъ какъ изъ него собственно развилось то благородное чувство, которое мы величаемъ въ настоящее время этимъ прекраснымъ словомъ, но это чувство было просто инстинктивнымъ санкціонированіемъ—мести, закона возмездія. Въ Полинезіи это чувство достигло уже такой интенсивности, что заставляло нерѣдко виновныхъ отказаться отъ сопротивленія и покорно переносить месть со стороны потерпѣвшихъ, а въ случаяхъ, когда виновные отказывались, надѣясь на свою силу, населеніе данной мѣстности оказывало дѣятельную поддержку нападавшимъ. Полинезійскій законъ возмездія примѣнялся обык-

новенно въ видѣ *харураа*, т. е. отчужденія всего имущества виновныхъ. Иногда впрочемъ не довольствовались такимъ возмездіемъ, которое можно назвать денежнымъ, хотя въ Полинезіи и не была извѣстна еще монетная система, и виновникъ убытка, въ чемъ бы онъ ни состоялъ, убивался. Въ Новой Зеландіи, какъ мы уже видѣли, вора нерѣдко обезглавливали, причемъ его голова выставлялась на крестообразномъ столбѣ. На Островахъ Товарищества туземцы нерѣдко говорили Куку, что воровство должно наказываться смертью.

Какъ и всѣ другія чувства, чувство справедливости обусловливается общественной средой. Кража, за исключеніемъ похищенія женщинъ, не можетъ существовать ни въ совершенно грубыхъ ордахъ дикарей, ни въ тѣхъ первобытныхъ обществахъ, соціальный строй которыхъ покоится на общности имуществъ. Только съ учрежденіемъ частной собственности кража признается поступкомъ, возбраняемымъ и строго наказуемымъ. Въ Полинезіи общественное мнѣніе потребовало для воровъ установленія смертной казни, потому что тамъ существовалъ институтъ частной собственности въ самой даже крайней его формѣ, такъ какъ признавалось право передавать имущество по завѣщанію. Среди кафровъ единственный остатокъ первобытной общности имуществъ представляютъ передѣлы пахатныхъ земель, предпринимаемые ежегодно предводителемъ; продуктами же всякаго рода и, въ особенности, скотомъ каждый мужчина владѣетъ на правѣ частной собственности и эти частновладѣльческіе, отчуждаемые объекты вліяютъ на нравственность и на представленіе о справедливости дикарей совершенно такъ же, какъ и въ болѣе культурныхъ обществахъ. Бечуаны, напримѣръ, ни во что не ставятъ мать, но по отношенію къ отцу проявляютъ много нѣжности въ особенности когда они разсчитываютъ получить отъ него въ наслѣдство принадлежащихъ ему животныхъ.

Существованіе такой движимой цѣнности, какъ скотъ, который играетъ у кафровъ роль денежной единицы, повлекло за собой еще и многія другія послѣдствія. Стремленіе къ богатству стало господствующимъ желаніемъ, всеобщей мечтой и мало по малу смягчило суровый законъ возмездія первобыт-

ныхъ временъ, превративъ его въ то, что мы привыкли называть вознагражденіемъ за убытки; такимъ образомъ, прелюбодѣяніе, похищеніе, убійство, удары и раны и т. п. стали обыкновенно оцѣниваться числомъ головъ скота и нанесенный уронъ возмещаться такимъ или инымъ количествомъ этого послѣдняго. Особенно легко искупается такимъ способомъ убійство, такъ какъ рогатый скотъ цѣнится высоко, а жизнь человѣческая - весьма низко. Но развѣ и могло быть иначе въ странѣ, гдѣ мужчина всегда пользовался правомъ жизни и смерти надъ женщиной и дѣтьми? Каждый кафръ, напримѣръ, можетъ по собственному произволу колотить жену или стегать ее кнутомъ. Онъ имѣетъ безапеляціонное право убить ее, если она осмѣлилась поднять на него руку, и общественное мнѣніе вполнѣ одобритъ его поступокъ. Впрочемъ въ ихъ странѣ, по-видимому, не смотрятъ на убійство, какъ на дѣйствіе само по себѣ дурное съ нравственной точки зрѣнія. У башапиновъ, говоритъ Бюршель, убійство производитъ волненіе лишь въ семьѣ погибшей жертвы. Убійца ни въ какомъ случаѣ не считается опозореннымъ; ему приходится только бояться мести со стороны заинтересованныхъ лицъ.

Такое элементарное правосудіе встрѣчается повсюду въ Африкѣ, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ еще не приняты кодексъ и мораль ислама.

Повсюду кража строго наказуется, но почти повсюду также провинившійся можетъ откупиться отъ наказанія за надлежащее вознагражденіе. Во многихъ мѣстностяхъ за убійство сами родственники убитаго выполняютъ актъ возмездія. Въ оазисѣ Сіуя, говоритъ Кайо, виновный отдается въ полное распоряженіе родственниковъ жертвы, которые по своей доброй волѣ, убиваютъ, мучатъ или прощаютъ его. А между тѣмъ для другихъ преступленій въ Сіуѣ существуетъ въ нѣкоторомъ родѣ общественное правосудіе. Такъ напримѣръ, кража искупается штрафомъ, уплачиваемымъ извѣстнымъ количествомъ финиковъ или наказывается палочными ударами по бедрамъ виновнаго, которые даются сторожами-привратниками, исполняющими также въ случаѣ надобности и обязанности палачей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшается откупиться отъ нѣкоторой порціи наказанія,

выплачивая, напримѣръ, финиками вмѣсто половины закономъ наложенныхъ палочныхъ ударовъ.

Относительно многихъ чисто чернокожихъ или смѣшанныхъ съ ними племенъ Средней Африки мы хотя, благодаря путешественникамъ, и располагаемъ многочисленными свѣдѣніями, однако эти послѣднія не отличаются достаточной точностью. Тѣмъ не менѣе, противъ кражи здѣсь, повидимому, нерѣдко устанавливаются общиной строгія кары, между тѣмъ какъ убійца чаще всего отдается на произволъ родственниковъ убитаго, согласно древнему обычаю возмездія. Это наблюдается у мандинговъ, у которыхъ родственники погибшаго имѣютъ право забить убійцу до смерти палками. У нихъ также мужчина, виновный въ прелюбодѣяніи, можетъ быть проданъ въ рабство или же онъ долженъ внести выкупъ оскорбленному мужу.

Вору-рецидивисту мандинги отрубаютъ одну руку или же его зарываютъ въ землю по шею и оставляютъ въ такомъ положеніи на солнцепекѣ, предварительно вымазавъ ему лицо медомъ, чтобы привлечь мухъ. Впрочемъ, нравственные взгляды ихъ на кражу отличаются еще большей грубостью, такъ какъ въ ихъ глазахъ кража преступна лишь въ томъ случаѣ, если она наноситъ ущербъ члену ихъ племени; по отношенію же къ чужеземцу она нисколько не предосудительна. У нихъ также, какъ и у большинства дикарскихъ народовъ, чужеземецъ, стоящій внѣ жизни данной племенной группы, вмѣстѣ съ тѣмъ становится и внѣ всякаго закона.

Эти мелкія мандингскія государства интересны еще и въ томъ отношеніи, что среди нихъ обнаруживается уже стремленіе перейти отъ дикарской стадіи къ варварской. Въ сознаніи складывается уже представленіе о правосудіи и объ организаціи его въ своемъ обществѣ. Обязанность отправлять правосудіе поручается спеціально назначаемому наслѣдственному чиновнику, произносящему приговоры послѣ *палабровъ*, т. е. публичныхъ преній, на которыхъ происходилъ допросъ свидѣтелей.

Въ Каартѣ, у бамбарасовъ, мы встрѣчаемъ уже монархію

съ сложной организаціей. Члены царской семьи (Массасси), съ одной стороны, а кузнецы, съ другой, образуютъ тамъ привилегированныя касты, освобождаемыя въ знакъ ихъ превосходства отъ смертной казни. Здѣсь, какъ и во всѣхъ мало-мальски значительныхъ монархіяхъ, царю принадлежитъ въ принципѣ право верховнаго правосудія. Въ этихъ африканскихъ монархіяхъ, возникшихъ, очевидно, вслѣдъ за появленіемъ первобытныхъ племенъ, отправленіе правосудія становится царской привилегіей и обыкновенно сопровождается большой суровостью въ наказаніяхъ. Въ Каартѣ, напримѣръ, кража, убійство и прелюбодѣяніе наказуется смертью, а въ случаяхъ прелюбодѣянія наказанію подвергаются оба виновные. Для лицъ изъ привилегированныхъ кастъ,—кузнецовъ и *массасси,*—смертная казнь замѣняется изгнаніемъ и конфискаціей имущества, а иногда тѣлеснымъ наказаніемъ.

Въ Ашантіи, хотя и управляемой монархомъ-деспотомъ, сохранились отчасти древніе юридическіе обычаи первобытной Африки. Такимъ образомъ, измѣнившая жена предоставляется на полный произволъ мужа (если послѣдній вождь); отъ него зависитъ уже убить ее или пощадить: отрѣзать у нея носъ и отдать ее одному изъ своихъ рабовъ. Точно также убійство человѣка, принадлежащаго къ низшему сословію, безъ труда возмѣщается штрафомъ, выплачиваемымъ семьѣ убитаго, но кража часто наказывается смертью.

Въ Угандѣ царь Мцеза, о которомъ я говорилъ въ предыдущей главѣ, монархъ, прибѣгавшій къ ежедневнымъ казнямъ одной или двухъ женщинъ, чтобы такимъ образомъ разрѣдить слишкомъ густые ряды своего женскаго служебнаго персонала, этотъ маленькій самодержецъ, столь причудливый и жестокій, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ строгимъ охранителемъ нравственности или вѣрнѣе супружескаго права собственности. Однажды, говоритъ Спикъ, онъ приговорилъ къ смерти старца у котораго были раньше отрѣзаны уши за крайнее пристрастіе къ женскому полу, и молодую женщину, бросившую супружескій кровъ и укрывшуюся у своего стараго поклонника. Монархъ не позволилъ обвиняемымъ произнести ни одного слова въ свою защиту и, «во избѣжаніе повторенія такого ужаснаго

преступленія», приказалъ сжечь ихъ на медленномъ огнѣ, продливъ страшное мученіе возможно дольше, при помощи операціи, состоявшей въ томъ, что имъ ежедневно отрубали одинъ изъ членовъ, которые пожирали ястребы на ихъ же глазахъ».

Какъ я уже замѣтилъ, наказанія, назначаемыя всемогущими царьками, по ихъ собственному произволенію, часто отличаются большей строгостью, чѣмъ месть со стороны потерпѣвшихъ лицъ, согласно первобытному обычаю возмездія: пріятно проявить свою власть.

Въ общихъ чертахъ нравы и обычное право негритянской Африки встрѣчаются почти повсюду среди дикихъ племенъ всѣхъ расъ. Кража и прелюбодѣяніе, на которое смотрятъ съ точки зрѣнія кражи, всегда наказывается крайне строго, нерѣдко гораздо строже, чѣмъ преступленія противъ личности. Въ Бутанѣ, говоритъ одинъ индусскій авторъ, воръ, по отбытіи имъ тюремнаго заключенія въ теченіе шести мѣсяцевъ или года, продается въ рабство; его имущество конфискуется, а иногда постановленный надъ нимъ приговоръ простирается даже и на его родственниковъ.

Дѣйствительно, въ дикарскихъ обществахъ на наказаніе смотрятъ такъ же, какъ и на месть, и охотно примѣняютъ къ нему начало круговой отвѣтственности. Тѣ же самыя народности Бутана, которыя такъ строго относятся къ воровству, не особенно сильно возмущаются убійствами; имущій убійца всегда можетъ отдѣлаться отъ отвѣтственности, уплативъ сто двадцать рупій Дебо-Радже.

Дѣло въ томъ, что въ небольшихъ первобытныхъ монархіяхъ, въ которыхъ царекъ самъ отправляетъ правосудіе, штрафы и вознагражденія, поступавшіе прежде въ пользу потерпѣвшей стороны, начинаютъ обогащать царскую казну: это значительный источникъ доходовъ.

Во время Марко Поло татары наказывали за мелкія кражи палочными ударами, но похитившихъ лошадь или цѣнный предметъ разрубали мечемъ пополамъ; богатые, однако, могли откупаться, уплативъ сумму въ девять разъ превосходящую цѣнность похищеннаго.

Калмыки заставляли вора возвратить украденный предметъ

налагали на него штрафъ и кромѣ того отрубали одинъ палецъ; наоборотъ, за убійство можно было откупиться, выплативъ значительный штрафъ. Иногда убійцу обязывали взять съ себѣ жену и дѣтей убитаго. Относительно увѣчій и ранъ у нихъ уже существовалъ опредѣленный тарифъ, подобный тому, съ какимъ мы впослѣдствіи встрѣтимся у германцевъ: столько-то слѣдовало заплатить за ухо, столько-то за руку, столько-то за каждый палецъ и т. д.

Другіе монголы установили отвѣтственность за то, за что въ Европѣ никогда никто и не помышлялъ наказывать. Такъ, налагались штрафы въ видѣ верблюдовъ или рогатаго скота на лицо, страдавшее оспой, когда оно заразило своей болѣзнью другихъ людей.

Точно также отказъ въ гостепріимствѣ, повлекшій за собой серьезныя послѣдствія, наказывался штрафомъ. Подобные гуманные законы неизвѣстны въ совершенно дикихъ обществахъ; они свидѣтельствуютъ о значительномъ уже нравственномъ прогрессѣ; такимъ образомъ, монголы относятся скорѣе къ типу варваровъ, чѣмъ дикарей. Но возвратимся къ нашему предмету.

Атчиносы наказываютъ вора утопленіемъ, и послѣ казни тѣло преступника выставляется въ теченіе нѣсколькихъ дней. Они не смотрятъ на прелюбодѣяніе, какъ на простую кражу, что показываетъ, что они уже высвободились изъ нравственности, свойственной дикарской стадіи развитія; они придумали для даннаго преступленія особаго рода наказаніе. Мужчинѣ, виновному въ прелюбодѣяніи, даютъ оружіе и ставятъ его въ кругъ вооруженныхъ же мужчинъ; затѣмъ ему предоставляется пробить себѣ путь оружіемъ, если онъ будетъ въ состояніи это сдѣлать.

Среди первобытныхъ и довольно интересныхъ народностей Бенгала мы снова встрѣчаемъ существеннѣйшія черты первобытной юридической морали. У кукисовъ законъ возмездія имѣетъ такую необычайную силу, что если тигръ растерзаетъ человѣка, то вся семья послѣдняго подвергается опалѣ, пока она не возстановитъ своей репутаціи, убивъ и съѣвъ виновнаго или какого-нибудь другого тигра. Тѣ же кукисы предо-

ставляютъ мужу право наказать свою жену за прелюбодѣяніе. Мужья изъ племени Мисми, преслѣдующіе во всемъ главнымъ образомъ пользу, закрываютъ глаза на *связи* своихъ женъ, лишь бы послѣднія продолжали служить имъ: они мстятъ только за похищеніе ихъ.

У кандовъ убійства и увѣчья разсматриваются, какъ частныя дѣла; они оцѣниваются матеріально. Иногда все имущество убійцы переходитъ къ семьѣ убитаго.

У кукисовъ предводитель, раджа, считается существомъ, одареннымъ особыми свойствами; онъ же олицетворяетъ собой и правосудіе. Въ случаѣ убійства не только виновникъ, но и вся его семья становится его рабами. Съ другой стороны, всѣ деревенскія женщины, замужнія или дѣвушки находятся въ полномъ его распоряженіи.

Переходя къ аборигенамъ Индіи, мы не можемъ не отмѣтить нѣкоторыхъ своеобразныхъ чертъ весьма возвышенной нравственности; они сдѣлали бы честь даже несравненно болѣе передовой цивилизаціи.

У кукисовъ одно лишь преступленіе наказуется смертью, а именно измѣна.

Истый гондъ можетъ совершить убійство, но онъ никогда не станетъ лгать.

Ораоны считаютъ лжесвидѣтельство очень большимъ преступленіемъ.

Точно также малеры не знаютъ болѣе серьезной вины, чѣмъ ложь.

На зарѣ нашей европейской исторіи, наши предки-дикари понимали правосудіе еще въ самомъ его примитивномъ смыслѣ, въ томъ самомъ, какъ я указалъ выше на примѣрахъ многихъ народовъ изъ разныхъ расъ.

По одному закону фризовъ вора слѣдовало привести къ морю, отрѣзать тамъ ему уши, затѣмъ подвергнуть кастраціи и, наконецъ, принести его въ жертву богамъ.

Уложенія германцевъ и англо-саксонцевъ разрѣшаютъ убивать вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія.

У франковъ, несостоятельный должникъ становился крѣпостнымъ своего кредитора.

Но въ тоже время франкъ, въ припадкѣ вспыльчивости могъ убить свою жену, не подвергаясь никакому другому наказанію, какъ лишенію права носить оружіе въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Франкское законодательство предписывало конфискацію наслѣдства у тѣхъ дѣтей, которыя не преслѣдовали убійцы своего отца.

Въ первобытныхъ законодательствахъ германскихъ племенъ деньги играютъ весьма большое значеніе. Отъ всего можно избавиться при помощи наличныхъ денегъ. Такимъ образомъ, всѣ преступленія и проступки разсматриваются просто съ точки зрѣнія нанесеннаго убытка, а не съ точки зрѣнія абстрактной справедливости.

Необходимо привести хотя нѣсколько образчиковъ изъ любопытнаго тарифа, называвшагося *Wehrgeld* [1]).

Я ихъ беру изъ различныхъ законодательствъ первобытной Германіи: изъ салическаго закона, изъ кодекса вестготовъ, изъ законодательныхъ фризовъ, алеманновъ, рикуаровъ, англовъ, ломбардовъ и т. д. Прежде всего однако замѣтимъ, что этотъ тарифъ имѣлъ въ виду, очевидно, только лицъ изъ правящихъ классовъ. Дѣйствительно, размѣръ указываемаго въ немъ штрафа, былъ по тѣмъ временамъ крайне высокъ. Наконецъ онъ не могъ примѣняться къ массѣ рабовъ, на которыхъ господинъ имѣлъ всѣ права.

А теперь я приведу этотъ тарифъ:

«Если свободный человѣкъ ударитъ по головѣ другого, то онъ заплатитъ за простую опухоль пять экю золотомъ.

«За разрывъ кожи, *pro cute rupta*—десять экю золотомъ.

«За переломъ кости,—100 экю.

«Если кто-нибудь схватитъ другого за волосы одной рукой—то платитъ 2 экю.

«Двумя руками—4 экю.

«За глазъ—100 экю.

«За отрубленный или отдавленный большой палецъ—50 экю

---

[1]) Wehr—запрещеніе, Geld—деньги, цѣнность: плата за запрещенныя вещи.

«За указательный—40 экю.

«За мизинецъ—10 экю.

«Если одинъ человѣкъ отрѣжетъ другому верхнюю морщину на лбу, то платитъ—2 экю.

«За вторую морщину—4 экю.

«За рану на верхнемъ вѣкѣ, влекущую за собой невозможность закрыть глазъ—6 экю.

«*Si quis, et modo faktum esse cognoscitus, mulierem aut puellam sedentem ad necessitatem corporis, vel in alio loco, ubi ipsa fœmina pro sua necessitate, nuda esse videatur, pungere aut percutere præsumpserit, componat ad octoginta* (80) *solidos.*

«За обозваніе женщины б . . . . . —15 экю золотомъ.

«Если кто относится къ человѣку, какъ къ трусу, разсказывая про него, что онъ бѣжалъ съ поля битвы, тотъ платитъ пени—3 экю.

«Кто *безъ доказательствъ* уличаетъ другого въ доносѣ, тотъ платитъ—15 экю.

«*Si mulieris vestimenta levaverit, ut usque ad genua denudet, sex* (6) *solidos componat; si eam denudaverit ut genitalia ejus appareant, vel posteriora, duodecim* (12) *solidos.* (*Lex Alamanorum*, tit. LVIII. 1).

«Кто проткнетъ глазъ лошади, быку или вообще животному, принадлежащему другому, тотъ заплатитъ третью часть цѣнности животнаго».

Въ Валлисѣ (въ 914 г.) тремя коровами штрафовали виновнаго въ ложной клятвѣ; двѣнадцатью за похищеніе дѣвушки; восемнадцатью за похищеніе матроны.

V глава законодательства фризовъ озаглавлена такъ: «*О мужчинахъ, которыхъ можно убивать безъ вознагражденія*».

По законамъ бургундовъ можно было убить земледѣльца или пастуха за 30 экю; ювелира за 150; слесаря за 50; плотника за 40 и т. д.

На этомъ я остановливаю свой перечень. Для насъ, имѣющихъ, вообще, совершенно другое представленіе о правосудіи и объ оцѣнкѣ различныхъ преступленій, эти тарифы совершенно чужды; они насъ поражаютъ, когда мы впервые узнаемъ о

нихъ. Но кто задался цѣлью, какъ это я старался сдѣлать выше, прослѣдить происхожденіе идей о правосудіи у народовъ всѣхъ племенъ, тотъ несомнѣнно тотчасъ же убѣдится, что эти денежные штрафы въ первобытной Европѣ не представляютъ собой ничего исключительнаго. Онѣ являются на зарѣ нашей исторической эпохи простымъ продолженіемъ первобытнаго дикарства, общаго всему роду человѣческому въ извѣстный моментъ его развитія. У африканскихъ негровъ вознагражденіе опредѣляется такимъ или инымъ количествомъ головъ скота, а у германцевъ оно исчислялось на золото, такъ какъ у нихъ уже была монета. Западные афганцы, которые тоже имѣютъ первобытные взгляды на убытки, оцѣниваютъ ихъ числомъ дѣвушекъ: за убійство полагается 15 дѣвушекъ; за увѣчье руки, уха или носа—6; за зубъ—3 и т. д.

Мы можемъ теперь сдѣлать общее резюмэ перечисленныхъ нами фактовъ и очертить въ краткихъ словахъ развитіе идеи справедливости.

Въ самомъ началѣ мы имѣемъ дѣло съ простымъ рефлективныхъ актомъ, инстинктомъ самозащиты, основаннымъ на потребности самаго организма; человѣкъ, получившій ударъ или рану, почти машинально отвѣчаетъ на ударъ ударомъ. Но достаточно незначительнаго размышленія, чтобы этотъ инстинктъ зародилъ въ человѣкѣ понятіе о первомъ юридическомъ законѣ, а именно о законѣ возмездія: око за око, зубъ за зубъ. Этимъ закономъ были вполнѣ довольны и примѣняли его со всей грубой суровостью первобытнаго человѣка до того момента, пока не существовало частной собственности. Позднѣе, когда возникли уже идеи объ обмѣнѣ, торговлѣ, мѣновыхъ цѣнностяхъ, жестокость дисциплинировалась подъ давленіемъ матеріальнаго интереса. Женщины и дѣти были первою цѣнностью, затѣмъ рабы, домашнія животныя, запасы пищи и наконецъ земля, годная для обработки. Съ этого момента являются богачи и бѣдняки, помимо, конечно, рабовъ, которые представляли простую мѣновую цѣнность. Тогда-то рѣшились промѣнять сладость мести, въ сущности всегда безплодной, на вознагражденіе, которое можно назвать денежнымъ.

Съ этой же минуты предводители, пастыри народа, которые,

въ принципѣ, нисколько не заботились о возстановленіи нарушенныхъ частныхъ интересовъ, стали требовать признанія за собой права быть верховными судьями: дѣйствительно частная месть съ этого момента замѣнилась штрафомъ, а штрафы всегда пріятно собирать въ свою пользу.

Все это очень грубо, но однако изъ этой грубости родилась мысль, возникло чувство, свидѣтельствующее о болѣе возвышенной справедливости. Законъ возмездія доставлялъ потерпѣвшей сторонѣ лишь удовлетвореніе чувства мести, но онъ совершенно не затрогивалъ вопроса о законности мести въ извѣстныхъ случаяхъ. Идея абстрактной справедливости могла сложиться въ умѣ и сознаніи людей только тогда, когда право самовольной расправы было отнято у частныхъ лицъ. Нельзя было уже самовольно мстить; штрафы же, представлявшіе большую приманку, стали присваивать себѣ предводители; вслѣдствіе этого на инстинкты стяжанія была наложена узда и явилась возможность составить болѣе идеальное представленіе о справедливости. Это высшее представленіе осталось несомнѣнно въ зародышевомъ состояніи въ сознаніи дикарей, даже наименѣе отсталыхъ, но во всякомъ случаѣ, оно развивалось хотя и медленно, вмѣстѣ съ развитіемъ умственныхъ способностей и расширеніемъ человѣческихъ чувствъ. Позднѣе мы встрѣтимъ его въ полномъ расцвѣтѣ.

Итакъ, эта жажда полной широкой справедливости, которую испытываютъ лучшіе изъ насъ и изъ которой возникаетъ столько негодованій, столько порывовъ, это чувство, столь могучее, что стариннаго слова *справедливость* достаточно, чтобы растрогать насъ, все это есть лишь ослабленное и запечатлѣнное въ нашихъ клѣточкахъ эхо безчисленныхъ несправедливостей, перенесенныхъ нашими предками, вмѣстѣ съ идеализаціею и медленнымъ расцвѣтомъ первобытнаго инстинкта мести.

Еще одинъ разъ этнографическая соціологія дала намъ возможность описать происхожденіе великаго нравственнаго стимула, источникъ котораго голый разумъ не въ силахъ былъ намъ открыть.

II.—Десять заповѣдей дикихъ народовъ.

Выраженіе «десять заповѣдей» не совсѣмъ точно. Хотя многіе первобытные народы имѣютъ уже десятичную систему, но они не примѣняютъ ее къ этикѣ. Ихъ общественное сознаніе не доросло еще до выработки опредѣленнаго кодекса ихъ морали, еще довольно смутной, а когда, группируя наблюденія и документы, какъ мы это попробуемъ сдѣлать, стараются выдѣлить изъ картины нравовъ нѣкоторыя общія данныя и формулировать ихъ въ видѣ заповѣдей, то далеко не насчитываютъ десяти.

Первая заповѣдь, значительно выдѣляющаяся надъ всѣми другими и составляющая дѣйствительную основу этики, есть слѣдующая:

«Подчиняйся своему господину всегда и во всемъ».

Всякое нарушеніе этого верховнаго предписанія неминуемо влечетъ за собой кару. Вотъ почему рабское воспитаніе низшихъ шло такъ успѣшно, что не оставляло желать ничего лучшаго.

У Лонгобардовъ однимъ закономъ запрещалось даже въ помыслахъ вредить господину: «*Si quis contra animam regis* cogitaverit, *animæ suæ incurrat periculum et res ejus infiscentur*».

Вторая заповѣдь:

«Не похищай добра ближняго твоего, ни жены его».

У большинства дикихъ народовъ похищеніе всякаго рода орудій, оружія, домашняго скота, рабовъ, женщинъ и запасовъ пищи считается самымъ тяжелымъ преступленіемъ послѣ неповиновенія или недостатка уваженія къ верховной власти. Вотъ почему въ умѣ большинства людей должно было сложиться понятіе о необходимости относиться хотя бы наружно съ уваженіемъ къ чужой собственности.

Третью заповѣдь можно формулировать такимъ образомъ:

«Будь храбръ на войнѣ—и тебѣ не запрещается быть жестокимъ».

Человѣкъ не явился моментально и не представлялъ сразу

же нѣчто исключительное, какъ бы выточенное изъ особеннаго камня; еще до образованія всякаго общества онъ уже былъ склоненъ къ воинскимъ доблестямъ: его животные предки нуждались въ нихъ. Вотъ почему у большинства первобытныхъ народовъ воинская храбрость становится явленіемъ, можно сказать, зауряднымъ. Ниже я скажу, во что она превращается въ культурныхъ обществахъ.

Четвертая заповѣдь:

«Ты будешь убивать съ осторожностью, тщательно избѣгая нападать на сильныхъ».

Само по себѣ убійство, каково бы оно ни было, считается актомъ, мало или даже вовсе не заслуживающимъ порицанія. Каждому принадлежитъ право самозащиты. Но убійство влечетъ за собою непріятности и опасности. Родственники, друзья или владѣльцы убитаго часто преслѣдуютъ *местью*, требуютъ вознагражденія. Ихъ удовлетворяютъ, когда это возможно, и такимъ образомъ обезоруживаютъ Изъ подобныхъ столкновеній, несомнѣнно, возникло смутное представленіе о справедливости, сознаніе, что вредъ причиненный другому, даетъ послѣднему право на извѣстное вознагражденіе и, кромѣ того, появился первый зародышъ уваженія къ человѣческой жизни.

Эти четыре заповѣди обнимаютъ собою почти все, что заключаетъ въ своемъ первоисточникѣ мораль дикарей.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ, впрочемъ, обрисовываются уже болѣе возвышенныя понятія; появляются предтечи, совершающіе иногда геройскіе и безкорыстные подвиги, которые наблюдаются, какъ исключительные факты, и въ животномъ мірѣ. Материнство въ особенности много содѣйствовало въ дѣлѣ болѣе возвышеннаго воспитанія дикаря. Въ первобытныхъ странахъ кормленіе грудью длится нѣсколько лѣтъ; материнская же любовь поддерживаетъ и развиваетъ въ женщинѣ наклонности къ преданности и самоотверженію, которыя неизбѣжно въ большей или меньшей степени передаются мужчинамъ по наслѣдству. Если общественная среда благопріятствуетъ имъ, если подобныя благородныя аномаліи оказываются полезными для общины, то ихъ будутъ поощрять и онѣ могутъ послужить основой дальнѣйшему этическому прогрессу. Но это бываетъ очень рѣдко:

вотъ почему человѣчество и коснѣетъ втеченіе цѣлыхъ историческихъ цикловъ на дикарской стадіи нравственнаго развитія. Но эти нравственныя аномаліи, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ отмѣтить, и прежде всего аномаліи индивидуальнаго характера. Такъ Мунго-Паркъ видѣлъ въ Сенегамбіи негритянку, которая, слѣдуя за своимъ тяжело раненымъ сыномъ, въ отчаяньи причитала и восхваляла несчастнаго: «Онъ никогда не лгалъ, о нѣтъ, никогда!» выкрикивала она. Между тѣмъ, по единогласному отзыву путешественниковъ, въ черной Африкѣ ничто не встрѣчается такъ рѣдко, какъ правдивость.

Еще болѣе любопытными представляются этническія исключенія, встрѣчающіяся впрочемъ крайне рѣдко въ дикихъ странахъ, когда племена, общественныя группы считаютъ для себя нравственно обязательнымъ проявлять извѣстныя возвышенныя добродѣтели. Я уже указывалъ на отвращеніе ко лжи и предательству у нѣкоторыхъ народцевь, исконно населявшихъ Бенгалъ. Если вѣрить Уэллесу, то къ нимъ слѣдуетъ причислить также и кровожадныхъ *охотниковъ за головами* въ Борнео, даяковъ. На эти факты слѣдуетъ обратить вниманіе. Какъ бы ни было незначительно число ихъ, тѣмъ не менѣе они достаточно убѣдительно доказываютъ, что, благодаря одной лишь эволюціи и факторамъ, направляющимъ ее, хорошее можетъ добровольно возникать изъ худого, нравственное благородство— изъ дикости.

Къ четыремъ вышеупомянутымъ заповѣдямъ слѣдуетъ прибавить еще одну, хотя и не имѣющую особеннаго значенія для дикарей, но играющую весьма важную роль въ системѣ будущей нравственности:

«Защищай племя, къ которому принадлежишь; истребляй своихъ враговъ; люби свою родину, будь патріотомъ».

Я уже упоминалъ объ этомъ первобытномъ патріотизмѣ, встрѣчающемся рѣже у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ. Онъ является могучимъ нравственнымъ стимуломъ, питаетъ храбрость и пріучаетъ къ выносливости. Безъ патріотизма племя гибнетъ, или, какъ это случилось съ слишкомъ уже добродушными эскимосами, принуждено искать убѣжища въ мѣстностяхъ мало привлекательныхъ по своимъ климатическимъ или топогра-

фическимъ условіямъ. Вообще дикарь рѣдко переселяется,— этому мѣшаетъ существующее издавна разселеніе племенъ и ихъ непрерывное соперничество. Кромѣ того, будучи очень плохо защищенъ противъ воздѣйствія разныхъ внѣшнихъ факторовъ природы, дикарь очень чувствителенъ къ климатическимъ перемѣнамъ.

Втеченіе очень и очень продолжительнаго времени, поколѣнія дикарей живутъ и умираютъ на одномъ и томъ же клочкѣ земли, который, по необходимости, является для нихъ единственной кладовой для пищи. Этотъ клочокъ имъ извѣстенъ вдоль и поперекъ, здѣсь на каждомъ шагу они наталкиваются на воспоминанія ранняго дѣтства, и чрезвычайно привязываются къ этому клочку земли. Въ ихъ глазахъ, это лучшій уголокъ во всемъ мірѣ, подъ какой бы широтой онъ ни находился. Такое отношеніе является всеобщимъ. Мы встрѣчаемся съ нимъ и на Конго, въ Дарфурѣ на Огненной Землѣ и у эскимосовъ. Въ Африкѣ, Америкѣ и т. д., туземцы, покинувшіе по какимъ либо обстоятельствамъ родину, стремятся поскорѣе возвратиться назадъ, а по мнѣнію оставшихся жить на родинѣ, это именно очаровательная прелесть ея привлекаетъ европейцевъ.

Любовь къ родной землѣ, занятой мелкой племенной группой, складывается одновременно съ глубокой ненавистью къ другимъ соперничающимъ группамъ. Любовь къ родинѣ, маленькой или обширной, и ненависть къ иностранцу—вотъ два дополняющихъ другъ друга чувства, какъ у дикаря такъ и у цивилизованнаго человѣка. Часто, какъ напримѣръ у краснокожихъ, эта ненависть отличается особенною свирѣпостью, интенсивностью; она становится почти единственнымъ нравственнымъ правиломъ, которое они внушаютъ своимъ дѣтямъ. Вредить сосѣдямъ всѣми возможными средствами, вотъ одно изъ ихъ главныхъ нравственныхъ правилъ.

Этическія начала складываются или распадаются очень медленно.

Разъ врѣзавшись въ человѣческое сознаніе, нравственныя или безнравственныя наклонности измѣняются и, въ особенности, вовсе исчезаютъ лишь съ большимъ трудомъ. Вотъ почему наиболѣе существенныя изъ особенностей дикарской морали, пере-

численныя мною выше, встрѣчаются снова на болѣе позднихъ стадіяхъ умственной эволюціи. Однако, мало-по-малу, и они претерпѣваютъ постепенныя измѣненія, причемъ одни изъ нихъ усиливаются, другія ослабляются или принимаютъ болѣе чистый характеръ, идеализируются. Наконецъ, новыя нравственныя пріобрѣтенія присоединяются со временемъ къ старому запасу, заготовленному первобытными предками.

Но все существенное, остовъ будущей этики, уже заключается въ выше приведенныхъ грубыхъ заповѣдяхъ дикарей. Необходимо замѣтить, прежде чѣмъ идти дальше, что эти кардинальныя положенія созданы вовсе не какими нибудь исключительными религіозными личностями, или провозвѣстниками истины; они возникли, благодаря совмѣстной жизни, непосредственно изъ столкновенія человѣческихъ потребностей и страстей; они представляютъ собой тотъ минимумъ правилъ, обязанностей, которыхъ необходимо людямъ придерживаться, какъ только они начинаютъ жить въ обществѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ТРЕТЬЯ СТАДІЯ ЭТИКИ.

Нравственность варваровъ.

I. *Мораль варваровъ.* — Общественный строй варваровъ. — Онъ былъ лабораторіей для послѣдующей цивилизаціи.

II. *Древняя Мексика.*—Американское происхожденіе мексиканской и перуанской цивилизаціи. — Самодержавная монархія въ Мексикѣ. — Привилегіи монарха. — Правосудіе въ древней Мексикѣ.—Бракъ и семья. —Собственность.—Рабство.—Религіозный каннибализмъ.—Воинственные нравы.—Гладіаторы.—Религіозное жертвоприношеніе. — Жрецы. — Аналогія съ католичествомъ. — Соединеніе дикости съ варварствомъ.

III. *Древній Перу.* — Превосходство перуанской цивилизаціи надъ мексиканской въ нравственномъ отношеніи. — Перуанское уложеніе о наказаніяхъ.—Теократическія касты.—Государственный соціализмъ. — Обязательный бракъ. — Ежегодные передѣлы земель. — Миссія Инки,

I. — Опредѣленіе.

Обществами варваровъ мы считаемъ такія общества, которыя, окончательно высвободившись изъ дикаго состоянія, не только отказались отъ людоѣдства, за исключеніемъ иногда религіозной антропофагіи, но и создали сложную общественную организацію. Въ этихъ обществахъ существуютъ уже не только общественые классы или вѣрнѣе касты, но также обязательные кодексы законовъ и нравственность съ строго опредѣленными правилами.

Подобнаго рода государства, чаще всего монархическія или имѣющія болѣе или менѣе сильную тенденцію превратиться въ монархію, и притомъ монархію деспотическую, образовали въ различныхъ пунктахъ земного шара какъ бы отдѣльные острова, которые мало-по-малу возникали изъ общей атмосферы дикости и, несмотря на свою грубость, становились культурными очагами, лучеиспускательная сила которыхъ была про-

порціональна продолжительности ихъ существованія. Египетъ, великія имперіи Центральной Америки, Китай, древнія семитическія монархіи, Индія, затѣмъ Греція и Римъ были главнѣйшими центрами, въ которыхъ медленно вырабатывалось то, что мы называемъ цивилизаціей, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи. Я послѣдовательно займусь изученіемъ каждой изъ нихъ съ этической точки зрѣнія.

II. — О нравственности въ древней Мексикѣ.

Благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ, мы начинаемъ составлять себѣ вѣрное представленіе о любопытныхъ государствахъ Центральной Америки, о которыхъ было вымышлено нѣкогда столько басенъ. Прежде всего мы теперь узнаемъ, что ихъ существованіе было недолговѣчно. Они возникли несомнѣнно всего лишь за нѣсколько столѣтій до грубаго завоеванія и разрушенія ихъ испанцами; причемъ сложились они самопроизвольно, помимо всякаго вмѣшательства миѳическихъ цивилизаторовъ, невѣдомо откуда пришедшихъ. Они связаны непосредственно съ туземнымъ американскимъ населеніемъ и представляютъ собою наиболѣе крупное проявленіе его умственныхъ, нравственныхъ и соціальныхъ силъ. По сосѣдству съ ними существовали впрочемъ еще и другія государства, менѣе значительныя, но вполнѣ аналогичныя. Республика Тласкала, напримѣръ, представляла организацію, весьма сходную съ общественнымъ строемъ Мексики. Боготская монархія въ Новой-Гренадѣ имѣла еще болѣе сходства съ имперіей Ацтековъ. Это была многочисленная нація, располагавшая обширными городами и законами, имѣвшая судей, наказывавшихъ за преступленія, и самодержавнаго государя, къ которому можно было приблизиться, лишь отвернувши лицо; его носили въ паланкинѣ по дорогамъ, усыпаннымъ цвѣтами, ему преподносили всякаго рода подарки и на немъ же лежали обязанности взимать подати. Земледѣліе достигло тамъ значительнаго развитія; частная собственность была уже введена, и т. д. Прибавимъ къ этому, что еще и по настоящее время исконные жители Центральной Америки отличаются въ большинствѣ случаевъ кроткимъ и покорнымъ нравомъ, пассив-

нымъ характеромъ; всюду, гдѣ только Испанцы пожелали, они ихъ подчинили.

Въ Мексикѣ, несмотря на сравнительно блестящія внѣшнія проявленія цивилизаціи означеннаго склада, нравы, свойственные дикому состоянію, далеко еще не исчезли, на что указываетъ уже самая форма правленія. Такъ, царемъ мексиканцы избирали всегда одного изъ братьевъ покойнаго монарха, а за отсутствіемъ таковаго—одного изъ его племянниковъ, что, очевидно, представляетъ старинный остатокъ первобытной семьи, ведущей родство по материнству. Этотъ монархъ пользовался неограниченной властью, былъ окруженъ рабскимъ почтеніемъ, а по блеску придворнаго церемоніала, мексиканскій дворъ сильно походилъ на самыя деспотическія монархіи Востока. Монтезума требовалъ, чтобы ему прислуживали исключительно представители благороднаго класса, и поэтому отъ пятисотъ до шестисотъ крупныхъ вассаловъ обязаны были ежедневно присутствовать при его пробужденіи. Въ его гаремѣ было не менѣе трехъ тысячъ женщинъ, а во время его трапезъ, отличавшихся постоянно пышностью, ему подавали блюда красивыя молодыя дѣвушки. Ниже его и въ подчиненіи у него стояла многочисленная родовая аристократія. Затѣмъ шли промышленныя корпораціи, въ которыхъ профессія преемственно передавалась отъ отца къ сыну; наконецъ, рабы; но рабство въ Мексикѣ въ противоположность другимъ государствамъ, что дѣлаетъ ей честь, не имѣло наслѣдственнаго характера: въ Мексикѣ никто не рождался рабомъ. Существовали также писанные законы, начертанные іероглифическими знаками. Постоянные суды, подчиненные верховному судьѣ, назначаемому царемъ и отправлявшіе правосудіе подъ его контролемъ, существовали въ каждой провинціи; неправедный судья подвергался смертной казни.

Обвиняемый давалъ клятву, носившую религіозный характеръ.

Измѣна царю естественно считалась величайшимъ преступленіемъ; за нее наказывали четвертованіемъ. Родственники, знавшіе о замыслахъ преступника и не донесшіе о нихъ, обращались въ рабство.

Налагаемыя наказанія были просты, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ужасны.

Смерть всякому, осмѣлившемуся присвоить себѣ царскіе знаки, дурно поступившему съ посланникомъ или посланцомъ, подымающему возмущеніе, нарушающему границы собственности. Смерть убійцѣ и даже господину, убившему своего раба. Замѣтимъ кстати, что послѣднее свидѣтельствуетъ о возвышенности морали.

Смерть мужу, умертвившему свою невѣрную жену, не за убійство, совершенное имъ, а за незаконное присвоеніе себѣ функцій судьи.

Не смотря на это, невѣрность считалась гнуснымъ преступленіемъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ она влекла за собой четвертованіе виновной. Въ другихъ же судьи предписывали обыкновенно мужу отрѣзать преступной женѣ носъ и уши.

Въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся съ остаткомъ стариннаго права возмездія и имѣемъ новый образчикъ странныхъ наказаній, налагавшихся въ первобытныя времена на невѣрную жену въ различныхъ странахъ и у различныхъ племенъ.

Прелюбодѣяніе мужа, само собою разумѣется, не влекло никакихъ дурныхъ послѣдствій, если только вѣтреный мужъ не совершилъ его съ замужней женщиной. Напротивъ, если онъ зналъ о безпорядочномъ поведеніи своей жены и прощалъ ей, то самъ подвергался строгому наказанію, а иногда даже и смерти.

Какъ всѣ туземцы Америки, мексиканцы были склонны къ разнымъ противоестественнымъ порокамъ. Противъ подобныхъ извращеній природы была установлена смертная казнь, на которую такъ щедры всѣ первобытные кодексы; но законъ, по всѣй вѣроятности, не примѣнялся, такъ какъ, если вѣрить Берналу Діацу, мексиканцы часто и открыто предавались содоміи: «Erant quasi omnes sodomia commaculati et adolescentes multi, muliebriter vestiti, ibant publice, cibum quaerentes ab isto diabolico et abominabili labore».

Полигамія разрѣшалась, но несмотря на это положеніе женщины было, повидимому, довольно сносно. Родители наставляли своихъ дочерей цѣломудрію, хотя, по словамъ Клавигеро, за свободную любовь до брака не было установлено закономъ наказаній.

Подобно тому, какъ и во всѣхъ другихъ обширныхъ первобытныхъ монархіяхъ, дѣти находились въ безпрекословномъ подчиненіи у родителей. Молодой ацтекъ съ трудомъ осмѣливался говорить въ ихъ присутствіи. Если вѣрить лѣтописцамъ, то родительскія наставленія дѣтямъ отличались высокой нравственностью. Мальчикамъ говорили: «не лги и не будь распущеннымъ». Дѣвочкамъ: «будь цѣломудренной, сиди дома и т. п.».

Частная собственность охранялась строгими законами; за сколько нибудь значительную кражу виновный обращался въ рабство того, кого онъ обокралъ, а иногда онъ подвергался даже побіенію камнями; опекуну, расточившему имущество опекаемаго, угрожала висѣлица. Строгое наказаніе налагалось даже за проматываніе полученнаго родового наслѣдства (Клавигеро). Вообще собственность считалась за нѣчто священное. Убіеніе хотя бы раба наказывалось смертью, обезглавленіемъ.

Каста рабовъ пополнялась пощаженными военно-плѣнными, преступниками, лицами, не имѣющими возможности внести наложеннаго на нихъ штрафа, которые были громадны; наконецъ, дѣти нерѣдко продавались ихъ отцами въ рабство. Съ рабомъ въ Мексикѣ обращались во всякомъ случаѣ мягко; онъ могъ имѣть собственную семью и даже владѣть другими рабами; его дѣти были свободны.

Однако хозяинъ имѣлъ право продать неисправимаго раба даже для жертвоприношенія.

Если рабыня, забеременившая отъ свободнаго человѣка, умирала отъ родовъ, то отецъ ребенка становился рабомъ владѣльца умершей женщины. Ему приходилось отвѣчать за причиненный такимъ образомъ матеріальный ущербъ.

Людоѣдство уже исчезло изъ гражданскихъ нравовъ, но религія еще свято хранила его: никакіе языческіе боги не отличались такой жадностью къ человѣческому мясу, какъ древнемексиканскіе, въ особенности же богъ войны, кровожадный Хютцилопотхли. Въ 1446 г. во время освященія большого храма, выстроеннаго въ честь этого бога въ Мексикѣ, было зарѣзано 70.000 плѣнниковъ.

Монтезума говорилъ, что онъ уважаетъ независимость тласкальской республики, только потому, что, благодаря этой независимости, онъ имѣетъ возможность воевать съ ней и запасаться такимъ образомъ необходимыми жертвами. Добываніе плѣнныхъ для религіозныхъ гетакомбъ составляло дѣйствительно главную цѣль военныхъ экспедицій въ Мексикѣ. Впрочемъ, ихъ предпринимали открыто, съ соблюденіемъ извѣстныхъ формъ. Объявивъ войну, прежде всего отправляли своихъ посланниковъ къ непріятелю и требовали отъ него поклоненія своимъ богамъ и уплаты дани. Въ случаѣ отказа, открывались враждебныя дѣйствія и съ этого момента мексиканскіе воины подчинялись военному уставу, очень похожему на нашъ. Смертная казнь при этомъ являлась обычнымъ наказаніемъ за всяческія нарушенія: смерть за непослушаніе начальникамъ, смерть нападавшему ранѣе поданнаго сигнала, смерть захватившему добычу товарища и т. п.

Взятые во время войны плѣнные содержались часто въ клѣткахъ до праздничнаго дня, предназначеннаго для ихъ жертвоприношенія. Церемонія совершалась публично съ большою торжественностью. Предназначенный къ закланію плѣнникъ схватывался шестью жрецами, четырьмя за руки и ноги, а пятымъ за шею, затѣмъ его распростирали на выпукломъ жертвенномъ камнѣ, и шестой жрецъ, *топильцинъ*, вскрывалъ большимъ ножемъ изъ обсидіана грудную клѣтку жертвы, вынималъ изъ нея сердце, трепещущее еще жизнью, и подносилъ его божеству. Тѣло тотчасъ же возвращалось собственнику раба, который и поѣдалъ его, приглашая на этотъ пиръ своихъ друзей.

На другихъ празднествахъ народу раздавались куски идола, сдѣланнаго изъ маисоваго тѣста, въ мѣсиво котораго прибавлялась дѣтская кровь. Это—прекрасный примѣръ людоѣдства, превратившагося собственно въ религіозный обрядъ, о чемъ я говорилъ уже выше, такъ какъ мексиканцы, вкушая это тѣсто, полагали, что ѣдятъ дѣйствительное тѣло и кости своего бога Хютцилопотхли. Испанскіе миссіонеры были крайне поражены сходствомъ этого обряда съ эвхаристіей и, разумѣется, приписывали его злобѣ демона. Благочестивый д'Акоста говоритъ по

этому поводу: «Сатана силится присвоить себѣ почести и обряды, приличествующіе одному лишь истинному Богу, хотя онъ и здѣсь не можетъ обойтись безъ обычныхъ для него жестокостей и гадостей».

Любопытную особенность представляло такъ называемое жертвоприношеніе гладіаторовъ: плѣнникъ привязанный за одну ногу, стоялъ на широкомъ кругломъ камнѣ, который клали на бугорокъ. Вооруженный щитомъ и короткимъ мечемъ, онъ долженъ былъ отражать нападавшихъ на него офицера и солдата. Если онъ падалъ побѣжденнымъ, что обыкновенно случалось, то его уносили на камнѣ къ жертвеннику; въ противномъ же случаѣ ему съ почетомъ возвращали свободу.

Человѣческія жертвоприношенія возобновлялись безпрерывно. Въ письмѣ отъ 12 іюня 1531 г., къ главному капитулу своего ордена, Зюмарая говоритъ, что въ одной столицѣ Мексики ежегодно приносились по двѣ тысячи человѣческихъ жертвъ. Андрей Тапійскій пытался сосчитать человѣческія черепа, украшавшіе въ видѣ трофей одинъ *теокалли*, но остановился отъ утомленія на цифрѣ 136.000.

Утверждаютъ, что на одномъ лишь холмѣ Тепаюкакъ погибало ежегодно 20.000 жертвъ въ честь богини Топанцинъ.

Вся мексиканская цивилизація въ самой основѣ своей была проникнута еще дикостью; поэтому въ дѣлѣ наказанія самыя ужасныя кары не казались слишкомъ строгими. Отъ субъекта требовалось, чтобы онъ или повиновался или умиралъ. Пьянство считалось въ Мексикѣ преступленіемъ,—что указываетъ на присутствіе уже болѣе возвышенныхъ нравственныхъ стремленій,—и изданы были весьма строгіе законы, чтобы подавить этотъ порокъ. Для плебея пьянство влекло за собой сначала потерю свободы, рабство, а въ случаѣ упорства—смерть. Репрессивные законы мексиканцевъ въ данномъ случаѣ отличаются одной особенностью, заслуживающей большой похвалы, хотя, къ сожалѣнію, крайне рѣдко встрѣчающейся въ кодексахъ первобытныхъ народовъ, а именно: эти законы карали гораздо строже пьянство среди лицъ благороднаго сословія, чѣмъ среди простонародія: молодой аристократъ, уличенный въ пьянствѣ, подлежалъ задушенію; къ болѣе же зрѣлому возрасту законъ

относился снисходительнѣе: провинившійся въ этомъ случаѣ только терялъ свое положеніе и имущество.

Въ поведеніи духовенства, его организаціи, въ нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядахъ обнаруживаются тенденціи, которыя можно назвать христіанскими; но ихъ съ такимъ же правомъ можно назвать и браминскими или буддистскими.

Дѣйствительно, въ древней Мексикѣ существовали мужскіе и женскіе религіозные ордена, для которыхъ цѣломудріе и умерщвленіе плоти составляли долгъ.

Жизнь этихъ людей, обрекавшихъ себя на служеніе богу, носила вполнѣ аскетическій характеръ, а ихъ времяпровожденіе поразительно напоминаетъ времяпровожденіе монаховъ. Въ полночь мексиканскіе аскеты должны были погружаться въ воду. Затѣмъ, почти до зари они распѣвали гимны, выполняли разнаго рода эпитеміи, подвергали себя главнымъ образомъ бичеванію и т. п. Поступленіе въ монашескій орденъ совершалось не по добровольному влеченію каждаго, а по волѣ отца, и притомъ еще въ пору ихъ дѣтства. Въ общественныхъ школахъ, устроенныхъ при храмахъ, давалось клерикальное воспитаніе не только будущимъ монахамъ, но и всѣмъ дѣтямъ благороднаго класса, причемъ школьники исполняли нѣчто вродѣ обязанностей клериковъ во время богослуженія.

Воспитаніе дѣвочекъ ввѣрялось жрицамъ.

Такое воспитаніе вовсе не имѣло въ виду однихъ только будущихъ монаховъ, а потому его нельзя считать спеціальнымъ; но если семинаристъ до двадцати двухъ лѣтъ не вступалъ въ бракъ, то его посвящали въ жреческое званіе.

Отъ мексиканскихъ жрецовъ требовалось строгое цѣломудріе. Въ Теотинаканѣ жреца, нарушившаго цѣломудріе, обыкновенно выдавали народу, который избивалъ его палками до смерти. Въ Ихкатланѣ верховнаго жреца, провинившагося въ такомъ же преступленіи, умерщвляли, затѣмъ разрывали на части, и куски мяса, въ знакъ предупрежденія, подносили его преемнику.

Монашескіе ордена были учреждены многими религіями; вотъ почему отмѣченный нами фактъ не представляетъ еще собственно ничего особеннаго. Крещеніе является уже болѣе

специфически христіанскимъ обрядомъ; но въ Мексикѣ существовало также и крещеніе въ своемъ родѣ. Прежде, чѣмъ дать имя ребенку, обливали водой его ротъ и грудь и молили бога или боговъ о томъ, «чтобы эта вода смыла грѣхъ, тяготѣющій надъ ребенкомъ еще отъ времени, предшествовавшаго сотворенію міра».

Нарушеніе цѣломудрія женщинами, посвятившими себя религіозному служенію, также считалось величайшимъ преступленіемъ. Виновная заживо погребалась также, какъ поступали и римляне со своими весталками, нарушившими обѣтъ цѣломудрія, а ея соучастника душили: кромѣ того, родители ея подвергались изгнанію, а родной городъ предавался разрушенію.

Еще ближе къ католичеству подходитъ мексиканская исповѣдь, которую отправляли особые приходскіе священники, имѣвшіе право отпускать грѣхи. Но только въ Мексикѣ исповѣдывались разъ въ жизни, и если человѣкъ впадалъ снова въ разъ прощенный грѣхъ, то онъ не могъ уже никакимъ образомъ искупить его. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить крайне любопытную черту: отпущеніе грѣховъ, данное мексиканскимъ исповѣдникомъ, имѣло законную силу; оно могло повлечь за собой даже освобожденіе преступника. Инка тоже исповѣдывался, но только солнцу.

Подобная аналогія мексиканскаго религіознаго культа съ католичествомъ, если допустить даже, что набожные испанцы-лѣтописцы ничего не преувеличили, вовсе еще не доказываетъ, что въ Мексикѣ существовало христіанское преданіе, неизвѣстно откуда занесенное Не въ первый разъ приходится намъ наталкиваться на тотъ фактъ, что во всѣ времена и подъ всѣми широтами люди, принадлежащіе къ разнымъ расамъ, обнаруживали сходство, приходили къ одинаковымъ мыслямъ, иногда даже крайне своеобразнымъ, и все это объясняется только тѣмъ, что они—люди. Припомните древнихъ египтянъ, африканскихъ негровъ и краснокожихъ,—всѣ они одновременно и совершенно независимо пришли къ одной и той же жестокой мысли отрѣзывать носы у своихъ невѣрныхъ женъ, или же вспомните губную *ботоку* ботокудовъ, нутка-колумбійцевъ и негровъ Средней Африки и т. п.

*

Цивилизація древней Мексики представляетъ безконечный интересъ. Она является какъ бы соціологическимъ опытомъ, дающимъ намъ возможность наблюдать, съ какимъ трудомъ варварство вырабатывается изъ состоянія дикости. Здѣсь сталкиваются, вступаютъ въ тѣ или другія комбинаціи, борются двѣ стадіи въ нравственномъ развитіи человѣческаго рода, изъ которыхъ одна, болѣе возвышенная, пытается высвободиться изъ тисковъ болѣе низменной, животной. Людоѣдство превращается въ религіозный обрядъ и практикуется (на этотъ фактъ слѣдуетъ обратить вниманіе) совершенно въ томъ же видѣ, какъ у современныхъ краснокожихъ крайняго сѣвера. Подобно тому, какъ нынѣ еще дѣлаетъ это сѣверный сіу, мексиканскій жрецъ также вскрывалъ грудь плѣнника. Но послѣдній ограничивался только тѣмъ, что приносилъ въ жертву своему богу сердце, избранный кусокъ, тогда какъ сіу раздираетъ его своими крѣпкими зубами и пожираетъ.

Вотъ еще другой древній пережитокъ: дикіе гвараны нѣкогда имѣли обыкновеніе, прежде чѣмъ принести въ жертву и съѣсть спеціально для того предназначенныхъ плѣнниковъ, доставлять имъ хотя краткое, но зато полное грубыхъ наслажденій существованіе, наслажденій, какія только они могли придумать. Мексиканцы также выбирали одного изъ плѣнниковъ и, прежде чѣмъ заколоть его, доставляли ему, въ теченіе цѣлаго года, всевозможнаго рода чувственныя наслажденія.

Жестокія наказанія, налагаемыя по мексиканскому уложенію о наказаніяхъ на вора и прелюбодѣя, свидѣтельствуютъ также о грубой еще дикости; но суровость мексиканскаго законодательства противъ пьянства, сравнительная мягкость рабства, порицаніе, которымъ клеймилась ложь, значеніе, придаваемое цѣломудрію жрецовъ, указываютъ уже на существованіе болѣе возвышенныхъ нравственныхъ стремленій.

Кромѣ того, хотя общественный строй Мексики, подобно всѣмъ первобытнымъ имперіямъ, носилъ печать рабства, однако ея государи не были похожи уже на мелкихъ чернокожихъ державцевъ Африки, не представляли изъ себя какихъ-то скотовъ, опьяненныхъ своимъ всемогуществомъ и заботящихся исключительно только объ удовлетвореніи своихъ кровожадныхъ

и грубыхъ капризовъ. Мексиканскій государь имѣлъ не только права, но и обязанности, и часть тѣхъ тяжелыхъ налоговъ, которые онъ сбиралъ натурой, предназначались для вспомоществованія убогимъ и покинутымъ.

Мексиканское государство, олицетворяемое въ своемъ государѣ, не ограничивалось требованіемъ отъ подданнаго одного только гнуснаго подчиненія, подобно тому, какъ это дѣлалъ повелитель Мтеза въ Угандѣ; оно постоянно господствуетъ надъ человѣкомъ, подобно божеству; оно повелѣваетъ ему и не терпитъ непокорности, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно оказываетъ ему также и нѣкоторое покровительство.

Ознакомившись, хотя бы и бѣгло, съ состояніемъ древняго Перу, мы придемъ къ тѣмъ же самымъ выводамъ.

II.—Древній Перу въ нравственномъ отношеніи.

Подобно мексиканской, древняя перуанская цивилизація отличалась во многихъ отношеніяхъ грубостью; однако ее слѣдуетъ поставить во всякомъ случаѣ выше первой. Въ Перу уже совершенно исчезло то отвратительное религіозное людоѣдство, которое налагало столь дикій отпечатокъ на всю общественную жизнь Мексики. Мало того, правительство Инковъ отличалось въ своемъ родѣ гуманностью.

Здѣсь царилъ неограниченный деспотизмъ, но это былъ деспотизмъ, вдохновленный наилучшими намѣреніями; его главной заботою, цѣлью его существованія было общественное благо; онъ стремился помогать нуждающимся, регулировать поведеніе отдѣльныхъ лицъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, предпринимая безпрерывные крестовые походы, раздвигать границы государства, подчинять себѣ окрестные дикіе народы и, заставляя ихъ усваивать свою религію и свои законы.

Въ Перу, еще сильнѣе, чѣмъ въ Мексикѣ, религія слилась съ гражданской властью. Инка считался сыномъ величайшаго изъ боговъ—бога Солнца. Его приказанія внушались свыше; а потому всякое возмущеніе противъ нихъ признавалось даже за нѣчто худшее, чѣмъ преступленіе; это было святотатство;

вотъ почему богохульство противъ отца и сына, Солнца и Инки, наказывалось одинаково смертью.

Перуанское уложеніе о наказаніяхъ, какъ большинство варварскихъ кодексовъ, отличалось краткостью; оно заключало въ себѣ немного параграфовъ, и смертная казнь представляла самое обыденное наказаніе; это одно уже въ достаточной степени указываетъ на то, что общество еще недавно вышло изъ дикаго состоянія. Смерть—вору, убійцѣ, поджигателю моста или дома, смерть—всякому, кто отведетъ на свой участокъ воду, предназначенную для орошенія поля сосѣда, смерть—прелюбодѣю. Въ послѣднемъ случаѣ, если въ преступной связи запутывалась одна изъ многочисленныхъ женъ Инки, то обрушившееся на голову виновныхъ наказаніе принимало поистинѣ чудовищные размѣры: обоихъ преступниковъ сжигали живыми; ближайшихъ родственниковъ казнили; скотъ, принадлежащій имъ, избивали, мѣсто ихъ рожденія подвергалось разгрому: деревья срубали, а дома разрушали.

Такъ какъ всякое возмущеніе считалось святотатствомъ, то оно влекло за собою такія же послѣдствія: возмутившіеся города обыкновенно сжигались и уничтожались до тла, а провинціи превращались въ пустыни. Кровожадность людей возрастаетъ всегда, когда они думаютъ, что дѣйствуютъ во имя бога или боговъ.

Инки питали неподдѣльный ужасъ къ противоестественнымъ порокамъ; одинъ изъ нихъ, по имени Капакъ-Юпанги, присудилъ содомитовъ къ сожженію и даже приказалъ сжигать всякій городъ, въ которомъ хотя бы только одинъ житель оказывался виновнымъ въ этомъ преступленіи.

Другой Инка, Пахакутекъ, издалъ декретъ объ обязательности труда, приговорилъ всѣхъ тунеядцевъ къ повѣшенію и постановилъ, чтобы съ семилѣтняго возраста всѣ дѣти имѣли опредѣленныя занятія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ строгимъ блюстителемъ правосудія, и присудилъ многихъ судей за ихъ несправедливость къ смертной казни.

Одинъ изъ предшественниковъ этого суроваго Инки, Яхуархуакакъ, именемъ своего личнаго авторитета, повелѣлъ, чтобы дѣти прислуживали родителямъ до двадцатипятилѣтняго возраста

и продолжали всегда и повсюду заниматься ремесломъ своихъ отцовъ.

Подобнаго рода любовь къ неподвижности представляетъ черту общую всѣмъ варварскимъ имперіямъ, особенно когда онѣ теократическаго характера. Тогда правительства считаютъ себя непогрѣшимыми и всевѣдущими. Они не допускаютъ и мысли о постепенномъ и непрерывномъ прогрессѣ. Съ другой стороны, такъ какъ ихъ государство окружено дикими народностями, то они кичатся своей несовершенной цивилизаціей, стремятся навязать ее во что бы то ни стало другому народу и не терпятъ въ ней никакого измѣненія.

Въ Перу, какъ это и обыкновенно случается при коммунистическомъ строѣ, человѣкъ не имѣлъ права свободнаго передвиженія; онъ долженъ былъ жить и умереть въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ родился, такъ какъ здѣсь именно ему надлежало исполнить свои священныя обязанности.

Честь созданія этого столь прекрасно кристаллизировавшагося общества приписывается первому Инкѣ, Манко-Капаку, личности немного легендарной. Впрочемъ, мы увидимъ ниже, что подобнаго рода общественная организація, за незначительными уклоненіями въ частностяхъ, свойственна всѣмъ вообще великимъ монархіямъ, образовавшимся на почвѣ первобытнаго дикарства.

Манко-Капакъ установилъ якобы культъ Солнца, основавъ нѣчто вродѣ монастыря для дѣвицъ царской крови, посвящающихъ себя служенію Солнцу. Онъ же будто бы ввелъ патріархальный соціализмъ централизованнаго и авторитарнаго характера, предписавъ взаимную помощь и обязательный трудъ, повелѣвъ складывать въ общественные магазины шерсть ламъ и собранную жатву; все это предназначалось для общаго потребленія и распредѣлялось между частными лицами сообразно потребностямъ каждаго.

Во всякомъ случаѣ одно достовѣрно, что первые варварскіе испанскіе авантюристы дѣйствительно открыли въ Перу и затѣмъ разрушили очень любопытное коммунистическое общество, во главѣ котораго стояла центральная неограниченная власть, выводившая свое происхожденіе отъ солнца, т. е. отъ бога.

Въ этомъ государствѣ, существовавшемъ многіе вѣка и представлявшемъ наиболѣе крупный опытъ централистическаго соціализма, какой только когда-либо былъ сдѣланъ, народомъ руководили и управляли на подобіе того, какъ хорошій скотоводъ управляетъ своимъ стадомъ. Всякое постановленіе и предписаніе было обязательно и исходило свыше; личности оставалось только подчиняться и за ней не признавалось никакой инициативы.

Все производилось при помощи реквицій и по предписанію: посѣвы, жатвы, стрижка ламъ, изготовленіе тканей изъ шерсти ламъ или изъ хлопка. Во время этой обязательной работы всякій получалъ все необходимое для пропитанія отъ государства, которое эксплоатировало его трудъ.

Населеніе имперіи было распредѣлено по группамъ, заключавшимъ въ себѣ 10, 100, 1,000, 10,000 человѣкъ. Въ каждомъ десяткѣ было одно отвѣтственное лицо.

Всякій перуанецъ, достигнувшій опредѣленнаго возраста, вступалъ въ бракъ на основаніи особаго повелѣнія и всѣ браки заключались въ одинъ и тотъ же день. Согласіе родителей было необходимо для признанія брака дѣйствительнымъ. Новобрачной парѣ немедленно отводился опредѣленный участокъ земли и жилище.

Ежегодно, соотвѣтственно съ возрастаніемъ или уменьшеніемъ числа семей, совершался передѣлъ земли.

Вся земля дѣлилась на четыре разряда: земли солнца или духовенства; земли Инки; затѣмъ земли убогихъ, немощныхъ, вдовъ, сиротъ, солдатъ, находящихся на дѣйствительной службѣ; наконецъ, шли участки земли, раздававшіеся въ пользованіе отдѣльныхъ лицъ.

Духовенство и аристократія были освобождаемы, конечно, вовсе отъ работъ и налоговъ; такимъ образомъ, вся тяжелая общественная работа выполнялась простымъ народомъ.

Въ Перу не было бѣдняковъ, но за то не было и богачей: никто не былъ покинутъ на произволъ судьбы, но за то никто не пользовался и свободой. Взаимная помощь составляла всеобщій и основной долгъ каждаго. Выше же общества, значительно выше даже весьма многочисленнаго, благодаря царской полигаміи, рода Инковъ, представлявшихъ собою только пра-

вящій классъ, подымался подобно богу, царствующій Инка, верховный руководитель, которому поклонялись при жизни и котораго сопровождала на тотъ свѣтъ цѣлая свита изъ тысячи слугъ и наложницъ, зарѣзываемыхъ на его могилѣ.

Главная миссія этого всемогущаго государя состояла въ безпрерывномъ расширеніи предѣловъ своей имперіи и въ постепенномъ снаряженіи крестовыхъ походовъ. Впрочемъ, великій Инка въ своихъ религіозныхъ завоеваніяхъ руководился обыкновенно большой осторожностью: онъ избѣгалъ проливать безъ надобности человѣческую кровь и старался по возможности убѣждать непокорныхъ сосѣдей въ томъ, что они должны въ своихъ собственныхъ интересахъ подчиниться перуанской цивилизаціи и усвоить ее.

Мексика и Перу, повидимому, не имѣли между собой никакихъ сношеній; они не знали о существованіи другъ друга и каждое изъ этихъ государствъ разрѣшало соціальную задачу, хотя и варварскимъ, но отличнымъ другъ отъ друга способомъ, каждое на свой ладъ: одно—путемъ индивидуализма, а другое—государственнаго соціализма, выросшаго, вѣроятно, прямо изъ первобытнаго коммунизма.

Дѣйствительно, общность имущества представляетъ самый обыкновенный режимъ у первобытныхъ ордъ и племенъ въ примитивномъ состояніи. Особенность перуанской общественной организаціи заключается въ томъ, что здѣсь въ широкихъ размѣрахъ, хотя и въ грубой формѣ, была осуществлена утопія значительнаго числа древнихъ и современныхъ реформаторовъ. Я не стану заниматься въ данный моментъ оцѣнкой этого режима, главный недостатокъ котораго очевидно заключается въ крайнемъ стѣсненіи личной свободы, а слѣдовательно, и въ ограниченіи всякаго прогресса.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

НРАВСТВЕННОСТЬ ВАРВАРОВЪ. (Продолженіе).

Древній Египетъ.—Египтяне.—Происхожденіе египетской цивилизаціи.—Озирисъ.—Изида.—Общинная собственность.--Касты.—Теократическая монархія. — Суровая регламентація. — Наслѣдственная передача профессій и должностей.—Ростъ населенія.—Наказанія, обоснованныя на законѣ возмездія. — Гуманные законы.—Вопросы матеріальнаго права въ египетскомъ законодательствѣ.—Формулы нравственности по *книгѣ Мертвыхъ*.—Пассивная и активная нравственность.—Подневольный трудъ.—Главное назначеніе египетскаго монарха.—Животная кровожадность Ассирійскихъ царей.—Любопытныя аналогіи между древнимъ Египтомъ и древнимъ Перу.—Великія первобытныя монархіи, какъ школы человѣческой дрессировки. — Грубый деспотизмъ, какъ орудіе дрессировки.—Польза и вредъ деспотическаго режима.

Древній Египетъ.

Несмотря на громадное время и пространство, отдѣляющія Перу отъ древняго Египта, намъ предстоитъ теперь обратиться къ изученію послѣдняго. Это самая древнѣйшая варварская цивилизація, самостоятельно возникшая изъ дикарства. Это, по крайней мѣрѣ, единственная, глубокая древность, которая засвидѣтельствована съ точностью и достовѣрностью. Нравственныя идеи, выработанныя путемъ медленнаго процесса въ этомъ цивилизаторскомъ очагѣ, имѣютъ для насъ также особенное значеніе, такъ какъ черезъ посредство грековъ и даже семитовъ онѣ оказали замѣтное вліяніе на нашу собственную цивилизмцію. Для соціологіи кромѣ того Египетъ представляетъ еще и совершенно другого рода интересъ. Не однѣ только идеи, искусства и науки зародились, выросли и расцвѣли въ этой избранной странѣ, но также и раса, которая подъ продолжительнымъ давленіемъ суровой дисциплины, обычной во всѣхъ примитивныхъ монархическихъ государствахъ, выработалась и сложилась физически и морально изъ всевозможныхъ элементовъ.

Дѣйствительно, въ долинѣ Нила встрѣтились три весьма разнородныя человѣческія теченія. Одно изъ нихъ шло съ запада, это—берберы, занимавшіе въ каменный періодъ всю Сѣверную Африку и Южную Европу; другая—съ востока, то были семиты и протосемиты. Наконецъ, къ этимъ двумъ народностямъ, принадлежащимъ хотя и къ одному и тому же бѣлому племени, но столь непохожимъ другъ на друга, присоединился третій элементъ—негритянскій или негровидный, теченіе эѳіопское изъ долины верхняго Нила.

Все это расплавилось въ горнилѣ египетской цивилизаціи и въ результатѣ получился новый своеобразный типъ, который встрѣчается еще до сихъ поръ въ лицѣ современнаго феллаха и нубійца.

Письменныя свѣдѣнія объ Египтѣ, оставленныя намъ писателями древности—многочисленны, но все-таки они крайне недостаточны. Между геніемъ греческимъ и геніемъ египетскимъ существовало такое различіе, что первый не всегда понималъ второго. Тѣмъ не менѣе безхитростные разсказы Геродота дополняются довольно удовлетворительно свѣдѣніями, сообщенными Діодоромъ Сицилійскимъ. Наконецъ, папирусы и надписи, которые наши египтологи въ настоящее время дешифрируютъ съ нѣкоторой увѣренностью, могутъ служить прекраснымъ провѣрочнымъ матеріаломъ и составляютъ цѣнный вкладъ особенно по вопросамъ, касающимся ходячей морали древняго Египта.

Я не имѣю возможности, не выходя изъ предѣловъ изучаемаго предмета, заняться подробнымъ описаніемъ соціальной организаціи Египта; тѣмъ не менѣе необходимо, хотя бы вкратцѣ, резюмировать существеннѣйшія черты этой организаціи, такъ какъ нравственность всюду обусловливается соціальной средой.

Египетская цивилизація, подобно всякой другой, развивалась обязательно путемъ медленнаго процесса изъ предшествовавшаго ей продолжительнаго періода дикаго состоянія. Преданія объ этомъ времени сохранились въ странѣ. Такъ разсказывали, что Озирисъ отучилъ людей отъ людоѣдства, но лишь послѣ того, какъ Изида открыла употребленіе пшеницы и ячменя; мы дѣй-

ствительно знаемъ, что нужда въ питательныхъ продуктахъ является у всѣхъ племенъ главной причиной людоѣдства.

Эта же благодѣтельная Изида установила и правосудіе, давъ египтянамъ строгіе законы, угрожавшіе наказаніемъ за всякое насиліе.

Повидимому, въ Египтѣ существовало первоначально общинное владѣніе землею; по свидѣтельству жрецовъ, говоритъ Геродотъ, Сезострисъ былъ первый, который предпринялъ общую разверстку земель, подѣливъ обрабатываемую землю на четыреугольники равныхъ размѣровъ и распредѣливъ ихъ между частными лицами, за ежегодную опредѣленную арендную плату.

Какъ бы тамъ ни было, но Египетъ, несомнѣнно, представлялъ собою монархію вначалѣ чисто теократическаго характера, монархію, связанную съ самой суровой системой кастъ, когда либо существовавшей. Съ подобнымъ кастовымъ устройствомъ мы уже встрѣчались въ полу-дикихъ имперіяхъ Мексики и Перу; съ нимъ же мы встрѣтимся еще и во всѣхъ тѣхъ варварскихъ цивилизаціяхъ, съ которыми намъ предстоитъ еще познакомиться; всякое человѣческое общество, по выходѣ его изъ дикарскаго состоянія, неизбѣжно проходитъ черезъ эту фазу. Символомъ этой іерархической организаціи могутъ служить пирамиды земли фараоновъ съ ея уступами: внизу — широкое основаніе, образуемое многочисленной массой, порабощенной и работающей на всѣхъ; затѣмъ—надъ этой толпой, живущій на ея счетъ и держащій ее въ повиновеніи классъ воиновъ; еще выше—классъ жрецовъ, и, наконецъ, на самой вершинѣ пирамиды—монархъ, царящій подобно полу-богу и почти всегда претендующій на божественное происхожденіе. На египетскихъ памятникахъ даже жрецы изображаются распростертыми передъ царемъ съ челомъ, поникшимъ къ землѣ, совершенно такъ же, какъ офицеры и правители провинцій.

Политическій режимъ, соотвѣтствующій подобному общественному строю, всегда представляетъ деспотизмъ самой чистѣйшей воды. Всякое начинаніе исходитъ сверху; личность лишена всякой иниціативы. Вотъ почему подобное общество всегда кажется какъ бы застывшимъ. Законы почитаются

за велѣнія самого неба; поэтому они не подлежатъ ни обсужденію, ни измѣненію. Суровый церемоніалъ сковываетъ даже самого государя. Такъ, вся жизнь монарха въ Египтѣ была подвергнута неизмѣнной регламентаціи: опредѣленное время предназначалось для аудіенцій, для отправленія правосудія, для прогулки, для бани, для совокупленія. Даже питательный режимъ былъ опредѣленъ заранѣе: царь долженъ былъ ѣсть только телятину и гуся и пить ежедневно опредѣленное количество вина.

Тѣмъ не менѣе этотъ державный повелитель, всѣ движенія котораго были регулированы, какъ у автомата, взималъ пятую часть со всякой жатвы, за исключеніемъ, разумѣется, принадлежавшей помазанникамъ божіимъ (жрецамъ) и воинамъ; его власть была такъ громадна, что, по существующей легендѣ, царь Аменофисъ располагалъ достаточной силой чтобы совершить въ Египтѣ грандіозный актъ подбора. Собравъ 80,000 египтянъ, страдавшихъ физическими недостатками, онъ приказалъ бросить ихъ въ каменоломни Тура.

Само собой разумѣется, что кромѣ главнѣйшихъ кастъ: духовенства, воиновъ, земледѣльцевъ и ремесленниковъ, существовала еще,—находилась, такъ сказать, подъ ними—масса рабовъ, разсѣянной по всей странѣ.

Все было наслѣдственное, даже профессіи Собственно народъ обрабатывалъ землю, но не владѣлъ ею. Пахатная земля, какъ и въ Перу, распредѣлялась на три части: одна шла царю, другая—жрецамъ, третья—воинамъ; на долю каждаго изъ послѣднихъ приходилась площадь, равняющаяся приблизительно двѣнадцати нашимъ гектарамъ. Такимъ образомъ военный классъ былъ сильно заинтересованъ въ защитѣ своей родины; къ личному эгоизму присоединялся и удвоивалъ его силу коллективный патріотизмъ.

Жреческая каста поставляла судей, которые разбирали дѣла, какъ живыхъ, такъ и умершихъ людей, потому что никто, даже самъ царь, не имѣлъ права на почетное погребеніе, если кто нибудь могъ доказать, что онъ велъ дурную жизнь.

Египетскіе жрецы вступали въ бракъ, но моногамія была для нихъ обязательной, въ то время какъ полигамія разрѣшалась для всѣхъ остальныхъ египтянъ.

Увеличеніе населенія сильно поощрялось. Родители были обязаны воспитывать всѣхъ своихъ дѣтей; незаконнорожденныхъ здѣсь не было; хотя бы мать дѣтей была рабыня. Если вѣрить Діодору, расходы на дѣтей были ничтожны, двадцать драхмъ до достиженія ими половой зрѣлости, вотъ почему Египетъ представлялъ страну, весьма густо населенную, что наблюдается повсюду, гдѣ дѣти, благодаря тѣмъ или другимъ условіямъ, не составляютъ обузы для родителей. Въ свою очередь, дѣти, но только дочери,, какъ говоритъ Геродотъ, обязаны были кормить своихъ престарѣлыхъ родителей. Нѣтъ уже больше брошенныхъ старцевъ, какъ это часто случается въ обществахъ дикарей; къ старости относились даже съ глубокимъ почтеніемъ.

Древній законъ возмездія оставилъ по себѣ много слѣдовъ въ карательной сисемѣ тегиптянъ.

Открывшему важные планы, которые имѣлось въ виду сохранять втайнѣ, отрѣзывали языкъ, которымъ онъ злоупотребилъ.

Фальшивому монетчику, поддѣлывателю печатей отрубали обѣ руки, которыми онъ злоупотребилъ.

Изнасилованіе свободной женщины наказывалось кастраціей, оскопленіемъ.

Мужчина, виновный въ прелюбодѣяніи, несопровождавшемся насиліемъ, наказывался тысячью ударами розогъ, а женщинѣ, красота которой довела ее до такого позора, отрѣзывали носъ.

Клятва играла большую роль въ египетскомъ судопроизводствѣ, и потому всякій клятвопреступникъ наказывался смертью.

Всякое умышленное смертоубійство, *хотя бы оно было совершено надъ рабомъ*, влекло за собой смертную казнь. Отцеубійцъ ожидала ужасная казнь: имъ надрѣзывали острымъ тростникомъ руки и, положивъ на колючки, сжигали живьемъ.

Но родителей, виновныхъ въ дѣтоубійствѣ, не наказывали смертью, такъ какъ они отнимали лишь жизнь, данную ими самими: ихъ приговаривали только держать въ своихъ объятіяхъ трупъ убитаго ими ребенка втеченіе трехъ дней и трехъ ночей.

Нѣкоторые гуманные законы, существовавшіе въ Египтѣ, превосходятъ даже средній уровень европейской нравственности; такъ напримѣръ, законъ, приговаривавшій къ смерти всякаго,

кто не подавалъ помощи человѣку, подвергшемуся нападенію убійцъ.

Если же не было возможности лично вмѣшаться въ дѣло, то непремѣнно слѣдовало донести на злоумышленниковъ, подъ страхомъ быть наказаннымъ розгами и лишеннымъ всякой пищи втеченіе трехъ дней.

Всякая беременная женщина, приговоренная къ смертной казни, подвергалась ей лишь послѣ родовъ.

Въ противность дикой суровости всѣхъ воинскихъ уставовъ, не исключая и современныхъ, солдатъ-дезертиръ подвергался лишь нравственной карѣ, позору, причемъ онъ имѣлъ возможность реабилитировать себя дальнѣйшими отважными поступками.

Въ вопросахъ матеріальнаго права, по части денегъ и кражъ, египетское законодательство также рѣзко отличалось своей относительной мягкостью сравнительно со всѣми варварскими законодательствами.

Правда, оно наказывало смертью всякаго, кто не могъ ежегодно удостовѣрить, на какія средства онъ живетъ, такъ какъ при этомъ предполагалось, что подобный человѣкъ живетъ на средства, добываемыя противузаконными профессіями, но оно запрещало кредитору увеличивать капиталъ, присоединяя къ нему проценты, больше, чѣмъ вдвое противъ суммы долга.

Оно разрѣшало заимодавцу забирать имущество должника, но не его личность.

При отсутствіи писаннаго контракта, должникъ освобождался отъ взысканія, если только онъ приносилъ клятву.

Можно было получить ссуду, говоритъ Геродотъ, даже подъ мумію отца, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо было заложить и фамильную усыпальцицу и въ случаѣ неуплаты долга лишиться вмѣстѣ съ своими дѣтьми почестей фамильнаго погребенія.

Можно ли однако допустить, вмѣстѣ съ Геродотомъ, что въ Египтѣ даже кража была регламентирована, что всякій воръ обязанъ былъ приносить свою добычу должностному лицу и что, благодаря этому, владѣлецъ могъ получить обратно похищенную у него вещь, уплативъ незначительную часть стоимости похищеннаго?

Этотъ фактъ представляется намъ конечно крайне неправдо-

подобнымъ; но изъ египетскаго законодательства явствуетъ, однако, что въ древнемъ Египтѣ многія вещи считались выше денегъ, что, несмотря на всѣ жестокости, обнаруживающіяся въ нѣкоторыхъ наказаніяхъ, египтяне ввели въ свое законодательство нравственный элементъ, и что они усиленно заботились о сохраненіи соціальной солидарности.

Книга Мертвыхъ и папирусы, дешифрированные по настоящее время, свидѣтельствуютъ также о стремленіяхъ египтянъ къ болѣе возвышенной морали.

Извѣстно, что *книга Мертвыхъ*, экземпляръ которой возлагался на каждую мумію, служила чѣмъ-то вродѣ пропускного билета на тотъ свѣтъ, свидѣтельствомъ добронравія и хорошей жизни для предъявленія богамъ, своего рода страховымъ полисомъ противъ ужасныхъ пытокъ, ожидавшихъ всѣхъ людей за дурную жизнь въ египетскомъ аду. Формулы, которыя мы находимъ въ этой книгѣ, представляютъ несомнѣнно, не фактическую мораль египтянъ, а теоретическое выраженіе ихъ нравственности, ихъ идеальныхъ стремленій.

Мы читаемъ тамъ страницы вродѣ слѣдующихъ: «Онъ далъ хлѣба голодному, воды жаждущему, лодку путешественнику, задержанному въ пути и т. д.». Или же слѣдующее мѣсто: «Я знаю тебя, Господь Истины и Справедливости; я принесъ тебѣ истину; я черезъ тебя уничтожилъ ложь. Я не совершилъ никакого обмана по отношенію къ людямъ! Я не терзалъ вдовы! Я не лгалъ передъ судомъ! Я не зналъ, что такое ложь! Я не требовалъ отъ надсмотрщика больше работы, чѣмъ сколько слѣдовало ежедневно!.. Я не вооружалъ господъ противъ рабовъ! Я никого не принуждалъ къ голоду! Я никого не заставлялъ проливать слезы! Я никого не убилъ! Я не приказывалъ вѣроломно умерщвлять людей! Я никого не обманывалъ!.. Я не перерѣзывалъ оросительнаго канала на его пути!» Религіозная мораль присоединяется конечно къ гражданской и покойникъ, продолжая перечислять дурные поступки, которыхъ онъ не совершалъ, прибавляетъ: «Я не охотился за священнымъ скотомъ по лугамъ, отведеннымъ для него. Я не ловилъ въ сѣти священныхъ птицъ! Я не ловилъ священныхъ рыбъ въ ихъ прудахъ! Я чистъ! Я чистъ! Я чистъ!» Въ другомъ папирусѣ

губернаторъ области, *номы*, отдавая отчетъ въ своемъ поведеніи, говоритъ: «Я никогда не обижалъ малаго ребенка, не обращался дурно съ вдовою, не изгонялъ земледѣльца и не дѣлалъ помѣхъ пастуху. Не было такого надсмотрщика надъ пятью рабочими, у котораго я потребовалъ бы людей для своихъ собственныхъ работъ... Я одинаково помогалъ, какъ вдовѣ, такъ и замужней женщинѣ и не оказывалъ предпочтенія сильному передъ слабымъ».

Эта религіозная мораль почти всегда носитъ пассивный характеръ; она предписываетъ чаще воздержаніе отъ извѣстныхъ дѣйствій, чѣмъ самыя дѣйствія. Но нельзя однако сказать, чтобы это всегда было такъ. Слѣдующіе, напримѣръ, совѣты говорятъ о дѣятельной морали и, что еще болѣе замѣчательно, они предписываютъ хорошо обращаться съ женами: «Люби свою жену и не заводи съ нею ссоръ; корми и наряжай ее, такъ какъ наряды—это роскошь ея членовъ. Омывай ее благовоніями и радуй ее, пока ты живъ: она—добро, которое должно быть достойно своего владѣльца. Не будь съ ней грубъ». Съ другой стороны извѣстно, что невоздержаніе и пьянство считались у египтянъ въ числѣ сорока двухъ смертныхъ грѣховъ; слѣдовательно они относились съ достаточною заботливостью къ своему нравственному достоинству.

Въ другомъ мѣстѣ проглядываетъ состраданіе къ переутомленнымъ труженикамъ, отъ котораго вѣетъ уже совершенно новымъ чувствомъ: «Я видѣлъ кузнеца у пылающаго горна. Его мозолистыя, загрубѣлыя руки напоминаютъ собою крокодилову кожу; отъ него воняетъ хуже, чѣмъ отъ рыбьяго яйца». О каменьщикѣ говорится такъ: «Онъ въ работѣ изнашиваетъ свои обѣ руки; его одежда въ безпорядкѣ; онъ самъ гложетъ себя; его пальцы служатъ ему хлѣбомъ ...Онъ унижается, чтобы нравиться».

«Ткачъ, запертый во внутреннихъ покояхъ дома, еще болѣе несчастливъ, чѣмъ женщина. Во время работы онъ долженъ сгибать свои колѣни и приподымать ихъ до самой груди; онъ лишенъ свѣжаго воздуха. Если выдается хотя бы одинъ день, когда онъ не приготовитъ положеннаго количества матеріи, то его связываютъ, подобно болотному лотосу. И лишь подкупая хлѣбомъ привратниковъ, онъ можетъ увидѣть свѣтъ».

«Красильщикъ, его пальцы воняютъ тухлой рыбой; въ глазахъ—выраженіе глубокаго утомленія; рука его неустанно работаетъ. Онъ все время проводитъ въ разрѣзываніи лохмотьевъ; одежда вотъ его ужасъ. Сапожникъ очень несчастливъ, онъ вѣчно нищенствуетъ; его здоровье не лучше, чѣмъ у дохлой рыбы; онъ грызетъ кожу».

Эти сжатыя, но вмѣстѣ съ тѣмъ столь яркія описанія даютъ прекрасное понятіе о подневольномъ, обязательномъ трудѣ. Таковъ дѣйствительно и есть режимъ, въ тискахъ котораго приходится существовать трудящемуся классу въ варварскихъ монархіяхъ. Не смотря однако на то, что и въ Египтѣ фараонъ, по существу своему, является деспотомъ, такъ какъ на этой ступени соціальной эволюціи отсутствуетъ еще понятіе объ индивидуальной свободѣ, онъ обнаруживаетъ уже нѣкоторыя гуманныя стремленія.

«Да не будетъ ни одного голоднаго въ мое царствованіе, говоритъ *Аменемхатъ*; да не будетъ ни одного жаждущаго!»

Тотъ же императоръ, на склонѣ лѣтъ, совѣтуетъ своему сыну быть добрымъ государемъ: «Не отдаляй отъ себя своихъ подданныхъ... Не дѣлай себѣ брата изъ богатаго и знатнаго».

Война и притомъ война побѣдоносная, благодаря покровительству свыше, играетъ несомнѣнно главную роль въ существованіи египетскаго государя; онъ—рука Аммона: «Я (Аммонъ) пришелъ; я дарую тебѣ силу развить государей Тсаби... Я дарую тебѣ силу раздавить азіятскихъ варваровъ». Тѣмъ не менѣе египетскіе фараоны не представляютъ уже собою такихъ кровожадныхъ звѣрей, какъ ассирійскіе деспоты, которые потѣшали себя, предавая огню и мечу города, сажая на колъ и сдирая кожу съ осмѣлившихся возмутиться противъ ихъ власти, отрѣзывая кисти рукъ у плѣнныхъ, и т. п. Послушаемъ одного изъ этихъ вѣнценосныхъ тигровъ. «Я велѣлъ убить изъ двухъ мятежниковъ одного .. Я построилъ стѣну передъ большими воротами города; я велѣлъ содрать кожу съ зачинщиковъ возмущенія и ихъ кожей приказалъ покрыть стѣну. Нѣкоторые изъ нихъ были замурованы живьемъ въ стѣнѣ, другіе распяты на крестахъ, третьи посажены на колъ вдоль стѣны».

Нравственный уровень въ древнемъ Египтѣ былъ, несо-

мнѣнно, выше, чѣмъ въ странѣ, гдѣ государь могъ хвастаться дѣяніями, приличествующими только хищному звѣрю въ припадкѣ изступленной ярости Можно, не погрѣшая противъ истины, сказать, что въ Египтѣ былъ дѣйствительно осуществленъ идеалъ варварской и теократической монархіи. Господствовавшій здѣсь режимъ отличался суровостью, не лишенной однако извѣстной внимательности и доброты, такъ какъ только при такихъ условіяхъ возможно надлежащимъ образомъ руководить людьми, такъ какъ царь и жрецы располагаютъ для того спеціальными знаніями, такъ какъ они—слуги боговъ, отъ которыхъ все исходитъ: и такъ все, что дѣлается, дѣлается съ добрымъ намѣреніемъ

Древній Египетъ не существовалъ уже въ теченіе нѣкоторыхъ вѣковъ, когда на плоскогоріяхъ американскихъ Андовъ возникла имперія Инковъ; поэтому можно съ полной достовѣрностью утверждать, что вторая не могла подражать первому. А между тѣмъ по общему строю и даже по нѣкоторымъ отдѣльнымъ чертамъ законодательства и морали, оба государства походятъ одно на другое. Отмѣтимъ при этомъ, что хотя обѣ эти страны лежатъ въ жаркой полосѣ, однако сильно различаются по своимъ физическимъ условіямъ. Египетъ представляетъ собою наполовину затопляемую разливомъ долину, лежащую почти на одномъ уровнѣ съ моремъ; Перу, какъ и Мексика, лежитъ на громадной высотѣ надъ морскимъ уровнемъ; а вѣдь извѣстно, какое сильное вліяніе оказываетъ на дѣятельность человѣка и животныхъ разрѣженная атмосфера горнаго воздуха. Кромѣ того, трудно себѣ представить большее различіе, чѣмъ то, которое существовало между племенами центральной Америки и народами, населявшими долину Нила.

Всѣ эти условія, признаваемыя обыкновенно за основныя, были различны въ обѣихъ странахъ, и однако, это нисколько не помѣшало образованію двухъ соціальныхъ организмовъ, настолько сходныхъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, что кажется, будто они скопированы одинъ съ другого.

Въ обоихъ государствахъ монархъ считался за лицо божественнаго происхожденія; въ обѣихъ странахъ онъ вступалъ въ бракъ съ своей сестрой.

Въ обѣихъ странахъ значительная часть годной для воздѣлыванія земли предназначалась на удовлетвореніе его личныхъ нуждъ, а также нуждъ его двора.

Въ обѣихъ странахъ другая часть почвы принадлежала духовенству и была освобождена отъ обложенія.

Въ обѣихъ странахъ народъ работалъ на всѣхъ и трудъ былъ обязательнымъ.

Въ обѣихъ странахъ дѣти обязательно наслѣдовали профессію своего отца.

Взаимная помощь считалась обязательной по закону въ Перу и нравственной въ Египтѣ.

Въ обѣихъ странахъ разрушать или отводить своевольно воду изъ оросительнаго канала считалось преступленіемъ и т. д.

Все это подтверждаетъ, очевидно, что существуетъ опредѣленный законъ соціальной эволюціи, законъ, оказывающій болѣе сильное воздѣйствіе, чѣмъ раса и среда, и что, развиваясь, человѣческія группы обязательно проходятъ черезъ послѣдовательный рядъ соціальныхъ формъ, сходныхъ во всѣхъ странахъ. Законъ этотъ вытекаетъ изъ всеобщихъ человѣческихъ свойствъ, изъ основной тождественности физическаго и психическаго строенія всего человѣческаго рода. Конечно, развитіе каждой отдѣльной личности можетъ совершаться болѣе или менѣе быстро, смотря по большей или меньшей ея даровитости, смотря по большей или меньшей мягкости климата; но во всякомъ случаѣ совершенствованіе происходитъ если не по одному и тому же пути, то, по крайней мѣрѣ, по параллельнымъ путямъ.

Великія варварскія монархіи Азіи, которыя мы разсмотримъ въ свою очередь ниже, приведутъ насъ къ тому же самому выводу по данному вопросу.

Всѣ эти монархическія государства сыграли роль великихъ нравственныхъ школъ для первобытнаго человѣчества. Ихъ вліяніе было громадно, а способы воздѣйствія крайне просты. Несомнѣнно, онѣ увеличили нравственный капиталъ человѣчества и въ особенности содѣйствовали выработкѣ чувства солидарности, а также уваженія къ власти, государю и закону, имъ издаваемому. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эти монархіи, по край-

ней мѣрѣ, въ теченіе продолжительнаго времени, заботились лишь о томъ, чтобы сохранить, выяснивъ съ большой опредѣленностью и придавъ обязательный характеръ, тѣ немногія понятія практической морали, которыя самопроизвольно возникли изъ нѣдръ общественной жизни среди племенъ и ордъ, находившихся еще въ животномъ или дикарскомъ состояніи. До возникновенія этихъ первобытныхъ монархій отсутствовало, собственно говоря, всякое нравственное руководительство. Общественное мнѣніе, конечно, осуждало или одобряло тѣ или другіе поступки, но въ дѣйствительности люди, въ большинствѣ случаевъ, могли совершать за собственный страхъ позорныя дѣйствія, не подвергаясь общественной карѣ; они лишь рисковали вызвать месть со стороны частныхъ лицъ.

Въ громадныхъ централизованныхъ государствахъ, только что вышедшихъ изъ состоянія дикости, каковы Мексика и Перу, все это мѣняется. Нѣкоторыя нравственныя предписанія становятся обязательными, а право мести совершенно отнимается у частныхъ лицъ. Всегда также налагаемое закономъ наказаніе ужасно; смертная казнь расточается съ замѣчательной легкостью, безъ всякаго ограниченія и мѣры. Вслѣдствіе этого въ обществѣ совершается безостановочный подборъ, захватывающій громадную массу людей; а благодѣтельный страхъ помогаетъ запечатлѣть въ сознаніи непокорныхъ людей нравственныя ученія, одобренныя учителями и не подлежащія никакому уже обсужденію, тѣмъ болѣе, что въ этотъ моментъ соціальной эволюціи земные повелители выдаютъ себя за представителей, за эманацію небесныхъ царей, боговъ, а могущественная и привилегированная каста дѣйствуетъ за одно съ верховными властелинами. Алтарь служитъ опорой для трона; жрецъ овладѣваетъ внутреннимъ человѣкомъ, между тѣмъ, какъ аристократическая и военная каста угрожаетъ и въ случаѣ надобности расправляется должнымъ образомъ съ человѣкомъ.

Такому именно страшному игу удалось постепенно подчинить себѣ дикія наклонности, вынесенныя человѣкомъ изъ того животнаго состоянія, въ которомъ онъ пребывалъ раньше. Въ Перу и особенно въ Мексикѣ мы видимъ, какъ этотъ деспотизмъ

старается покорить и измѣнить нравственную физіономію дикихъ племенъ, обладающихъ еще инстинктами хищныхъ звѣрей. Если мексиканская цивилизація и носила болѣе кровожадный характеръ, чѣмъ перуанская, то это объясняется различнымъ характеромъ расъ, подлежавшихъ нравственной переработкѣ. Дѣйствительно, индѣйцы Южной Америки отличались въ прежнія времена, да и теперь еще отличаются относительно болѣе кроткимъ нравомъ. Ацтеки, наоборотъ, бывшіе, по всей вѣроятности, краснокожими переселенцами, обладали гораздо менѣе податливымъ характеромъ; дикіе инстинкты засѣли въ нихъ гораздо глубже и не могли мгновенно исчезнуть: тигра всюду труднѣе приручить, чѣмъ собаку.

Въ этихъ варварскихъ монархіяхъ правители выполняли возложенную на нихъ задачу съ грубой жестокостью, сокрушая на своемъ пути все, въ чемъ только встрѣчали себѣ отпоръ. Въ этомъ отношеніи перуанское правительство, гуманное на свой ладъ, поступаетъ совершенно такъ же, какъ мексиканское, а египетское правительство, хотя и несравненно болѣе просвѣщенное, не терпитъ также ни малѣйшаго сопротивленія.

Въ сущности такое грубое воспитаніе подданныхъ, практиковавшееся первыми основателями государствъ, ничѣмъ не отличается отъ обычной дрессировки собакъ, соколовъ и вообще животныхъ, у которыхъ хотятъ переработать ихъ естественныя наклонности; оно только сопровождается обыкновенно еще большей суровостью. Главное орудіе такого воспитанія составляетъ страхъ: наказаніе назначается очень часто, награда очень рѣдка, а власть всегда готова нанести ударъ. Въ своихъ іероглифическихъ надписяхъ египтяне представляли власть въ видѣ плети.

Подобное злоупотребленіе силой, вся эта жестокость на законномъ основаніи, можетъ быть, были дѣйствительно необходимы; повсюду эти жестокія мѣры представляли способы дѣйствія, подсказываемые окружающими условіями и внутреннимъ составомъ первобытныхъ обществъ; дикарство было только что оставлено, но властители и подданные все еще сохраняли на себѣ его отпечатокъ.

Правители варварскихъ монархій претендуютъ на то, чтобы все знать и всѣмъ руководить; ихъ инквизиторская власть все регламентируетъ, во все вмѣшивается; дѣйствительно, не легкое дѣло превратить дикарей въ цивилизованную націю. Уллоа и Шарлевуа разъяснили намъ, какого труда стоило іезуитамъ основать свой маленькій Перу или Парагвай: «Безпечность индѣйцевъ поразительна. Такъ, если іезуиты довѣряли имъ воловъ для обработки земли, то они забывали о нихъ и оставляли въ упряжи до самаго вечера. Нерѣдко даже они убивали своихъ воловъ, разрѣзали на части и варили, причемъ плугъ употребляли на дрова. Когда же ихъ за это упрекали, то они оправдывались тѣмъ, что были голодны. Миссіонерамъ приходилось посѣщать ихъ жилища и входить во всѣ ихъ нужды, такъ какъ, не позаботься они объ индѣйцахъ, эти послѣдніе никогда не подумали бы сами позаботиться... Обыкновенно индѣйцы не сберегаютъ даже достаточнаго для обсѣмененія полей запаса зерна. Что же касается до другихъ съѣстныхъ продуктовъ, то эти несчастные люди, если бы не имѣли надъ ними тщательнаго надзора, вскорѣ почувствовали бы недостатокъ въ самомъ необходимомъ».

Итакъ, цивилизація это—воспитаніе, дрессировка, а свободу животныхъ, которыхъ вы хотите выдрессировать, и дѣтей, которыхъ вы хотите воспитать, приходится, очевидно, стѣснять. Тѣмъ не менѣе, вѣрно и то, что иго воспитателя или правителей не можетъ тяготѣть надъ управляемыми слишкомъ сильно и въ особенности слишкомъ долго безъ вредныхъ послѣдствій. Повсюду, гдѣ деспотическое правленіе, будь оно патріархальное и гуманное, все равно, длится слишкомъ продолжительное время, оно оставляетъ по себѣ народъ приниженный, лишенный иниціативы и упорно отворачивающійся отъ всякаго прогресса; это всеобщій фактъ, засвидѣтельствованный исторіей какъ прошедшихъ, такъ и настоящихъ временъ.

Даже въ нашемъ современномъ обществѣ мы видимъ, что въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ царитъ строгая дисциплина и въ которыхъ ученики остаются до сравнительно поздняго возраста, окончившіе курсъ молодые люди отличаются полной безличностью; они, безъ сомнѣнія, охотно слѣдуютъ указан-

ному направленію, но не могутъ сойти съ разъ намѣченнаго для нихъ пути, такъ какъ потеряли всякое желаніе и способность быть новаторами.

Отсюда само собою слѣдуетъ, что нужно остерегаться усиленно дрессировать дѣтей, мужчинъ и народы.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

НРАВСТВЕННОСТЬ ВАРВАРСКОЙ СТАДІИ. (*Продолженіе*).

I. *Нравственность въ древней Персіи.—Авеста.*—Прославленіе семьи и земледѣлія.—Сравнительная мягкость наказаній.—Осужденіе за вытравленіе плода.—Различныя наказанія.—Особенности нѣкоторыхъ жреческихъ предписаній.—Поклоненіе собакѣ.—Форма правленія въ древней Персіи.—Неограниченный деспотизмъ.—Касты.—Нравственное состояніе современной Персіи—Наказанія въ современной Персіи.

II. *Нравственность въ древней Индіи.*—Аріи временъ Ведъ.—Ихъ боги-пьяницы.—Нравственныя предписанія.—Запрещеніе кровосмѣшенія.—Общественный строй аріевъ временъ Ведъ.

III. *Нравственность по ученію браминовъ.*—Индія браминовъ.—Мораль кастъ.—Деспотическая монархія.—Значеніе и преимущества браминовъ.—Возмездіе и неодинаковость наказанія, смотря по кастѣ.—Половая нравственность по кодексу.—Подчиненіе женщины.—Суровость по отношенію къ воровству.—Нѣкоторыя возвышенныя тенденціи.—Духовное родство.—Упадокъ нравственности въ современной Индіи.—Пребюбодѣяніе.—Самосожженіе вдовъ.—Самоотмщаемая месть.—Благотворительность.

I.—Нравственность въ древней Персіи.

Въ этомъ изслѣдованіи морали, которому мы подвергли цѣлый рядъ народовъ разныхъ вѣковъ, намъ до сихъ поръ почти всегда не доставало письменныхъ источниковъ относительно законовъ и нравственности; при этомъ я подразумѣваю источники, исходящіе отъ самихъ народовъ, съ которыми мы имѣемъ дѣло. Лишь въ послѣдней главѣ нѣсколько египетскихъ папирусовъ и нѣкоторыя ассирійскія надписи, дешифрированныя приблизительно вѣрно спеціалистами, доставили намъ важныя,

но весьма неполныя свѣдѣнія относительно нравственнаго состоянія Египта и жестокости древнихъ ассирійскихъ монарховъ. Что же касается Персіи и древней Индіи, то мы находимся въ болѣе счастливыхъ условіяхъ, такъ какъ можемъ пользоваться цѣлыми двумя кодексами: *Авеста* и законы Ману.

Кромѣ того, относительно современной, дѣйствующей этики нынѣ живущихъ народовъ, происшедшихъ изъ этихъ древнихъ государствъ, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ Индія, до сихъ поръ еще соблюдаютъ древніе законы, мы можемъ черпать необходимыя свѣдѣнія и справки у миссіонеровъ и путешественниковъ, что составляетъ драгоцѣнное средство для провѣрки.

Изъ двухъ древнихъ теократическихъ кодексовъ, изученіемъ которыхъ я намѣренъ заняться, *Авеста* и законы Ману, первый, съ точки зрѣнія практической морали, гораздо менѣе ясенъ и точенъ, чѣмъ второй. Это, въ полномъ смыслѣ слова, религіозный кодексъ, въ которомъ собственно этика находится въ совершенномъ подчиненіи обрядовому ритуалу, а закономъ одобряемыя предписанія тонутъ въ ворохѣ священныхъ формулъ и молитвословій. Прибавимъ еще, что при разборѣ зендскаго языка лингвистамъ приходится бороться съ большими затрудненіями, чѣмъ при разборѣ санскритскаго, и что даже лучшіе переводы *Авесты* оставляютъ желать многаго, не говоря уже о многочисленныхъ вставкахъ въ текстъ, не принадлежащихъ оригиналу.

Двоякаго рода предписанія придаютъ, однако, *Авестѣ* нѣкоторый практическій характеръ, хотя этотъ послѣдній находится въ странномъ противорѣчіи съ набожными безсмыслицами, столь щедро разсыпанными въ ней: это—увѣщанія имѣть семью и обрабатывать землю. «Я признаю за тобой, имѣющимъ жену, о святой Зороастръ, превосходство надъ тѣмъ, кто ея не имѣетъ; я признаю превосходство домохозяина надъ неимѣющимъ своего крова, превосходство семьянина надъ бездѣтнымъ, земледѣльца надъ безземельнымъ».

Обрабатываемая земля разсматривается какъ личность, способная чувствовать и любящая, чтобы ее обрабатывали: «Кто доставляетъ землѣ самую большую радость»? Ахура-Мазда на

это отвѣчаетъ: «Тотъ, кто выращиваетъ больше всего зеренъ, травъ и плодовыхъ деревьевъ». Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «Земля обращается съ слѣдующими словами: человѣкъ обрабатывающій меня и лѣвой и правой рукой, и правой и лѣвой рукой, я всегда буду благопріятствовать полямъ, я всегда буду приносить всевозможнаго рода питательные продукты, все, что только могу я приносить».

Кутьтура хлѣбнаго зерна считается за побѣду, одержимую надъ Девами, или демонами: «Когда рожь очищена, Девы испускаютъ крики, когда рожь вымолочена, Девы обращаются въ бѣгство; когда же она замѣшана, то Девы погибаютъ».

Въ религіозныхъ кодексахъ подобнаго рода предписанія встрѣчаются очень рѣдко; они указываютъ на то, что древніе иранцы обладали серьезнымъ и мужественнымъ характеромъ.

Исключительнымъ въ *Авестѣ* представляется и то, что смертная казнь, которую такъ щедро расточаютъ древніе теократическіе кодексы, лишь изрѣдка упоминается здѣсь. Въ большинствѣ случаевъ законодатель ограничивается палочными ударами или, точнѣе, ударами остроконечной палки, служащей для подбадриваніи воловъ; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что чаще всего удары, повидимому, предназначались не провинившимся, а вреднымъ животнымъ. Иногда къ этому присоединяется обязательное выполненіе какого нибудь полезнаго дѣла. Такъ напримѣръ, за сношеніе съ женщиной во время менструацій, нужно было устроить тридцать пѣшеходныхъ мостиковъ надъ рѣчками, умертвить тысячу змѣй, тысячу лягушекъ, десять тысячъ муравьевъ, похищающихъ хлѣбныя зерна, и т. п.

По вопросу о половой нравственности *Авеста* оказывается довольно-таки безсмысленной, такъ какъ это кодексъ собственно клерикальный; впрочемъ, онъ осуждаетъ вытравленіе плода, и это запрещеніе является, насколько извѣстно, самымъ древнимъ, такъ какъ дикари и даже болѣе поздніе и болѣе культурные народы считаютъ вытравленіе вполнѣ дозволительнымъ актомъ. Въ глазахъ же составителей *Вендидада* оно представляетъ, напротивъ, неискупаемое преступленіе.

Истинно вѣрующему маздеисту запрещается также имѣть дѣло съ куртизанками: «Мы, Девы (демоны), овладѣваемъ вся-

кимъ, кто, будучи старше пятнадцати лѣтъ, соединится съ неподпоясанной и нагой куртизанкой, и оскверняемъ его до самаго языка, до мозга костей».

Воспрещается имѣть половыя сношенія съ невѣрнымъ или преступникомъ. Противоестественная форма любви предается позору и осужденію; повинный въ нихъ человѣкъ превращается и навѣки въ Дева.

Неуклонное выполненіе заключенныхъ договоровъ и контрактовъ вмѣняется въ строгую обязанность каждаго вѣрующаго; въ противномъ случаѣ назначается опредѣленное количество, различное смотря по условіямъ, ударовъ остроконечникомъ (Fargard IV).

Подобному же наказанію подвергаются и лица за всякаго рода раздоры, побои, раны и т. п. «Если человѣкъ, нанесшій ударъ, отъ котораго переломилась кость, не искупитъ своей вины, то какому наказанію слѣдуетъ его подвергнуть«? Ахура-Мазда на это отвѣчаетъ: «Двумъ стамъ ударовъ остроконечника».

Предписанія, касающіяся общей нравственности, также носятъ отпечатокъ возвышеннаго образа мыслей: «Да не будетъ ни ссоръ, ни зложелательныхъ словъ, ни вражды, ни невѣрности, ни злобы, ни обмана, ни низости, ни огорченій».

До сихъ поръ я указывалъ лишь на гуманныя стороны практическаго характера въ кодексѣ маздеистовъ; но нельзя сказать, чтобы тутъ же рядомъ не находились и совершенно безсмысленныя постановленія; да этого и не могло не быть въ законодательствѣ, проникнутомъ преимущественно клерикальнымъ духомъ. Предписанія чисто религіознаго порядка перепутываются здѣсь въ весьма значительной степени съ правилами чисто практическаго характера. Собака, напримѣръ, въ качествѣ охранителя стада, дома, жатвы, безспорно, полезное животное; повидимому, маздеисты приручили собакъ не задолго до составленія своего кодекса, такъ какъ въ послѣднемъ рѣчь идетъ о нѣмыхъ собакахъ, т. е. о неумѣвшихъ еще лаять. Какъ бы не былъ драгоцѣненъ этотъ вѣрный помощникъ человѣка, тѣмъ не менѣе онъ вѣдь не полу-богъ; а между тѣмъ набожные составители *Авесты* именно такъ обращаются съ нимъ. Дѣйствительно, они оказываютъ собакѣ гораздо больше вниманія, чѣмъ женщинѣ. На по-

слѣднюю, если она имѣла несчастіе разрѣшиться отъ бремени мертвымъ ребенкомъ, смотрятъ, какъ на оскверненное существо, и если ей, томимой жаждой, случится въ это время напиться воды, «проистекающей отъ жрецовъ по священнымъ формуламъ», то за это ее ожидаетъ двѣсти ударовъ остроконечникомъ.

Съ другой стороны такому же наказанію подвергается человѣкъ, отказывающійся кормить овчарку. Что же касается покушенія на жизнь собаки, то это считается неискупимымъ преступленіемъ: «Если кто либо убьетъ собаку-овчарку, дворняжку или собаку, прирученную для личной охраны или искусно дрессированную, все равно, то душа его, переходя изъ этого міра въ будущій, будетъ испускать крики и терпѣть большія муки, чѣмъ волкъ».

Преступникомъ становится всякій, кто даетъ собакѣ слишкомъ горячую пищу, которою она обжигаетъ свою пасть, или слишкомъ твердыя кости, которыми она повреждаетъ себѣ горло.

Щенная сука считается священной особой: «Третье мѣсто между проступками, совершаемыми смертными и незаглаживаемыми ни раскаяніемъ, ни искупленіемъ, занимаетъ преступленіе, совершаемое человѣкомъ, когда онъ бьетъ еще не ощенившуюся суку или заставляетъ ее стремительно убѣгать, кричитъ на нее или пихаетъ ее ногами. Если эта сука упадетъ въ яму или въ воду канала, вообще, если съ ней случится какое нибудь несчастье и она будетъ ранена, то человѣкъ, повинный въ этомъ, считается преступникомъ.

Въ глазахъ составителя этого столь любопытнаго кодекса, женщина, очевидно, гораздо менѣе заслуживала вниманія, чѣмъ сука.

Значительно ниже, когда мы закончимъ наше обслѣдованіе различныхъ цивилизацій, начиная отъ отдаленнѣйшей древности до современной эпохи, я попытаюсь въ особой главѣ охарактеризовать вліяніе, какое клерикальный духъ всѣхъ временъ и странъ оказывалъ обыкновенно на нравственность. Мы тогда увидимъ, что это вліяніе было почти всегда неблагопріятное, приводило къ разнаго рода уклоненіямъ отъ практическаго смысла, стремилось поставить точное выполненіе своеобразныхъ и безпо-

лезныхъ формальностей выше поступковъ, предписываемыхъ дѣйствительно полезной моралью.

Настоящую же главу я посвящаю спеціально Персіи.

Маздеистскіе жрецы раскрыли передъ нами теологическую мораль своей родины, а древніе историки познакомили насъ съ ея политическимъ строемъ. Это была та же суровая организація, подобная всѣмъ большимъ первобытнымъ монархіямъ: четыре замкнутыя касты, жреческая, военная, земледѣльческая и ремесленная, подъ ними масса рабовъ, а вверху, господствуя надъ всѣми,—всемогущій государь.

Во времена Кира, Дарія и Ксеркса персидскій царь назывался по преимуществу «великимъ царемъ». Его желаніе, его капризъ не подлежали ни малѣйшему обсужденію: «Слышать—значило повиноваться». Дарій посылалъ въ свои области особыхъ чиновниковъ (missi dominici), носившихъ названіе царскихъ *глазъ и ушей*. Неблагопріятнаго отзыва этихъ приближенныхъ людей, подозрѣнія въ непокорности было достаточно, чтобы погубить сатрапа, котораго или смѣщали, или приговаривали къ смерти безъ всякаго разбирательства дѣла, при чемъ исполненіе казни поручалось членамъ его же собственной свиты. Геродотъ разсказываетъ, что во время приготовленій къ походу Ксеркса въ Грецію, одинъ лидіецъ, Пиѳіасъ, осмѣлился просить монарха о милостивомъ разрѣшеніи ему оставить при себѣ старшаго сына, при чемъ четырехъ другихъ сыновей онъ предлагалъ въ полное его распоряженіе; Ксерксъ приказалъ тутъ же, на мѣстѣ, разрубить на двое молодого человѣка, о которомъ ходатайствовалъ отецъ. Персидскія войска дефилировали обыкновенно передъ своимъ царемъ подъ ударами плети.

Прошли вѣка, религія персовъ измѣнилась, но, несмотря на политическія революціи, самый тяжелый деспотизмъ не перестаетъ угнетать до сихъ поръ злополучный персидскій народъ. Магометанство не оказало совсѣмъ никакого вліянія на рабскій строй этой страны. Еще немного лѣтъ тому назадъ шахъ персидскій былъ столь же всемогущъ, какъ нѣкогда Ксерксъ. Все персидское законодательство, говоритъ Фразеръ, можетъ быть выражено въ одной краткой формулѣ: «Такова воля шаха». Ниже шаха стоитъ цѣлая іерархія второстепенныхъ тира-

новъ, полу-рабовъ, полу-деспотовъ. Наконецъ, еще ниже стоитъ масса земледѣльцевъ, выносящая на себѣ все, угнетенная, эксплоатируемая, терзаемая, кормящая всѣхъ и заботящаяся лишь о томъ, чтобы путемъ хитростей скрыть хоть часть требуемыхъ податей и контрибуцій.

Въ докладѣ, напечатанномъ въ С.-Петербургѣ въ 1819 г., французскій офицеръ, Гаспаръ Друвилль, прожившій въ Персіи три года, подтверждаетъ и дополняетъ сообщенія Фразера.

Все населеніе принадлежитъ шаху, говоритъ онъ. Считаться рабомъ шаха составляетъ гордость для всякаго и титулъ *кули* (рабъ) нерѣдко ставится передъ именемъ многихъ вельможъ.

Шахъ вполнѣ располагаетъ женщинами всякаго состоянія и званія; предпочтеніе, оказанное имъ женщинѣ или дѣвушкѣ, считается ея отцомъ или мужемъ за особую милость къ нимъ повелителя.

Даже религіозныя предписанія и тѣ теряютъ свой авторитетъ передъ волей шаха; употребленіе вина считается дозволительнымъ для правовѣрныхъ, какъ только монархъ допускаетъ это: законъ—это плодъ его фантазіи.

Въ принципѣ шахъ является великимъ судьей; его суду подлежатъ главнымъ образомъ знатныя лица и особо важныя дѣла, при чемъ онъ произноситъ безапелляціонные приговоры, немедленно приводимые въ исполненіе. Самыми обыкновенными наказаніями считается смерть и отрѣзаніе носа или ушей. Какъ исправительная мѣра, практикуются палочные удары по пятамъ; ихъ расточаютъ щедрою рукой. Немногіе изъ министровъ времени путешествія Друвилля не испытали на себѣ этого наказанія. Царедворцы весьма спокойно сносили такое отеческое наказаніе, нисколько не стыдясь его, такъ какъ персы не считали позоромъ наказаніе, налагаемое государемъ; все признавалось справедливымъ, если послѣдній желалъ этого. По словамъ Друвилля, шахъ приказалъ подвергнуть палочнымъ ударамъ главнаго сборщика податей въ провинціи Асерబиджанъ, весьма важнаго сановника, не за его лихоимство, а за то, что онъ не внесъ нѣкоторой части изъ своихъ поборовъ въ казну своего государя.

А между тѣмъ въ Персіи есть судьи, кади и губернаторы, разбирающіе обыкновенныя дѣла и постановляющіе по нимъ

приговоры; но всѣ они, по словамъ Фразера, продажны и, человѣкъ, совершившій самое ужасное преступленіе, можетъ быть оправданъ за нѣсколько томановъ.

Во время Фразера законъ возмездія былъ еще въ силѣ въ Персіи. Обокраденный могъ простить вора; убійца одного молодого человѣка былъ отданъ однажды на произволъ матери убитаго, которая нанесла ему ножомъ пятьдесятъ ранъ, и затѣмъ, чтобы доставить себѣ удовольствіе, провела по своимъ губамъ окровавленнымъ лезвіемъ.

Карательная система отличалась крайней жестокостью. Въ прежнія времена, въ силу древняго закона возмездія, воровство наказывалось отнятіемъ кисти руки. Во время путешествія Друвилля смертная казнь назначалась за кражу, убійство, изнасилованіе, возмущеніе и измѣну. Мужчину, уличеннаго въ прелюбодѣяніи, приговаривали къ смерти; а женщину— завязывали въ мѣшокъ и бросали въ воду. Содомиста, котораго, по корану, наказываютъ всего лишь тридцатью двумя палочными ударами, наказывали смертной казнью, и тѣмъ не менѣе высшіе классы въ Персіи сильно предавались разнымъ противоестественнымъ порокамъ.

Наиболѣе часто практикуемыя наказанія отличаются всѣ непомѣрной жестокостью: обезглавленіе, удавленіе, отрѣзываніе ушей, носа, кисти руки, вырываніе глазъ. Насильственному ослѣпленію особенно часто подвергаются ханы, родные братья шаха; это—просто мѣра предосторожности, принимаемая каждымъ вновь вступающимъ на престолъ монархомъ. Фразеръ наблюдалъ однажды, какъ молодой персидскій принцъ пріучалъ себя заранѣе къ слѣпотѣ и щупалъ вокругъ себя, закрывъ глаза: «По смерти нашего отца, сказалъ онъ путешественнику, мы всѣ будемъ или умерщвлены или ослѣплены, вотъ почему я и пробую теперь пріучить себя къ тому, что мнѣ придется дѣлать, когда я потеряю зрѣніе».

Въ тѣхъ же видахъ предосторожности персидскіе шахи подвергали оскопленію молодыхъ людей, которые принадлежали къ могущественнымъ фамиліямъ и могли современемъ стать опасными для нихъ.

Весь этотъ тысячелѣтній гнетъ, вся эта рабская дресси-

ровка, такъ долго длившаяся, произвели именно тотъ результатъ, какой и слѣдовало отъ нихъ ожидать. По своему общему складу, по красотѣ и уму, персидское племя принадлежитъ къ высшимъ типамъ человѣчества. Среди массы религіозныхъ ребячествъ, что-то здоровое, благородное и мужественное прорывается въ *Авестѣ*, но нѣтъ такой нравственной пружины, которая не уступила бы подъ слишкомъ тяжелымъ и продолжительнымъ гнетомъ. Въ настоящее время масса персидскаго народа пала очень низко въ нравственномъ отношеніи; по словамъ всѣхъ путешественниковъ, она вообще рабски почтительна и лукава, жестока и лицемѣрна; она живетъ ложью.

Примѣръ этотъ поразителенъ, назидателенъ, и онъ подкрѣпляетъ тѣ мысли, которыми я закончилъ предыдущую главу. Подобный же историческій урокъ дастъ намъ и Индія.

II.—О нравственности въ Индіи періода Ведъ.

Индія, начиная отъ временъ Ведъ и до нашихъ дней, была также обширной лабораторіей, въ которой высшій человѣческій типъ послѣдовательно и настойчиво подвергался совершенно особенной нравственной культурѣ. Весьма любопытно поэтому отмѣтить результаты и фазы этого продолжительнаго соціологическаго опыта.

Ригъ-Веда рисуетъ намъ наивную еще варварскую расу, одаренную очень пламеннымъ воображеніемъ и весьма ревностно почитающую своихъ многочисленныхъ боговъ. Но она не дѣлаетъ изъ нихъ еще охранителей своей нравственности. Боги въ глазахъ аріевъ временъ Ведъ это—могущественныя, незримыя человѣкоподобныя существа, которыхъ можно примирить съ собой путемъ молитвъ и приличныхъ приношеній.

Какъ только они удовлетворены похвалами и подарками, полученными отъ поклонниковъ, то, въ качествѣ благовоспитанныхъ лицъ, они отвѣчаютъ на это также щедротами и чисто земными милостями. Они губятъ враговъ своихъ почитателей, какъ между родственниками, такъ и чужеземцами, даруютъ имъ многочисленныя стада и посылаютъ дождь. Эти боги имѣютъ одну слабость: они питаютъ большую склонность къ

спиртнымъ напиткамъ и не могутъ устоять передъ большими пріемами опьяняющаго напитка, получаемаго изъ кислаго Asclepias: при помощи *сомы* отъ нихъ можно всего добиться. По крайней мѣрѣ въ половинѣ гимновъ *Ригъ-Веды* рѣчь идетъ о томъ, чтобы опьянить боговъ, и такимъ образомъ сдѣлать ихъ болѣе щедрыми. Всѣ эти молитвы отличаются ребяческой наивностью.

«Приди же къ намъ (Индра). Говорятъ, что ты любишь сому. Мы приготовили ее для тебя; пей же ее до опьяненія; насыть свою непомѣрную утробу».

«Изъ растенія сомы выжатъ сокъ, чтобы тебя опьянить имъ; пусть же этотъ жгучій напитокъ вмѣстѣ съ нашими восхваленіями послужитъ острымъ жаломъ, которое возбудитъ тебя».

«Упивайся, носимый лазоревыми скакунами. Для тебя приготовленъ этотъ чарующій напитокъ, и т. п.».

«Помолимся ему, чтобы получить друзей, богатства и власть».

«О Индра, ты можешь намъ ниспослать лошадей, коровъ, ячменя... вотъ почему мы и обращаемся къ тебѣ съ этимъ гимномъ».

Иногда стараются подѣйствовать вкрадчивостью:

«О Индра, если бы я подобно тебѣ былъ полновластнымъ господиномъ всяческаго изобилія, я желалъ бы видѣть своего прославителя окруженнымъ коровами».

«Индра никогда не станетъ изнурять насъ работой, утомленіемъ и притѣсненіями; онъ никогда не заставитъ насъ сказать: «Воздержитесь отъ приноднесенія ему сомы; нѣтъ, онъ будетъ проявлять къ намъ свою заботливость и ниспосылать намъ свои подарки и благодѣянія; онъ даруетъ намъ стада коровъ въ благодарность за сдѣланныя нами возліянія вина».

Во всѣхъ этихъ эгоистическихъ молитвахъ нѣтъ и тѣни какихъ либо нравственныхъ идей или предписаній; впрочемъ, въ нихъ клеймится позоромъ скупость и восхваляется щедрость:

«Есть на свѣтѣ два скоропреходящія явленія: сонъ и недобрые богачи».

О богахъ говорится, что они «правдивы и готовы оказывать помощь».

Въ одномъ стихѣ благотворительнымъ людямъ обѣщается даже, что они станутъ богами:

«Благотворитель готовитъ себѣ мѣсто на небесахъ среди боговъ. Великодушныхъ людей ожидаетъ чудесная участь».

«Онъ (Индра) беретъ имущество скупца и передаетъ его тому, кто служитъ ему и чьи желанія онъ исполняетъ».

Единственнымъ формальнымъ запрещеніемъ является запрещеніе кровосмѣшенія. Въ любопытномъ діалогѣ между Яма и Ями, братомъ и сестрой, первый отвергаетъ весьма недвусмысленныя домогательства второй:

«Я не приближу своего тѣла къ твоему. Грѣшникомъ считается человѣкъ, женившійся на родной сестрѣ. Ищи наслажденія съ другимъ, а не со мной. О женщина, твой родной братъ отказывается отъ сношеній съ тобой».

Судя по этому тексту, можно, повидимому, предполагать, что воспрещеніе половыхъ сношеній между братомъ и сестрой было тогда совсѣмъ современнымъ, такъ какъ Ями, сестра, не находитъ въ нихъ ничего предосудительнаго.

Ригъ-Веда знакомитъ насъ болѣе съ соціальнымъ строемъ, чѣмъ съ нравственнымъ состояніемъ аріевъ тѣхъ временъ. Они группировались въ воинственныя племена, раздѣлялись уже на аристократовъ, жрецовъ, хлѣбопашцевъ, скотоводовъ и ремесленниковъ; они не имѣли вовсе или очень мало рабовъ. Жрецы, будущіе брамины, уже занимались религіознымъ посвященіемъ мелкихъ варварскихъ предводителей и старались вырывать у нихъ подарки путемъ угодливости и ласкательствъ.

Только послѣ того, какъ ведическіе аріи, въ качествѣ побѣдителей, прочно обосновались въ Индіи, они организовали обширныя монархическія государства съ іерархическими и замкнутыми кастами, подъ властью деспотически-теократическаго монарха. Относительно нравственности этого обширнаго браминскаго общества, явившагося на смѣну ведическому, законы Ману доставляютъ многочисленныя и точныя указанія.

III.—О нравственности въ браминской Индіи.

Нравственность браминской Индіи находится подъ давленіемъ и режимомъ суроваго учрежденія кастъ и ученія о ихъ искон-

номъ неравенствѣ, откуда вытекаетъ неравенство правъ и обязанностей отдѣльныхъ лицъ. Вполнѣ естественно, поэтому, что соціальное руководительство принадлежитъ кастѣ браминовъ, признаваемой за самую высшую по своей сущности, такъ какъ она произошла изъ устъ Брамы: «Брама предоставилъ браминамъ изученіе и преподованіе Ведъ, жертвоприношенія, общій надзоръ за жертвоприношеніями, совершаемыми другими лицами, *право давать и получать*». Ведическій жрецъ передалъ своему преемнику, брамину, любовь къ подаркамъ.

«Кшатрію Брама поручилъ охранять народъ и заниматься благотворительностью».

«Вайсію—ухаживать за скотомъ, подавать милостыни, вести торговлю, отдавать деньги въ ростъ, обрабатывать землю». «На Судру же верховный властелинъ возложилъ единственную лишь обязанность, а именно: служить перечисленнымъ выше классамъ, не умаляя ихъ достоинства».

Какъ и въ Персіи, смѣшеніе кастъ было строго воспрещено: «Браминъ, который женится не на женщинѣ своей касты, который приметъ на свое ложе женщину—Судру, низойдетъ въ адъ».

У кормила этого закристаллизовавшагося общества стоитъ верховный повелитель, передъ которымъ всѣ должны преклоняться: «Человѣкъ, который въ своемъ заблужденіи обнаруживаетъ по отношенію къ нему ненависть, неизбѣжно долженъ погибнуть, такъ какъ съ этого момента царь только и думаетъ о томъ, какъ погубить его».

«Чтобы помочь царю въ исполненіи его функцій, Господь создалъ прежде всего генія наказанія, своего собственнаго сына».

«Наказаніе управляетъ человѣчествомъ; Наказаніе охраняетъ его; Наказаніе бодрствуетъ, когда все объято сномъ; Наказаніе есть сама справедливость».

Но само собою разумѣлось при этомъ, что этотъ всемогущій и всекарающій монархъ будетъ подчиняться духовному руководительству помазанниковъ божьихъ.

«Вставая на зарѣ, царь долженъ прежде всего выразить свое уваженіе браминамъ».

«Онъ долженъ почитать ихъ и ставить себѣ въ примѣръ. Онъ долженъ совѣщаться съ ними».

Въ особенности царь долженъ щедро одаривать браминовъ: «подарокъ, сдѣланный человѣку, не принадлежащему къ кастѣ браминовъ является поступкомъ, имѣющимъ обыкновенную цѣну; эта послѣдняя вдвое увеличивается, если подарокъ сдѣланъ человѣку, называющему себя браминомъ; заслуга возростаетъ во сто тысячъ разъ, если подарокъ предложенъ брамину, далеко подвинувшемуся въ изученіи Ведъ, и она безконечна если даръ предназначается совершеннѣйшему богослову».

Эти святоши очень падки на деньги. Если браминъ найдетъ зарытый въ землю кладъ, то можетъ присвоить его себѣ цѣликомъ; необоротъ, въ подобномъ случаѣ царь долженъ отдать браминамъ половину своей находки.

Въ самомъ дѣлѣ, браминъ одаренъ самой высшей сущностью: «Появляясь на свѣтъ, браминъ занимаетъ тотчасъ же первое мѣсто на землѣ... Браминъ питается исключительно собственной пищей, носитъ лишь собственныя одѣянія и раздаетъ лишь собственное состояніе; только благодаря щедрости брамина, всѣ остальные люди наслаждаются благами этого міра».

«Десятилѣтній браминъ и достигшій столѣтняго возраста кшатрія должны считаться отцемъ и сыномъ, причемъ браминъ будетъ отцомъ».

Трудно идти дальше этого въ безумномъ тщеславіи своимъ аристократизмомъ.

Отсюда само собою слѣдуетъ, что обычныя нравственныя правила, обязательныя для всѣхъ смертныхъ, не могутъ относиться къ такимъ полубожественнымъ существамъ, какъ брамины: «Брамина, усвоившаго вполнѣ Ригъ-Веды, не можетъ осквернить никакое преступленіе, даже если бы онъ убилъ всѣхъ жителей трехъ міровъ или принялъ пищу отъ самаго низкаго человѣка».

Наоборотъ, столѣтнее пребываніе въ аду угрожаетъ тому, кто нападаетъ на брамина съ цѣлью убить его и тысячелѣтнее—кто умертвитъ брамина.

Въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ самымъ сильнымъ разгаромъ жреческой морали, а потому всякаго рода странности не должны насъ изумлять.

Всякій, принадлежащій къ низшей кастѣ, разъ онъ оскор-

битъ одного изъ Двиджа (людей дважды рожденныхъ, т. е. браминовъ), лишается языка. Судра, назвавшій брамина по имени и тѣмъ оскорбившій его, подвергается страшному наказанію: ему вонзаютъ въ ротъ раскаленный кинжалъ длиною въ десять пальцевъ. Царь обязанъ залить кипящею смолою ротъ и уши судры, у котораго хватило бы наглости поучать браминовъ относительно исполненія ими своихъ обязанностей.

Старинный законъ возмездія все еще господствуетъ въ системѣ наказанія: «Всякій низкорожденный человѣкъ, ударившій стоящаго выше его, лишается именно того члена, коимъ онъ нанесъ ударъ: таково предписаніе Ману».

Браминъ же и въ этомъ отношеніи пользуется чрезмѣрными правами, и наказаніе, которому онъ можетъ подвергнуться несравненно мягче угрожающихъ другимъ лицамъ.

«Да воздержится царь отъ убіенія брамина, даже виновнаго во всевозможныхъ преступленіяхъ, и отъ конфискаціи его имущества; нѣтъ въ мірѣ болѣе прискорбной неправды, какъ смертоубійство брамина; у царя не должно возникать даже и помысла объ этомъ».

«Да заставитъ браминъ судру, купленнаго или некупленнаго, выполнять его рабскія обязанности, такъ какъ само собою существующее бытіе для того и создало судру, чтобы онъ служилъ браминамъ».

Браминъ въ случаѣ нужды можетъ, *съ совершенно спокойной совѣстью*, присвоить себѣ имущество судры, его раба, и царь не долженъ за это наказывать.

Въ одномъ изъ отличающихся крайнею наивностью стиховъ убійство судры браминомъ приравнивается къ умерщвленію нѣкоторыхъ животныхъ; дѣйствительно браминизмъ (подобно буддизму) оказываетъ покровительство животнымъ: «За умышленное умерщвленіе браминомъ кошки, ихневмона, совы, лягушки, собаки, крокодила, совы или вороны да будетъ подвергнутъ онъ такому же наказанію, какъ и за убійство судры, т. е. *Чандраянъ*» (мѣсячному посту, большему или меньшему, смотря по луннымъ фазамъ).

Вообще несправедливость, отличающая этотъ теократическій кодексъ, обнаруживается съ величайшей наивностью. Такъ, за

прелюбодѣяніе, наказуемое смертною казнью по отношенію къ лицамъ, принадлежащимъ къ другимъ кастамъ, брамину приходилось платиться только тонзурой.

Напротивъ, жена его, провинившаяся въ измѣнѣ, «отдается на растерзаніе псамъ на площади, чаще всего посѣщаемой людьми», а соучастника въ ея прелюбодѣяніи предаютъ сожженію на раскаленномъ желѣзномъ ложѣ. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ, разумѣется, о соучастникѣ, не принадлежащемъ къ кастѣ браминовъ.

Что же касается брамина, то законодательство относится къ нему крайне снисходительно: «Если, сошедшись съ замужней женщиной, онъ далъ жизнь ребенку, то да искупитъ вину свою трехдневнымъ очищеніемъ».

Молодой дѣвушкѣ предоставляется свободно любить мужчину, принадлежащаго къ высшей кастѣ, но она должна быть подвергнута суровому домашнему заключенію, если привяжется къ мужчинѣ изъ низшей касты.

Судра, поддерживающій преступную связь съ незамужней женщиной, принадлежащей къ одной изъ трехъ первыхъ кастъ, лишается виновнаго члена и всѣхъ своихъ животныхъ, если та дѣвушка не находилась подъ охраной; въ противномъ же случаѣ онъ теряетъ все имущество вмѣстѣ съ жизнью.

Въ случаѣ «оскорбленія нравовъ», особенно тщательно различали тѣ случаи, когда преступленіе сопровождалось насиліемъ, и когда не было неравенства между общественнымъ положеніемъ виновника и жертвы: сообразно съ этимъ виновникъ приговаривался или нѣтъ къ тѣлесному наказанію, которое состояло въ сѣченіи или отрубаніи двухъ или трехъ пальцевъ.

Скотоложство и противоестественныя формы любви подвергались довольно слабой карѣ, какъ бы вродѣ епитиміи, *Сантапанъ*, состоявшей въ томъ, что виновный въ теченіе дня долженъ былъ принимать въ пищу коровью мочу и калъ, смѣшанные съ молокомъ, простоквашей, очищеннымъ масломъ и т. п.

По отношенію къ брамину наказаніе иногда чрезвычайно смягчается. Такъ: «Двиджа, предающійся удовлетворенію своей страсти къ мужчинѣ, *въ какомъ бы то ни было мѣстѣ*, и

страсти къ женщинѣ, въ телѣгѣ-ли, запряженной волами, въ водѣ-ли, днемъ-ли, долженъ выкупаться, не снимая съ себя одежды».

Законы Ману опредѣляютъ для женщины чрезвычайно подчиненное положеніе,—въ глазахъ набожнаго законодателя, женщина является существомъ по преимуществу порочнымъ: «Ману надѣлилъ женщинъ любовью къ своему ложу, своему сѣдалищу и нарядамъ, похотливостью, злобою, дурными наклонностями, желаніемъ приносить вредъ, развращенностью».

Въ дѣтствѣ женщина должна находиться во власти отца; въ молодости—во власти мужа, по смерти же мужа—во власти сыновей, но если она не имѣетъ сына, то должна зависѣть отъ близкихъ родственниковъ мужа, а за отсутствіемъ таковыхъ—отъ ближайшихъ родичей своего отца; наконецъ въ случаѣ неимѣнія и родственниковъ съ отцовской стороны, она должна находиться подъ опекой государя. Женщина никогда не должна пользоваться свободой».

Женщина—это только поле, на которое мужчина является съ сѣменемъ; вотъ почему, въ случаѣ бездѣтности, «желаемое потомство можетъ быть добыто путемъ совокупленія супруги, получившей на это разрѣшеніе, съ братомъ или родственникомъ».

При судебныхъ разбирательствахъ свидѣтельское показаніе многихъ даже честныхъ женщинъ имѣетъ меньшее значеніе, чѣмъ показаніе хотя бы и одного мужчины, лишь бы только онъ не былъ запятнанъ корыстолюбіемъ; и все это «благодаря непостоянству женскаго ума», причемъ женщины приравниваются въ данномъ случаѣ къ мужчинамъ, совершившимъ преступленія.

Въ большинствѣ случаевъ бракъ является лишь простой покупкой молодой дѣвушки у ея родителей; въ случаѣ же подмѣна, учиненнаго послѣдними, законъ постановляетъ, что покупщикъ становится мужемъ двухъ дочерей, безъ возвышенія платы.

Всякій имѣетъ право замѣнить одну жену другою, если она пьянствуетъ, или дурно ведетъ себя, или если она постоянно противорѣчитъ мужу и отличается расточительностью. Съ женой

можно развестись послѣ восьмилѣтняго совмѣстнаго жительства, въ случаѣ безплодія ея; послѣ десятилѣтняго, если всѣ дѣти отъ нея перемерли; послѣ одиннадцатилѣтняго, если она рожаетъ только однѣхъ дочерей; съ ней можно немедленно разойтись, если она сварлива.

Священный кодексъ Ману трактуетъ весьма обстоятельно о дѣлахъ, касающихся матеріальной выгоды, о займахъ, ссудахъ, поручительствахъ и закладахъ. Онъ очень строго караетъ за воровство; воръ пойманный съ поличнымъ на мѣстѣ преступленія, наказывается смертной казнью; ей же подвергаются и его соучастники, укрыватели и т. п. Человѣкъ, укравшій извѣстное количество драгоцѣнныхъ предметовъ, лишается руки. Та же кара ожидаетъ и похитившаго коровъ у брамина.

При ссудахъ процентъ опредѣляется, смотря по тому, къ какой кастѣ принадлежитъ берущій, и притомъ въ обратномъ отношеніи: «Пусть кредиторъ беретъ по 2% въ мѣсяцъ (и никакъ не больше) съ брамина, по 3% съ кшатрія, по 4% съ вайсія и по 5% съ судры».

Не смотря на всѣ особенности и жестокости этого кодекса, въ немъ обнаруживаются все-таки и тенденціи высшаго порядка. Браминъ не долженъ чрезмѣрно предаваться чувственнымъ излишествамъ. Кшатрія долженъ покровительствовать всему, что находится подъ его властью, руководясь одной только справедливостью. Браминъ и кшатрія *даже при затруднительныхъ обстоятельствахъ* не должны отдавать денегъ въ ростъ. Въ случаяхъ мелкихъ кражъ и когда при этомъ виновникъ ясно сознаетъ дурное и хорошее въ своихъ поступкахъ, штрафъ увеличивается соотвѣтственно общественному положенію провинившагося. Гостепріимство обязательно: «Домохозяинъ не долженъ отказывать въ гостепріимствѣ вечерней порой человѣку, котораго закатъ солнца привелъ къ нему». Устанавливаются гуманныя наказанія. Такъ, въ случаѣ нападенія воровъ, люди, на которыхъ возложена охрана извѣстныхъ участковъ, обязаны вмѣшаться въ дѣло, подъ угрозой наказанія наравнѣ съ ворами. Изгнаніе постигаетъ лицъ, не подающихъ помощи во время разграбленія деревни, появленія разбойниковъ на

большой дорогѣ, или разрушенія водой плотины. Все это напоминаетъ Египетъ.

А вотъ и предписаніе, отличающееся рѣдкимъ нравственнымъ благородствомъ и встрѣчающееся также въ древнихъ законахъ кельтической Ирландіи; оно вмѣняетъ каждому въ обязанность обходиться, какъ съ родственникомъ, съ своимъ воспитателемъ, т. е. духовнымъ господиномъ: «Учитель есть олицетвореніе божественнаго существа... Съ учителемъ, отцомъ, матерью и старшимъ братомъ никогда не слѣдуетъ обращаться пренебрежительно, въ особенности брамину, хотя бы этотъ послѣдній и подвергался даже съ ихъ стороны оскорбленію».

За прелюбодѣяніе, совершенное съ женой духовнаго учителя, полагается особое наказаніе.

Эти древнія законоположенія складывались медленнымъ путемъ, по частямъ, изъ отдѣльныхъ отрывковъ; въ нихъ часто встрѣчаются разнаго рода вставки, а отсюда—противоположныя утвержденія, противорѣчія. Нѣкоторыя статьи носятъ совершенно дикій характеръ, другія напротивъ запечатлѣны своего рода благородствомъ. На ряду, напримѣръ, съ уваженіемъ къ нравственному воспитателю стоитъ запрещеніе убивать женщину или ребенка, вредить другу, платить зломъ за добро и давать ложное показаніе: все это запрещается подъ угрозой попасть въ адъ. Отмѣтимъ еще прославленіе человѣка, исполняющаго свой долгъ *безъ надежды на вознагражденіе*, и увѣщаніе желать добра всѣмъ тварямъ и не причинять одушевленнымъ существамъ мукъ рабства и смерти.

Со всѣми своими недостатками и достоинствами теократическій кодексъ браминовъ существовалъ въ теченіе многихъ вѣковъ; онъ сохранился и до сихъ поръ, несмотря на насильственное вторженіе европейцевъ въ Индію. А потому любопытно прослѣдить, къ какимъ нравственнымъ результатамъ привела столь продолжительная дрессировка. Несомнѣнно, что браминское ученіе, подобно всякой системѣ, просуществовавшей достаточно продолжительное время, способствовало развитію чувства долга и пріучило индусовъ къ самообладанію; но, благодаря своему клерикальному характеру, оно извратило нравственное чувство, провозглашая то дурными и преступными, то обязательными

дѣйствія, въ сущности, ничтожныя и безсмысленныя; наконецъ, кастовое устройство, тираннія раджей и безграничное владычество браминовъ подавили умственную энергію націи. Французскіе миссіонеры XVII вѣка, современные путешественники, труды нѣкоторыхъ англійскихъ юристовъ, проживших довольно продолжительное время въ Индіи, даютъ намъ весьма полныя свѣдѣнія относительно нравственности и преобладающихъ тенденцій въ Индіи современной или по крайней мѣрѣ новѣйшей.

Аріи временъ Ведъ были игроками и пьяницами, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ *Ригъ-Веда*. Современные же индусы, наоборотъ, питаютъ отвращеніе къ пьянству и играютъ лишь въ шашки и шахматы. Съ женщинами они держатъ себя, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, крайне сдержанно. Но послѣднія, согласно духу браминскаго ученія, находятся всегда въ полномъ подчиненіи. Ихъ выдаютъ замужъ, иногда еще въ дѣтскомъ возрастѣ, не спрашивая согласія, всегда путемъ покупки. Мужъ бьетъ, оскорбляетъ жену, грубо обращается съ нею; жена никогда не садится за одинъ столъ съ мужемъ и никогда не называетъ его по имени. Однѣ лишь баядерки пагодъ обучаются чтенію и письму. Въ случаѣ прелюбодѣянія мужъ имѣетъ право убить обоихъ виновныхъ, разъ онъ застанетъ ихъ на мѣстѣ преступленія. Лица, принадлежащія къ высшимъ классамъ, могутъ пріобрѣтать нѣсколькихъ женъ и разводиться съ ними; причемъ поводомъ могутъ служить разныя обстоятельства, въ особенности же безплодіе, какъ это было и въ старое доброе время. Индусскія женщины производятъ вообще впечатлѣніе великовозрастныхъ дѣтей; онѣ безумно увлекаются драгоцѣнными камнями, украшеніями и богатой одеждой.

Нѣкоторые обычаи индусовъ подтверждаютъ ту мысль, что нравственная дрессировка можетъ обуздывать или измѣнять даже самыя естественныя наклонности. Такъ, инстинктъ самосохраненія оказывается побѣжденнымъ въ тѣхъ добровольныхъ самоубійствахъ знатныхъ вдовъ, сутти, которыя уже такъ давно практикуются въ Индіи и о которыхъ законы Ману еще не упоминаютъ. Въ 1710 г., по смерти восьмидесятилѣтняго принца Марава, жены его, въ числѣ сорока семи душъ, разукрашенныя

разными драгоцѣнностями, бросились на костеръ, предназначенный для сожженія праха ихъ мужа. Высокаго понятія о чести было достаточно, чтобы вдохновить ихъ такимъ героизмомъ. «Я хочу быть сожженной, говорила вдова одного раджи: однѣ лишь женщины низшихъ кастъ не сжигаютъ себя».

Изъ подобнаго же сознанія чести возникло и нѣчто вродѣ добровольно налагаемаго на себя наказанія, когда человѣкъ самъ примѣняетъ къ себѣ законъ возмездія. Если, напримѣръ, вслѣдствіе оскорбленія или перенесенной несправедливости, человѣкъ подвергаетъ себя увѣчью или даже прибѣгаетъ къ самоубійству, то виновникъ всего этого обязанъ послѣдовать его примѣру, въ противномъ случаѣ его ожидаетъ общественное негодованіе. Эта месть, при массовомъ своемъ проявленіи, превращается въ ночное бодрствованіе, *дхарна*; такъ, чтобы укротить, напримѣръ, своевластіе раджи, цѣлое населеніе безмолвно садится вокругъ дворца и рѣшается умереть голодной смертью, если только ихъ повелитель не уступаетъ. Впрочемъ, *дхарна* практиковалась иногда и въ отношеніяхъ между частными лицами. Разумѣется, этотъ странный способъ отвѣтственности, человѣкъ за человѣка, не лишенъ благородства, но по отношенію къ повелителю онъ свидѣтельствуетъ лишь о рабской пассивности, получившейся, несомнѣнно, какъ результатъ суроваго кастоваго устройства, поддерживаемаго въ теченіе многихъ вѣковъ. Дѣйствительно, человѣкъ, принадлежащій къ низшей кастѣ, не имѣлъ права взглянуть въ лицо члену высшей касты: такой поступокъ съ его стороны считался оскорбленіемъ послѣдняго и давалъ ему право убить наглеца. Благодаря суровости и неподвижности учрежденій, для индусовъ оказывается недоступной даже самая мысль о возможности измѣненій существующаго порядка; на всякое критическое замѣчаніе они неизмѣнно отвѣчаютъ: «таковъ обычай», не допуская и мысли о томъ, что можно поступать и иначе, чѣмъ поступали ихъ предки.

Впрочемъ есть и благородныя стороны въ индусской нравственности. Такъ, предполагаемая святость и ученость браминовъ замѣняла имъ деньги. Богатство не должно было служить для удовлетворенія эгоистическихъ стремленій; оно налагало нравственное обязательство дѣлать полезное для общества,

пролагать дороги, рыть пруды, сажать деревья вдоль дорогъ, устраивать пристанища на пути и т. п.,—однимъ словомъ, обязывало богача заботиться объ общественномъ благѣ.

Буддизмъ, о которомъ я не намѣренъ здѣсь распространяться, представляетъ лишь дальнѣйшее логическое развитіе брамaнизма, онъ почти цѣликомъ усвоилъ себѣ мораль послѣдняго, доведя еще до крайности ея аскетическую сторону; въ буддизмѣ преклоненіе передъ всякимъ проявленіемъ жизни, предписываемое уже законами Ману, достигаетъ безумія; его великое реформаторское значеніе заключается въ томъ, что онъ разбилъ, по крайней мѣрѣ съ религіозной точки зрѣнія, кастовыя цѣпи, онъ улучшилъ также нравственное положеніе женщины, открывъ ей наравнѣ съ мужчиной доступъ въ монашескіе ордена и указавъ путь къ духовному возрожденію. Вообще буддизмъ, съ нравственной и соціальной точки зрѣнія, выполнилъ на востокѣ ту же задачу, какую христіанство на западѣ, и нельзя съ увѣренностью сказать, что онъ не послужилъ образцомъ второму. Несомнѣнно, что тотъ и другой содѣйствовали развитію и распространенію чувства гуманности и милосердія, но вмѣстѣ съ тѣмъ они разслабляли силу характеровъ. Ниже мнѣ придется войти въ болѣе подробное разсмотрѣніе ихъ вліянія на нравы.

Замѣтимъ только, что, послѣ Перу съ Египтомъ, Персія съ Индіею одинаково убѣждаютъ насъ въ томъ, что если суровая дисциплина первобытныхъ монархій смягчила нравъ дикаго человѣка и цивилизовала его, то, съ другой стороны, она имѣла и крайне тяжелыя послѣдствія: она заглушила въ немъ духъ иниціативы, сломила волю, т. е. изсушила самый источникъ прогресса.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

НРАВСТВЕННОСТЬ ВАРВАРСКОЙ СТАДІИ. (*Продолженіе*).

I. *Нравственность въ Китаѣ.*—Китай—единственное большое первобытное общество, дожившее до нашихъ временъ.—Монархическій деспотизмъ въ Китаѣ представляетъ одну только внѣшность.—Государство—семья.—Принципъ пользы въ администраціи.—Китайскіе моралисты.—Ограниченность ихъ мудрости.—Практическая мораль Конфуція.—Отвращеніе къ войнѣ.—Философскія постановленія мандариновъ.—Добрыя дѣла.—Мудрость правительства.—Благотворительныя учрежденія.—Отвѣтственность въ случаѣ самоубійства.—Грубыя наказанія.—Степень наказанія находится въ обратномъ отношеніи къ общественному положенію виновнаго.—Громадная власть отца семейства.—Подчиненіе женщины.—Половая нравственность и законъ.—Наказанія за воровство.—Цензоры.—Мандарины.—Регламентированная неподвижность.

II. *Іудейская нравственность.*—Первобытная нравственность іудеевъ.—Почти полное отсутствіе въ ней оригинальности.—Шабашъ.—Истребленіе враговъ.—Законъ возмездія.—Право господина на раба.—Противуестественныя формы любви.—Дѣтоубійство.—Деспотическая власть отца.—Наказаніе за воровство.—Жестокость наказаній.—Законъ оказываетъ покровительство бѣднымъ.—Жизнь ограждается тщательнѣе, чѣмъ собственность.—Законы гуманитарнаго характера.—Мораль пророковъ.

III. *Нравственность Ислама.*—Коранъ.—Магометанскій законъ возмездія.—Запрещеніе ростовщичества.—Рабство.—Женщина.—Полигамія.—Прелюбодѣяніе.—Проповѣдь честности.—Священная война.—Нравственность современныхъ бедуиновъ.

I.—О нравственности въ Китаѣ.

Всѣ большія варварскія государства, изученныя нами до сихъ поръ, какъ бы ни было продолжительно ихъ существованіе, не успѣли достигнуть полнаго развитія; они были разрушены или покорены, прежде чѣмъ пережили кастовую стадію развитія. Лишь одно изъ нихъ Китай, продолжаетъ существовать до нашихъ дней, процвѣтая по-своему и сообразно со своими характерными особенностями. Подобно всѣмъ государ-

ствамъ, прожившимъ достаточно продолжительное время, Китай подвергался и иноземнымъ вторженiямъ, и внутреннимъ революцiямъ, но эти событiя были лишь временными грозами, которыя выдержала прочная структура ихъ общественнаго строя. Въ Китаѣ существовали въ свое время и касты; онъ пережилъ даже феодальный режимъ, при которомъ самые могущественные землевладѣльцы зависѣли отъ императора, а отъ этихъ землевладѣльцевъ зависѣли другiе. Все это уже пережито и изжито Китаемъ до такой степени, что въ настоящее время даже члены императорской фамилiи лишаются своего положенiя и возвращаются въ нѣдра народной массы, если преимущество ихъ рожденiя не поддерживается личными заслугами. Конечно, къ китайскому императору приближаются не иначе, какъ съ соблюденiемъ рабскаго этикета древнѣйшихъ временъ; необходимо три раза преклонить колѣно и девять разъ повергнуться на землю, но на самомъ дѣлѣ этотъ обожаемый монархъ даже подпрефекта можетъ назначить, только избравъ его изъ списка кандидатовъ, занесенныхъ въ особые списки учеными, назначенными по конкурсу. Сохраняя по прежнему титулъ «Сынъ солнца», повелитель Небесной имперiи уже не считается болѣе богомъ, наводящимъ вокругъ себя ужасъ; его роль опредѣляется теперь словами: «отецъ и мать имперiи», такъ какъ весь строй страны покоится собственно на идеѣ семьи, расширенной до того, что она поглощаетъ собою все общество. «Правило, котораго государь долженъ придерживаться въ своемъ поведенiи, говоритъ Конфуцiй, состоитъ въ воздержанiи отъ пренебрежительнаго отношенiя къ мнѣнiямъ и чувствамъ народа».

Несмотря на многочисленные слѣды прошлаго, сохранившiеся въ общественномъ строѣ этого столь много пережившаго государства, вся его администрацiя основывается на утилитарныхъ соображенiяхъ. «Да будутъ многочисленны люди, доставляющiе государству доходы, говоритъ *Та-хiо* (глав. X, V, 18), и да будетъ незначительно число разоряющихъ его». Но, оставляя въ сторонѣ общественный строй Китая, которымъ мнѣ не приходится теперь заниматься, я подвергну изученiю, съ философ-

ской и практической точки зрѣнія, нравственность этой почтенной націи.

Въ разсужденіяхъ китайскихъ моралистовъ по вопросамъ этики не достаетъ смѣлости: ихъ мудрость постоянно стелется по землѣ; высказывается всегда въ формѣ общихъ философскихъ мѣстъ: «Добродѣтель, говоритъ Конфуцій, это есть неизмѣнное пребываніе въ серединѣ». Самое главное это быть въ повиновеніи у отца. «Пока живъ отецъ вашъ, тщательно соблюдайте его волю; когда же онъ умретъ, имѣйте всегда передъ своими взорами дѣянія его». Усиленно предписывается величайшее смиреніе всѣмъ честнымъ людямъ: «Пусть честный скромный человѣкъ пользуется своимъ смиреніемъ, чтобы переплыть великую рѣку. Счастливая участь! Образъ говоритъ: честный человѣкъ скромный нагибается, чтобы пастись».

Шу-Кингъ совѣтуетъ богдыхану воздерживаться отъ чрезмѣрной любви къ женщинамъ, вину, охотѣ, непристойной музыкѣ, громадныхъ дворцовъ и стѣнъ, украшенныхъ живописью. Конфуцій никогда не теряетъ непосредственной почвы подъ ногами; онъ вездѣ схватываетъ практическую сторону вещей. Нѣкто спросилъ: «Что слѣдуетъ думать о человѣкѣ, который отплачиваетъ благодѣяніемъ за оскорбленіе?» Философъ на это отвѣчаетъ: «Чѣмъ же отплатитъ въ такомъ случаѣ за благодѣянія тотъ, кто поступаетъ такъ?» Ни благородныхъ порывовъ, ни дикой грубости; во всемъ — «неизмѣнная середина». Всякая безполезная жестокость отрицается. Военачальникамъ внушаютъ: «Обращайтесь хорошо съ своими плѣнниками; кормите ихъ такъ же, какъ собственныхъ солдатъ, и т. п. Берегите человѣческую кровь». Идеалъ стратегіи заключается въ умѣніи не допустить непріятеля до сраженія: «Искусный полководецъ умѣетъ унизить враговъ, не вступая съ ними въ битву, не проливая капли крови, не пуская въ ходъ оружія, и т. д». Въ Китаѣ мало придаютъ значенія военной славѣ, и правительство имѣетъ чисто гражданскій характеръ. Часто цитируемый китайскій философъ сказалъ: «Воздавайте побѣдителямъ лишь погребальныя почести; встрѣчайте ихъ слезами и воплями, въ знакъ совершенныхъ ими смертоубійствъ, и т. д».

Эта философія, столь отвлеченная, часто впадающая въ

общія мѣста, не терпящая ни малѣйшаго проблеска страстнаго чувства, говоритъ о народѣ, одряхлѣвшемъ, угасшемъ, но резонирующемъ и умѣющемъ владѣть собой. «Въ Европѣ, пишетъ одинъ изъ редакторовъ «Назидательныхъ Писемъ», всѣ вообще люди по природѣ своей отличаются живою пылкостью, стремительностью и любопытствомъ. По пріѣздѣ же въ Китай, необходимо совершенно измѣнить свои привычки и свой складъ и примириться съ необходимостью быть кроткимъ, услужливымъ и серьезнымъ во всякую минуту своей жизни; нужно любезно принимать всѣхъ посѣтителей, открыто обнаруживать радость при ихъ появленіи, выслушивать ихъ, пока они сами не перестанутъ говорить и т. д».

Какъ на практикѣ, такъ и въ теоріи, китайцы проявляютъ флегматическій темпераментъ и холодный разсудокъ; но это не исключаетъ, впрочемъ, у нихъ гуманныхъ чувствъ и стремленія къ равенству. Постановленія мандариновъ испещрены философскими разсужденіями: «Несмотря на то, что люди занимаютъ самыя разнообразныя положенія... природа у всѣхъ тѣмъ не менѣе одинакова... Что же? развѣ этотъ рабъ не сынъ человѣка, а слѣдовательно и самъ не человѣкъ». Конфуцію же принадлежитъ знаменитое изреченіе, ставшее общимъ мѣстомъ: «Не дѣлайте другому того, чего не желаете, чтобы дѣлали вамъ».

Не ограничиваются въ Китаѣ одними только отвлеченными нравственными поученіями: «По дорогамъ, гдѣ находится мало деревень, предписываетъ одинъ указъ, слѣдуетъ строить въ извѣстномъ одно отъ другого разстояніи, жилыя помѣщенія, гдѣ путникъ могъ бы найти себѣ пристанище». Богачи въ Китаѣ, подобно тому, какъ это мы видѣли и въ Индіи, считаютъ за честь для себя возводить мосты черезъ рѣки, строить вдоль дороги пристанища для путниковъ и угощать бѣдныхъ странниковъ чаемъ въ лѣтнюю пору, высылая къ нимъ своихъ наемныхъ слугъ. Намъ, западнымъ людямъ, покажется весьма страннымъ тотъ фактъ, что китайское правительство не стремится непремѣнно всегда и во что бы то ни стало поддерживать своихъ чиновниковъ. Такъ за всякое возмущеніе въ какой-либо провинціи губернаторъ считается отвѣтственнымъ: онъ всегда теряетъ свое мѣсто. «Народъ грѣшитъ лишь вслѣдствіе своего невѣже-

ства», гласитъ одинъ изъ старинныхъ эдиктовъ. Въ случаѣ очень крупнаго преступленія, какъ напримѣръ отцеубійства, всѣ мандарины того округа, гдѣ случилось преступленіе, смѣщаются.

Значительно ранѣе насъ, европейцевъ, китайцы додумались и завели и у себя подобныя нашимъ благотворительныя учрежденія: помощь неимущимъ, пріюты для подкидышей, спасательныя лодки для погибающихъ на водѣ, сестеръ милосердія, называемыхъ «отрѣшившимися», но которыхъ можно было бы назвать «монахинями милосердія», и т. п. Во времена Марко Поло, императоръ пользовался урожайными годами и наполнялъ хлѣбомъ общественные магазины; благодаря чему въ голодные годы онъ могъ поддерживать цѣны на хлѣбъ на невысокомъ уровнѣ и раздавать бѣднякамъ хлѣбъ для пропитанія; такимъ образомъ онъ раздавалъ до 30,000 пайковъ въ день. Въ 1260 г. однимъ императорскимъ эдиктомъ объявлялось, что всѣ престарѣлые ученые, сироты, безпріютные люди и больные составляютъ *Населеніе Неба.*

Законъ признаетъ отвѣтственными за самоубійство лицъ, бывшихъ причиной самоубійства, или только подавшихъ поводъ къ нему; вотъ почему угрозой покончить съ собою бѣдняки сдерживаютъ богатыхъ и принуждаютъ ихъ быть болѣе справедливыми, а иногда случается, что, желая имъ отмстить, приводятъ въ исполненіе свою угрозу.

Среди частныхъ лицъ взаимная помощь составляетъ въ Китаѣ обычное явленіе. Друзья человѣка, попавшаго въ затруднительное матеріальное положеніе, охотно вступаютъ съ нимъ въ компанію, доставляя ему такимъ образомъ капиталъ, погашаемый ежегодными взносами, размѣры которыхъ тѣмъ незначительнѣе чѣмъ чаще они дѣлаются.

Въ XVII вѣкѣ все это сильно удивило нашихъ миссіонеровъ: «Эти дѣла, писалъ одинъ изъ нихъ, какъ бы похвальны они ни были, вытекаютъ не изъ истиннаго милосердія; а потому вся награда за нихъ исчерпывается людскимъ уваженіемъ и земнымъ благополучіемъ. Тѣмъ не менѣе изумительно, что дикая и невоздѣланная маслина приноситъ столько разнообразныхъ плодовъ, а франкская маслина, посаженная на почвѣ

христіанства и орошенная драгоцѣнною кровью Христовой, оказывается столь же мало плодовитой».

Преступленія, существующія среди китайцевъ, и ихъ карательная система даютъ намъ прекрасныя и вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія по вопросу о нравственности. Первобытное варварство оставило не мало слѣдовъ въ китайской системѣ наказаній. Удары бамбукомъ, который палачъ держитъ за тонкій или толстый конецъ, смотря по назначенному наказанію, играютъ въ ней весьма значительную роль; затѣмъ идутъ пощечины, наносимыя толстыми кожаными подошвами, тѣсныя желѣзныя клѣтки à la Людовикъ XI, деревянные ошейники, наконецъ тюрьма, ссылка во внутреннія провинціи, изгнаніе, смерть чрезъ удушеніе или обезглавленіе и, кромѣ того, рабство.

Нѣкогда, въ царствованіе династіи Циновъ и Веевъ (220—240 гг. по Р. Х.) въ Китаѣ примѣнялась дикая система круговой отвѣтственности, доходившая до того, что обрекали на смерть всю семью преступника. И эта великая страна неизбѣгла общей участи: она также имѣла свое дѣтство. Еще ранѣе господствовала система изувѣченій: отрѣзывали уши, носъ, клеймили лицо и т. п. Современный уголовный кодексъ упоминаетъ о десяти преступленіяхъ, караемыхъ смертью: возмущеніи, разбойничествѣ, оставленіи родины, отцеубійствѣ, избіеніи цѣлой семьи, кощунствѣ, сыновнемъ непочтеніи, семейныхъ раздорахъ, неповиновеніи и кровосмѣсительствѣ; но въ видѣ страннаго для насъ исключенія человѣку, приговоренному къ смерти, даруется жизнь, если при немъ находятся родители болѣзненные или достигшіе преклоннаго возраста (свыше семидесяти лѣтъ) и не имѣющіе ни сыновей, ни внуковъ старше 16 лѣтъ, кромѣ обвиненнаго; онъ долженъ жить, чтобъ было кому заботиться о нихъ. Интересы и почтеніе къ родителямъ стоятъ выше правосудія. Суровость наказанія, такъ же, какъ въ древней Индіи, находится иногда въ обратномъ отношеніи съ положеніемъ виновнаго. Такимъ образомъ, рабъ или слуга, ударившій свободнаго человѣка, подлежитъ наказанію, на одну степень болѣе суровому сравнительно съ обыкновенной карой. Если же онъ осмѣлился ударить своего господина, то подвергается обезглавленію. Для нихъ господинъ является какъ бы

отцомъ, а тотъ, кто дурно обращается съ отцомъ, матерью или съ своимъ дѣдомъ или бабушкой, подлежитъ смертной казни.

Китайское законодательство караетъ за такія дѣянія, въ которыхъ, по нашимъ мнѣніямъ, нѣтъ совершенно ничего преступнаго; такъ напримѣръ, считается преступленіемъ оставить принадлежащую землю безъ обработки, за это наказываютъ даже сельскаго старосту и въ то же время отнимаютъ землю у неспособнаго владѣльца.

Проклинать своихъ родителей — тоже преступленіе и даже тяжкое преступленіе, за которое угрожаетъ смертная казнь; между тѣмъ какъ отецъ за совершенное имъ убійство своего ребенка подвергается палочнымъ ударамъ и изгнанію на годъ; если же ребенокъ ударилъ его, то онъ и совсѣмъ не наказывается. Какъ и во всѣхъ обществахъ, сохранившихъ слѣды давнопрошедшихъ временъ, отеческая власть въ Китаѣ имѣетъ громадную силу: отецъ можетъ продавать своихъ дѣтей, своихъ «второстепенныхъ женъ» и даже свою «главную жену», но только съ согласія послѣдней.

Повидимому, также, что подкидываніе и даже убійство дѣтей, въ особенности дѣвочекъ, не составляетъ рѣдкаго явленія въ Китаѣ, хотя, очевидно, утвержденія миссіонеровъ на этотъ счетъ были преувеличены и нуждаются въ нѣкоторой поправкѣ.

Женщины въ Небесной Имперіи находятся въ крайне порабощенномъ состояніи, что представляетъ также наслѣдіе предковъ. Молодая дѣвушка выдается замужъ родителями, будучи еще совершеннымъ ребенкомъ, а иногда до появленія своего на свѣтъ Божій на основаніи договора, исходящаго изъ того предположенія, что имѣющій родиться ребенокъ будетъ женскаго пола. Дѣвушкой, она подчиняется родителямъ; сдѣлавшись женой—мужу, а ставши вдовой—сыновьямъ, какъ въ Индіи. Молодая китаянка не въ состояніи даже представить себѣ, какъ это возможно, чтобы съ нею совѣтовались относительно выбора ея будущаго мужа. Послѣдній имѣетъ полное право обзавестись «второстепенными женами», особенно въ случаѣ безплодія «главной жены», и тогда эта послѣдняя становится фиктивной матерью чужихъ дѣтей. Впрочемъ, общественное мнѣніе относится неодобрительно къ покупкѣ женъ, въ особенности если чело-

вѣкъ имѣетъ сыновей. Въ деревнѣ мужчины должны избѣгать останавливаться вблизи женщинъ, а въ городѣ женщина не должна принимать гостей-мужчинъ.

Мужъ, уличившій жену въ прелюбодѣяніи на мѣстѣ преступленія, имѣетъ право убить ее, а также и ея соучастника. Если же мужъ при такихъ обстоятельствахъ пощадилъ свою жену, то ее продаютъ другому мужчинѣ, а вырученныя деньги правительство беретъ въ свою пользу. Снисходительнаго мужа наказываютъ девяноста ударами бамбука.

Жена можетъ быть отослана обратно въ домъ ея родителей въ случаѣ безплодія, распутства, неповиновенія свекру и свекрови, болтливости, наклонности къ воровству, ревниваго характера и какой-либо неизлѣчимой болѣзни. Но она не можетъ быть отослана, если въ теченіе трехъ лѣтъ носила трауръ по своему свекру или свекрови, если у ней умерли родители, если семья разбогатѣла. Въ случаѣ же, если мужъ не отошлетъ своей жены, виновной въ невѣрности или въ одномъ изъ преступленій, влекущихъ за собой расторженіе брака, то онъ подвергается восьмидесяти ударамъ бамбука.

Разводъ по взаимному соглашенію вообще допускается: это—урокъ, преподанный намъ китайцами.

Восемьдесятъ бамбуковыхъ ударовъ полагается тому, кто уступаетъ свою жену на подержаніе, и шестьдесятъ—отцу, дѣлающему то же относительно своей дочери.

Похищеніе жены или дочери свободнаго чемовѣка, хотя бы для вступленія съ нею въ бракъ, наказуется удушеніемъ.

Вдовы, повиновавшіяся, какъ дочери, родителямъ своего мужа, награждаются почетными табличками. Тѣмъ же изъ нихъ, которыя лишили себя жизни по смерти мужа, ставятся почетныя таблички въ храмахъ.

Общественное мнѣніе идетъ еще дальше и требуетъ, чтобы помолвленная дѣвушка обрекала себя на безбрачье, если умеръ ея женихъ.

Китайское законодательство блюдетъ за половою нравственностью, и строго наказываетъ за нѣкоторыя покушенія на чистоту нравовъ: шестьдесятъ бамбуковыхъ ударовъ даются чиновнику, посѣщающему публичныхъ женщинъ; но за то уду-

шеніе грозитъ также тому, кто совершитъ прелюбодѣяніе съ женой гражданскаго или военнаго чиновника.

За противуестественныя половыя сношенія, послѣдовавшія по взаимному соглашеню, назначается сто бамбуковыхъ ударовъ и мѣсяцъ ношенія желѣзнаго ошейника; въ случаѣ же насилія—обезглавленіе; то же наказаніе полагается и въ томъ случаѣ, если жертвой насилія сдѣлался ребенокъ отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ.

Законы, карающіе за воровство, утрачиваютъ уже тотъ жестокій характеръ, какимъ отличаются они въ первобытныхъ цивилизаціяхъ. Смерная казнь не назначается за воровство: палочные удары и деревянный ошейникъ признаются достаточными за обыкновенныя кражи. Если же дѣло идетъ о похищеніи съѣстныхъ припасовъ или предметовъ, принадлежащихъ государству, и если похитившій былъ приставленъ для охраненія этихъ предметовъ, то на рукѣ его выжигаютъ особое клеймо: *казнокрадъ*, кромѣ того онъ подвергается и обычнымъ наказаніямъ.

Нѣтъ страны, гдѣ бы центральное правительство было менѣе солидарно со своими чиновниками, гдѣ бы поведеніе послѣднихъ подвергалось такому строгому контролю, гдѣ бы принимались противъ нихъ большія мѣры предосторожности, и гдѣ бы ихъ проступки такъ жестоко наказывались. За чиновниками существуетъ особый надзоръ, въ лицѣ такъ называемыхъ цензоровъ, причемъ самъ императоръ не избѣгаетъ общей участи; такъ что въ случаѣ наводненій, естественныхъ бѣдствій, землетрясеній и эпидемій его убѣдительно просятъ припомнить всѣ свои поступки и изслѣдовать, не было ли чего достойнаго порицанія въ его поведеніи.

— Еще недавно губернаторъ Юнана былъ приговоренъ къ смертной казни за трусость. Къ тому же самому наказанію былъ присужденъ посланникъ, заключившій съ Россіей послѣдній Кульджинскій договоръ и т. п. Уличенные во взяточничествѣ чиновники не только подвергаются разжалованію, но и конфискаціи ихъ имущества.

Въ Китаѣ администрація имѣетъ чисто практическій, утилитарный характеръ; представители власти не считаются уже обла-

дателями непогрѣшимости, получаемой имъ отъ неба; все это обусловливается, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Китаѣ правительственные чиновники не составляютъ особой привилегированной касты, какъ это мы видимъ во всѣхъ государствахъ, сложившихся по типу первобытныхъ варварскихъ имперій, а назначаются по конкурсу, послѣ публичнаго экзамена, на который всякій имѣетъ право явиться. Подобный способъ назначенія имѣетъ, конечно, свои слабыя стороны, такъ какъ при этомъ приходится оставлять совершенно безъ вниманія характеръ и нравственныя качества кандидата, тѣмъ не менѣе такой конкурсъ несравненно выше первобытнаго права рожденія.

Но я разсматриваю Китай лишь съ нравственной точки зрѣнія; въ этомъ же отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, великій китайскій народъ, по истинѣ достоинъ удивленія; нерѣдко онъ представляетъ для насъ весьма поучительный примѣръ и во всякомъ случаѣ онъ значительно опередилъ всѣ великія варварскія цивилизаціи, которыя мы до сихъ поръ разсмотрѣли. Тѣмъ не менѣе его строй и его этика носитъ на себѣ еще сильный отпечатокъ варварства; произошло это отъ того, что развитіе Китая совершалось безъ всякихъ перерывовъ, въ особенности же отъ того, что въ немъ, какъ въ странѣ, съ кастовымъ строемъ, всячески старались тормозить прогрессъ, противиться малѣйшимъ измѣненіямъ и регламентировать общественную жизнь во всѣхъ ея подробностяхъ. Эдикты и обычаи, обладавшіе силой закона и за исполненіемъ которыхъ должны наблюдать цензоры, все предвидѣли и все предрѣшали заранѣе: высоту домовъ, ихъ расположеніе, внутреннее устройство, форму судовъ, изготовленіе мануфактурныхъ товаровъ, покрой платьевъ и т. п. Личная иниціатива, насколько это было возможно, была скована, или, по меньшей мѣрѣ, направлена по разъ опредѣленному руслу.

Съ другой стороны, существованіе рабства, примитивный характеръ наказаній, въ особенности злоупотребленіе палочными ударами, чрезмѣрность правъ, предоставленныхъ родителямъ, крайнее порабощеніе женщинъ и т. п..—во всемъ этомъ слишкомъ сильно сказывается еще монархія первобытная.

Тѣмъ не менѣе, если принять во вниманіе полное уничтоженіе кастъ, практическій характеръ администраціи и правосудія,

отсутствіе обязательнаго вѣроисповѣданія, отвращеніе къ войнѣ и второстепенное значеніе военнаго класса, уваженіе къ труду и даже его обязательность, почетъ, окружающій земледѣліе и доходящій до того, что «Сынъ Неба» собственноручно обязанъ разъ въ году, на одномъ торжественномъ праздникѣ, провести борозду, духъ солидарности, проникающій законодательство и нравы и т. д., и т. д., нельзя не испытать чувства удивленія передъ этой великой и древней націей, составляющей около трети или четверти всего рода человѣческаго и которой, несомнѣнно, еще суждено въ будущемъ играть значительную роль, разъ она рѣшится, сохранивъ все, что въ ней есть хорошаго, усвоить все лучшее, которое мы имѣемъ.

II.—Семитическая нравственность.

Семиты не основали такого большого государства, которое могло бы идти въ сравненіе съ китайскимъ; но черезъ посредство евреевъ и арабовъ, черезъ Библію и Коранъ они сыграли въ исторіи цивилизаціи и развитія нравственности, въ особенности, нашей европейской нравственности, одну изъ наиболѣе видныхъ ролей. Я попытаюсь въ краткихъ чертахъ выяснить эту роль, такъ какъ здѣсь я вступаю въ область, уже тысячу разъ изслѣдованную и хорошо всѣмъ извѣстную.

Первобытная нравственность «народа Божія» мало чѣмъ отличается отъ той, которая по необходимости, силою обстоятельствъ, складывалась среди всѣхъ обширныхъ первобытныхъ обществъ: «Не убей. Не прелюбодѣйствуй. Не воруй. Не лжесвидѣтельствуй противъ своего ближняго» (Исходъ XX, 2,17). Но подобнаго рода предписанія мы встрѣтили повсюду. Даже почетъ, который повелѣвается оказывать родителямъ не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, кромѣ развѣ мотивировки, гласящей, «чтобы дни твои долго длились на землѣ»; это, несомнѣнно, обращеніе къ хорошо понимаемому личному интересу. Я оставляю въ сторонѣ первыя заповѣди еврейскаго декалога, такъ какъ онѣ носятъ чисто религіозный характеръ. Однако, есть въ числѣ десяти заповѣдей двѣ новыхъ; одна предписываетъ соблюденіе субботняго отдыха: «Трудись шесть

дней и занимайся своей работой, а седьмой день пусть будетъ посвященъ Іеговѣ, твоему Богу. Въ этотъ день ты не занимайся никакой работой, ни ты самъ, ни твой сынъ, ни твоя дочь, ни твой слуга, ни твоя служанка, ни твой скотъ, ни чужеземецъ, находящійся подъ твоею кровлею». Это законъ вполнѣ гуманный, и такихъ мы много найдемъ въ библіи. Благодаря именно этимъ гуманнымъ тенденціямъ, которыя все рѣзче и рѣзче выражаются, по мѣрѣ того, какъ мы отъ книгъ *Исхода* и *Левита* переходимъ къ *Пророкамъ*, немногочисленный еврейскій народъ занимаетъ почтенное мѣсто среди древнихъ расъ. Многочисленные библейскіе стихи свидѣтельствуютъ, впрочемъ, также и о томъ, что еврейскій народъ въ началѣ своего развитія по грубости и свирѣпости ни въ чемъ не уступалъ первобытнымъ народамъ.

Первоначально запрещеніе убивать относится только къ соплеменникамъ. Во многихъ мѣстахъ библія прямо проповѣдуетъ уничтоженіе враговъ. Самуилъ повелѣваетъ евреямъ уничтожить амалекитянъ: «Умертви мужчинъ, женщинъ, старцевъ и грудныхъ младенцевъ, крупный и мелкій скотъ, верблюдовъ и ословъ». Побѣдоносный Давидъ завладѣлъ городомъ Рабба, «и, приказавъ вывести оттуда жителей, велѣлъ пилить ихъ пилами и давить колесницами съ желѣзными колесами, рубить на части ножами, бросать въ печи, въ которыхъ обжигаютъ кирпичъ. Такимъ же образомъ онъ поступилъ со всѣми аммонитскими городами и т. п.» (Книга Царей, II, стихъ 31). Разбивать головы дѣтей о камни составляло весьма обыденное явленіе и т. п. Убійства, совершенныя Далилой и Яелью, прославляются: «Благословенна ты среди всѣхъ женъ, Яель, жена Эбера, Кенитъ, благословенна ты превыше всѣхъ женъ, живущихъ въ шатрахъ! Онъ попросилъ воды, а она дала ему молока, она подала ему сливокъ въ великолѣпныхъ сосудахъ. Она протянула свою лѣвую руку къ гвоздю, а правую къ молоту рабочихъ, она поразила Сизара и разсѣкла ему голову, она проколола ему насквозь виски, и т. п.» (Книга *Судей*, IѴ, Ѵ).

Израильское правосудіе носитъ также совершенно первобытный характеръ; это варварскій законъ о возмездіи: «око

за око, зубъ за зубъ», честь изобрѣтенія котораго въ теченіе очень долгаго времени даже приписывали евреямъ.

Когда еврейскій законодатель объявляетъ свободнымъ отъ наказанія хозяина, избившаго до смерти своего раба, лишь бы только рабъ прожилъ послѣ истязанія одинъ или два дня, такъ какъ *рабъ — это деньги, принадлежащія хозяину* (Исходъ, XXI, 20),—то онъ стоитъ на одномъ уровнѣ съ самыми варварскими кодексами.

Многіе стихи библіи свидѣтельствуютъ также о томъ, что скотство и противоестественныя формы любви среди евреевъ составляли обычныя преступленія. Книга *Левитъ* предписываетъ даже карать виновныхъ въ такихъ преступленіяхъ смертною казнью (Книга *Левитъ*, XX, 10, 18).

Не только въ первобытной Іудеѣ практиковалось дѣтоубійство безъ всякаго стѣсненія, но въ ней раньше признавалось даже обязательнымъ приносить въ жертву первенца; позднѣе отъ этого обязательства откупались тѣмъ, что приносили въ храмѣ жертву. Діодоръ разсказываетъ намъ, какимъ образомъ финикійцы сжигали своихъ дѣтей въ честь Молоха. Евреи же довольствовались принесеніемъ ихъ въ жертву до той поры, пока книга *Левитъ* не воспретила этой жестокости, какъ профанаціи имени Іеговы (глав. XVIII, 21 и XX, 2).

Власть отца надъ дѣтьми была у евреевъ безгранична, какъ и во всѣхъ первобытныхъ обществахъ. Отецъ могъ продать свою, еще не достигшую половой зрѣлости, дочь въ рабство (*Исходъ*, XXI, 7, 11); онъ могъ предать побіенью камнями своего непокорнаго сына: «Если кто имѣетъ непокорнаго сына, не повинующагося голосу отца и матери... пусть отецъ и мать возьмутъ его и сведутъ къ *зегениму* своего города и скажутъ ему: «Вотъ нашъ непокорный сынъ, не уважающій нашего голоса! Онъ пьяница и распутникъ». Тогда жители этого города побьютъ его камнями до смерти» (*Второзаконіе*, XXI).

Исторія дочери Іефея доказываетъ, что молодая дѣвушка, перешедшая уже дѣтскій возрастъ, могла быть принесена своимъ отцомъ въ жертву Іеговѣ (Книга судей, XII).

Замужняя женщина могла быть, мужемъ отвергнута, по са-

мымъ ничтожнымъ поводамъ, согласно первобытному обычаю, но сама она могла просить о разводѣ лишь въ виду очень серьезныхъ причинъ. Кромѣ того, даже и въ послѣднемъ случаѣ всегда считалось, что мужъ собственно отвергаетъ жену: такъ сильно заботились о томъ, чтобы сохранить престижъ господина. Законъ противъ прелюбодѣянія былъ ужасенъ. Невѣрная жена, даже невѣрная невѣста наказывались смертью вмѣстѣ со своими соучастниками (*Второзаконіе*, XXII). За то полигамія разрѣшалась закономъ (*Левитъ* XV, 18).

Къ воровству еврейское законодательство относится менѣе жестоко, чѣмъ другіе первобытные кодексы. За украденную овцу предписывается возвратить четыре овцы, а за украденнаго быка—пять быковъ. Дозволяется убить вора, забравшагося въ домъ, но при условіи, чтобы расправа эта случилась до восхода солнца; въ противномъ случаѣ расправившійся самолично съ воромъ считается убійцей, виновнымъ въ пролитіи крови и подлежащимъ смертной казни (*Левитъ*, XXI, 1, 6). Воръ, немогущій внести штрафа, становится рабомъ обокраденнаго (Исходъ, XXII, 2).

Къ лжесвидѣтелю примѣняется законъ возмездія; онъ несетъ наказаніе, которое понесъ или долженъ былъ понести безъ вины пострадавшій (*Второзаконіе*, XIX, 16, 21).

Наказанія отличаются жестокостью. Огонь и побіеніе камнями соперничаютъ съ мечемъ, когда дѣло идетъ о смертной казни. (*Левитъ*, *Второзаконіе*).

Не смотря на это, еврейскій законъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличается возвышенностью, гуманностью, даже принимаетъ болѣе современный характеръ, и отличается отъ другихъ древнихъ кодексовъ.

Даже съ переходомъ къ монархической организаціи евреи сохранили нѣкоторое стремленіе къ равенству. Одна только жреческая каста была прочно установленной.

Они имѣли рабовъ, составлявшихъ особый общественный классъ, который пополнялся путемъ войны, судебныхъ приговоровъ, продажъ дѣтей родителями, наконецъ, добровольнаго рабства; впрочемъ, черезъ каждые шесть лѣтъ рабъ *еврей* имѣлъ право покинуть своего господина, хотя онъ не могъ, повиди-

мому, взять съ собой своей семьи. Если же онъ предпочиталъ остаться, то его ставили вплотную противъ двери дома и протыкали ему ухо.

Заботились также и о бѣдныхъ: плату ремесленнику или землепашцу предписывалось выдавать до солнечнаго заката, «такъ какъ онъ бѣденъ» (*Второзаконіе*, XIII, 15). Кредиторъ не можетъ отнять у должника одѣяла, которымъ тотъ покрывается ночью. Въ крайнемъ случаѣ онъ долженъ былъ возвратить одѣяло до солнечнаго заката (*Исходъ*, XXII, 22, 24). Никто не имѣлъ права захватить ручную мельницу бѣдняка и вообще предметы первой необходимости (*Второзаконіе*, XXIV 12, 13).

Во время жатвы хлѣба слѣдуетъ думать о нуждающихся: «Когда ты будешь жать рожь, то оставь въ концѣ нивы несжатую полосу, и не собирай того, что оставлено серпомъ» (*Левитъ*, XIX, 9, 10). Гроздья и ягоды винограда, упавшія на землю, предназначаются также въ пользу нуждающихся и чужеземцевъ.

Даже немного заботились объ оказаніи покровительства женщинѣ.—

Отецъ могъ продать свою несовершеннолѣтнюю дочь, но, если съ ней находился въ любовной связи хозяйскій сынъ, то онъ обязанъ былъ жениться на ней (*Исходъ*, XXI, 7—11).

Бракъ дочери, достигшей совершеннолѣтія, не могъ быть заключенъ безъ ея согласія. Наконецъ, въ имущественномъ отношеніи мужъ отвѣчаетъ за жену.

Іегова беретъ подъ свое покровительство вдову и сироту: «Не огорчай ни вдовы, ни сироты. Если ты обидишь ихъ, то онѣ возопіютъ ко мнѣ, и я услышу ихъ плачъ и мой гнѣвъ воспламенится; я поражу васъ мечемъ, и жены ваши овдовѣютъ, а дѣти осиротѣютъ» (*Левитъ*, XXII, 13).

Жизнь человѣческая пользовалась большимъ покровительствомъ, чѣмъ собственность, что свидѣтельствуетъ о значительномъ прогрессѣ; матеріальное вознагражденіе за убійство считается уже невозможнымъ и законъ о возмездіи обязателенъ: жизнь за жизнь. Тѣмъ не менѣе законъ различаетъ разнаго рода убійства и существовали безопасные города для убійцъ,

совершившихъ преступленіе непреднамѣренно, безъ злого умысла.

Въ еврейскомъ законодательствѣ существуютъ гуманные законы и въ этомъ именно отношеніи *Тора* значительно выше большинства первобытныхъ законодательствъ. Воспрещается оскорблять глухого и толкать слѣпого (*Левитъ* XIX, 14).

Повелѣвается любовь къ ближнему: «Люби ближняго, какъ самого себя» (*Левитъ*, XIX, 18). Но само собой разумѣется, что ближнимъ признается только еврей. Только тогда, когда христіанство распространилось среди язычниковъ, это правило получило широкое толкованіе.

Каждыя семь лѣтъ земля пользуется также своимъ шабашомъ: она отдыхаетъ втеченіе года, и плоды, которые приноситъ въ это время невоздѣланная земля, принадлежатъ, съ одинаковымъ правомъ бѣднымъ и чужеземцамъ, какъ собственнику ея.

Законъ *іобеля*, юбилея, составляющій особенность евреевъ, имѣетъ еще болѣе широкое значеніе: отчужденныя земли возвращаются черезъ каждыя пятьдесятъ лѣтъ ихъ первоначальнымъ владѣльцамъ; нельзя купить землю на вѣчныя времена.

Круговая отвѣтственность, столь обычная въ варварскихъ законодательствахъ и нравахъ, евреями отвергается. «Не слѣдуетъ, говоритъ Второзаконіе, предавать смерти отцовъ за дѣтей, а дѣтей за отцовъ, пусть каждый будетъ наказанъ только за свой грѣхъ». (XXIV, 16). Тѣмъ не менѣе этотъ древній законъ наслѣдственной отвѣтственности такъ глубоко вкоренился въ нравы, что еще пророку Іезекіилу приходилось возставать противъ него: «Зачѣмъ говорите вы, когда отцы наѣдаются незрѣлымъ виноградным соком, то и дѣти ихъ испытываютъ оскомину?.. Всякая жизнь принадлежитъ мнѣ, жизнь отца такъ же, какъ и жизнь сына, но умретъ только тотъ, кто совершилъ грѣхъ». (*Іезекіилъ* XVIII).

Нѣкоторыя предписанія проникнуты тѣмъ нравственнымъ героизмомъ, который осуждается Конфуціемъ: «Если ты встрѣтишь заблудившагося вола или осла, принадлежащаго врагу твоему, то возьми и отведи его къ владѣльцу. Если ты увидишь, что оселъ, принадлежащій человѣку, который тебя ненавидитъ, упалъ подъ тяжестью своей ноши, то не оставляй его на про-

изволъ судьбы, а помоги ему нести свое бремя» (*Исходъ*, XXXII, 4).

Въ разрѣзъ съ узкимъ патріотизмомъ, общимъ всѣмъ первобытнымъ и варварскимъ народамъ, книга *Левитъ* относится благосклонно къ чужеземцу: «Не огорчайте и не приводите въ отчаяніе чужеземца, помня, что сами вы были чужеземцами въ странѣ Мизраимъ *Левитъ*, XXIV, 22).

Не слѣдуетъ, конечно, смѣшивать проповѣдей пророковъ, лицъ вдохновенныхъ, часто одинокихъ и появившихся сравнительно позднѣе, съ древнимъ закономъ, Пятикнижіемъ, *Торой*; но эти поэтическіе ясновидцы являются во всякомъ случаѣ продуктомъ окружавшей ихъ соціальной среды; они олицетворяютъ собой наиболѣе новаторскія стремленія, существовавшія въ самой жизни и ихъ вліяніе было весьма велико.

На нихъ мы можемъ смотрѣть, какъ на нравственный авангардъ израильской мысли. Поэтому-то пророки обнаруживаютъ иногда весьма возвышенные порывы. Они хотятъ, чтобы всякій несъ отвѣтственность лишь за свои собственныя дѣла, а не за поступки своего отца (*Іезекіилъ*) Они клеймятъ безнравственное и религіозное лицемѣріе: «Вы вѣрите празднымъ и безплоднымъ словамъ; вы крадете, убиваете, прелюбодѣйствуете, вы клятвопреступничаете, вы кадите Ваалу, покланяетесь чужимъ и новымъ богамъ, затѣмъ являетесь передо мной, въ этотъ домъ, на которомъ начертано мое имя; вы превращаете его въ разбойничій притонъ» (*Іеремія*, VII, 4). Это воззваніе очень энергично; оно сохраняетъ свой смыслъ и значеніе далеко за предѣлами маленькаго израильскаго мірка. Исаія обращается съ такими же горячими воззваніями, имѣя въ виду практическую или, вѣрнѣе, мірскую нравственность: «Встаньте, обчиститесь, уберите прочь съ моихъ глазъ всю несправедливость вашихъ поступковъ. Откажитесь отъ зла, постарайтесь дѣлать добро; поддержите попираемаго, будьте справедливы къ сиротѣ и вдовѣ». (*Исаія*, I, 99 и LXIII, 3—10).

Благодаря этимъ-то возвышеннымъ предписаніямъ, истолкованнымъ впослѣдствіи язычниками въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, израильскій законъ сталъ закономъ христіанскимъ и получилъ всѣмъ извѣстное міровое распространеніе.

III.—Нравственность Ислама.

Хотя коранъ скопированъ съ еврейскаго закона, но онъ носитъ въ гораздо большей степени варварскій характеръ; ему, очевидно, приходилось имѣть дѣло съ менѣе культурными народами. Такъ, здѣсь законодатель оказывается вынужденнымъ рѣшительно выступить противъ дѣтоубійства: «Не убивайте своихъ дѣтей изъ опасенія бѣдности... Совершаемыя вами убійства—тяжкій грѣхъ» (*Сура*, XVII, 32).

Убійство человѣка, конечно только правовѣрнаго, воспрещается: Тотъ, кто убьетъ самовольно правовѣрнаго, пойдетъ въ адъ» (*Сура* IV, 95). «Не убивайте человѣка, такъ какъ Богъ запретилъ это дѣлать, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда справедливость того требуетъ» (*Сура*, XVII, 33).

Еврейскій законъ возмездія принятъ цѣликомъ: «Душа за душу, око за око, носъ за носъ, ухо за ухо, зубъ за зубъ».— «Законъ возмездія предписанъ намъ въ случаѣ убійства. Свободный человѣкъ за свободнаго человѣка, рабъ за раба, женщина за женщину. Тотъ, кто добьется прощенія своего брата, обязанъ уплатить извѣстную сумму, и надъ нимъ будетъ произнесенъ гуманный приговоръ (*Сура* II, 179). Дѣйствительно, допускается денежное вознагражденіе, причемъ рекомендуется превращать его въ милостыню (*Сура*, VII, 49).

Іегова воспретилъ отдачу денегъ въ ростъ и лихоимство между евреями; Магометъ устанавливаетъ подобное же запрещеніе для послѣдователей Ислама: «Люди, наживающіеся отъ лихвенныхъ процентовъ, возстанутъ въ день воскресенія мертвыхъ оскверненными подобно тѣмъ, къ кому прикоснулся сатана» (*Сура*, II, 276). «Богъ искоренитъ ростовщичество и дастъ произрасти милостынѣ» (*Сура*, 277).

Съ рабомъ слѣдуетъ обращаться мягко, облегчить ему освобожденіе, давать ему небольшую долю изъ своего имущества, не принуждать своихъ служанокъ къ проституціи (*Сура*, XXIV, 33). Дѣйствительно, даже въ наши дни рабство въ странахъ, исповѣдующихъ Исламъ, не знаетъ тѣхъ ужасовъ, какіе испытывали американскіе негры отъ правовѣрныхъ като-

ликовъ. Въ глазахъ магометанина, рабъ есть человѣкъ, а не домашнее животное.

Полигамія разрѣшается закономъ и мужчина можетъ *культивировать* своихъ женъ, какъ ему заблагоразсудится: «жены— это ваше поле» (*Сура* II, 223), но ни одной при этомъ не слѣдуетъ оставлять «какъ бы подъ паромъ» (*Сура* IV, 128). Жену, разумѣется, можно отвергнуть, но въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ отнимать у нея то, что было ей дано (*Сура* II, 222).

Запрещается жениться на женахъ отца, какъ это обыкновенно дѣлается еще и въ наше время среди негровъ. «Это гнусность» говоритъ Коранъ; однако, это запрещеніе появилось въ самое послѣднее время, такъ какъ при этомъ объявлялось, что оно не будетъ имѣть обратнаго дѣйствія (*Сура*, IV, 19).

Прелюбодѣяніе считается за преступленіе, впрочемъ оно не влечетъ за собой смертной казни для провинившихся. Общественное правосудіе удовлетворяется ста ударами плети, данными публично (*Сура*, XXIV, 2). Женщина можетъ быть признана даже невинной, если она поклянется передъ Богомъ четыре раза, что мужъ ея солгалъ (*Сура*, XXIV, 8)

Браки съ язычницами воспрещаются безусловно: «правовѣрная раба лучше свободной язычницы» (*Сура*, II, 220).

Все это законодательство обращается почти исключительно къ мужчинамъ. Въ глазахъ законодателя женщина, очевидно, существо, нуждающееся въ руководствѣ, которое само неспособно руководить собою (*Сура*, XXIV, 31). Тѣмъ не менѣе ей рекомендуется стыдливость: «Женщина не должна такъ выставлять ноги, чтобы дѣлать для всѣхъ видными свои скрытыя украшенія» (*Сура*, XXIV, 31).

Законъ рекомендуетъ всѣмъ—честность, справедливость въ сдѣлкахъ и даже милосердіе. Опекунъ не долженъ присвоивать имущества ввѣренныхъ ему воспитанниковъ (*Сура*, IV, 6).

Слѣдуетъ оберегать добро сироты, насыпать полную мѣру, взвѣшивать вѣрно (*Сура*, VII, 153), помогать ближнимъ, сиротамъ, путешественникамъ, тѣмъ, кто выкупаетъ плѣнниковъ и выполняетъ принятыя на себя обязательства (*Сура*, II, 172). Слѣдуетъ раздавать отъ своего избытка (*Сура*, II, 217), избѣгать лицемѣрія (*Сура*, IX, 68).

Наконецъ необходимо принимать участіе въ священной войнѣ и не оставаться у домашняго очага, безъ крайней нужды, въ то время какъ другіе жертвуютъ своимъ имуществомъ и жизнью (*Сура*, IV, 97).

Если къ этому присоединить совѣтъ воздерживаться отъ вина и игры, совѣтъ, преподанный, впрочемъ, въ довольно мягкой формѣ (*Сура*, II, 216), то окажется, что мы приблизительно исчерпали всю магометанскую мораль. Оригинальности въ ней, какъ видимъ, нѣтъ никакой,—всѣ этическія предписанія носятъ банальный характеръ. Здѣсь нѣтъ ни одного возвышеннаго порыва, ни малѣйшаго стремленія къ болѣе широкимъ и гуманнымъ правиламъ. Впрочемъ, хорошо извѣстно, что Магометъ, составляя законы, имѣлъ въ виду лишь свой, не особенно многочисленный народъ правовѣрныхъ и вовсе не предвидѣлъ того громаднаго распространенія, какое получило его ученіе.

Еврейскіе и магометанскіе законы представляютъ собою результатъ величайшаго нравственнаго развитія, какого достигла семитическая раса. Эта этика, опиравшаяся на земныя и небесныя кары, несомнѣнно въ значительной степени смягчила и цивилизовала народы, которые, вольно или невольно, подчинили свое поведеніе ея контролю. Впрочемъ, среди малокультурныхъ и даже вовсе некультурныхъ семитовъ, жившихъ еще ранѣе введенія теократическихъ кодексовъ или же невполнѣ усвоившихъ заключающееся въ нихъ нравственное ученіе, существовали и до нашихъ дней существуютъ добродѣтели, о которыхъ набожные законодатели забыли упомянуть. Таково напримѣръ—гостепріимство, столь прославленное въ поэмѣ Антаръ, объ этой добродѣтели, ради соблюденія которой иногда жертвовали жизнью. Библія не говоритъ ни слова и даже восхваляетъ предательство Яели въ отношеніи своего гостя; между тѣмъ, даже въ наше время, по словамъ Буркгарда, самымъ почтеннымъ человѣкомъ у бедуиновъ считается тотъ, кто разоряется на оказываемомъ имъ гостепріимствѣ. Библія относится безъ всякой пощады къ врагу, тогда какъ, по словамъ того же путешественника, бедуинъ никогда не убиваетъ врага, который не сопротивляется.

У тѣхъ же номадовъ мужчина обращается съ женщиною почти какъ съ равной; у ней есть оффиціальный покровитель,

защищающій ее, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда мужъ дурно обращается съ нею; убійца избѣгаетъ казни, если ему удается спрятать свою голову въ рукавахъ женскаго платья. У народа, избраннаго Богомъ, богачи пользовались большимъ почетомъ; Мамону уже и тогда въ дѣйствительности больше поклонялись, чѣмъ это могло казаться. У аравійскихъ же бедуиновъ одно богатство не доставляетъ еще человѣку вліянія: для этого необходимо пользоваться и нравственнымъ уваженіемъ.

Съ другой стороны, нельзя, однако, отрицать и значительнаго прогресса. Наклонность къ пьянству, общераспространенная во времена Антара, была почти совершенно искоренена. Развратъ обузданъ, противоестественныя половыя проявленія заклеймены. Правовѣрный не предлагаетъ уже больше своей жены къ услугамъ гостя, что нѣкогда дѣлали бедуины. У отдѣльнаго лица отнято право самосуда; ни отецъ, ни братъ, не можетъ уже обезглавить невѣрную жену, что практиковалось еще у бедуиновъ. Коранъ въ этомъ отношеніи является болѣе передовымъ, чѣмъ Библія, и не считаетъ уже болѣе прелюбодѣяніе за преступленіе, достойное смертной казни.

Наконецъ, нѣкоторыя гуманныя предписанія, указанныя нами выше, свидѣтельствуютъ о большомъ нравственномъ подъемѣ духа и дѣлаютъ честь евреямъ: они затронули новыя струны въ области этики и нашли въ мірѣ законный отзвукъ. Замѣтимъ, впрочемъ, что истины такого же рода, но болѣе философскія и болѣе широко поставленныя, мы встрѣчаемъ въ произведеніяхъ греко-римскихъ мыслителей; причемъ ученія послѣднихъ имѣютъ то громадное преимущество надъ еврейской этикой, что они не ведутъ своего начала отъ какого бы то ни было бога: болѣе развитое человѣчество нашло вдохновеніе въ своемъ сердцѣ и формулировало открытыя имъ истины при помощи своего разума.

ГЛАВА XV.

НРАВСТВЕННОСТЬ ВАРВАРСКОЙ СТАДІИ. (*Продолженіе*).

I. *Женщина и бракъ въ греко-римскомъ мірѣ.*—Первобытное смѣшеніе половъ.—Подчиненіе женщины.—Гетеры.—Наложницы.—Супруга въ античныя времена.—Невѣрная жена и законъ Двѣнадцати Таблицъ.—Отосланіе жены и разводъ.—Конкубинатъ.

II. *Семья.*—Деспотическія права отца.

III. *Дѣтоубійство и плодоизгнаніе.*—Дѣтоубійство въ Спартѣ и первобытномъ Римѣ.—Покинутыя дѣти. Терпимое плодоизгнаніе.

IV. *Рабство.*—Рабство во времена Гомера.—Рабство въ Спартѣ, на Критѣ и въ Аѳинахъ.—Аристотель оправдываетъ рабство.—Рабство въ Римѣ.—Права гoподина.—Рабъ—вещь.—Спеціальная для рабовъ карательная система.—Рабство во времена христіанскихъ императоровъ.

V. *Отечество.*—Грубость и узость первобытнаго патріотизма въ Греціи.—Патріотическое неистовство въ первобытномъ Римѣ.—Война и охота по Аристотелю.—Игры въ циркѣ.

VI. *Проституція. Карательныя мѣры у грековъ и римлянъ.*—Проституція въ храмахъ.—Римскія пантомимы.—Сократическая любовь.—Первобытныя кары.—Законъ возмездія.—Драконовы законы.—Жестокость первоначальныхъ римскихъ законовъ.—Позднѣйшее законодательство.

VI. *Черты болѣе возвышенной нравственности.*—Нравственность во времена Гомера.—Гостепріимство.—Осужденіе пьянства.—Почетъ, воздаваемый труду.—Цензоры.—Евмениды.—Порицаніе страсти къ деньгамъ.—Мораль поэтовъ и философовъ.

Греко-римская нравственность.

До сихъ поръ во время нашего долгаго путешествія для собиранія разнообразныхъ правилъ, которымъ люди всѣхъ временъ и странъ въ большей или меньшей степени подчиняли свои дѣйствія, мы встрѣчались съ народами, отличающимися одинъ отъ другого и въ особенности мало похожими на насъ. Не говоря уже о низшихъ расахъ, но даже китайцы, древніе персы и индусы, по своему складу мышленія и чувствованія, стоятъ слишкомъ далеко отъ европейцевъ, чтобы мы могли

признать свое нравственное родство съ ними. Совсѣмъ иное дѣло, какъ только мы начинаемъ изучать древнія общества грековъ и римлянъ. Здѣсь мы чувствуемъ себя въ родной сферѣ и потому всѣ различія, какъ бы велики они ни были, являются почти только отъ разныхъ степеней развитія.

Кромѣ того, мы вступаемъ въ періодъ уже историческій. Теперь, слѣдовательно, не приходится болѣе классифицировать и создавать извѣстный іерархическій рядъ изъ расъ, находящихся не на одинаково низкихъ ступеняхъ развитія, чтобы такимъ путемъ намѣтить эволюціонное развитіе нашей до-исторіи.

Относительно греко-римскаго міра, этого нашего непосредственнаго предка, мы располагаемъ обильными свѣдѣніями и документами; такъ что въ настоящей главѣ намъ поневолѣ придется ограничиться наиболѣе существенннымъ, наиболѣе типичнымъ. Но во всякомъ случаѣ, мы будемъ въ состояніи прослѣдить за эволюціею греко-римской психики въ теченіе достаточно значительнаго времени и, благодаря этому, намъ будетъ легко показать, что наиболѣе способныя къ совершенствованію европейскія расы находятся въ связи съ дикарскимъ состояніемъ при помощи своей первобытной нравственности. Попытаемся теперь отмѣтить послѣдовательныя фазы этическаго развитія въ античной семьѣ и общинѣ.

I.—Женщина и бракъ въ греко-римскомъ мірѣ.

До Кекропса, говоритъ преданіе, т. е. за семнадцать вѣковъ до Р. Х., греки жили еще въ свободномъ смѣшеніи половъ и дѣти носили только имя своей матери. Такъ же было и въ Римѣ, гдѣ торжественный бракъ или такъ называемый «законный бракъ» («les justes noces») составлялъ преимущество патриціевъ. Плебейскіе союзы заключались *more ferarum*. Съ начала въ глубокой древности, бракъ состоялъ просто въ покупкѣ дѣвушки у ея родителей или въ похищеніи ея у враговъ Въ Спартѣ и Римѣ слѣды брака уводомъ сохранялись еще долго въ обычаѣ переносить новобрачную на рукахъ черезъ порогъ ихъ семейнаго дома. Подобно тому, какъ во всѣхъ дикихъ стра-

нахъ, не возбранялось также дѣвушкѣ свободно располагать собой: это даже служило ей средствомъ заработать себѣ приданое.

Что же касается замужней женщины, то она жила полузатворницей. Никогда замужняя женщина гречанка не выходила одна изъ дому; никогда не садилась за одинъ столъ съ мужемъ, если у него были гости-мужчины. Извѣстна также надгробная надпись римской матроны; *Domum mansit; lanam fecit.*

Въ Греціи такъ же, какъ въ Индіи и Китаѣ, женщина находилась въ полномъ подчиненіи: дочерью у родителей, въ замужествѣ—у мужа, во время вдовства—у сыновей. Въ дѣлахъ наслѣдства преимущество оказывалось мужчинамъ. По мнѣнію древнихъ, женщина представляла существо болѣе низкое. Женщина, говоритъ Аристотель, «обладаетъ отнюдь не большею способностью разсуждать, чѣмъ рабъ».

Въ древней Греціи, за исключеніемъ Спарты, не существовало никакого образованія для женщинъ. Ихъ огрубѣлость была, вѣроятно, очень велика, если судить по существовавшему въ первобытномъ Римѣ запрещенію женщинѣ подъ страхомъ смертной казни пить вино и поддѣлывать ключи отъ погреба. Въ древности на женщину смотрѣли, какъ на существо, которому не слѣдуетъ довѣрять: «Кто довѣряется женщинѣ, говоритъ Гезіодъ, тотъ довѣряется ворамъ».

Это глубокое презрѣніе къ женщинамъ, первый признакъ дикости, дѣлаетъ для насъ понятными нѣкоторые поразительные на первый взглядъ обычаи, какъ напримѣръ, уступка жены на время другому лицу, обычай, практикуемый, впрочемъ, многими дикими расами. Въ Спартѣ старый мужъ могъ, не оскорбляя нравственности, замѣнять себя молодымъ человѣкомъ. Въ жизнеописаніи Кимона Плутархъ повѣствуетъ, что Кимонъ уступилъ свою жену влюбившемуся въ нее богатому аѳинянину Калліасу. А между тѣмъ, самъ Кимонъ пользовался репутаціей человѣка съ возвышенной душой. Плодовитая жена могла быть уступлена другу; такъ Катонъ цензоръ уступилъ свою жену другу Гортензію. Съ другой стороны, только со временъ Юстиніана женщину стали считать достойной имѣть надзоръ за своими дѣтьми.

Только публичныя женщины обучались пѣнію, танцамъ и

нѣсколькимъ языкамъ; вотъ почему, какъ женатые, такъ и холостые мужчины искали ихъ общества; извѣстно, какую важную роль играли эти свободныя подруги, гетеры, въ Греціи. Не безинтересно будетъ для насъ замѣтить, что подобные нравы еще господствуютъ до сихъ поръ въ Японіи.

Мужъ, грекъ или римлянинъ, могъ имѣть наложницъ; въ теченіе долгаго времени слово «прелюбодѣяніе» прилагалось лишь къ женѣ, что представляетъ весьма обычное явленіе въ обществахъ, находящихся на низкой ступени развитія. Супруга въ античномъ мірѣ служила просто средствомъ имѣть дѣтей, и потому бракъ у древнихъ народовъ представлялъ чисто гражданское учрежденіе, вовсе не былъ таинствомъ, какъ это установило христіанство.

Съ теченіемъ времени законодательство относительно женщины подверглось измѣненіямъ. Солонъ приговорилъ похитителя дѣвушки къ уплатѣ за нее ста серебряныхъ драхмъ; онъ повелѣлъ ближайшему родственнику жениться на бѣдной сиротѣ или дать ей приданое; онъ не отмѣнилъ одного изъ кровавыхъ законовъ Дракона, въ силу котораго мужчина, имѣющій недозволенныя сношенія съ чужой женой и захваченный на мѣстѣ преступленія, отдается оскорбленному мужу въ полное его распоряженіе. Онъ воспретилъ также продавать дочерей и сестеръ, за исключеніемъ случаевъ легкаго съ ихъ стороны поведенія.

Подчиненіе замужней женщины въ Римѣ было сначала чрезвычайное, но съ теченіемъ времени стало мало-по-малу уменьшаться. Законъ Двѣнадцати Таблицъ разрѣшалъ ближайшимъ роднымъ самолично расправиться съ невѣрной женой, подвергнувъ предварительно ее семейному суду: *Cognati necanto uti volent.*

Въ первобытномъ Римѣ, какъ и во всѣхъ дикихъ странахъ, прелюбодѣй наказывался собственно за то, что онъ покусился на чужую собственность, — и потерпѣвшій мужъ имѣлъ право принять денежное вознагражденіе

Позднѣе, взамѣнъ частной мести, устанавливается законъ. Законъ Юлія каралъ смертною казнью прелюбодѣянія; и у соблазнителя конфисковалъ половину имущества; онъ обязывалъ

мужа, въ случаѣ невѣрности жены, прекратить съ ней всякое сожительство, подъ угрозой потери всѣхъ своихъ гражданскихъ правъ; въ то же время онъ исключалъ невѣрную жену изъ всѣхъ храмовъ, даже храмовъ рабовъ и чужеземцевъ

Въ античномъ мірѣ мужъ могъ отослать свою жену или развестись съ нею. Первое устраивалось легко; такъ, Цицеронъ отослалъ свою жену Теренцію, ради того, чтобы получить новую вдовью часть изъ имѣнія жены, а Августъ, желая вступить въ бракъ съ Ливіей, принудилъ ея мужа отослать ее, не смотря на ея беременность. Позднѣе, разводъ сдѣлался настолько легокъ, что св. Іеронимъ упоминаетъ о женщинѣ, имѣвшей двадцать трехъ мужей и вышедшей замужъ за человѣка, уже бывшаго женатымъ на двадцать одной женѣ.

Наконецъ, на ряду съ бракомъ существовалъ еще конкубинатъ; хотя къ нему относились хуже, чѣмъ къ браку, тѣмъ не менѣе онъ существовалъ, какъ законный союзъ. Конкубинатъ могъ быть расторгнутъ безъ развода и безъ отверженія, для этого достаточно было фактически разойтись обоимъ заинтересованнымъ лицамъ; ребенокъ, происшедшій отъ подобнаго союза, не имѣлъ никакихъ правъ на наслѣдство своего отца, но считался законнымъ ребенкомъ. Кромѣ того, человѣкъ, имѣвшій уже одну наложницу и вступавшій въ бракъ съ другой женщиной или бравшій другую наложницу, считался по закону виновнымъ въ прелюбодѣяніи. Конкубинатъ являлся какъ бы низшей формой брака, регулировавшей связи такихъ лицъ, которыя не имѣли права *connubium*, какъ напримѣръ, между патриціемъ и вольноотпущенницей; конкубинатъ считался вполнѣ почтеннымъ положеніемъ, это былъ хотя свободный, но вмѣстѣ съ тѣмъ законный бракъ: бракъ не сдѣлали еще таинствомъ.

II.—Семья.

Бракъ въ античномъ мірѣ, какъ мы только-что видѣли, носилъ въ началѣ крайне первобытный характеръ; тоже самое приходится сказать и относительно правъ отца. Въ Греціи и Римѣ отецъ первоначально пользовался правомъ жизни и смерти

надъ своими дѣтьми, подобно тому, какъ это мы встрѣчаемъ у современныхъ дикарей. По словамъ Секта Эмпирика, Солонъ, опасаясь возможности отцеубійства, оставилъ еще за отцомъ безусловную власть надъ своими дѣтьми. Впрочемъ, онъ установилъ, что сынъ не обязанъ кормить своего престарѣлаго отца если этотъ послѣдній не научилъ его никакому ремеслу.

Но въ особенности въ Римѣ примѣнялось со всею суровостью и на вполнѣ законномъ основаніи первобытное право отца семейства. Всѣ домочадцы, включая сюда жену, дѣтей и рабовъ, обязаны были безусловно подчиняться волѣ своего господина. Въ принципѣ глава семьи могъ съ одинаковымъ правомъ продать или убить своего ребенка, раба, жену, если послѣдняя была у него *in manu*, т е. уравнена съ дочерьми, *loco filiae*. Эта родительская власть мужа надъ женой не являлась слѣдствіемъ только «справедливаго брака», она возникла на основаніи *usu*, *farreo*, *coemptione*, въ силу одного уже факта—безпрерывнаго сожительства въ теченіе года. Законъ не дѣлалъ различія между взрослымъ сыномъ или мебелью, скотомъ и рабами. До Александра Севера даже пятидесятилѣтній консулъ могъ быть преданъ смерти своимъ отцомъ; конечно, такой дикій законъ давно уже не примѣнялся на практикѣ, но онъ былъ только тогда отмѣненъ. До Антонина Пія отецъ семейства могъ по своему усмотрѣнію выдать свою дочь замужъ и затѣмъ расторгнуть этотъ бракъ; послѣднее право было у него отнято лишь въ правленіе Діоклетіана.

Одно лишь освобожденіе въ началѣ, а впослѣдствіи также достоинство патриція, дарованное извѣстному лицу, дѣлало сына независимымъ отъ отцовскаго всемогущества (*Institutes*, liv. I, titre XII, 4, 60).

За то отецъ несъ отвѣтственность за убытки, причиненные кому либо лицами, находящимися подъ его властью; но онъ могъ удовлетворить потерпѣвшихъ, отдавъ имъ *in mancipio* сына или раба, нанесшаго ущербъ.

III.—Дѣтоубійство и плодоизгнаніе.

Все это говоритъ о крайней грубости нравовъ. Не менѣе грубо было также и обращеніе съ новорожденными или имѣю-

щими родиться дѣтьми. Дѣтоубійство, подкидываніе дѣтей первоначально считалось поступками вполнѣ дозволительными. Въ Спартѣ отецъ приносилъ новорожденнаго передъ старѣйшими, отъ которыхъ и зависѣло даровать ему жизнь или обречь его на смерть: если ребенокъ былъ правильно сложенъ, то его оставляли жить и назначали ему земельный участокъ; въ противномъ случаѣ, его бросали въ рытвину, называвшуюся *Апоѳетами*.

Въ Римѣ дозволялось оставлять на произволъ судьбы мальчиковъ съ физическими недостатками, а дѣвочекъ всѣхъ безразлично, если только въ семьѣ была уже одна дочь, на основаніи древняго закона Ромула, который предписывалъ отцу воспитывать всѣхъ дѣтей мужского пола и, по крайней мѣрѣ, старшую дочь до трехлѣтняго возраста.

Въ Греціи дѣтоубійство было настолько распространено повсемѣстно, что Полибій видѣлъ въ немъ причину обезлюденія городовъ и деревень.

Аристотель находитъ, что не слѣдуетъ воспитывать дѣтей, страдающихъ физическими недостатками, что необходимо регламентировать дѣторожденіе и что, въ случаѣ надобности, можно прибѣгать къ искусственнымъ выкидышамъ, лишь бы это дѣлалось «раньше, чѣмъ плодъ проявитъ признаки жизни».

Въ Римѣ дѣтей очень часто оставляли у подножія колонны, близъ Велабрума, гдѣ ихъ подбирали особые предприниматели и затѣмъ воспитывали изъ нихъ рабовъ и проститутокъ.

При императорѣ Константинѣ были обнародованы нѣсколько законовъ въ защиту дѣтей. Въ 322 г. вышелъ законъ, предписывающій кормить и одѣвать на счетъ государства дѣтей тѣхъ родителей, которые оказываются слишкомъ бѣдными; въ 330 г. — законъ, признающій право собственности надъ ребенкомъ за лицомъ, спасшимъ ему жизнь; въ 329 г. — законъ, разрѣшающій отцу выкупить обратно проданнаго ребенка, но не подкинутаго; между тѣмъ языческій законъ дозволялъ отцу взять обратно ребенка, при какихъ бы то ни было условіяхъ, внеся одно лишь вознагражденіе.

Другой законъ Константина приравнялъ дѣтоубійство къ отцеубійству; этотъ законъ имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ,

Африку и приношеніе дѣтей въ жертву съ религіозными цѣлями.

Θеодосій постановилъ, что проданныя дѣти могутъ возстановить свою свободу безъ всякаго выкупа; но эта мѣра была отмѣнена Валентиніаномъ III и продажа дѣтей, въ случаяхъ крайней нужды, практиковалась много времени спустя послѣ царствованія Θеодосія.

Еще болѣе основанія было въ глазахъ древнихъ не считать плодоизгнанія за безнравственный поступокъ. Зародышъ, по ихъ мнѣнію, составлялъ часть самой матери, а потому она свободно могла распоряжаться имъ. Аристотель, не колеблясь, рекомендуетъ плодоизгнаніе, какъ мѣру вполнѣ законную при слишкомъ быстромъ ростѣ населенія. Въ Римѣ плодоизгнаніе было столь распространеннымъ, что породило даже особую профессію. И только у Овидія, не раньше, встрѣчаемъ мы осужденіе такой практики: «Если женщина, говоритъ онъ, умретъ отъ послѣдствій плодоизгнанія, то всѣ, которыя видятъ, какъ уносятъ ее на смертномъ одрѣ, восклицаютъ, что она достойна своей участи». Такимъ образомъ и въ этомъ столь важномъ отношеніи нравственности совершается, въ концѣ концовъ, прогрессъ, но съ какою медленностью!

IV.—Рабство.

Что касается рабства, то проникновеніе сюда нравственныхъ началъ было еще болѣе затруднительно. Извѣстно, что вопросы о выгодѣ, денежные вопросы разрѣшаются съ большимъ трудомъ! Въ этомъ отношеніи античная нравственность мало чѣмъ отличается отъ нравственности Центральной Африки.

Въ самомъ началѣ, однако, рабство въ античномъ мірѣ было, повидимому, распространено въ ограниченныхъ размѣрахъ. Гомеръ упоминаетъ о рабахъ, находившихся при царскихъ дворцахъ. У греческихъ племенъ, не вступившихъ еще на путь завоеваній, мало, повидимому, практиковалось рабство. «Ихъ дочери и сыновья, говоритъ Геродотъ объ афинянахъ, ходили черпать воду къ девяти ключамъ, такъ какъ въ тѣ

времена ни они, ни другіе греки, не имѣли еще слугъ.». Плѣнникъ, пощаженный на войнѣ, могъ уплатить за себя выкупъ и сдѣлаться даже другомъ, «гостемъ, завоеваннымъ стрѣлой». Но завоеванія, въ особенности завоеванія дорическаго племени, привели къ тому, что появилось рабское населеніе. Укажемъ на илотовъ въ Спартѣ, періоценовъ на Критѣ (жителей предмѣстья) и ѳессалійскихъ пенестовъ. Вся эта масса стояла внѣ закона и къ ней относились, особенно къ Спартѣ, какъ къ скоту. Спартанцы обрекали на смерть одного изъ каждыхъ десяти илотовъ просто въ видахъ предосторожности; а юное поколѣніе, практикуя на илотахъ, пріучало себя къ убійствамъ на войнѣ. Аѳиняне, отличавшіеся вообще болѣе гуманными нравами, обращались со своими рабами сравнительно мягче, что привело въ негодованіе Ксенофонта. Но съ нравственной точки зрѣнія, рабъ въ Аѳинахъ, какъ и повсюду, составлялъ «одушевленную собственность», по выраженію Платона, «одушевленное орудіе», какъ говоритъ Аристотель.

Послѣдній доказываетъ полную законность рабства: «Одни изъ существъ, уже съ самаго момента своего рожденія, предназначаются для того, чтобы повиноваться, другіе—чтобы повелѣвать».

«Всѣ существа, между которыми встрѣчается такое же различіе, какъ между душой и тѣломъ, человѣкомъ и животнымъ, рабы отъ природы. Для нихъ рабство справедливо и полезно».— Не слѣдуетъ обращать въ рабство всѣхъ людей безразлично, но лишь только тѣхъ, которые предназначены къ тому; такъ же, какъ можно добыть все необходимое для торжественной трапезы или жертвоприношенія, отправившись на охоту за дичью или дикими звѣрями, а не приносить въ жертву людей».— «Необходимо, чтобы земледѣльцы были или рабами или варварами, или періоценами». Но уже и въ то время нѣкоторыя лица, въ нравственномъ отношеніи болѣе развитыя, протестовали противъ рабства и Аристотель приводитъ свои доводы, главнымъ образомъ, для опроверженія доводовъ этихъ протестантовъ.

По взглядамъ на рабство и отвратительному обращенію съ рабами, Римъ, по меньшей мѣрѣ, ни въ чемъ не уступалъ Греціи.

Въ первобытномъ Римѣ число рабовъ вначалѣ было также ограничено; всякій землевладѣлецъ имѣлъ одного или двухъ рабовъ, которые помогали ему въ земледѣльческихъ работахъ. Но благодаря завоеваніямъ и морскимъ разбоямъ, въ Италію нахлынула цѣлая толпа рабовъ. Островъ Делосъ сталъ крупнымъ центромъ въ торговлѣ рабами. Ежедневное передвиженіе рабовъ, совершавшееся въ этой гавани, считалось тысячами. На материкѣ плѣнниковъ-варваровъ, къ которымъ относились, какъ къ дикимъ звѣрямъ, отправляли на рынокъ цѣлыми толпами.

Надъ своими рабами хозяинъ имѣлъ всѣ права и, конечно, пользовался ими. Одинъ изъ самыхъ ужасныхъ добродѣтельныхъ людей древняго Рима, Катонъ Цензоръ, Катонъ ростовщикъ, узкій и жестокій патріотъ, гордился продажей своихъ престарѣлыхъ слугъ «ни болѣе, ни менѣе, говоритъ Плутархъ, какъ если бы это была облѣзлая скотина». Онъ даже ссужалъ собственныхъ рабовъ деньгами, чтобы они покупали новыхъ, дрессировали ихъ, а затѣмъ перепродавали съ выгодой на половинныхъ барышахъ, и т. д.

Въ Римѣ жизнь рабовъ ставилась ни во что: Фламиній приказалъ умертвить раба для того, чтобы позабавить одного изъ своихъ гостей; Ведій Полліо откармливалъ мясомъ рабовъ своихъ рыбъ въ садкахъ; Августъ приказываетъ распять на крестѣ раба, убившаго его любимую перепелку. Въ *Сатириконѣ*, секретарь Трималхіона говоритъ о рабѣ, распятомъ на крестѣ за то, что «тотъ поносилъ геній хозяина». Въ своемъ трактатѣ *объ обязанностяхъ* Цицеронъ упоминаетъ о Гекатонѣ, который въ шестой книгѣ спрашиваетъ о томъ, нужно ли лучше выбросить за бортъ корабля во время бури цѣнную лошадь, чѣмъ ничего не стоющаго раба.

Въ *De Irâ* Сенека говоритъ о хозяевахъ, калѣчащихъ своихъ рабовъ, выкалывающихъ имъ глаза, заставляющихъ ихъ искать спасенія въ бѣгствѣ и «такимъ образомъ причиняющихъ самимъ себѣ убытокъ всяческими способами». Но самыхъ краснорѣчивыхъ указаній слѣдуетъ искать въ законодательствѣ, даже въ законахъ, которые были изданы въ защиту рабовъ.

При Августѣ было установлено, что если хозяинъ падетъ отъ руки одного изъ своихъ рабовъ, то всѣ рабы, живущіе подъ кровлею своего господина, подлежатъ смертной казни. Тацитъ въ своихъ *Лѣтописяхъ* описываетъ народное волненіе, вызванное примѣненіемъ этого дикаго закона при Неронѣ къ четыремъ стамъ рабамъ, хозяинъ которыхъ, Педаній Секундъ, римскій префектъ, былъ убитъ. Общественное мнѣніе обнаружило уже въ это время большую гуманность. Тѣмъ не менѣе одинъ изъ законовъ Граціана осуждаетъ на сожженіе живьемъ всякаго раба, дерзнувшаго обвинять своего господина въ какомъ либо преступленіи, за исключеніемъ случаевъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ.

Все это объясняется только тѣмъ, что римскій рабъ считался вещью. Аквилійскій законъ считаетъ за одно—увѣчье, нанесенное скоту и рабу. Законъ Двѣнадцати таблицъ, этотъ декалогъ первобытной римской жестокости, предоставляетъ должнику тридцать дней срока для уплаты долга, а затѣмъ присуждаетъ его кредитору (*jure addicitur*), который держитъ его сначала у себя дома на цѣпи, а затѣмъ ведетъ на продажу за Тибръ, такъ какъ ни одинъ римскій гражданинъ не могъ быть проданъ въ самомъ Римѣ. Какъ во многихъ дикарскихъ обществахъ, классъ рабовъ пополнялся въ Римѣ не только путемъ войнъ и естественнаго прироста, но и другими способами: такъ рабомъ могъ стать сынъ, проданный своимъ отцомъ (*in servitute non servus*), человѣкъ совершившій преступленіе и въ наказаніе отданный въ рабство (*servus poenae, sine dominio*), наконецъ, свободный человѣкъ, достигшій двадцатилѣтняго возраста и допустившій продать себя обманнымъ образомъ въ рабство (*Institutes*, 1 liv. III).

Власть господина надъ свободными людьми, проданными *in mancipio*, подобно домашнимъ животнымъ съ соблюденіемъ обычной торговой процедуры (*libripens*), была ограничена только тѣмъ, что съ ними не дозволялось обращаться оскорбительно, во всемъ остальномъ они были тѣ же рабы.

У всѣхъ народовъ, говорятъ опять *Institutes*, господа имѣютъ право жизни и смерти надъ своими рабами. Рабы не

могутъ испытывать никакихъ оскорбленій такъ какъ всякое оскорбленіе ихъ относится къ ихъ хозяину.

Наказуемость за одни и тѣ же преступленія въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣняется, смотря по положенію виновнаго. За подлогъ рабъ наказывается, по закону Корнелія, смертью, а свободный человѣкъ—лишь ссылкою.

Мало-по-малу, съ дальнѣйшимъ прогрессомъ въ нравахъ, всѣ эти несправедливости стали оскорблять общественное сознаніе.

Константинъ воспретилъ произвольно раздѣлять семью раба. Было также воспрещено распинать на крестѣ рабовъ. Антонинъ заставилъ хозяевъ, обращавшихся слишкомъ жестоко со своими рабами, продавать послѣднихъ. Отъ 319 до 326 гг., императоры осуждали, какъ убійцу, всякаго хозяина, причинявшаго чрезмѣрнымъ истязаніемъ смерть своему рабу, за исключеніемъ впрочемъ тѣхъ случаевъ, когда смерть наступала послѣ умѣреннаго наказанія, что совершенно напоминаетъ еврейское законодательство. До Юстиніана для раба не существовало законнаго брака; даже болѣе того, рабство приводило къ расторженію брака. «Презрѣнное положеніе рабовъ, говорится въ кодексѣ Ѳеодосія, дѣлаетъ ихъ недостойными законовъ». По древнему римскому закону, свободная женщина, вступившая въ интимную связь съ рабомъ, сама становилась рабыней. Благочестивый Константинъ былъ еще суровѣе: за подобное преступленіе онъ осуждалъ раба на сожженіе, а свободную женщину на обыкновенную смертную казнь.

Тѣмъ не менѣе нравы совершенствовались быстрѣе законодательства и освобожденіе рабовъ стало настолько зауряднымъ явленіемъ, что государственная власть нашла нужнымъ вмѣшаться въ это дѣло и ограничить его. Законъ *Фурія Канина* опредѣляетъ такимъ образомъ число рабовъ, которые могли быть отпущены на свободу: кто имѣетъ 3 рабовъ, можетъ отпустить 2; кто имѣетъ до 10 рабовъ, можетъ отпустить половину; при 10—30 рабахъ—третью часть; при 30—100 – четвертую; при 100—500—пятую; никогда болѣе 100 человѣкъ.

Я вскорѣ скажу, какимъ образомъ философы способствовали улучшенію нравовъ и мало-по-малу смягчили свирѣпый нравъ римской волчицы.

V.—Отечество.

Узкій и необузданный патріотизмъ древнихъ, сильно способствующій развитію въ нихъ племенной гордости, этого неизбѣжнаго плода племенной борьбы за существованіе, составляетъ, какъ мы уже видѣли, обычную черту для всѣхъ вообще низшихъ или мало культурныхъ племенъ. Въ античномъ греко-латинскомъ мірѣ патріотизмъ достигъ своего крайняго развитія. Любить свой городъ, свою родину считалось величайшей добродѣтелью: «Какъ прекрасно, поетъ Тиртей, для храбреца пасть въ первыхъ рядахъ и умереть въ борьбѣ за родину». Какъ грекъ, онъ находитъ даже эстетическое наслажденіе, сравнивая красоту труповъ молодыхъ воиновъ, павшихъ въ битвѣ, съ безобразіемъ тѣлъ старцевъ. Судя по этому тексту, слѣдуетъ, повидимому, допустить, что греки тѣхъ временъ, подобно нынѣшнимъ абиссинцамъ и нубійцамъ, подвергали трупы своихъ враговъ гнусному изуродованію, оскопленію.

Не только грекъ самъ по себѣ считался высшимъ существомъ:—«Эллинъ имѣетъ право повелѣвать варвару», говоритъ Еврипидъ (*Ифигенія въ Авлидѣ*, стихъ 1400), но даже городъ, къ которому онъ принадлежалъ, признавалъ за собой тѣ же права: по отношенію къ своимъ такъ называемымъ союзникамъ Аѳины проявляли много жестокости и гордости. Отечество составляло все: «оно имѣетъ, говоритъ Платонъ, болѣе правъ, чѣмъ родители: оно также наша мать; оно безсмертно; это—божество». «По существующему порядку въ природѣ городъ предшествуетъ индивиду; слѣдуетъ, говоритъ Аристотель, сдѣлать доступъ въ городъ ограниченнымъ; онъ не долженъ превратиться въ общественный рынокъ».

Многія историческія и легендарныя данныя свидѣтельствуютъ, что въ первобытномъ Римѣ господствовало нѣчто вродѣ патріотическаго бѣшенства. Этотъ необузданный патріотизмъ регулировалъ всю нравственность; такъ напримѣръ, морскіе разбои и множество другихъ насилій считались преступными только въ томъ случаѣ, если они совершались надъ

согражданами. Война и земледѣліе признавались единственными занятіями, достойными гражданина.

Въ первобытномъ античномъ мірѣ не признавали никакой нравственности, обязательной по отношенію къ врагамъ. Въ Иліадѣ побѣжденнаго врага, несмотря ни на какія мольбы, не щадятъ, а подвергаютъ самымъ грубымъ издѣвательствамъ. Что же касается женщинъ, уцѣлѣвшихъ при всеобщей рѣзнѣ, то онѣ становились рабынями для всевозможныхъ услугъ.

Нѣкогда, въ Македоніи, говоритъ Аристотель, существовалъ законъ, въ силу котораго воинъ, не убившій на войнѣ ни одного врага, долженъ былъ носить недоуздокъ вокругъ головы. «Военное искусство, говоритъ тотъ же писатель, является однимъ изъ законныхъ средствъ дѣлать пріобрѣтенія всякаго рода, а охота—лишь частное проявленіе того же искусства». Плѣнники, представляютъ для него нѣчто вродѣ дичи.

На почвѣ этихъ нравовъ, въ связи съ религіозными обрядами при погребальныхъ жертвоприношеніяхъ, возникли цирковыя игры, начавшія впервые распространяться изъ Этруріи. Два сына, носившіе имя Брута, во время погребенія своего отца въ 264 г. до Р. Х., заставили три пары рабовъ вступить съ ними въ единоборство. Это нововведеніе, какъ извѣстно, имѣло громадный успѣхъ; оно вполнѣ отвѣчало всеобщей жестокости того времени. Эти кровавыя игры полюбили страстно. Дѣти играли въ Гладіаторовъ; при Неронѣ, въ 64 г., женщины высокаго происхожденія выходили на арену, и мода на это продолжаласъ довольно долго, такъ какъ лишь только въ 200 г. она была воспрещена особымъ указомъ. Весьма благородныя дамы, даже императрица Фаустина, были обвинены въ томъ, что дарили свою любовь гладіаторамъ. Самые величайшіе римскіе умы смотрѣли съ полнымъ равнодушіемъ на игры въ циркѣ. Цицеронъ не видитъ въ нихъ ничего дурного, лишь бы гладіаторы были изъ среды преступниковъ. Одинъ лишь Сенека Философъ высказался, подъ конецъ своей жизни, противъ игръ, которыя тѣмъ не менѣе были отмѣнены лишь Гоноріемъ въ 404 г.

Нравственность, какая бы то ни было нравственность, такъ естественна для человѣка, живущаго въ обществѣ, что у гла-

діаторовъ существовала своя особая нравственность: они жаловались на то, что игры устраиваются рѣдко, отказывались бороться съ противниками, которыхъ считали недостойными себя, смѣялись надъ своими ранами, падали съ граціей и хладнокровно умирали, подставляя добровольно свою шею побѣдителю.

VI.—Проституція.—Уголовныя кары у грековъ и римлянъ.

У меня не много мѣста; но я все таки хочу, прежде чѣмъ коснуться морали древнихъ философовъ, указать еще на нѣкоторыя черты прирожденной грубости, проявляющіяся въ половой нравственности и уголовныхъ карахъ грековъ и римлянъ.

Въ Греціи практиковалась проституція даже въ самыхъ храмахъ, именно: на Кипрѣ, въ Коринѳѣ, Милетѣ, Тенедосѣ, Лесбосѣ и Абидосѣ. Въ Спартѣ молодыя дѣвушки пѣли и плясали голыя въ присутствіи юношей. Нигдѣ въ Греціи къ проституткамъ не относились съ презрѣніемъ.

Римскій развратъ, въ особенности временъ имперіи, остался навѣки памятенъ; онъ росъ совершенно естественно, одновременно съ богатствомъ и праздностью. Римскіе пантомимы отличались грубымъ цинизмомъ. Во время празднествъ въ честь богини Флоры устраивались бѣга голыхъ проститутокъ. Не говоря уже о Мессалинѣ, множество патриціянокъ находило упоеніе въ ремеслѣ публичныхъ женщинъ, такъ что въ царствованіе Тиверія пришлось даже издать законъ, чтобы обуздать ихъ сладострастіе.

Добродѣтельный Александръ Северій заботился о снабженіи наложницами провинціальныхъ губернаторовъ, если они были холосты.

Но въ особенности, такъ называемая сократическая любовь придаетъ половымъ отношеніямъ въ античномъ мірѣ ихъ гнусный характеръ. Ни у Гомера ни у Гезіода мы не находимъ еще указаній на такого рода любовь, хотя нѣкоторые совѣты, преподанные Гезіодомъ своимъ согражданамъ, свидѣтельствуютъ о царившей среди нихъ грубой непристойности.

Свѣдѣнія о сократической любви впервые мы находимъ у Ѳеогнида и Солона. Ее приписываютъ, съ нѣкоторымъ основаніемъ, завоеванію дорянъ, такъ какъ Аристотель утверждаетъ, что законодатель критянъ установилъ ее, преслѣдуя мальтузіанскія цѣли. Въ своихъ слащавыхъ діалогахъ Платонъ говоритъ о ней серьезнымъ образомъ, приводитъ въ защиту ея матафизику и выводитъ изъ нея даже такъ называемую «платоническую любовь».

Это былъ порокъ, весьма распространенный въ Римѣ; его каралъ старинный скантиніанскій законъ, а Домиціанъ принужденъ былъ еще болѣе усилить строгость наказанія; но только еврейско-христіанскому вліянію удалось, хотя и слишкомъ поздно, морализовать въ этомъ отношеніи римлянъ.

Что касается вообще системы наказаній въ античномъ мірѣ, то я хочу напомнить лишь тѣ ея существенныя черты, которые представляютъ сходство съ первобытными карами всѣхъ странъ.

Вначалѣ господствовалъ, конечно, законъ возмездія: Аристотель и Діодоръ подтверждаютъ это; но въ глубокой уже древности, какъ о томъ свидѣтельствуетъ *Аяксъ* Гомера, стали практиковать выкупы. Впрочемъ, даже значительно позже судъ не обязанъ былъ преслѣдовать по собственной инищіативѣ преступника-убійцу; а во время совершенія смертной казни присутствовалъ обыкновенно истецъ: это онъ былъ собственно мстителемъ за пролитую кровь.

Въ Римѣ законъ Двѣнадцати таблицъ предписывалъ также возмездіе: «*Si membrum rupit, ni cum eo pacit talio esto*»; но *Institutes* допускали въ широкихъ размѣрахъ денежные штрафы.

Въ Греціи временъ Гомера убить человѣка считалось скорѣе несчастьемъ для виновнаго, чѣмъ преступленіемъ; но позднѣе въ Аѳинахъ на убійство, даже невольное, начали смотрѣть, какъ на оскверненіе города: жизнь человѣческая стала пользоваться уваженіемъ; люди развились въ нравственномъ отношеніи.

Отмѣтимъ еще изъ греческихъ законовъ такъ называемый драконовскій законъ, карающій смертью за тунеядство и усили-

вающій наказаніе за убійство, въ случаѣ если виновникъ во время совершенія преступленія былъ пьянъ, и законъ Харонда, который впервые опредѣляетъ наказанія за лжесвидѣтельство.

По отношенію къ воровству первобытные римскіе законы, какъ вездѣ, отличались крайней суровостью. Двѣнадцать таблицъ разрѣшали убить вора, застигнутаго на мѣстѣ преступленія или пытавшагося защищаться. Пощаженный же при такихъ обстоятельствахъ, воръ становился *addictus*, если онъ былъ свободнымъ гражданиномъ и бросался въ пропасть, если былъ рабомъ.

Законъ Юлія осуждаетъ на смертную казнь прелюбодѣя, а также всякаго мужчину, предающагося половымъ извращеніямъ съ другими мужчинами.

Законъ Помпея за убійство родственника по восходящей линіи, а также сына, предписываетъ зашить убійцу въ кожаный мѣшокъ вмѣстѣ съ собакой, пѣтухомъ, гадюкой и обезьяной и бросить въ море или же въ ближайшій рѣчной протокъ.

Все это законодательство запечатлѣно грубостью и свирѣпостью: оно, несомнѣнно, возникло ради желанія и права мести.

VII.—Черты болѣе возвышенной нравственности.

Тѣмъ не менѣе нравы античнаго міра въ нѣкоторомъ отношеніи все-таки прогрессируютъ. Такъ, напримѣръ, мнѣ кажется, что по уваженію, какимъ *Иліада* окружаетъ Нестора и Пріама, можно заключить, что въ первобытной Греціи старость пользовалась почетомъ.

Великая добродѣтель, дѣлающая честь многимъ первобытнымъ обществамъ и всегда исчезающая одновременно съ успѣхами такъ называемой цивилизаціи, гостепріимство, была также широко распространена въ древней Греціи. Чужеземца всегда охотно принимали въ домъ и сажали за столъ, не торопясь узнать, первымъ дѣломъ, кто онъ, а разставаясь, вручали ему обыкновенно даръ гостепріимства (ξένια.)

Въ Греціи пьянство съ очень древнихъ временъ было заклеймено позоромъ. Такъ, Ахилессъ, понося въ *Иліадѣ* Агамемнона, называетъ его «пьяницей, песьей головой, сердцемъ

оленя». Относительно наказуемости Драконъ, какъ мы уже видѣли, признаетъ пьянство обстоятельствомъ, оттягчающимъ вину. Въ Римѣ пить вино для женщины считалось преступленіемъ, достойнымъ смертной казни. Отмѣтимъ кстати, что, благодаря этой строгой нравственности была почти совершенно искоренна наклонность къ пьянству: «Полезные законы создаютъ добрыхъ гражданъ», говоритъ Платонъ.

Въ Аѳинахъ трудъ считался обязательнымъ для каждаго, а частная собственность была ограничена законами Солона. Чтобы сдѣлаться собственникомъ поля въ Греціи временъ Гомера, уже недостаточно было огородить его, хотя изгородь и находилась подъ покровительствомъ Юпитера, Зевса (*hercéen*, ἕρκειος), для этого необходимо было обрабатывать поле: жатва принадлежала тому, кто обсѣменилъ его. Солонъ клеймилъ позоромъ всякаго, кто болѣе трехъ разъ былъ уличенъ въ праздности. Личную свободу вообще обуздывали; за жизнью и поступками частныхъ лицъ, наказуемыми по закону, наблюдали особые чиновники, называемые *экзегетами* въ Греціи, цензорами въ Римѣ; ихъ неудобная для многихъ должность была уничтожена въ Римѣ со второго вѣка.

Своеобразныя миѳологическія представленія указываютъ также на возникновеніе развитаго нравственнаго чувства: угрызенія совѣсти въ воображеніи грековъ получали олицетвореніе и являлись въ видѣ Евменидъ: «Когда человѣкъ совершилъ преступленіе и скрываетъ отъ глазъ свои кровавыя руки, то вскорѣ появляемся мы, справедливыя мстительницы мертвыхъ». Въ Аѳинахъ такъ же, какъ и въ Китаѣ, милосердіе обоготворялось; ему былъ воздвигнутъ алтарь на общественной площади. Клятвы находились подъ покровительствомъ строгихъ Евменидъ, но ихъ не смѣшивали съ справедливостью. «Клятвы, говоритъ Минерва въ *Евменидахъ* Эсхила, никогда не дадутъ права тому, кто несправедливъ».

Очень рано въ античномъ мірѣ обнаружилась одна дурная черта, которая встрѣчается вообще во всѣхъ цивилизаціяхъ, высвобождающихся изъ дикарскаго состоянія; я говорю о любви къ деньгамъ. Уже Гезіодъ обращается къ правителямъ, торгующимъ правосудіемъ, съ такими словами: «Подумайте

объ этомъ, о цари; вы принимающіе подарокъ за подаркомъ, исправьте свои приговоры; дурной замыселъ—дуренъ особенно для того, у кого онъ зародился». Алцей провозглашаетъ, что «богачъ—великій человѣкъ, а бѣднякъ—это жалкое ничтожество» (VI). «Гибель и гибель на голову того, восклицаетъ Анакреонъ, кто первый полюбилъ этотъ презрѣнный металлъ. Изъ-за него нѣтъ болѣе братьевъ, изъ-за него нѣтъ болѣе родныхъ: онъ рождаетъ войны и убійства» (Ode XLVI).

Мудрецы и законовѣды также протестовали. Солонъ воспрещаетъ ростовщичество, т. е. ссуды подъ проценты. Аристотель также клеймитъ процентъ, «это богатство, создающееся само по себѣ изъ денегъ». Не такъ однако думалъ Катонъ старшій; подобныя чувства были менѣе всего свойственны ему; удваивать полученное наслѣдство, это по его мнѣнію, самое прекрасное дѣло. Къ счастью, не всѣ походили на него. Эпаминондъ выкупалъ плѣнныхъ и снабжалъ приданымъ бѣдныхъ дѣвушекъ; Кимонъ раздавалъ пищу и одежду. Однако—и это слѣдуетъ особенно подчеркнуть,—античный міръ не устраивалъ вовсе госпиталей; первый госпиталь былъ устроенъ въ Римѣ лишь въ четвертомъ столѣтіи, одной римлянкой—Фабіолой. Но зато въ Римѣ существовала раздача хлѣба и масла. Соль продавалась по дѣйствительной ея стоимости, бѣдняки снабжались лекарствами и т. п.

Такова въ житейскомъ смыслѣ была нравственность древней Греціи и Рима; поэты же и философы въ своихъ произведеніяхъ останавливаются лишь на томъ, что было величественнаго и благороднаго въ античныхъ чувствахъ и мысляхъ. Очевидно, это были рѣдкіе цвѣты, невѣдомые толпѣ и мало ей понятные. Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ возвышенныя чувства представляютъ исключительное явленіе, однако по нимъ только можно судить о нравственной силѣ извѣстнаго народа, извѣстной цивилизаціи.

«Отъ Зевса, говоритъ Гомеръ, происходятъ всѣ нищіе и бѣдняки». «Сынъ Сатурна, говоритъ Гезіодъ, разрѣшилъ животнымъ поѣдать другъ друга, но людямъ онъ далъ въ удѣлъ справедливость, самое драгоцѣнное изъ сокровищъ». Въ другомъ мѣстѣ Гезіодъ излагаетъ вкратцѣ весь декалогъ первобытной

греческой морали: «честолюбецъ на столько же преступенъ, какъ и человѣкъ, который дурно обходится съ нищимъ или гостемъ, который оскверняетъ жену брата своего незаконными лобзаніями, обираетъ, при помощи недостойной хитрости, сиротъ или наноситъ оскорбленіе отцу, достигшему уже печальнаго порога старости». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Любить того, кто насъ любитъ, помогать тѣмъ, кто намъ помогаетъ, давать тѣмъ, кто намъ даетъ, а не тѣмъ, кто намъ не даетъ»... Послѣдняя черта достойна Конфуція. Другой поэтъ, Ѳеогнидъ, представляетъ собою уже моралиста-критика. Онъ не понимаетъ, какимъ образомъ сыновей можно наказывать за преступленія отцовъ, не допускаетъ, чтобы злые были счастливы, а праведные несчастливы. Трагедіи Еврипида полны нравственныхъ поученій, вродѣ: «Одинъ только злой человѣкъ можетъ считаться незаконнорожденнымъ». «Истинный праведникъ живетъ для ближняго, а не для себя». «Праведникъ не связанъ ни съ чѣмъ, даже съ родиной». Съ послѣднимъ правоученіемъ, странно звучащимъ въ устахъ античнаго человѣка, слѣдуетъ сопоставить знаменитый стихъ Теренція: «Я человѣкъ и ничто человѣческое не чуждо мнѣ».

Философы не уступаютъ поэтамъ. Эпикуръ говоритъ, что «рабъ есть другъ, занимающій низшее общественное положеніе». «Мудрецъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, отдаетъ жизнь за друга своего». Сократъ провозглашаетъ себя гражданиномъ вселенной. Платонъ утверждаетъ, что въ благоустроенномъ государствѣ все общество испытываетъ на себѣ радости и страданія каждаго изъ его членовъ. Онъ говоритъ, что «политика это—наука, доставляющая торжество справедливости».

По мнѣнію Солона, счастливѣйшимъ городомъ слѣдуетъ считать тотъ, въ которомъ граждане, преуспѣвая даже подъ сѣнью несправедливости, тѣмъ не менѣе всегда готовы противостоять ей. Для Аристотеля законъ есть безстрастный разумъ; справедливость—ничто иное, какъ общая польза; общество—наступательный и оборонительный союзъ, предназначенный для того, чтобы ограждать каждую личность отъ несправедливости (*Политика*, кн. III, гл. V). Эпикуръ уже опредѣлилъ справедливость такъ: это есть пониманіе взаимной пользы

(Нравоученія, XXXLX). Лукрецій провозглашаетъ, что слабаго всегда слѣдуетъ щадить. Наконецъ, стоицизмъ Зенона и Эпиктета возстановляетъ прирожденное равенство всѣхъ людей и разбиваетъ вдребезги рабство. Цицеронъ, Сенека и масса философовъ пошли по тому же пути. Цицеронъ говоритъ о всемірномъ человѣколюбіи (*Caritas generis humani*); онъ требуетъ справедливости даже по отношенію къ рабу. Сенека объявляетъ, что мужу такъ же предосудительно имѣть любовницу, какъ его женѣ имѣть любовника.

Маркъ-Аврелій пишетъ, что его родина—вселенная, что то, что не приноситъ пользы пчелиному рою, не можетъ быть полезно отдѣльной пчелѣ (*Maximes, LIV*); онъ требуетъ, чтобы мы любили оскорбляющихъ насъ (XXII); онъ говоритъ, что особенное преимущество человѣка составляетъ его способность быть доброжелательнымъ ко всѣмъ, подобнымъ себѣ. Но здѣсь мы переходимъ уже въ область христіанской морали, которая, дѣйствительно, взятая въ своемъ чистомъ видѣ, совпадаетъ съ моралью, выработанною философами греко-римскаго міра.

Я принужденъ ограничиться сказаннымъ мною, но и изъ этого краткаго очерка ясно видно, что по своимъ первоисточникамъ античная мораль не отличается какимъ либо особымъ благородствомъ; корни ея погружены глубоко въ общемъ для всего человѣчества состояніи дикости, изъ котораго она лишь мало-по-малу высвободилась быстрѣе и успѣшнѣе, чѣмъ мораль какого либо другого народа. Въ дѣйствительной жизни, по своей общественной организаціи, античный міръ стоялъ несравненно ниже Китая; но въ теоріи его мыслители отличались полетомъ мысли, невѣдомымъ Конфуцію и его школѣ. Они расчистили новые пути и подготовили будущее.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

НРАВСТВЕННОСТЬ ВАРВАРСКОЙ СТАДІИ. (*Продолженіе*).

I. *Варварство и феодализмъ.*—Продолжительность варварскаго періода.—Причины, вліявшія на развитіе этики.—Феодализмъ.

II. *Женщина въ варварской Европѣ.*—Бракъ.—Положеніе женщины у англо-саксовъ.—Политическія права женщины въ Анжу и т. д.—Подчиненіе женщины.—Прелюбодѣяніе.—Половая нравственность.—Женщина по Августину и Боссюэту.—Рыцарство.

III. *Рабы и крѣпостные.*—Рабство въ Германіи.—Рабы и колоны.—Крѣпостные.—Духовенство и крѣпостные.—Отпущеніе на волю по матеріальнымъ разсчетамъ.

IV. *Угнетеніе народа.*—Насилія франкскихъ вельможъ.—Безпощадное отношеніе къ народу «*сволочь*».—Контрибуціи.—Осады городовъ.—Вербовка солдатъ въ XVI вѣкѣ.

V. *Правосудіе.*—Жестокое преслѣдованіе нищенства.—Денежные выкупы. Законъ возмездія.—Свирѣпыя наказанія за воровство.—Плодоизгнаніе и дѣтоубійство—уголовныя преступленія.—Наказанія за содомію.—Дикая жестокость наказаній.—Судебныя испытанія.—Пытка.

VI. *Клерикальный деспотизмъ.*—Всеобщее злоупотребленіе силой.—Регламентація ремеслъ.—Духовное правосудіе.—Угнетеніе мысли.—Инквизиція.

VII. *Нравственный балансъ варварской Европы.*—Полное отсутствіе врожденнаго благородства.—Вліяніе христіанства.—Устройство госпиталей.—Рыцарская мораль.—Черты возвышенной нравственности въ Исландіи и Ирландіи.—Отмѣна рабства.

I.—Варварство и феодализмъ.

Такъ какъ характернымъ признакомъ варварской стадіи нравственности является рабство или его смягченная форма—крѣпостничество, то къ *періоду*, названному мною *варварскимъ*, намъ придется отнести также и эпоху отъ паденія римской имперіи до новыхъ временъ; вѣдь послѣдніе слѣды крѣпостничества были уничтожены во Франціи лишь во время революціи; въ другихъ странахъ они существовали и еще гораздо позже, итакъ, напримѣръ, въ Россіи крѣпостные были освобождены

только въ царствованіе императора Александра II, въ 1861 году.

Само собою разумѣется, что въ теченіе этого столь долгаго періода этика не всегда и не повсюду была однообразной по формѣ. Она подвергалась медленнымъ измѣненіямъ въ зависимости отъ развитія культуры вообще. Тѣмъ не менѣе, во всей варварской Европѣ она приняла, за исключеніемъ деталей и частностей, довольно однообразную физіономію подъ комбинированнымъ вліяніемъ трехъ главныхъ теченій, именно, юридическихъ и нравственныхъ традицій римской имперіи, нравовъ и обычаевъ галловъ, германцевъ и скандинавовъ, и наконецъ, все возрастающаго и усиливающагося вліянія христіанской церкви.

Галльскія и германскія племена имѣли въ началѣ общественную организацію въ самомъ зачаточномъ состояніи, очень схожую съ организаціей современныхъ краснокожихъ и кафровъ. Это были собственно безпорядочныя ассоціаціи свободныхъ людей, которые владѣли сообща землей и имѣли рабовъ или колонистовъ, появившихся вслѣдствіе войны или въ силу юридическихъ наказаній.

Въ Галліи предводители и лица, власть имѣвшія, захватили подъ конецъ всѣ земли, принадлежавшія клану, и обратили своихъ согражданъ и такъ называемыхъ соплеменниковъ въ простыхъ работниковъ; такому превращенію въ высокой степени благопріятствовало римское законодательство введеніемъ института частной собственности.

Въ Германіи свободные люди не платили налоговъ и въ франкской Галліи Меровингамъ не удалось удержать систему налоговъ, введенную римлянами. Духовенство и крупные землевладѣльцы освободились отъ обложенія, а крестьяне платили не налоги, а оброки. Франкскіе короли считали взиманіе налоговъ грѣхомъ; такъ, когда Хильперикъ и Фредегонда увидѣли своихъ дѣтей мертвыми, въ нихъ заговорило нравственное чувство и они сожгли «книгу цензовъ».

Я не стану описывать здѣсь феодальнаго строя, представляющаго совершенно естественную стадію для человѣка, выходящаго изъ состоянія дикарства; феодализмъ существовалъ

въ Китаѣ, Японіи и удерживается еще до настоящаго времени въ Абиссиніи. Онъ безъ особеннаго труда смѣняетъ анархическій хаосъ первобытныхъ племенныхъ группъ. Онъ всегда основывается, первымъ дѣломъ, на силѣ, на завоеваніи, и является, какъ результатъ многочисленныхъ соглашеній между неодинаково могущественными предводителями; такимъ образомъ, возникаетъ, какъ извѣстно, іерархія, на одномъ концѣ которой стоитъ наиболѣе слабый, а на другомъ — верховный предводитель, іерархія, опирающаяся на условіяхъ, опредѣляющихъ пассивъ и активъ заинтересованныхъ сторонъ, т. е. степень покровительства оказываемаго сюзереномъ вассалу, и сумму обязанностей, принимаемыхъ на себя послѣднимъ за такую опеку. Подобная организація представляетъ, вообще постепенное расчлененіе монархической власти; масса свободныхъ людей отличается еще въ это время слишкомъ воинственнымъ духомъ, чтобы позволить обратить себя въ безусловное рабство; приходится входить съ нею въ сдѣлку. Но всегда подъ такой многочисленной іерархіей находится масса порабощенныхъ людей, трудомъ которыхъ всѣ кормятся.

Такая общественная организація имѣетъ не одни только дурныя стороны. Она несомнѣнно дресируетъ варвара въ нравственномъ смыслѣ и воспитываетъ въ немъ чувство долга и сознаніе своихъ правъ. Конечно, при феодальномъ порядкѣ аристократическіе титулы являются также признаками могущества и богатства; но это богатство не давалось даромъ, оно налагало разнаго рода обязательства и главнымъ образомъ обязательство помогать сюзерену на войнѣ, охранять вассаловъ и творить между ними судъ. Въ феодальномъ обществѣ никто не можетъ занимать изолированнаго положенія. Человѣкъ, не признающій себя чьимъ нибудь вассаломъ, считается бродягою, предается презрѣнію и ему приходится влачить опасное и невыносимо тяжелое существованіе, какъ это можно наблюдать еще и теперь въ Абиссиніи. Въ теоріи можно было бы оправдать такую іерархическую солидарность, если бы въ основаніи ея лежало серьезное нравственное и умственное преимущество; но, въ дѣйствительности, всѣ феодальныя системы опирались на силу, вслѣдствіе чего слабые и маленькіе люди всегда ока-

зываются угнетенными. Въ этомъ весьма легко убѣдиться: стоитъ только познакомиться съ нравами варварскихъ обществъ и, въ особенности, съ положеніемъ у нихъ женщины и порабощенныхъ классовъ.

II.—Женщина и порабощенный людъ.

Человѣкъ, стоящій на низкой ступени развитія, какого бы цвѣта ни была его кожа, повсюду имѣетъ полное сходство. Такъ, въ Черногоріи и Албаніи женщина считается еще до сихъ поръ низшимъ существомъ; съ ней часто обращаются, какъ съ вьючной скотиной, такъ же, какъ въ дикихъ странахъ. То же самое происходило, но лишь въ болѣе жестокой формѣ, и въ первобытной Европѣ. Въ независимой Галліи отецъ семейства пользовался, подобно римскому *pater-familias*, правомъ жизни и смерти надъ дѣтьми и ихъ матерями. На его могилѣ довольно часто приносились въ жертву одна или нѣсколько изъ его женъ, чтобы сопутствовать ему на тотъ свѣтъ, такъ какъ галльскіе вожди предавались многоженству и даже чрезмѣрному; такъ, Дагобертъ имѣлъ напримѣръ, не менѣе шестисотъ женъ. Если вѣрить Цезарю, то бретонцы практиковали не только полигамію, но и поліандрію, подобно тому, какъ это дѣлаютъ и въ наше еще время нѣкоторые народы Тибета и Цейлона. Въ первые вѣка европейской исторіи бракъ представлялъ въ дѣйствительности лишь простую куплю жены, посредствомъ *mundium*'а или *morgengab*'а (утренняго подарка). Крупные помѣстные владѣльцы отдавали иногда цѣлые города въ видѣ *morgengab*'а (Григорій Турскій), а щедрость молодыхъ мужей у лонгобардовъ была такъ велика, что пришлось ограничить ее особымъ закономъ, которымъ запрещалось въ видѣ *morgengab*'а выдѣлять болѣе четверти своего состоянія.

Среди германцевъ разводъ по взаимному соглашенію практиковался нерѣдко; но за мужемъ во всякомъ случаѣ признавалось право развестись съ женою по собственному усмотрѣнію, причемъ онъ не обязанъ былъ выплачивать вознагражденія. Въ Германіи, однако, женщина была менѣе порабощена, чѣмъ

какъ это обыкновенно бываетъ въ мало цивилизованныхъ странахъ. Позднѣе, у древнихъ исландцевъ за женщиной даже было признано наравнѣ съ мужчиной право на разводъ,— фактъ исключительный и крайне любопытный: въ особенности замѣчательны мотивы закона. Въ нихъ говорится, что «никто не обязанъ противъ воли дѣлить существованіе другого».

Положеніе женщины понемногу улучшалось всюду, но медленно и весьма неравномѣрно: феодальный строй почти не допускалъ всеобщаго и быстраго распространенія какой либо перемѣны.

Въ IX и X вѣкахъ большой шагъ впередъ былъ сдѣланъ англо-саксами. Дѣвушка перестала играть въ глазахъ отца роль мѣновой цѣнности; она могла по собственному выбору вступать въ бракъ, мужъ не могъ уже отвергнуть ее по одному своему капризу; владѣла собственнымъ имуществомъ и имѣла свои ключи; наконецъ, перестали считать ее отвѣтственною и налагать на нее наказанія за преступленія ея мужа. Но это совершенно исключительный случай въ процессѣ нравственной эволюціи, который можно сравнить лишь съ дарованіемъ политическихъ правъ женщинамъ въ Турени и Анжу въ XIV вѣкѣ. Въ этихъ провинціяхъ женщины дѣйствительно въ то время принимали участіе на выборахъ въ генеральные штаты.

Вообще же въ варварской Европѣ женщина находилась въ полномъ подчиненіи. У германцевъ, бургундовъ и т. п. вдова находилась подъ опекой своего старшаго сына, какъ только онъ достигалъ пятнадцатилѣтняго возраста; для новаго замужества, для вступленія въ монастырь ей необходимо было, подъ страхомъ утраты всего имущества, получить согласіе этого сына. Вассалка королевскаго лена не могла выйти замужъ, не получивъ на то разрѣшенія отъ отца, отъ своего сюзерена и, наконецъ, отъ короля. Иногда даже сеньоръ могъ выдавать дѣвушку замужъ какъ только ей исполнилось двѣнадцать лѣтъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ молодая дѣвушка составляла еще объектъ гнуснаго права клейменія (Дю-Канжъ, Боэцкій). Кодексъ Бомануаръ признаетъ еще за мужемъ право бить свою жену: «Мужъ можетъ бить жену,

если она не подчиняется его требованіямъ, или перечитъ ему, но только умѣренно, не причиняя смерти».

Въ средніе вѣка прелюбодѣяніе влекло за собой для женщины вѣчное заточеніе въ монастырѣ; въ случаѣ же, если мужъ застигнулъ свою невѣрную жену на мѣстѣ преступленія, онъ имѣлъ право, принимая на себя обязанности судьи, убить виновную, обратившись, въ случаѣ, надобности за помощью къ своему сыну. Такимъ образомъ, мы возвращаемся снова къ временамъ римскаго закона Двѣнадцати таблицъ. Гораздо позднѣе, въ 1561 г., невѣрная жена подвергалась тѣлесному наказанію и заточенію на вѣки въ монастырь, а половина ея имущества поступала въ пользу мужа.

Сдѣлаться матерью внѣ брака считалось преступленіемъ, за которое женщина еще въ 1790 г. могла подвергнуться пятилѣтнему изгнанію (приговоръ сеньера Шамплиттъ).

Дѣло въ томъ, что все, касавшееся половой нравственности, входило въ сферу вѣдѣнія католической церкви, а относительно такихъ вопросовъ воображеніе казуистовъ особенно легко воспламеняется и впадаетъ въ заблужденія Общее состояніе нравовъ не становилось отъ этого лучшимъ. Въ Руанѣ, напримѣръ, были *присяжные сводники*, носившіе медаль съ городскимъ гербомъ. Христіанство, слѣдовательно, не возвысило женщину. Впрочемъ, оно ни во что и ставило ее. Безчисленны проклятія, посылаемыя духовными писателями по адресу женщинъ. Приведу изъ нихъ лишь два образчика, изъ которыхъ одинъ относится къ началу, а другой къ концу католической эпохи. Святой Августинъ, желая отдалить Лета отъ матери, пишетъ ему, что «въ каждой женщинѣ, какова бы она ни была, мы всегда должны опасаться встрѣтить новую Еву, что материнская нѣжность проистекаетъ отъ хитрости и уловокъ змѣя», и т. п. Съ другой стороны, Боссюэтъ также объявляетъ женщинѣ, что она никогда не должна забывать, что она только «сверхкомплектная кость». Пусть женщины вдумаются въ свое происхожденіе и пусть, не слишкомъ хвастаясь своею утонченностью, припомнятъ, что онѣ всего на всего *сверхкомплектная кость*, которая обладаетъ лишь той красотой, какую Богу угодно было сообщить ей».

Въ христіанской Европѣ, гдѣ бракъ изъ гражданскаго учрежденія, какимъ онъ былъ въ древности, превратился въ таинство, половая нравственность получила, въ глазахъ церкви, чрезвычайное значеніе, послѣдствіемъ чего явилась эротическая экзальтація, породившая рыцарство. Въ теоріи это была платоническая любовь, носившая женственный характеръ. Душу строго отдѣляли отъ тѣла, и въ XII вѣкѣ, напримѣръ, женщины дѣлили свою личность на двѣ части, изъ которыхъ тѣло, низменную матерію, отдавали мужу, а сердце и чувства—другому избраннику. Такова была возвышенная мораль тѣхъ временъ. Для рыцаря духовная связь съ благородной и добродѣтельной дамой считалась обязательной. Отсюда возникла цѣлая литература, полная любовныхъ изліяній: «Любовь, говоритъ трубадуръ Рэмбо, вліяетъ благотворно на самыхъ лучшихъ людей и придаетъ достоинство самымъ плохимъ». Въ нравственности аристократіи среднихъ вѣковъ квинтэссенціированная любовь являлась главнѣйшимъ двигателемъ; она играла роль, сходную съ той, какую патріотизмъ игралъ въ этикѣ античныхъ народовъ. Но старинныя фабліо, легенды, романсы, хроники рисуютъ въ очень грубой формѣ практическую сторону нравственности временъ рыцарства. Наконецъ, ужасающая быстрота, съ какой распространился сифилисъ въ Европѣ, еще краснорѣчивѣе, чѣмъ литература, подтверждаетъ тотъ же фактъ: это, несомнѣнно, свидѣтельство дурной жизни и дурныхъ нравовъ.

Институтъ рыцарства имѣлъ однако и свои хорошія стороны; онъ развивалъ въ людяхъ храбрость, чувство самопожертвованія и героизмъ; онъ, несомнѣнно, способствовалъ смягченію грубости нравовъ; но это во всякомъ случаѣ была нравственность кастоваго характера.

Несправедливости, которыя рыцари клялись уничтожить, касались людей благороднаго класса. Клятва рыцаря гласила: «Охранять права слабыхъ, каковы вдовы, сироты и *барышни*, вступая въ равный бой и подвергая себя ради нихъ опасности въ случаѣ надобности, лишь бы только это не противорѣчило ихъ собственной чести и не было направлено противъ короля и принцевъ крови».

III.—Рабы, колоны и крѣпостные.

Подчиненіе порабощенныхъ классовъ въ эпоху феодализма было еще несравненно значительнѣе, чѣмъ подчиненіе женщины. Не для защиты ихъ возникло рыцарство.

Рабство въ Европѣ, какъ и повсюду, ведетъ свое начало съ отдаленной древности; и, какъ вездѣ, контингентъ рабовъ въ Галліи и Германіи пополнялся военноплѣнными, преступниками и неоплатными должниками и т. п. Какъ опять повсюду, на рабовъ здѣсь смотрѣли, какъ на вещь; господинъ могъ по своей доброй волѣ продавать, увѣчить и убивать ихъ. *Колоны* были въ сущности бѣднѣйшіе члены древнихъ клановъ, и они превратились въ *крѣпостныхъ* послѣ того, какъ римляне отдали въ собственность предводителямъ земли, находившіяся нѣкогда въ общинномъ владѣніи. Колонъ отвѣчалъ за свои поступки передъ судомъ, могъ жениться, поступить въ солдаты; никто не имѣлъ права разлучать его съ женой и дѣтьми, но онъ былъ прикрѣпленъ къ землѣ и въ случаѣ побѣга его силой водворяли на первоначальномъ мѣстожительствѣ: это былъ недвижимый рабъ. Анастасій и Юстиніанъ распространили рабство во всей римской имперіи, издавъ указъ, въ силу котораго всѣ колоны, не говоря уже о рабахъ, обрабатывавшихъ одну и ту же землю въ теченіе тридцати лѣтъ подъ именемъ, такъ называемыхъ, *аскриптиціевъ*, прикрѣплялись навѣки къ землѣ, какъ сами, такъ и ихъ потомство, но они все еще продолжали быть свободными людьми. Со временемъ же различіе между рабами и крѣпостными стало весьма незначительнымъ. Такимъ образомъ, когда Вильгельмъ Завоеватель въ 1086 г. велѣлъ составить опись земель въ Англіи, то въ спискахъ крѣпостные упоминались наряду съ поросятами, волами и баранами.

Впрочемъ, крѣпостному предоставлялось порвать узы, связывавшія его съ землей; онъ могъ оставить ее черезъ годъ съ днемъ; но въ такомъ случаѣ онъ становился бродягой, «ничьимъ» и къ нему примѣнялись крайне суровые законы.

Духовенство не только терпѣло рабство, но даже эксплоати-

ровало его въ своихъ интересахъ. Въ 506 г., на первомъ Агдскомъ соборѣ было постановлено подвергать лишь двухлѣтнему отлученію отъ церкви всякаго господина, убившаго своего раба, не обращаясь къ судьѣ.

Первый Реймскій соборъ запретилъ продавать рабовъ не христіанамъ.

Девятый Толедскій соборъ объявилъ дѣтей духовныхъ лицъ рабами церкви своихъ отцовъ.

Въ 1051 г. третій Римскій соборъ объявляетъ рабынями всѣхъ женщинъ, обвиненныхъ въ томъ, что онѣ жили въ Римѣ со священниками.

Почтенный архіепископъ Реймскій называетъ гнуснымъ учрежденіемъ городскія общины, благодаря которымъ крѣпостные могли *вопреки всякому праву* избавиться отъ власти своихъ господъ.

Мало-по-малу въ Европѣ, какъ раньше въ древнемъ Римѣ, случаи освобожденія крѣпостныхъ стали повторяться все чаще и чаще, но не столько вслѣдствіе гуманности, сколько по разсчету. Освобождали или за деньги, или отпускали на оброкъ, или отправляли на промыслы, или наконецъ обязывали личной службою: «Я тебя освобождаю, но подъ условіемъ, что ты будешь служить мнѣ, пока я живъ», гласятъ нѣкоторыя формулы. Въ Нормандіи крѣпостничество исчезаетъ уже съ XII вѣка. Короли, съ своей стороны, основывали то тамъ, то здѣсь вольные города, куда они привлекали рабовъ изъ окрестныхъ мѣстностей.

Указомъ отъ 1315 г. Людовикъ X освободилъ всѣхъ крѣпостныхъ, принадлежавшихъ королевскому дому: «По естественному праву, говоритъ указъ, каждый долженъ рождаться свободнымъ (franc) и наше королевство называется королевствомъ франковъ».

Но освобожденія эти совершались крайне случайно, все зависѣло отъ владѣльцевъ, и въ XVIII еще вѣкѣ Вольтеру приходилось выступать на защиту юрскихъ крѣпостныхъ духовенства.

Наконецъ, изъ записки, приложенной къ указу отъ 13 марта 1820 г., въ силу котораго іезуиты были изгнаны изъ Россіи,

видно, тчо эти представители религіи любви владѣли въ Польшѣ 22.000 крѣпостныхъ.

Впрочемъ, начиная съ крестовыхъ походовъ, церковь возстановила, воспользовавшись невѣрными, древнее рабство во всей его неприкосновенности. Королевская Франція была однако противъ этого и потому установилось, какъ общее правило, что рабъ получалъ свободу лишь только онъ вступалъ на французскую территорію; но еще въ XVI вѣкѣ мальтійскіе рыцари доставляли папамъ турецкихъ рабовъ.

Помимо даже рабства и крѣпостничества, ученіе о неравенствѣ правъ и обязанностей глубоко вкоренилось въ сознаніе людей, результатомъ этого явилось то, что практическая мораль варварской Европы отличалась крайней жестокостью по отношенію къ низшимъ классамъ населенія.

IV. — Угнетеніе народныхъ массъ.

Аристократія и вообще люди благороднаго происхожденія, считая себя существами неизмѣримо высшими, нисколько не стѣснялись въ своихъ отношеніяхъ къ народу. Григорій Турскій разсказываетъ о томъ, какъ вела себя благородная франкская свита Ригонты, дочери Хильперика (584 г.): «Она разоряла хижины бѣдняковъ, опустошала виноградники, уносила съ собой лозы и виноградъ, угоняла стада,—однимъ словомъ, накидывалась на все, что только попадалось ей на пути, и похищала, какъ бы осуществляя слова, сказанныя пророкомъ Іоилемъ: «Саранча пожрала остатки гусеницы, червь уничтожилъ остатки саранчи, а спорынья—остатки червя».

Въ 997 г. Рауль, графъ д'Эвре, воспылалъ страшнымъ гнѣвомъ противъ своихъ возмутившихся крестьянъ: «Онъ не захотѣлъ, говоритъ Робертъ Уесъ, отдать ихъ подъ судъ и подвергъ всѣхъ печальной и ужасной участи. Многимъ онъ приказалъ вырвать зубы, другихъ посадилъ на колъ, третьихъ ослѣпилъ, четвертымъ приказалъ отрубить кисти рукъ, и всѣмъ поголовно — прижечь поджилки; онъ не обращалъ вниманія на ихъ жалобы. Иныхъ онъ сжигалъ живьемъ, иныхъ приказывалъ поливать расплавленнымъ свинцомъ и со всѣми

обошелся такимъ образомъ. На нихъ отвратительно было смотрѣть»

Въ безпрестанныхъ войнахъ феодальной эпохи, побѣжденный, принадлежащій къ высшему рангу, нерѣдко пользовался пощадой, съ нимъ обходились даже почтительно, заботясь главнымъ образомъ о томъ, чтобы получить за него хорошій выкупъ; но сволочь, *piétaille*, подвергалась полному уничтоженію: для нея не было никакой пощады. Точно такъ же поступали и съ городами. Часто ограничивались наложеніемъ на нихъ контрибуцій, что составляло лишь примѣненіе въ широкихъ размѣрахъ германскаго *Wehrgeld'a*, но когда ихъ брали приступомъ, то всѣ гнусности тогда совершались безнаказанно. Отдача города на расхищеніе влекла за собою грабежъ, изнасилованіе, убійство и т. п. преступленія практиковались безъ всякаго стѣсненія. Даже церкви не составляли неприкосновеннаго убѣжища въ глазахъ этихъ пламенныхъ христіанъ, опьяненныхъ грабежомъ. Тамъ совершались, какъ говоритъ Байронъ, описывая взятіе Измаила, «всевозможныя злоупотребленія, передъ которыми мысль въ ужасѣ отступаетъ,—все, что тѣло можетъ совершить преступнаго, все, что мы когда-либо читали, слыхали или представляли себѣ о человѣческихъ несчастіяхъ—все, что сдѣлалъ бы дьяволъ, если бъ вдругъ совершенно помѣшался» (Донъ-Жуанъ, гл. VIII. стр. CXXIII). Когда же дѣло шло о невѣрныхъ, или еретикахъ, то бѣшеное безуміе становилось еще ужаснѣе, если только возможно говорить о большихъ еще ужасахъ. Сарацины и альбигойцы могли бы кое-что повѣдать объ этомъ. Взятіе крестоносцами приступомъ Іерусалима пользуется вполнѣ заслуженной въ этомъ отношеніи славой: въ Омаровой мечети «было пролито столько человѣческой крови, говоритъ лѣтописецъ, что руки, отрубленныя отъ туловища, плавали въ храмѣ и, подхватываемыя потоками крови, уносились и приставали къ другимъ тѣламъ». «Въ храмѣ и портикѣ Соломона, говоритъ другой, потоки крови доходили до колѣнъ всадника и до повода коня». Таковы были рыцарскіе нравы, а они держались въ теченіе довольно продолжительнаго времени, такъ какъ еще въ войнѣ противъ возмутившихся Нидерландовъ войска его

католическаго величества очень часто совершали подобнаго же рода подвиги.

Впрочемъ, даже въ мирное время и по отношенію къ своимъ соотечественникамъ воинъ охотно забывалъ предписаніе заповѣдей. Лѣтописецъ, разсказывая о набѣгѣ, совершенномъ въ XVI столѣтіи, полками виконта Тюреннъ и Мерю, говоритъ: «они разграбили дома, увели нѣсколькихъ мужчинъ, изнасиловали дѣвушекъ и женщинъ въ присутствіи ихъ отцовъ и мужей и многихъ изъ нихъ забрали съ собой». Нужно замѣтить, что здѣсь рѣчь идетъ не объ исключительномъ случаѣ; повсюду, гдѣ только проходили такъ называемыя регулярныя войска, они разоряли подобнымъ же образомъ страну.

Вербовка солдатъ носила, впрочемъ, случайный и насильственный характеръ. Лувуа говоритъ: «очень плохимъ оправданіемъ для солдата дезертира служитъ указаніе на то, что его силой завербовали въ войско; если бы принимались такіе доводы, то вскорѣ не осталось бы ни единаго солдата въ королевскихъ войскахъ». Чтобы удержать солдатъ въ рядахъ войскъ, придумали отрѣзывать носы дезертирамъ. Лишь въ 1685 г. это дикое наказаніе было отмѣнено, «такъ какъ, гласитъ указъ, они всѣ издаютъ зловоніе изъ носу, заражая этимъ галерныхъ каторжниковъ и всѣхъ лицъ, находящихся на суднѣ» (1677).

Но эти факты столь общеизвѣстны, что не зачѣмъ здѣсь на нихъ долѣе останавливаться. Отмѣтимъ только, что они не отличаются именно рыцарствомъ.

V. — Правосудіе.

Если военный классъ безпощадно относился къ крестьянамъ и безоружнымъ горожанамъ, подвергая ихъ насиліямъ и вымогательствамъ, то, съ своей стороны, правители и судьи абсолютно были лишены чувства христіанскаго милосердія къ бѣднякамъ. Быть бѣднымъ составляло истинное преступленіе. Царство денегъ уже начиналось. Въ 1350 г. вышелъ королевскій указъ, по которому лицо, уличенное трижды въ нищенствѣ, подвергалось клейменію каленымъ желѣзомъ. Въ 1524 г. париж-

скій парламентъ вновь издалъ этотъ указъ, добавивъ въ немъ еще прибавочное наказаніе — изгнаніе; тотъ же парламентъ приговаривалъ къ повѣшенію черезъ двадцать четыре часа бѣдняковъ-иноземцевъ, отказывавшихся возвратиться къ себѣ на родину.

Эта дикая жестокость не составляла специфической особенности одной лишь Франціи. Въ Англіи, въ царствованіе Генриха VIII, всякій нищій въ первый разъ наказывался плетью, во второй разъ ему отрѣзывали уши, а въ третій — казнили смертью; послѣдняго рода наказаніе въ царствованіе Генриха VIII постигло 38.000 нищихъ. Въ царствованіе Эдуарда VI дважды былъ изданъ законъ, въ силу котораго нищій, отказывавшійся отъ работы, подлежалъ сначала клейменію и отдачѣ въ рабство на два года лицу, которое на него донесло; въ случаѣ же побѣга и повторенія преступленія, его осуждали на смертную казнь.

Въ царствованіе Елизаветы по другому уже закону всякій здоровый мужчина, достигшій восемнадцати лѣтъ и трижды уличенный въ нищенствѣ, подвергался смертной казни; позднѣе казнь была замѣнена или ссылкой на галеры, или изгнаніемъ.

Впрочемъ, вся уголовная система древней Европы переполнена дикими жестокостями, которыя лучше, чѣмъ все другое, показываютъ, какъ незначительно было гуманизирующее вліяніе на нравы христіанства, рыцарства и всего феодальнаго строя.

Въ Европѣ, какъ и въ другихъ странахъ, практика правосудія и идея справедливости вытекали изъ права мести, которое обусловливало собой, какъ и повсюду, законъ возмездія. Въ одной изъ предыдущихъ главъ мы уже разсмотрѣли германскій законъ возмездія и вытекавшія изъ него денежныя вознагражденія. Эти обычаи получили всеобщее распространеніе вслѣдъ за завоеваніемъ и во франкской Галліи.

Въ 1168 г., въ Сентъ-Омерѣ, существовалъ подробный тарифъ штрафовъ; преступленія и проступки можно было совершать за опредѣленную плату: два су полагалось за ушибъ части тѣла, прикрытой одеждой; четыре — за ушибъ по открытому мѣсту; тридцать су за каждый суставъ пальца; сорокъ — за

*

большой палецъ: за выбитый глазъ, оскопленіе и т. д. «къ возмѣщенію половины человѣка и т. д.». Треть штрафныхъ денегъ шла въ пользу жертвы, другая — въ пользу владѣльца замка, а остальная—на укрѣпленія. Тѣмъ не менѣе, преступникъ, захваченный на мѣстѣ преступленія, подлежалъ суровому закону возмездія.

Система штрафовъ получила широкое распространеніе безъ всякаго труда, такъ какъ феодальные владѣльцы предпочитали штрафы тѣлеснымъ наказаніямъ, не увеличивавшимъ ихъ доходовъ.

Феодальное правосудіе должно было не только карать, но также играть и роль посредника въ случаѣ, напримѣръ, убійства и склонять стороны къ заключенію *перемирія* или *мира*. Убійца, находившійся въ бѣгахъ, могъ возвратиться въ городъ, лишь примирившись съ родственниками своей жертвы. Представитель потерпѣвшей семьи являлся тогда въ роли кроваваго мстителя; онъ пользовался правомъ ходить вооруженнымъ; если онъ встрѣчалъ убійцу въ городѣ, то обязанъ былъ предупредить объ этомъ общину, которая изгоняла преступника изъ своей среды; въ случаѣ же вторичной встрѣчи, буржуа могъ безнаказанно примѣнить свое право мести. *Миръ* заключался при весьма торжественной обстановкѣ; представитель семьи преступника являлся съ непокрытой головой и босыми ногами, вручалъ мечъ родителямъ жертвы и лобызалъ ихъ. Для уплаты вознагражденія родственники виновнаго обязаны были составить складчину сообразно своимъ средствамъ.

Судьи въ подобнаго рода дѣлахъ играли лишь роль посредниковъ, устраивавшихъ мировую сдѣлку.

Въ эпоху карловинговъ по отношенію къ нѣкоторымъ преступленіямъ принималась иногда особая мѣра: человѣка объявляли внѣ закона, *дѣлали его волкомъ*, и тогда уже обращались съ нимъ, какъ съ таковымъ.

Въ иныхъ случаяхъ примѣнялась круговая отвѣтственность; такъ, напримѣръ, въ Англіи, во времена Эдуарда Исповѣдника, каждая гильдія была отвѣтственна за преступленія своихъ членовъ.

Воровство, какъ и во всѣхъ вообще первобытныхъ кодек-

сахъ, подлежало строгому наказанію, большею частію смерти; такая суровая кара постигала вора почти вплоть до новыхъ временъ. 40-я статья кодекса Карла V приговариваетъ воровъ въ большинствѣ случаевъ къ висѣлицѣ, требуя (ст. 46), чтобы грабители по большимъ дорогамъ «были заживо колесованы и оставлены умирать на колесѣ».

Въ Англіи за мелкія кражи въ началѣ наказывали отнятіемъ большого пальца, уха, ноги или руки; но за сколько-нибудь значительную кражу еще долго назначалась смертная казнь По статуту IV Георга I, наказаніе за *крупную кражу*, т. е. за кражу свыше двѣнадцати су (около 20 коп.), по закону полагается смертная казнь.

Древніе французскіе законы относились къ ворамъ не менѣе жестоко. Застигнутые на мѣстѣ преступленія воры тутъ же немедленно казнились смертью. Даже простая смерть не всегда считалась достаточной: 1460 г. въ Парижѣ была заживо погребена одна молодая женщина «за совершенныя ею многочисленныя кражи».

Въ 1661 г. въ Шесси (Сенъ-и-Марнъ) молодой человѣкъ, въ наказаніе за ночныя кражи плодовъ въ садахъ и домашней живности, долженъ былъ принести публичное покаяніе въ власяницѣ и съ зажженной свѣчей; затѣмъ его сѣкли розгами на перекресткахъ и подвергли изгнанію на шесть лѣтъ. Курьезные обычаи смягчали иногда суровость законовъ; такъ, напримѣръ, въ Парижѣ молодая дѣвушка могла спасти вора отъ висѣлицы, изъявивъ желаніе выйти за него замужъ; подобный фактъ имѣлъ мѣсто въ 1419 г.

Преступленія и проступки, къ которымъ античный міръ относился весьма снисходительно, подвергались строгимъ наказаніямъ въ Европѣ варварскихъ временъ. Начиная съ VII вѣка дѣтоубійство и плодоизгнаніе карается смертной казнью или лишеніемъ зрѣнія. Уложеніе Карла V предписываетъ подвергать смертной казни повинныхъ въ плодоизгнаніи; то же самое встрѣчаемъ и въ древней Франціи. Смертная казнь постигала также и дѣтоубійцу; иногда даже мать, повинную въ такомъ преступленіи, заживо сжигали (1480 г.).

Противоестественное удовлетвореніе половыхъ потребностей,

къ чему древніе относились съ такой снисходительностью, влекло за собой у германцевъ неистовыя наказанія: сожженіе, погребеніе заживо и т. п.

Статутъ Генриха VIII объявляетъ подобное преступленіе «измѣной» и наказываетъ его, какъ всѣ преступленія, подведенныя подъ эту рубрику, висѣлицей. Въ Испаніи инквизиція, около 1500 г., присвоила себѣ разбирательство подобнаго рода преступленій и дѣло оканчивалось обыкновенно *ауто-да-фе*. Во Франціи еще въ 1750 г. двое виновныхъ въ этомъ проступкѣ были заживо сожжены на Гревской площади.

Что касается преступленій противъ Величества, то коллективная отвѣтственность, эта по преимуществу свойственная дикарямъ форма правосудія, сохранялась во Франціи до конца восемнадцатаго вѣка; въ 1594 г. родители Жана Шателя должны были присутствовать при казни своего сына. Въ 1610 г. родители Равальяка были изгнаны; въ 1757 г. та же участь постигла родителей Даміена.

Наказанія отличались вообще жестокостью: лишеніе носа, ушей, губъ, языка, эшафотъ, повѣшеніе, обезглавленіе, колесованіе, сжиганіе на кострѣ, четвертованіе. Въ Лиллѣ въ XIII вѣкѣ одинъ изъ родственниковъ приговореннаго къ смертной казни черезъ обезглавленіе долженъ былъ собственноручно исполнить казнь. Палачъ казнилъ лишь за отсутствіемъ родственника.

Фальшивыхъ монетчиковъ кипятили въ маслѣ. Виновнаго въ государственной измѣнѣ подвергали страшному наказанію: ему распарывали животъ, вырывали оттуда внутренности и сжигали ихъ. Очень часто тѣло его разрывали на части, которыя и выставлялись у городскихъ воротъ; голова также выставлялась въ желѣзной клѣткѣ.

Тюрьмы были ужасны; на заключенныхъ надѣвались громадныя цѣпи и желѣзные ошейники; имъ давали только хлѣбъ и воду. Иногда ихъ сажали въ чрезвычайно тѣсныя клѣтки, по системѣ Людовика XI.

Судебныя испытанія, «судъ Божій», ордаліи, практикуемыя такъ часто дикими народами всѣхъ племенъ, пользовались, какъ извѣстно, также большимъ почетомъ и въ варварской Европѣ.

Но что придаетъ особенно ужасный характеръ судебнымъ правамъ нашихъ предковъ, такъ это пытка и злоупотребленіе ею. Пытка существовала и до сихъ поръ еще существуетъ во многихъ варварскихъ странахъ; греки и римляне также прибѣгали къ ней въ иныхъ случаяхъ, но никогда она не практиковалась въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ въ Европѣ нѣсколько вѣковъ спустя послѣ введенія и торжества христіанства.

Къ пыткѣ прибѣгали съ необычайной легкостью, по подозрѣнію, въ виду показанія (указъ 1454 г.). Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что во Франціи пытка была отмѣнена не такъ давно. Всего лишь 24 августа 1780 г. въ парижскомъ парламентѣ было зарегистрировано объявленіе объ отмѣнѣ *предварительной* пытки; но только законъ отъ 9-го октября 1790 г. безусловно уничтожилъ ее.

Уже одно существованіе пытки служитъ достаточнымъ оправданіемъ даннаго мною древней Европѣ эпитета—варварской. Пытку называли тогда «испытаніемъ истины» и пріемы, практиковавшіеся при этомъ, были различны въ разныхъ мѣстностяхъ. Въ Бретани жарили ноги на жаровнѣ; въ Руанѣ сжимали пальцы желѣзнымъ механизмомъ; въ Отенѣ лили кипячее масло на ноги, завернутыя въ коровью шкуру; въ Орлеанѣ процвѣтала дыба; въ Парижѣ предпочитали испытаніе водой, испанскіе сапоги и т. п.

Я указываю бѣгло на всѣ эти ужасы, такъ какъ не имѣю ни времени, ни желанія останавливаться на нихъ подробнѣе.

VI.—Клерикальная тиранія.

Еще болѣе характерная черта варварской Европы, чѣмъ пытка, что придаетъ феодальному обществу клерикальную физіономію, какой никогда не имѣли истинныя теократіи, это—насильственный захватъ духовенствомъ руководящей роли въ умственной и нравственной жизни общества, притязаніе его, открыто высказываемое и энергично поддерживаемое свѣтской властью, управлять человѣческой мыслью. Результатомъ всего этого явилась спеціальная юрисдикція и, наконецъ, инквизи-

ція, которая дѣйствительно является чисто европейскимъ изобрѣтеніемъ.

Причемъ о свободѣ заботились менѣе всего. Во всѣхъ варварскихъ обществахъ правящій классъ, т. е. господа, считаютъ себя всезнающими, обладающими способностью предвидѣть и не предоставляютъ подчиненнымъ ни малѣйшей иниціативы. Такое злоупотребленіе законнымъ авторитетомъ вытекаетъ прямо изъ права сильнѣйшаго, которое одно въ сущности является регулирующимъ началомъ обществъ, находящихся на дикой стадіи общественнаго развитія; авторитетъ въ этомъ случаѣ является лишь смягченнымъ выраженіемъ силы. Впрочемъ, въ феодальной Европѣ безпрестанно прибѣгали къ насилію; ремесло военнаго человѣка считалось всегда самымъ почетнымъ ремесломъ; дворянамъ и горожанамъ организованнымъ въ общины, т. е. всѣмъ, за исключеніемъ порабощенной массы, постоянно приходилось то добиваться, то отстаивать какія либо привилегіи; герцогства, графства и городскія общины находились въ постоянной борьбѣ другъ съ другомъ. Внутри вольныхъ и промышленныхъ городовъ возникло также неравенство, образовался классъ мастеровъ, подмастерьевъ и учениковъ: такъ что званіе мастера подъ конецъ сдѣлалось недосягаемымъ для большинства, благодаря чему возникъ классъ наемниковъ, настоящій городской пролетаріатъ, подобный современному. Ремесленники были подчинены чрезвычайно сложной регламентаціи. Дѣлались попытки уравнять положеніе фабрикантовъ, помѣшать конкуренціи и удержать производство на извѣстномъ уровнѣ. Подъ угрозой громадныхъ штрафовъ ремесленники не смѣли собираться, носить оружіе, выходить на улицу съ своими орудіями за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они отправлялись на работу. Безработные подвергались изгнанію. Число учениковъ было заранѣе опредѣлено и, чтобы попасть въ ученики, нужно было быть горожаниномъ или сыномъ горожанина. Рабочій день опредѣлялся церковными службами, въ субботу работа прекращалась въ полдень. Заработная плата должна была выдаваться «сухой монетой» и при свидѣтеляхъ; плата натурой воспрещалась, а иногда какъ напримѣръ въ

Сентъ-Омерѣ, хозяевамъ было запрещено продавать провизію своимъ рабочимъ.

Съ упадкомъ силы и значенія феодальныхъ вельможъ манія къ регламентаціи лишь перемѣстилась. Теперь стали регламентировать именемъ короля. Канцлеръ Лопиталь, Кольберъ и т. д. издали немало удивительныхъ регламентовъ. Такъ, напримѣръ, въ 1694 г. былъ изданъ указъ, которымъ воспрещались всякія иныя пуговицы для платья, кромѣ шелковыхъ.

Духовныя власти, которыя съ самаго начала, на сколько могли, стремились захватить свѣтскую власть, продолжали свое дѣло съ замѣчательной настойчивостью. Они освобождали своихъ представителей, духовныхъ лицъ, отъ свѣтскаго правосудія и требовали, чтобы ему принадлежало право суда за нѣкоторыя преступленія противъ общественныхъ нравовъ: послѣдствіемъ обѣта воздержанія явилось, повидимому, со стороны духовенства довольно странное отношеніе къ вопросу о половой нравственности. Въ Сентъ-Омерѣ съ XIII-го вѣка духовнымъ судамъ были хорошо извѣстны случаи похищенія женщинъ и изнасилованія ихъ, но всюду эти суды направляли свои свирѣпые удары противъ ересей, и съ какимъ еще неистовствомъ! Испанскимъ маврамъ и французскимъ альбигойцамъ пришлось раньше другихъ испытать это на себѣ; но затѣмъ подобныя преслѣдованія стали общимъ явленіемъ.

Теократіи древнихъ временъ довольствовались регламентаціей внѣшняго поведенія людей; католическая же инквизиція поставила себѣ цѣлью руководить даже людскими помыслами, заставить людей вѣровать и принудить ихъ проявлять свои способности только въ опредѣленныхъ границахъ: мысль должна была двигаться по разъ проложеннымъ рельсамъ и описывая кругъ.

Инквизиціонное судопроизводство отличалось, какъ извѣстно, крайней жестокостью. Въ основѣ всего лежалъ доносъ; всякое безъ разбору свидѣтельское показаніе считалось хорошимъ и дѣйствительнымъ. Наказанія были ужасны: пыткой они начинались, а замуравленіемъ и костромъ кончались. Домъ еретика подлежалъ разрушенію до основанія. Запрещалось продавать хлѣбъ еретикамъ и имѣть съ ними какія бы то ни было сно-

шенія. Отъ еврея правовѣрные католики были отгорожены цѣлой стѣной, запрещалось даже отдавать имъ въ наймы помѣщеніе. Богохульниковъ тащили на рѣшеткѣ изъ желѣзныхъ прутьевъ къ церкви, передъ которой они должны были принести публичное покаяніе, а затѣмъ ихъ сжигали. Кромѣ того, имъ часто прокалывали языкъ каленымъ желѣзомъ и конфисковали все ихъ имущество.

Самыя невѣроятныя обвиненія оканчивались самыми страшными приговорами. Въ Парижѣ въ 1290 г. еврей, обвиненный въ томъ, что онъ прокололъ ножичкомъ освященную облатку, изъ которой, разумѣется, потекла кровь, былъ заживо сожженъ, а домъ его сравненъ съ землей.

Въ теченіе многихъ вѣковъ Европа освѣщалась заревомъ костровъ, пожиравшихъ тысячи колдуновъ и еретиковъ. Гальтонъ опредѣляетъ въ тысячу человѣкъ число жертвъ инквизиціи, ежегодно погибавшихъ въ пламени, въ одной лишь Испаніи; но подъ вѣчнымъ страхомъ этихъ костровъ существовала, не говоря уже о заключенныхъ и изгнанникахъ, цѣлая масса запуганнаго народа, еле осмѣливающаяся мыслить. Это дѣйствительно оказался жестокій подборъ, убившій въ Испаніи всякую умственную инціативу и въ сильной степени парализовавшій ее во всемъ христіанскомъ мірѣ. Если и по сейчасъ среди насъ такъ много боязливыхъ умовъ, съ испугомъ относящихся ко всякому нововведенію, то несомнѣнно этимъ мы, въ значительной степени, обязаны этому рабскому ярму, такъ долго тяготѣвшему надъ умомъ и совѣстью нашихъ предковъ.

VII.—Общій выводъ.

Ознакомившись съ положеніемъ дѣла, мы можемъ теперь подвести общій итогъ нравственному состоянію варварской Европы.

Прежде всего, очевидно, что прирожденное благородство, въ принципѣ, въ такой же мѣрѣ отсутствовало въ ней, какъ и въ первобытномъ Римѣ или Греціи. Дѣтство европейскихъ народовъ, столь склонныхъ присваивать себѣ въ настоящее время какую-то особенную привилегію благородства, во всѣхъ отношеніяхъ

похоже на дѣтство другихъ человѣческихъ расъ. Повсюду животная и дикая стадія развитія предшествовали варварской; повсюду постепенность является неизбѣжной. Но нравственное дѣтство нашихъ предковъ протекло нѣсколько быстрѣе, благодаря воспитательному вліянію римскаго завоеванія.

Среди этого смягченнаго варварства явилось христіанство. Ему пришлось имѣть дѣло съ малокультурными племенами и естественно, что, будучи грубо усвоено, оно должно было примѣняться къ варварскимъ инстинктамъ и понятіямъ. Тѣмъ не менѣе идеи милосердія и братства, встрѣчавшіяся еще у древнихъ философовъ, со временемъ оказали нѣкоторое вліяніе. Вліянію именно этихъ идей можно приписать съ большой вѣроятностью устройство больницъ въ эпоху меровинговъ, св. Клотильдой, св. Радегондою и св. Батильдою. Обыкновенно эти больницы являлись отдѣленіями монастырей и служили орудіемъ вліянія для духовенства. Послѣднее не переставало проповѣдывать милостыню; монастыри даже регулярно раздавали ее, а владѣльцы замковъ болѣе или менѣе подражали имъ. Но духовенство давало одной рукой, чтобы другой прибирать себѣ все, что только было возможно: присвоеніе по духовнымъ завѣщаніямъ, добытымъ при помощи всевозможныхъ уловокъ, и захваты земель, въ особенности въ ущербъ городскимъ общинамъ, шли рука объ руку съ благотворительностью. Тѣмъ не менѣе, духовенство имѣло въ нѣкоторомъ отношеніи цивилизующее вліяніе.

Такъ, церковь возстала противъ бросанія дѣтей на произволъ судьбы, что въ древности считалось пустяшнымъ прегрѣшеніемъ. Стали устраиваться воспитательные дома: въ Трирѣ въ VI-мъ вѣкѣ, въ Анжерѣ въ VII-мъ и въ Миланѣ въ VIII-мъ вѣкѣ.

Какъ ни было грубо духовенство, какъ бы сильно ему самому не приходилось приспособляться къ общимъ нравамъ того времени, тѣмъ не менѣе оно пріучило нашихъ предковъ ставить во что-нибудь духовную, умственную силу человѣка.

Все это имѣло благодѣтельное значеніе, о чемъ, конечно, не слѣдуетъ забывать; но оно уравновѣшивалось серьезнѣйшими недостатками: свобода мнѣнія превращается гнуснымъ образомъ

въ преступленіе, а инквизиція кладетъ свое на вѣки ненавистное клеймо. Слѣдуетъ также замѣтить, что духовная юрисдикція, ничѣмъ въ сущности неоправдываемая, была еще менѣе щепетильна въ своихъ пріемахъ и отличалась еще большею жестокостью, чѣмъ свѣтское правосудіе. Рыцарство, какъ чисто аристократическое учрежденіе, не представляетъ достаточной компенсаціи въ виду этихъ преступленій противъ гуманности, всѣхъ этихъ насилій надъ тѣломъ и умомъ; оно возвело, впрочемъ, безкорыстный героизмъ на пьедесталъ и добровольное самопожертвованіе человѣка во имя дѣла, признаваемаго имъ справедливымъ, стало пользоваться всеобщимъ уваженіемъ. Но что значитъ вліяніе «*Романа Амадиса*», сравнительно съ вліяніемъ пытокъ, костровъ инквизиціи, съ свѣтскимъ и духовнымъ рабствомъ и безпрерывными злоупотребленіями разнузданной силы? Однако, и эти всѣ ужасы принесли свою долю пользы для лицъ, имѣвшихъ право носить оружіе: они поддерживали въ нихъ личное мужество, привычку за все отвѣчать своей личностью, а также мѣшали тому, чтобы любовь къ деньгамъ стала господствующей страстью.

Слѣдуетъ, впрочемъ, отдать должное нашимъ предкамъ. Ихъ собственная нравственность отличалась нѣкоторыми благородными сторонами, совершенно независимо отъ романо-христіанскихъ вліяній. Въ ихъ глазахъ, напримѣръ, ложь была безчестіемъ: у древнихъ исландцевъ убить человѣка и публично сознаться въ этомъ, считалось лишь простымъ убійствомъ, тогда какъ убить и скрыть свое преступленіе считалось злодѣйскимъ убійствомъ. Усомниться въ правдивости чьихъ либо словъ во времена феодальной и монархической Европы было все равно, что нанести кровное оскорбленіе. Даже въ наше еще время такой поступокъ ведетъ къ дуэли между нашими утонченными представителями чести. По древнему феодальному праву, вѣроломство, т. е. измѣна принятымъ обязанностямъ, считалось преступленіемъ. Древне-ирландское право также придаетъ очень большое значеніе исполненію словесныхъ договоровъ: «Міръ разложился бы, говоритъ *Senchus Mor*, если бы словесные договоры утратили свою обязательность». Право на гостепріимство и обязанность оказывать его существовали также у европей-

скихъ варваровъ съ давнихъ временъ, подобно тому, какъ такое же обыкновеніе существуетъ до сихъ поръ у морлаковъ, черкесовъ, афганцевъ и т. п. Въ древней Ирландіи человѣка, занимающаго самое низкое общественное положеніе, обязаны были повсюду принять и прилично накормить.

Основой древне-ирландскаго права является третейскій судъ, къ которому мы, быть можетъ, также когда нибудь вернемся. Другіе ирландскіе законы свидѣтельствуютъ о весьма возвышенной нравственности; укажу въ видѣ примѣра на регламентацію правъ женщины въ свободныхъ и временныхъ союзахъ, и въ особенности на духовное родство, признаваемое между учителемъ и ученикомъ, родство, изъ котораго для воспитателя вытекало пожизненное право на часть имущества своего *духовнаго* питомца.

Напротивъ, свирѣпость наказаній, налагавшихся за воровсво, и вообще жестокій характеръ карательной системы явно говорятъ о варварствѣ европейскихъ племенъ. И передъ лицомъ такого рода фактовъ, несомнѣнно, слѣдуетъ отдать должную дань уваженія вліянію, оказанному христіанскими законами въ дѣлѣ покровительства новорожденнымъ и дѣтямъ, находящимся еще въ утробѣ матери, и тѣми суровыми наказаніями, которыя стали налагаться за извѣстнаго рода оскорбленія нравственности, ставшія со временемъ отвратительными для нашего нравственнаго чувства, тогда какъ въ древнемъ мірѣ они считались лишь мелкими погрѣшностями. Въ этомъ отношеніи христіанской дрессировкѣ удалось сдѣлать нашу совѣсть болѣе деликатной.

Но великой соціальной и нравственной реформой, рѣзко отдѣлившей Европу отъ древняго міра, было паденіе крѣпостничества; оно совершалось постепенно и весьма медленно, такъ какъ въ 1775 г. безансонскій парламенъ признавалъ еще крѣпостными аббатства Шезири обитателей долины, того же имени, а освобожденіе крѣпостныхъ въ Россіи совершено еще такъ недавно. Тѣмъ не менѣе эта глубокая революція совершилась и и она указываетъ на такой нравственный уровень развитія, до котораго не могъ возвыситься античный міръ.

Въ слѣдующей главѣ я займусь изученіемъ современной морали.

ГЛАВА XVII.

ЧЕТВЕРТАЯ СТАДІЯ ЭТИКИ. ПРОМЫШЛЕННАЯ ИЛИ МЕРКАНТИЛЬНАЯ МОРАЛЬ.

I. *Пережитки дикарской и варварской стадій развитія.*—Краткое обозрѣніе всего вышесказаннаго.—Медленность измѣненія нравовъ.—Современное рабство.—Законъ возмездія въ современномъ законодательствѣ.—Законная месть.—Бросаніе дѣтей.—Дикарское и культурное дѣтоубійство.—Дѣтскіе палачи.—Проституція въ древности и въ новыя времена.—Денежные браки.—Ограниченіе закономъ числа браковъ. — Ужасы современной войны.—Римскія и современныя арміи.—Поклоненіе войнѣ.—Мнимое оправданіе войны трансформизмомъ

II. *Меркантильная мораль.*—Соціальное неравенство.—Пауперизмъ и крупная промышленность.—Сокращеніе сельскаго населенія.—Развитіе пьянства.—Обездоленные классы.—Быстрые успѣхи крупной промышленности.—Пролетаріатъ.—Рабъ, крѣпостной и наемникъ.—Промышленныя гекатомбы.—Дѣтскій и женскій трудъ.—Пониженіе средняго роста.—Различная смертность въ зависимости отъ общественнаго положенія, занимаемаго людьми. — Мальтузіанство и собственность. — Увеличеніе числа преступленій и проступковъ, въ особенности мошенничествъ всякаго рода.—Способъ пріобрѣтенія богатства.—Дикія средства, рекомендованныя для ограниченія пауперизма.—Жестокіе принципы.—Необходимость прогресса.

Пережитки дикарской и варварской стадій развитія.

Наша точка отправленія находится такъ уже далеко, что не безполезно будетъ возвратиться къ ней. Въ нашемъ изслѣдованіи нравственнаго состоянія всѣхъ народовъ и временъ мы видѣли, что первоначально человѣкъ поступаетъ такъ, какъ не поступаетъ даже большинство хищныхъ животныхъ; онъ обращается съ подобными себѣ совершенно какъ съ дичью, охотится на нихъ и убиваетъ, чтобы съѣсть ихъ: его нравственность на этой стадіи развитія — чисто *животная.*

Но когда стали щадить жизнь побѣжденнаго съ тѣмъ, чтобы обратить его въ домашнее животное и пользоваться относительно

его всѣми правами, то этика стала *дикарской*. Разъ же рабство приняло болѣе мягкую форму крѣпостничества, когда побѣжденные, болѣе слабые, болѣе низко стоящіе, продолжая посвящать себя рабскому труду, получили право имѣть семью, не быть разлученными съ ней, когда они стали собственно недвижимыми рабами, прикрѣпленными къ землѣ, нравы становятся *варварскими*.

Мы приближаемся теперь къ послѣднему періоду этой медленной эволюціи. Рабство, въ свою очередь, было отмѣнено въ обществахъ, организованныхъ по европейскому типу. Но можно ли на этомъ основаніи огласить воздухъ звуками гимна освобожденія? Исчезли ли наконецъ несправедливость и гнетъ? Нисколько; они приняли лишь иную форму, облекшись въ маскирующую ихъ оболочку. Равенство, справедливость, правосудіе вы встрѣчаете лишь въ прописяхъ и въ разныхъ смутныхъ формулахъ общечеловѣческой любви: ихъ нѣтъ ни въ фактахъ, ни въ сердцахъ.

Ничто такъ медленно не совершается, какъ улучшеніе нравовъ, такъ какъ здѣсь всякое нововведеніе предполагаетъ предварительный прогрессъ въ сферѣ чувствованія и пониманія. Кромѣ того, всякій новый моментъ въ нравственной эволюціи связанъ съ предшествующими; прошлое всегда болѣе или менѣе пропитываетъ собою настоящее. Въ нашей современной общественной организаціи, въ нашей нравственности какая масса остатковъ сохранилась еще отъ варварскихъ эпохъ!

Если рабство давно исчезло въ Европѣ, то оно еще существуетъ въ Бразиліи [1]) вполнѣ христіанской странѣ, а его отмѣна въ нашихъ (французскихъ) колоніяхъ и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ относится лишь къ весьма недавнему времени.

Бонапартъ возстановилъ его въ нашихъ колоніяхъ одновременно съ тѣмъ, какъ онъ возстановилъ католичество въ метрополіи. Въ 1840 г. во французскихъ владѣніяхъ на Антильскихъ островахъ на рабовъ можно было налагать запрещеніе все равно, какъ на имущество, при чемъ продажа производилась «по окончаніи обѣдни, именемъ короля, закона и правосудія».

---

[1]) Въ настоящее время уже уничтожено. *Переводчикъ*.

Опредѣляютъ приблизительно въ 50 милліоновъ число африканцевъ, вывезенныхъ европейцами для продажи въ невольничество. А вѣдь извѣстно, какими ужасами сопровождалась эта торговля невольниками; не безызвѣстно также, что положеніе чернаго раба въ Америкѣ было значительно хуже положенія раба въ древнемъ мірѣ. Все это, впрочемъ, такъ общеизвѣстно.

Въ предыдущихъ главахъ мы видѣли, что историческую основу правосудія составляетъ древнее право личной мести. Тотъ же самый легализированный гнѣвъ вдохновляетъ также и составителей Кодекса Наполеона (1810 г.), на каждой страницѣ котораго щедрою рукой расточается смертная казнь, желѣзный ошейникъ, клеймленіе раскаленнымъ желѣзомъ, ношеніе на ногѣ пушечнаго ядра и т. п. Въ одной статьѣ, именно 324, этого кодекса сохраняется даже право личной мести, т. е. законъ возмездія. Она гласитъ, что потерпѣвшій можетъ напасть и убить безъ всякихъ формальностей мужчину, который заперся въ своемъ домѣ вмѣстѣ съ женой, дочерью или сестрой потерпѣвшаго.

Современные судьи до сихъ поръ еще охотно распространяются на тему о *соціальномъ возмездіи*, а отчеты о совершеніи казни обыкновенно заканчиваются фразой: «Правосудіе было удовлетворено». Это правосудіе, очевидно, очень гнѣвная особа, имѣющая въ виду не только защитить общество, но и отомстить за него.

По той же самой причинѣ положеніе осужденныхъ и карательная система во многихъ культурныхъ странахъ были или остаются до сихъ поръ еще въ дикомъ состояніи. Въ американскихъ тюрьмахъ, устроенныхъ по системѣ Оберна, сѣченіе плетью по обнаженнымъ плечамъ и спинѣ примѣнялось въ широкихъ размѣрахъ. Во Франціи, въ ліонскихъ тюрьмахъ арестантокъ за не послушаніе сажали въ такъ называемые *темные карцеры* и надѣвали на нихъ желѣзные ошейники, къ которымъ прикрѣплялись цѣпи вѣсомъ въ восемьдесятъ фунтовъ. Всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы были поражены дошедшими до насъ разоблаченіями относительно системы наказаній въ Новой-Каледоніи, и было бы весьма легко привести цѣлый рядъ аналогичныхъ фактовъ, имѣвшихъ мѣсто или и до сихъ поръ еще

встрѣчающихся въ такъ называемыхъ культурныхъ странахъ, но у меня нѣтъ на это ни мѣста, ни времени.

Судъ Божій, не примѣняется уже болѣе нашими судами, но наши дуэлисты, даже изъ числа атеистовъ, прибѣгаютъ къ нему, чтобы возстановить или охранить свою честь.

Въ древнемъ мірѣ бросаніе, подкидываніе и убійство новорожденныхъ довольно долгое время не считалось вовсе позорнымъ преступленіемъ или считалось весьма незначительнымъ, и только въ позднѣйшее время за это стали наказывать. Въ половинѣ XVII-го вѣка, въ Парижѣ, продавали еще найденышей по двадцати су за штуку, или въ видахъ *милосердія* отдавали ихъ даромъ *больнымъ* кормилицамъ.

Въ наше время теоретическая мораль абсолютно осудила бы подобныя дѣянія и законы покарали бы лицъ, повинныхъ въ нихъ; но это вовсе еще не означаетъ, чтобы Молохъ не взималъ своей десятины съ новорожденныхъ

Прежде всего частныя лица отдаютъ на попеченіе государства одного ребенка изъ каждыхъ 39 и еще весьма недавно смертность дѣтей, принимаемыхъ въ воспитательные дома, достигала ужасающихъ размѣровъ. Въ департаментѣ Нижней Лауры она доходила въ 1862 г. до 90%, во всей же Франціи средняя смертность дѣтей въ воспитательныхъ домахъ равнялась 57%.

Если вѣрить судебной статистикѣ, то дѣтоубійство встрѣчается довольно рѣдко. Такъ, во Франціи ежегодно констатируется всего лишь 205 такихъ случаевъ; но не слѣдуетъ, однако, при этомъ забывать о существенномъ различіи межу дѣтоубійствомъ совершаемомъ открыто, какъ, напримѣръ, въ Таити, и дѣтоубійствомъ, которое можно назвать культурнымъ. Наши суды имѣютъ дѣло только съ преступленіями перваго рода, замаскированное же дѣтоубійство ускользаетъ отъ нихъ. А между тѣмъ изъ одного ученаго изслѣдованія, напечатаннаго въ 1878 г. докторомъ Адольфомъ Бертильономъ, мы узнаемъ о цѣломъ рядѣ ужасающихъ разоблаченій по этому предмету. Я ихъ привожу вкратцѣ.

Въ родовспомогательныхъ заведеніяхъ число мертворожденныхъ дѣтей наполовину меньше, чѣмъ внѣ этихъ заведеній.

Смертность среди незаконорожденныхъ при появленіи ихъ на свѣтъ Божій значительно превышаетъ смертность законныхъ дѣтей, и это сопоставленіе приводитъ къ тому несомнѣнному выводу, что на тысячу незаконныхъ рожденій приходится отъ 20 до 30 случаевъ дѣтоубійства, а на 76.000 ежегодныхъ незаконныхъ рожденій во Франціи придется, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ 1.520 дѣтоубійствъ.

При нормальныхъ условіяхъ смертность среди новорожденныхъ значительно ослабѣваетъ уже на второй недѣлѣ ихъ жизни. Относительно же незаконныхъ дѣтей, въ особенности въ деревняхъ, замѣчается обратное явленіе. Докторъ Бертильонъ ставитъ этотъ фактъ также въ зависимость отъ дѣтоубійствъ, числомъ до 1.400 въ годъ, совершаемыхъ, по всей вѣроятности, посредствомъ умышленнаго истощенія дѣтскаго организма.

Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить одно обстоятельство въ этомъ дѣтскомъ некрологѣ, такъ какъ оно свидѣтельствуетъ объ устойчивости обычая, констатированнаго нами у самыхъ грубыхъ дикарей: оказывается, что и въ наше время число дѣвочекъ, приносимыхъ въ жертву, значительно больше числа, мальчиковъ.

Такимъ образомъ среди незаконнорожденныхъ дѣтей, смертность дѣвочекъ въ теченіе перваго года жизни выше, чѣмъ среди дѣвочекъ, родившихся отъ законныхъ браковъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что усиленная дѣтская смертность въ теченіе перваго года жизни относительно незаконнорожденныхъ выражается гораздо рѣзче въ деревняхъ, гдѣ старинные инстинкты, старинные нравы и старинные предразсудки сохраняютъ большую живучесть.

Говоря выше о дикой Полинезіи, я упомянулъ о существованіи въ Таити профессіональныхъ дѣтоубійцъ, переходящихъ изъ одной деревни въ другую и предлагающихъ свои услуги роженицамъ. Нѣчто подобное существуетъ и у насъ. Припомнимъ громкій процессъ о «*фабрикаціи ангеловъ*» и послушаемъ, что говоритъ докторъ Брошаръ по поводу статистики дѣтской смертности въ Ножанъ-ле-Ротру: «Въ нѣкоторыхъ бѣдныхъ общинахъ, находящихся обыкновенно далеко отъ главнаго пункта

судебнаго округа, встрѣчаются женщины и дѣвушки, пользующіяся во всей округѣ вполнѣ заслуженной славой дурныхъ кормилицъ. У нихъ новые питомцы то и дѣло появляются и исчезаютъ. И что же! У этихъ женщинъ никогда не бываетъ недостатка въ воспитанникахъ; это обыкновенно бываютъ дѣти дѣвушекъ, причемъ кормилицы получаютъ слѣдуемое имъ вознагражденіе всегда сполна и регулярно».

Этотъ промыселъ повидимому весьма распространенъ въ данной мѣстности, такъ какъ въ департаментѣ Эры и Луары смертность среди дѣтей отъ одного дня до года достигала еще недавно 25,95% для незаконнорожденныхъ и до 25,95% только для законныхъ.

Эти факты приводятъ несомнѣнно къ тому заключенію, что успѣхи нашей нравственности относительно цѣнности жизни дѣтей были болѣе теоретическими, чѣмъ практическими.

Что же касается проституціи, то приходится, повидимому, признать скорѣе возвращеніе вспять, по крайней мѣрѣ въ теоріи. Дѣйствительно, римское законодательство предавало *безчестію* сводниковъ и публичныхъ женщинъ. А безчестіе въ тѣ времена не составляло одного только нравственнаго позора: оно имѣло и юридическія послѣдствія. Люди, признанные безчестными, не могли пользоваться своимъ состояніемъ, быть опекунами собственныхъ дѣтей, занимать общественныя должности, приносить клятву на судѣ или являться въ роли обвинителей. Сверхъ того, бѣдность не признавалась достаточнымъ оправданіемъ для проституціи; пятно, налагаемое ею на женщину, не изглаживалось съ перемѣной образа жизни.

Такой порядокъ вещей указывалъ на нѣкоторый прогрессъ сравнительно съ первобытными Аѳинами, гдѣ проститутки содержались на счетъ республики и гдѣ самые выдающіеся люди не гнушались, въ цѣляхъ наживы, эксплоатировать цѣлыя арміи проститутокъ.

Впрочемъ, и въ тѣ времена существовали уже особыя правила, узаконявшія этотъ промыселъ, и такъ продолжалось въ теченіи всего варварскаго періода европейской цивилизаціи. Въ этомъ отношеніи мы не сдѣлали никакихъ нововведеній, а просто сохранили старые нравы.

*

При Людовикѣ XV въ одномъ только Парижѣ насчитывалось 32.000 зарегистрированныхъ проститутокъ; въ настоящее же время ихъ не болѣе 3.500, но зато существуетъ цѣлое населеніе вольныхъ проститутокъ, точное опредѣленіе числа которыхъ невозможно.

По мнѣнію Дю-Кана, ихъ насчитывается до 120.000, а по мнѣнію Лакура—только 60.000!

Я перехожу къ дальнѣйшему изложенію, не имѣя возможности становиться здѣсь на детальномъ описаніи этого общественнаго недуга.

Изъ громкихъ разоблаченій, недавно сдѣланныхъ, мы узнали, что въ цѣломудренной Англіи до настоящаго времени производится, съ проституціонной цѣлью, дѣятельный торгъ молодыми дѣвушками и даже дѣтьми, иногда продаваемыми самими родителями, какъ это было въ первые вѣка цивилизаціи.

Что же касается взрослыхъ проститутокъ, то съ ними обращаются, какъ со скотомъ: «Женщинъ арестуютъ безъ надлежащихъ предписаній, сажаютъ въ тюрьмы безъ суда, подвергаютъ постыдному обращенію, какого не вынесъ бы самый послѣдній мужчина; сравнительно еще недавно ихъ даже сѣкли розгами на другой день послѣ ареста; ихъ вносятъ въ списки безчестья, запираютъ въ вертепахъ, подвергаютъ тюремному заключенію за непризнаваемые ими долги; эксплоатируемыя алчными хозяйками, которыя не только ихъ обираютъ, но за малѣйшее непослушаніе бьютъ и даже жестоко наказываютъ розгами, приказывая производить экзекуцію мужчинамъ, систематически принижаемыя злоупотребленіемъ крѣпкихъ напитковъ, онѣ находятся въ безпробудномъ состояніи вѣчнаго опьяненія,—ихъ продаютъ и обмѣниваютъ, подобно подлой скотинѣ и т. п.».

Я ограничиваюсь лишь бѣглымъ указаніемъ на подобнаго рода факты; но любопытсно, съ точки зрѣнія состоянія нравственнаго чувства въ современной Европѣ, отмѣтить ту полную невозможность, съ какою не только общественное сознаніе, но даже и совѣсть отдѣльныхъ, самыхъ образованныхъ людей мирится съ этимъ ужасающимъ положеніемъ вещей. Лекки, авторъ замѣчательнаго сочиненія: *«Исторія развитія европейской*

нравственности», доходитъ, въ порывѣ лиризма, до прославленія публичной женщины: «она типичная представительница порока, вмѣстѣ съ тѣмъ и охранительница добродѣтели, она— вѣчная жрица человѣчества, принесенная въ жертву ради грѣховъ людскихъ» и т. д.

Въ концѣ концовъ оказывается, что проститутка представляетъ своего рода налогъ, необходимый для охраны буржуазной добродѣтели. Логически такой взглядъ долженъ привести къ сооруженію ей жертвенниковъ, подобно тому, какъ это еще недавно дѣлалось въ Японіи.

Другіе писатели становятся просто на точку зрѣнія меркантильной нравственности. Докторъ Оуръ (изъ Христіаніи) говоритъ: «Имѣя въ виду, что публичнымъ женщинамъ очень дорого приходится платить за квартиру и столъ, слѣдуетъ, насколько возможно, облегчить ихъ промыселъ».

Докторъ Оуръ вполнѣ человѣкъ своего времени: онъ не увлекается утопіями и смотритъ на проституцію съ чисто матеріальной точки зрѣнія. Извѣстно, что въ большинствѣ культурныхъ странъ и особенно въ нашей рѣшаютъ и благословляютъ при заключеніи брачныхъ союзовъ богъ Плутонъ и его братъ Маммонъ. Часто старались опредѣлить, какая разница существуетъ между бракомъ по денежному разсчету и грубой проституціей, и причину, почему первый почетенъ, а вторая заслуживаетъ лишь презрѣнія. Вопросъ остается однако открытымъ до сихъ поръ и эта нравственная проблема все еще не можетъ быть разрѣшена. Особенно затруднительно найти удовлетворительное рѣшеніе ея для извѣстной категоріи законныхъ союзовъ, относительно которыхъ Франція, повидимому, занимаетъ привилегированное положеніе. Мнѣ приходится слышать о бракахъ, заключаемыхъ между молодыми дѣвушками и старцами, молодыми людьми и старухами, и въ статистическихъ таблицахъ доктора Бертильона такіе браки отмѣчены, не скажу внушительной, но замѣтной цифрой.

Еще недавно законные браки, «праведные браки» латинянинъ, разрѣшались въ различныхъ странахъ лишь достаточнымъ людямъ. Такъ, напримѣръ, было въ курфюршествѣ Гессенскомъ, Баваріи, Вюртембергѣ, Норвегіи, Франкфуртѣ, Любекѣ и Швейцаріи.

Это естественно влекло за собой заключеніе многочисленныхъ свободныхъ союзовъ,—въ Баваріи—20,7%. На языкѣ нашихъ зарейнскихъ сосѣдей такіе браки называются «дикими» (*Wilde Ehen*), какъ бы почетны они ни были на практикѣ.

Напомнимъ кстати, что даже въ странахъ, гдѣ законъ не дѣлаетъ никакихъ затрудненій для браковъ, число дикихъ браковъ (*Wilde Ehen*) постепенно увеличивается. По вычисленіямъ Д-ра Бертильона оказывается, что въ свободномъ сожительствѣ въ Парижѣ живетъ одна десятая часть всего числа брачныхъ паръ, а во всей Франціи число, такъ называемыхъ, незаконныхъ рожденій, равнявшееся 4,75% въ періодъ времени между 1800—1805 гг., постепенно возросло до 7,25%. Если принять во вниманіе, что большинство законныхъ браковъ въ настоящее время обусловливается денежными разсчетами, то на возрастающее число свободныхъ союзовъ, быть можетъ, слѣдуетъ смотрѣть скорѣе, какъ на признакъ улучшенія, чѣмъ разложенія нравовъ. Мы видѣли, что въ средніе вѣка сдѣлаться матерью незаконнаго ребенка считалось преступленіемъ, которое жестоко преслѣдовалось; еще не такъ давно фанатическіе пуритане въ Америкѣ привязывали къ позорному столбу дѣвушекъ-матерей. Мы, слѣдовательно, дѣлаемъ нѣкоторые успѣхи въ этомъ отношеніи, прогрессируемъ по мѣрѣ того, какъ женщина высвобождается изъ-подъ своего вѣкового подчиненія; но не слѣдуетъ забывать, что французскій законъ все еще воспрещаетъ разыскивать отца и что ходячая мораль безапелляціонно осуждаетъ дѣвушку-мать, между тѣмъ какъ въ Римѣ конкубинатъ представлялъ вполнѣ легальное учрежденіе.

Перехожу теперь къ одному изъ самыхъ ужасныхъ нравственныхъ пережитковъ прошлаго, къ войнѣ. Война въ теченіе долгаго времени составляла главнѣйшее занятіе человѣчества; въ глазахъ нашихъ современниковъ, по крайней мѣрѣ большинства, она и до сихъ поръ представляется поприщемъ величайшей славы. Тѣмъ не менѣе побѣжденнаго теперь уже не съѣдаютъ, не обращаютъ его въ рабство, не убиваютъ его послѣ сраженія, за исключеніемъ развѣ гражданскихъ войнъ; теперь довольствуются наложеніемъ на побѣжденнаго врага контрибуціи и лишеніемъ его политической независимости. Но вся эта относительная гуман-

ность въ дѣлѣ войны весьма недавняго происхожденія. Въ XVII в. города довольно часто отдавались на разграбленіе. Ужасы, совершенные въ Магдебургѣ въ 1631 г. католическимъ войскомъ Тилли, останутся на вѣки памятными. «Женъ, говоритъ Шиллеръ, насилуютъ въ объятіяхъ мужей, дочерей — у ногъ ихъ умирающихъ отцовъ. Пятьдесятъ трехъ молодыхъ дѣвушекъ обезглавливаютъ въ церкви, куда онѣ успѣли скрыться; кроаты бросаютъ въ пламя маленькихъ дѣтей и покатываются со смѣху, видя, какъ несчастныя простираютъ къ нимъ съ мольбой свои руки. Валлоны вырываютъ изъ рукъ матерей грудныхъ младенцевъ и сажаютъ ихъ на вертелъ!».

Возмущенные всѣми этими страшными жестокостями, нѣкоторые офицеры лиги упрашиваютъ Тилли прекратить ужасную рѣзню, на что полководецъ отвѣчаетъ: «Возвратитесь черезъ часъ; тогда посмотримъ: вѣдь нужно же солдату повеселиться послѣ столькихъ утомительныхъ трудовъ». Болѣе 40,000 человѣкъ было задушено, сожжено или потоплено въ Эльбѣ. Совершивъ эти подвиги, полководецъ счелъ своимъ долгомъ отблагодарить милосерднаго Бога торжественнымъ «Te Deum».

Очевидно объ этихъ жестокостяхъ, свойственныхъ краснокожимъ, думалъ Вольтеръ, когда написалъ свои извѣстные стихи:

Le lendemain matin, on les mène à l'église,
Rendre grâce au bon Dieu de leur noble entreprise,
Lui chanter en latin qu'il est leur digne appui,
Que dans la ville en feu, on n'eût rien fait sans lui,
Qu'on ne peut ni voler, ni violer son monde.
Ni massacrer les gens, si Dieu ne vous seconde.

Я напоминаю о всѣхъ этихъ ужасахъ единственно лишь съ той цѣлью, чтобы связать настоящее съ весьма недавнимъ еще прошлымъ и показать, что древніе хищные инстинкты все еще существуютъ въ насъ въ болѣе или менѣе скрытомъ состояніи. Приведу еще для примѣра нѣсколько фактовъ, умышленно опуская слишкомъ недавнія и слишкомъ памятныя намъ событія. Въ 1796 г. Бонапартъ отдалъ городъ Павію на разграбленіе въ теченіе трехъ часовъ. Наиболѣе прославленный изъ историковъ этого завоевателя, человѣкъ, на котораго было бы

несправедливо смотрѣть, какъ на врага собственности, извиняетъ героя, замѣчая, что забавы побѣдителей нанесли вредъ однимъ лишь высшимъ классамъ города.

Одинъ французскій офицеръ разсказываетъ такъ о подвигахъ нашихъ солдатъ въ Алжирѣ въ 1841 г.: «Они разрушали постройки, сжигали урожаи, уничтожали деревья, умерщвляли мужчинъ, женщинъ и дѣтей съ бѣшенствомъ все возраставшимъ. Бюллетени и правительственныя сообщенія, съ гордостью разсказывавшія обо всѣхъ этихъ подвигахъ, останутся на вѣки, какъ обвинительные документы».

«Вотъ еще примѣръ, лучше всего рисующій, какъ не далеко ушли мы въ этомъ отношеніи отъ дикарей:

Военный процессъ въ Румыніи въ 1906 году. 71 нижнихъ чиновъ и 2 сержанта, обвинялись въ попустительствѣ убійства крестьянами оберъ-лейтенанта Нипулеску и нанесенія тяжелыхъ ранъ капитану Марешъ. Обвинительный актъ рисуетъ обстоятельства дѣла въ слѣдующемъ видѣ:

Рота оберъ-лейтенанта Нипулеску была двинута къ деревнѣ Станешты, въ виду активнаго участія въ безпорядкахъ, выказаннаго ея населеніемъ. Вблизи деревни рота была остановлена, а оберъ-лейтенантъ Нипулеску, который, кстати сказать, самъ принадлежалъ къ крестьянской семьѣ, направился къ столпившимся у околицы крестьянамъ съ цѣлью увѣщевать ихъ и уговорить вернуться къ порядку и законности. Онъ былъ однако встрѣченъ издѣвательствами, вслѣдствіе чего повернулъ назадъ къ своей ротѣ, при зловѣщемъ молчаніи толпы. На пути онъ имѣлъ несчастіе споткнуться чрезъ свою саблю и упасть наземь. Это послужило сигналомъ къ тому, чтобы вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, набросилась на него съ вилами, ножами и толстыми дубинами. Это произошло на глазахъ всей роты, стоявшей всего метрахъ 50—60 отъ мѣста катастрофы. Офицеръ отчаянно взывалъ къ людямъ придти къ нему на помощь и разогнать толпу штыками. Но солдаты оставались безучастными зрителями ужасной сцены, разыгравшейся передъ ихъ глазами. Тогда капитанъ Марешъ бросился впередъ, выхватилъ саблю и скомандовалъ: «Пли!», но приказъ былъ встрѣченъ гробовымъ молчаніемъ и капитанъ бросился одинъ на выручку товарища. Но было уже

поздно—несчастный превратился уже въ безформенную массу. Ярость толпы обратилась теперь на капитана Марешъ, который былъ обезоруженъ и получилъ тяжелыя пораненія, отъ которыхъ и доселѣ не оправился. И эту вторую сцену солдаты наблюдали, не двигаясь съ мѣста.

Военнымъ судомъ оба сержанта приговорены къ разжалованію и пожизненнымъ каторжнымъ работамъ, 56 нижнихъ чиновъ къ пожизненной каторгѣ, остальные 15 къ каторгѣ на разные сроки и всѣ въ совокупности—къ исключенію изъ военной службы.

Деревня Сванешты была впослѣдствіи сравнена съ лицомъ земли при помощи крупповскихъ скорострѣльныхъ орудій, а большая часть населенія ея перебита огнемъ и, при спасеніи бѣгствомъ, изрублена кавалеріей» [1]).

Но ограничимся только общими итогами: они поистинѣ ужасны. Одинъ добросовѣстный писатель опредѣлилъ приблизительно въ шесть милліоновъ число людей, погибшихъ въ Европѣ на самыхъ поляхъ сраженія въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій. Онъ считаетъ, что пять шестыхъ этихъ военныхъ убійствъ были совершены между 1795 и 1864 гг., такъ какъ его вычисленія были сдѣланы раньше 1870 г. Къ этому времени *дѣйствующій* составъ европейскихъ армій равнялся тремъ съ половиною милліонамъ человѣкъ. Напомнимъ читателю, что Римъ во время апогея своего могущества имѣлъ не болѣе трехсотъ тысячъ воиновъ. Слѣдовательно, наши мнимо-культурныя общества сдѣлали, сравнительно съ древнимъ міромъ, весьма печальные успѣхи, не говоря уже о томъ, что римскія арміи были до извѣстной степени арміями промышленными, такъ какъ попутно онѣ прокладывали дороги, строили мосты и водопроводы. «Миромъ, говоритъ Монтескье, называютъ усиліе, дѣлаемое всѣми противъ всѣхъ». Мы все еще стоимъ на этой точкѣ и протесты ничтожнаго меньшинства, стремящагося создать будущую нравственность, даже не хотятъ выслушать.

Дѣло въ томъ, что влеченіе къ военному убійству очень дав-

---

[1]) Этотъ фактъ вставленъ мною. *Переводчикъ.*

нишнее въ человѣческомъ сознаніи; оно зародилось въ ту безконечно отдаленную эпоху, когда первобытныя орды нашихъ предковъ вели междуусобную борьбу за существованіе, и съ тѣхъ поръ постоянно поддерживалось и укрѣплялось. Когда дѣло идетъ о войнѣ, то въ нѣкоторомъ родѣ кровавый миражъ охватываетъ большинство здравомыслящихъ умовъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ весьма гуманныхъ. Вотъ мнѣніе одного просвѣщеннаго писателя, чистосердечно восхищающагося разрушительными свойствами пороха; по его словамъ «пушка свидѣтельствуетъ о побѣдѣ, одержанной разумомъ надъ силой кулака». Несомнѣнно такъ, но это восхитительное смертоносное орудіе можетъ быть употребляемо въ дѣло звѣроподобными людьми, а въ нравственномъ отношеніи оно не болѣе и не менѣе благородно, чѣмъ кураре американскихъ индійцевъ и всѣ ядовитыя метательныя вещества, которыми въ Европѣ пользовались еще въ XVII вѣкѣ.

Одинъ политико-экономъ, новаторъ и преисполненный гуманныхъ чувствъ, упрекаетъ лицъ, «именующихъ себя философами, за то, что они абсолютно не одобряютъ войны, не смотря на то, что воля Провидѣнія повелѣваетъ ее иногда начать».

Одинъ соціалистическій писатель [1]) въ сочиненіи, спеціально посвященномъ войнѣ, утверждаетъ, что ирокезскіе людоѣды были болѣе свѣдущи въ международномъ правѣ, чѣмъ Монтескье, который отличался полнымъ невѣжествомъ въ этой области.

Онъ находитъ, что «въ теоріи война—прекраснѣйшая вещь, божественный идеалъ», но при этомъ сознается, что «въ дѣйствительности это—животность въ самомъ ужасномъ своемъ видѣ». Но въ этой области весьма трудно отдѣлить теорію отъ факта.

Наконецъ, въ самое послѣднее время, распространеніе трансформистскаго ученія доставило новые псевдо-научные аргументы теоретикамъ убійствъ; грубый успѣхъ получилъ священную санкцію: стали смѣшивать право сильнѣйшаго съ правомъ справедливѣйшаго и умнѣйшаго; регрессъ былъ окрещенъ именемъ прогресса.

---

[1]) Прудонъ. Война и миръ, гл. IX.

Въ нашей современной морали существуетъ не мало еще и другихъ пережитковъ отъ нравственности отдаленныхъ эпохъ; но за неимѣніемъ мѣста ограничиваюсь сказаннымъ; полагаю, что и приведенныхъ мною указаній вполнѣ достаточно, чтобы стало ясно, насколько «голосъ предковъ» еще властенъ въ сознаніи современнаго человѣка. Теперь же я спѣшу перейти къ изученію дѣйствительно характерной стороны современной нравственности.

II.—Меркантильная нравственность.

Человѣка можно назвать іерархическимъ животнымъ. За исключеніемъ, можетъ быть, совершенно первобытныхъ ордъ Огненной Земли, неравенство царитъ во всѣхъ человѣческихъ обществахъ. Всюду слабый подчиняется сильному; но въ обществахъ съ сложной организаціей, опирающихся на наслѣдственную передачу привилегій, право сильнаго подъ конецъ замѣняется правомъ наиболѣе богатаго; такимъ образомъ, свободная игра жизненной конкуренціи, какой она является во всемъ остальномъ органическомъ мірѣ, извращается, и нерѣдко бываетъ, что слабѣйшій, бронированный привилегіей, побѣждаетъ сильнѣйшаго и болѣе интеллигентнаго соперника. Это злоупотребленіе особенно рѣзко проявляется въ обществахъ съ строгимъ раздѣленіемъ на касты; но и современныя наши государства въ значительной степени еще причастны ему, даже и наиболѣе демократическія изъ нихъ.

Несмотря на принципы равенства и братства, расточаемые въ рѣчахъ и книгахъ, въ распредѣленіи богатствъ все еще царитъ вопіющее неравенство, иногда даже болѣе значительное, чѣмъ въ самыя худшія эпохи насилія и гнета. Никогда, напримѣръ, ни въ эпоху классической древности, ни во времена древней монархической Европы не существовало людей, владѣвшихъ милліардами: милліарды являются продуктомъ новѣйшаго времени.

Движимая собственность, какъ-бы она ни казалась разсѣянной, скопляется въ дѣйствительности громадными массами въ немногихъ рукахъ; то же самое приходится сказать и от-

носительно поземельной собственности. Половина Англіи принадлежитъ ста пятидесяти собственникамъ; половина Шотландіи десяти или двѣнадцати лицамъ. Семнадцать землевладѣльцевъ держатъ въ своихъ рукахъ болѣе милліона гектаровъ земли, стоимость которыхъ достигаетъ двухъ съ половиною милліардовъ; изъ тридцати одного милліона гектаровъ земли въ Англіи 16 милліоновъ принадлежатъ 2.238 лицамъ. Наконецъ, въ Англіи насчитываютъ около ста тысячъ милліонеровъ. Даже во Франціи, какъ видно изъ послѣднихъ исчисленій, несмотря на громадное число мелкихъ земельныхъ участковъ, крупная земельная собственность составляетъ еще 35% всей земельной площади, обложенной налогами.

Наконецъ число неимущихъ, нищенствующихъ или пользующихся общественною помощью, постоянно ростетъ. Въ Пруссіи число лицъ, освобожденныхъ отъ налоговъ вслѣдствіе крайней бѣдности, достигло 6.369.856, а въ 1882 г. оно равнялось 8.035.831. (B. Gendre, *Etudes sociales*, p. 85). По Блоку, число такихъ бѣдняковъ во Франціи равнялось въ 1829 г. лишь 1.339.659; а въ 1861 г. оно возросло уже приблизительно до 1.500.000; слѣдовательно оно возрастало быстрѣе, чѣмъ вообще народонаселеніе. Наконецъ, и это весьма знаменательный фактъ, число неимущихъ увеличивается вмѣстѣ съ развитіемъ крупной промышленности. Такъ, въ Бельгіи одинъ неимущій, нуждающійся въ вспомоществованіи, приходится среднимъ числомъ на семь жителей, а въ промышленныхъ провинціяхъ—одинъ на пять или даже на три.

Точно также и во Франціи: политико-экономъ Бланки опредѣляетъ число неимущихъ въ Сѣверномъ департаментѣ въ одну пятую общаго числа жителей. Наконецъ, въ Великобританіи, по Моргу, это число равняется одной четвертой.

А между тѣмъ извѣстно, что крупная промышленность съ каждымъ днемъ все больше и больше распространяется. Земледѣльческій классъ составляетъ уже теперь во Франціи всего лишь 51% числа жителей, а въ Соединенномъ Королевствѣ—12%, въ Голландіи—16%, между тѣмъ какъ въ Италіи онъ еще равняется 77%, а въ Россіи отъ 85 до 90%.

Я не намѣренъ здѣсь заниматься политико-экономіей. Я

только указываю на нѣкоторыя цифры, такъ какъ онѣ находятся въ строгомъ соотвѣтствіи съ соціальнымъ переворотомъ, совершающимся въ современномъ обществѣ, а именно съ торжествомъ промышленнаго режима, для котораго Гербертъ Спенсеръ не находитъ достаточныхъ похвалъ. Эта цивилизація однако влечетъ за собой очень печальныя послѣдствія. Мы только - что видѣли, что она съ поразительной силой увеличиваетъ ростъ пауперизма. Благодаря ей, всѣ соціальныя язвы, порождающія нищету, оживаютъ и распростриняются. Фабричные рабочіе, говоритъ Легуа, прибѣгаютъ къ самоубійству гораздо чаще земледѣльцевъ. Въ крупномъ германскомъ фабричномъ центрѣ, Саксоніи, на милліонъ жителей приходится 341,59 ежегодныхъ самоубійствъ, между тѣмъ какъ среди землевладѣльцевъ ихъ только 71,17. Наконецъ мы знаемъ, что во всѣхъ культурныхъ странахъ число добровольныхъ смертей увеличивается съ все возрастающей прогрессіею.

Несомнѣнно, что той же самой причинѣ слѣдуетъ приписать и развитіе пьянства, на что указываетъ возрастающее потребленіе алкоголя; такъ въ 1829 г. во Франціи въ среднемъ на человѣка приходилось 0,93 литра, а въ 1886 г. уже 3,69.

Почти безполезно прибавлять, что рука объ руку съ пауперизмомъ и пьянствомъ растетъ и проституція.

Но можно ли утверждать, что все это физическое и нравственное вырожденіе совершается въ силу неизбѣжной необходимости? Обусловливлется ли оно дѣйствительно особенностями человѣческой организаціи? Не пережили ли мы уже апогея своего развитія и не предстоитъ ли намъ въ будущемъ постепенное разложеніе и уничтоженіе, неизбѣжное для всякаго органическаго существа, потерявшаго гармоническое равновѣсіе съ своей физической средой? Никоимъ образомъ! Все это зло создалось искусственно; оно—дѣло рукъ нашихъ; оно зачато Auri sacra fames, какъ выражается римскій поэтъ.

Любовь къ богатству не представляетъ нѣчто новое въ нашемъ мірѣ. Я выше приводилъ проклятія, которыми, древніе греческіе поэты осыпали богатство. Въ древнихъ Аѳинахъ Солонъ, руководствуясь исключительно имущественнымъ цензомъ,

распредѣлилъ населеніе на классы. Въ Римѣ Цицеронъ обыкновенно, называетъ boni, хорошими людьми тѣхъ, кто имѣетъ состояніе; разсказываютъ, что сладострастный Апиціусъ лишилъ себя жизни, когда его родовое имущество сократилось до трехъ милліоновъ. Во всѣ времена существовали также и общественные классы, обреченные на рабскій трудъ и выносившіе исключительно на своихъ плечахъ всю тяжелую соціальную работу. Въ каждой странѣ участь рабовъ и крѣпостныхъ была тягостна, а иногда ужасна. Но развѣ положеніе современныхъ западно-европейскихъ рабочихъ, замѣнившихъ былыхъ крѣпостныхъ, лучше? Съ нравственной и политической точки зрѣнія оно, конечно, лучше. Юридически они свободны; имъ не приходится болѣе опасаться насилій, какимъ подвергались прежніе крѣпостные. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ настоящее время царитъ и управляетъ всѣмъ капиталъ. Кто его не имѣетъ, тотъ, такъ или иначе, зависитъ отъ произвола людей, располагающихъ имъ: бѣдняку цивилизація не даетъ никакихъ радостей; умственныя способности и силы его остаются безъ развитія, такъ какъ право на образованіе ровно ничего не значитъ, когда человѣкъ лишенъ досуга, чтобы пользоваться имъ, а его тѣло страдаетъ отъ чрезмѣрнаго напряженія. Мы слышимъ безпрестанныя похвалы, расточаемыя по поводу нравственности и достоинства труда; это такъ; но только по отношенію къ добровольному, свободному труду, доставляющему надлежащій просторъ для физической и умственной дѣятельности человѣка, но трудъ вьючнаго животнаго, поглощающій всѣ живыя силы человѣка и насильственно приводящій къ атрофіи тѣло, сердце и умъ, никоимъ образомъ не можетъ вызывать благословеній. А между тѣмъ такого именно труда все болѣе и болѣе требуетъ наша цивилизація отъ современныхъ рабочихъ; благодаря подобному труду и происходятъ тѣ крайне печальныя явленія въ сферѣ нравственности и общей продолжительности человѣческой жизни, которыя освѣщаетъ демографія.

Возникновеніе и послѣдовавшее вслѣдъ за тѣмъ быстрое распространеніе крупной промышленности въ Европѣ относится къ 1815 г. Изобрѣтеніе прядильныхъ, ткацкихъ и въ особен-

ности паровыхъ машинъ, а также употребленіе каменнаго угля произвели этотъ переворотъ. Это былъ самъ по себѣ благодѣтельный прогрессъ; но открытія должны цѣниться по тому примѣненію, какое получаютъ они. Они въ громадныхъ размѣрахъ расширили лишь сферу наемнаго труда. На фабрики шли цѣлыя населенія, гдѣ они, такъ сказать, перегорали въ механическихъ занятіяхъ, поглощавшихъ всю ихъ жизнь и отнимавшихъ у нихъ возможность вести мало-мальски человѣческое существованіе, и такая напряженная работа въ силу желѣзнаго закона спроса и предложенія обезпечивала имъ лишь ничтожную заработную плату, строго сообразованную съ необходимыми средствами существованія. Этотъ режимъ прогрессируетъ безостановочно. Съ 1851 г. трудъ болѣе шести милліоновъ (6044280) людей эксплоатировался во Франціи въ различнаго рода промышленныхъ предпріятіяхъ и болѣе двухъ милліоновъ—крупной промышленностью. А между тѣмъ Франція далеко еще не самая промышленная страна въ Европѣ. Тѣмъ не менѣе въ 1876 г. наше фабричное населеніе достигало въ ней уже болѣе девяти милліоновъ (9.274.537).

Въ то-же время, какъ неизбѣжный королларій, ростетъ и число людей, находящихся въ личномъ услуженіи: въ 1876 г. оно равнялось во Франціи 2.339,683. Вотъ какъ формируется многочисленный пролетаріатъ, постоянно возростающій и снѣдаемый бѣдностью. Мы видѣли, что число бѣдняковъ находится въ прямо пропорціональномъ отношеніи съ успѣхами крупной промышленности. Но средства, предназначаемыя на поддержаніе этихъ бѣдняковъ, находятся въ обратно пропорціональномъ отношеніи съ числомъ ихъ. Въ 1856 г. они равнялись въ 8-мъ парижскомъ округѣ среднимъ числомъ одному сантиму въ день на человѣка.

Между тѣмъ безпрерывная работа всего трудящагося населенія Европы производитъ громадныя богатства, распредѣляющіяся однако крайне неравномѣрно: двѣ трети дохода поглощаются рентьерами, дирижирующей и спекулирующей третью населенія. Милліоны пролетаріевъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ статистика, не потребляютъ ежегодно и 25 килограммовъ мяса на человѣка.

Конечно, нашъ наемный рабочій не испытываетъ уже того непосредственнаго гнета, какой выносилъ рабъ и крѣпостной; но зато онъ въ большей степени чувствуетъ себя брошеннымъ, покинутымъ на произволъ судьбы; онъ уже не пользуется, подобно прежнему рабу, ни малѣйшимъ покровительствомъ со стороны своего хозяина, даже тѣмъ минимумомъ заботъ, которыми окружаютъ домашнихъ животныхъ. Западно-европейская промышленность почти совсѣмъ упразднила *человѣческое* отношеніе между рабочимъ и работодателемъ. На политико-экономическомъ языкѣ рабочіе въ Англіи называются руками—«*hands*», во Франціи также—«*bras*».

Діодоръ Сицилійскій говоритъ съ большимъ состраданіемъ о несчастныхъ, работавшихъ въ древности въ золотыхъ рудникахъ Верхняго Египта: «Здѣсь нѣтъ жалости ни къ больнымъ, калѣкамъ, старцамъ, ни даже къ женскому слабосилію. Всѣ, подъ угрозой ударовъ, должны работать и работать вплоть до того момента, когда смерть положитъ конецъ ихъ несчастію и мученіямъ». Теперь удары упразднены, но работа въ рудникахъ поглощаетъ все существованіе человѣка и сопряжена съ несравненно большими опасностями, чѣмъ въ древности. У древнихъ не было каменноугольныхъ копей; они не знали рудничнаго газа; они не проникали далеко въ глубь подъ землю; и наконецъ для работъ въ рудникахъ они употребляли чаще всего преступниковъ. Прибавимъ къ этому, что большинство современныхъ, вредно вліяющихъ на здоровье, отраслей промышленности имъ было вовсе неизвѣстно, и вспомнимъ, для примѣра, нѣкоторыя злодѣянія нашего промышленнаго режима.

Прежде всего, цѣлыя поколѣнія дѣтей безжалостно гибли. Начиная съ XVII столѣтія, въ Норвигѣ, въ Англіи, въ то время главномъ центрѣ хлопчатобумажнаго производства, шестилѣтній ребенокъ признавался способнымъ къ труду. Въ 1857 г. фабричный инспекторъ дѣтскаго труда пишетъ: «Дѣти восьми лѣтъ и старше въ моемъ участкѣ совершенно изнемогали отъ работы, длившейся отъ шести часовъ утра до девяти часовъ вечера въ послѣднее полугодіе 1857 года. Дѣти показываютъ, что принуждены работать до девяти и десяти часовъ вечера.

На особенно опасныхъ для здоровья спичечныхъ фабрикахъ нашли въ большомъ количествѣ «оборванныхъ, полумертвыхъ отъ голода и развращенныхъ дѣтей». Для фабрикантовъ, побуждаемыхъ общей конкуренціей, человѣческая жизнь не имѣетъ большой цѣны; необходимо, чтобы машины работали безостановочно. На вопросы слѣдственной комиссіи по дѣтскому труду фабриканты отвѣчаютъ, что дѣти не могутъ регулярно обѣдать, такъ какъ потребный для этого перерывъ неизбѣжно повлекъ-бы за собой потерю теплоты въ паровикѣ черезъ лучеиспусканіе. Въ 1834 году, во время производительной лихорадки, шотландскіе фабриканты предлагали, чтобы къ нимъ направили избытокъ земледѣльческаго населенія въ южныхъ графствахъ, причемъ они обязывались потребить и поглотить его (*absorbe it and use it up*).

Я привожу примѣры преимущественно изъ англійской жизни, такъ какъ интересующее насъ зло въ ней особенно обострилось; но Виллерме открылъ, что и во Франціи на нѣкоторыхъ прядильняхъ требовали отъ семилѣтнихъ дѣтей пятнадцати съ половиной часовъ дѣйствительной работы въ сутки.

Въ своемъ бѣгломъ обзорѣ я вынужденъ указать только на факты, наиболѣе выдающіеся и потому не стану задерживать долго вниманія читателя на трудѣ взрослыхъ, хотя работы слѣдственныхъ комиссій и кишатъ плачевными фактами на этотъ счетъ. Такъ, мы находимъ указанія, что работницы, шьющія платья, работаютъ отъ 15 до 18 часовъ въ сутки въ атмосферѣ, въ которой едва можно дышать, и умираютъ отъ чрезмѣрнаго напряженія, что цѣлыя профессіи, какъ напримѣръ горшечниковъ и кузнецовъ, въ которыхъ продолжительность жизни рабочихъ сокращается и они вымираютъ; что убывало народонаселеніе въ нѣкоторыхъ горныхъ округахъ Англіи, пока рабочій день не былъ сокращенъ до 10 часовъ; что замѣчено о постепенномъ пониженіи средняго роста въ особенности у фабричныхъ рабочихъ. Въ 1858 г., по словамъ Либиха, Берлинъ не могъ доставить потребнаго числа рекрутовъ: не хватало ста пятидесяти шести человѣкъ.

Итакъ, всемогущее божество современныхъ западно-европейскихъ мнимо-культурныхъ обществъ, деньги, въ дѣйстви-

тельности самодержавно регулируютъ движеніе населенія и продолжительность человѣческой жизни.

Для фабричнаго населенія, говоритъ Виллерме, вѣроятность жизни представляется въ слѣдующемъ видѣ: всякій, прожившій первый годъ своей жизни, можетъ разсчитывать дожить до сорокатрехъ-лѣтняго возраста, если онъ принадлежитъ къ классу хозяевъ, и всего лишь до девятнадцати лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ, если онъ рабочій.

Во Франціи изъ числа людей богатыхъ или вообще достаточныхъ умираетъ въ возрастѣ отъ 40 до 45 лѣтъ лишь 0,85%, а изъ неимущихъ того-же возраста—1,87%; вѣроятная продолжительность жизни для богача слѣдовательно вдвое больше, чѣмъ для бѣдняка.

Ежегодно, говоритъ А. Бертильонъ, смертность новорожденныхъ возрастаетъ, но при этомъ смерть умѣетъ выбирать. Въ 1863 г. въ Рубэ, въ Манчестерѣ, смертность дѣтей среди рабочаго класса моложе 1 года равнялась отъ 20 до 22%, въ Мюльгаузенѣ она достигла 33%. Въ Ліонѣ въ 1866 г. смертность среди дѣтей ткачей равнялась 35%, между тѣмъ какъ въ достаточныхъ семьяхъ она была не выше 10%. Дольфусъ, изъ Мюльгаузена, въ отчетѣ, представленномъ Промышленному Обществу въ 1864 г. ставитъ себѣ въ особую заслугу достигнутое имъ, благодаря помощи роженицамъ сокращеніе смертности дѣтей до 25 и 20%, которая раньше доходила до 36 и 38%.

Въ большинствѣ древнихъ цивилизацій многочисленность потомства составляла гордость семьи и законодательство поощряло возростаніе населенія. Въ современныхъ-же промышленныхъ обществахъ, какъ извѣстно, наблюдается обратное явленіе. Большинство, и притомъ самыхъ извѣстныхъ политикоэкономовъ, проповѣдывали мальтузіанство, и ихъ голосъ былъ услышанъ, въ особенности во Франціи. Между 1770 и 1780 годами у насъ было 380 рожденій на 1.000 жителей, но это число постепенно уменьшалось и пало въ 1871—1880 годахъ до 241 рожденія. Въ непродолжительномъ времени населеніе Франціи станетъ убывать. Другія страны, не исключая и плодовитой Германіи, слѣдуютъ за нами по тому-же пути; Франція

только обогнала ихъ на цѣлое столѣтіе. Причина, обусловливающая это постепенно уменьшающееся число рожденій, не заключаетъ въ себѣ ничего таинственнаго: это любовь къ деньгамъ. Въ силу какого-то страннаго противорѣчія дѣтей родится тѣмъ меньше, чѣмъ большими средствами родители располагаютъ для ихъ прокормленія. Въ Парижѣ, въ четырехъ самыхъ богатыхъ кварталахъ, приходится 1,97 рожденій на семью, а въ бѣднѣйшихъ—2,86 рожденій. Одновременно съ этимъ обезлюдѣваютъ и деревни; скотъ замѣняетъ тамъ людей, а населеніе устремляется въ промышленные центры. Всюду, гдѣ процвѣтаетъ мелкая собственность, рождаемость падаетъ, читаемъ мы въ отчетѣ сельско-хозяйственной комиссіи; въ нѣкоторыхъ округахъ дошли уже до замѣны древняго права первородства единородствомъ: нѣтъ болѣе ни братьевъ, ни сестеръ.

На милліонъ русскихъ, говоритъ Блоккъ, приходится ежегодно 47.700 дѣтей, а на милліонъ французовъ всего лишь 25.500.

Я только-что указалъ на нѣкоторыя изъ наиболѣе крупныхъ легальныхъ злодѣяній, вытекающихъ изъ любви къ деньгамъ; судебная статистика даетъ намъ свѣдѣнія о тѣхъ же нелегальныхъ злодѣяніяхъ. Она свидѣтельствуетъ, что преступленія противъ собственности и въ особенности мошенническія продѣлки съ нѣкоторыми колебаніями постепенно возростаютъ. Въ Англіи отъ 1826 до 1856 гг. преступленія противъ собственности, совершенныя съ насиліемъ, возросли съ 1.380 до 1846 случаевъ, а въ 1857 году достигли цифры 2.286. Преступленія противъ собственности безъ насилія поднялись за тотъ-же періодъ времени съ 15.061 до 21.859. Мошенничества съ различными цѣнными бумагами возросли съ 388 до 886, а въ 1857 г. до 959.

Число злостныхъ банкротствъ съ 1852 г. по 1857 г. поднялось съ 72 до 105; простыя кражи съ 33.940 до 35.737; случаи обмана при покупкѣ товаровъ возросли съ 7.074 до 8.292.

Наконецъ, число рецидивистовъ по части мошенничества въ коммерческихъ дѣлахъ возростаетъ ежегодно въ значительной

пропорцiи. И невозможно надѣяться, чтобы распространенiе образованiя, по крайней мѣрѣ того образованiя, какое мы знаемъ, остановило эту деморализацiю. Экономическiе факторы оказываются самыми могущественными: обманы и мошенническiя продѣлки среди грамотныхъ людей вмѣсто того, чтобы сокращаться, постоянно возрастаютъ сравнительно съ числомъ такихъ преступленiй среди неграмотныхъ.

Никто не станетъ отрицать, что все это очень печально. Конечно, можно утверждать, что соцiальная iерархiя имѣетъ свой raison d'être, но при томъ лишь условiи, если она опирается на нравственное и умственное достоинство, если всякiй занимаетъ то именно мѣсто, какое онъ заслуживаетъ. Въ современномъ же нашемъ обществѣ богатство, господствующее надъ всѣмъ, нерѣдко прiобрѣтается и поддерживается путями, не имѣющими ничего общаго съ возвышенностью ума и характера. Зло это существуетъ не со вчерашняго дня. Начиная съ Жака Кера, казначея Карла VII, до Джона Ло, въ прошломъ вѣкѣ, спекуляцiя и ажiотажъ успѣли создать не мало крупныхъ состоянiй, прiобрѣтенныхъ слишкомъ легкимъ путемъ; развитiе крупной промышленности, созданiе безчисленныхъ движимыхъ цѣнностей способствовали распространенiю этого зла. Я не стану дальше на этомъ останавливаться; все это уже извѣстно всѣмъ; но это—недугъ, отъ котораго наши современныя общества могутъ погибнуть.

Теоретики изъ класса, извлекающаго свои выгоды изъ этого опаснаго порядка вещей, вдохновляясь имъ, пытаются установить крайне курьезное нравственное ученiе.

Они провозглашаютъ, что для богатаго человѣка трата своего состоянiя на непроизводительные расходы или даже худшiе, чѣмъ непроизводительные, является похвальнымъ поступкомъ, почти добродѣтелью.

Для того же, чтобы уничтожить или хотя бы ограничить пауперизмъ, преспокойно рекомендуются такiя мѣры, какъ война, проституцiя и воспрещенiе браковъ между бѣдными. А нѣкоторые изъ нихъ, болѣе отважные и логическiе, совѣтуютъ прямо прибѣгать къ плодоизгнанiю (идея заимствованная у Аристотеля) и даже къ кастрацiи дѣтей, родившихся въ бѣдности;

объ этомъ послѣднемъ средствѣ не подумали древніе политики. Вдохновитель этихъ странныхъ цѣлителей соціальныхъ бѣдъ, Мальтусъ, просто совѣтовалъ *нравственное воздержаніе*, чему многіе и послѣдовали; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, что называется, не сморгнувши глазомъ, написалъ знаменитую и гнусную фразу: «Человѣкъ, являющійся на свѣтъ Божій, когда всѣ мѣста уже заняты, въ семьѣ, не располагающей достаточными средствами для его прокормленія, и въ обществѣ, не нуждающемся въ его трудѣ, такой человѣкъ не имѣетъ ни малѣйшаго права требовать себѣ пропитанія даже въ самой ничтожной дозѣ, и въ полномъ смыслѣ слова лишній на землѣ. На большомъ жизненномъ пиру не уготовано прибора для него. Природа повелѣваетъ ему уйти и она не замедлитъ привести въ исполненіе свой приговоръ». По этому поводу можно вмѣстѣ съ Ж. де-Местромъ спросить: «Природа! что это за женщина?» и утверждать, что эта антропоморфическая личность, несмотря на свой полъ, сильно поссорилась съ милосердіемъ.

Въ 1840 г. французскій министръ [1]) въ офиціальномъ циркулярѣ (отъ 6 авг.) порицалъ заведенія, предназначенныя для пріюта старцевъ и неимущихъ больныхъ. Другой государственный человѣкъ, прославленный при жизни [2]), сказалъ въ своемъ отчетѣ объ общественной благотворительности, что «нищета есть неизбѣжное условіе человѣческой жизни въ общемъ ходѣ дѣлъ, что современное общество, покоющееся на самыхъ справедливыхъ основахъ, не можетъ быть улучшено и т. д.».

Знаменитый и даже либеральный политико-экономъ Ж. Б. Сэ, не колеблясь, заявляетъ прямо, что «если говорить ужъ серьезно, то общество не обязано оказывать помощь и доставлять средства къ существованію своимъ членамъ». Однако онъ вполнѣ готовъ примириться съ тѣмъ, чтобы человѣкъ въ своихъ частныхъ интересахъ и ради поддержанія въ себѣ чувства доброжелательности отступалъ отъ суровости права, но заклинаетъ насъ не забывать, что «мы подчинены строгимъ законамъ, нарушеніе которыхъ никогда не проходитъ безнаказанно». Отсюда

---

[1]) De Rémusat. [2]) A. Thiers. Во Франціи и Англіи будетъ изданъ законъ, въ 1908 или 1909 г., по которому неимущіе рабочіе въ старости будутъ получать пенсію. *Переводчикъ.*

ясно, что самый фактъ оказыванія помощи другимъ представляется ему поступкомъ довольно сомнительной въ нравственности.

Если суждено наступить дню, когда угаснетъ родъ человѣческій, вслѣдствіе ли предумышленнаго самоубійства, какъ того желаютъ наши пессимисты, или вслѣдствіе порочности организаціи соціальнаго строя, и если тогда наше зоологическое первенство перейдетъ по наслѣдству къ волчьей породѣ, то эта экономическая мораль можетъ быть и будетъ принята, но во всякомъ случаѣ долго ея не будутъ поддерживать, такъ какъ существеннымъ условіемъ всякаго общества является солидарность, и мы уже видѣли, что Аристотель, котораго трудно заподозрить въ сентиментальности, опредѣляетъ общество, какъ наступательный и оборонительный союзъ противъ несчастья.

Но нравственность Ж. Б. Сэ есть именно обычная нравственность политико-экономическаго міра, гдѣ слишкомъ часто забываютъ, что за сущностями, именуемыми *трудъ*, *капиталъ* и т. п., стоятъ люди. Впрочемъ, даже и изъ этого лагеря были нѣкоторые протесты. «Цѣль общества, говоритъ Росси, не заключается только въ томъ, чтобы стать богатымъ... Когда приложеніе труда противорѣчитъ цѣли болѣе возвышенной, чѣмъ производство богатствъ, то онъ не долженъ примѣняться». Rara avis.

На этомъ я кончаю. Я указалъ пороки и опасныя стороны нашей нравственности и нашей меркантильной организаціи, по крайней мѣрѣ, наиболѣе вопіющіе. Значитъ ли это, что эти недуги неисцѣлимы? Ни въ какомъ случаѣ. Прогрессъ, какъ мы уже видѣли въ самомъ началѣ этого труда, является міровымъ закономъ, а мы далеко еще не достигли его предѣла. Въ общемъ ходѣ движеніе впередъ не прерывалось, начиная съ животной стадіи развитія человѣческихъ обществъ; оно не можетъ остановиться, и всегда, несмотря даже на злоупотребленія зломъ, получается нѣчто лучшее. Прежде чѣмъ закончить эти изслѣдованія, мнѣ придется еще говорить о зарожденіи нравственности, которое происходитъ именно въ настоящее время въ нѣдрахъ нашей несовершенной культуры. Но предварительно я долженъ разсмотрѣть вліяніе, какое религіи оказывали на нравственность, и изложить въ краткихъ чертахъ сущность утилитарной нравственности.

ГЛАВА XVIII.

ВЛІЯНІЕ РЕЛИГІЙ НА НРАВСТВЕННОСТЬ.

Анимизмъ.—Человѣческое царство.—Отсутствіе связи между религіею и нравственнымъ ученіемъ на первыхъ ступеняхъ развитія.—Загробная жизнь, какъ основа религіозной этики.—Первобытный рай.—Будущая жизнь и погребальныя жертвоприношенія.—Религіозная мораль эскимосовъ, перуанцевъ, мексиканцевъ, витійцевъ, мадекассовъ и египтянъ.—Нравственное ученіе великихъ азіатскихъ религій. — Возвышенная мораль. — Особенности въ нравственномъ ученіи *Авесты*.—Апоѳеозъ собаки.—Великія преступленія по *Авестѣ*.—Разрѣшаемое кровосмѣшеніе —Неравенство въ кастахъ по кодексу Ману.—Странная нравственность по законамъ этого кодекса.—Необычайные нравственные запреты, налагаемые браманизмомъ.—*Туги*. -*Лингамъ*.—Священная проституція.—Долгъ прежде всего, по уложенію Ману.—Какъ очиститься отъ всѣхъ своихъ грѣховъ.—Паломничество.—Предопредѣленіе и черепные швы.—Обѣтъ нищеты обогащаетъ.—Идеалъ браманизма. — Нравственное состояніе современной Индіи.—Гуманизмъ въ ученіи Будды.—Нирвана.—Духовная мораль іеговизма.—Мораль Корана.—Свѣтскій характеръ грекоримской морали.—Самая главная обязанность по христіанскому ученію.—Христіанскій адъ.—Добродѣтель античная и добродѣтель христіанская.—Христіанскій аскетизмъ и христіанское цѣломудріе.—Самоубійство.—Рабство и христіанство.—Узаконеніе бѣдности.—Милостыня.—Благотворительныя учрежденія.—Христіанская нетерпимость.—Преслѣдованія и инквизиція.—Положительныя и отрицательныя стороны религій.

Если признавать, что религія вытекаетъ изъ стремленія человѣка одухотворять различные неодушевленные предметы, вообще надѣлять органическія или нерганическія существа достоинствами, недостатками, способностями, присущими человѣку, однимъ словомъ, если подъ религіей понимать то, что называется анимизмомъ,—то въ такомъ случаѣ даже племена, стоящія на самой низкой ступени развитія, имѣютъ религіозныя идеи. То же самое тотъ фактъ, что человѣкъ не допускаетъ неизбѣжности естественной смерти, отказывается понимать ее и создаетъ себѣ представленіе о *загробной жизни*, какъ весьма сходной съ той, какую онъ ведетъ здѣсь, на землѣ, весьма

распространенъ, хотя и не въ такой степени, какъ простой анимизмъ. Впрочемъ, нѣтъ никакихъ положительныхъ доказательствъ, что наиболѣе интеллигентныя изъ животныхъ, собака и слонъ, не являются вовсе анимистами подобнаго же рода. Положительно непонятно, какимъ образомъ ученые и притомъ еще довольно извѣстные могли притти въ восторгъ отъ подобнаго ребяческаго представленія и положить его въ основу самаго исключительнаго изъ царствъ, Царства человѣческаго, къ которому, впрочемъ, въ настоящее время относятся нѣсколько отрицательно.

Но ребяческія мечты первобытнаго фетишизма являются, въ въ сущности, только зародышами религіозныхъ идей, не представляя большого значенія съ точки зрѣнія этики.

Дѣйствительно, мы видѣли, что на первыхъ стадіяхъ развитія человѣческихъ обществъ не существуетъ еще ничего такого, что заслуживало бы названія нравственности. Грубыя анимическія представленія первобытнаго человѣка, несомнѣнно, имѣютъ вліяніе на его дѣйствія, но совершенно такое же, какое оказываютъ и другіе факты его душевной жизни. Онъ испытываетъ ту же ненависть или любовь, тотъ же страхъ или почтеніе и благодарность къ реальнымъ или воображаемымъ существамъ, которыхъ фантазія дикаря одарила благодѣтельной или враждебной силой, какія онъ чувствуетъ и по отношенію къ своимъ соперникамъ или своимъ друзьямъ. Онъ приноситъ жертвы своимъ фетишамъ; онъ часто будетъ стараться умилостивить тѣни мертвыхъ и даже геніевъ, если его воображеніе создало таковыхъ, но онъ вовсе не ожидаетъ и не получаетъ отъ нихъ предписаній и указаній относительно повседневной жизни.

Только спустя много времени религіи начинаютъ предъявлять извѣстныя нравственныя предписанія Въ сущности для того, чтобы религіозная этика имѣла дѣйствительное значеніе, нужно, чтобы существовалъ хорошо организованный клиръ, выдѣлившійся въ отдѣльный классъ или касту и располагающій самъ по себѣ или черезъ посредство преданныхъ ему воиновъ достаточными принудительными средствами для управленія правовѣрными. Священникъ въ зачаточномъ своемъ

видѣ, колдунъ, насылатель дождя, не претендуетъ обыкновенно ни на какое нравственное руководительство.

Почти всегда опорой религіозной этики является вѣрованіе въ загробную жизнь Но въ теченіе очень продолжительнаго времени эта будущая жизнь представляется просто продолженіемъ земного существованія. Такъ австраліецъ изъ окрестностей Іорскаго мыса вѣритъ въ то, что послѣ смерти онъ превратится въ бѣлокожаго и будетъ курить, сколько ему вздумается табаку. Нѣкоторые папуасы съ береговъ Новой Гвинеи, которыхъ посѣтилъ О. Беккари, думаютъ, что они возродятся къ новой жизни въ виду эму, казуара и т п.

Рай ново-каледонійца помѣщается въ лѣсу, либо на островѣ, либо въ морской пучинѣ: тамъ поѣдаютъ массу корней игнама, обжираются, пляшутъ и т. п. Рай полинезійцевъ, благоухающій *Рохуту*, находится въ воздухѣ, надъ высокой горой Райатея; жрецы, вожди, *ареои* входили туда безпрепятственно, но право на подобную загробную жизнь мелкихъ людишекъ подвергалось большому сомнѣнію. Въ этомъ раю вели приблизительно ту же самую сладострастную жизнь, какой предавались *ареои* и на землѣ. Никакихъ нравственныхъ представленій не связывалось съ этой ребяческой мечтой.

Я привожу эти немногіе факты въ видѣ примѣровъ. Подобнаго же рода вымыслы встрѣчаются у всѣхъ первобытныхъ народовъ. Тѣмъ не менѣе, эта столь наивная мечта о будущей жизни имѣла повсюду, у всѣхъ племенъ кровавыя послѣдствія. Всюду, гдѣ вѣра въ существованіе загробной жизни, въ какомъ бы то ни было видѣ, прочно внѣдрилась въ умахъ людей, ея неизбѣжнымъ спутникомъ являются кровавыя жертвоприношенія: не хотятъ допустить, чтобы покойникъ отправился въ царство тѣней въ совершенномъ одиночествѣ, и родичи, руководимые почтительной заботливостью, отправляютъ вмѣстѣ съ нимъ цѣлую свиту, состоящую изъ женъ и родныхъ, убиваемыхъ на могилѣ. У всѣхъ дикихъ народовъ и у многихъ варварскихъ народовъ вѣра въ дальнѣйшее существованіе тѣней или душъ вызвала цѣлые потоки крови. Выше я привелъ поразительные въ этомъ отношеніи примѣры; а потому я не останавливаюсь на нихъ теперь.

У нѣкоторыхъ дикихъ народовъ смутная идея о наградѣ или наказанiи начинаетъ въ концѣ концовъ ассоцiироваться съ вѣрой въ будущую жизнь. Рай краснокожихъ—это громадныя луга, гдѣ царитъ вѣчная весна и гдѣ пасутся безчисленные стада буйволовъ и козулей, мясо которыхъ такъ превосходно на вкусъ. Первыя мѣста въ этомъ раю предназначались самымъ ловкимъ охотникамъ, лучшимъ воинамъ и тѣмъ, кто скальпировалъ наибольшее число враговъ. Тѣни остальныхъ отправлялись послѣ смерти въ ледовитую сѣверную пустыню, гдѣ они страдали отъ голода и жажды. Точно также *лучшiе* изъ эскимосовъ, т. е. наиболѣе искусные охотники на тюленей, люди, вышедшiе побѣдителями изъ большихъ опасностей, утопленники и женщины, умершiя въ родахъ, попадаютъ послѣ смерти въ чудесный подземный мiръ, гдѣ вѣчно свѣтитъ солнце, гдѣ тюлени, рыбы, водяныя птицы плаваютъ въ прозрачной водѣ и охотно сами даются въ руки ловцамъ. *Дурные* же эскимосы наоборотъ переходятъ въ надземный мiръ, гдѣ вѣчно томятся отъ голода и жажды.

Въ древнемъ Перу, гдѣ общественный строй покоился на обязательномъ трудѣ, загробная жизнь служила также отраженiемъ земной: *хорошiе* перуанцы наслаждались въ будущемъ мiрѣ покоемъ, полнымъ нѣги, а *дурные* были обречены на непрерывный трудъ.

По вѣрованiю мексиканцевъ, воины, умершiе на полѣ брани, и люди, принесенные въ жертву богамъ, присоединялись къ солнцу и сопровождали его, распѣвая пѣсни и предаваясь пляскѣ.

Въ Вити, гдѣ вѣрили, что во многихъ животныхъ вселяются боги, религiозная мораль первымъ дѣломъ предписывала не употреблять въ пищу животнаго, служащаго мѣстопребыванiемъ бога, котораго выбрали покровителемъ, и въ особенности совершить по возможности больше смертоубiйствъ на войнѣ: чѣмъ больше пролилъ человѣкъ крови на землѣ, тѣмъ лучше онъ будетъ принятъ въ загробномъ Вити.

Здѣсь несомнѣнно уже сказываются характерныя особенности религiозной нравственности. Дѣйствительно, почти повсюду, какъ убѣдимся мы ниже, нравственность эта отличается произвольностью, отсутствiемъ практическихъ цѣлей, вообще

въ ней нѣтъ вовсе ничего утилитарнаго. Часто она предписываетъ вредные поступки, но еще чаще она требуетъ и считаетъ чрезвычайно существенными безсмысленные и смѣшные обряды.

На Мадагаскарѣ, разсказываетъ одинъ путешественникъ, ложь, мошенничество и т. п. считаются пустяками; но за то танцовать на могилѣ или только наступить на нее, ѣсть свиное мясо въ мѣстностяхъ, гдѣ это воспрещается, охотиться за совой или дикой кошкой, заниматься колдовствомъ считается чудовищными преступленіями.

Точно также въ древне-египетской теократіи почтеніе къ нѣкоторымъ животнымъ, поклоненіе имъ, доходило до безумія. Каждая мѣстность имѣла своихъ священныхъ животныхъ; жители Мендеса поклонялись козѣ и ѣли овецъ; обитатели Өивъ поступали наоборотъ. Даже невольный убійца священнаго животнаго дорого платится за свое прегрѣшеніе; его разрывали на части. Во время пожара религіозный отецъ семейства думалъ прежде всего о спасеніи своей кошки, а затѣмъ уже принимался за тушеніе пожара.

На примѣрахъ великихъ азіатскихъ религій и ихъ религіозныхъ кодексахъ особенно легко наблюдать всѣ крайности религіозной морали. Нельзя сказать, чтобы въ этихъ кодексахъ не заключалось никакихъ практическихъ и разумныхъ предписаній: на послѣднія я уже обратилъ вниманіе выше. Существуютъ извѣстныя этическія правила, безъ которыхъ ни одно общество не можетъ жить, эти правила выработались въ силу самой необходимости, и религіозные кодексы признаютъ ихъ; но эти правила существовали раньше самихъ кодексовъ. Плодомъ же чисто-религіознаго вліянія являются предписанія, продиктованныя фантазіей, вовсе не имѣющія въ виду общественныхъ интересовъ, что однако не мѣшало приписывать имъ крайнюю важность.

Другой порокъ религіозныхъ кодексовъ присущъ имъ, благодаря самому ихъ предполагаемому происхожденію. Они имѣютъ претензію выражать божественную волю, вслѣдствіе этого они стоятъ выше всякой критики. Божество, продиктовавшее ихъ, въ одно и то же время — всевѣдуще, всемогуще и отличается не-

обыкновеннымъ разумомъ. Повелѣнія его люди должны исполнять безпрекословно.

Выберемъ нѣсколько примѣровъ, прежде всего изъ двухъ древнѣйшихъ азіатскихъ религій: маздеизма и браманизма. *Авеста* и кодексъ Ману, продиктованные: первая—Ормуздомъ, а второй—Брамою, полны такимъ множествомъ безсмысленныхъ утвержденій, что даже трудно изъ нихъ выбирать.

Начнемъ съ *Авесты*. У знаменитаго Ормузда крайне странныя мысли. По его мнѣнію, женщину, во время менструацій, слѣдуетъ держать въ уединенномъ мѣстѣ, за ширмами, такъ какъ въ противномъ случаѣ «такая женщина можетъ увидѣть огонь и устремить свой взоръ на пламя», а это очевидно было бы ужаснымъ дѣломъ.

Еще важнѣе этого ронять на землю ногти и волосы во время ихъ стрижки. Если подобное несчастіе случится, то «Девы соберутся вмѣстѣ, подобно тому, какъ скучиваются вредныя животныя и черви, пожирающія хлѣбъ и одежду».

Въ глазахъ Ормузда собака—божественное животное и по своему достоинству ни въ чемъ не уступаетъ истинному правовѣрному: «это я, Ахура-Мазда, сотворилъ собаку и надѣлилъ ее соотвѣтствующею одеждою и обувью... Она старается угождать подобно атаврану (маздейскій жрецъ культа)... Она какъ воинъ кидается на то, что находится впереди нея... Она бдительна и не спитъ такъ крѣпко, какъ хлѣбопашецъ... Она—впереди и сзади жилища, какъ пастырь, обрабатывающій землю... Она какъ воръ ищетъ темноты... Она, какъ куртизанка, старается нравиться. У нея, какъ у ребенка, длинный языкъ... Дома не устояли бы на своихъ фундаментахъ, если бы я не имѣлъ собакъ, охраняющихъ стада и жилища».

«Творецъ видимыхъ существъ! Если въ домѣ маздейцевъ взбѣсится собака, то что должны дѣлать они? Ахура-Мазда отвѣтилъ: «Онъ долженъ лечить ее, какъ если бы это былъ настоящій человѣкъ». Если же онъ этого не сдѣлаетъ и животное околѣетъ, то и маздейцы становятся преступниками.

Какъ бы ни почтенна была сторожевая собака, во всякомъ случаѣ Ормуздъ питаетъ къ ней слишкомъ уже большое уваженіе. Собачій культъ, устанавливаемый *Авестой*, не прекра-

щается съ смертью собаки. Предписаніями относительно того, какъ слѣдуетъ обращаться съ трупами собакъ и людей, переполнена *Вендидада*.

Запрещается въ теченіе цѣлаго года обрабатывать землю, на которой пали собаки или умерли люди.

Тотъ, кто зарываетъ въ землю мертвыхъ собакъ или людей и въ теченіе года не вырываетъ ихъ труповъ, долженъ получить, въ искупленіе своего прегрѣшенія, тысячу ударовъ остроконечной палкой. Если же пройдетъ два года, то преступленіе на вѣки остается неискупаемымъ.

Сжиганіе труповъ считается тоже неизгладимымъ преступленіемъ. Съ другой стороны, ничто такъ не огорчаетъ землю, какъ если въ ней зарываютъ въ большомъ количествѣ мертвыхъ собакъ и людей.

Такимъ образомъ въ *Авестѣ* не приводится никакого различія между собакой и человѣкомъ, и Тавернье разсказываетъ, что Парсы подносятъ къ устамъ человѣка, находящаго въ агоніи, щенка, который долженъ пастью своею на ходу ловить душу умирающаго.

Двумя наиболѣе тяжкими преступленіями считается нести *одному* трупъ и совокупляться съ лицомъ другой вѣры. За первое изъ нихъ виновный подвергается сперва продолжительному заключенію, а затѣмъ, по достиженіи старости, обезглавленію. Второе преступленіе еще ужаснѣе: оно потрясаетъ всю вселенную. Совершившій его превращаетъ своимъ взглядомъ третью часть водъ въ грязную лужу, уничтожаетъ въ третьей части ростъ деревьевъ и травъ, лишаетъ чистыхъ людей одной трети ихъ хорошихъ мыслей и т. п.; онъ приноситъ болѣе вреда, чѣмъ змѣи и волки.

Наоборотъ, *Авеста* обнаруживаетъ терпимость и относится даже съ почтеніемъ къ брачнымъ союзамъ между родственниками, признаваемымъ большинствомъ народовъ кровосмѣсительными; она ничего не имѣетъ противъ брака между сестрой и братомъ, и даже еще изумительнѣе, противъ брака между сыномъ и матерью. Это—эндогамія, доведенная до возможной крайности, она шокируетъ насъ, а одна мысль о кровосмѣсительной связи съ матерью внушаетъ намъ чувство отвращенія:

все это только отъ того, что мы не получили особаго воспитанія.

Брама обнаруживаетъ не болѣе разсудительности, чѣмъ Ормуздъ, скорѣе даже менѣе.

Прежде всего теократическій кодексъ Ману устанавливаетъ на религіозныхъ основаніяхъ неравенство кастъ и выпадающихъ на ихъ долю обязанностей. Браминъ произошелъ изъ устъ Брамы; кшатрія—изъ руки его; вайсія изъ его ляшки; судра—изъ его ноги. Выше мы видѣли, что права, обязанности, отвѣтственность и наказанія измѣняются, смотря по общественному положенію. Но такого же рода несправедливость въ болѣе или менѣе замаскированной формѣ мы находимъ и во многихъ другихъ странахъ. Дѣйствительно же клерикальный элементъ въ кодексѣ Ману представляютъ осужденіе невинныхъ по существу дѣйствій, набожные рецепты, исполненіемъ которыхъ можно искупить грѣхи, и аскетическія предписанія.

Такъ напримѣръ, браминъ немедленно на мѣстѣ же своего преступленія подвергался разжалованію, если онъ продаетъ мясо, лакъ или соль. Если онъ торгуетъ молокомъ, то его обращаютъ черезъ три дня въ судру.

Вотъ поступки, которые оскверняютъ или низводятъ человѣка въ разрядъ разнаго сброда: «убивать коровъ... работать въ рудникахъ... нюхать предметы, которые не слѣдуетъ нюхать вслѣдствіе ихъ зловонія... убить осла, коня, верблюда, оленя, слона, козла, барана, рыбу, змѣя, буйвола... насѣкомое, червя, птицу, ѣсть то, что было принесено въ одной корзинѣ съ спиртнымъ напиткомъ и т. п.».

Очевидно, мы попали въ царство фантазіи, гдѣ все возможно; дѣйствія и поступки оцѣниваются не съ точки зрѣнія ихъ разумности и полезности, а соотвѣтственно ихъ клерикальнымъ мечтаніямъ. Такъ, для Ману, врачъ существо нечистое и оскверненное. «Его слѣдуетъ исключать изъ всякихъ церемоній въ честь боговъ или манъ»; пища, данная врачу, превращается въ гной и кровь. Браминъ обязанъ воздержаться отъ пищи врача и испорченнаго человѣка.

Встрѣчаются и другія весьма странныя предписанія. Такъ, не подобаетъ, чтобы чандалъ (сынъ судры и брамина), свинья,

пѣтухъ, собака, женщина во время менструацій и евнухъ смотрѣли, какъ ѣдятъ брамины. Браминъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ мыть ногъ въ тазу изъ желтой мѣди, ѣсть изъ разбитой посуды и пить, черпая воду горстью руки. Кто хочетъ долго жить, долженъ избѣгать наступать на волосы, пепелъ, кости, черепки отъ разбитой посуды, зерна хлопчатника, на шелуху зеренъ.

Не слѣдуетъ жениться на дѣвушкѣ, у которой рыжеватые волосы или которая носитъ имя созвѣздія, рѣки, птицы, змѣя и т. п. Пусть Двиджа остерегается ѣсть рыбу, грибы, мясо домашней свиньи, пѣтуха, или много лука и чеснока. Дать свое согласіе на убійство животнаго—равнозначительно самому убійству.

Подобно всѣмъ другимъ предписаніямъ, соблюдаемымъ втеченіе продожительнаго времени, эта священная этика породила соотвѣтственныя антипатіи. Индусамъ мясо быка, коровы и буйвола почти такъ же противно, какъ европейцамъ конина; браминъ скорѣе умретъ отъ жажды, чѣмъ согласится принять питье изъ рукъ представителя низшей касты. Калькутское королевское общество, получивъ одинъ экземпляръ Ведъ, напечатанныхъ англичанами, потребовало, чтобы его переплели въ шелкъ, а не въ телячью кожу.

Съ того момента, какъ поведеніе людей регулируется капризами боговъ, все становится возможнымъ; такъ напримѣръ желая угодить богинѣ Бгавани, Туги душили путешественниковъ.

Въ силу религіознаго благочестія почитаютъ пріапическій *лингамъ* и носятъ на шеѣ его изображеніе, а *девадаги* или священныя проститутки занимаются своимъ ремесломъ въ храмахъ. Никто не думаетъ оцѣнивать дѣйствительное значеніе поступковъ; такъ напримѣръ, убить брамина и отвѣдать спиртного напитка одинаково считаются чудовищными преступленіями.

Такимъ-же безразсудствомъ отличается и тотъ способъ, которымъ искупаются или заглаживаются содѣянные проступки или преступленія.

Убійство брамина искупается спасеніемъ отъ смерти коровы; но Двиджа, который *сознательно* напился спиртнымъ напит-

комъ, долженъ, для искупленія, пить воспламенное питье или до смерти упиться коровьей мочей, водой, молокомъ, очищеннымъ теплымъ масломъ, сокомъ, выжатымъ изъ коровьяго помета.

Самою главною обязанностью, говоритъ Ману, сравнительно съ которой всѣ другія имѣютъ второстепенное значеніе, это—ежедневное повтореніе священнаго слога изъ трехъ буквъ «*Аит*» трехъ словъ *Bhour*, *Bhouva*h, *Swar* и *Savitri*. Если кто нибудь ежедневно, втеченіе мѣсяца, будетъ повторять эти магическія слова, задерживая при этомъ 16 разъ дыханіе, то онъ можетъ искупить даже грѣхъ убійства брамина. Точно также ежедневное повтореніе опредѣленныхъ текстовъ освобождаетъ отъ неменѣе ужаснаго преступленія—употребленія спиртныхъ напитковъ.

Если брамину случится преслѣдовать собаку около храма Сивы и убить ее палкой на порогѣ храма, то за такое славное дѣяніе ему не только простятся всѣ его прегрѣшенія, но онъ будетъ даже допущенъ въ рай Сивы. Очищеніе посредствомъ *Паншакаріяна*, т. е. питья, состоящаго изъ пяти ингридіентовъ, получаемыхъ отъ коровы: молока, масла, простокваши, кала и мочи, влечетъ за собой отпущеніе всѣхъ грѣховъ, «совершенныхъ съ полнымъ сознаніемъ». Купаніе въ извѣстныхъ рѣкахъ или прудахъ, паломничества приводятъ къ такимъ-же благодѣтельнымъ результатамъ. Смерть въ Бенаресѣ обезпечиваетъ рай даже лицамъ, изгнаннымъ изъ всѣхъ классовъ, *out casts*, и невѣрнымъ.

Паломничества совершаются иногда весьма страннымъ образомъ. Такъ, видѣли людей, которые дѣлали болѣе 300 миль, простираясь по землѣ, т. е., выйдя изъ дому, они ложились во всю длину своего роста, съ вытянутыми руками, затѣмъ вставали и начинали снова продѣлывать тоже, становясь всякій разъ ногами на то самое мѣсто, гдѣ прежде приходились руки.

Однимъ словомъ, вся суть въ соблюденіи обрядовъ и формулъ. Жрецъ, знающій на память Ригъ-Веды, можетъ получить отпущеніе грѣховъ, даже если-бы онъ зарѣзалъ обитателей трехъ міровъ или съѣлъ мясо, поданное самыми низкими руками.

Но умоизступленіе доходитъ до чистаго бреда, когда, безъ малѣйшаго намека на критическое отношеніе, проповѣдуется

слѣдующая общая теорія: вселенная управляется богами; боги повинуются *Мантрасамъ* (ведическимъ молитвамъ), брамины завѣдуютъ *Мантрасами*; слѣдовательно, они располагаютъ властью боговъ.

Неискупленные грѣхи опредѣляютъ собою неизбѣжно судьбу людей какъ въ этой жизни, такъ и въ будущей. Грѣхи и добрыя дѣла, содѣянныя здѣсь на землѣ, регулируютъ переселеніе душъ и родъ его. Счастье и горе на землѣ вытекаютъ изъ предшествующихъ существованій; всякое доброе дѣло вознаграждается, всякое злое—наказуется: болѣзни тѣ-же наказанія. Все это впрочемъ написано на черепѣ каждаго человѣка: черепные швы, это—строки этой, заранѣе записанной, исторіи человѣка, а зазубрины на черепныхъ костяхъ—это буквы. Такимъ образомъ, все предопредѣлено и этого предопредѣленія не въ силахъ нарушить всѣ божества, даже соединивъ свои усилія.

Впрочемъ брамины, пользующіеся заслуженной репутаціей святости, прославленные подвижники-аскеты бываютъ или могутъ быть даже болѣе могущественны, чѣмъ сами боги; слѣдовательно, ихъ нужно награждать и притомъ постоянно. «Какъ только человѣкъ далъ обѣтъ жить милостыней, говоритъ одинъ изъ редакторовъ *Назидательныхъ Писемъ*, онъ можетъ быть увѣренъ, что не испытаетъ нужды». Истратить очень много денегъ на бракъ брамина, значитъ совершить чрезвычайно похвальный поступокъ,—случается, что иногда отъ этого разоряются.

Конечно, священный кодексъ Ману рекомендуетъ также и нѣкоторыя полезныя дѣйствія и осуждаетъ нѣкоторыя изъ признаваемыхъ преступными во всѣхъ человѣческихъ обществахъ; но идеалъ браминизма заключается во всякомъ случаѣ не въ хорошемъ гражданинѣ, не въ полезномъ членѣ общества, а въ аскетѣ; высшими добродѣтелями поэтому признается отшельничество и умерщвленіе плоти.

Вступивъ въ бракъ и уплативъ такимъ образомъ *долгъ предковъ*, т. е. произведя дѣтей, старѣющій браминъ обязанъ затѣмъ удалиться въ лѣса. Здѣсь «пусть онъ катается по землѣ или втеченіе цѣлаго дня стоитъ на цыпочкахъ; пусть

онъ попеременно то встаетъ, то садится». Въ жаркое время года пусть онъ подвергаетъ себя пылу пяти огней (изъ нихъ четыре вокругъ него, а солнце надъ его головой).

Слѣдуетъ обуздывать свои органы. «Человѣка, который слышитъ, осязаетъ, видитъ, вкушаетъ и обоняетъ предметы, могущіе ему нравиться или внушать отвращеніе, и при этомъ не испытывая ни радости, ни печали, должно признать за лицо, укротившее свои органы чувствъ».

Въ *Бхагавадъ Гитѣ* самъ Вишну рисуетъ образъ мудреца, соотвѣтствующій религіознымъ предписаніямъ.

«Когда онъ подавилъ въ себѣ всякія желанія, когда онъ остался непоколебимъ при всякихъ превратностяхъ судьбы, не предался радости при успѣхѣ, когда онъ сталъ чуждъ любви, страху, гнѣву, тогда его можно признать отшельникомъ, твердымъ въ мудрости...

«Если онъ подобно тому, какъ черепаха, вбираетъ въ себя всѣ свои члены, охраняетъ свои органы отъ дѣйствія ощущаемыхъ предметовъ, то мудрость окрѣпла въ немъ...

«Человѣкъ, одинаково относящійся къ врагамъ и друзьямъ, почестямъ и позору, холоду и жарѣ, наслажденію и страданію, не испытывающій никакихъ желаній...

«Равнодушный къ осужденію и похвалѣ, молчаливый, всегда довольный, не имѣющій крова, непоколебимый въ своей мысли, мой служитель,—человѣкъ, который дорогъ мнѣ».

Почти безполезно указывать на то, что вся эта аскетическая мораль антисоціальна, а слѣдовательно и безнравственна. Если вѣрить епископу Эберу, эта безсмысленная этика принесла свои плоды: «Я никогда не видѣлъ, говоритъ онъ объ индусахъ, человѣческой расы, которой нравственный уровень былъ бы болѣе низокъ, людей, которые менѣе стѣснялись бы, когда ихъ уличаютъ на мѣстѣ преступленія въ обманѣ, которые оставались бы болѣе равнодушны къ страданіямъ своихъ сосѣдей, если только послѣдніе не принадлежатъ къ ихъ кастѣ или семьѣ; обычный разговоръ которыхъ былъ-бы такъ циниченъ и которые съ меньшимъ отвращеніемъ проливали-бы кровь въ глухихъ мѣстностяхъ, гдѣ законы обыкновенно бездѣйствуютъ». По словамъ того-же наблюдателя, клятво-

преступленіе въ Индіи самое обыденное явленіе и на него смотрятъ, какъ на пустяшное дѣло: убійства также очень нерѣдки, обыкновенно они заранѣе долго обдумываются и совершаются самымъ гнуснымъ образомъ; особенно часто зарѣзываются женщины изъ за ревности, а дѣти исключительно съ тою цѣлью, чтобы воспользоваться носимыми драгоцѣнностями.

Я умышленно остановился нѣсколько долѣе на религіозной морали браманизма. Это позволитъ мнѣ быть болѣе краткимъ когда рѣчь коснется другихъ религіозныхъ моралей. Несомнѣнно, что предписанія измѣняются, смотря по вѣрованіямъ, но они всегда обладаютъ одинаковымъ характеромъ безразсудства, ребячества.

Нѣкоторый духъ гуманности возвышаетъ въ нравственномъ отношеніи религію Будды. Она проповѣдуетъ исконное равенство всѣхъ людей: «Кожа, мясо, кости и голова одинаковы у всѣхъ людей, одни лишь украшенія и уборы создаютъ различія. Въ религіозномъ отношеніи женщина равна мужчинѣ; она можетъ вступать въ монашескіе ордена и т. п. Но, какъ и въ христіанскомъ ученіи, это равенство, проповѣдуемое Буддой, относится главнымъ образомъ къ жизни духовной, а не къ реальной. Впрочемъ, нѣтъ ничего презрѣннѣе реальной жизни; это мѣсто наказанія; всякое существованіе — зло и наивысшее добро заключается въ небытіи, въ *нирванѣ*. Такого завиднаго самоуничтоженія можно достигнуть путемъ аскетизма, безбрачія, смиренія, безусловной покорности, а также милосердія къ животнымъ, щадя жизнь даже вредныхъ животныхъ, выкупая пойманныхъ рыбъ и выпуская ихъ затѣмъ въ воду и т. п. Въ одной легендѣ разсказывается, что Будда накормилъ собственнымъ тѣломъ голодную тигрицу. Мораль буддизма, какъ и браманизма, совершенно упустила изъ виду общественную пользу, и въ буддійскомъ декалогѣ заповѣдь не имѣть слишкомъ широкую кроват имѣетъ такое же важное значеніе, какъ и заповѣди не убивать, не воровать и не лгать.

Еврейская нравственность имѣетъ менѣе широкій размахъ: она была создана для малочисленнаго народа и не толкуетъ ни о любви къ животнымъ, ни даже о гуманности. Тѣмъ не менѣе она отличается нѣкоторыми сравнительно возвышенными сторо-

нами, уже отмѣченными мною выше и объясняемыми въ сущности болѣе высокой степенью умственнаго развитія евреевъ въ то время. Во всемъ же, что имѣетъ клерикальный характеръ іеговизмъ столь же абсурденъ, какъ и брамаизмъ.

Ученіе евреевъ переполнено предписаніями жестокими или безсмысленными. По этому ученію неискупаемыми грѣхами являются идолопоклонство и богохульство. Слѣдуетъ предавать безпощадному избіенію камнями всякого, кто склоняетъ другого человѣка къ идолопоклонству, будь это даже сынъ, дочь, братъ или жена. Слѣдуетъ истреблять обитателей и животныхъ и даже домашнюю утварь во всѣхъ тѣхъ языческихъ городахъ, гдѣ были случаи обращенія іудеевъ въ язычество.

Человѣкъ, провинившійся въ богохульствѣ, долженъ быть побитъ камнями такъ же, какъ и колдунъ. Смерть всякому, кто обратится къ чародѣямъ. Подобнаго рода правосудіе мы встрѣчали уже у негровъ Центральной Африки. Такое же пристрастіе, какъ у нѣкоторыхъ идоловъ прибрежныхъ обитателей Нигера, сказывается и у іеговы къ запаху жаренаго жира. Поѣсть этого священнаго жира считается у евреевъ преступленіемъ, достойнымъ смерти.

Тоже наказаніе постигнетъ и человѣка, поѣвшаго кровь.

По отношенію къ врагу предписывается дикая жестокость. Все мужское населеніе городовъ, взятыхъ приступомъ, должно быть уничтожено мечемъ. Если же рѣчь идетъ о городахъ, которые предназначены въ наслѣдіе Израилю, то все населеніе должно быть вырѣзано поголовно.

Въ другомъ мѣстѣ говорится, что всякая дѣвушка, выходящая замужъ, потерявши уже свою дѣвственность, заслуживаетъ побіенія камнями.

Впрочемъ женщина признается за существо нечистое. Прикоснуться къ ней, когда у нея менструація, или къ какому-либо предмету, находившемуся въ прикосновеніи съ ней въ это время, дѣлаетъ человѣка нечистымъ до вечера.

Она считается нечистой также впродолженіи семи дней послѣ родовъ мальчика, и впродолженіи двухъ недѣль послѣ родовъ дѣвочки.

Самыя странныя предписанія высказываются совершенно

серьезнымъ и торжественнымъ тономъ; воспрещается стричь волосы въ кружокъ или бриться. Дозволяется ѣсть мясо четвероногихъ животныхъ, отрыгающихъ жвачку и имѣющихъ двураздѣльныя копыта; но воспрещается ѣсть зайцевъ и кроликовъ, которые *хотя безъ сомнѣнія и жвачные*, но не имѣютъ раздвоенныхъ копытъ. Слѣдуетъ также усердно воздерживаться отъ употребленія въ пищу нѣкоторыхъ фантастическихъ животныхъ, имѣющихъ одновременно четыре ноги и крылья и т. д. и т. д.

Если эти предписанія кажутся иногда странными, то и средства, которыми человѣкъ можетъ загладить свои прегрѣшенія, не отличаются большею разумностью. Обнаруживается особенная страсть до жертвъ. Нѣкогда для этой цѣли, какъ мы видѣли, требовалось жертвоприношеніе первенца; позднѣе довольствуются животными. За теленка прощается грѣхъ, совершенный по незнанію; нарушенная клятва — за молодого ягненка или козу; за безпорочнаго барана—мошенничество или обманъ. За козла отпущенія отпускаются грѣхи всего Израильскаго народа.

Коранъ не отличается большимъ здравымъ смысломъ: онъ требуетъ, чтобы не употребляли въ пищу кровь и мясо свиньи или животныхъ, задавленныхъ, забитыхъ, разбившихся при паденіи или початыхъ хищными звѣрями. По ученію Магомета, какъ и по еврейскому, главное достоинство человѣка заключается въ томъ, чтобы онъ былъ правовѣрнымъ. Воспрещается любить невѣрнаго, будь это отецъ, сынъ, братъ или союзникъ. Правовѣрный вознаграждается въ этой жизни богатой добычей, отобранной у невѣрныхъ, а въ раю—пребываніемъ въ дивныхъ садахъ, населенныхъ черноокими гуріями и т. п.

Напротивъ, отверженные будутъ пить воду горячую, какъ расплавленный металлъ, а также и гной.

Въ сущности всѣ антропоморфическія религіи сходны, будутъ-ли онѣ монотеистическія, подобно еврейству и магометанству, или политеистическія, подобно греко-римской религіи. Съ теологической точки зрѣнія главнѣйшій вопросъ всей нравственности заключается въ томъ, чтобы заслужить благоволеніе сверхестественныхъ существъ или существа, которыхъ опасаются и

которымъ поклоняются, и въ особенности, чтобы не навлечь на себя ихъ неудовольствія.

Впрочемъ греко-римскіе боги заботились менѣе, чѣмъ персидскіе, индійскіе и еврейскіе о ходячей нравственности: они не были творцами нравственнаго закона, а только какъ бы гарантировали его примѣненіе. Нѣкоторые проступки считались прямыми оскорбленіями божествъ, и въ силу этого ихъ приходилось искупать. Моммзенъ утверждаетъ, что, по крайней мѣрѣ, въ первобытные вѣка античнаго міра приговоры къ смертной казни признавались за послѣдствіе проклятія оскорбленныхъ боговъ. Воровать ночью плоды напримѣръ значило совершать кражу во вредъ Церерѣ и т. п.

Величайшей наградой считалась возможность послѣ смерти принимать участіе въ жизни позднѣйшихъ поколѣній и оказывать имъ покровительство и помощь.

Это была все та же земная жизнь, о которой въ особенности заботился здравый практическій умъ древнихъ. Гезіодъ вѣрилъ, что тѣни людей золотого вѣка превратились въ добрыхъ геніевъ и что они пробѣгаютъ землю съ одного конца до другого, расточая богатство и наказывая за несправедливость; души же злыхъ людей мучаются сами и мучаютъ людей подъ видомъ ларвовъ и лемуровъ.

Эти вѣрованія пользовались широкимъ распространеніемъ, но въ нихъ не было ни обязательныхъ догматовъ, ни оффиціально предписываемой нравственности.

Полное отсутствіе теократическаго кодекса; ничего похожаго на придирчивый и часто свирѣпый деспотизмъ великихъ азіатскихъ религій; въ особенности же полное отсутствіе аскетизма и ученія объ отреченіи; единственное исключеніе представляетъ только ученіе, которое проповѣдывали стоики и которое было съ такимъ рвеніемъ усвоено христіанствомъ.

Въ общемъ греко-римская мораль со всѣми своими достоинствами и недостатками носила свѣтскій и, главнымъ образомъ, гражданскій характеръ. Явилось христіанство и совершенно измѣнило конечную цѣль этики. Земная жизнь стала съ этого времени разсматриваться какъ временное мѣстопребываніе, какъ ссылка; нужно было стремиться прибыть въ небесный Іеруса-

лимъ. Для этого необходимо было повиноваться велѣніямъ, выдаваемымъ за божественныя, не заботясь о послѣдствіяхъ отъ этого въ этой жизни. Главная обязанность это—любить Бога и повиноваться ему; главная опасность для добродѣтели это—грѣхъ. Къ тому же этого грѣха, по увѣренію Св. Августина, можно избѣжать только по милости Божіей и съ Его помощью.

Въ глазахъ древнихъ философовъ смерть была жестокой необходимостью, слѣдствіемъ неизбѣжнаго закона; для католиковъ же она представляется слѣдствіемъ первороднаго грѣха и возбуждаетъ ужасъ, такъ какъ по смерти душа имѣетъ тысячу шансовъ быть поглощенной волнами подземнаго огня; грѣшники будутъ вѣчно въ немъ горѣть, и видъ ихъ мученій, по мнѣнію Св. Григорія, наполнитъ радостью сердца праведниковъ.

Этотъ страхъ передъ муками въ преисподней служилъ, какъ извѣстно, главнымъ средствомъ, которымъ пользовалось христіанство для внѣдренія въ умахъ людей своей морали. Это средство мало дѣйствительно для вѣрующихъ, но оно, конечно, очень благородное.

Совершенно основательно было указано, что античныя добродѣтели отличались собственно мужскимъ характеромъ: то была храбрость, великодушіе и въ особенности патріотизмъ. Христіанство же, наоборотъ, направило всѣ свои усилія къ выработкѣ въ людяхъ женскаго характера; обращаясь не къ разуму, а къ эмотивной сторонѣ человѣческой психики, прославляя смиреніе, кротость, божественную любовь, цѣломудріе и вѣру. Въ особенности же вѣру, слѣпую вѣру, оно сдѣлало изъ нея первую обязанность: *Credo quia absurdum.*

Идеалъ древнихъ былъ, преимущественно, гражданскій и патріотическій; христіанскій же идеалъ проникнутъ аскетизмомъ. Христіанинъ придаетъ самое ничтожное значеніе земному отечеству, и завербованный въ войска христіанинъ иногда отказывался служить, несмотря даже на мученія за отказъ.

Воздержаніе, отреченіе и умерщвленіе плоти—вотъ самыя надлежащія средства для достиженія святости.

Такимъ-то образомъ правовѣрные католики стали подражать аскетическому отрѣшенію индусовъ отъ дѣйствительной жизни и даже превзошли ихъ. По возможности нужно было ста-

раться, стать монахомъ, или, по крайней мѣрѣ, регулировать свой образъ жизни согласно монашескому идеалу, вести машинальное существованіе и вовсе не думать: «Монахъ, говоритъ одинъ изъ параграфовъ устава августинцевъ, долженъ позволить руководить собой, какъ убойной скотиной, и быть въ постоянномъ послушаніи и т. д.».

Монашество стало распространяться въ ужасающихъ размѣрахъ: Св. Пахомъ управлялъ семью тысячами отшельниковъ; во времена Св. Жерома происходили собранія пятидесяти тысячъ монаховъ.—Такъ какъ тѣло глубоко презиралось, то о немъ вовсе не заботились; нечистоплотность считалась угодной Богу: Св. Антуанъ никогда не мылъ своихъ ногъ; Св. Аммонъ ни разу не видалъ себя всего голымъ; Сильвія, прекрасная шестнадцатилѣтняя дѣвственница, никогда не мыла ничего другого у себя, кромѣ рукъ и т. п. Паулина и Меланія, духовнымъ отцемъ которыхъ былъ св. Жеромъ, считали, «что ванны грязнятъ».

Аскетическому воздержанію индусовъ не только стали подражать, но даже значительно его превзошли. Св. Меланія, потерявъ мужа и двухъ сыновей, падаетъ на колѣна и благодаритъ за это Бога, такъ какъ теперь ей будетъ возможно посвятить себя вполнѣ служенію Ему. Хорошо оставить свою мать, бросить своихъ дѣтей, чтобы вести аскетическую жизнь. Эвагрій сжегъ, не прочитавши, письма своихъ родителей, которыхъ онъ очень давно не видалъ.

Св Григорій разсказываетъ, что одинъ молодой монахъ, не будучи въ силахъ сдержать свою сыновнюю любовь, пошелъ тайно ночью навѣстить своихъ родителей; Богъ наказалъ его за это внезапной смертью.

Но добродѣтелью изъ добродѣтелей считается цѣломудріе,—все, что имѣетъ отношеніе до половой связи, было признано позорнымъ. Женщина является самымъ страшнымъ врагомъ; она должна стыдиться своего пола, своей красоты, своей одежды. Бракъ былъ только едва терпимъ: «Лучше вступить въ бракъ, чѣмъ сгорѣть», говоритъ Св. Павелъ. Св. Жеромъ же находитъ въ бракѣ только одну хорошую сторону: благодаря ему, появляются дѣвственницы.

Тотъ же святой съ пылкимъ энтузіазмомъ говоритъ объ

одномъ молодой дѣвушкѣ, по имени Аселля, которая съ двѣнадцати лѣтъ стала вести монашескую жизнь и съ тѣхъ поръ никогда болѣе не посмотрѣла прямо въ лицо ни одному мужчинѣ; вся ея жизнь проходила въ одномъ непрестанномъ моленіи, такъ что у нея всѣ колѣна были, какъ у верблюда, въ мозоляхъ. Зиновія находилась вмѣстѣ съ мужемъ ровно столько времени, сколько необходимо для того, чтобы имѣть дѣтей, а Св. Блезилія, оставшись вдовой черезъ семь мѣсяцевъ послѣ замужества, одинаково сожалѣла о потерѣ дѣвственности, какъ ею самой, такъ и ея покойнымъ мужемъ. Проповѣдывалось, что идеаломъ каждой женщины долженъ быть отказъ отъ замужества и поступленіе въ монахини, при чемъ это проповѣдывалось часто какъ выраженіе мистической любви, какъ мистическій бракъ. Св. Жеромъ въ утѣшеніе матери дѣвственницы Евстахіи, поступившей въ монахини, говоритъ, что она сама стала теперь «тещей Бога».

Всѣ отцы церкви и соборы единогласно считаютъ всякую половую связь, помимо брака, преступной.

Одной молодой женщинѣ, которая попросила Св. Арсенія молиться за нее, онъ отвѣтилъ: «я долженъ всю жизнь молиться о томъ, чтобы забыть васъ».

Какъ только при Константинѣ христіанство восторжествовало, то не только были оставлены, но еще значительно усилены разнообразныя прежнія суровыя наказанія противъ половыхъ проступковъ. Прелюбодѣяніе стало считаться преступленіемъ, заслуживающимъ смертной казни; содомитовъ топили, обезглавливали, сожигали или подвергали всевозможнымъ пыткамъ, вдохновляясь закономъ возмездія.

Казалось бы, что христіанство, стремившееся къ уничтоженію рода человѣческаго, должно было бы относиться къ самоубійству съ уваженіемъ, какъ это было въ античномъ мірѣ; однако оно признавалось убійствомъ, такъ какъ самоубійца губилъ свою душу. Впрочемъ одинъ видъ самоубійства составлялъ предметъ горячихъ стремленій фанатиковъ, это—мученическая смерть. Такъ Тертулліанъ повѣствуетъ, что въ Малой Азіи все христіанское населеніе одной мѣстности пришло къ проконсулу и умоляло его предать ихъ смерти. Тотъ, спросивъ

сперва—развѣ для нихъ недостаточно пропастей, и т. п., согласился казнить небольшое число изъ нихъ. Св. Перпетуя ринулась на мученичество, не взирая на мольбы своего отца и т. п. Гагіографія полна фактами такого рода.

Тѣмъ не менѣе относительно самоубійства христіанство произвело нѣчто вродѣ нравственной революціи, дѣйствительно благодѣтельной.

То же самое было и относительно плодоизгнанія и дѣтоубійства, которымъ античный міръ не придавалъ особенно большого значенія. Христіанство же осудило подобныя преступленія, преслѣдовало ихъ, но отнюдь не по чувству гуманности, а потому, что смерть зародыша и некрещеннаго новорожденнаго влекла за собой страшное послѣдствіе ввидѣ вѣчнаго осужденія на адскія муки.

По отношенію къ рабству христіанство привело также къ нѣкоторымъ полезнымъ результатамъ. Не потому, чтобы оно осуждало рабство по существу. Св. ап. Павелъ, наоборотъ, совѣтуетъ рабамъ изъ христіанъ быть болѣе кроткими, чѣмъ другіе; онъ провозглашаетъ, что рабъ есть единственная собственность, которую христіане могутъ сохранить, и клеймитъ гордецами и глупцами тѣхъ, кто проповѣдуетъ противное (Первое посланіе къ Тимофеямъ). Такъ въ Европѣ духовныя лица дольше всѣхъ другихъ удерживали рабовъ. Христіанское ученіе, какъ извѣстно, проповѣдуетъ, что равенство не отъ міра сего и прославляетъ рабскія добродѣтели; тѣмъ не менѣе духовенство вело дѣятельную пропаганду въ пользу освобожденія рабовъ. Св. Меланія освободила восемь тысячъ рабовъ; Св. Овидій освободилъ пять тысячъ; было разрѣшено жениться на вольноотпущенной и т. п.

Пауперизмъ былъ признанъ столь же законнымъ, какъ и рабство: *Semper pauperes habetis vobiscum*, сказалъ Св. Матѳей, и на практикѣ, какъ это всѣмъ хорошо извѣстно, духовенство вовсе не обрекало себя на отрѣшеніе отъ земныхъ благъ. Втеченіе цѣлыхъ вѣковъ оно настойчиво рекомендовало набожнымъ людямъ завѣщать свои имущества церкви, а въ противномъ случаѣ угрожало отказомъ въ исповѣди, что означало умереть невѣрующимъ. Вотъ почему въ XVIII в. третья часть французской территоріи принадлежала духовенству.

Затѣмъ увѣщевали подавать милостыню, которая доставляла подающимъ обильныя выгоды духовнаго свойства, въ особенности если милостыня подавалась монахамъ, но впослѣдствіи казуисты Санхезъ, Эскобаръ и друг. доказали, что у свѣтскихъ людей и даже у королей не бываетъ избытковъ, когда имъ приходится заботиться о поднятіи своего положенія, престижа и т. п. Тѣмъ не менѣе христіанство, съ одной стороны, въ значительной степени способствовало тому, что Европа покрылась благотворительными учрежденіями, а, съ другой стороны, съ самаго своего возникновенія оно опредѣленно высказалось противъ кровавыхъ игръ въ циркахъ. Въ 329 г., послѣ Никейскаго собора, Константинъ издалъ особый указъ, которымъ были осуждены игры въ циркѣ, а въ Римѣ послѣдній бой гладіаторовъ происходилъ въ 404 г.

Все это несомнѣнныя заслуги; но, помимо его антигуманныхъ и антисоціальныхъ доктринъ, мы не можемъ забыть о его тираннiи надъ умомъ и тѣломъ. Античный міръ, въ особенности римская имперія, съ ея пантеономъ всевозможныхъ боговъ, соблюдалъ религіозную терпимость до того дня, пока христіанство не стало подкапываться подъ самый его политическій строй. Тогда у христіанъ появились мученики, которыя, конечно, достойны восхищенія: что можетъ быть возвышеннѣе принесенія въ жертву своей жизни ради того, что человѣкъ считаетъ истиной. Но какъ только гонимые раньше захватили въ свои руки власть, они значительно превзошли жестокостью своихъ преслѣдователей. Исповѣданіе языческаго культа стало считаться государственной измѣной, за которую, по кодексу Ѳеодосія, безъ всякаго снисхожденія полагалась смертная казнь; храмы, даже наиболѣе прекрасные, были разрушены, идолы уничтожены и т. п. Церковь открыто присвоила себѣ право преслѣдованія и широко пользовалась имъ, начиная отъ Константина и Ѳеодосія, до самаго порога современной исторіи. Лоранъ опредѣляетъ въ пятьсотъ тысячъ число семей, погубленныхъ инквизиціей въ одной лишь континентальной Испаніи, тамъ же было сожжено около тридцати двухъ тысячъ человѣкъ, такъ какъ церковь *abhorret a sanguine* и т. д. Гроціусъ считаетъ, что въ однихъ лишь Нидерландахъ, при Карлѣ V, было осуждено и казнено сто тысячъ

еретиковъ и т. д. А между тѣмъ, по разсчету Гиббона, во время великаго гоненія Діоклетіана погибло не болѣе двухъ тысячъ христіанъ.

На этомъ я и заканчиваю перечисленіе. По обыкновенію я заставилъ самые факты говорить за себя. Они краснорѣчивы и достаточно громко свидѣтельствуютъ о добрѣ и злѣ, принесенномъ нравственности различными религіями. Конечно, онѣ способствовали обузданію въ человѣкѣ вредныхъ наклонностей, присоединивъ къ уздѣ, налагаемой закономъ, еще и узду религіозныхъ жестокостей; но ихъ спеціальное воздѣйствіе выразилось, какъ мы уже видѣли, въ уклоненіи нравственнаго чувства. Религіозная этика оцѣниваетъ поступки человѣка не по ихъ общественному значенію, а сообразно фантазіи клерикальнаго свойства или соображеній о загробной жизни. Для нея ѣсть запрещенныя или нечистыя яства, иногда, считается гораздо болѣе серьезнымъ преступленіемъ, чѣмъ совершить убійство; аскетизмъ, по ученію нѣкоторыхъ религій, составляетъ высшую добродѣтель. Наконецъ, когда мораль выводится изъ божественнаго начала, то она въ силу этого самаго не только признается неподвижной и не подлежащей дальнѣйшему совершенствованію, но даетъ еще право распространять ее, въ случаѣ надобности, огнемъ и мечемъ.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи пальма первенства безспорно принадлежитъ христіанству. На зарѣ своего возникновенія оно, конечно, имѣло также своихъ мучениковъ, но оно само обрекло на мученичество гораздо большее число; прославляя своихъ, позоря другихъ, пріучая между прочимъ людей къ мысли о томъ, что слѣдуетъ жизнью своей жертвовать ради своей вѣры,—ученіе это имѣетъ свою цѣну, но не окупаетъ потоковъ крови, пролитыхъ имъ. Справедливость требуетъ также зачесть въ активъ многихъ религій распространеніе ими понятій о братствѣ, гуманности и милосердія, которыя, оставаясь даже простыми ораторскими украшеніями, не лишены извѣстнаго значенія.

Итакъ главный выводъ, вытекающій изъ всего нашего изслѣдованія, заключается въ томъ, что не слѣдуетъ искать въ религіозныхъ концепціяхъ правилъ, регулирующихъ нравы. Одни лишь боги Эпикура отличались мудростью. Вкушать амброзію,—вотъ въ чемъ состояло ихъ главное занятіе; они игнорировали такихъ микроскопическихъ животныхъ, какъ люди.

«Довольные своими благами, они не ищутъ другихъ, и, не вѣдая никакихъ бѣдствій, игнорируютъ наши; ни порокъ ни добродѣтель, ни сожалѣніе, ни гнѣвъ не имѣютъ надъ ними силы; они слишкомъ далеки отъ насъ» (Лукрецій, кн I) [1].

Но другіе боги были надоѣдливы, отличались деспотическими наклонностями; безъ толку они вмѣшивались въ наши дѣла; вотъ почему ради соціальнаго прогресса необходимо напомнить имъ, что ихъ царство не отъ міра сего и исключить ихъ изъ него.

ГЛАВА XIX.

МЕТАФИЗИЧЕСКІЯ УЧЕНІЯ О НРАВСТВЕННОСТИ.

I. *Религія и метафизика.*—Метафизика есть утонченная форма религіи.—Нравственность *dillettanti.*

II. *Метафизическая нравственность въ античномъ мірѣ.* — Точка отправленія метафизической морали.—Платонизмъ.—Неоплатонизмъ.—Аристотелевская мораль.—Мораль стоиковъ.—Ея сходство съ нашей моралью. - Гордость стоиковъ.—Пассивность стоической морали.—Ея утонченность.—Стоицизмъ, какъ послѣдній отблескъ первобытной энергіи.

III. *Ученіе о нравственности современныхъ метафизиковъ.*—Его презрѣніе къ опыту.—Критика, которой подвергнулъ его Шопенгауэръ.—Кантіанская мораль *a priori.*—Идея о долгѣ по Канту.—Добро безъ наслажденія.—Критика Шиллера. Основное правило ученія о нравственности Канта.—Понятіе о не-матеріальности и о небытіи.—Метафизическая и миѳологическая мораль.—*Я* по Жуффруа.—Нравственная обязательность, какъ первичный фактъ, по Жерюзе.—Изреченіе Бентама.—Монтэнь и метафизика.—Научная мораль.

I.—Религія и метафизика.

Вслѣдъ за религіозной моралью совершенно естественно наступаетъ метафизическая мораль,—утонченная форма религіозной морали.

---

[1]) Satisfaits de leurs bens, ils n'en cherchent pas d'autres,
Et, libres de tous maux, ils ignorent les nôtres,
Ni vice, ni vertu, ni pitié, ni courroux
N'ont de prise sur eux; ils sont trop loin de nous.

Lucrèce, liv. I-er. (Traduction d'A. Lefèvre).

Въ теченіе періода, длившагося никакъ не менѣе тысячелѣтія, сознаніе первобытнаго или мало развитого человѣка было полно всевозможными анимическими представленіями; весь внѣшній міръ онъ населилъ миѳическими созданіями, простыми отраженіями своей ребяческой мысли. Эти фантастическія существа заполняли для него громадный невѣдомый міръ вселенной, а когда нравственная задача встала передъ его сознаніемъ, то онъ естественно обратился за ея разрѣшеніемъ къ созданнымъ имъ богамъ. Устами своихъ жрецовъ они преподали нравственныя правила и преподали ихъ въ формѣ обязательныхъ предписаній; такъ какъ предполагалось, что боги или ихъ глашатаи обладаютъ одновременно всемогуществомъ и всевѣдѣніемъ. За нарушеніе нравственности на землѣ наказаній не налагалось; предполагалось, что наказаніе постигнетъ преступника на томъ свѣтѣ; такъ какъ на этой степени своего развитія человѣкъ твердо вѣритъ въ существованіе *post mortem* и кромѣ того имѣя потребность въ справедливости, почти отсутствующей на землѣ, внѣ-земной міръ является для него какъ бы убѣжищемъ, утѣшеніемъ, дающимъ ему возможность терпѣливо переносить всѣ горести своего земного существованія: онъ крѣпко держится своей вѣры въ существованіе другой и лучшей жизни; эта вѣра для успокоенія его совѣсти является необходимымъ равновѣсіемъ.

Но по мѣрѣ того, какъ развивается разумъ, накопляется знаніе, грубый антропоморфизмъ первыхъ вѣковъ становится все болѣе и болѣе недопустимымъ. Въ это-то время и появляются метафизики; предоставляя толпѣ вѣрить въ олицетворенія высшей силы съ опредѣленными формами, они, при помощи утонченныхъ умопостроеній, приходятъ въ концѣ концовъ къ обоготворенію чистѣйшихъ абстракцій. Первые боги имѣли то преимущество, что они представлялись въ сознаніи людей какъ личности, какъ существа, состоящія изъ тѣла и крови. Разъ ихъ существованіе было допущено, все остальное вытекало уже совершенно логически и естественно. Наоборотъ, метафизическія же концепціи — безкровны; ихъ не только невозможно любить или ненавидѣть, но даже и представить себѣ. Это—выдохнувшіеся, расплывшіеся и совершенно непонятные

боги; но для людей недалекихъ и слабохарактерныхъ такіе боги служатъ прикрытіемъ дѣйствительности, которой они не дерзаютъ взглянуть въ глаза, и даютъ возможность сохранить связь съ прошлымъ. Такимъ образомъ метафизическая мораль является просто тѣнью религіозной морали, по образцу которой она сложилась; но она далеко не имѣла такого громаднаго вліянія, какое имѣла эта послѣдняя. Грубый здравый смыслъ не признаетъ ея: это—мораль *dilletanti*.

Въ планъ настоящаго сочиненія не входитъ дать подробную исторію метафизической морали. Моя единственная цѣль это ясно показать, что эта мораль совершенно лишена содержанія и что метафизическій методъ еще болѣе, чѣмъ теологическій методъ, безсиленъ разрѣшить этическую проблему.

А для этого мнѣ придется вкратцѣ разсмотрѣть метафизическую мораль какъ древнихъ метафизиковъ, такъ и современныхъ.

II.—Метафизическая нравственность въ античномъ мірѣ.

Чтобы не слишкомъ распространяться, я займусь лишь разсмотрѣніемъ нравственныхъ ученій Сократа, Платона, Аристотеля и, наконецъ, стоиковъ.

Въ древности, какъ и въ новѣйшія времена, моралисты-метафизики исходили въ своихъ построеніяхъ изъ того наблюденнаго факта, что у развитого человѣка неоспоримо существуютъ извѣстныя нравственныя наклонности.

Для насъ, видѣвшихъ, какъ складываются нравственные инстинкты, для насъ, знающихъ, что эти врожденныя чувства являются лишь простымъ результатомъ продолжительной дрессировки и суть привычки, ставшія наслѣдственными,—существованіе нравственныхъ наклонностей представляется весьма естественнымъ; оно даже показываетъ намъ, какимъ путемъ болѣе возвышенная нравственность можетъ современемъ постепенно замѣнить собой несовершенную нравственность нашихъ дней. Метафизики, которые никогда и не думали проникнуть въ глубь вещей и для которыхъ великое ученіе трансформизма составляетъ непроницаемую тайну, относятся совершенно иначе къ этому факту. Они приписываютъ нравственнымъ наклонно-

стямъ, представляемымъ ими подъ видомъ врожденныхъ идей, божественное происхожденіе и видятъ въ нихъ даже, какъ это дѣлалъ Платонъ, отраженіе божества или идей первообразовъ, существующихъ гдѣ-то въ междуміровомъ пространствѣ. Изъ этихъ смутныхъ понятій возникаютъ затѣмъ пустыя формулы, *les entités*.

По Платону, богъ составляетъ высшее благо; познаніе высшаго блага и подражаніе ему есть величайшее счастье для человѣка. Только черезъ свою душу, человѣкъ можетъ пріобрѣсти нѣкоторое сходство съ богомъ, что несомнѣнно составляетъ цѣль морали. Отсюда должна была неизбѣжно выйти и дѣйствительно вышла противочеловѣческая этика, почти христіанская.

По Сократу, жизнь философовъ была и должна быть однимъ лишь приготовленіемъ къ смерти. Платоновская мораль также превозноситъ душу; она аскетическая, хочетъ, чтобы люди искали наказанія, также желали ихъ для тѣхъ, кого они любятъ, она презираетъ чувства, проповѣдуетъ отрѣшеніе отъ земли и даже отъ самой жизни. По мнѣнію Платона, въ сущности нѣтъ ничего реальнаго, кромѣ абстракцій, т. е. того, чего не существуетъ. Добродѣтель для него не представляется ни плодомъ, самопроизвольно зародившимся, ни результатомъ воспитанія; это—божественный даръ: это уже католическая доктрина о милости.

Въ общемъ эта мораль не имѣла никакой сущности (substance), она была, такъ сказать, безъ скелета и мышцъ; она закрывала глаза, чтобы не видѣть дѣйствительности, и отважно утверждала псевдо-истины, находившіяся въ прямомъ противорѣчіи съ опытомъ.

Высшее благо и любовь, которую должно къ нему питать, нисколько не исключали существованіе разнаго рода другой любви, на нашъ взглядъ нечистой, и которую однако божественный Платонъ превознесъ.

Съ теченіемъ времени платонизмъ принесъ свои естественные плоды, подъ видомъ неоплатонизма, который, доведя ученіе до абсурда, доказалъ всю вздорность его.

Ямбликъ серьезно утверждалъ, что наслажденіе составляетъ величайшее зло, такъ какъ оно побуждаетъ насъ вѣрить ко-

варнымъ внушеніямъ тѣла, и мы такимъ образомъ утрачиваемъ смыслъ божественныхъ вещей. Для неоплатонизма, все являлось слѣдствіемъ наитія, благодати; онъ провозгласилъ, что человѣкъ не нуждается даже въ органахъ чувствъ для пріобрѣтенія познаній: экстазъ замѣняетъ собою все.

Не смотря на всю свою ученость по тому времени и на весь здравый смыслъ, часто имъ обнаруживаемый, Аристотель, въ вопросѣ о нравственности, выказалъ не больше мудрости, чѣмъ Платонъ. Такъ же, какъ и божественный Платонъ, онъ признаетъ для человѣка извѣстную конечную цѣль, которой достигаютъ путемъ добродѣтели; онъ намъ говоритъ объ истинномъ блаженствѣ, котораго ищетъ весь міръ ради его самого и ради котораго стремятся ко всякаго рода другимъ благамъ. Тѣмъ не не менѣе онъ не пытается даже примирить свои метафизическія гипотезы съ дѣйствительностью и въ VII книгѣ своего сочиненія «Нравственность» говоритъ, что источникомъ всѣхъ человѣческихъ поступковъ является наслажденіе и страданіе, переходя такимъ образомъ почти безсознательно на почву утилитарной нравственности.

Успѣхъ столь пустыхъ отвлеченностей (абстракцій) платоновой и аристотелевской метафизики былъ громадный; онѣ появились вполнѣ во время, какъ разъ тогда, когда ребяческая миѳологія первобытныхъ временъ перестала уже удовлетворять умы людей, а наукъ еще не существовало.

Стоическая мораль, основныя начала которой также не выдерживаютъ критики съ точки зрѣнія разума, была, однако, ближе къ человѣку, а потому и пользовалась гораздо большей популярностью. Къ тому же она проповѣдывала равенство: «Благородство человѣка,—говоритъ Эпиктетъ,—зависитъ отъ добродѣтели, а не отъ рожденія» и т. п. Старинная метафизическая основа, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, признавалась однако и стоиками. Эпиктетъ, Маркъ Аврелій и др. часто говорятъ о богахъ или одномъ богѣ, деспотически управляющихъ міромъ; ихъ божественный промыселъ непогрѣшимъ; человѣкъ становится свободнымъ, подчиняясь ихъ велѣніямъ. Это настоящій фокусъ-покусъ, описаніе котораго находится въ слѣдующемъ правилѣ: «Не требуй, чтобы вещи случались, какъ ты того же-

лаешь, а желай, чтобы онѣ происходили, какъ онѣ случаются, и ты будешь благоденствовать». Или еще въ такомъ: «Я всегда больше доволенъ тѣмъ, что случается, будучи убѣжденъ въ томъ, что то, чего желаютъ боги, лучше для меня, чѣмъ то, чего я самъ хочу». При всемъ этомъ, само собой разумѣется, человѣкъ признавался свободнымъ, его *я* считалось сущностью, отличной и совершенно независимой отъ органовъ: «Я хромъ; это—неудобство для моего тѣла, но отнюдь не для моей воли». «Поступки, зависящіе отъ насъ, по своей природѣ свободны; ничто не можетъ ни остановить ихъ, ни помѣшать имъ».

Впрочемъ, въ другихъ отношеніяхъ стоики порвали съ метафизикой. Хризиппъ допускалъ будущую жизнь лишь для избранныхъ душъ; Эпиктетъ утверждалъ, что душа смертна; онъ считалъ, что злость—это въ своемъ родѣ болѣзнь: «Къ слѣпымъ и хромымъ питаютъ состраданіе... Злые тоже слѣпы противъ воли». По его мнѣнію, привычки можно измѣнить или уничтожить лишь при посредствѣ привычекъ противоположнаго рода. Наконецъ, по ученію стоиковъ, за преступленія не слѣдовало наказывать, а надо было предупреждать ихъ.

Не помышляя ни о какомъ раѣ, Эпиктетъ въ своемъ ученіи доходитъ до проповѣди практической нравственности, очень близкой къ нравственности христіанской. Онъ рекомендуетъ безбрачіе или, по крайней мѣрѣ, цѣломудріе до брака. Однако, онъ требуетъ, чтобы относились снисходительно къ слабостямъ въ этомъ отношеніи, но онъ рѣшительно порицаетъ прелюбодѣяніе: «совершающій прелюбодѣяніе, говоритъ онъ, унижается до уровня обезьянъ и волковъ».

Въ стоическомъ ученіи, въ отличіе отъ христіанскаго, видна забота о чистоплотности: «Чистоплотность для тѣла, говоритъ Эпиктетъ, тоже, что чистота для души».

Но что дѣлаетъ стоическую мораль особенно почтенной, а иногда вызываетъ даже къ ней восхищеніе, такъ это внушаемое ею чувство собственнаго достоинства и несокрушимой гордости. Воля стоика находится въ вѣчно напряженномъ состояніи, и такое напряженіе несомнѣнно внушаетъ ему иллюзію свободнаго выбора. Правила стоицизма отличались часто безразсудствомъ, какъ напримѣръ, тѣ изъ нихъ, которыми всѣ вины, боль-

шія или малыя, по драконовской модѣ признавались имѣющими одинаковое значеніе. Но не слѣдуетъ въ концѣ-концовъ упускать изъ виду, что ученіе это процвѣтало особенно въ ту плачевную эпоху, когда, по выраженію Тацита, добродѣтель являлась смертнымъ приговоромъ, и служила прибѣжищемъ для нѣкоторыхъ благородныхъ характеровъ, дерзавшихъ еще протестовать противъ всеобщей низости.

Римляне послѣдней эпохи слишкомъ хорошо сознавали свое толное личное безсиліе; вотъ почему Эпиктетъ открыто провозглашаетъ, что философы во всемъ должны подчиняться государю, не помышлять о возмущеніи и другихъ не наставлять этому. Стоики обнаруживали склонность и энергію лишь въ дѣлѣ пассивнаго противодѣйствія, но въ такихъ случаяхъ ихъ поведеніе носило печать благородства, героизма и возвышенности. «Есть люди, говоритъ Эпиктетъ, которые согласятся скорѣе подавать ночной горшокъ своему господину, чѣмъ умереть отъ голоду, но найдутся и такіе, для которыхъ это было бы невыносимо. Поразмысли, на что ты годишься».

«Не должно бояться ни бѣдности, ни изгнанія, ни тюрьмы, ни смерти ,но должно бояться страха».

«То, что̀ Сократъ сказалъ и сдѣлалъ, отказавшсь отъ бѣгства и погибувъ ради правды, гораздо полезнѣе для насъ всего, что̀ онъ могъ бы сказать и сдѣлать, спасшись бѣгствомъ».

«Всѣ дороги, ведущія въ подземный міръ, равны. Одной же изъ наиболѣ кратчайшихъ представляется та, по которой отправляетъ тебя туда тиранъ».

Что можетъ быть возвышеннѣе слѣдующихъ словъ одной римской матроны, посылающей, вопреки всему, крупную сумму денегъ своей пріятельницѣ, томившейся въ изгнаніи: «Я охотнѣе соглашусь, чтобы Домиціанъ присвоилъ ихъ себѣ, чѣмъ не посылать ихъ вовсе тебѣ».

А отвѣтъ Гельвидія Веспасіану, угрожавшему ему смертью, если придетъ для подачи голоса въ сенатъ: «Мы оба сдѣлаемъ то, что́ будетъ зависѣть отъ насъ; ты обречешь меня на смерть, а я приму ее»... Однако могутъ спросить, чего же онъ достигъ такимъ образомъ? «Онъ достигъ, говоритъ Эпиктетъ, того же,

чего достигаютъ, нашивая пурпуръ на тунику: онъ украшаетъ ее, дѣлаетъ красивѣе и возбуждаетъ желаніе подражать».

Въ заключеніе приведу еще одно небольшое изреченіе Марка Аврелія: «Дѣлать добро и быть оклеветаннымъ: вотъ оно—царское наслажденіе». Или еще другое, выраженное въ трехъ словахъ: Прямой или выпрямленный (Droit ou redressé).

Христіанство имѣло своихъ энтузіастовъ, своихъ мучениковъ, своихъ фанатиковъ; но ему былъ вовсе невѣдомъ тотъ спокойный, опирающійся на разумъ, несокрушимый героизмъ, который представляетъ отдаленный отголосокъ, послѣднее видоизмѣненіе первобытной римской энергіи. Дѣло въ томъ, что нравственный складъ націи, образующійся крайне медленно, не можетъ быть уничтоженъ сразу, въ одинъ прекрасный день... Втеченіе долгаго времени наслѣдственныя особенности характера оказываютъ сопротивленіе и упорно отражаютъ вторженіе новыхъ вліяній. Въ періодъ упадка съ Римомъ случилось то же, что всегда происходитъ, когда великая, существовавшая втеченіе цѣлыхъ вѣковъ, нація начинаетъ нравственно вырождаться. Процессъ разложенія захватываетъ собою всѣхъ, но далеко не въ одинаковой степени. И наоборотъ, въ героическую эпоху Рима всѣ граждане въ большей или меньшей степени были героически настроены; конечно большинство современниковъ Муція Сцеволы не протянули бы руки надъ пылающей жаровней, подобно ему, но всѣ понимали его и восхищались его поступкомъ, а многіе считали себя даже способными совершить то же. Втеченіе вѣковъ поощрялась и прославлялась энергія, хотя бы даже и кровожадная; естественно, что такой подборъ благопріятствовалъ образованію сильныхъ характеровъ.

Все измѣнилось съ появленіемъ изнѣженности временъ имперіи, но незначительное меньшинство сохраняло еще закалъ предковъ; только лица, составлявшія это меньшинство, не находились уже болѣе въ гармоническомъ отношеніи съ окружающей ихъ соціальной средой. Они стояли изолированно. Цѣлый нравственный провалъ совершился вокругъ нихъ. Тѣмъ не менѣе они стояли гордо и прямо среди развалинъ, подобно потрясеннымъ колоннамъ, вполнѣ сознавая однако свою изолированность и свое безсиліе. Сохранять благородство среди всеобщей пошло-

сти и низости, не быть похожими на другихъ, презирать этихъ другихъ и ничего отъ нихъ не ожидать, отрѣшиться отъ всего, думать больше о смерти, чѣмъ о жизни,—вотъ желанія и стремленія стоиковъ, дальше которыхъ они не шли; что же касается активной дѣятельности, то объ этомъ они даже не думали.

Изъ среды стоиковъ не вышло ни одного Брута. Зараженные сами всеобщимъ недугомъ, стоики жили одной только внутренней жизнью; вся ихъ энергія направлена была исключительно въ сферу духовную; они съ достоинствомъ и мужественно переносили свои страданія, но были неспособны къ возстанію.

Мы, такъ сказать, вынужденно помѣстили стоицизмъ въ категорію метафизическихъ ученій о нравственности; въ дѣйствительности въ основѣ всей этики стоиковъ лежитъ гордость и благородство характера, а потому и мораль стоиковъ обусловливается въ гораздо большей степени чувствомъ, чѣмъ разумомъ. Вообще воспріимчивость зависитъ отъ строенія нервныхъ центровъ и ей нѣтъ почти никакого дѣла до отвлеченныхъ идей.

Этика современныхъ метафизиковъ, которой я займусь теперь, страдаетъ въ такой же степени, по крайней мѣрѣ въ теоріи, отсутствіемъ разумности, какъ и этика ихъ древнихъ предшественниковъ, но при этомъ ей совершенно невѣдомо орлиное пареніе стоицизма. Она состоитъ вся цѣликомъ изъ сухихъ и тощихъ тонкостей, которыя—что, непремѣнно чувствуется,—никогда не были одухотворены дуновеніемъ жизни: это—тѣни тѣней.

III.—Ученія о нравственности современныхъ метафизиковъ.

Тѣмъ не менѣе необходимо опровергнуть эту метафизическую фразеологію, которая еще до сихъ поръ пользуется оффиціальнымъ покровительствомъ, а часто даже восхваляется, какъ нѣчто возвышенное. Теологическая мораль, какимъ бы ребячествомъ она ни была запечатлѣна, составляла тѣмъ не менѣе одно цѣлое, логически построенное и понятное. Разъ допускалось божественное вмѣшательство, все шло само собой; но гдѣ основаніе нравственности, отвергающей и науку и вѣру, хотя и сохраняющей всѣ старыя теологическія представленія, по совер-

шенно обезцвѣченными, безжизненными или въ видѣ мумій? Метафизическая мораль, нисколько не колеблясь, отстраняетъ огуломъ всѣ опытные факты: животныя, дѣти, низшія расы, психически ненормальные люди, больные и даже человѣкъ нашихъ высшихъ расъ, изучаемый безъ предразсудковъ, какъ въ настоящемъ его состояніи, такъ и въ предшествующія фазы его исторической эволюціи: все это разсматривается, какъ нѣчто ничтожное и не имѣющее значенія. Констатируютъ въ сознаніи цивилизованныхъ людей существованіе извѣстныхъ нравственныхъ наклонностей, представляющихъ слѣдствіе продолжительнаго и медленнаго воспитанія, и, не мало не задумываясь надъ вопросомъ объ ихъ происхожденіи, просто считаютъ эти наклонности за первичные неразложимые факты, присущіе человѣческой природѣ и происходящіе отъ нематеріальнаго т. е. недоступнаго нашему пониманію, начала. Спрашиваютъ сознаніе, и хотя сознаніе искренно отвѣчаетъ, но оно не въ силахъ само написать исторію своего развитія. Тогда закрываютъ глаза, чтобы лучше видѣть, и въ результатѣ получается показная нравственность, которая не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого вліянія на практическую жизнь,—этика, остающаяся только на устахъ, но не проникающая въ сердца. Привѣтствуютъ издалека нѣкоторые, такъ называемые принципы, признаваемые священными, и затѣмъ свободно предаются во власть своихъ дѣйствительныхъ инстинктовъ, хотя бы они были и безнравственны. «Чистыя a priori понятія, говоритъ Шопенгауэръ, понятія, не заключающія въ себѣ рѣшительно ничего заимствованнаго изъ опыта, внутренняго или внѣшняго, вотъ опорныя точки для этой морали: скорлупы безъ ядра».

Тѣмъ не менѣе исходной точкой является, хотя и совершенно безсознательно, опытный фактъ. Нравственныя наклонности, представляющія наслѣдіе предковъ и сознаваемыя человѣкомъ въ самомъ себѣ, окрещиваютъ разными отвлеченными названіями, какъ то: высшее благо, врожденныя идеи добра и справедливости, добродѣтели, чувство долга и т. п., а затѣмъ намъ совѣтуютъ повиноваться этимъ словеснымъ сущностямъ, внушенія которыхъ каждый, разумѣется, понимаетъ по своему.

Рамки настоящаго сочиненія не позволяютъ мнѣ, очевидно,

войти въ подробное разсмотрѣніе различныхъ нравственныхъ теорій современной метафизики. Къ тому же онѣ отличаются одни отъ другихъ въ дѣйствительности гораздо больше на словахъ, чѣмъ по своей сущности. Поэтому я приведу, въ видѣ примѣра, только мнѣнія Канта, одного изъ свѣтилъ современной метафизики.

Кантовская нравственность опирается на идею, что въ человѣческомъ сознаніи существуетъ чувство долга, какъ вѣрный и непогрѣшимый руководитель. «Изъ сказаннаго выше, утверждаетъ Кантъ, слѣдуетъ, что всѣ нравственныя понятія чисто à priori находятся въ человѣческомъ разумѣ и въ немъ имѣютъ свой корень, и при томъ какъ въ самомъ грубомъ разумѣ, такъ и въ разумѣ, наиболѣе способномъ къ спекулятивному мышленію, что они не могутъ быть выведены ни изъ какого опытнаго и потому уже случайнаго знанія, что эта самая чистота ихъ происхожденія и составляетъ именно ихъ достоинство... и что насколько къ нимъ примѣшиваютъ эмпиризмъ, настолько лишаютъ ихъ истиннаго значенія... Нравственное сознаніе также не можетъ пріобрѣтаться, какъ и нравственное чувство. Но всякій человѣкъ въ качествѣ нравственнаго существа уже носитъ въ себѣ это первоначальное сознаніе». Трудно было бы указать болѣе рѣшительное презрѣніе къ здравому смыслу и опыту, чѣмъ какое обнаруживаетъ въ приведенныхъ словахъ знаменитый метафизикъ. Безъ малѣйшаго размышленія онъ преклоняется передъ идеей долга, которую не пытается даже уяснить себѣ: «Долгъ! восклицаетъ онъ въ порывѣ метафизическаго лиризма,—дивная мысль; ты дѣйствуешь не намеками, не лестью, не угрозою; достаточно, чтобы твой ликъ предсталъ передъ душою во всей своей величественной простотѣ, и ты всегда однимъ этимъ вызовешь, если не повиновеніе, то уваженіе; передъ тобой смолкаютъ всѣ аппетиты, какъ бы они втайнѣ не были сильны; откуда ты ведешь свое происхожденіе»? Для насъ не существуетъ никакой тайны; чувство долга въ дѣйствительности гораздо менѣе могущественное, чѣмъ это полагаетъ нашъ метафизикъ, ведетъ свое происхожденіе, какъ мы это знаемъ, изъ факта медленной и тягостной дрессировки, оставившей въ нервныхъ центрахъ наслѣдственно передаваемые

слѣды. Кромѣ того мы ясно видимъ, что чувство долга не существуетъ обязательно у всѣхъ людей и особенно не существуетъ въ одинаковой степени.

Опытъ, этотъ вульгарный опытъ показалъ намъ также, что разъ чувство долга по отношенію къ какому либо предмету запечатлѣлось въ человѣческомъ мозгѣ, то подчиняться ему становится пріятно, а противиться тяжело; вотъ откуда и получается внутренняя санкція, весьма важная съ точки зрѣнія практической морали.

Такая санкція сильно не нравится Канту: настолько безповоротно его метафизическій умъ порвалъ всякія связи съ фактами: «Есть души, говоритъ онъ, столь проникнутыя симпатіями, что помимо всякаго стимула, исходящаго изъ тщеславія и себялюбія, они испытываютъ внутренне удовлетвореніе, распространяя вокругъ себя счастье; они могутъ быть счастливы благополучіемъ другихъ потому только, что это дѣло ихъ рукъ. Но я утверждаю, что дѣйствіе, совершенное при такомъ настроеніи, какъ бы всецѣло оно ни соотвѣтствовало долгу и какъ бы велика ни была признательность, которую заслуживаетъ за него человѣкъ, тѣмъ не менѣе не имѣетъ истинной нравственной цѣнности и должно быть поставлено въ одинъ рядъ съ другими наклонностями, какъ напримѣръ стремленіемъ къ славѣ». Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: «Абсолютно нравственнаго нѣтъ ничего въ поступкахъ, обусловливаемыхъ симпатіею, состраданіемъ и милосердіемъ: такіе поступки совершаются вопреки нравственности».

Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ честнымъ и неуклонно логическимъ умомъ. Кантъ не признаетъ никакихъ среднихъ положеній, онъ смѣло выводитъ слѣдствія изъ допущенныхъ имъ посылокъ, какъ бы онѣ ни были абсурдны, и за такую строгость къ нему слѣдуетъ отнестись съ признательностью. По его мнѣнію, нравственная цѣнность поступка представляетъ нѣчто совершенно отличное отъ его цѣли; она вытекаетъ исключительно изъ опредѣляющаго принципа, независимо отъ предметовъ, которые могутъ быть желаемы.

Все безразсудство подобныхъ утвержденій, внушаемыхъ настоящимъ метафизическимъ помѣшательствомъ, настолько рѣзко

бросается въ глаза, что совершенно безполезно заниматься серьезнымъ опроверженіемъ ихъ. Въ шутливой формѣ, нѣсколькими словами, Шиллеръ такъ опровергаетъ Канта.

Укоръ совѣсти.

«Я охотно оказываю услуги пріятелямъ, но, увы, дѣлаю это вслѣдствіе своей привязанности къ нимъ и поэтому я нерѣдко испытываю угрызеніе за то, что я недостаточно добродѣтеленъ».

Рѣшеніе.

«Тебѣ остается только одинъ выходъ: ты долженъ презрѣть эту свою привязанность и дѣлать съ отвращеніемъ то, что повелѣваетъ тебѣ долгъ».

Какъ бы ни былъ опьяненъ умъ человѣка разными отвлеченностями, онъ не можетъ однако совершенно утерять способность различать факты въ этомъ метафизическомъ туманѣ. Самъ Кантъ призналъ, что абсолютное отрѣшеніе, которое проповѣдуетъ онъ,—не отъ міра сего, и этимъ обстоятельствомъ онъ сильно опечаленъ: «Въ дѣйствительности, говоритъ онъ, совершенно невозможно установить посредствомъ опыта и съ полной достовѣрностью ни одного факта, въ которомъ правило поведенія, согласно съ долгомъ, не имѣло бы другого основанія, кромѣ нравственныхъ принциповъ и представленія о долгѣ. Всюду встрѣчаемъ мы только дорогое «я» вмѣсто строгаго предписанія долга».

Это—надгробное слово пресловутому закону долга, такъ какъ категорическій императивъ разлетается въ прахъ, если никто не слушается его.

Исходя изъ своего принципа, что всякій человѣкъ, великій или мелкій, глупый или умный, черный, желтокожій или бѣлый,— онъ не дѣлаетъ различія между расами, — хранитъ въ своемъ сознаніи скрижали непогрѣшнаго нравственнаго закона, Кантъ полагалъ, что онъ формулируетъ самый настоящій нравственный законъ, говоря слѣдующее: «Поступай такъ, какъ

если бы основное правило твоего поведенія должно было по твоей доброй волѣ превратиться во всемірный законъ природы». Если бы человѣчество, въ силу какого нибудь совершенно невѣроятнаго чуда, стало бы такимъ метафизикомъ, чтобы сообразоваться съ великимъ предтекстомъ кантовской морали, то человѣческія дѣйствія исчезли бы изъ міра. Это вовсе не такъ легко рѣшить, можно ли тотъ или другой поступокъ, который желаютъ совершить, считать за типичный поступокъ, образецъ, пригодный для всѣхъ людей безъ различія, принадлежатъ ли они къ кавказской, монгольской или эѳіопской расамъ, для прогнатовъ и ортогнатовъ, для дикарей и культурныхъ людей, для живущихъ подъ тропиками и за предѣлами полярнаго круга.

Все это достаточно нелѣпо и только лишній разъ подтверждаетъ, что безъ надлежащаго багажа наблюденія и опыта, умъ, какъ бы силенъ онъ ни былъ, обреченъ потерпѣть крушеніе.

Тѣмъ не менѣе кенигсбергскій философъ еще интересенъ. Его заблужденія отвергаютъ, но сохраняютъ уваженіе къ его чистосердечности, искренности, къ его діалектической отважности, не отступающей ни передъ какими логическими выводами. Но что можно сказать о нашихъ современныхъ метафизикахъ, этихъ послѣднихъ, мало убѣжденныхъ въ сущности защитникахъ безповоротно осужденной системы?

Метафизика, представляя въ утонченныхъ штрихахъ отраженіе квинт-эсенціи грубаго анимизма первобытныхъ временъ, не прогрессируетъ и не способна къ дальнѣйшему прогрессу. Основныя данныя, всегда въ корнѣ ошибочныя, остаются вѣчно неизмѣнными. Боги и тѣни дикарей, эти наивныя, но по крайней мѣрѣ понятныя созданія, превратились въ словесныя сущности: безплотное божество и нематеріальную душу. Но существуетъ-ли какое-либо различіе и какое именно между тѣмъ, что̀ не матеріально, и тѣмъ, чего вовсе нѣтъ? Это одинъ изъ тѣхъ дерзкихъ вопросовъ, на который метафизика не удостоиваетъ отвѣтомъ.

Наша современная метафизика скальпировала свою теорію нравственности по образцу теологической нравственности. «Въ обоихъ случаяхъ, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Веронъ,

ученіе о нравственности опирается на метафизическое *благо*, олицетворяемое въ Богѣ. Въ обоихъ случаяхъ мораль предполагаетъ существованіе свободной воли; въ обоихъ случаяхъ представленіе о нравственномъ законѣ связано неизбѣжно съ наградами и наказаніями въ будущей жизни подъ наблюденіемъ Бога, награждающаго и мстящаго».

Прибавимъ къ этому еще, что въ обоихъ случаяхъ человѣкъ считается тѣмъ добродѣтельнѣе, чѣмъ болѣе упорную внутреннюю борьбу ему приходится выдерживать для того, чтобы совершить доброе дѣло. Странная оцѣнка, по которой лицо, дурно одаренное въ нравственномъ отношеніи, постоянно обуреваемое преступными соблазнами, оказываетси гораздо выше въ нравственномъ отношеніи человѣка подлинно добродѣтельнаго, такъ сказать органически добродѣтельнаго, который даже не испытываетъ соблазна пасть.

Я приведу нѣсколько выдержекъ изъ сочиненій умершихъ писателей, чтобы не вызвать краску на лицѣ живущихъ.

Прежде всего необходимо, слѣдуя имъ, допустить, что гдѣ-то внутри насъ существуетъ безплотное *я*, властвующее надъ нашими бѣдными органами. Эти органы однако полезны нашему *я* и это вы принуждены допустить. «Тѣло, утверждаютъ они, есть орудіе, безъ котораго мы были бы не въ состояніи дѣйствовать на внѣшній міръ, и органъ, безъ котораго *большинство нашихъ способностей не могло бы развиться*» [1]). Было бы въ высшей степени любопытно знать, какія это изъ нашихъ способностей могли бы развиваться безъ тѣла: это упустили намъ сообщить.

Выше мы видѣли, какъ медленно и подъ давленіемъ какихъ условій складываются въ человѣческомъ мозгу нѣкоторыя наклонности, считаемыя нравственными. Этотъ генезисъ нравственности не заключаетъ въ себѣ ничего таинственнаго, но метафизики совершенно игнорируютъ его; имъ непремѣнно нужна тайна. Не заботясь нисколько объ источникахъ происхожденія, они просто утверждаютъ, что «различіе между добромъ и зломъ присуще человѣку по природѣ; оно озаряетъ

---

1) Jouffroy, *Distinction de la psychologie et de la physiologie* p. 19.

го душу, благодаря развитію высшей способности, называемой разумомъ... Нравственная обязанность есть первичный фактъ».

«Основной пунктъ неуязвимъ; душа различаетъ добро и зло, справедливость и несправедливость, и считаетъ обязательнымъ для себя дѣлать добро и избѣгать зла» [1]).

Какое добро, какое зло, какая справедливость, какая несправедливость? Мы видѣли, что понятія о добрѣ и злѣ, справедливости и несправедливости во времени и пространствѣ сильно измѣняются; но наши метафизики пренебрегаютъ внѣшнимъ міромъ: имъ довольно самонаблюденія.

Послѣ того, какъ прибавили, что «различіе между добромъ и зломъ опирается на идею о конечной цѣли», что добродѣтель вознаграждается, а порокъ – наказывается... *потому что это такъ»*, и что въ виду дурного распредѣленія наградъ и наказаній въ этомъ подлунномъ мірѣ необходимо допустить существованіе загробной жизни» [1]) — думаютъ, что мы удовлетворены и достаточно просвѣщены насчетъ происхожденія и конечной цѣли нравственности.

Именно о подобныхъ простыхъ до-нельзя разсужденіяхъ Бентамъ говоритъ слѣдующее: «Тотъ, кто сказалъ бы: это такъ, какъ я говорю, потому что я это говорю», повидимому не сказалъ бы ничего особенно важнаго; но о вопросахъ морали авторы написали большіе томы, въ которыхъ отъ первой до послѣдней страницы повторяютъ подобныя разсужденія и ничего больше».

Въ эпохи вѣры религіозная мораль оказываетъ свое дѣйствіе; она покоится на солидномъ основаніи, на страхѣ оскорбить могущественныхъ боговъ, могущихъ наказывать и награждать; по существу это—только крайне упрощенная теорія дрессировки, перенесенная въ міръ воображаемый, тѣмъ не менѣе подобное воспитаніе въ широкой мѣрѣ способствовало то образованію, то искаженію нравственнаго чувства, пользуясь двумя главными пружинами: страхомъ и надеждой. Но какое вліяніе могутъ оказывать на поведеніе людей тщетныя и пустыя тонкости нашихъ метафизиковъ?

---

[1]) Gérusez, *Cours de philosophie*, p. 145.

«Неужели правда, говорилъ уже Монтэнь, что быть вполнѣ добрыми мы можемъ, благодаря только таинственному, отъ природы данному, универсальному свойству помимо закона, разума, примѣра?» Нѣтъ, это не вѣрно; мы это отлично знаемъ, послѣ того какъ совершили такое длинное путешествіе по нравственностямъ всѣхъ расъ и всѣхъ временъ.

Мы видѣли, что нравственныя правила были формулированы очень поздно, послѣ продолжительной дрессировки, что эта послѣдняя не обусловливалась въ самомъ началѣ какими-либо разсудочными причинами, а вытекала просто въ силу необходимости, изъ борьбы за существованіе и изъ столкновенія различныхъ интересовъ и желаній. Когда затѣмъ рѣшились установить опредѣленныя правила для урегулированія нравовъ, то сдѣлали это, руководствуясь простой идеей пользы, грубо понимаемой грубыми существами, и въ интересахъ болѣе сильнаго.

Мало по малу этика, однако, развивалась и въ общемъ прогрессировала подъ вліяніемъ двоякаго рода обстоятельствъ—племенной конкурренціи и умственнаго развитія. Затѣмъ возникли теологическія ученія о нравственности, суровыя и непреклонныя, которыя стояли выше всякаго изслѣдованія и которымъ надлежало подчиняться безъ разсужденія и ропота. Господство этихъ ученій длилось долго, столь же долго, какъ вѣра. Наконецъ, когда стали разсуждать, то подслащенная теологія, которую назвали метафизикой, сдѣлала попытку кодифицировать мораль, лишенную всякой основы и дѣйствительной санкціи. Вмѣсто этой пустой морали теперь необходимо выработать другое ученіе о нравственности,—содержательное и разумное. Такая новая этика необходима; уже указанъ ея методъ и начертаны ея главныя линіи: это—мораль научная, мораль утилитарная и трансформистская, о которой я буду говорить въ слѣдующей, послѣдней главѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

УТИЛИТАРНОЕ И ТРАНСФОРМИСТСКОЕ УЧЕНІЕ О НРАВСТВЕННОСТИ.

Первобытная мораль, зарождающаяся совершенно самопроизвольно и имѣющая утилитарный характеръ.—Утилитарная мораль Эпикура.—Венкельридъ и утилитарная мораль.—Утилитарная мораль у Аристотеля.—Утилитарная мораль XVIII вѣка.—Гельвецій.—Гольбахъ.—Утилитарная мораль Ж. Бентама.—Эволюціонистская мораль Спенсера.—Основы этой морали.—Идея добра и эволюція этой идеи.—Нравственныя наклонности, передаваемыя по наслѣдству.—Основныя положенія трансформистской морали.—Измѣнчивость нравственныхъ наклонностей и этическихъ правилъ.—Необходимость кровосмѣшенія и левирата (бракъ съ женою умершаго брата).—Нравственный атавизмъ.—Прочность нравственныхъ инстинктовъ въ связи съ продолжительностью воспитанія предковъ.—Тѣсное соотвѣтствіе между нравственностью и соціальной средой.—Причины, вызывающія нравственный прогрессъ.—Нравственное совершенство въ будущемъ по Г. Спенсеру.—Отсутствіе особаго нравственнаго ученія для культурныхъ людей.—Новыя ученія о нравственности возникаютъ въ эпохи анархіи.—Поразительные соціальные контрасты нашего времени.—Какимъ путемъ видоизмѣняется общественное сознаніе.—Нравственная сегрегація (отдѣленіе) и нравственный подборъ.—Генезисъ новой этики въ императорскомъ Римѣ и въ наши дни.—Мораль будущаго начинаетъ складываться. Современная вѣра.

Какъ мы уже видѣли, религіозныя ученія о нравственности имѣютъ только фиктивныя основаніе и санкцію; что же касается метафизическихъ ученій о нравственности, то въ нихъ вовсе нѣтъ ни основанія, ни санкціи. Тѣмъ не менѣе лишь только люди собираются вмѣстѣ, изъ самаго этого факта возникаетъ та или другая этика, причемъ вовсе не требуется святой инвеституры. Во всѣ времена и повсемѣстно человѣческія скопища съ того момента, какъ они могутъ быть названы обществами, усвоиваютъ и формулируютъ нравственныя правила, безъ ко-

торыхъ они разрушились бы или распались бы. Такія правила первобытной морали возникаютъ просто изъ необходимости, изъ столкновенія между потребностями и желаніями, изъ инстинкта самосохраненія и т. п., вообще изъ общественной пользы, еще плохо понимаемой. Какъ ни несправедливы они иногда, во всякомъ случаѣ, имъ приходилось всегда въ цѣломъ сообразовать съ поддержаніемъ извѣстнаго строя общественной жизни. Къ тому же съ самаго уже начала одно могучее обстоятельство неизбѣжно толкало мораль на путь прогрессивнаго развитія, именно безпрестанное соперничество различныхъ племенныхъ группъ, то, что̀ Дарвинъ назвалъ борьбой за существованіе. Племя, нравственность котораго хотя незначительно возвышалась надъ нравственностью соперничающихъ съ нимъ племенъ, имѣло болѣе шансовъ выдти побѣдителемъ изъ борьбы за существованіе; его члены были счастливѣе, долговѣчнѣе, оставляли болѣе многочисленное потомство; въ концѣ концовъ они одерживали верхъ надъ своими соперниками, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ ихъ сознаніи складывались и затѣмъ передавались потомкамъ наклонности нравственныя, т. е. лучше приспособленныя къ условіямъ ихъ соціальной жизни.

Къ этой этикѣ, инстинктивно утилитарной, позднѣе начинаютъ прививаться разныя заблужденія и тонкости религіозныхъ и метафизическихъ ученій о нравственности. Такимъ образомъ первобытные римляне въ самомъ началѣ воспитывали своихъ дѣтей въ жестокихъ законахъ децемвировъ, не прибѣгая къ вмѣшательству боговъ; результатомъ этого явилось у нихъ глубокое чувство уваженія къ закону, прежде чѣмъ появилась какая-либо религія или какая-либо философія.

У грековъ чисто утилитарная мораль было формулирована Эпикуромъ: «Такъ называемая справедливость, говоритъ онъ, въ общемъ повсюду одна и та же: это—пониманіе взаимной пользы; но мѣсто и обстоятельства видоизмѣняютъ характеръ этого пониманія». «Если то, что считаютъ справедливымъ дѣйствительно полезно для общества, то оно несомнѣнно справедливо. Если нѣтъ, то оно не справедливо». «Если какой-либо законъ оказывается то полезнымъ, то безполезнымъ, то онъ справедливъ только тогда, когда полезенъ».

Эпикуръ резюмировалъ правила индивидуальной морали въ четырехъ положеніяхъ, въ своемъ родѣ математическихъ аксіомахъ нравственности:

1) избѣгать наслажденія, причиняющаго страданіе;

2) избѣгать страданія, не приводящаго къ наслажденію;

3) избѣгать наслажденія, лишающаго болѣе сильнаго наслажденія или приводящаго въ концѣ концовъ только къ большому страданію;

4) переносить страданіе, избавляющее отъ болѣе сильнаго страданія или обезпечивающее большее наслажденіе.

Эти четыре заповѣди могутъ быть легко подвергнуты критикѣ, если слову *наслажденіе* придать слишкомъ узкій и грубый смыслъ; но они становятся менѣе уязвимы, если мы расширимъ значеніе этого слова, включивъ въ него понятія о нравственныхъ наслажденіяхъ высшаго порядка. Такъ, напримѣръ, если человѣкъ, подчиняясь нравственнымъ наклонностямъ, наслѣдственно внѣдреннымъ въ нервныхъ центрахъ, жертвуетъ собой ради какого-либо великаго общественнаго интереса, то его поведеніе не противорѣчитъ второму закону Эпикура и сообразуется съ четвертымъ. Когда Арнольдъ Винкельридъ въ Семпахской битвѣ, съ крикомъ: «Впередъ, дорогіе союзники! Позаботьтесь о моей женѣ и дѣтяхъ!», умираетъ, пронзенный массою непріятельскихъ пикъ, то онъ испытываетъ нравственное блаженство, за которое, по его понятіямъ, стоитъ пожертвовать жизнью. Поступивъ иначе, онъ сталъ бы жертвой раскаянія и угрызеній совѣсти, которыя сдѣлали бы ему жизнь нестерпимой; слѣдовательно, его поведеніе не находятся въ противорѣчіи съ утилитарной моралью.

Самъ Аристотель, метафизика котораго ввела въ заблужденіе столько поколѣній, Аристотель,—который, по мнѣнію Бэкона, горячо упрекающаго его за это, «думалъ передѣлать наше воспитаніе посредствомъ однихъ словъ»—имѣлъ, какъ мы уже выше видѣли, на справедливость совершенно утилитарные взгляды.

Это—религіи, главнымъ образомъ, перенесли рѣшеніе вопросовъ о нравственности съ земли на небо. Причемъ, въ этомъ отношеніи пальма первенства принадлежитъ христіанству, ко-

торое, на нашемъ европейскомъ Западѣ, въ теченіе цѣлыхъ пятнадцати столѣтій, совершенно исключило рѣшеніе вопросовъ о нравственности изъ области научныхъ изслѣдованій.

Французскимъ мыслителямъ XIX вѣка всецѣло принадлежитъ честь произнесенія благодѣтельнаго приговора о разводѣ между моралью и религіей. Они установили принципъ, но конечно не сумѣли еще вывести изъ него всѣ послѣдствія. Гельвецій, напримѣръ, даетъ основаніе для нравственности, которое отличается въ одно и то же время и слишкомъ большою узкостью и слишкомъ большою грубостью: эгоистическое стремленіе къ чувственнымъ удовольствіямъ и ничего больше. Онъ, повидимому, даже и не представлялъ себѣ существованіе нравственныхъ и умственныхъ наслажденій.

Гольбахъ былъ гораздо проницательнѣе и дальновиднѣе его. «Нравственность, говоритъ онъ, есть наука объ отношеніяхъ, существующихъ между людьми, и объ обязанностяхъ, вытекающихъ изъ этихъ отношеній. Или, если угодно, нравственность есть знаніе того, что должны дѣлать или отъ чего должны воздерживаться интеллигентныя и разумныя средства, желающія быть счастливыми и жить въ обществѣ». Всякая же наука можетъ быть лишь плодомъ опыта... Наука о нравахъ станетъ точною лишь въ томъ случаѣ, когда она будетъ представлять собою рядъ безпрерывныхъ, многократныхъ и неизмѣнныхъ опытовъ, которые одни могутъ доставить истинное познаніе отношеній, существующихъ надъ людьми».

Мысль создать изъ этики науку и даже науку, опирающуюся на наблюденіи и опытѣ, несомнѣнно смѣла, справедлива и плодотворна. Она не преминула пустить ростки и развиться. Ж. Бентамъ снова возвратился къ ней и двинулъ ее нѣсколько впередъ. Онъ прямо говоритъ, что «основой деонтологіи [1]) является принципъ полезности, т. е. что дѣйствіе хорошо или дурно, достойно или недостойно, заслуживаетъ похвалы или порицанія, смотря по своему стремленію увеличивать или уменьшать сумму человѣческаго счастья». Если мрачный аскетизмъ, говоритъ онъ еще, провозглашаетъ зло истиннымъ благомъ, то

[1]) Наука объ обязанностяхъ.

деонтологъ просто отвѣчаетъ на это, что для него зло остается зломъ».

Моралисты XVIII вѣка ограничились провозглашеніемъ того, что мораль должна быть утилитарна. Они вовсе еще не подумали объ эволюціи и не входили въ разсмотрѣніе вопросовъ о происхожденіи и будущности этики. Бентамъ, хотя также не отводитъ имъ достаточно мѣста, однако, онъ уже затрогиваетъ ихъ: «добродѣтели и пороки, говоритъ онъ, являются произвольными привычками». Не всегда это такъ, не всегда пороки и добродѣтели являются произвольными привычками, часто они бываютъ наслѣдственными привычками.

Объ историческомъ развитіи нравственности, столь подробно прослѣженномъ нами во времени и пространствѣ, Бентамъ также имѣетъ понятіе, но понятіе общее, *à priori*, которое онъ вовсе и не пытается основать на наблюденныхъ фактахъ: «Первая эпоха, говоритъ онъ, есть эпоха силы... Насиліе является закономъ; сильный является и законодателемъ... Вторая это—царство мошенничества. Сила господствуетъ во времена невѣжества, а мошенничество—во времена полу-образованности».

«Наконецъ наступаетъ царство справедливости, царство пользы». Вполнѣ справедливо, что Бентамъ не колеблется, какъ это дѣлали до него Эпикуръ и Аристотель, отождествить справедливость и общественную пользу. Бентамъ близокъ къ истинѣ, но видитъ только часть ея: въ его разсужденіяхъ не достаетъ еще прочнаго основанія. Это необходимое основаніе могло явиться только послѣ громадныхъ научныхъ и философскихъ пріобрѣтеній, которыя сдѣланы почти на дняхъ. Необходимо было узнать до-исторію человѣка; необходимо было критически и методически изучить этнографію; необходимо было, чтобы научная психологія освѣтила происхожденіе инстинктовъ и идей и, въ особенности, чтобы великое трансформистское ученіе расширило наши методы изслѣдованія и соединило въ одно цѣлое разсѣянные дотолѣ обрывки нашихъ знаній.

Герберту Спенсеру принадлежитъ, въ этомъ отношеніи, великая заслуга: онъ установилъ наконецъ для этики дѣйствительно научныя основы и выработалъ общую теорію, съ которой ни одинъ фактъ не находится въ противорѣчіи и которая нахо-

дится въ согласіи съ моралью всѣхъ временъ и странъ и даже проливаетъ свѣтъ на нравственность будущаго.

Англійскій философъ прежде всего утверждаетъ, что нѣкоторыя интуитивныя идеи, какъ напримѣръ, понятіе о пространствѣ, возникли изъ опытовъ, произведенныхъ длиннымъ рядомъ нашихъ предковъ. Съ теченіемъ времени эти опыты организовались и прочно залегли въ человѣческомъ мозгу и съ этого момента всякія дальнѣйшія демонстративныя испытанія сдѣлались для нихъ совершенно излишними. Все, что Г. Спенсеръ говоритъ объ идеѣ пространства, онъ могъ бы сказать одинаково и объ идеѣ времени, столь неодинаково развитой у различныхъ расъ и индивидовъ, и вообще ко всѣмъ отвлеченнымъ и интуитивнымъ понятіямъ, которыя старинные схоластики называли «универсалами». Дѣлая вполнѣ законное сближеніе, авторъ «*Эволюціонной морали*» полагаетъ, что нравственныя интуиціи организовались въ человѣческомъ мозгу совершенно такимъ же путемъ, какъ и интуиція пространства. «Я думаю, говоритъ онъ въ письмѣ къ Джону Стюарту Милю, что опыты относительно полезнаго, сложившіеся и окрѣпшіе на протяженіи всѣхъ прошедшихъ поколѣній человѣчества, вызвали соотвѣтствующія измѣненія, которыя превратились у насъ, благодаря непрерывной передачѣ и накопленію, въ извѣстныя способности, въ нравственныя интуиціи, въ опредѣленныя эмоціи, соотвѣтствующія правильному или неправильному поведенію и не имѣющія никакой видимой связи съ индивидуальными опытами относительно той-же полезности».

Послѣ всего того, что мы установили при изученіи дрессировки животныхъ и народовъ, это общее положеніе Спенсера можно считать доказаннымъ на основаніи опыта. Человѣкъ, хорошо выдрессированный въ нравственномъ отношеніи, отступаетъ передъ извѣстными поступками совершенно такъ же, какъ гончая передъ куропаткой. Вотъ гдѣ надо искать причины нѣкоторыхъ безкорыстныхъ или героическихъ поступковъ, совершенно безразсудныхъ, если судить о нихъ съ точки зрѣнія узкаго утилитаризма. Одинъ человѣкъ, напримѣръ, безъ колебаній рискуетъ жизнью, чтобы спасти незнакомца, находящагося въ опасности; другой бѣднякъ, найдя случайно оброненный

кѣмъ-либо драгоцѣнный предметъ и имѣя полную возможность присвоить его, тѣмъ не менѣе идетъ отдать его владѣльцу, для котораго даже часто онъ не имѣетъ никакой цѣны; третій, какъ напримѣръ рыцарь Асасъ, безъ колебаній жертвуетъ собой, чтобы спасти своихъ товарищей по оружію и т. п. Шопенгауэръ, котораго подобные факты крайне удивляли, такъ какъ онъ не уяснилъ себѣ ихъ происхожденія, замѣчаетъ, между прочимъ, что послѣ совершенія геройскаго поступка человѣкъ, какъ-бы онъ бѣденъ ни былъ, никогда не согласится принять вознагражденія. Дѣло въ томъ, что герои — исключительно одаренныя личности, для нихъ достаточно испытываемаго ими нравственнаго опьяненія и внутренняго удовлетворенія; совсѣмъ не требуется даже, чтобы они отличались большой интеллигентностью; напротивъ, разсудительность, предусмотрительность часто притупляютъ великодушные инстинкты. Приносятъ себя въ жертву, забываютъ свои ближайшіе интересы тѣмъ легче, чѣмъ инстинктивнѣе, непосредственнѣе подчиняются они врожденнымъ наклонностямъ, унаслѣдованнымъ отъ предковъ. Эти наслѣдственныя наклонности составляютъ то, что называется характеромъ, т. е. извѣстная манера чувствовать, реагировать, служащая внутреннимъ и скрытымъ стимуломъ всей нашей духовной жизни. На эту нравственную основу воспитаніе оказываетъ слабое вліяніе; оно можетъ затрогивать и видоизмѣнять ее лишь подъ условіемъ воздѣйствія на цѣлый рядъ поколѣній.

Метафизики написали, по поводу идеи добра, толстыя книги, наполненныя грудами лишь отвлеченныхъ и неясныхъ разсужденій. При свѣтѣ же ученія о трансформизмѣ все становится яснымъ. Выраженія «хорошее», «благое» имѣютъ два смысла, болѣе тѣсно связанные между собой, чѣмъ это можетъ казаться на первый взглядъ. Мало развитый человѣкъ считаетъ поступокъ *хорошимъ*, если только онъ доставляетъ наслажденіе или какую-нибудь особую и непосредственную выгоду. Онъ разсуждаетъ такъ же точно, какъ бушменъ, говорящій: «Тотъ поступаетъ дурно, кто отнимаетъ у меня жену; я же поступаю хорошо, когда похищаю жену у другого человѣка». То же самое, по правиламъ морали краснокожихъ, убить врага считается также весьма похвальнымъ дѣломъ, тогда какъ допустить

убить себя признается поступкомъ, достойнымъ осужденія и даже безнравственнымъ.

Но самыя требованія соціальной жизни въ первобытномъ человѣчествѣ скоро расширили понятіе о нравственно-хорошемъ. Люди сгруппировались въ орды, классы или племена, оспаривавшіе другъ у друга право на существованіе; вся жизнь состояла лишь изъ безконечной борьбы; люди жили, окруженные западнями. Будучи изолированнымъ, человѣкъ чувствовалъ себя очень слабымъ; онъ постоянно нуждался въ помощи сотоварищей; ежедневный опытъ убѣждалъ его въ пользѣ такой помощи. Кромѣ того женщинами иногда владѣли сообща; собственность же почти всегда была общая; дѣти считались принадлежащими всѣмъ мужчинамъ данной ассоціаціи. При такихъ условіяхъ хорошимъ, нравственнымъ поступкомъ считалось оказывать другъ другъ поддержку. Къ членамъ сосѣднихъ и соперничествующихъ племенъ относились безъ всякой пощады, но поддерживать солидарность съ членами своей мелкой племенной группы стало поступкомъ похвальнымъ, потому что это было выгодно для всѣхъ. Нравственный критерій не измѣнился; попрежнему имѣлась въ виду польза, но только польза въ болѣе широкомъ смыслѣ; всякое дѣйствіе, клонящееся къ общей выгодѣ, къ общественному благу считалось хорошимъ и достойнымъ похвалы.

Принимая разнообразныя формы, смотря по племени и цивилизаціи, подвергаясь не разъ уклоненіямъ и искаженіямъ, подъ вліяніемъ разныхъ кастовыхъ и сословныхъ интересовъ или священныхъ фикцій, первоначальное утилитарное представленіе о нравственномъ добрѣ продолжаетъ постоянно существовать: оно не можетъ исчезнуть. Всѣ общества, съ большимъ или меньшимъ умѣньемъ и предусмотрительностью, стремятся продлить свое существованіе; а между тѣмъ, безъ извѣстнаго минимума альтруизма никакое общество не можетъ существовать.

Мы уже видѣли, подъ давленіемъ какихъ грубыхъ вліяній и благодаря какому грубому обуздыванію зародилось и сложилось нравственное сознаніе у нашихъ дикихъ или варварскихъ предковъ. Но не будемъ ихъ слишкомъ презирать; отъ нихъ именно мы получили наиболѣе ясныя и прочныя изъ нашихъ

врожденныхъ нравственныхъ наклонностей. Если мы уважаемъ храбрость, если даже, живя въ эпоху, когда цивилизація дѣйствуетъ разслабляющимъ образомъ на нервную систему, мы еще ощущаемъ въ глубинѣ своего духовнаго существа какую-то пружину, которая въ извѣстныхъ случаяхъ неизбѣжно выпрямляется; если въ минуты опасности мы слышимъ въ своемъ сознаніи голосъ, говорящій, что слѣдуетъ отстаивать себя, что постыдно обращаться въ бѣгство, что надо умѣть умирать, то все это потому только, что наши предки тысячи и тысячи разъ, начиная съ самыхъ отдаленныхъ временъ, рисковали своей жизнью и мужественно вели себя въ минуты опасности, угрожавшей имъ отъ врага, животнаго или человѣка.

Если воровство считается безчестнымъ поступкомъ, котораго избѣгаетъ совершать большинство культурныхъ людей, даже обездоленныхъ, то это потому, что въ теченіе тысячелѣтій оно воспрещалось, осуждалось моралью и наказывалось часто съ самой жестокой строгостью. Если въ современныхъ нашихъ обществахъ, гдѣ самый узкій эгоизмъ сталъ явленіемъ законнымъ и почти нравственнымъ, еще не утратилось нѣкоторое чувство солидарности, то этимъ мы обязаны старой крови предковъ, жившихъ при менѣе индивидуалистическомъ режимѣ. Въ тотъ день, когда это цѣнное нравственное наслѣдіе будетъ нами вполнѣ утрачено, падетъ и весь нашъ общественный строй.

Если мы ощущаемъ въ себѣ нѣкоторую потребность въ справедливости, то это благодаря лишь тому, что продолжительное примѣненіе закона о возмездіи пріучило нашихъ прародителей поддерживать какъ ни есть равновѣсіе между посягательствами и местью за нихъ.

Если для всякаго нравственно развитого человѣка стала собственно излишней заповѣдь еврейскаго декалога: «Не убій», такъ какъ въ настоящее время питаютъ отвращеніе къ пролитію крови даже животнаго, то это только потому, что за всякое убійство наказывали, обуздывали или при помощи простого возмездія, или при содѣйствіи организованнаго правосудія, и это—въ теченіе какъ до-историческихъ, такъ и историческихъ эпохъ.

Если мы знаемъ, что такое стыдъ, если въ особенности

женская половина цивилизованныхъ народовъ обладаетъ цѣломудріемъ, которое неизвѣстно животнымъ, то это благодаря лишь тому, что нѣкогда мужчина въ интересахъ между прочимъ, чисто эгоистическихъ, стараясь охранить свою собственность—женщину, создалъ для нея спеціальныя обязанности, за нарушеніе которыхъ ее подергали жестокимъ наказаніямъ.

Можно было-бы привести еще немалое число подобнаго же рода фактовъ, какъ напримѣръ уваженіе къ закону или къ государю, сложившееся въ сознаніи нашихъ отдаленныхъ предшественниковъ при помощи соотвѣтствующихъ наказаній и преслѣдованій.

Но достаточно и приведенныхъ примѣровъ, представляющихъ между прочимъ основные факты въ практической и юридической морали. Мы можемъ ограничиться здѣсь однимъ лишь упоминаніемъ о нихъ, такъ какъ экспериментальное доказательство ихъ генезиса было дано нами выше.

Теперь мы можемъ формулировать нѣкоторыя основныя положенія трансфомистской морали.

Этика явилась результатомъ самихъ соціальныхъ отношеній; она возникла изъ стремленія племенныхъ группъ, мелкихъ или крупныхъ или отдѣльныхъ ихъ классовъ охранить свое существованіе. Слѣдовательно, то, что называютъ «нравственные принципы», вовсе не является неизбѣжно присущимъ первоначальной, такъ сказать, конституціи сознанія человѣка.

Нравственныя наклонности складывались медленно и мучительно въ человѣческомъ сознаніи.

Разъ у человѣка явилась возможность къ душевному самопознаванію, онъ нашелъ эти наклонности въ себѣ и, не зная истиннаго источника ихъ происхожденія, онъ приписалъ имъ происхожденіе таинственное или метафизическое.

Если нѣкоторыя изъ этихъ наклонностей, превратившись во врожденныя, обнаруживаютъ сходство въ различныхъ странахъ и у различныхъ расъ, то это объясняется въ тѣмъ, что основныя черты человѣческой природы повсюду аналогичны, такъ же какъ аналогичны и элементарныя требованія для сохраненія всякаго общественнаго строя.

Но ни правила этики, ни нравственные и безнравственные

инстинкты не остаются неизмѣнными. И тѣ и другіе медленно развиваются по мѣрѣ того, какъ измѣняются условія соціальной жизни, а также по мѣрѣ того, какъ расширяется сердце и просвѣтляется умъ.—Обратимъ вниманіе на факты, на которыхъ я еще не имѣлъ случая остановиться.

То, что мы осуждаемъ въ настоящее время, какъ кровосмѣшеніе, было рекомендовано среди всѣхъ человѣческихъ группъ, сравнительно малочисленныхъ, окруженныхъ врагами и принадлежавшихъ къ высшей расѣ или считавшихъ себя за таковыхъ: эндогамія стала тогда совершенно легальнымъ учрежденіемъ, такъ какъ была признана полезной.

Въ настоящее же время одна лишь мысль о бракѣ между деверемъ и невѣсткой, немедленно послѣ кончины послѣдняго, представляется намъ отвратительной. Но въ дикой или даже просто варварской странѣ, семья послѣ смерти отца, оставалась совершенно осиротѣлой и беззащитной отъ всякаго рода насилій; подъ страхомъ уничтоженія необходимо было, чтобы семья эта нашла себѣ пріютъ и покровителя; вотъ почему мораль и законъ обязываютъ брата покойнаго исполнить налагаемый на него долгъ: это, — такъ называемый, — левиратъ, встрѣчающійся немного повсюду на землѣ, начиная отъ Палестины и до Новой Каледоніи.

Но какъ только онъ становится не необходимымъ, не общественно-полезнымъ, то левиратъ стремится изчезнуть, такъ какъ,—повторяемъ еще разъ,—этика, въ существенныхъ своихъ чертахъ,—утилитарна и прогрессивна. Тѣмъ не менѣе, разъ сложившіяся и пустившія ростки въ нервныхъ центрахъ нравственныя наклонности исчезаютъ такъ же медленно, какъ и складываются. Часто также они вновь обнаруживаются, благодаря атавизму, и тогда мы можемъ наблюдать среди относительно болѣе культурныхъ обществъ появленіе нравственныхъ типовъ каменнаго періода, а также героическихъ характеровъ при цивилизаціи, проникнутой меркантилизмомъ.

У народовъ, живущихъ изолированно и въ теченіе долгаго времени, нравственность принимаетъ болѣе устойчивыя и неизмѣнныя формы, чѣмъ у другихъ; всякаго рода аномаліи, отсталые и непокорные члены встрѣчаются все рѣже и рѣже;

вся масса народа начинаетъ въ концѣ концовъ чувствовать и думать довольно однообразно: такъ именно было, напримѣръ, въ древнемъ Египтѣ и Китаѣ; тогда этика становится все болѣе и болѣе безсознательной, инстинктивной, неподдающейся никакимъ перемѣнамъ. Сознаніе въ массѣ народа вибрируетъ въ униссонъ; большинство съ наслажденіемъ подчиняется однимъ и тѣмъ-же нравственнымъ инстинктамъ; всякое сопротивленіе имъ вызываетъ въ человѣкѣ страданіе; это значитъ, что сложилось совершенно однородное понятіе о долгѣ въ совѣсти всѣхъ людей. Но устойчивость этого понятія иногда является независимой отъ продуманной полезности дѣйствій. Такъ, напримѣръ, разсказываютъ, что въ Копенгагенѣ во время своего путешествія по Европѣ, Петръ Великій приказалъ одному изъ сопровождавшихъ его казаковъ броситься на землю съ высоты одной башни и что несчастный, перекрестившись, покорно исполнилъ приказаніе.

Какихъ нибудь всего тридцать лѣтъ назадъ, одна придворная дама довольно наивно увѣряла меня, что если бы государь ея пожелалъ бы отличить ее своимъ вниманіемъ, то ея мужъ счелъ бы своимъ долгомъ не противиться королевскому желанію. «Королевская кровь нисколько не безчеститъ» было во многихъ странахъ и довольно долгое время однимъ изъ нравственныхъ принциповъ аристократій.

Итакъ, нравственность отдѣльныхъ лицъ находится въ тѣсномъ соотвѣтствіи съ соціальной средой: современный европеецъ хорошаго происхожденія и благовоспитанный предпочтетъ смерть людоѣдству, которое для ново-каледонійца представляется самой обыкновенной вещью въ мірѣ; все это оттого, что между двумя обществами существуетъ глубокое различіе.

Мы уже вполнѣ достаточно доказали измѣнчивость этики въ зависимости отъ мѣстъ и временъ; постоянно и непроизвольно стремится она также къ улучшенію; такъ какъ народы съ нравственностью низшей, а слѣдовательно и болѣе вредной для соціальнаго строя, вслѣдствіе уже этого одного являются хуже вооруженными, чѣмъ ихъ соперники, а потому имѣютъ болѣе шансовъ исчезнуть съ міровой арены.

Но въ предѣлахъ данной этической группы индивидъ счи-

тается нравственнымъ, когда онъ находится почти въ полной гармоніи съ условіями, созданными для него общественной средой. Если удастся когда-нибудь достигнуть идеальнаго соціальнаго устройства, т. е. осуществляющаго наибольшую сумму счатья, то мораль получитъ тогда наиболѣе прочные устои и современемъ быть можетъ явятся люди, такъ хорошо выдрессированные въ нравственномъ отношеніи, что они вовсе не будутъ знать той внутренней трагической борьбы между долгомъ и желаніемъ, ареной которой такъ часто бываетъ наша совѣсть, и имъ останется одно только—спокойно наслаждаться всею полнотою жизни, какая только вообще возможна. Болѣе совершенные, чѣмъ ихъ предшественники, они не будутъ, подобно имъ, подчинены сотнямъ политическихъ, юридическихъ и религіозныхъ запретовъ; они станутъ инстинктивно, подобно муравьямъ, совершать добродѣтельные и самоотверженные подвиги, которые представляются намъ теперь героическими. Гербертъ Спенсеръ предсказываетъ намъ въ будущемъ нарожденіе такой ангелоподобной расы. Я нисколько не отрицаю этого, но наступленіе ея царства несомнѣнно еще очень не скоро.

Не таково, повидимому, мнѣніе знаменитаго англійскаго философа, такъ какъ онъ уже въ настоящее время считаетъ нужнымъ предостеречь насъ отъ злоупотребленія моралью отреченія. Не въ эту, однако, сторону склоняются вѣсы нравственности въ нашихъ современныхъ обществахъ. Мы переживаемъ всецѣло переходную эпоху. Старая мораль расшатана; знаніе сильно распространилось. Теперь уже болѣе не пользуются уваженіемъ повелѣнія, провозглашенныя съ высоты Синая и которымъ необходимо повиноваться пассивно, безъ всякой критики. А между тѣмъ нѣкоторыя изъ этихъ повелѣній были хороши и нравственны, такъ какъ они въ дѣйствительности опирались на наблюденіе и опытъ, а потому очень важно изъ предписаній этой старой морали извлечь тѣ, которыя носятъ полезный характеръ, слѣдовательно должны быть сохранены и улучшены.

По правдѣ сказать, современный культурный человѣкъ не придерживается никакой морали; этика прошлаго не имѣетъ болѣе для него авторитета; этика же будущаго еще не вылилась въ опредѣленныя формы. Намъ предстоитъ именно задача кодифи-

цировать эту этику будущаго, но уже не безсознательно и интуитивно, а научно, руководясь наблюденными фактами, установить новыя правила морали, сохранивъ изъ традиціонной морали все, что только она заключаетъ въ себѣ справедливаго и полезнаго.

Въ эпохи именно такой нравственной анархіи, какъ наша, эволюціи подготовляются сравнительно быстро. Дѣйствительно старыя преграды тогда разрушены; человѣческій умъ начинаетъ искать новыхъ путей. Съ другой стороны, ужасающіе соціальные контрасты, которые становятся все менѣе и менѣе выносимыми, заставляютъ, наконецъ, призадуматься даже самыхъ тупыхъ людей. Мы, напримѣръ, отлично знаемъ, что милліоны нашихъ современниковъ нуждаются положительно во всемъ, что дѣлаетъ жизнь сколько нибудь выносимой; что для нихъ блестящія стороны нашей цивилизаціи, которыми мы такъ гордимся, также мало существуютъ, какъ и для ново-гвинейца, въ его лѣсахъ; что они живутъ и умираютъ въ каморкахъ, болѣе ужасныхъ, нездоровыхъ и грязныхъ, чѣмъ доисторическія пещеры: и въ то же время мы узнаемъ въ одинъ прекрасный день, что такой-то американскій крезъ, напримѣръ, истратилъ полмилліона на устройство праздника, а другой, весь трудъ котораго заключался въ томъ, что онъ родился, сталъ обладателемъ около одного милліарда и т. п. Это возмущаетъ въ насъ древній инстинктъ справедливости, завѣщанный предками; это заставляетъ насъ также глубоко призадуматься. Тогда вспоминаютъ древнее правило, провозглашенное уже давно и гласившее: «Никто не имѣетъ права на избытокъ, пока у другихъ нѣтъ необходимаго». Въ силу всего этого начинаютъ искать такую общественную форму, при которой возможно было бы осуществить этотъ вполнѣ справедливый идеалъ.

Много другихъ несправедливостей, много другихъ печальныхъ сторонъ нашихъ современныхъ обществъ поражаютъ насъ и коробятъ совѣсти мало-мальски чуткія; благодаря этому въ сознаніи возникаетъ броженіе, подготовляющее будущее.

Общественное сознаніе подвержено метаморфозамъ, и оно проходитъ черезъ нихъ подобно тому, какъ и другія органическія существа. Прежде всего совершается раздѣленіе на части,

т. е. образованіе мелкихъ избранныхъ группъ, составляющихъ маленькія общества новаторовъ въ области этики, которые своими рѣчами, писаніями и поведеніемъ порываютъ съ общепринятыми обычаями. Вначалѣ членамъ этихъ маленькихъ группъ приходится идти противъ общественнаго мнѣнія и часто навлекать на себя общественное осужденіе, но тѣмъ не менѣе они упорно продолжаютъ отстаивать свое поведеніе, поддерживаемые сочувствіемъ единомышленниковъ. Если ихъ критика основательна, если требуемыя ими реформы справедливы и полезны, то мало-по-малу вокругъ нихъ начинаютъ группироваться массы, подборъ принимаетъ для нихъ благопріятный характеръ—и ихъ дѣло въ концѣ концовъ торжествуетъ. Процессъ этотъ длится очень долго, такъ какъ нравственныя наклонности измѣняются въ массахъ крайне медленно, и мы хорошо знаемъ, отъ чего это зависитъ; дѣло въ томъ, что въ подобныхъ случаяхъ необходимо добиться чисто органическихъ перемѣнъ, надо измѣнить нравственные отпечатки, т. е. то или другое молекулярное распредѣленіе, фиксированное въ теченіе цѣлыхъ столѣтій въ нервныхъ центрахъ, такая работа не можетъ конечно закончиться въ одинъ день, но эволюція совершается съ тѣмъ меньшимъ трудомъ, чѣмъ болѣе расшатана мораль у расы или націи, съ которой приходится имѣть дѣло; поэтому-то новыя нравственныя ученія и возникаютъ предпочтительно въ эпохи соціальнаго разложенія. Исторія паденія императорскаго Рима со временъ упадка представляетъ въ этомъ отношеніи прекрасный примѣръ одного изъ такихъ учрежденій этики. Тогда, такъ же, какъ и теперь, существовали бокъ-о-бокъ съ одной стороны непомѣрное богатство, а съ другой—крайняя нищета. Съ одной стороны утонченная чувственность меньшинства, составлявшаго съ разстроенными нервами управляющій классъ; съ другой – страданія и горячее негодованіе массы, порабощенной и эксплоатируемой. Законы учрежденія, преданія и вѣрованія подвергались самому глубокому изслѣдованію, критикѣ и постепенно расшатывались. Философскія ученія съ одной стороны, христіанская церковь съ другой—порвали съ древней моралью и намѣтили новую. Въ результатѣ получилось паденіе древняго міра и затменіе на цѣлое тысячелѣтіе; но въ этомъ движеніи назадъ слѣдуетъ ви-

нить, главнымъ образомъ, варваровъ, ихъ насильственное вторженіе въ Римскую имперію, большой промежутокъ времени который потребовался для ихъ цивилизаціи и перехода ихъ изъ одной стадіи развитія въ другую. Безъ этого глубокаго потрясенія новое общество и новая этика вышли бы изъ древнихъ иначе и въ сравнительно болѣе короткій промежутокъ времени.

Мы присутствуемъ въ настоящее время также при возникновеніи новой морали, главныя черты которой уже возможно теперь указать и которая, свободная на этотъ разъ отъ всякаго рода религіозныхъ или метафизическихъ предразсудковъ, будетъ открыто утилитарной и трансформистской Не будетъ болѣе принциповъ, основанныхъ на откровеніи, а потому уже неизмѣнныхъ и не подлежащихъ оспариванію. Цѣль будущей морали будетъ исключительно состоять въ формулировкѣ правилъ и въ созданіи наклонностей, соотвѣтствующихъ наибольшой суммѣ общественнаго и личнаго счастья, т. е. въ стремленіи сдѣлать человѣка физически болѣе сильнымъ, лучшимъ въ нравственномъ отношеніи и умственно болѣе развитымъ. Все, что будетъ способствовать этой цѣли, станетъ считаться нравственнымъ, а все, что будетъ ей противорѣчить—безнравственнымъ.—Мы уже видимъ, какъ загорается заря новой этики.

Такъ напримѣръ, еще въ наши дни, согласно традиціонной морали, считается хорошимъ пренебрежительное отношеніе къ людямъ другихъ національностей и готовность, въ случаѣ надобности, убивать ихъ, не слишкомъ разбирая справедливости поводовъ. Заповѣдь «Не убій» никогда не примѣнялась къ убійству въ военное время. Но въ силу закона возмездія и наказаній, карающихъ убійцу во всѣхъ человѣческихъ обществахъ, все болѣе и болѣе возрастаетъ въ настоящее время число людей, питающихъ инстинктивное отвращеніе къ пролитію крови. Съ другой стороны, народы, по крайней мѣрѣ наиболѣе культурные, чаще скрещиваются другъ съ другомъ и лучше узнаютъ другъ друга, а слѣдовательно меньше ненавидятъ одинъ другого чѣмъ и объясняется образованіе пока меньшинства гражданъ, для которыхъ военная слава утратила свой прежній ореолъ. Повсюду это меньшинство организуетъ общества, изданія и т. п., громко провозглашаетъ всѣ ужасы войны и всю неумѣстность

суда Божія, необходимость замѣнить мирнымъ международнымъ правосудіемъ кровавое право сильнаго и федераціей—соперничество армій и т. п.

Соотвѣтствующее измѣненіе совершается и во взглядахъ на нѣкоторыя основныя учрежденія. Бракъ, напримѣръ, перестаетъ быть таинствомъ; изъ него удаляютъ всякое священное вмѣшательство и начинаютъ смотрѣть на него исключительно съ соціальной точки зрѣнія. Начинаютъ, наконецъ, думать, что половая связь есть такой же физіологическій актъ, какъ всякій другой, и что, какъ еще въ прошломъ вѣкѣ выразился маршалъ де-Саксъ: «Бракъ былъ установленъ въ интересахъ народонаселенія». Однако въ настоящее время не требуютъ, подобно маршалу, чтобы было издано постановленіе, въ силу котораго бракъ долженъ длиться обязательно пять лѣтъ; но все болѣе и болѣе склоняются къ тому, что въ брачный союзъ общество должно вмѣшиваться исключительно только въ интересахъ обезпеченія за дѣтьми здороваго физическаго, нравственнаго и умственнаго воспитанія, а не изъ желанія создавать родителямъ преграды, безполезныя въ соціальномъ отношеніи. Новое общественное мнѣніе, пріобрѣтающее все большее и большее значеніе, склоняется въ пользу большей свободы и справедливости. Оно требуетъ, чтобы къ женщинѣ перестали относиться какъ къ несовершеннолѣтней; чтобы отецъ всегда отвѣчалъ за свое потомство, чтобы не было больше юридически незаконнорожденныхъ, подкидышей и т. п.

Эта же самая мораль, находящаяся еще въ процессѣ образованія, осуждаетъ и клеймитъ проституцію, существованіе которой до сихъ поръ не коробило общественной совѣсти. Противъ узаконенной проституціи ведутся настоящія кампаніи иногда съ удивительнымъ самоотверженіемъ, и въ Англіи онѣ имѣютъ значительный успѣхъ.

Съ другой стороны дѣлаются также нападенія со всѣхъ сторонъ на послѣднюю, смягченную форму рабства, саларіатъ; наиболѣе чуткіе умы протестуютъ по меньшей мѣрѣ противъ ея вопіющихъ послѣдствій; съ своей стороны, обездоленная масса, выносящая на своихъ плечахъ всю тяжесть этого рабства, волнуется и нерѣдко возмущается. Она не примирится болѣе съ

этимъ зломъ и по-неволѣ долженъ будетъ сложиться соціальный строй иного типа, который удовлетворитъ новыя требованія справедливости.

Дѣло въ томъ, что нравы, законы и учрежденія, все это тѣсно связано между собой, все это находится въ родствѣ одно съ другимъ. «Образованіе наивысшаго индивидуальнаго типа, справедливо замѣчаетъ Гербертъ Спенсеръ, слѣдуетъ лишь *pari passu* за образованіемъ наивысшаго общественнаго типа». Разумѣется, здѣсь рѣчь идетъ объ образованіи въ большемъ количествѣ людей этого высшаго типа. Дѣйствительно въ каждомъ обществѣ появляются люди, стоящіе выше окружающей среды, предвозвѣстники, нарушающіе общую сонливость и толкающіе міръ впередъ очень часто въ ущербъ своимъ личнымъ интересамъ, такъ какъ ремесло новатора сопряжено съ большой опасностью, особенно если новаторъ является реформаторомъ въ области нравственныхъ вопросовъ, гдѣ ему приходится лицомъ къ лицу сталкиваться съ вѣковыми предразсудками и эгоистическими интересами, возмущаться противъ несправедливости, даже когда она касается только другихъ.

Да будутъ благословенны эти безпокойные люди, эти современники будущаго, уже провидящіе идеалъ высшей нравственности, а слѣдовательно и болѣе совершеннаго общества, гдѣ каждый будетъ жить полной жизнью, гдѣ всѣ искусственныя привилегіи исчезнутъ, гдѣ каждому будетъ предоставлено мѣсто и всякій будетъ развиваться въ предѣлахъ, указанныхъ его природой, гдѣ никто не будетъ покинутъ или принесенъ въ жертву, гдѣ великая современная религія, культъ бога Мамона, не будетъ болѣе имѣть послѣдователей, гдѣ узкій индивидуальный или семейный эгоизмъ уступитъ мѣсто заботѣ объ общемъ благѣ.

Нашъ старый міръ, мнимо-культурный міръ, носитъ въ своемъ чревѣ это новое общество, которое обнаруживаетъ уже первые признаки движенія. На насъ лежитъ обязанность облегчить появленіе его на свѣтъ и сдѣлать, чтобы оно произошло не внезапно, не путемъ революціи, а постепенно, путемъ эволюціи.

Заканчивая наше длинное изслѣдованіе относительно раз-

витія морали, не безполезно будетъ замѣтить, что результатъ нашего изслѣдованія подтверждаетъ и утверждаетъ существованіе великаго закона: закона прогресса.

Изучаемыя съ точки зрѣнія трансформизма естественныя науки учатъ насъ, что человѣкъ былъ зарожденъ животнымъ и что человѣчество возникло изъ животности. Спрошенная по такому же методу исторія нравственной эволюціи отвѣчаетъ, что человѣкъ первоначально былъ дикаремъ, затѣмъ варваромъ и наконецъ сталъ существомъ культурнымъ, но въ далеко несовершенной степени, что ему надлежитъ еще усовершенствоваться и что удѣлъ его вѣчно рости и подниматься. Эта перспектива безконечнаго прогресса—современная вѣра, и это новое вѣрованіе съ успѣхомъ замѣняетъ миражи исчезнувшихъ раевъ; оно поддерживаетъ и утѣшаетъ насъ въ моменты общественныхъ и личныхъ испытаній. Воодушевляемые ею, мы смотримъ на себя, какъ на работниковъ дѣла, которому никогда не будетъ конца, но къ которому всѣ люди, малые и великіе, неизвѣстные и знаменитые, могутъ и должны приложить свои руки. Какъ бы жестоки ни были невзгоды, несправедливости и несчастія настоящаго, мы можемъ относиться къ нимъ лишь какъ къ приключеніямъ во время длиннаго путешествія человѣчества въ поискахъ за лучшимъ и, стараясь всѣми средствами облегчить ихъ, должны вмѣстѣ съ тѣмъ терпѣливо переносить ихъ. Наши предшественники, какъ мы знаемъ, были несчастнѣе насъ, но будущее, еще лучшее, чѣмъ настоящее, ожидаетъ нашихъ потомковъ, такъ какъ до тѣхъ поръ, пока космическія условія позволятъ человѣческому роду существовать на землѣ, ему необходимо будетъ пріобрѣтать и завоевывать все большую и большую сумму справедливости и свѣта, а слѣдовательно и счастья.

КОНЕЦЪ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

Л.

М.

О.

П

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Э.

Ю.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ:

Стр.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
9	4 снизу	мертвой	мертвую

20 послѣ 20-й строчки сверху пропущены типографіей слѣдующія строки:

Тѣ же Новогвинейцы до сихъ поръ еще строятъ и живутъ въ свайныхъ деревняхъ, совершенно подобныхъ доисторическимъ палафитамъ и пеонійскимъ деревнямъ, описаннымъ Геродотомъ.

65	1 „	двадцать-четырехъ	восьмидесяти
160	20 сверху	начало	всѣ начала.

Вездѣ, гдѣ напечатано Аорои или Аороевъ, слѣдуетъ читать *Ареои* Аиреоевъ.

Флагелляція и Флагелляты.

ИСТОРІЯ РОЗГИ

ВЪ РАЗНЫХЪ СТРАНАХЪ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ И ДО НАШИХЪ ДНЕЙ.

Сочиненіе д-ра **КУПЕРА**

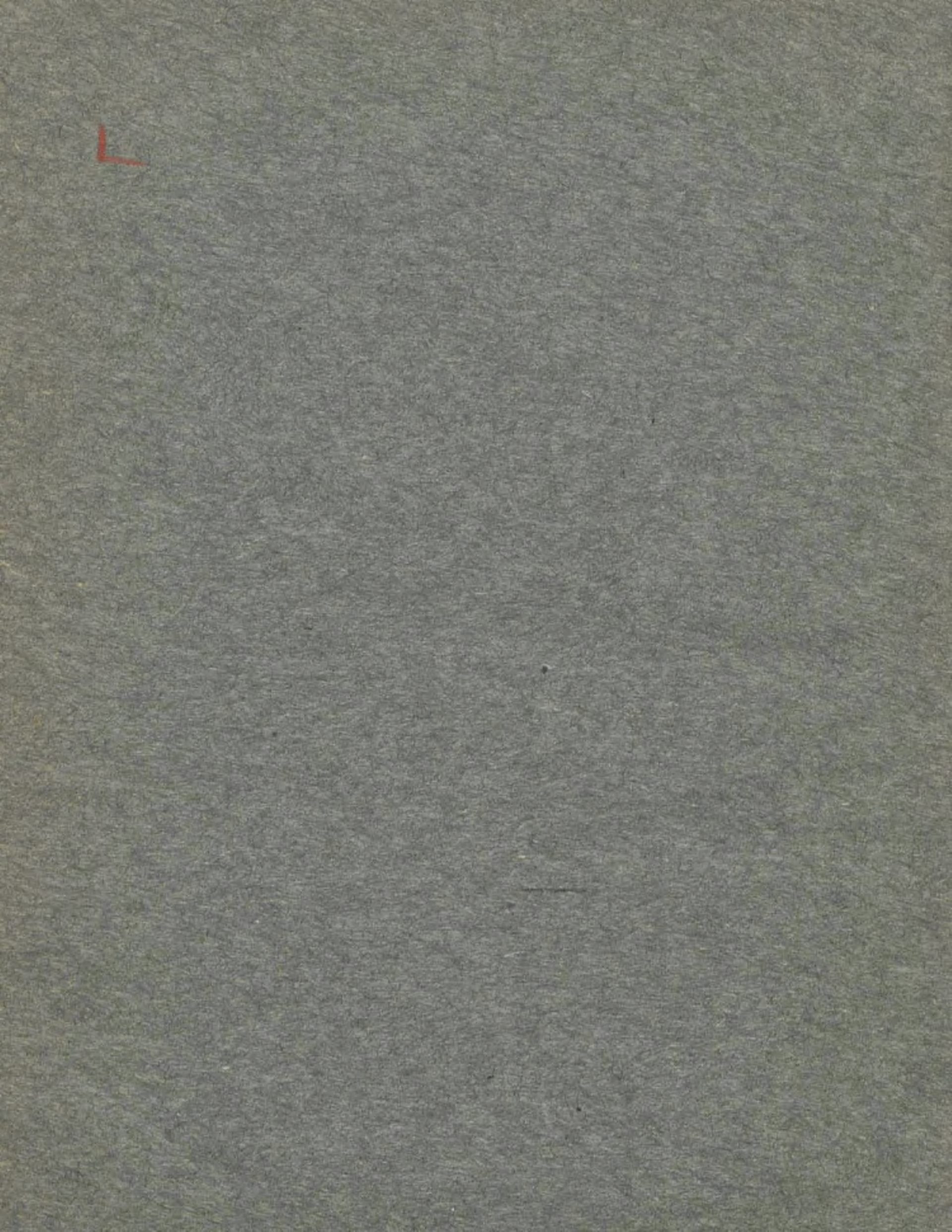
Полный переводъ съ англійскаго, съ дополненіями, д-ра медиц. **А. Головина.**

Большой томъ съ многочисленными иллюстраціями.

СОДЕРЖАНІЕ: Введеніе. 1. Спорный вопросъ научнаго характера.— 2. Краткій обзоръ другого изумительнаго спорнаго вопроса.—3. Флагелляція у евреевъ.—4. Флагелляція у римлянъ.—5. Флагелляція въ храмахъ.—6. Флагелляція у кармелитовъ.-7. Флагелляція у траппистовъ и другихъ монашескихъ орденовъ (монаховъ и монашенокъ).—8. Флагелляція у францисканцевъ и у подобныхъ имъ орденовъ.—9. Флагелляція у картезіанскихъ монаховъ.— 10. Флагелляція у доминиканцевъ въ связи съ инквизиціей.—11. Флагелляція у іезуитовъ.—12. екта флагеллянтовъ.—13. Флагелляпты (продолженіе).— 14. Корнелій Гадринъ и тѣлесныя наказанія.—15. Знаменитое дѣло монаха Жирарда и миссъ Кадиръ.—16. Наказаніе розгами.—17. Наказаніе розгами уголовныхъ и политическихъ преступниковъ.—18. Наказаніе розгами воришекъ и карманниковъ.—19. Судебныя и церковныя наказанія въ Шотландіи.— 20. Флагелляція въ Шотландіи (продолженіе).—21. Наказанія розгами въ тюрьмахъ.—22. Пресловутыя цѣлебныя и медицинскія свойства розги.—23. Небесное наказаніе.—24. Наказаніе розгами на востокѣ.—25. Розга въ одномъ изъ восточныхъ государствъ.—26. Кнутъ. Розга въ Россіи.—27. Грустная исторія монашенокъ въ М.—28. Флагелляція въ Африкѣ.—29. Флагелляція въ Америкѣ.—30. Экзекуція рабовъ.—31. Флагелляція во Франціи.—32. Флагелляція во Франціи (продолженіе).—33. Розга въ Германіи и въ Голландіи.— 34. Наказанія въ войскахъ.—35. Военныя наказанія. Экзекуція въ Зомервилѣ.—36. Тѣлесныя наказанія во флотѣ.—37. О домашнемъ сѣченіи за границей.—38. Анекдоты о розгѣ въ семьѣ.—39. Выдержки изъ дневника аристократки.—40. Воспитаніе въ англійской школѣ для бѣдныхъ сто лѣтъ тому назадъ.—41. Школьныя наказанія.—42. Еще анекдоты о наказаніяхъ молодыхъ дѣвушекъ.—44. Корреспонденціи о наказаніи розгами въ журналѣ „Family Herald"—45. Розга въ будуарѣ.—46. Инструменты и приспособленія для сѣченія.—47. Пѣснь о розгѣ.—48. Антологія розги.—49. Эксцентричный и другой флагеллянтизмъ.

ЦѢНА **1** р. **50** к., НА ВЕЛЕНЕВОЙ БУМАГѢ **1** р. **80** к., переплеты по **40** к.

Большой выборъ книгъ для подарка дѣтямъ въ роскошныхъ переплетахъ, дешевыя изданія для народа и школъ, одобренныя учен. комит. министр. народн. просвѣщ.



2007466547